

Антропология

А. Л. Крёбер

ANTHROPOLOGY

By

A. L. KROEBER



NEW YORK
HARCOURT, BRACE AND COMPANY

The Project Gutenberg eBook of Anthropology

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой книге или на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Антропология

Автор: A. L. Kroeber

Дата выхода: 7 октября 2023 года [eBook #71827].

Язык: Английский

Оригинальное издание: New York: Harcourt, Brace, & Co, 1923

Кредиты: Тим Линделл и группа онлайн-распределенной корректуры на сайте <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных The Internet Archive/American Libraries).

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK ANTHROPOLOGY ***

АНТРОПОЛОГИЯ

A. L. KROEBER



НЬЮ-ЙОРК
ХАРКОРТ, БРЕЙС И КОМПАНИЯ

COPYRIGHT, 1923, BY HARCOURT, BRACE AND COMPANY, INC.

НАПЕЧАТАНО В США КОМПАНИЕЙ "КУИНН И БОДЕН
RAHWAY, N. J.

ПРЕДИСЛОВИЕ

При подготовке глав II, III и VI этой книги я использовал учебный план Калифорнийского университета "Три очерка о древности и расах человека"; для главы VII - статью

"Наследственность, среда и цивилизация" в журнале "Американский музей" за 1918 год; а в главе V использованы некоторые отрывки из статьи "Языки американских индейцев" из научно-популярного ежемесячника за 1911 год. В каждом случае имела место ревизия и, по большей части, переписывание.

Каким бы качеством ясности ни обладал этот том, он обязан нескольким тысячам юношей и девушек, с которыми я был связан в течение многих лет в Калифорнийском университете. Без их невольного, но реального соавторства книга, возможно, никогда не была бы написана, или, несомненно, была бы написана менее просто.

А. Л. К.

Беркли, Калифорния, 22 января 1923 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА	СТРАНИЦА
I. Сфера применения и характер антропологии	1
1. Антропология, биология, история.-2. Органические и социальные элементы.-3. Физическая антропология.-4. Культурная антропология.-5. Эволюционные процессы и эволюционистские фантазии.-6. Эпоха антропологической науки.	11
II. Ископаемый человек	11
7. Недостающее звено. 8. Родословная приматов.-9. Геологическое и ледниковое время.-10. Место возникновения и развития человека.-11. Pithecanthropus.-12. Гейдельбергский человек.-13. Пилтдаунская форма.-14. Неандертальский человек.-15. Родезийский человек.-16. Кроманьонская раса.-17. Бруннская раса.-18. Раса Гримальди: Неолитические расы.-19. Метрическое выражение человеческой эволюции.	34
III. Живые расы	34
20. Происхождение рас.-21. Классификация рас.-22. Признаки, на которых основывается классификация.-23. Великое разделение или первичные запасы.-24. Кавказские расы.-25. Монголоидные расы.-26. Негроидные расы.-27. Народы сомнительного положения.-28. Континенты и океаны.-29. История расовых классификаций.-30. Возникновение трехчастной классификации.-31. Другие классификации.-32. Принципы и выводы, общие для всех классификаций.-33. Раса, национальность и язык.	58
IV. Проблемы расы	58
34. Вопросы наделенности и их обоснованность.-35. План исследования.-36. Анатомические доказательства эволюционного ранга.-37. Сравнительные физиологические данные.-38. Болезни.-39. Причины заболеваемости раком.-40. Умственные достижения и социальная среда.-41. Психологические тесты на способности к восприятию.-42. Тесты интеллекта.-43. Статус гибридов.-44. Доказательства из культурной летописи рас.-45. Эмоциональная предвзятость.-46. Резюме.	

47. Языковые отношения: речевая семья.-48. Критерии родства.-49. Звуковые эквиваленты и фонетические законы.-50. Основные речевые семьи.-51. Классификация языков по типам.-52. Постоянство языка и расы.-53. Биологическая и историческая природа языка.-54. Проблемы соотношения языка и культуры.-55. Период возникновения языка.-56. Культура, речь и национальность.-57. Относительная ценность языков.-58. Размер словарного запаса.-59. Качество звуков речи.-60. Диффузия и параллелизм в языке и культуре.-61. Конвергентные языки.-62. Бессознательные факторы в языке и культуре.-63. Лингвистические и культурные стандарты.-64. Быстрота языковых изменений.

VI. Зарождение человеческой цивилизации

137

65. Окаменелости тела и разума.-66. Камень и металлы.-67. Старый и новый каменные века.-68. Эолит.-69. Палеолит: продолжительность, климат, животные.-70. Подразделения палеолита.-71. Расовые типы человека в палеолите.-72. Кремневые орудия палеолита.-73. Другие материалы: кость и рог.-74. Одежда.-75. Гарпуны и оружие.-76. Деревянные орудия.-77. Огонь.-78. Дома.-79. Религия.-80. Палеолитическое искусство.-81. Итоги продвижения в палеолите.

VII. Наследственность, климат и цивилизация

180

82. Наследственность.-83. Географическая среда.-84. Диета.-85. Сельское хозяйство.-86. Культурные факторы.-87. Культурное распределение.-88. Историческая индукция.

VIII. Диффузия

194

89. Кувад.-90. Пословицы.-91. Географическое распространение.-92. Волшебный полет.-93. Легенды о наводнениях.-94. Двуглавый орел.-95. Зодиак.-96. Меры.-97. Гадание.-98. Табак.-99. Миграции.

IX. Параллели

216

100. Общие замечания.-101. Культурный контекст.-102. Универсальные элементы.-103. Вторичный параллелизм в индоевропейских языках.-104. Текстильные узоры и процессы.-105. Первичный параллелизм: зарождение письменности.-106. Отсчет времени.-107. Масштаб и шаг труб Пана.-108. Бронза.-109. Ноль.-110. Экзогамические институты.-111. Параллели и психология.-112. Ограничения принципа параллелизма.

X. Арка и неделя

241

113. Домостроение и архитектура.-114. Проблема пролетных строений.-115. Колонна и балка.-116. Колончатая арка.-117. Истинная арка.-118. Вавилонское и этрусское начало.-119. Римская арка и купол.-120. Средневековые соборы.-121. Арабы: Индия: современная архитектура.-122. Неделя: священные числа.-123. Вавилонское открытие планет.-124. Греческий и египетский вклад: астрологическая комбинация.-125. Названия дней и субботы.-126. Неделя в христианстве, исламе и восточной Азии.-127. Краткие сведения о распространении.-128. Месяц-третий и рыночная неделя.-129. Високосные дни как параллели.

XI. Распространение алфавита

263

130. Виды письма: пиктографическое и смешанное фонетическое.-131.

Недостатки переходных систем.-132. Аббревиация и конвенционализация.-133. Предположительное происхождение переходных систем.-134. Фонетическое письмо: примитивный семитский алфавит.-135. Греческий алфавит: изобретение гласных.-136. Медленность изобретения.-137. Римский алфавит.-138. Буквы как числовые знаки.-139. Реформа учреждений.-140. Шестая и седьмая буквы.-141. Хвост алфавита.-142. Прописные буквы и минускулы.-143. Консерватизм и рационализация.-144. Готика.-145. Иврит и арабский язык.-146. Распространение на восток: письменность Индии.-147. Слоговые тенденции.-148. Ост-Индия: Филиппинские алфавиты.-149. Северная Азия: конфликт систем в Корее.

XII. Рост примитивной религии

293

150. Региональные различия культуры.-151. Равнины, юго-запад, северо-запад.-152. Калифорния и ее подрайоны.-153. Формирование проблемы.-154. Обряд отрочества у девочек.-155. Первый период.-156. Второй период: Годовщина траура и обряд первого лосося.-157. Эпоха региональной дифференциации.-158. Третий и четвертый периоды в Центральной Калифорнии: Куксу и Хеси.-159. Третий и четвертый периоды в Южной Калифорнии: Джимсонвид и Чунгихниш.-160. Третий и четвертый периоды на нижнем Колорадо: Поющие сны.-161. Северо-западная Калифорния: возрождение мира и демонстрация богатства.-162. Резюме религиозного развития.-163. Другие фазы культуры.-164. Набросок истории культуры Калифорнии.-165. Вопрос датировки.-166. Свидетельства археологии.-167. Возраст раковинных курганов.-168. Общая пригодность метода.

XIII. История цивилизации в коренной Америке

326

169. Обзор метода исследования культуры.-170. Ограничения принципа диффузии.-171. Ранжирование культур.-172. Культурные аномалии.-173. Экологические соображения.-174. Зоны культуры.-175. Диаграммное представление накопления и распространения черт культуры.-176. Репрезентация, показывающая современность, и нарративная репрезентация.-177. Расовое происхождение американских индейцев.-178. Время заселения Америки.-179. Языковая диверсификация.-180. Примитивная культура переселенцев.-181. Маршрут проникновения в западное полушарие.-182. Распространение по двум континентам.-183. Возникновение среднеамериканской культуры: кукуруза.-184. Табак.-185. Последовательность социальных институтов.-186. Возникновение политических институтов: конфедерация и империя.-187. Развитие ткачества.-188. Прогресс в прядении: хлопок.-189. Текстильная одежда.-190. Культы: Шаманизм.-191. Кризисные обряды и инициации.-192. Тайные общества и маски.-193. Жречество.-194. Храмы и жертвоприношения.-195. Архитектура, скульптура, города.-196. Металлургия.-197. Календари и астрономия.-198. Письменность.-199. Развитие нескольких провинций: Мексика.-200. Андский регион.-201. Колумбия.-202. Тропический лес.-203. Патагония.-204. Северная Америка: Юго-Запад.-205. Юго-Восток.-206. Северная лесистая местность.-207. Равнины.-208. Северо-западное побережье.-209. Северные окраинные районы.-210. Поздние азиатские влияния.

XIV. Рост цивилизации: Предыстория и археология Старого Света

393

211. Источники знаний.-212. Хронология крупных подразделений истории культуры.-213. Нижний и верхний палеолит.-214. Расовое влияние и

региональная дифференциация в нижнем палеолите.-215. Рост культуры и расы в верхнем палеолите.-216. Последствия палеолита: Азия.-217. Неолит: его ранняя фаза.-218. Керамика и лук.-219. Костяные орудия.-220. Собака.-221. Тесаный топор.-222. Полный неолит.-223. Происхождение одомашненных животных и растений.-224. Другие черты полного неолита.-225. Бронзовый век: Медная и Бронзовая фазы.-226. Черты, связанные с бронзой.-227. Железо.-228. Первое использование и распространение железа.-229. Периоды Гальштадта и Ла Тена.-230. Резюме развития: Региональная дифференциация.-231. Скандинавский регион как пример.-232. Поздний палеолит Ансиль или Маглемозский период.-233. Ранний неолит Литорины или Кухонный период.-234. Полный неолит и его подразделения в Скандинавии.-235. Бронзовый век и его периоды в Скандинавии.-236. Проблемы хронологии.-237. Принципы доисторического распространения культуры.

XV. Рост цивилизации: История и этнология Старого Света

440

238. Ранний очаг.-239. Египет и Шумер и их происхождение.-240. Преддинастический Египет.-241. Рост культуры в династическом Египте.-242. Развитие Шумера.-243. Шумерская глубинка.-244. Приход семитов и индоевропейцев.-245. Иранские народы и культуры.-246. Составная культура Ближнего Востока.-247. Финикийцы, арамейцы, евреи.-248. Другие народности, внесшие свой вклад.-249. Эгейская цивилизация.-250. Европа.-251. Китай.-252. Рост и распространение китайской цивилизации.-253. Лолосы.-254. Корея.-255. Япония.-256. Центральная и Северная Азия.-257. Индия.-258. Индийские касты и религия.-259. Отношения между Индией и внешним миром.-260. Индо-Китай.-261. Океания.-262. Ост-Индия.-263. Меланезия и Полинезия.-264. Австралия.-265. Тасмания.-266. Африка.-267. Египетские излучения.-268. Влияние других культур.-269. Бушмены.-270. Западноафриканский культурный ареал и его значение.-271. Цивилизация, раса и будущее.

Указатель

507

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ФИГУРА	СТРАНИЦА
1. Происхождение человека: диаграмма	12
2. Происхождение человека, подробное описание	14
3. Сошествие человека в деталях, согласно Григорию	16
4. Сошествие человека в деталях, согласно Киту	17
5. Древность человека: диаграмма	20
6. Наложение контуров ископаемого и современного черепа	25
7. Измерения, выполненные на ископаемых черепах	31
8. Взаимоотношения рас: диаграмма	47
9. Родословное древо человеческих рас	48
10. Карта: распределение первичных расовых запасов	50
11. Карта: циркумполярное распределение рас	51

12.	Карта: языковые семьи Азии и Европы	(лицевая сторона) 94
13.	Карта: языковые семьи Африки	97
14.	Карта: основные языковые семьи Северной Америки	99
15.	Карта: основные языковые семьи Южной Америки	101
16.	Карта: типовые станции эпохи палеолита	153
17.	Древнейшая предыстория Европы: диаграмма	156
18.	Кремневые орудия эпохи палеолита, иллюстрирующие основные техники	159
19.	Кремневый стержень с собранными отщепами	163
20.	Ауриньякская скульптура: человеческая фигура	173
21.	Магдаленская скульптура: лошадь	174
22.	Магдаленская гравюра с изображением мамонта	175
23.	Магдаленская гравюра стада	176
24.	Магдаленская гравюра с изображением пасущегося оленя	177
25.	Рост цивилизации в эпоху палеолита: диаграмма	178
26.	Распространение и история культуры на Юго-Западе: диаграмма	191
27.	Карта: распространение сказки о волшебном полете	201
28.	Символы майя для обозначения нуля	230
29.	Карта: типы экзогамных учреждений в Австралии	233
30.	Карта: распространение алфавитной письменности	(лицевая сторона) 284
31.	Карта: культурные ареалы коренной Калифорнии	297
32.	Карта: рост ритуалов в коренной Калифорнии	308
33.	Распределение элементов культуры, указывающее на их историю: диаграмма	328
34.	Карта: культурные районы Америки	337
35.	Встречаемость элементов в культурах-районах Америки: диаграмма	(лицевая сторона) 340
36.	Развитие американской цивилизации во времени, по Спиндену: диаграмма	(лицевая сторона) 342
37.	Карта: Европа в раннем нижнем палеолите	399
38.	Карта: Европа в Ауриньяке и Нижнем Капсиане	401
39.	Карта: Европа в солютрейском, магдаленском и верхнекапсийском периодах	403
40.	Карта: Европа в азильском и терминальном капсийском периодах	409
41.	Доисторические купола в Греции, Португалии и Ирландии	420
42.	Рост и распространение доисторической цивилизации в Европе, по Мюллеру: диаграмма	436

АНТРОПОЛОГИЯ

ГЛАВА I

СФЕРА ПРИМЕНЕНИЯ И ХАРАКТЕР АНТРОПОЛОГИИ

1. Антропология, биология, история.-2. Органические и социальные элементы.-3. Физическая антропология.-4. Культурная антропология.-5. Эволюционные процессы и эволюционистские причуды.-6. Эпоха антропологической науки.

1. Антропология, биология, история

Антропология - это наука о человеке. Это широкое и буквальное определение приобретает больше смысла, если его расширить до "науки о человеке и его делах". Но даже в этом случае оно может показаться неоднородным и слишком всеобъемлющим. Продукты человеческого разума отличаются от тела. И эти продукты, так же как и человеческое тело, являются предметами твердо установленных наук, что, казалось бы, не оставляет места для антропологии, разве что в качестве менее организованного дублирования. Обычная политическая история, экономика, литературная критика и история искусства занимаются делами и поступками человека; биология и медицина изучают его тело. Очевидно, что эти различные отрасли знаний не могут быть низведены до положения простых подразделений антропологии и возведены в ранг своего рода холдинговой корпорации для них. Должна существовать какая-то определенная и работоспособная взаимосвязь.

Один из вариантов такого соотношения в определенной степени повторяет ход развития антропологии по мере того, как она обретала самосознание и признание. Биология, медицина, история, экономика - все они обрабатывали свои области знаний в XIX веке, некоторые из них уже давно были заняты, когда антропология робко вышла на сцену и начала возделывать уголок здесь и участок там. Она изучала некоторые из самых особенных и неутилитарных аспектов человеческого тела: форму головы, цвет лица, структуру волос, различия между одной разновидностью человека и другой - моменты, имеющие ничтожное значение для медицины и представляющие довольно узкий интерес в сравнении с широкими принципами, которые биология пыталась установить и укрепить как наука обо всем живом. Так и исторические науки выбрали наиболее удобные и плодотворные темы. Антропология скромно обратила свое внимание на народы без записей, на истории без заметных событий, на чуждые институты и изобретения, находящиеся в зачаточном состоянии, на языки, на которых никогда не было письменности.

Однако очевидно, что разнородные остатки нескольких наук никогда не смогут свариться в организованный и полезный свод знаний. Дилетант, коллекционер странностей, любящий бессвязность, может довольствоваться тем, что сегодня наблюдает за раздуванием ноздрей негра, завтра - за хитросплетением приставок, связывающих его слова в предложения, послезавтра - за его попытками уничтожить врага, вбивая гвозди в деревянного идола. Наука становится таковой только тогда, когда учится находить взаимосвязи и смысл в фактах. Если бы антропология довольствовалась интересом к монгольскому глазу, карликовости негритосов, бывшей родине полинезийской расы, табу на разговор со свекровью, ритуалам вызывания дождя и прочим экзотическим и вытесненным суевериям, она заслуживала бы не больше внимания, чем чердак антиквара. Как соработник на строительстве здания более

полного понимания, антропология должна найти себе более достойную задачу, чем заполнение обломками временно пустующих мест в кладке, которую возводят науки.

Другой способ, с помощью которого можно представить себе предмет антропологии, заключается в том, что это не настолько обширный предмет, чтобы включать в себя все человеческое, и не не востребуемые остатки других наук, а скорее какой-то конкретный аспект человеческих явлений. Если такой аспект существует, антропология подтверждает свое единство и достигает целостности цели.

2. Органические и социальные элементы

На вопрос, почему луизианский негр черный и толстогубый, ответ готов. Он родился таким. Как у собак рождаются щенки, а у львов - львята, так и негр происходит от негра, а кавказец - от кавказца. Мы называем действующую силу наследственностью. Тот же негр, как известно, ленив, легко справляется со своей работой. Является ли это тоже врожденным качеством? Навскидку большинство из нас ответит: Да. Он поет за своей кукурузной мотыгой чаще, чем белый человек через забор. Это тоже связано с наследственностью? "Конечно, он создан для этого", - был бы обычный ответ; "Возможно, почему бы и нет?" - более осторожный. Но сейчас наш негр поет Suwanee River, которую его прадед в Африке, несомненно, не пел. Что касается конкретной песни, то наследственность, очевидно, уже не является причиной. Наш негр мог научиться ей от дяди, возможно, от своих школьных товарищей; он мог приобрести ее от людей, не являющихся его предками, приобрести ее как часть своих обычаев, как членство в баптистской церкви, ношение комбинезонов и тысячи других вещей, которые приходят к нему извне, а не изнутри. В эти моменты наследственность вытесняется традицией, природа - воспитанием, если воспользоваться знакомой поговоркой. Действующие силы теперь совсем другие, чем те, что сделали его кожу черной, а губы толстыми. Это причины другого порядка.

Особая песня негра и его цвет лица представляют собой крайние точки в этом вопросе. Между ними находятся лень и склонность к мелодичности. Очевидно, что эти черты также могут быть результатом человеческого примера, социальной среды, современной традиции. Есть и те, кто так считает, и те, кто видит в них лишь следствия врожденного биологического импульса. Возможно, эти промежуточные сомнительные черты являются результатом смешения природы и воспитания, причем сила каждого фактора варьируется в зависимости от рассматриваемой черты или индивида. Очевидно, что в любом случае здесь есть место для споров и доказательств. Существует реальная проблема. Эту проблему не могут решить только исторические науки, поскольку они не занимаются вопросами наследственности. Не может ее решить и биология, которая имеет дело с наследственностью и сопутствующими факторами, но не оперирует небиологическим принципом традиции.

Таким образом, перед антропологией стоит особая задача и место под солнцем: интерпретация тех феноменов, в которых присутствуют как органические, так и социальные причины. Распутывание, определение и примирение этих двух групп сил - вот что такое антропология. Они составляют, за что бы она ни бралась, фокус ее внимания и конечную цель. Ни одна другая наука не занималась решением этого комплекса проблем в качестве своей главной цели. Антропология также пока не может предложить много решений. Можно сказать, что она скорее расчистила почву от кустарника, чем начала валить дерево. Но, выражаясь терминологией науки, она, по крайней мере, определила свою проблему.

Чтобы справиться с этим взаимодействием естественного и питательного, органического и социального, антропология должна знать что-то об органическом как таковом и о

социальном как таковом. Она должна быть способна с уверенностью распознать их, прежде чем приступит к их анализу и ресинтезу. Поэтому она должна поддерживать тесный контакт с органическими и социальными науками, соответственно, с "биологией" и "историей", и черпать из их вклада в знания всю возможную помощь. До настоящего времени значительная часть работы антропологии заключалась в том, чтобы получить плоды деятельности этих родственных наук и применить их в своих целях; или, если необходимые биологические и исторические данные были недоступны, получить их.

3. Физическая антропология

Органические науки лежат в основе социальных. Они более непосредственно "естественны". Поэтому антропология нашла в биологии ценные общие принципы: законы наследственности, доктрины развития и эволюции клеток, например, основанные на фактах из всего спектра жизни. Ее задачей было выяснить, насколько эти принципы применимы к человеку, какие формы они принимают в его конкретном случае. Это означает концентрацию внимания, разработку специальных методов исследования. Многие биологические проблемы, включая большинство физиологических и наследственных, могут быть наиболее эффективно решены в лаборатории или, по крайней мере, в экспериментальных условиях. Однако этот метод редко применим к человеку, которого обычно приходится наблюдать таким, какой он есть. Явления, касающиеся человека, приходится принимать по мере их поступления, кропотливо отсеивать и переотсеивать впоследствии, а не искусственно упрощать заранее, как при экспериментальном методе. Кроме того, поскольку антропология работала в узких рамках одного вида, она была вынуждена заниматься мельчайшими признаками, такими, которые редко волнуют зоолога: пропорции длины и ширины черепа - знаменитый цефалический индекс, например; количество градусов, на которое вывернуты кости рук, и тому подобное. Кроме того, поскольку эти данные должны были использоваться в грубой форме, не изменяемой искусственно, необходимо было получить их от всех возможных разновидностей людей, различных рас, полов, возрастов и их ближайших животных аналогов. В результате биологическая или физическая антропология - "соматология", как ее иногда называют в англосаксонских странах, и просто "антропология" в континентальной Европе - отчасти стала своего рода специализацией или заострением общей биологии и в значительной степени погрузилась в определенные конкретные явления и методы их изучения, о которых общие биологи, физиологи, палеонтологи и студенты медицины обычно осведомлены лишь смутно.

4. Культурная антропология

Исторические, или социальные, науки вытесняют органические. Тело и природный инвентарь человека - это память о его делах и достижениях, передаваемая традицией, первичной для его культуры или цивилизации. Поэтому отношение антропологии к историческим наукам было в некотором смысле противоположным ее отношению к биологическим наукам. Вместо того чтобы специализироваться, антропология была занята попытками обобщить результаты истории. Историки не могут экспериментировать. Они имеют дело с конкретным, с уникальным, ведь в той или иной степени каждое историческое событие имеет что-то беспрецедентное. Они могут рисовать широкие картины, но они не устанавливают точных законов.

Кроме того, история неизбежно начинается с интереса к настоящему и к самим себе. По мере того, как она уходит в прошлое и охватывает совершенно чужие народы, ее интерес ослабевает, а материалы становятся скудными и ненадежными. Для человека считается полезным знать, что Наполеон был корсиканцем и потерпел поражение при Ватерлоо в 1815

году, но довольно педантичным является знание того, что Ши Хван-ти родился на северо-западе Китая и объединил Китай в 221 году до нашей эры. С теоретической или общей точки зрения, однако, один из этих фактов предположительно так же важен, как и другой, поскольку если мы хотим узнать принципы, которые лежат в основе формирования человеческой социальной жизни или цивилизации, Китай имеет такое же значение, как и Франция, а древнее прошлое - такое же, как и близкое настоящее. На самом деле, иностранное и старое, скорее всего, будет исследоваться теоретически мыслящими людьми с еще большим усердием, поскольку они могут дать совершенно новые ключи к пониманию, в то время как предметы обычной истории уже настолько изучены, что надежд на то, что из них можно извлечь новые выводы, остается все меньше.

Вот, таким образом, причина кажущейся увлеченности социальной или культурной антропологии древними и дикими, экзотическими и вымершими народами: желание лучше понять все цивилизации, независимо от времени и места, абстрактно или в виде обобщенного принципа, если это возможно. Не то, что пещерные люди более познавательны, чем римляне, или кремневые ножи более интересны, чем тонкий фарфор или искусство книгопечатания, заставило антропологию так сильно увлечься первыми, а то, что она хотела знать о пещерных людях и кремневых ножах так же хорошо, как о римлянах и печатных станках. Было бы нерационально предпочитать первое второму, и антропология никогда не принимала решение, которое иногда молчаливо выносится, что ее собственная область - это примитив как таковой. С таким же успехом зоология могла бы ограничить свой интерес яйцами или простейшими. Возможно, правда, что многие исследования ранней и дикой истории возникли на основе эмоционального пристрастия к забытому или забытому, неясному и странному, неожиданному и загадочному. Но такие случайные личные эстетские тенденции не могут ограничивать диапазон науки или определять ее цели и методы. Бесчисленные историки были заядлыми сплетниками. Поэтому не стоит настаивать на том, что единственным подходящим предметом истории являются интимные отношения на заднем дворе.

Именно этим объясняется особое развитие тех подразделений антропологии, которые известны как археология - "наука о старом" в истории человечества, особенно в том виде, в каком она раскрывается при раскопках мест доисторического обитания; и этнология - "наука о народах", независимо от степени их развития^[1].

5. Эволюционные процессы и эволюционистские фантазии

В своих элементарных аспектах две нити - органическая и социальная, или наследственная и экологическая, как их обычно называют применительно к индивидуумам, - проходят через всю человеческую жизнь и различимы как механизмы, так и результаты. Так, сравнение приобретения силы полета птицами в ходе их органического развития из предкового стебля рептилий миллионы лет назад и людьми в результате культурного прогресса в области изобретательства в течение жизни последнего поколения сразу же выявляет глубокие различия процессов, которые заложены в двусмысленном понятии "эволюция". Птица отказалась от пары ходильных конечностей, чтобы приобрести крылья. Он добавил новую способность, преобразовав часть старой. Сумма его частей или органов не стала больше, чем прежде. Изменения передавались только кровным потомкам измененных особей. Линия рептилий продолжалась, как и прежде, а если и изменялась, то по причинам, не связанным с эволюцией птиц. Аэроплан же, напротив, дал людям новую способность, не нарушив ни одной из тех, которыми они обладали ранее. Он не привел ни к видимым телесным

изменениям, ни к изменениям умственных способностей. Изобретение было передано отдельным людям и группам, не происходящим по наследству от изобретателей; фактически, оно уже повлияло на их карьеру. Теоретически оно может быть передано предкам, если они еще живы. В общем, оно представляет собой скорее пополнение запасов существующей культуры, чем ее преобразование.

Если понять широкие последствия этого различия, которое иллюстрирует данный пример, можно избежать многих распространенных ошибок. Например, программа евгеники теряет свою силу. Безусловно, можно многое сказать в пользу интеллекта и дискриминации при спаривании, как и во всем остальном. Необходимо получить более точные знания о наследственности человека. Но, по большому счету, утверждения, которые иногда делаются, что евгеника необходима для сохранения цивилизации от распада или для поддержания процветания той или иной национальности, основаны на ошибочности признания действующими только органических причин, когда активны как социальные, так и органические - когда действительно социальные факторы могут быть гораздо более сильными. Таким образом, в так называемых расовых проблемах среднестатистическая мысль все еще рассуждает от социальных последствий к органическим причинам и, возможно, наоборот. Антропология еще ни в коем случае не в состоянии указать, где проходит граница между органическими и социальными причинами таких явлений. Но она придерживается принципа их принципиального различия и важности этого различия, если целью является истинное понимание. Без уверенного понимания этого принципа многие аргументы и выводы, представленные в настоящем томе, потеряют свою значимость.

Соответственно, определение антропологии как "дитя Дарвина" вводит в заблуждение. Основное достижение Дарвина заключалось в том, что он представил и обосновал с помощью множества косвенных доказательств механизм, с помощью которого, как представляется, происходит органическая эволюция. Однако вся история человека - это нечто большее, чем органическая материя, и чистая дарвиновская антропология была бы в значительной степени неправильным применением биологии. С таким же успехом можно говорить о коперниканской или ньютоновской антропологии.

Большое влияние на антропологию, в основном во вред ей, оказал не дарвинизм, а смутная идея эволюции, органическому аспекту которой Дарвин придал такое содержание, что вся группа эволюционистских идей с тех пор пышно расцвела. В социальной антропологии стало обычной практикой "объяснять" любую часть человеческой цивилизации, выстраивая несколько ее форм в эволюционной последовательности от низшей к высшей и позволяя каждой последующей стадии спонтанно вытекать из предыдущей - иными словами, без конкретной причины. В основе своей эта логическая процедура была поразительно наивной. Мы, жители нашей страны и нашего времени, стояли на вершине восхождения в этих схемах. Поэтому все, что казалось наиболее отличным от наших обычаев, считалось самым ранним, а другие явления располагались там, где они лучше всего способствовали ровному подъему вверх. Относительная встречаемость явлений во времени и пространстве игнорировалась в пользу их логического вписывания в план. Утверждалось, что, поскольку мы придерживаемся определенно моногамного брака, начало человеческих сексуальных союзов, вероятно, лежит в беспорядочной распущенности. Поскольку мы отдаем предпочтение происхождению от отца и, как правило, знаем его, раннее общество, должно быть, считало происхождение от матери, и никто не знал своего отца. Мы ненавидим кровосмешение, поэтому самые примитивные мужчины обычно женились на своих сестрах. Таковы примерные выводы или предположения классической эволюционистской школы антропологии, в реестр которой входили одни из самых известных имен в этой науке. Нет

нужды говорить, что эти люди компенсировали грубость своих суждений широкими знаниями, остротой или очарованием изложения, а также частой пронизательностью и здравым смыслом в конкретных вопросах. В их время, поколение или два назад, под чарами концепции эволюции в ее первом расцвете, такие методы рассуждения были почти неизбежны. Сегодня же они давно обветшали, превратились в материал для газетной науки или пустых спекуляций и свидетельствуют о тенденции к легкому самодовольству, когда человек чувствует себя выше всего прошлого. Эти способы мышления упомянуты здесь лишь в качестве примера того, что затуманивает сознание, когда биологически обоснованные концепции переносятся в сферу истории или рассматриваются как разворачивающиеся в соответствии с простым планом прогресса.

6. Эпоха антропологической науки

Из вышеизложенного станет ясно, почему антропология считается одной из самых новых наук, почему ее кафедры немногочисленны, а места в учебных программах разрозненны. Как организованная наука, со своей программой и методом, она неизбежно появилась недавно, потому что не могла возникнуть до тех пор, пока биологические и социальные науки не достигли достаточно организованного развития, чтобы вступить в серьезный контакт.

С другой стороны, как неметодичная совокупность знаний, как интерес, антропология, несомненно, является одной из старейших среди сестринских наук. Как может быть иначе, если люди интересовались друг другом не меньше, чем звездами, горами, растениями и животными? Каждый дикарь - немного этнолог по соседним племенам и знает легенду о происхождении человечества. Геродот, "отец истории", посвятил половину из своих девяти книг чистой этнологии, а Лукреций, несколькими столетиями позже, пытался решить философской дедукцией и поэтическим воображением многие из тех же проблем, на которые современная антропология более осторожно нападает методами науки. Ни в химии, ни в геологии, ни в биологии не было столь серьезного интереса, как в антропологии, пока не прошло почти две тысячи лет после этих древних.

На последующих страницах будут определены центральные проблемы антропологии, касающиеся соотношения органических и культурных факторов в человеке, и предложены решения в той мере, в какой они представляются обоснованными. По обе стороны от этой цели, однако, простирается целый ряд более или менее достоверных формулировок, из которых будут рассмотрены некоторые наиболее важные. Если говорить об органической стороне, то рассмотрение будет в основном сводиться к фактам; в сфере культуры процессы могут быть проиллюстрированы, в соответствии с тем, что антропология опирается на биологическую и лежит в основе чисто исторической науки.

ГЛАВА II ИСКОПАЕМЫЙ ЧЕЛОВЕК

7. Недостающее звено". 8. Родословная приматов.-9. Геологическое и ледниковое время.-10. Место возникновения и развития человека.-11. Pithecanthropus.-12. Гейдельбергский человек.-13. Пилтдаунская форма.-14. Неандертальский человек.-15. Родезийский человек.-16. Кроманьонская раса.-17. Бруннская раса.-18. Раса Гримальди: Неолитические расы.-19. Метрическое выражение человеческой эволюции.

7. Недостающее звено"

Ни у одного современного зоолога нет ни малейшего сомнения в общем факте органической эволюции. Следовательно, антропологи берут за отправную точку веру в происхождение человека от какой-то другой животной формы. Не вызывает сомнений и то, где в общих чертах следует искать происхождение человека. Он - млекопитающее, тесно связанное с другими млекопитающими, и, следовательно, произошел от какого-то вида млекопитающих. Его происхождение можно определить еще более точно. Млекопитающие делятся на несколько достаточно четких групп, таких как плотоядные, копытные, грызуны, киты и некоторые другие. Высшая из этих групп млекопитающих, как принято считать, - приматы, или "первый" порядок животного царства. В эту группу приматов входят различные обезьяны, приматы и человек. Таким образом, предков человеческой расы следует искать где-то в ряду приматов, в прошлом или настоящем.

Популярное, но неточное выражение этого научного убеждения гласит: "Человек произошел от обезьян", но в цепи происхождения было утеряно одно звено - знаменитое "недостающее звено". В общих чертах это утверждение отражает современное научное мнение, но оно, конечно, отчасти ошибочно. Вероятно, сегодня ни один авторитет не утверждает, что человек произошел от какого-либо ныне живущего вида обезьян. То, в чем за последние шестьдесят лет все больше и больше убеждаются студенты, было предрешиено еще Дарвином: а именно, что человек и обезьяны произошли от общего предка. Этот общий предок может быть описан как примитивный примат, который во многих деталях отличался как от обезьян, так и от человека, и который, вероятно, уже давно вымер.

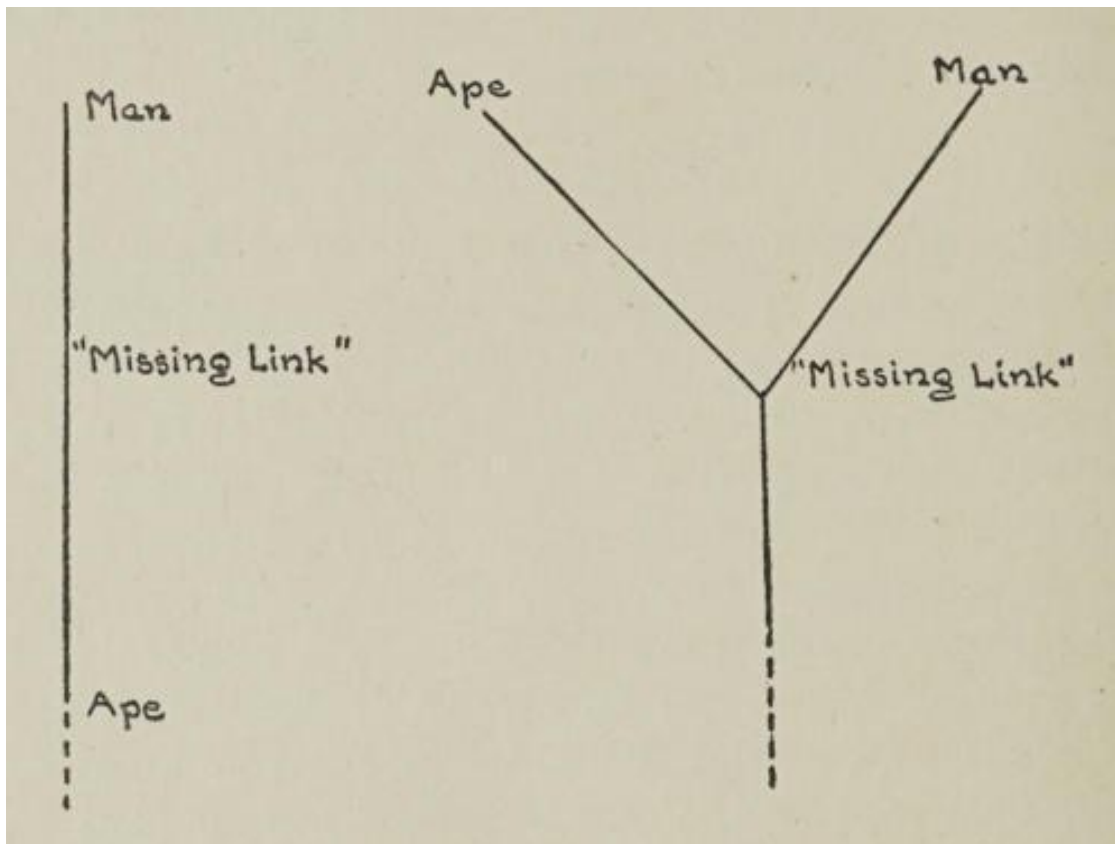


Рис. 1. Ошибочное (слева) и более обоснованное (справа) представление о происхождении человека.

Ситуацию можно прояснить с помощью двух диаграмм (рис. 1). На первой схеме представлена ошибочная точка зрения, согласно которой обезьяна находится внизу линии происхождения, человек - вверху, а недостающее звено - в середине прямой линии. Нелогичность веры в то, что наше происхождение произошло именно таким образом, становится очевидной, как только вы поймете, что, согласно этой схеме, обезьяна в начале и человек в конце линии все еще выживают, в то время как "недостающее звено", которое, как предполагается, соединяло их, вымерло.

Очевидно, что связь должна быть иной. Каким бы ни было недостающее звено, сам факт, что его сейчас нет на Земле, означает, что мы должны построить нашу диаграмму так, чтобы она указывала на его прошлое существование по сравнению с выживанием человека и обезьян. Это означает, что недостающее звено должно быть расположено ниже, чем человек и обезьяны, и поэтому наша иллюстрация приобретает форму, показанную в правой половине рисунка 1, которую можно назвать Y-образной. Стебель Y обозначает доантичные формы, ведущие к другим группам млекопитающих, а через них - если спуститься достаточно далеко - к амфибиям и беспозвоночным. Недостающее звено находится на развилке Y. Он представляет собой последнюю точку, в которой человек и обезьяны все еще были едины, и за которой они разделились и стали разными. Именно потому, что недостающее звено представляло собой последнюю общую форму, он и стал связующим звеном между человеком и обезьянами. После него обезьяны пошли своим путем, как показывает левая ветвь Y, а человек пошел своим отдельным путем по правой ветви.

8. Семейное древо приматов

Хотя эта вторая диаграмма иллюстрирует наиболее существенные элементы современных представлений о происхождении человека, она, конечно, не претендует на то, чтобы рассказать обо всех деталях. Чтобы сделать диаграмму совсем точной, левую ветвь Y, которая здесь обозначает обезьян как группу - другими словами, представляет всех живущих приматов, кроме человека, - нужно было бы обозначить рядом ветвящихся и подразделяющихся линий. Каждая из основных ветвей будет представлять один из четырех или пяти отрядов или "семейств" приматов, таких как антропоиды, или человекообразные обезьяны, и себиды, или южноамериканские обезьяны. Более тонкие ветви обозначают несколько родов и видов в каждом из этих семейств. Например, линия антропоидов разделилась бы на четыре, обозначающие соответственно гиббона, орангутанга, шимпанзе и гориллу.

Вилка Y, представляющая человека, не будет так замысловато ветвиться и разветвляться, как вилка, представляющая обезьян. Многие зоологи считают, что все ныне живущие разновидности человека составляют один вид, и даже те, кто склонен признавать несколько видов, ограничивают их число тремя или четырьмя. Кроме того, известных вымерших разновидностей человека сравнительно немного. Возникает сомнение, следует ли считать эти ископаемые виды человека прямыми предками современного человека и, следовательно, просто точками в главной человеческой линии нашей диаграммы; или же они должны рассматриваться как древние боковые родственники, отделившиеся от главной линии развития человечества. В последнем случае их обозначение на диаграмме должно было бы происходить по более коротким линиям, ответвляющимся от человеческой развилки Y.

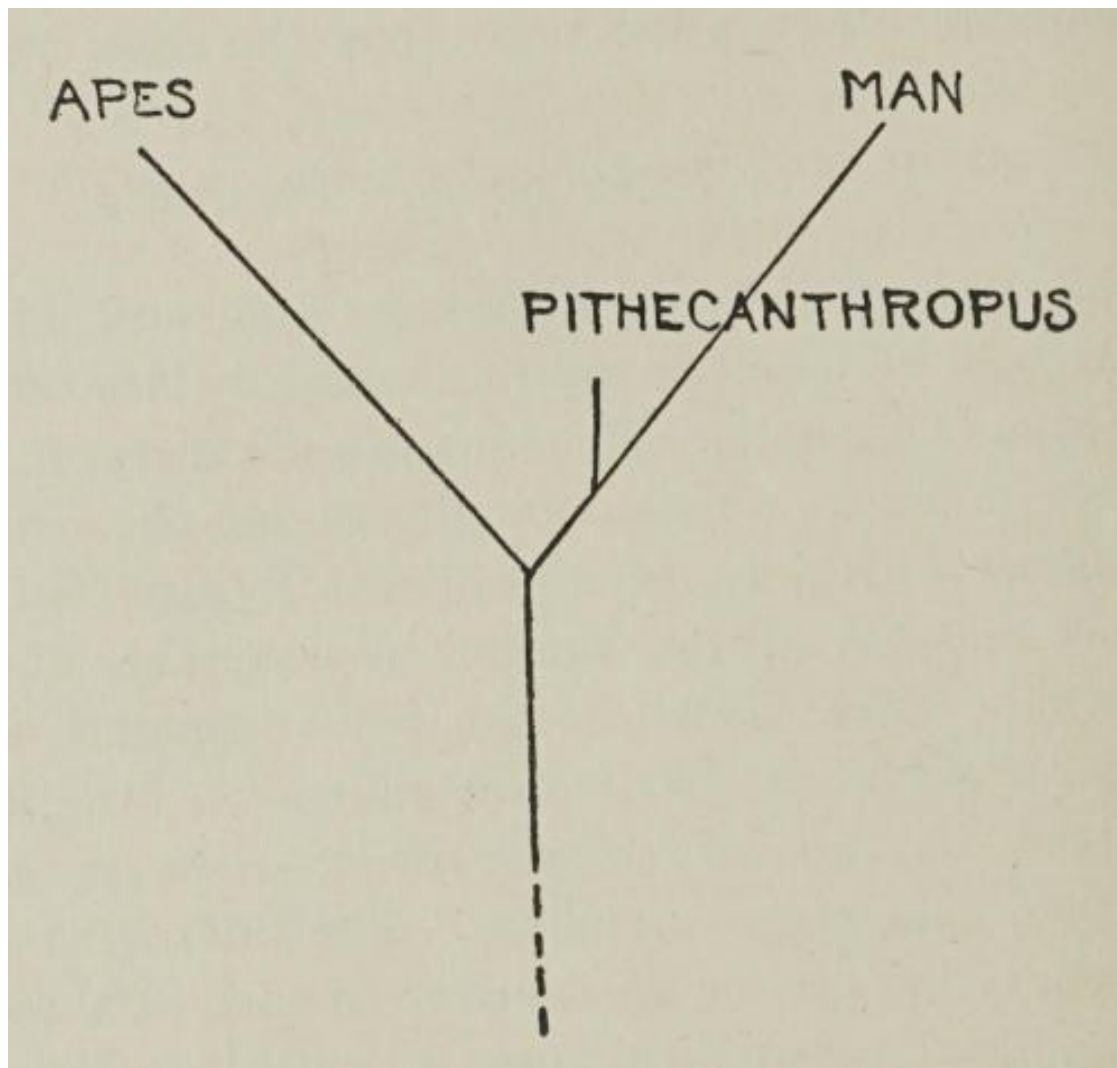


Рис. 2. Происхождение человека, разработанное на основе рис. 1. Дальнейшие разветвления см. на рис. 3, 4, 9.

Этот вопрос быстро превращается в техническую проблему, требующую довольно точных доказательств. В целом, преобладающее мнение рассматривает более поздних ископаемых предков человека как, вероятно, прямых или истинных предков, но склонно считать более ранние из этих вымерших форм более вероятными побочными. Этот вердикт с особой силой относится к самой ранней из всех, той самой, которая ближе всего подходит к реализации популярной идеи недостающего звена: так называемому *питекантропу* (*Pithecantropus erectus*). Если бы питекантроп действительно был недостающим звеном, его следовало бы поместить точно в промежность Y. Поскольку он, однако, признан формой, более или менее предковой для человека и несколько менее предковой для обезьян, его, вероятно, следует поместить на небольшом расстоянии вверх по человеческому стволу Y или рядом с ним. С другой стороны, поскольку большинство палеонтологов и сравнительных анатомов считают, что питекантроп не был нашим прямым предком в том смысле, что ни у одного из ныне живущих людей в жилах не течет кровь питекантропа, он, следовательно, будет древним боковым родственником человечества - своего рода прапрадедушкой, и лучше всего представлять в виде короткого корешка, выходящего из человеческой линии чуть выше ее начала (рис. 2).

Но даже этот рисунок не является полным, поскольку возможно, что некоторые ископаемые типы, сменившие питекантропа по времени, такие как гейдельбергский и пилтдаунский

люди, также были скорее побочными, чем прямыми предками. Некоторые относят к классу сопутствующих даже позднего неандертальского человека. И только когда достигается последний из ископаемых типов, кроманьонская раса, мнение становится сравнительно единодушным, что это форма, непосредственно предковая для нас. Поэтому для точности [рисунок 2](#) может быть изменен путем добавления других коротких линий, представляющих несколько более ранних ископаемых типов: они будут последовательно отходить от основной линии человека на все более высоких уровнях.

Чтобы не усложнять без необходимости фундаментальные факты - тем более что многие данные все еще интерпретируются несколько по-разному, - здесь не будет предпринята попытка построить такую полную схему, которая была бы авторитетной. Вместо этого мы приводим репродукции родословных человека и обезьян в том виде, в каком они были разработаны двумя независимыми авторитетами (рис. [3](#), [4](#)). Очевидно, что эти две родословные в значительной степени согласуются между собой в отношении основных выводов, но демонстрируют некоторую вариативность в деталях. Это состояние отражает современный уровень знаний. Все эксперты согласны с определенными базовыми принципами, но невозможно найти двух авторов, которые точно согласны в понимании менее важных данных.

9. Геологическое и ледниковое время

Здесь следует сделать замечание относительно возраста этих предковых форм. История жизни на Земле, известная по окаменелостям в слоистых породах, делится на четыре больших периода. Самый ранний, *первичный* или *палеозойский*, составляет около двух третей всего геологического времени. В палеозое появились все основные отделы беспозвоночных животных, а из позвоночных - только рыбы. Во *вторичном*, или *мезозойском*, периоде эволюция дошла до того, что рептилии стали высшим и доминирующим типом, а первые слабые формы птиц и млекопитающих появились. Мезозой охватывает большую часть оставшейся трети или около того продолжительности жизни на Земле, оставляя только что-то около пяти миллионов лет для двух последних периодов вместе взятых, против тридцати, пятидесяти, девяноста или четырехсот миллионов лет, которые, по разным оценкам, длились палеозой и мезозой.

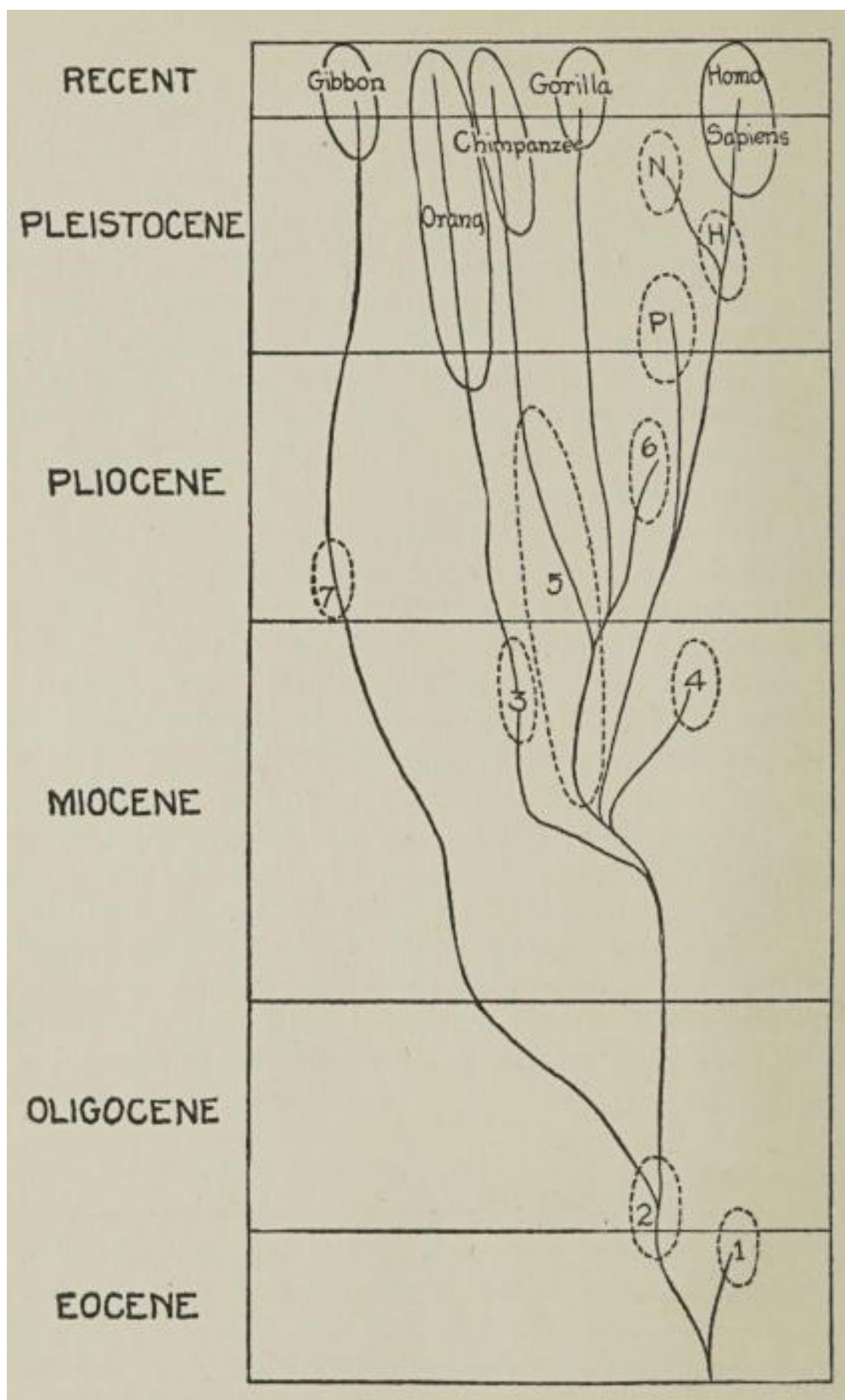


Рис. 3. Происхождение человека в деталях, согласно Грегори (несколько упрощенно).
Вымершие формы: 1, Parapithecus; 2, Propliopithecus; 3, Palæosimia; 4, Sivapithecus; 5, Dryopithecus; 6, Palæopithecus; 7, Pliopithecus; P, Pithecanthropus erectus; H, Homo Heidelbergensis; N, Homo Neandertalensis.

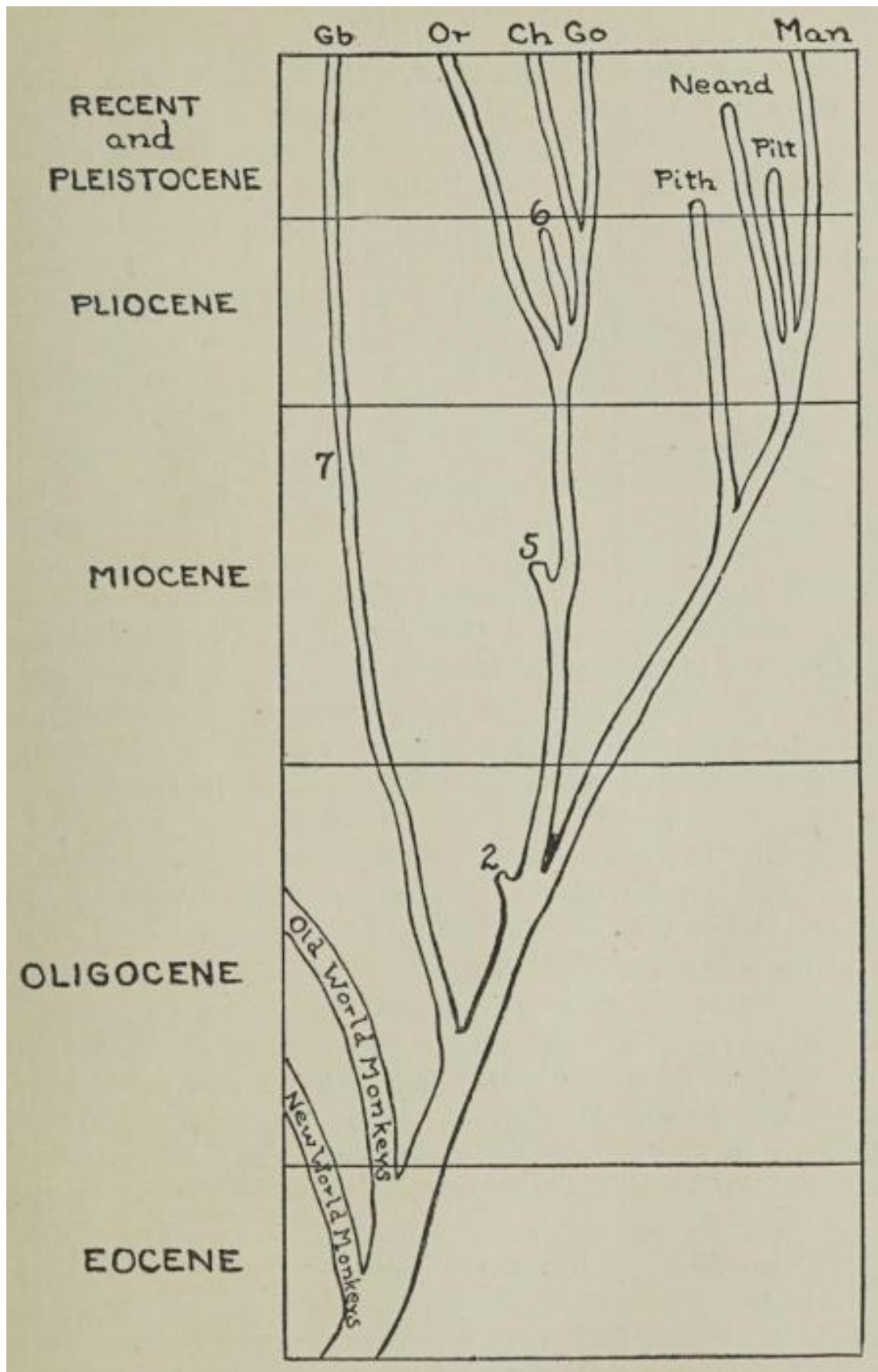


Рис. 4. Происхождение человека в деталях, согласно Киту (несколько упрощенно).
 Вымершие формы: 2, 5, 6, 7, как на [рисунке 3](#); Pith(ecanthropus), Pilt(down), Neand(ertal).
 Живые формы: Гб, Ор, Ч, Го, антропоидные обезьяны, как на [рисунке 3](#).

Последние пять миллионов лет истории Земли неравномерно делятся на *третичный*, или век млекопитающих, и *четвертичный*, или век человека. Около четырех миллионов лет обычно относят к третичному периоду с его подразделениями - эоценом, олигоценом, миоценом и плиоценом. Четвертичный период, по мнению геологов, длился всего около ста тысяч лет. Позже эта оценка была повышена до четырех или пятисот тысяч, а в настоящее время преобладающее мнение склоняется к тому, что он длится около миллиона лет. Таким образом, следует признать четырехмиллионную эпоху млекопитающих до появления человека или даже какой-либо определенной дочеловеческой формы, а также заключительный период продолжительностью около миллиона лет, в течение которого человек постепенно принял свой нынешний телесный и психический тип. В этот четвертичный период попадают все формы, которые рассматриваются на следующих страницах.

Четвертичный период обычно подразделяется на два периода - плейстоценовый и новейший. Последний период очень короткий, возможно, не более десяти тысяч лет. С геологической точки зрения он представляет собой мгновение, прошедшее с момента окончательного исчезновения великих ледников. Он ненамного длиннее исторического времени, и на протяжении всего последнего времени встречаются только современные формы человека. Более длительный плейстоцен часто называют ледниковым периодом или ледниковой эпохой; и в Европе, и в Северной Америке тщательные исследования позволили выявить четыре последовательных периода увеличения площади льда. В Европе они известны как ледники Гюнц, Миндель, Рисс и Вюрм. Вероятные американские эквиваленты - небрасканский, канзанский, иллинойский и висконсинский периоды распространения льда. Между каждым из этих четырех периодов наступал более теплый период, когда лед таял и отступал. Это "межледниковые периоды", которые обозначаются как первый, второй и третий. Эти ледниковые и межледниковые периоды имеют большое значение, поскольку они представляют собой естественную хронологию или шкалу времени для плейстоцена и обычно являются наилучшим средством для датировки ископаемых человеческих типов, которые уже были или могут быть обнаружены в будущем (рис. 5).

10. Место возникновения и развития человека

Прежде чем перейти к рассмотрению самих ископаемых находок, необходимо отметить, что большая часть поверхности Земли исследована крайне несовершенно. Африка, Азия и Австралия вполне могут содержать несметные научные сокровища, которые еще не раскопаны. Нельзя утверждать, что они лежат в почве или скалах этих континентов; но нельзя и утверждать, что их там нет. Северная и Южная Америка были изучены несколько более тщательно, по крайней мере, в некоторых районах, но с такими регулярными отрицательными результатами, что сейчас преобладает мнение, что эти два континента - возможно, из-за того, что они были отгорожены океанами или ледяными массами от восточного полушария - не были заселены человеком во время плейстоцена. Таким образом, происхождение человеческого вида нельзя искать в западном полушарии. Таким образом, Европа остается единственным континентом, где раскопки ведутся с перспективой на успех; и именно в более тщательно изученной западной половине Европы были сделаны все, кроме двух, не вызывающие сомнений открытия древнего человека. Одна из этих исключительных находок происходит из Африки. Другая датируется самым ранним временем - тем самым питекантропом, который уже упоминался как наиболее близкий к "недостающему звену". *Pithecantropus* был найден на Яве.

Возможно, окажется верным, что человек зародился в Европе и что именно по этой причине находки его древнейших останков до сих пор в основном ограничивались этим континентом. С другой стороны, гораздо разумнее полагать, что этот самый маленький из континентов, с его умеренным или холодным климатом и бедностью древних и современных видов обезьян, скорее всего, не был истинным домом или, во всяком случае, не единственным домом человеческой семьи. Наиболее безопасным будет утверждение, что неизвестно, в какой части Земли зародился человек; что почти ничего не известно об истории его развития на большинстве континентов; и что та часть его истории, которая в основном известна, - это фрагмент, произошедший в Европе.

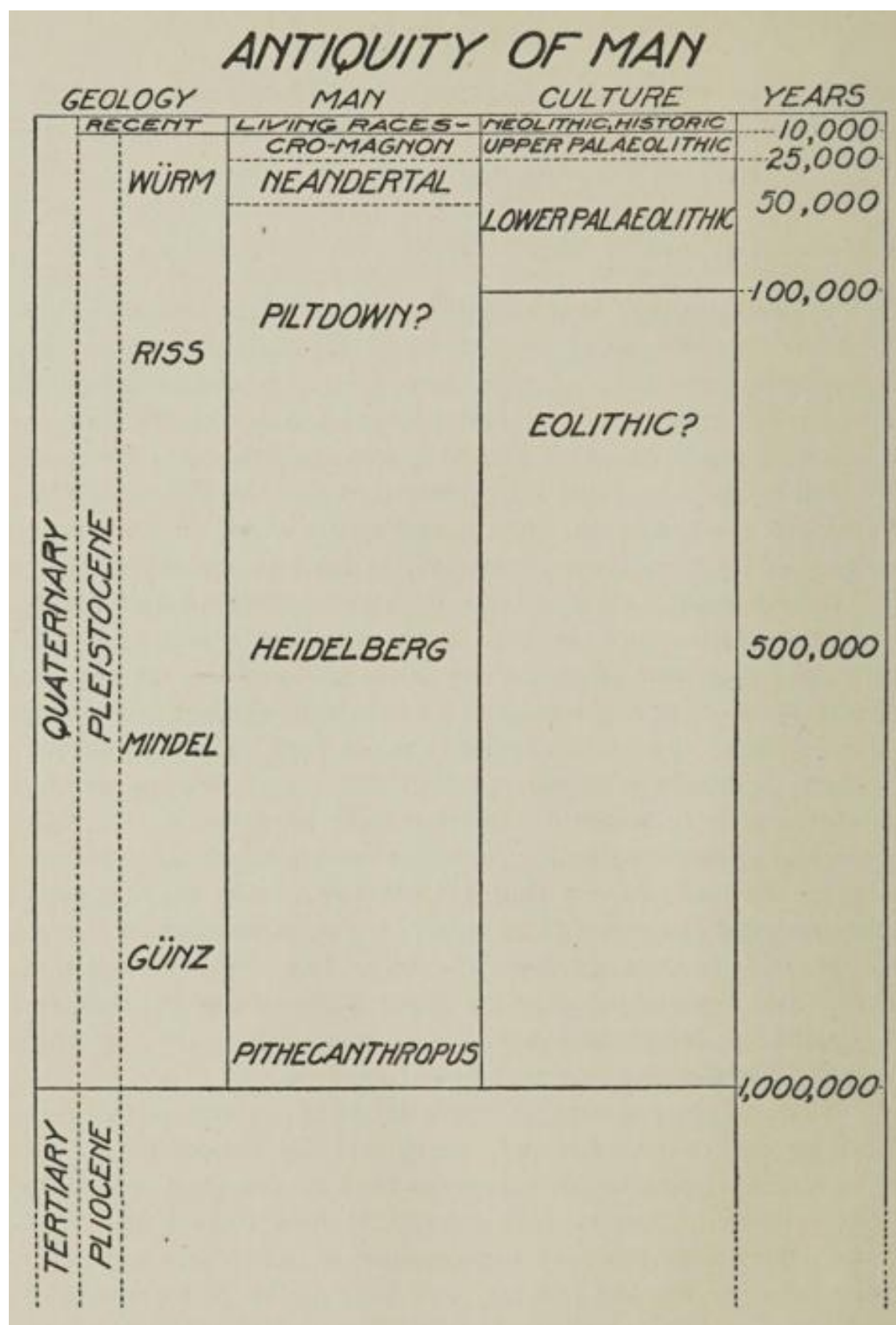


Рис. 5. Древность человека. Эта диаграмма нарисована в масштабе, пропорциональном количеству прошедших лет, вплоть до 100 000. После этого масштаб уменьшается в два раза, чтобы диаграмма не выходила за пределы страницы.

11. Pithecanthropus

Pithecanthropus erectus, "человек прямоходящий", был определен по верхней части черепа, бедренной кости и двум коренным зубам, найденным в 1891 году голландским хирургом Дюбуа под пятидесятифутовыми толщами вблизи Тринила на восточноиндийском острове Ява. Череп и бедренная кость лежали на некотором расстоянии друг от друга, но на одном уровне и, вероятно, принадлежали одному человеку. Период существования этого слоя принято считать ранним плейстоценом, возможно, примерно соответствующим первому или гюнцскому оледенению Европы - около миллиона лет назад, согласно принятой здесь шкале времени. Ява тогда была частью материка Азия.

Череп низкий, с узким покатым лбом и тяжелыми костными гребнями над глазницами - "надглазничными гребнями". Объем его оценивается в 850 или 900 кубических сантиметров - в два раза меньше, чем у крупной гориллы, но почти в два раза меньше, чем в среднем у современного человека. Череп долихоцефалический - длинный для своей ширины, как и черепа всех ранних ископаемых людей, в то время как антропоидные обезьяны более широкоголовые. Считается, что челюсти выступали почти как рыло, но поскольку они до сих пор не обнаружены, эта часть реконструкции носит предположительный характер. Бедренная кость удивительно прямая, что указывает на привычную вертикальную позу; ее длина позволяет предположить, что общий рост человека составлял около 5 футов 7 дюймов, или столько же, сколько рост большинства европейцев.

Питекантроп был наземным, а не дендроидным видом. Похоже, что он был несколько больше похож на современного человека, чем на любую обезьяну, и является самым примитивным человекоподобным видом из всех обнаруженных. Но он сильно отличается и от человека, и от обезьян, о чем свидетельствует его название: *Pithecanthropus* - это отдельный род, не входящий в *Homo*, или человек.

12. Гейдельбергский человек

Знания о гейдельбергском человеке основываются на единственном фрагменте кости - нижней челюсти, найденной в 1907 году Шотенсаком на глубине почти восьмидесяти футов в песках Мауэр недалеко от Гейдельберга, Германия. Как и останки *Pithecanthropus*, гейдельбергский образец лежал вместе с окаменелостями вымерших млекопитающих, что делает возможным его датировку. Вероятно, он относится ко второму межледниковому периоду, так что его древность лишь наполовину меньше, чем у питекантропа (рис. 5).

Челюсть больше и тяжелее, чем у любого современного человека. Таранная кость, или вертикальная часть по направлению к впадине, чрезвычайно широкая, как у антропоидных обезьян. Подбородок полностью отсутствует, но эта область не отступает так сильно, как у обезьян. Ротовая полость гейдельбергского человека должна была выступать значительно больше, чем у современного человека, но гораздо меньше, чем у гориллы или шимпанзе. Контур челюсти, как видно сверху, человеческий (овальный), а не симейский (узкий и продолговатый).

Зубы, хотя и крупные, по сути, являются человеческими. Они расположены близко друг к другу, а их вершины находятся вровень, как у человека; клыки лишены клыкообразного характера, который они сохраняют у обезьян.

Поскольку череп и кости конечностей этой формы полностью неизвестны, трудно представить, как она выглядела в жизни. Но если челюсть столь же человекоподобна, сколь и обезьяноподобна, а зубы отчетливо человеческие, то гейдельбергский тип следует рассматривать как гораздо более близкий к современному человеку, чем к обезьяне, или как более далекий по линии эволюционного развития, чем питекантроп; как и следовало

ожидать, исходя из его большей давности. Это родство выражено названием *Homo Heidelbergensis*, которое признает принадлежность вида к роду человек.

13. Пилтдаунская форма

Эта форма реконструирована из нескольких фрагментов женской мозговой коробки, некоторых небольших частей лица, почти половины нижней челюсти и ряда зубов, найденных в 1911-13 годах Доусоном и Вудвордом в слое гравия в Пилтдауне в Сассексе, Англия. Этому черепу приписывают большое значение, но слишком многие его особенности остаются неопределенными, чтобы можно было делать на основании этой находки серьезные выводы. Возраст не может быть определен с точностью; отложение находится всего в нескольких футах под поверхностью и на открытой местности; сопутствующие окаменелости были вымыты или скатаны в слой; некоторые из них, несомненно, намного старше черепа, принадлежа животным, характерным для плиоцена, то есть третичного периода. Если возраст черепа относится к третьему межледниковому периоду, что в целом представляется наиболее вероятным, то его древность может составлять менее четверти возраста питекантропа и половины возраста гейдельбергского человека.

Объем черепа оценивается по-разному: 1 170, почти 1 300 и почти 1 500 см³; фрагменты не соединяются, поэтому ни одна цифра не может быть подтверждена. За исключением необычной толщины костей, череп не отличается особой примитивностью. Челюсть и зубы, с другой стороны, едва ли можно отличить от зубов шимпанзе. Они, безусловно, гораздо менее человечески, чем челюсть и зубы из Гейдельберга, которые, предположительно, являются более ранними. Череп человека и челюсть симы - почти несовместимое сочетание. Не один эксперт преодолел эту трудность, предположив, что череп современного человека и челюсть шимпанзе попали в один и тот же гравий.

Ввиду этих сомнений и несоответствий к утверждению, что пилтдаунская форма принадлежит к роду *Eoanthropus*, отличному от человека, следует относиться с осторожностью. Такая интерпретация сделала бы пилтдаунский тип более примитивным, чем, вероятно, предшествовавший ему гейдельбергский человек. Некоторые авторитеты все же считают его и более примитивным, и более ранним.

14. Неандертальский человек

Все предыдущие формы известны только по частичным фрагментам костей одного человека. В пользу неандертальской расы свидетельствуют несколько десятков находок, в том числе полдюжины почти полных черепов и несколько скелетов, большая часть которых сохранилась. Эти окаменелости происходят из Испании, Франции, Бельгии, Германии и Австро-Венгрии, или, грубо говоря, из всей западной половины Европы. Все они сходного типа и относятся к мустьерскому периоду палеолита или древнего каменного века (§ 70-72, рис. 17); в то время как питекантроп, гейдельбергский и, возможно, пилтдаунский - более ранние, чем каменный век. Мустьерский период можно датировать как совпадающий с пиком последнего или вюрмского оледенения, то есть примерно 50-25 тыс. лет назад. Его раса - неандертальский тип - была явно, хотя и примитивно человеческой; этот факт отражен в различных систематических названиях, которые были даны этому виду: *Homo Neandertalensis*, *Homo Mousteriensis* или *Homo primigenius*.

Самые важные открытия неандертальцев

1856	Неандерталец	Около Дюссельдорфа, Германия	Черепная крышка и части скелета
------	--------------	------------------------------	---------------------------------

1848	Гибралтар	Испания	Большая часть черепа
1887	Шпион I	Бельгия	Череп и части скелета
1887	Шпион II	Бельгия	Череп и части скелета
1889-1905	Крапина	Моравия	Части десяти и более черепов и скелетов
1908	Ла-Шапель-о-Сен	Коррез, Франция	Скелет, включая череп
1908	Ле Мустье	Дордонь, Франция	Скелет, включая череп, юноши
1909	Ла Феррасси I	Дордонь, Франция	Частичный скелет
1910	Ла Феррасси II	Дордонь, Франция	Скелет
1911	Ла Кина	Шаранта, Франция	Череп и части скелета
1911	Джерси	Остров в проливе Ла-Манш	Зубы

Неандертальский человек был невысокого роста: около 5 футов 3 дюймов для мужчин и 4 футов 10 дюймов для женщин, что примерно соответствует росту современных японцев. Определенный изгиб бедренной кости указывает на то, что колено было привычно немного согнуто, и, вероятно, он слегка сутулился или ссутулился. Все кости тонкие: мускулатура должна была быть мощной. Грудная клетка была большой, шея быкообразной, голова свисала вперед. Голова была массивной: ее объем в среднем составлял около 1 550 куб. см, что соответствует европейским белым и превышает средний показатель всех ныне живущих рас человечества (рис. 6). Голова была довольно низкой, а лоб наклонен назад. Надглазничные гребни были тяжелыми: глаза выглядывали из-под свекольных бровей. Челюсти были прогнатическими, хотя и не больше, чем у австралийцев и негров; подбородок отступал, но существовал.

Некоторые измерения неандертальцев

<i>Ископаемое</i>	<i>Объем черепа</i>	<i>Рост</i>
Неандерталец	1400 г. до н.э.	5 футов 4 (или 1) дюйма.
Шпион I	1550 г. до н.э.	5 футов 4 дюйма.
Шпион II	1700 г. н.э.	
Шапель-о-Сен	1600 г. н.э.	5 футов 3 (или 2) дюйма.
Ла Феррасси I		5 футов 5 дюймов.
Средний рост самцов неандертальцев	1550 г. до н.э.	5 футов 4 (или 3) дюйма.
Средние показатели современных европейских мужчин	1550 г. до н.э.	5 футов 5-8 дюймов.
Средний рост современного человека	1450 г. до н.э.	5 футов 5 дюймов.
Гибралтар	1300 г. до н.э.	
Ла-Кина	1350 г. н.э.	
Ла Феррасси II		4 фута 10 дюймов.
Средний показатель современных европейских	1400 г. до н.э.	5 футов 1-3 дюйма.

ЖЕНЩИН

Артефакты, найденные в мустьерских отложениях, показывают, что неандертальский человек оббивал кремневые орудия несколькими способами, знал огонь и хоронил своих мертвых. Можно почти с уверенностью предположить, что он говорил на каком-то языке.

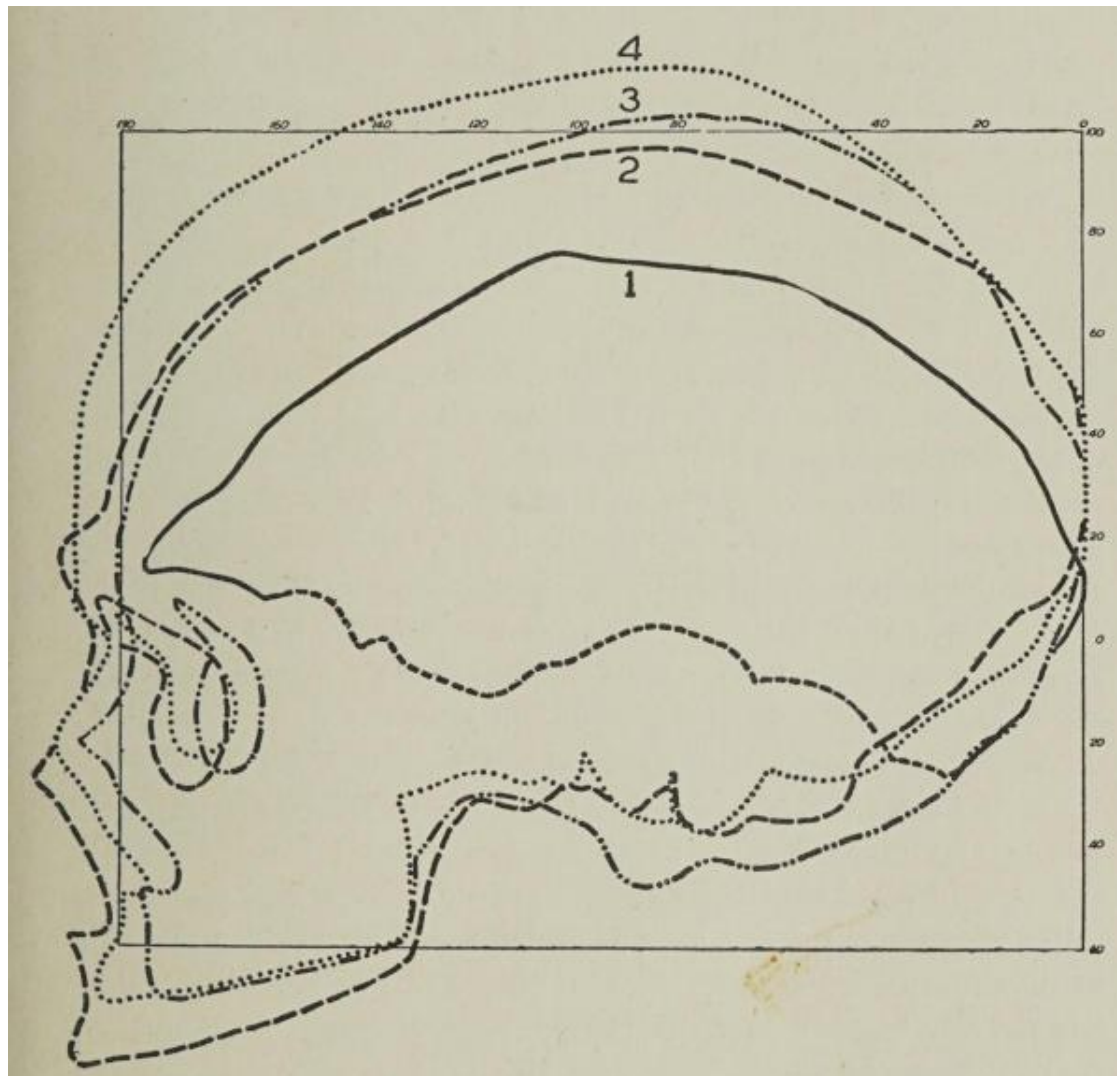


Рис. 6. Черепа 1, питекантропа; 2, неандертальского человека (Шапель-о-Сен); 3, египтянина Шестой династии; 4, кроманьонского старика. Комбинированные от Кита. Очевидны относительно близкое сближение неандертальского человека с современным человеком и полное фронтальное развитие кроманьонской расы.

15. Родезийский человек

Совсем недавно был обнаружен ископаемый африканский человек. Это произошло в 1921 году в костяной пещере Брокен-Хилл на севере Родезии. Был найден почти полный череп, хотя и без нижней челюсти ; небольшой фрагмент верхней челюсти второго человека; и несколько других костей, включая берцовую. Останки находились на глубине девяноста футов в пещере, связанной с огромным количеством минерализованных костей животных. Однако их возраст неизвестен. Фауна, связанная с останками, состоит только из живых видов, но это не означает такой же давности, как в Европе, поскольку животный мир Африки относительно мало изменился еще в плейстоцене.

Измерения родезийского человека пока не опубликованы. Имеющиеся описания указывают на небольшой головной мозг с низким сводом в лобной части; более сильно развитые брови, чем у любого живого или ископаемого человека, включая *Pithecanthropus*; большое гориллоподобное лицо, с выраженным прогнатизмом и длинным промежутком между носом и зубами - область, покрытая верхней губой; расклешенный, но, вероятно, достаточно выдающийся нос; Огромное нёбо и зубная дуга - слишком большие, чтобы вместить даже массивную гейдельбергскую челюсть; крупные зубы, но без выступающих клыков у обезьян и нижней челюсти, приписываемой пилтдаунскому человеку; и переднее положение *foramen magnum* - отверстия, через которое спинной мозг входит в головной, - что предполагает полностью вертикальное положение. Такой же вывод можно сделать и на основании длинной прямой берцовой кости.

В целом, это, по-видимому, форма, наиболее близкая к неандертальскому человеку, хотя и отличающаяся от него во многих отношениях, и особенно в более примитивном типе лица. Однако следует помнить, что ни у одной из форм, предшествующих неандертальскому человеку - Питекантропа, Гейдельберга, Пилтдауна - лицо не было найдено. Если бы они были известны, родезийское лицо могло бы показаться менее впечатляюще обезьяноподобным. Важно также отметить, что в родезийском человеке бок о бок существуют относительно примитивные и развитые черты; лицо и брови несколько компенсируются выдающимся носом, прямой осанкой и длинными чистыми костями конечностей. Поэтому вполне вероятно, что эта форма была побочным родственником неандертальского человека, а не его предком или потомком. Его место в истории человеческого рода, вероятно, можно будет определить только после определения возраста костей. Однако уже сейчас ясно, что находка важна как минимум в трех отношениях. Оно показывает самое обезьяноподобное лицо, которое когда-либо было найдено у человека; оно расширяет историю ископаемого человека на новый континент; и этот континент является родиной двух живых обезьян - гориллы и шимпанзе - признанных наиболее похожими на человека.

16. Кроманьонская раса

Кроманьонцы не только относятся к человеческому роду, но и, возможно, являются предками современных европейцев. Если неандертальский человек - это *Homo Neandertalensis* - род живого человека, но другой вид, то кроманьонцы - это *Homo sapiens*, то есть разновидность нас самих. Эпоха постепенного, колеблющегося отступления ледников - поздний пещерный период древнекаменного века: верхний палеолит, говоря техническим языком, включающий ауриньякский, солютрейский и магдаленский периоды (§ 70). По годам это время с 25 000 до 10 000 лет до нашей эры.

Некоторые важные остатки кроманьонского типа

Ауриньяк

1868	Кроманьонец	Дордонь, Франция	5 неполных скелетов
1872-74	Гримальди	Ментоне, северо-запад Италии	12 скелетов
1909	Лаужери Верхний	Дордонь, Франция	Скелет
1909	Комб-Капель	Перигор, Франция	Скелет

Магдаленский

1872	Лаужери Бассе	Дордонь, Франция	Скелет
1888	Chancelade	Дордонь, Франция	Скелет, почти полный

Кроманьонцы ауриньякской эпохи, представленные находками в Кро-Маньоне и Гримальди, [2] отличались чрезмерным ростом и крупным умом, превосходя по обоим параметрам все ныне живущие расы людей.

Взрослый мужчина, похороненный в Кро-Маньоне, при жизни имел рост 5 футов 11 дюймов; пять мужчин из Гримальди имели рост от 5 футов 10½ дюймов до 6 футов 4½ дюймов, в среднем 6 футов 1½ дюйма. Самые высокие люди на Земле, некоторые шотландцы и негры, в среднем меньше 5 футов 11 дюймов. Рост девушки из Гримальди составлял 5 футов 5 дюймов. Представители этой расы были не только высокими, но и чистокостными, стройными и быстрыми.

Их мозг был одинаково велик. В пяти мужских черепках из Гримальди содержится от 1700 до почти 1900 см³ - в среднем 1800 см³; в черепе кроманьонского старика - почти 1600 см³; в черепе женщины - 1550 см³.

Цефалический индекс низкий - то есть череп был длинным и узким, как и у всех рассматриваемых здесь типов; но лицо было особенно широким. Лоб был хорошо утолщен; надглазничное развитие было умеренным, как у современных людей; черты лица должны были быть привлекательными даже по нашим стандартам.

Три из наиболее хорошо сохранившихся скелетов магдаленского периода принадлежат женщинам. Их рост составляет 4 фута 7 дюймов, 5 футов 1 дюйм, 5 футов 1 дюйм, что указывает на соответствующий нормальный рост мужчин, не далеко ушедший от среднего европейца наших дней. Мужчина из Оберкасселя имел рост около 5 футов 3 дюймов, объем черепа 1 500 см³, а длинный череп сочетался с широким лицом. Общий тип магдаленского периода можно охарактеризовать как уменьшенный кроманьонский.

Кроманьонцы использовали искусно сделанные гарпуны, создали замечательное искусство и в целом достигли развития промышленности, параллельного их высокой степени телесного прогресса.

17. Раса бруннов

В Центральной Европе было найдено несколько останков, которые иногда рассматривались как принадлежащие к расе неандертальцев, а иногда - к последующей расе кроманьонцев, но они не принадлежат однозначно ни к той, ни к другой, и, возможно, могут рассматриваться как отличные от них и, возможно, соединяющие их. Этот тип обычно известен как раса Брунн. Ее ареалом обитания была Чехо-Словакия и, возможно, прилегающие районы; ее эпоха - послеледниковая, в солютрейском периоде верхнего палеолита (§ 70). Таким образом, раса бруннов, насколько это известно в настоящее время, одновременно предшествовала и сменила кроманьонца.

1871	Брюкс	Богемия	Черепная крышка
1880	Предмост	Моравия	Части 20 скелетов
1891	Брюнн	Моравия	Скелет, 2 черепа

Брюннская раса относится к современному человеку: ее вид уже не *Homo Neandertalensis*, а *Homo sapiens*, к которому принадлежим и мы. Тяжелые надглазничные гребни более раннего типа теперь разделены впадиной над носом, а не тянутся непрерывно через лоб; подбородок становится более выраженным, челюсти выступают меньше, чем у неандертальца. Череп

стал несколько выше и более сводчатым. По всем этим параметрам наблюдается приближение к кроманьонской расе. Но характерное широкое лицо кроманьонцев не прослеживается.

Череп неопределенного геологического возраста, найденный в 1888 году в Галли-Хилл, недалеко от Лондона, некоторые связывают с расой бруннов. То же самое можно сказать и о необычайно хорошо сохранившемся скелете, найденном в 1909 году в Комб-Капелле, в Перигоре, на юге Франции. Период, к которому относится скелет из Комб-Капель, - верхний палеолит-ауриньякский. Это была часть эпохи кроманьонской расы в Западной Европе; и поскольку останки из Комбе-Капелле не сильно отличаются от кроманьонского типа, их лучше всего рассматривать как принадлежащие к нему.

18. Раса Гримальди: неолитические расы

Раса Гримальди на сегодняшний день представлена только двумя скелетами - женщины и юноши, возможно, матери и сына, найденными в 1906 году в гроте Гримальди близ Ментоне, в Италии, недалеко от французской границы. Они покоились в нижних слоях, над которыми были сделаны последующие кроманьонские захоронения ауриньякской эпохи. Таким образом, их возраст - ранний ауриньякский: начало верхнего палеолита или более поздний пещерный период древнего каменного века. Рост составляет 5 футов 2 дюйма и 5 футов 1 дюйм - юноша не был полностью взрослым; объем черепа - 1 375 и почти 1 600 см³.

Выдающейся особенностью обоих скелетов является то, что они несут в себе ряд негроидных характеристик. Предплечье и голень длиннее, чем верхняя часть руки и бедро; таз высокий и маленький; челюсти прогнатические, нос плоский, глазные орбиты узкие. Все это - негритянские черты. Это важно, учитывая тот факт, что все остальные древние ископаемые люди либо более примитивны, чем ныне живущие расы, либо, как кроманьонец, возможно, являются предками европеоидной расы.

Никаких ископаемых останков предков монгольского типа пока не обнаружено.

Новый каменный век, начавшийся около 10 000 или 8 000 лет до н. э., принес с собой гренельские и другие типы человека; но они настолько современны, что их не стоит здесь рассматривать. В эпоху неолита впервые встречаются широкие головы, как они встречаются в настоящее время в Европе и на других континентах, наряду с узкими. Фактическая неизменность человеческого типа на протяжении последних десяти тысяч лет отнюдь не является чем-то невероятным. Египетские мумии и скелеты доказывают, что за пять тысяч лет тип этой страны мало изменился, разве что в результате вторжений и смешения.

19. Метрическое выражение эволюции человека

Взаимоотношения нескольких ископаемых типов человека и их постепенное развитие наиболее точно выражаются определенными углами и пропорциями черепа, или индексами, которые были специально разработаны для этой цели. Антропометрические критерии, которые имеют наибольшее значение при изучении живых рас, в большей или меньшей степени не работают в отношении доисторического человека. Волосы, цвет лица и цвет глаз не сохранились. Ширина головы, как показывает цефалический индекс, практически одинакова от питекантропа до последних кроманьонцев. С другой стороны, рост варьируется от одной древней расы к другой, не проявляя особой тенденции к постоянному росту или уменьшению. Часто также сохраняется только часть черепа. Поэтому приведенные ниже

пропорции верхней части или свода черепа - кальвария - полезны для количественного выражения постепенного физического прогресса человечества с самого его начала.

Три анатомические точки на поверхности черепа являются стержнями, на которых покоятся эти особые показатели и углы. Одна из них - *глабелла* (G на [рис. 7](#)), небольшая припухлость, расположенная между бровями и над корнем носа. Второй - *инион* (I), самая задняя точка на черепе. Третья - *брегма* (B) или точка пересечения швов, разделяющих лобную и теменную кости. Брегма приходится на самую высокую точку черепа или очень близко к ней.

Если теперь рассмотреть череп в продольном разрезе или нарисовать его проекцию и соединить глабеллу и инион линией GI, а глабеллу и брегму - линией GB, то образуется острый угол BGI. Это и есть "угол брегмы". Очевидно, что высокий сводчатый череп или череп, у которого верхняя точка B сильно выдается вперед, покажет больший угол, чем низкий плоский череп или череп, вершина которого лежит далеко назад.

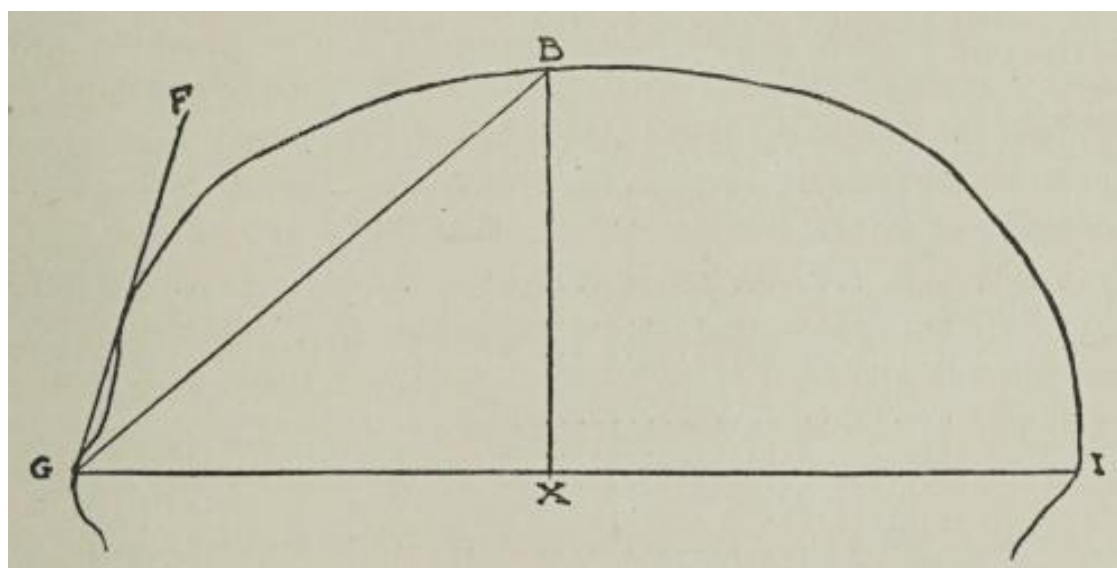


Рис. 7. Индексы и углы, имеющие особое значение при переходе от ископаемого к живому человеку. Индекс высоты кальварий, $BX: GI$. Индекс положения брегмы, $GX: GI$. Брегмальный угол, BGI . Фронтальный угол, FGI .

Далее проведем вертикаль от брегмы до линии GI, перерезав ее в точке X. Очевидно, что пропорция, которую вертикальная линия BX составляет с горизонтальной линией GI, будет больше или меньше в зависимости от того, насколько выше или ниже свод мозгового корпуса. Эта пропорция $BX: GI$, выраженная в процентах, и есть "индекс высоты чашечки".

Череп современного и ископаемого человека

	<i>Кальварный Высота Индекс</i>	<i>Брегма Угол</i>	<i>Брегма Положение Индекс</i>	<i>Фронтальный Угол</i>
Максимальный для современного человека	68	66		
Средний для	59	58	30.5	90

современного человека				
90 Центральные европейцы	60	61	31	
28 Негры банту	59	59	31	
7 Гренландские эскимосы	56	58	30	
43 Австралийские аборигены	56	57.5	(33)	
8 Уроженцы Тасмании	56	57		
Минимум для современного человека	47.5	46	37	72
Канцелярия	57	60		
Комб-Капель	54.5	58		
Ориньяк	54.5			
Кроманьон I	50	54	33	
Брюнн I	51	52		75
Галерейный холм	48	52		82
Брюкс	48	51?		75?
Ле Мустье	47			
Крапина С	46	52		70
Шпион II	44	50	35	67
Крапина Д	42	50	32	66
Шапель-о-Сен	40.5	45.5	36.5	65
Шпион I	41	45	35	57.5
Гибралтар	40	50		73?
Неандерталец	40	44	38	62
Pithecantropus	34	38	42	52.5
Максимальный показатель для любой антропоидной обезьяны	38	39.5	63	
Шимпанзе	32	34	47	56
Горилла	20	22	42	
Орангутан	27	32	45	
Усредненные показатели				
Современные	59	58	31	90

расы

Кроманьонцы	54	57	33	
Раса бруннов	49	52		77
Неандертальски й человек	42	48	35	66
Pithecantropus	34	38	42	52
Антропоидные обезьяны	26	30	45	

Если теперь мы вычислим соотношение части GX линии GI ко всей этой линии, то получим "индекс положения брегмы", то есть числовой показатель того, насколько далеко вперед на черепе расположена самая высокая точка В. Наклонный или отступающий назад лоб, естественно, имеет тенденцию располагать брегму сзади; в то время как если лобная кость почти вертикальна, что приводит к высокому, куполообразному лбу, брегма имеет тенденцию располагаться дальше вперед, точка X смещается в том же направлении, расстояние GX становится короче по сравнению со всей линией GI, и "индекс положения брегмы" численно падает.

Фронтальный угол", наконец, определяется путем проведения линии GF по касательной к наиболее выступающей части лобной кости и измерения угла между ней и горизонталью GI. Малый лобный угол, очевидно, означает покатый лоб.

Все эти данные могут быть получены только из верхнего фрагмента черепа; они относятся к той особенности, которая, вероятно, имеет наибольшее значение в эволюции человека от низших животных - развитие мозгового корпуса и, следовательно, мозга, особенно головного мозга или переднего мозга; и они определяют эту эволюцию довольно убедительно. Таблица, в которой собраны некоторые из наиболее важных результатов, показывает, что прогресс был довольно устойчивым и непрерывным в направлении большего развития головного мозга.

ГЛАВА III ЖИВЫЕ РАСЫ

20. Происхождение гонок.-21. Классификация рас.-22. Признаки, на которых основывается классификация.-23. Великое разделение или первичные запасы.-24. Кавказские расы.-25. Монголоидные расы.-26. Негроидные расы.-27. Народы сомнительного положения.-28. Континенты и океаны.-29. История расовых классификаций.-30. Возникновение тройной классификации.-31. Другие классификации.-32. Принципы и выводы, общие для всех классификаций.-33. Раса, национальность и язык.

20. Происхождение рас

Почти каждый человек рано или поздно начинает интересоваться проблемой происхождения человеческих рас и историей их развития. Мы видим, что человечество разделено на множество разновидностей, разительно отличающихся друг от друга по

внешнему виду. Если эти разновидности являются модификациями одной предковой формы, то что привело к их изменению и какова история этих изменений?

При нынешнем состоянии науки мы не можем полностью ответить на эти важные вопросы. Мы очень мало знаем о причинах изменения человеческих типов и располагаем лишь неполной информацией об истории рас. Отрывочные свидетельства, встречающиеся то тут, то там, слишком разрозненны, чтобы дать много полезных подсказок. Самые ранние люди, которых мы знаем по окаменелостям, слишком далеки от всех ныне живущих разновидностей, слишком примитивны, чтобы определенно связывать их с существующими расами, которые можно рассматривать как разновидности одного вида, *Homo sapiens*. Во второй половине древнего каменного века, в ауриньякский период, когда, по оценкам, прошло от двадцати до двадцати пяти тысяч лет, мы начинаем сталкиваться с окаменелостями, которые, кажется, предвещают современные расы. Так называемый Гримальдийский тип человека этого периода обладает негроидным сходством, современные кроманьонцы и, возможно, брьонские типы проявляют кавказские черты. Но мы не знаем ни происхождения, ни точных потомков этих ископаемых рас.^[3] Они появляются и затем исчезают со сцены. Примерно все, что мы можем заключить из этого фрагмента свидетельств, - это то, что человеческие расы в том виде, в котором они распространены на Земле сегодня, должны были формироваться по крайней мере несколько десятков тысяч лет. Что послужило причиной их дифференциации, на каком участке земной поверхности каждая из них приобрела свои особенности, как они подразделялись в дальнейшем, каковы были связующие звенья между ними и что произошло с этими утраченными звеньями - на все эти вопросы ответ антропологии пока неполный.

Не иначе обстоит дело и в других областях биологии. Пока зоолог или ботаник рассматривает свои грандиозные классификации или широкий охват органической эволюции на пятьдесят миллионов лет назад, он, кажется, получает поразительные и простые результаты. Когда же он обращает свое внимание на небольшую группу, пытаясь детально проследить ее подварианты, а также взаимоотношения и историю этих подвариантов, задача оказывается запутанной, а накопленных знаний обычно не хватает для решения более чем части возникающих проблем.

Таким образом, нет ничего необычного в ситуации частичного недоумения, в которой антропология все еще находится в отношении человеческих рас.

21. Классификация рас

Остается только возможность провести точное исследование ныне живущих рас в надежде, что взаимосвязи, которые выявит классификация, смогут указать на то, как развивались расы в прошлом. Если бы, например, удалось установить, что айны или аборигены Японии по своему телосложению очень похожи на европейские народы, мы бы сделали вывод, что они являются ветвью кавказской расы, что их происхождение произошло далеко на западе от их нынешнего места обитания, и что они не имеют никакой связи с монгольскими японцами, среди которых они сейчас живут. Это косвенное доказательство, это правда; но рано или поздно это тот метод, к которому всегда прибегает наука.

Поэтому желательность надежной классификации человеческих рас будет принята без дальнейших аргументов. Но создание такой классификации оказывается сложнее, чем можно себе представить. Начнем с того, что раса - это лишь некое среднее значение большого количества индивидуумов, а средние значения отличаются друг от друга гораздо меньше, чем индивидуумы. Популярное впечатление преувеличивает различия, точные

измерения уменьшают их. Правда, негра и североевропейца невозможно спутать: они представляют собой крайние типы. Но как только мы начинаем работать с менее дивергентными расами, мы обнаруживаем, что различия между особями одной расы часто больше, чем различия между расами. Самые высокие представители низкорослой расы выше самых низких представителей высокорослой расы. Это называется *перекрывтием*, и оно происходит в такой степени, что физическому антропологу часто бывает трудно установить четкие типы.

Кроме того, демаркационные линии между расами то и дело стираются в результате скрещивания. Смежные народы, даже враждебные, вступают в брачные отношения. Количество браков в одном поколении может быть небольшим, но суммарный эффект за тысячу лет часто бывает весьма обескураживающим. Полукровки или гибриды также плодотворны, как и каждый из исходных типов. Несомненно, некоторые популяции являются продуктом такого скрещивания. Так, через всю Африку протянулся пояс, о жителях которого трудно сказать, принадлежат ли они к неграм или к европеоидам. Если мы построим расовую карту и представим демаркацию между неграми и европеоидами линией, мы действительно искажем ситуацию. Истина может быть выражена только путем введения переходной зоны смешанного цвета. Но как только мы допускаем такие переходы, определенность нашей классификации начинает рушиться.

Несмотря на эти трудности, при тщательной классификации рас можно выявить некоторые общие истины, а из всего многообразия вытекают определенные постоянные принципы, имеющие важное значение.

22. Признаки, на которых основывается классификация

Поскольку каждый человек, очевидно, обладает большим количеством физических особенностей или черт, первое, что должен сделать будущий классификатор рас, это определить, какой вес он будет придавать каждой из этих черт.

Самым ярким из всех признаков, вероятно, является *рост* или телосложение. Однако этот признак, как показывает опыт, имеет относительно ограниченное значение для классификационных целей. Воображение легко поражается несколькими дюймами, когда они появляются на макушке человека и делают его на полголовы выше или ниже себя. За исключением нескольких групп, которые численно весьма незначительны, нет ни одной человеческой расы, средний рост которой был бы меньше 5 футов. Нет вообще ни одной расы, рост которой превышал бы 5 футов 10 дюймов. Это означает, что практически весь диапазон изменчивости человеческого роста, с точки зрения расы, находится в пределах менее фута. Большинство средних показателей по популяциям не отличаются более чем на 2 дюйма от общечеловеческого среднего показателя в 5 футов 5 дюймов.

Кроме того, было доказано, что рост довольно легко зависит от окружающей среды. Каждый из нас на дюйма выше, когда встает утром, чем когда ложится спать ночью. Две расы могут различаться по наследственности всего на пару дюймов, и если все представители низкорослой расы будут хорошо питаться в благоприятных условиях, а все представители высокорослой группы будут недоедать и перетруждаться, то более низкорослая от природы раса вполне может оказаться на самом деле более высокой.

Цефалический индекс, выражающий в процентах соотношение длины и ширины головы, является, пожалуй, наиболее часто используемым антропологическим измерением.^[4] У него есть определенные преимущества. Измерения головы легко и точно выполняются. Индекс практически одинаков на живой голове и на мертвом черепе; или один легко переводится в

другой. Это позволяет сравнивать нынешнее и прошлые поколения. Индекс также практически одинаков у мужчин и женщин, детей и взрослых. Наконец, на него, похоже, мало влияет окружающая среда. Как следствие, форма головы была широко изучена. Существует не так много групп людей, средний цефалический индекс которых мы не знаем достаточно точно. Сложность использования цефалического индекса с точки зрения расовой классификации заключается в том, что он не дает достаточно широких результатов. Этот индекс часто полезен при выделении подтипов, нации от нации или племени от племени; но первичные расы не однородны. Например, для европеоидной расы не существует типичной формы головы. Есть узкоголовые, среднеголовые и широкоголовые кавказцы. То же самое можно сказать и об американских индейцах, которые в целом довольно однородны, но сильно различаются по форме головы.

Носовой индекс, выражающий соотношение длины и ширины носа, у представителей больших рас гораздо более постоянен. Практически все негроиды широконосые, практически все европеоиды узконосые, а большинство народов, имеющих монгольское родство, средненосые. Но носовой индекс варьируется в зависимости от возраста человека; он совершенно разный у живого человека и черепа;^[5] он, кажется, отражает наследственность менее непосредственно, чем цефалический индекс; и, наконец, он ничего не говорит нам о высоте, профиле или общем формировании носа.

Прогнатизм, или степень выступания челюстей, является заметной чертой профиля и, по-видимому, имеет некоторое историческое значение как признак примитивности, поскольку все другие млекопитающие более прогнатичны, чем человек. Этот признак также имеет общую корреляцию с основными расовыми типами. Негры почти все прогнатичны, люди монгольского типа - умеренно, кавказцы - очень слабо. Прогнатизм, однако, трудно измерить или обозначить в цифрах. Были разработаны различные аппараты, не дающие полностью удовлетворительных результатов.

Объем черепа измеряется путем заполнения его дробью или просыным зерном. Последний способ дает цифры, которые ниже на 50 или 100 куб. см. Среднее значение, измеренное дробью, для мужчин во всем мире составляет от 1 450 до 1 500 куб. см, для женщин примерно на 10 процентов ниже. Европейские мужчины составляют от 1 500 до 1 600, азиатские монголоиды - чуть меньше, американские индейцы и полинезийцы - от 1 400 до 1 500, бушмены, австралийцы, тасманийцы, негритосы, ведды - от 1 300 до 1 400. Все эти последние группы отличаются небольшим телосложением. Похоже, что объем черепа значительно зависит от размеров тела. Как стройные, так и низкорослые расы имеют небольшой объем. Тяжелые банту превосходят более стройных суданцев, а индусы стоят гораздо ниже европеоидов; так же как низкорослые японцы в среднем меньше китайцев. Широкоголовые популяции демонстрируют большую емкость черепа, чем узкоголовые: Альпийские европейцы (§ 24) в целом превосходят нордиков, несмотря на более низкий рост. Индивидуальная изменчивость также необычайно велика в этом измерении. Самый большой и самый маленький череп здоровых людей одного пола в одной популяции различаются иногда на 500, 600 или 700 см³, или более чем на треть от среднего расового показателя. Соответственно, перекрытие между расами особенно заметно по объему черепа. Кроме того, измерения, очевидно, не могут проводиться на живых людях. Несмотря на свой интерес как предполагаемый и, возможно, частично достоверный показатель умственных способностей, объем черепа, таким образом, имеет ограниченное значение для различения рас.

Текстура волос теперь повсеместно рассматривается как один из наиболее ценных критериев для классификации рас, возможно, самый значительный из всех. Волосы

различают как шерстяные у негров, прямые у монголов и волнистые или промежуточные у европеоидов. Эта текстура зависит главным образом от диаметра каждого отдельного волоса, как они видны в поперечном сечении под микроскопом; частично также от степени прямоты или кривизны корневых мешков волос в коже. Структура волос, по-видимому, довольно жестко прослеживается по наследственным расовым линиям и не подвержена влиянию факторов возраста, пола, климата или питания.

Волосатость тела в целом - еще один признак, которому уделяется все больше внимания. Полнота или скудость бороды, степень развития пуха, покрывающего тело, - наиболее яркие ее проявления. Кавказцы - определенно волосатая раса, монголоиды и большинство негроидов - голые или гладкокожие. Именно на основании волосатости были отделены такие расы, как австралийцы от негроидов, а айны от японцев.

За исключением, возможно, роста, *цвет кожи* является, вероятно, наиболее заметным признаком любой расы. Под цветом следует понимать цвет кожи, цвет волос и цвет глаз. Все это, однако, представляет трудности для антропометриста. Пигмент в коже каждого человека один и тот же: он различается только количеством. Поэтому мы имеем полный ряд переходных оттенков, и эти различия в оттенках трудно выразить количественно. Они легко бросаются в глаза, но их далеко не так просто точно обозначить в цифрах. Окружающая среда также оказывает заметное влияние на цвет кожи. Один день пребывания на солнце затемняет цвет лица на несколько оттенков. Однако, несмотря на эти недостатки, цвет лица остается достаточно важным, чтобы учитывать его в каждой классификации.

Цвет волос и цвет глаз практически не подвержены прямому влиянию окружающей среды. Они, несомненно, являются отличными наследственными критериями, хотя и обладают такой же устойчивостью к измерениям, как и цвет лица. Однако полезность этих двух признаков ограничена другим фактором: их узким распространением. Голубые глаза и светлые волосы расово характерны только для одной подрасы - северной Европы. В Центральной Европе они уже значительно смягчены: здесь преобладает брюнетистый тип. В Южной Европе голубые глаза и блондинистость почти не встречаются, за исключением тех случаев, когда прослеживается смешение с северными народами. За пределами Кавказа черные волосы и черные глаза являются универсальным правилом для человеческой семьи.

Очевидно, что проще всего было бы создать четкую классификацию, сгруппировав все народы Земли по какому-либо одному признаку, например по форме носа или цвету кожи. Но любая такая классификация должна быть искусственной и в значительной степени несостоятельной, просто потому, что она не учитывает большинство признаков. Единственная классификация, которая может претендовать на истинное и естественное основание, - это та, которая учитывает как можно больше признаков, и весомость важных признаков выше, чем несущественных. Если в результате такой группировки некоторые народы занимают промежуточное или сомнительное место в классификации, этот результат вызывает сожаление, но с ним следует смириться.

Расовая классификация человечества

Основные виды и расы	Текст ура волос головы	Волос ы на теле и лице	Голова	Нос	Прогна тизм	Цвет кожи	Рост	Примечания
----------------------------	---------------------------------	---------------------------------	--------	-----	----------------	--------------	------	------------

Кавказцы или "белые"

Нордический	Волнистые	Обилие	Узкий	Узкий	Немного	Очень "белый"	Высокий	Волосы светлые, глаза светлые.
Альпийская	"	"	Широкий	"	"	Белый	Выше среднего.	Волосы каштановые, глаза карие.
Средиземноморье	"	"	Узкий	"	"	Темно-белый	Средний	
Индус	"	"	"	Переменный	Умеренный	Коричневый	Выше среднего.	Вероятна австралоидная примесь на юге.

Монголоид или "желтый"

Монголы	Прямой	Немного	Широкий	Средний	Средняя	Светло-коричневый	Ниже среднего.	"Монгольские" глаза, широкое лицо.
Малайцы	"	"	"	"	"	Коричневый	"	
Американские индейцы	"	"	Переменный	"	"	"	От высокого до среднего роста.	Широкое лицо.

Негроид или "черный"

Негр	Шерстяной	Немного	Узкий	Широкий	Сильный	"Черный"	Высокий	
Меланезийцы	"	"	"	"	"	"	Средний	
Карлик черный	"	"	Широкий	"	Умеренный	"	Очень короткий	Бушмены демонстрируют несколько особых черт.

Сомнительная классификация

Австралийский	Волнистые	Обилие	Узкие	Широкий	Сильный	Черный	Выше среднего.	Преобладают негроидные черты, есть кавказские сходства.
---------------	-----------	--------	-------	---------	---------	--------	----------------	---

Ведда, Ирула, Колариан, Мой, Сеной, Тоала и др.	"	Умеренный	"	"	Средний	Темно-коричневый	Короткие	Обобщенные предкавказцы с австралоидным сходством. "Индоавстралийцы".
Полинезийцы	"	"	Изменчивый	Средний	"	Коричневый	Высокий	Возможно, монголоид с некоторыми европеоидными чертами и местной негроидной примесью.
Айну	"	Обиленные	Узкие	"	"	Светло-коричневый	Средний	Обобщенный европеоидный или дивергентный монголоидный тип.

Волосы и глаза "черные", если в примечаниях не указано иное.

23. Великие дивизии или первичные классы

Если теперь мы последуем этому плану и рассмотрим народы Земли, каждый с учетом всех его физических особенностей, то получим схему, подобную той, что приведена в таблице на предыдущей странице. Как видно, существует три основных класса, среди которых можно выделить европейцев, негров и китайцев. Эти три основных класса обычно называют европеоидами, негроидами и монголоидами. Также часто используются цветовые термины: белый, черный и желтый, но необходимо помнить, что они используются только как краткие удобные обозначения и не имеют описательной ценности. Миллионы европеоидов имеют более темный цвет лица, чем миллионы монголоидов.

Эти три основные группы составляют более девяти десятых всех народов и племен мира. Что касается количества людей, то они составляют, вероятно, 99 процентов всех человеческих существ. Аберрантные формы лучше всего рассматривать отдельно. Некоторые из них, такие как упомянутые выше айны и австралийцы, по всей видимости, в основном принадлежат к одному из трех больших классов, но при этом достаточно отличаются в одной или нескольких частях, чтобы не быть включенными в них полностью. Другие группы, такие как полинезийцы, по-видимому, являются, по крайней мере частично, результатом смешения рас. Их составные элементы настолько смешаны и, возможно, настолько изменены после смешения, что их трудно отделить друг от друга.

Каждый из трех больших первичных фондов распадается на несколько естественных подразделений.

24. Кавказские расы

Три из четырех кавказских рас живут, полностью или частично, в Европе; четвертая состоит из индусов.^[6] Три европейские расы - нордическая, альпийская и средиземноморская. Некоторые авторитеты признают большее число, но все признают по крайней мере эти три. Они занимают горизонтальные пояса на карте. Начиная с нордической и заканчивая средиземноморской, они могут быть описаны как последовательно смуглые, темнокожие, темноглазые, темноволосые и более низкие по росту. Альпийская раса, которая находится между двумя другими, однако, представляет собой нечто большее, чем просто переход, поскольку она широкоглавая, в то время как нордическая и средиземноморская - узкоглазые или длинноголовые. Нордический тип в основном распространен вокруг Балтийского и Северного морей. Средиземноморская раса занимает берега Средиземного моря, в Азии и Африке, а также в Европе. В древние времена она, по-видимому, преобладала повсюду на этих побережьях. В настоящее время Балканский полуостров и Малая Азия в основном заняты широкоплечими народами, имеющими более или менее близкое родство с альпийцами. Эта альпийская раса, пожалуй, менее однородна, чем две другие. Центральный француз, серб, русский и армянин явно далеки от идентичности (§ 30). Однако у них достаточно общего, чтобы их можно было объединить в одну большую группу.

Следует четко понимать, что эти расы не имеют ничего общего с современными политическими национальностями Европы. В Северной Германии преобладают нордические расы, в Южной Германии - альпийские. Северная Италия - альпийская, остальная часть полуострова - средиземноморская. Во Франции определены представлены все три расы. Средний северный француз расово ближе к северному немцу, чем к своему соотечественнику из центральной Франции, в то время как последний по физическому типу сходится с южным немцем. Национальность определяется речью, обычаями, религией и политическими пристрастиями. Ее границы и границы расы проходят прямо друг через друга.

Британские острова не избежали процесса смешения рас, который происходил в Европе на протяжении тысячелетий. Основная масса крови их жителей на протяжении последней тысячи лет была нордической, но есть и альпийская, а большинство авторитетов признают наличие определенного "иберийского", то есть средиземноморского элемента. Первые поселенцы в Америке перевезли эту смесь через Атлантику, и с годами иммиграция увеличила ее состав. Скандинавы и северные немцы пополнили нордический компонент населения Соединенных Штатов; южные немцы, австро-венгры, русские, и евреи - альпийский; итальянцы привнесли определенный средиземноморский элемент. Негр не вошел в состав нашего белого общества, а наоборот: значительный и растущий процент "цветных" в Соединенных Штатах - это от одной шестнадцатой до пятнадцати шестнадцатых европеоидов.

Индус - это в основном узкоголовый, темнокожий европеоид, мало чем отличающийся от средиземноморца. Когда он попал в Индию, то, вероятно, обнаружил там аборигенное население, которое могло быть негроидным, но, скорее всего, было связано с австралийцами или, возможно, представляло собой темную протокавказскую или индоавстралийскую расу. За последние три тысячи лет в Индии произошло довольно глубокое смешение, в результате чего изначально чистый европеоидный тип индусов несколько видоизменился, а большая часть менее многочисленного и менее энергичного

аборигенного населения ушла под воду. Определенный европеоидный тип лучше всего сохранился на севере; следы темнокожей аборигенной расы наиболее сильны на юге Индии.

25. Монголоидные расы

Монголоидная раса делится на собственно монголов восточной Азии, малайцев Ост-Индии и американских индейцев. Различия между этими тремя типами не очень велики. Собственно монголы - это наиболее крайняя или ярко выраженная форма. Вероятно, он позже всех развил свои нынешние характеристики. Например, косой или "монгольский" глаз - особенность, присущая только народам восточной Азии. Изначально монголоидная популяция была скорее похожа на современных малайцев или американских индейцев, или занимала промежуточное положение между ними. От этого обобщенного типа постепенно отделились такие народы, как китайцы, добавив эпикантическую складку косого глаза и другие особенности, в то время как менее цивилизованные народы Америки и Океании придерживались более близкого к древнему типу.

На территории Ост-Индии иногда можно выделить более и менее специфически монголоидный тип. Последний часто называют индонезийским. По некоторым параметрам, таким как относительно низкий рост и широкий нос, он приближается к индо-австралийскому типу, описанному ниже. Среди американских монголоидов эскимосская разновидность представляется наиболее специфичной.

26. Негроидные расы

Негроидная раса подразделяется на две большие группы: собственно африканских негров и океанических меланезийцев; кроме того, есть еще третья группа - карликовые негры или негритосы, которые очень малочисленны, но распространены широко и неравномерно. Негры и меланезийцы, несмотря на то, что их разделяет широта Индийского океана, явно близкие родственники. Опытный наблюдатель может отличить их с первого взгляда, но новичок примет за африканца папуаса с Новой Гвинеи или меланезийца с Соломоновых островов или Фиджи. Пожалуй, самое заметное различие заключается в том, что широкий нос африканского негра плоский, а широкий нос меланезийца часто аквильный. Как эти две столь похожие ветви негроидов оказались по разные стороны великого океана, остается необъяснимым фактом.

Представители негритосов или карликовых негроидов есть на Новой Гвинее, на Филиппинах, на Малайском полуострове, на Андаманских островах и в экваториальной Африке. Эти народы - настоящие пигмеи человеческого рода. Везде, где они расово чисты, рост взрослых мужчин не превышает 5 футов. Они также отличаются от других негроидов относительно широкой головой. Однако цвет кожи, структура волос, форма носа и большинство других признаков у них такие же, как и у других негроидов. Их рассеянное распространение трудно объяснить. Возможно, они представляют собой древний и примитивный тип, который когда-то населял гораздо более обширные территории, чем сейчас в Африке, Азии и Океании. Согласно этой теории, негритосы, в силу своей невосприимчивости и отсталости, были постепенно вытеснены к стене более крупными и энергичными группами населения, с которыми они вступали в контакт, пока от них не осталось лишь несколько разрозненных фрагментов.

Бушмены и в некоторой степени готтентоты Южной Африки также могут быть условно включены в состав негритосов, хотя и отличаются от них по ряду признаков. Они имеют желтовато-коричневый цвет лица, длинную голову, короткие и плоские уши, короткие ноги, впалую спину и стеатопигию. В целом среди них преобладают негроидные черты. Например,

у них вьющиеся волосы. Их чрезвычайно низкий рост может оправдать их предварительное включение в число негритосов.

27. Народы сомнительного положения

Для народов, которые здесь рассматриваются как сомнительные в классификации, характерно одно: все они обнаруживают определенное европеоидное сходство, не будучи достаточно похожими на признанных европеоидов, чтобы быть включенными в их число. Это относится к чернокожим, волнистоволосым, прогнатным, свекольнобровым австралийцам, первый вид которых позволяет предположить, что они негроиды, а также к смуглым полинезийцам, которые, по-видимому, имеют монголоидные связи через малайцев. В Индии, Индо-Китае и Ост-Индии живут разрозненные нецивилизованные народы, более или менее похожие друг на друга: смуглые, невысокие, стройные, с волнистыми волосами, длинной головой, широким носом. Брови сросшиеся, глаза глубоко посажены, рот большой, борода развита средне. Сходство, с одной стороны, с кавказским типом, с другой - с австралийским, так же как и географическое положение - промежуточное. Поэтому для этой группы уместно название индо-австралийская. Типичными представителями являются ведда на Цейлоне; ирула и некоторые племена коларов в Индии; многие моа из некоторых частей Индо-Китая; сенои или сакаи на Малайском полуострове; тоала на Целебесе. Это почти неизменно люди холмов или джунглей, которые, очевидно, представляют собой старую прослойку населения, оттесненную европеоидами или монголоидами или почти поглощенную ими. Темный цвет кожи в Индии, скорее всего, обусловлен этими людьми, чем каким-либо истинно негроидным вкраплением. Возможно, индоавстралийцы отделились от кавказского ствола в очень ранние времена, когда кавказская популяция еще не была такой "белой", как сейчас. С течением веков большая часть европеоидов в Европе и вблизи нее все больше и больше приобретала свои нынешние черты, в то время как эта отсталая ветвь в районе Индийского океана сохраняла свои примитивные и недифференцированные черты. Это заманчивая теория, но она простирается так далеко в область гипотез, что ее справедливая оценка должна быть оставлена специалисту.

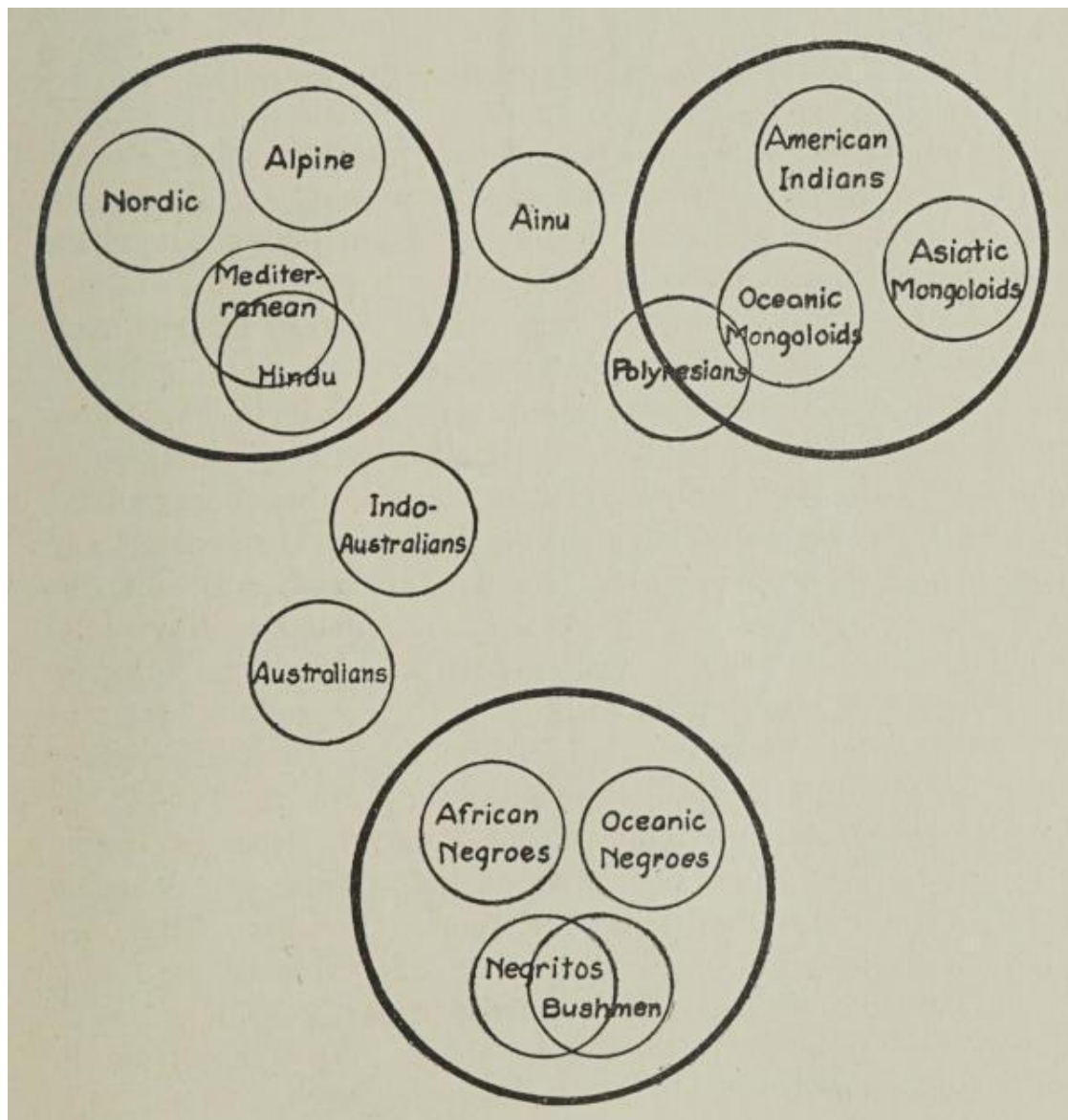


Рис. 8. Взаимоотношения человеческих рас. Расстояния между центрами кругов указывают на степень сходства.

На рисунке 8 сделана попытка графически представить степень сходства и различия между основными физическими типами, как они были обобщены в таблице и предыдущем обсуждении; генеалогическое древо на рисунке 9 - это попытка предположить, как эти типы могли расходиться друг с другом в своем развитии.

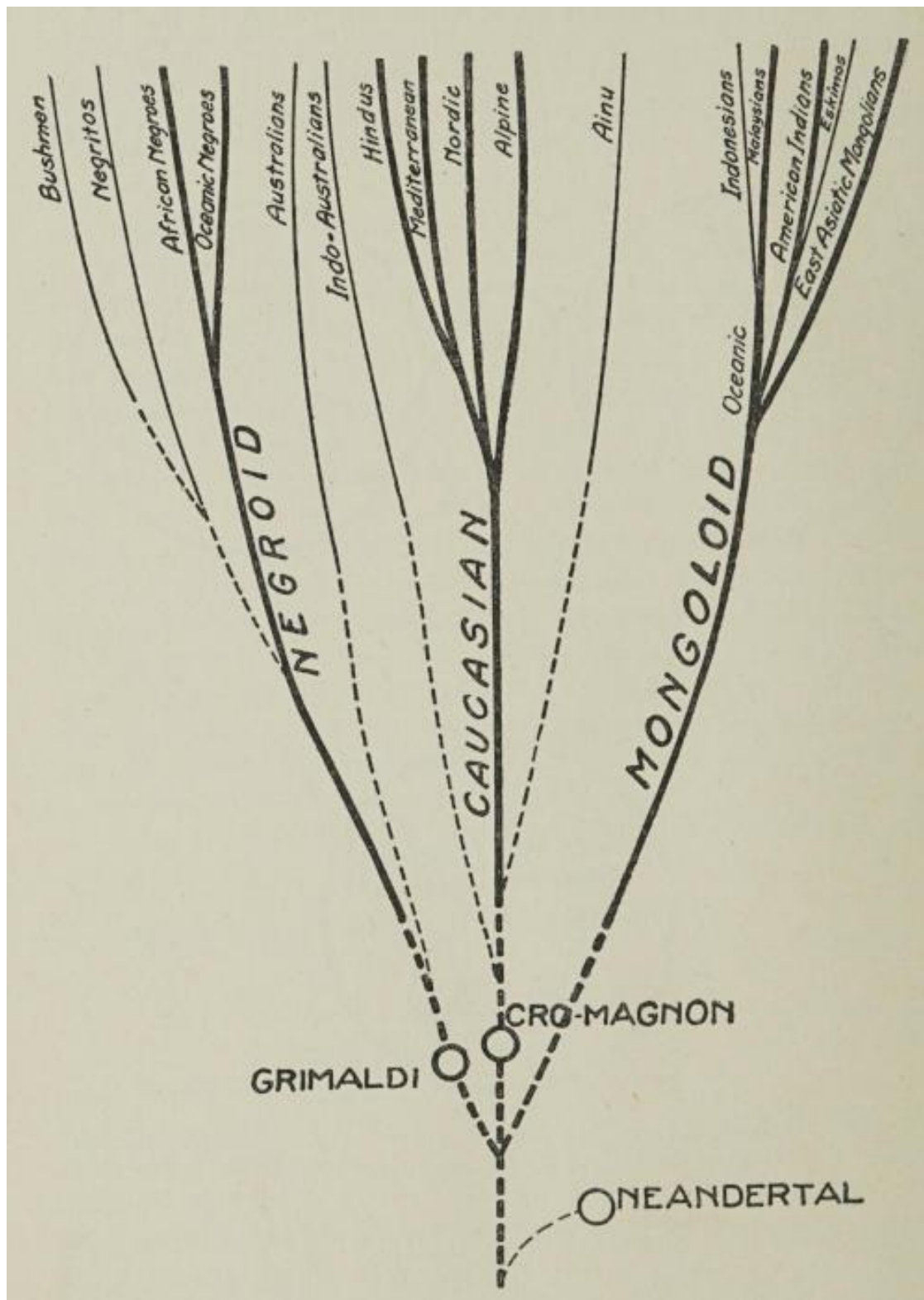


Рис. 9. Примерное генеалогическое древо человеческих рас.

28. Континенты и океаны

В этой классификации четко выделяется один факт, а именно то, что три великие расы не ограничиваются определенными континентами. Верно, что центр тяжести европеоидов находится в Европе или рядом с ней, что самый большой блок негроидов расположен в

Африке, а самая большая масса монголоидов - в Азии. Возможно даже, что эти три типа развивались на этих трех континентах. Но каждый из них в своем нынешнем распространении является *межконтинентальным*. Западная Азия и северная Африка, а также Европа являются европеоидными. Негроиды есть как в Океании, так и в Африке, а монголоиды встречаются в Океании, Азии и обеих Америках.

На самом деле распределение трех основных рас можно охарактеризовать как океаническое, а не континентальное. Кавказские части Европы, Азии и Африки окружают Средиземное море. Африканская и океаническая ветви негроидной расы расположены по левую и правую сторону Индийского океана. Ареал обитания монголоидов в Океании, на востоке Азии, в Северной и Южной Америке почти окружает Тихий океан. (Рис. 10 и 11.)

29. История расовых классификаций

Большинство ранних классификаций человечества пытались слишком тесно отождествить расы и континенты. Первая попытка была предпринята Линнеем в середине восемнадцатого века. Он выделил и описал четыре разновидности человечества, которые назвал *Europæus albus*, *Asiaticus luridus*, *Americanus rufus* и *Afer niger*; то есть европейский белый, азиатский желтый, американский красный, африканский черный.

Следующая классификация, разработанная Блюменбахом в 1775 году, по сути, та же самая, за исключением добавления пятой, океанической разновидности. Пять человеческих рас Блюменбаха - кавказская, монгольская, эфиопская, американская и малайская - до сих пор сохранились во многих учебниках географии наших начальных школ, обычно под обозначениями белой, желтой, черной, красной и коричневой; но они больше не получают научного признания.



Рис. 10. Контурное распределение основных расовых групп человечества в соответствии с трехчастной классификацией; австралийцы, айны, ведды, полинезийцы и т. д. включены в ту группу, с которой они наиболее тесно связаны. Для того чтобы хотя бы приблизительно

отразить все тонкости полной расовой классификации, потребуется карта большего размера с большим количеством штриховок.



Рис. 11. Циркумполярная карта распределения первичных рас (легенда как на [рис. 10](#)).

Со временем континентальный принцип классификации рас стал признаваться неадекватным, и среди антропологов появилась тенденция признавать отдельность некоторых специализированных групп, таких как австралийцы, бушмены, эскимосы и айны, которые часто возводились в расы, по существу равные великим расам, таким как монголоидная. Так, Пешель выделил: (1) средиземноморскую или европеоидную расу; (2) монголоидную (включая ост-индцев и американцев); (3) негров; (4) австралийцев; но затем отделил (5) дравидов Южной Индии; (6) папуасов и (7) готтентотов-бушменов, как будто эти меньшие группы были соотносимы с большими. Нотт и Глиддон также признают семь рас, хотя и несколько иных: Европейская, Азиатская, Негритянская, Американская, Малайская,

Австралийская и Арктическая. Это пятикратная схема Блюменбаха с добавлением австралийской и арктической.

30. Возникновение трехчленной классификации

С другой стороны, особенно в результате трудов французских антропологов, укрепилось мнение, что человечество можно удовлетворительно объяснить делением на европеоидов, негроидов и монголоидов. Те, кто принял этот принцип, пытались вписать такие несовпадающие типы, как австралийцы и полинезийцы, в ту или иную из этих трех больших групп. В этом процессе пришлось немного поработать врачом, а некоторые важные факты были оценены довольно легкомысленно. Именно по этой причине мы сочли за лучшее не делать нашу трехчастную классификацию слишком исчерпывающей. Эта трехчастная классификация, несомненно, охватывает огромную массу человечества, но разумнее всего признать, что эта же базовая классификация требует определенного расширения по линиям, указанным в нашей таблице.

Классификация, составленная французским антропологом Деникером, является одной из наиболее тщательно разработанных. В ней выделяется 6 основных делений, 17 малых делений и 29 отдельных рас. Основным критерием классификации является структура волос.

Классификация Деникера

- А. Шерстистые, с широким носом.
- I. 1. Бушмен.
- II. Негроид.
- 2. Негритос.
- 3. Негр.
- 4. Меланезийцы (включая папуасов Новой Гвинеи).
- В. Волосы вьющиеся или волнистые.
- III. 5. Эфиопы (Судан и др.).
- IV. 6. Австралийские.
- V. 7. Дравидийские (южная Индия).
- VI. 8. Ассирииды (курды, армяне, евреи).
- С. Волнистые волосы.
- VII. 9. Индо-афганские.
- VIII. Североафриканская.
- 10. Араб или семит.
- 11. Берберы (Сев. Африка).
- IX. Меланохроид.
- 12. Литораль (Западное Средиземноморье).
- 13. Иберо-инсулярный (Испания, С. Италия).
- 14. Западноевропейский.
- 15. Адриатика (С. Италия, Балканы).
- D. Волосы волнистые или прямые, светлые глаза.
- X. Ксантохроид.
- 16. Североевропейский.

- 17. Восточноевропейский.
- E. Волосы волнистые или прямые, с темными глазами.
- XI. 18. Айны.
- XII. Океанец.
- 19. Полинезийцы.
- 20. Индонезийские (Ост-Индские).
- F. Волосы прямые.
- XIII. Американец.
- 21. Южноамериканка.
- 22. Североамериканский.
- 23. Центральная Америка.
- 24. Патагонские.
- XIV. 25. Эскимосы.
- XV. 26. Лапландцы.
- XVI. Евразийский.
- 27. Угры (Е. Россия).
- 28. Турко-татары (юго-западная Сибирь).
- XVII. 29. Монголы (Восточная Азия).

Несмотря на кажущуюся сложность, эта классификация довольно близко совпадает с классификацией, которой мы придерживаемся в этой книге. Проверка показывает, что большой отдел А Деникера - негроидный, С и D - европеоидный, F - монголоидный. Из двух оставшихся больших делений, В является промежуточным между А и С, то есть между негроидным и европеоидным, и состоит из народов, которые либо, как восточные африканцы, являются вероятным результатом исторического смешения негроидов и европеоидов, либо, как австралийцы, разделяют черты тех и других, и поэтому признаются имеющими сомнительный статус. Другая большая группа, Е, является переходной между европеоидной D и монголоидной F, и народы, из которых она состоит, - это те, кого мы тоже признали трудно отнести к той или иной группе. Короче говоря, классификация Деникера гораздо более утонченная, наша - более простая; но по сути они подтверждают друг друга.

31. Другие классификации

Еще одна классификация, в которой на первый план выдвигается структура волос, принадлежит Ф. Мюллеру. Она выглядит следующим образом:

- А. Улотрихи, или шерстистоволосые.
- 1. Лофокоми, или хохлатые: Папуа, готтентоты-бушмены.
- 2. Эриокоми или русоволосые: Африканские негры.
- В. Лиссотрихи или прямоволосые.
- 3. Euthycomi или жесткошерстные: Австралийские, малайские, монгольские, арктические, американские.
- 4. Eurplocomi или волнистоволосые: Дравидийские (С. Индия), Нубийские, (Судан), "средиземноморские" (Европа, С. Африка и т.д.).

Проведенное здесь различие между группами хохлатых и волнистоволосых не обосновано. Оно опирается на ложное наблюдение: у некоторых рас, например у бушменов, волосы на

голове растут только пятнами или хохолками. Если исключить эту группу, то ее члены попадут в группу русоволосых или шерстяных, которая, таким образом, будет включать всех признанных негроидов; в то время как две оставшиеся группы, жесткошерстные и волнистошерстные, очевидно, соответствуют монголоидам и европеоидам. Единственная оставшаяся особенность классификации - и в этом пункте она, безусловно, ошибочна - это включение австралийцев в группу жестких или прямоволосых. Но даже в этой ошибке есть доля истины: она подчеркивает тот факт, что, несмотря на черную кожу, широкие носы и выступающие челюсти, австралийцы не являются откровенными негроидами.

В основе этой классификации, с учетом ее погрешностей, лежит идея о том, что человечество состоит не из трех, а из двух основных ветвей: улотрихи, или негроиды, в отличие от лиссотрихи, или объединенных монголоидов и европеоидов. Эту основную идею отстаивали и другие. Боас, например, считает монголоидов и европеоидов по сути лишь подтипами одного вида, с которым следует противопоставить негроидов и австралийцев.

Несколько иной по замыслу является схема Хаксли, который признает четыре основные расы, или пять, включая переходную. Это (1) австралоиды, включая дравидов и египтян; (2) негроиды, с бушменами и океаническими папуасами, меланезийцами, тасманийцами и негритосами в качестве двух подвариантов; (3) монголоиды, как принято считать; (4) ксантохрои, примерно равные нордикам и альпийцам; (5) меланохрои, почти такие же, как средиземноморцы, но, по мнению Хаксли, гибридные или промежуточные между ксантохроидами и австралоидами. Эта классификация фактически подчеркивает связь между австралоидами и европеоидами, с одной стороны, негроиды как отдельная группа, а с другой - монголоиды.

Классификация Геккеля в основном схожа, поскольку помимо обычных трех первичных стад, которые он возводит в ранг видов, он признает отдельную группу, включающую австралийцев, дравидов и индоавстралийцев, похожих на веддов.

32. Принципы и выводы, общие для всех классификаций

Как видно, несмотря на различия и неопределенности, которые пока преобладают в любой схеме классификации человеческих видов, определенные принципы выделяются как в отношении метода, так и результатов; и в отношении этих принципов существует значительное согласие.

Во-первых, любая обоснованная классификация должна основываться на сочетании как можно большего числа признаков или особенностей.

Во-вторых, некоторые особенности человеческого тела имеют определенное значение для различения рас. Волосы и волосатость, несомненно, имеют большое значение; рост, за исключением крайних случаев, гораздо меньше. Различия в цвете кожи, волос или глаз важны, но с ними трудно справиться. Форма носа и прогнатизм полезны для грубой классификации. Цефалический индекс обладает исключительной полезностью при проведении более тонких различий.

В-третьих, очевидно, что невозможно найти простую и последовательную схему, в которую можно было бы уложить все разновидности человека. Мы не должны пытаться сделать больше, чем позволяет природа.

С другой стороны, огромная часть человечества естественным образом распадается на три большие группы, каждая из которых подразделяется на три или четыре основные ветви, относительно четкости которых нет серьезных разногласий. Разрозненные остатки рас относятся то к одной первичной расе, то к другой, но всегда с какими-то особыми характеристиками.

На основе такой классификации, особенно после накопления большого количества точных измерений, которые позволят разработать ее с большей точностью, мы можем надеяться в конечном итоге восстановить полную и истинную историю человеческих рас или, в любом случае, некоторые разумные гипотезы относительно их развития. Однако пока мы не в состоянии объяснить происхождение рас иначе как умозрительно.

33. Раса, национальность и язык

Термин "раса" здесь использован в его биологическом значении - для обозначения группы, объединенной кровью или наследственностью. Раса - это подразделение вида, соответствующее породе у домашних животных. В народе это слово употребляется в другом смысле, а именно как популяция, имеющая какие-либо общие черты, будь то наследственные или ненаследственные, биологические или социальные (глава I). Принято, но с научной точки зрения неточно, говорить о французской расе, англосаксонской расе, цыганской расе, еврейской расе. Французы - это нация и народность, обладающая в значительной степени общей речью; биологически они представляют собой три расы, значительно смешанные, но все еще несовершенные (§ 24). Англосаксонский - это прежде всего речь, а также набор обычаев, традиций и взглядов, которые в большей или меньшей степени связаны с языком. Цыгане - это самосозданная каста, с фольклором, занятиями и собственной речью. Евреи, которые когда-то были национальностью, в настоящее время, конечно, образуют религиозное тело, которое несколько изменчиво, частично из-за внутренней сплоченности, частично из-за внешнего давления, также стремится к формированию касты. Они почти не проявляют наследственного расового типа, измерения показывают, что в каждой стране они приближаются к физическому типу языческого населения.

Может показаться, что не имеет особого значения, ограничивается ли слово "раса" строгим биологическим смыслом или используется в более свободном смысле. Однако на самом деле свободная терминология привела к бесчисленным рассуждениям. Когда человек десятки раз говорит о "французской расе", он неизбежно склоняется к тому, что жители Франции - это биологическая единица, а это не так. В основе ошибки лежит смешение органических признаков и процессов с суперорганическими или культурными; наследственности с традицией или подражанием. То, что цивилизации, языки и национальности передаются из поколения в поколение, очевидно, отличается от того, что они обусловлены поколением. Словесное мышление, склонное иметь дело с результатами, а не с причинами или процессами, не утруждает себя такой дискриминацией, и повседневная речь, восходящая к донаучному периоду, неоднозначна в этом отношении. Мы говорим не только "поколение", когда нет намерения подразумевать репродуктивный процесс, но и "хорошее воспитание" (буквально, хорошее выращивание, вылупление или рождение), когда имеем в виду хорошее домашнее воспитание или образование; точно так же мы "наследуем" состояние или имя - социальные вещи, а также неискоренимые черты, такие как карий цвет глаз. Биология закрепила за своими процессами исключительное использование термина "наследственность"; и биологи используют термин "раса" только применительно к наследственному подразделению вида. Не менее важно, чтобы это слово использовалось с таким же точным обозначением в антропологии, иначе все дискуссии о расе безвозвратно

превратятся в нелогичное скольжение туда-сюда между органическими и социальными факторами. Огромные по своей сути трудности, с которыми сопряжено понимание и решение тех проблем, которые принято называть расовыми, о чем пойдет речь в следующей главе, значительно увеличиваются из-за путаницы между тем, что является и что не является расовым, органическим и наследственным.

ГЛАВА IV ПРОБЛЕМЫ РАСЫ

34. Вопросы одаренности и их обоснованность.-35. План исследования.-36. Анатомические доказательства эволюционного ранга.-37. Сравнительные физиологические данные.-38. Болезни.-39. Причины заболеваемости раком.-40. Умственные достижения и социальная среда.-41. Психологические тесты на способности к восприятию.-42. Тесты интеллекта.-43. Статус гибридов.-44. Доказательства из культурной летописи рас.-45. Эмоциональная предвзятость.-46. Резюме.

34. Вопросы наделенности и их валидность

Схожи или несхожи человеческие расы по менталитету и характеру? Являются ли одни из них более низкими, чем другие, или все они находятся на одной плоскости в отношении потенциальных возможностей? Ответы на эти вопросы имеют теоретическое значение и, естественно, влияют на решение практических расовых проблем, с которыми сталкиваются многие народы.

До тех пор пока исследование остается достаточно абстрактным или отдаленным, его целесообразность, скорее всего, не будет подвергаться сомнению. Однако как только исследование затрагивает поведение - например, наши фактические отношения с другими расами, - возникает настроение, что, возможно, в конце концов проблема требует не столько знаний, сколько действий. Так, в отношении проблемы негров в Соединенных Штатах, скорее всего, будет сказано, что ближайший вопрос заключается в том, каким должно быть наилучшее отношение к автомобилям "Джим Кроу" и другим формам сегрегации. Являются ли они желательными или нежелательными, справедливыми или несправедливыми? Вот конкретные проблемы, на которые настоятельно требует ответа реальная ситуация. В сложившихся обстоятельствах, скажете вы, не является ли исследование врожденных способностей негра довольно отдаленным, особенно когда каждый может убедиться на тысяче примеров, что негр явно уступает кавказцу? Он беднее, более беспорядочен, менее успешен. Он не сделал ни одного изобретения, не породил ни одного гения. Он явно чувствует свою неполноценность и ведет себя соответствующим образом. Зачем тогда вообще поднимать вопрос о дееспособности, если только не из желания затуманить его, подмять под себя выводы здравого смысла и повседневного опыта с помощью специальных ходатайств, подменяющих искренность ловкостью? Когда заключенный признан виновным, дело судьи - определить срок наказания, решить, насколько справедливость должна быть сдобрена милосердием. Если бы он возобновил рассмотрение дела с самого начала, то проявил бы пристрастность. Разве ситуация ученого, предлагающего проверить принятый вердикт о том, что негр ниже европеоида, не аналогична ситуации судьи, который настаивает на отмене вердикта двенадцати беспристрастных присяжных, чтобы повторно судить самого подсудимого? В подобной форме у некоторых могут возникнуть возражения.

Ответ на такую критику заключается, во-первых, в том, что расовая неполноценность и превосходство отнюдь не являются самоочевидными истинами. Во-вторых, вера в расовое неравенство основывается на эмоциях и действиях, а затем обосновывается с помощью рассуждений. То есть вера рационализируется, а не выводится из чистого разума. Оно может быть истинным, но не доказанным.

Что касается самоочевидного, то ничто так не обманывает, как прямое наблюдение. Мы видим, что солнце движется, а земля стоит на месте. То, что солнце вращается вокруг земли, - это "самоочевидно". И все же спустя тысячи лет цивилизованная часть человечества в конце концов пришла к убеждению, что это земля вращается. У науки не было ни извращенного интереса, ни коварных мотивов, чтобы отстаивать систему Коперника вместо системы Птолемея; на самом деле к новой вере ее подталкивали постепенно и неохотно. Именно донаучное человечество, с его непосредственными, домашними, повседневными наблюдениями, действительно предрешило этот вопрос, и оно, поскольку всегда предполагало, что Земля плоская и неподвижная, и поскольку каждый идиот мог убедиться в этом, долго боролось с мыслью, что может быть иначе.

Что касается мнений, основанных на эмоциях и впоследствии рационализированных, вместо того чтобы быть выведенными чистым разумом из доказательств, то достаточно привести цитату из известной книги о стадном инстинкте, касающуюся соотношения массового мнения и науки:

"Когда, таким образом, мы обнаруживаем, что у нас есть мнение, в основе которого лежит чувство, говорящее нам, что исследовать его было бы абсурдно, явно ненужно, невыгодно, нежелательно, дурно или нечестиво, мы можем знать, что это мнение нерационально, и, вероятно, поэтому основано на недостаточных доказательствах.

"С другой стороны, мнения, которые приобретаются в результате одного лишь опыта, не обладают этим качеством первичной достоверности. Они верны в том смысле, что их можно проверить, но они не сопровождаются тем глубоким чувством истины, которым обладает вера, и, следовательно, мы не испытываем чувства неохоты, допуская их исследование". То, что тяжелые тела имеют тенденцию падать на землю, и то, что огонь обжигает пальцы, - это истины, которые можно проверить и которые проверяются каждый день, но мы не придерживаемся их с бесстрастной уверенностью, и мы не возмущаемся и не сопротивляемся выяснению их основ; тогда как в таком вопросе, как вопрос о выживании человеческой личности после смерти, мы придерживаемся благоприятного или неблагоприятного мнения с совершенно другим качеством чувства, и такого рода, что исследование этого вопроса рассматривается как неблагоприятное ортодоксальной наукой и как нечестивое ортодоксальной религией. В связи с этим можно заметить, что мы часто видим, как очень интересно показано, что носители двух диаметрально противоположных мнений, одно из которых, безусловно, правильное, могут оба показать своим отношением, что вера в них инстинктивна и нерациональна, как, например, когда атеист и христианин объединяются в отрицании исследования существования души."

Возьмите отношение среднего калифорнийца или австралийца к монголу; техасца к мексиканцу; южанина к негру; жителя Запада к местным племенам индейцев; англичанина к индусу - разве не описывает их чувства утверждение, что исследование возможности расового равенства было бы "ненужным", "абсурдным" или злобно мотивированным; и что их вера в расовое превосходство основывается на "априорном синтезе самого совершенного рода" и обладает "качеством первичной уверенности"?

Короче говоря, теоретические убеждения, которых придерживаются люди, столкнувшиеся с расовым конфликтом или проблемой, ни в коем случае не являются результатом беспристрастного изучения и проверки, а представляют собой результат принятых решений и эмоций, испытанных в ходе действий, совершенных по отношению к представителям другой расы. Убеждения в конечном счете основаны на импульсе и чувстве; их аргументированная поддержка является последующим подкреплением. Конечно, тот факт, что убеждение проистекает из эмоций, не делает его неистинным, но оставляет его научно недоказанным и требующим исследования.

Эти выводы могут оградить исследование относительных возможностей рас от обвинений в мелочности, коварстве, непрактичности или аморальности.

35. План исследования

В подходе к проблеме выделяется одно соображение. Если человеческие расы идентичны по своим способностям, или если, хотя и не абсолютно одинаковы, они в среднем существенно совпадают по сумме своих способностей, то такие различия, которые они проявили в своей истории или демонстрируют в своем нынешнем состоянии, очевидно, должны быть результатом главным образом внешних по отношению к наследственности обстоятельств. В таком случае знание исторических или экологических обстоятельств и их анализ становятся крайне важными для понимания. С другой стороны, если существует наследственное расовое неравенство, можно ожидать, что исторические или культурные влияния, какими бы значительными они ни были, все же будут иметь тенденцию брать свое начало в наследственных факторах и усиливать их. В этом случае различия между двумя группами будут частично обусловлены наследственностью, а частично - вышележащими культурными силами, действующими в целом в одном и том же направлении. Но даже в этом случае, прежде чем можно будет приступить к оценке силы истинных расовых факторов, необходимо будет вычесть исторические. Таким образом, в любом случае суть проблемы заключается в том, чтобы признать и по возможности вычеркнуть культурные, социальные или экологические факторы из сложной массы явлений, которые представляют собой живые человеческие группы. В той мере, в какой эти социальные или приобретенные черты могут быть определены и отброшены, врожденные и истинно расовые черты будут изолированы, и тогда их можно будет изучать, взвешивать и сравнивать. Таков, во всяком случае, разумный план процедуры. Мы ищем врожденные, неискоренимые элементы в социальном животном, которое повсеместно создало вокруг себя среду - а именно, культуру, - в которой оно живет и дышит. Именно потому, что в настоящем исследовании мы хотим проникнуть ниже эффектов культуры, мы должны быть готовы значительно озаботиться этими эффектами, действительными или возможными.

36. Анатомические доказательства эволюционного ранга

Но прежде всего следует рассмотреть относительно простое доказательство, связанное с физической формой и структурой расовых типов. Если окажется, что одна человеческая раса по своей анатомии ближе к обезьянам, чем другие расы, это даст основания полагать, что она отстала в эволюции. Кроме того, можно было бы предположить, что ее отставание было не только физическим, но и умственным.

Но факты не совпадают. Негр представляется человеком, похожим на симулянта. Его челюсти прогнатичны, лоб покатый, нос широкий и низкий. Более того, именно среди кавказцев встречаются противоположные черты. По прямоте челюстей и лба, выпуклости и узости носа европеоиды в целом превосходят монголоидов. Таким образом, порядок в

отношении этих конкретных признаков таков: обезьяна, негроид, монголоид, европеоид. Когда на одном конце находимся мы сами, а на другом - обезьяна, шкала кажется правильной. Она привлекательна и кажется значимой. Поэтому факты такого рода легко замечаются, запоминаются и спонтанно приходят на ум в споре о расовых различиях.

Однако существует множество пунктов, которые противоречат этой последовательности. Например, одно из самых заметных отличий человека от обезьян - относительная безволосость. Однако из трех основных расовых групп именно европеоиды наиболее волосаты. И монголоиды, и негроиды более гладкокожие как на лице, так и на теле.

По структуре волос прямоволосый монголоид ближе всего к обезьянам, волнистоволосый европеоид следует за ним, а шерстистый негроид наиболее характерен для человека или, по крайней мере, несимианца.

По длине волос на голове, в чем человек заметно отличается от обезьян, относительно короткошерстный негр снова наиболее близок к обезьяне, но длинноволосый монголоид превосходит промежуточного европеоида по степени отклонения.

Цвет губ меняет этот порядок. Губы обезьян тонкие и сероватые, далее идут губы монголоидов, затем европеоидов, а полные, яркие, красные губы негра - самые непохожие из всех.

Нет необходимости множить примеры. Если одна человеческая расовая группа опускается ниже других по некоторым признакам, то она поднимается выше их по другим признакам, в той мере, в какой "ниже" и "выше" могут быть измерены степенью сходства с обезьянами. Единственный способ принять решение по этому вопросу - подсчитать все признаки и выяснить, кто из негров, европеоидов или монголоидов наиболее непохож на обезьян во множестве случаев. Вполне возможно, что при таком подсчете европеоид окажется впереди. Но еще более очевидно, что в любом случае, какое бы большинство ни выпало, это будет хорошо разделенный подсчет. Если бы негр был более похож на кавказца во всех своих чертах или в восьми из десяти, этот факт имел бы большое значение. Если бы его симианские сходства суммировались с кавказскими в соотношении, скажем, четыре к трем, разница была бы настолько близкой, что потеряла бы почти все свое значение. По всей видимости, именно такое соотношение или даже более сбалансированное, насколько мы можем судить, возникло бы, если бы было возможно провести перепись всех признаков.

Следует добавить, что подобный метод сравнения страдает двумя недостатками. Во-первых, наиболее близкородственные формы время от времени резко расходятся по некоторым признакам; во-вторых, форма, которая в целом является высокоспециализированной, все же может оставаться более примитивной или вернуться к большей примитивности в некоторых своих чертах, чем относительно не эволюционировавшие расы или виды.

Так, антропоидные обезьяны брахицефальны, но все известные виды палеолитического человека долихоцефальны. Поэтому длинноголовый негр, сопоставленный с обезьянами, кажется наиболее специализированным видом человека. Однако по сравнению с ископаемыми человеческими формами негр является самым примитивным по этой характеристике, а монголоид и альпийский европеоид, можно сказать, эволюционировали дальше всех, поскольку их головы самые круглые. Тем не менее степень брахицефалии у них примерно такая же, как у антропоидных обезьян. Какому критерию отдать предпочтение? Невозможно сказать. Вполне вероятно, что круглоголовость обезьян - это особый признак,

который они приобрели после расхождения с общим предковым стволом гоминид. Если это так, то их круглоголовость и круглоголовость монголоидов - это просто случай конвергентной эволюции, когда характер повторяется независимо, и поэтому не свидетельствует о примитивности монголоидов. Однако если это так, то длинноголовость, характерная для ранних человеческих рас и современных негроидов, вероятно, также ничего не значит.

Еще более очевидно, что другие черты были приобретены независимо, вторично и эволюционировали заново. Так, например, надглазничные гребни. Когда наблюдаешь, с каким постоянством они выражены практически у всех неандертальцев, как они еще более заметны у питекантропа и родезийского человека, как у самца гориллы они чрезвычайно развиты, а среди ныне живущих рас они, пожалуй, сильнее всего выражены у низкого австралийца, так и тянет посмотреть на это костное развитие как на определенный признак примитивности. Однако существует целый ряд противоречащих друг другу фактов. Молодая горилла и взрослый оранг не имеют надглазничного развития. У самца гориллы мощные брови появились по той же причине, что и гребень на верхней части черепа: они необходимы для крепления мощной мускулатуры. Очевидно, что они являются вторичным половым признаком, развившимся внутри вида. Так, среди ископаемых людей, по-видимому, существовало два направления: одно, представленное питекантропом, неандертальцем и родезийской расой, имело тенденцию к надглазничной массивности, а другое, представителем которого является пилтдаунский человек, отличалось гладким лбом. Среди ныне живущих рас азиатские монголоиды не имеют выраженного надглазничного развития; близкородственные американские индейцы обладают им довольно сильно; кавказцы и негры почти не проявляют этой особенности; австралийцы - больше всех. Очевидно, было бы небезопасно делать большие выводы на основании наличия или отсутствия надглазничных гребней.

Возможно, этих примеров будет достаточно, чтобы показать, что даже простое определение физических характеристик человеческих рас - далеко не простая и не легкая задача. Сомнительно, что пока можно говорить о том, что одна раса физически выше или более развита, или более человечна и менее жестока, чем другая. Это не прямое отрицание возможности таких дифференциальных оценок: это отрицание только убеждения, что такие различия установлены как доказуемые.

37. Сравнительные физиологические данные

Существует и другой подход. Он заключается в том, чтобы отказаться от прямой попытки оценить расы с анатомической точки зрения и вместо этого поинтересоваться, есть ли у них физиологические различия. Если такие различия удастся обнаружить, то их можно будет интерпретировать как различия в активности, скорости реакции, выносливости или аналогичных конституциональных качествах. Если тела представителей двух рас ведут себя по-разному, у нас должны быть веские основания полагать, что их разум также ведет себя по-разному.

К сожалению, мы располагаем меньшим количеством данных по сравнительной физиологии, чем по сравнительной анатомии. Доказательства более зыбкие и запутанные, и для их сбора требуется больше терпения. К сожалению, и для целей нашего исследования расы оказываются почти одинаковыми в простейших физиологических реакциях. Нормальная температура тела взрослого европеоида составляет 37° (98,5 F.), пульс - около 70, частота дыхания - 17 или 18 в минуту. Если температура негра в среднем хоть на градус выше, можно ожидать, что он будет вести себя, как правило, чуть более лихорадочно, реагировать на раздражители более бурно, двигаться быстрее или беспокойнее. Или, если бы пульс у

монголов был определенно ниже, можно было бы ожидать, что они будут реагировать более вяло, более степенно, как стареющие кавказцы. Но имеющиеся наблюдения, хотя они далеко не так многочисленны, как хотелось бы, не выявляют таких различий: температура, пульс, дыхание фиксируются те же, что и у европеоидов, или отличаются настолько незначительно, или настолько противоречивы, что не оставляют места для положительных выводов. Конечно, если бы существовали какие-то важные расовые особенности, они были бы отмечены врачами, которые в то или иное время обследовали миллионы негров, китайцев, японцев, тысячи индейцев и полинезийцев.

По-видимому, существует только одна запись, которая хотя бы намекает на что-то существенное. Хрдличка, обследовав около 700 индейцев юго-запада США и северо-запада Мексики, обнаружил, что пульс в среднем составляет около 60 ударов в минуту, или на десять ударов меньше, чем у белых. Это, казалось бы, согласуется с общим впечатлением о менталитете индейцев как о твердом, сдержанном, медленном и устойчивом. Но количество наблюдений, в конце концов, довольно невелико; часть расы, представленная ими, ограничена; и место обитания группы племен - это в основном высокогорное плато, а высота, как известно, влияет на работу сердца. Поэтому потребуется значительное подтверждение, прежде чем можно будет сделать какие-либо серьезные выводы на основе этого наводящего на размышления набора данных.

Есть и другие физиологические функции, которые, вероятно, означают больше, чем только что рассмотренные: например, активность эндокринных желез или желез внутренней секреции. Избыток или недостаток активности щитовидной железы, гипофиза, надпочечников и половых желез влияет не только на здоровье, но и на тип личности, ее эмоциональные и интеллектуальные реакции. Например, кретинизм с сопутствующей ему почти идиотией является результатом недоразвития или недостаточного функционирования щитовидной железы и часто излечивается путем восполнения недостатка тиреоидного вещества и секреции. Но эта тема столь же сложна, сколь и интересна; на сегодняшний день об эндокринных расовых различиях не известно абсолютно ничего. Было бы относительно просто получить информацию из первых рук об анатомии эндокринных желез у негров по сравнению с белыми; выяснить, отличаются ли они по размеру, весу, форме или структуре, и как именно. Однако систематических попыток получить эти знания практически не предпринималось, и еще меньше знаний имеется в более тонкой и сложной области работы органов. Конечно, были выдвинуты теории, согласно которым расовая дифференциация сама по себе может быть в основном результатом эндокринной дифференциации. В таких предположениях есть что-то увлекательное, но следует помнить, что это всего лишь предположения.

38. Болезнь

Может показаться, что патология обещает больше, чем нормальная физиология. Что касается смертности, то между расами существуют огромные различия. И часто смертность в значительной степени является результатом конкретных заболеваний. Корь, например, часто становилась смертоносной эпидемией для нецивилизованных народов, а оспа в некоторых регионах порой уносила четверть населения за год или два. Однако было бы недальновидно выводиться из этих случаев какую-либо расовую предрасположенность или отсутствие сопротивляемости. Народы, о которых идет речь, на протяжении многих поколений, а возможно, и всей своей истории, были свободны от этих болезней, а значит, не сохранили и не приобрели иммунитет. Таким образом, их отличие от нас заключается в основном в опыте, а не в наследственности или расовой принадлежности. Это подтверждается тем фактом, что через поколение или два те же эпидемии, которые сначала

были столь смертоносны для полинезийцев или американских индейцев, опускаются почти до того же уровня легкой вирулентности, который они демонстрируют среди нас.

Кроме того, свою роль играет непосредственное окружение. Дикарь часто не имеет представления о заразе и тем более о защите от нее; он думает в терминах магии, а не физиологии, и поддается. Насколько тяжелая смертность является результатом недостаточной сопротивляемости или принципиально порочного лечения, зачастую трудно сказать. Если бы мы попытались вылечить оспу, подвергая пациентов паровой бане, а затем заставляя их окунаться в ветреную реку, мы, возможно, рассматривали бы эту болезнь как почти смертельную для европеоидной расы.

39. Причины заболеваемости раком

Стоит вкратце рассмотреть факты, касающиеся смертности от рака. Это страшное заболевание не является заразным, так что фактор приобретенного иммунитета исключен. Оно считается неизлечимым, за исключением операций, поэтому различия в лечении становятся относительно несущественными. Поэтому если существенные различия в расовой предрасположенности к раку существуют, то они должны проявляться с необычайной четкостью и определенностью.

На первый взгляд, так оно и есть. Утверждается, что белая раса наиболее восприимчива к этому недугу. В качестве подтверждения приводятся следующие цифры: смертность от рака в год на 100 000 населения.

1906-10	Дания	137
	Англия	94
	Соединенные Штаты	73
1909-11	Йоханнесбург, белые	52
	Негры	14
1906-10	Наталь, европейцы	56
	восточные индейцы	11
1906-10	Гонконг, европейцы	53
	Китайцы	5
1912	Голландская Ост-Индия, европейцы	81
1906-10	Сингапур, туземцы	13
	Поселения Стритс, местные жители	10
	Цейлон, туземцы	5
	Калькутта, туземцы	11
1908-13	Манила, белые	51
	Филиппинцы	27
	Китайцы	19
1910-12	Соединенные Штаты, белые	77
	Негры	56
1914	Соединенные Штаты, индейцы	4

Из этих цифр следует, что кавказцы умирают от рака чаще, чем представители темных рас. Собственно, это и утверждалось. Однако продолжим с цифрами.

1908-12	Крупные города, широты	60°-50° северной широты	106
		50°-40° "	92
		40°-30° "	78
		30° север - 30° юг	38-42
		30°-40° юг	90

В этой таблице смертность от рака в значительной степени зависит от географической широты, а не от расы.

В нее входит еще один фактор: род занятий. Ниже приведены данные по смертности на 100 000 населения среди мужчин 45-54 лет в Англии и Уэльсе.

	1890-92	1900-02
Юристы	199	159
Врачи	102	121
Священнослужители	81	91
Трубочисты	532	287
Пивовары	190	239
Металлисты	120	137
Садовники	88	93
Все профессии	118	145

О том, что относительная заболеваемость - не просто временная случайность, свидетельствует примерное повторение частоты через десять лет.

В той мере, в какой широта и род занятий влияют на возникновение рака, расовая принадлежность уменьшается как причина. Она уменьшается еще других соображений. В 1906-10 годах в Австрии было зарегистрировано 78 случаев, в Венгрии - 44. Здесь раса одна и та же: разница должна быть социальной. Австрия в среднем выше по уровню благосостояния, образования, развития медицины. Это обстоятельство имело двойной эффект. Во-первых, среди более отсталого населения определенная часть будет умирать от внутренних раковых заболеваний, которые трудно диагностировать, не распознав причину, из-за недостаточного медицинского лечения. Во-вторых, общий уровень смертности будет выше. Больше детей и молодых людей будут умирать от инфекционных или предотвратимых заболеваний, в результате чего останется меньше выживших, которые будут умирать от рака в среднем и пожилом возрасте. С другой стороны, там, где население образовано в медицинском отношении, а тиф, оспа, дифтерия, туберкулез уносят меньше жертв, доля умирающих от рака, нефрита, болезней сердца увеличивается. Такой рост отмечается повсеместно и идет рука об руку с увеличением средней продолжительности жизни. Поэтому тревога, которую иногда испытывают в связи с современным "ростом" рака, необоснованна, поскольку он, возможно, в основном кажущийся. Если бы каждый год все больший процент населения умирал от старости, это было бы признаком того, что санитария и медицина становятся все более эффективными: свидетельством того, что все больше людей доживают до старости, а не того, что возрастная дряхлость распространяется.

Следовательно, высокая степень современной цивилизации должна повышать уровень заболеваемости раком; и любая группа людей будет казаться относительно защищенной от рака в той мере, в какой она будет удалена от достижения этой цивилизации. В Венгрии в 1901-04 гг. среди владельцев крупных ферм умерло от рака 239 человек, среди владельцев мелких ферм - 41; среди работающих кузнецов - 108, среди их работников - 25; среди работающих портных - 114, среди работающих портных - 32. Очевидно, что эти пары групп различаются главным образом по своему экономическому и культурному статусу.

Здесь также кроется объяснение того, почему среди негров Южной Африки этот показатель составляет всего 14, а среди негров Соединенных Штатов - 56; почему среди китайцев этот показатель составляет всего 5 в Гонконге, поднимается до 19 в Маниле и 26 на Гавайях, а среди тесно связанных с ними японцев - 62 по всей Японии, по сравнению с 50 в Испании, которая является чисто кавказской, но одной из самых отсталых стран Европы. В Токио и Киото этот показатель взлетает до 73 и 90 соответственно, так же как и в Соединенных Штатах он примерно на 10 выше для городского, чем для сельского населения.

Внутри Соединенных Штатов также наблюдается почти параллельный рост и падение показателей для белых и негров в зависимости от местности; например,

1906-10	Белые	Негры
Мемфис	59	34
Чарльстон	73	37
Нэшвилл	74	55
Новый Орлеан	86	73

Если учесть, что негритянское население Соединенных Штатов беднее и менее образовано, чем белое, что оно проживает в основном в более низких широтах и что оно, как правило, является сельским, а не городским, то сравнительные показатели смертности от рака в стране - 56 негров и 77 белых - можно объяснить, не принимая во внимание расовую принадлежность.

Короче говоря, то, что на первый взгляд или пристрастному обывателю может показаться заметной расовой разницей в ответственности за рак, на поверку оказывается настолько преобладающим следствием экологических и социальных причин, что вызывает сомнения в том, что расовая наследственность вообще имеет какое-то значение. Это не утверждение, что раса не имеет никакого отношения к заболеванию; это утверждение, что при нынешнем уровне знаний не доказана врожденная или постоянная связь между расой и заболеваемостью раком. Если такая связь и существует, то она, очевидно, незначительна и сильно перекрывается нерасовыми влияниями; возможно, она и вовсе отсутствует.

В отношении большинства других заболеваний, где экологические факторы оказывают более прямое и очевидное влияние, ситуация не столь однозначна. Расовая медицинская наука не является невозможной; на самом деле она должна иметь важное будущее как исследование; но ее основы еще не заложены.

40. Умственные достижения и социальная среда

В ходе вышеизложенной дискуссии стало ясно одно обстоятельство: насколько трудным для позитивных выводов является наличие двух групп взаимодействующих причинных факторов -

наследственных и влияющих на наследственность факторов окружающей среды. Факторы окружающей среды сами по себе представляют собой совокупность географических влияний, а также экономических, культурных, и других социальных влияний, которые люди оказывают друг на друга.

Если такое переплетение различных видов причин справедливо для рас, если рассматривать их со стороны физиологии и медицины, то очевидно, что в психической сфере это переплетение будет еще более сложным. Ведь функционирование организма варьируется только в довольно определенных пределах. Когда внешние воздействия слишком сильно давят на врожденную природу организма, он перестает функционировать и умирает. Разум же, в какой бы степени его структура ни была обусловлена наследственностью, зависит от опыта, и этот опыт может быть самым разнообразным. Индивиды с одинаковыми органическими способностями могут родиться либо в самом верхнем слое высокоразвитой цивилизации, либо среди самых отсталых и отдаленных дикарей. Происходит ли это на самом деле и в какой степени - это, конечно, именно та проблема, которую мы пытаемся решить. Но то, что теоретически и логически это возможно, отрицать нельзя; и здесь начинается порочный круг рассуждений. Один аргумент гласит: среди народов, подобных готтентотам, не было признанных гениев, а общая сумма их групповых достижений смехотворно мала; поэтому очевидно, что ум готтентотов должен быть неполноценным. Противоположный аргумент гласит: культурная среда готтентотов настолько бедна и ограничена, что самый лучший ум в мире, воспитанный под ее влиянием, вырос бы относительно стерильным и атрофированным; поэтому вполне вероятно, что ум готтентотов по своей сути идентичен нашему или, по крайней мере, обладает эквивалентным потенциалом, и что гении готтентотов действительно рождались, но не смогли расцвести как гении.

Очевидно, что перед теми, кто отстаивает эти противоположные взгляды, стоят одни и те же факты, но рассматриваются они с диаметрально противоположных сторон. Если начать двигаться по логическому кругу в одном направлении, то можно продолжать вращаться бесконечно и находить все новые и новые подтверждающие факты. Если же начать вращаться по тому же кругу мнений в противоположном направлении, то так же легко и так же убедительно можно продолжать думать в том же духе и находить все свидетельства подтверждающими.

В такой ситуации можно осознать, что с точки зрения доказательства, или объективной истины, одна точка зрения стоит столько же, сколько и другая: а это ничто. Это эмоциональная предвзятость, которая склоняет одного человека к убеждению в расовом превосходстве, а другого - к убеждению в расовом равенстве. Доказательства в обоих случаях по большей части представляют собой простое собрание частных показаний. Выступать за беспристрастность достаточно легко. Сложность заключается в том, чтобы быть беспристрастным, потому что и наследственные, и экологические факторы на самом деле являются неизвестными величинами. Объективно перед нами такая-то и такая-то раса или группа людей, с такими-то и такими-то чертами характера и историческими данными. Эти явления являются продуктом взаимодействия двух групп причин, и мы могли бы, конечно, если бы знали силу одной из них, вычислить силу другой. Но поскольку мы не выделили ни одной из них, мы имеем дело с двумя неопределенными переменными. Очевидно, что единственный выход из дилеммы, во всяком случае, единственный научный выход, - это поиск ситуаций, в которых один из факторов на время фиксирован. В этом случае сила другого фактора, конечно, будет пропорциональна достижениям групп.

На самом деле, такие случаи найти очень сложно. Изредка встречаются особи с идентичной наследственностью, а именно близнецы, появившиеся в результате деления одной яйцеклетки. У таких близнецов о силе влияния окружающей среды можно судить по разнице в их карьере и достижениях. Однако такие близнецы - всего лишь индивидуумы, и неправомерно делать из них далеко идущие выводы в отношении более крупных групп, таких как расы. Можно предположить, что наследственность в целом может быть более сильной причиной, чем среда, и расовые группы все равно в среднем существенно похожи друг на друга по наследственности. Поскольку одаренный и отстающий в росте индивид внутри группы заметно различаются по достижениям даже в сходных условиях, из этого не следует, что расы различаются по зародышевой плазме, потому что они различаются по достижениям.

С другой стороны, если задаться целью обнаружить случаи идентичной среды для разных расовых штаммов, задача быстро становится еще более сложной. Обычно достаточно небольшого анализа, чтобы показать, что среда идентична только до определенного момента, а дальше начинаются важные социальные различия. Так, с точки зрения географической среды, негр и белый на юге Соединенных Штатов находятся в одинаковых условиях. Одинаковы и некоторые грубые внешние признаки культурной среды. И негры, и белые говорят по-английски, являются христианами, сажают кукурузу, ходят в цирк и так далее. Но, что не менее очевидно, есть аспекты, в которых их социальная среда глубоко различается. Широко различаются возможности получения образования. Возможность добиться лидерства или иным образом удовлетворить амбиции широко открыта для белого и практически закрыта для негра. "Цветная линия" неизбежно пересекает социальную среду и превращает ее в две разные среды.

Можно сказать, что юг Соединенных Штатов представляет собой крайний случай резко очерченной цветовой линии. Это правда. Но, с другой стороны, нет ни одного места на земле, где между двумя расами, населяющими одну и ту же территорию, не было бы проведено нечто, соответствующее цветовой линии. Иногда случается так, что различия сглаживаются и слабо или едва заметно навязываются, как, например, на современных Гавайях, где, на первый взгляд, многие расы живут вместе без дискриминации. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что отсутствие дискриминации носит лишь юридический и, возможно, экономический характер. В отношениях и ассоциациях людей, в том радушии, которое они оказывают друг другу, или в том отчуждении, которое они демонстрируют, всегда существует цветовая граница. Это означает не только различие в возможностях, но и различие в опыте, формировании привычек, практиках и интересах.

41. Психологические тесты на способности к восприятию

Этот фактор опыта проникает даже в самые простые, казалось бы, умственные операции - сенсорные. Скучные данные экспериментальных тестов показывают, что различные темнокожие или нецивилизованные народы, включая океанических и африканских негроидов, негритосов, айнов и американских индейцев, в целом несколько превосходят цивилизованных белых по остроте зрения и тонкости различения осязания, в то время как белые несколько превосходят их по остроте слуха и чувствительности к боли. Однако что означают эти результаты измерений?

Зрение проверяется на способность различать расстояния. Чем дальше человек может различить предметы или знаки, тем выше его рейтинг. Цивилизованный человек в норме читает на расстоянии 14 дюймов. Он работает с острыми ножами, с точными машинами; его окружают вещи, сделанные на таких точных машинах; он работает с тонкой бумагой и

плечными тканями. Его женщины шьют и вышивают самыми острыми иглами и самыми тонкими нитками. Все, что нас окружает, стремится к точности и удаляется от туманности далекого наблюдения. С другой стороны, дикарь, даже полудоминированный человек, осматривает горизонт, следит за дичью или ее неясными следами, пытается заглянуть на дно ручьев в поисках рыбы. Он не читает, его иглы тупые, нитки - шнур, его резьба не отличается точностью, хотя и декоративна, линии, которые он делает, свободны и далеки друг от друга. Его как бы готовят к обычным тестам на зрение. Если бы психолог обратил свой эксперимент вспять и стал искать степень способности видеть тонкие различия на близком расстоянии, возможно, дикарь оказался бы неполноценным, поскольку не был бы обучен своему опыту. Такие тесты, похоже, еще не проводились. Пока они не будут проведены и снова не покажут превосходство нецивилизованного человека, нет никаких реальных доказательств того, что существуют врожденные расовые различия, имеющие серьезное значение.

Акт видения на самом деле включает в себя больше, чем мы обычно думаем. В конце концов, зрение осуществляется как умом, так и глазом. Есть изображение на сетчатке, но есть и интерпретация этого изображения. Моряк видит далекий берег, в то время как сухопутный житель видит лишь дымку на горизонте. Для городского жителя лошадь и корова в миле от него неразличимы. Но не так для владельца ранчо. Есть что-то почти незаметное в профиле кормовой части животного, в его движении, что быстро и безошибочно классифицирует его. На еще больших расстояниях, где отдельные животные полностью исчезают из виду, стадо крупного рогатого скота можно отличить от стада лошадей по различным облакам пыли, которые они поднимают, или по скорости движения облака. Час спустя, когда стадо будет обнаружено и окажется, что все так и есть, изумленный путешественник из мегаполиса, скорее всего, оценит глаза своего проводника с большей силой, чем его полевой бинокль, забыв о влиянии опыта и тренировки.

В остроте слуха, напротив, следует ожидать, что цивилизованный белый окажется впереди, что, собственно, и происходит; не потому, что он европеец, а потому, что он цивилизован, и потому, что инструменты для экспериментов, будь то вилки для настройки, тикающие часы или шарики, падающие на металлические пластины, являются орудиями цивилизации. Сделайте тестом вой далекого волка или шелканье веток, гнущихся под ветром, и слух студента колледжа может оказаться более тупым, чем у индейца или айна. Существует история о том, как один дровосек на оживленной магистрали, среди рева транспорта и разнообразного шума большого города, услышал стрекотание сверчка, который на самом деле был обнаружен в ближайшем открытом подвале. Восхваляемый за чудесную остроту слуха, человек в меховой шапке бросил на мостовую мелкую монету: при звоне прохожие на другой стороне улицы останавливались и оглядывались.

Что касается чувства боли, то в экспериментах обязательно присутствует интроспективный, интерпретационный элемент. Что представляет собой боль? Когда испытание становится неприятным? Когда оно причиняет боль? Когда оно становится мучительным? Дикарь может физиологически чувствовать нервными окончаниями точно так же, как и мы. Но, будучи воспитанным в условиях хронического легкого дискомфорта, он, скорее всего, не будет обращать внимания на ощущения, пока они не станут резко болезненными; в то время как мы подаем сигнал, как только убеждаемся, что ощущения становятся ощутимо неприятными.

Одним словом, до тех пор, пока не будут проведены более многочисленные, сбалансированные и тщательные тесты, следует считать, что ничего положительного в отношении соответствующих сенсорных способностей нескольких человеческих рас не

установлено. Проведенные эксперименты являются проверкой не столько расы, сколько среднего опыта и привычек групп с разной культурой.

42. Тесты интеллекта

Если это верно в отношении сенсорных способностей, то можно ожидать, что это в большей степени относится и к тем высшим умственным способностям, которые мы называем интеллектом; так оно и есть. Тесты интеллекта постепенно развивались и совершенствовались, наиболее известными из них являются тесты Бине-Саймона. Они построены таким образом, чтобы определить умственный возраст испытуемого. Соответственно, их важнейшей функцией было выявление дефективных взрослых или отстающих детей. Во время мировой войны были введены психологические обследования в неслыханных ранее масштабах. Целью этих обследований было назначение людей на задания, наиболее соответствующие их истинным способностям; особенно для того, чтобы не допустить возложения на непригодных людей ответственности, при которой они могли бы сломаться и потерпеть неудачу в более крупных делах. Мужчины, подверженные головокружению, должны были быть отстранены от полетов; те, кто не мог понять приказы, должны были быть отстранены от активной линейной службы. Все тесты носили практический характер. Они пытались решить, годен или не годен тот или иной человек. Они не претендовали на то, чтобы вникать в причины его пригодности или непригодности. Это очень важный момент. Какое бы освещение ни проливали армейские тесты на проблему расового интеллекта, оно является косвенным. Различные расовые или национальные группы, представленные на экзаменах, получают разные оценки способностей, но в самих результатах нет ничего, что могло бы показать, обусловлены ли они расовыми или экологическими факторами. Доказательства по этому вопросу, если они вообще могут быть получены из тестов, должны быть "проанализированы".

В целом, в Соединенных Штатах экзаменуемых оценивали по баллам, присваивая им оценки от А до Е, с плюсовыми и минусовыми субградусами. Наиболее полным представлением результатов является выражение процента лиц в каждой группе, получивших среднюю оценку С, лучше С и хуже С. На этой основе мы находим:

<i>Группа и количество испытуемых</i>	<i>Ниже С</i>	<i>С</i>	<i>Выше С</i>
Англичане, 411	9	71	20
Белый призыв в целом, 93 973	24	64	12
Итальянцы, 4 007	63	36	1
Поляки, 382	70	30	(.5)
Негры в целом, 18 891	79	20	1

Эти цифры, на первый взгляд, свидетельствуют о глубоких групповых различиях в интеллекте; и эти цифры были широко приняты. Причина в том, что они льстят национальному и расовому эгоизму. Конечно, англичане в американском призыве показывают лучшие результаты, чем призывники в целом; но это самодовольно объясняется тем, что англичане представляют в сравнительной чистоте англосаксонскую или нордическую группу, которая также является доминирующей среди американцев, но которая была несколько загрязнена в их случае иммиграцией латинян и славян, которые показывают гораздо более низкие результаты, как показывают результаты тестирования итальянцев и поляков. Самым низким, как и следовало ожидать, является негр. Так выглядит поверхностная, но удовлетворяющая интерпретация этих цифр - удовлетворяющая, если человек имеет североευропейское происхождение.

Но есть одна особенность, которая вызывает подозрение. Итальянцы и поляки слишком близки к неграм. Согласно этим данным, по уровню интеллекта они стоят гораздо ближе к ним, чем к белым американцам. Может ли это быть так - по крайней мере, может ли это иметь расовое значение? Неужели эти средиземноморцы, потомки римлян, и эти альпийцы, чья кровь течет в жилах многих белых американцев, лишь на йоту превосходят негров? Едва ли. "Что-то должно быть не так" с этими цифрами: они содержат еще один фактор, помимо расы.

Небольшое расчленение результатов по глыбам выявляет этот фактор. Северный негр значительно превосходит южного в своих показателях. Он набирает в десять раз больше людей в классы выше среднего и лишь вдвое меньше - в классы ниже среднего. Очевидно, разница обусловлена более высоким уровнем школьного образования, улучшенной способностью зарабатывать, большими возможностями и стимулами: короче говоря, социальной средой. Влияние среды настолько сильно, что северный негр легко превосходит итальянца в Америке.

Негры, 5 северных штатов, 4 705 человек	46	51	3
Итальянцы, 4 007	63	36	1
Негры, 4 южных штата, 6 846	86	14	(.3)

Очевидно, что психологические тесты в большей степени определяют уровень образования и социальные возможности, чем расовую принадлежность, поскольку итальянец, хотя и брюнет, конечно же, чистый европеец.

Этот вывод подкрепляется еще одним соображением. Тип теста, впервые использованный в армии, был разработан для достаточно грамотных людей, говорящих по-английски. Среди таких людей он успешно различал более и менее подходящих. Но неграмотные и иностранцы, не знающие английского, полностью проваливались - не потому, что их интеллект был нулевым, а потому, что тест предполагал использование не врожденных способностей, которые они не приобрели. Второй набор тестов, известный как "Бета", был разработан для тех, кто явно не подходил или доказал свою непригодность к тестам старого образца, обозначенным как "Альфа". Неграмотность испытуемых, прошедших тест "Бета", в большинстве случаев не была абсолютной. Мужчины, которые не могли написать внятное письмо или прочитать газету или имели лишь половину или меньше обычного гимназического образования, а также иностранцы, чье понимание английского языка оставалось несовершенным, попадали в группу "неграмотных" или плохо образованных. Отделив теперь грамотных от неграмотных среди ряда расовых, национальных или секционных групп, мы обнаруживаем:

Альфа-тест: Грамотные

Англичане, 374	5	74	21
Белый призыв в целом, 72 618	16	69	15
Белые Алабамы, 697	19	72	9
Негры Нью-Йорка, 1 021	21	72	7
итальянцы, 575	33	64	3
Негры в целом, 5 681	54	44	2
Негры Алабамы, 262	56	44	(.4)

Бета-тест: неграмотные

Белый призыв в целом, 26 012	58	41	1
------------------------------	----	----	---

Итальянцы, 2 888	64	35	1
Негры Нью-Йорка, 440	72	28	0
Поляки, 263	76	24	(.4)
Белые Алабамы, 384	80	20	0
Негры в целом, 11 633	91	9	(.2)
Негры Алабамы, 1 043	97	3	(.1)

Следует помнить, что эти две группы были выделены не в результате тестов, а для того, чтобы решить проблему разумного единообразия в отношении этих двух групп. Суть заключалась в том, чтобы с одинаковой степенью точности найти отличного и непригодного человека, независимо от того, грамотный он или неграмотный. Когда он был найден, ему присваивалась одна и та же оценка, например, А или D-, независимо от того, был ли его экзамен альфа или бета.

Теперь давайте обратим внимание на некоторые цифры. Нью-йоркский негр почти на одном уровне с белым из Алабамы среди грамотных и немного опережает его среди неграмотных. Приблизительно эти две группы имеют одинаковый результат; это означает, что воспитание в определенной части страны имеет такое же влияние на интеллект, даже в грубой форме, как и кавказское или цветное происхождение.

Грамотные негры чернокожие, независимо от их положения, немного превосходят неграмотных белых.

В каждом случае грамотные представители расы или национальности показывают себя гораздо лучше, чем неграмотные.

Теперь становится ясно, что важный фактор образования настолько сильно влияет на первые приведенные цифры, что они мало что могут значить в отношении врожденных способностей. Из проверенных англичан девять десятых попали в группу грамотных; из поляков - пятая часть; из итальянцев - седьмая. В целом по призыву почти три четверти белых были грамотными; негров - менее трети.

Короче говоря, несмотря на то, что тест "Бета" был призван уравнивать условия для неграмотных и полуграмотных, главный вывод армейских экзаменов, похоже, заключается в том, что образование - культурное преимущество - чрезвычайно развивает способности.

Остается ли хоть что-то, что можно положительно отнести к расовой принадлежности? Можно утверждать, что в пределах одной и той же части белые рекруты регулярно превосходят цветных. Белые из Алабамы могут показывать неутешительные результаты, но они лучше, чем негры из Алабамы; негры из Нью-Йорка показывают удивительно хорошие результаты, но они уступают белым из Нью-Йорка; неграмотные белые со всей страны определенно превосходят неграмотных негров, а среди грамотных все еще больше. Но является ли этот остаток различий расовым? До тех пор, пока цветовая линия остается проведенной, в ней присутствует дифференциальный фактор культурного преимущества; и насколько он силен, в настоящее время узнать невозможно. Возможно, что некоторые различия между секционными и образовательными группами белых и негров, уравненными в правах, действительно являются врожденными и расовыми. Но также возможно, что большая часть или все они являются экологическими. Ни тот, ни другой вариант не может быть доказан на основе имеющихся в настоящее время неочищенных данных.

43. Статус гибридов

Почти во всех тестах американских негров полнокровные и смешанные крови не различаются. Очевидно, если расы обладают отличительными способностями, природа этих способностей не проясняется до тех пор, пока индивиды, которые биологически на семь восьмых являются европеоидами, включаются в число чистых негров только потому, что в этой стране принято считать их всех "цветными".

С другой стороны, прекрасная возможность для более глубокого исследования теряется из-за неспособности классифицировать протестированных цветных людей в соответствии с приблизительной долей негритянской крови. Предположим, например, что на данном экзамене белые набрали в среднем 100 баллов, а негры - 60. Тогда, если бы эта разница действительно была обусловлена расой, если бы она полностью зависела от высшей или низшей крови, мулаты должны были бы набрать в среднем 80, а квадраны - 90; если только интеллект не обусловлен простыми менделевскими факторами, в этом случае его наследование имело бы тенденцию к сегрегации, а этому нет никаких доказательств. Предположим, однако, что вместо теоретически ожидаемых 80 и 90 мулаты и квадраны набрали 65 и 68 баллов. В этом случае стало бы ясно, что большая часть рекордной неполноценности негра обусловлена средой; что баллы белого человека от 70 до 100 явно являются результатом его более высоких социальных возможностей, тогда как диапазон между 60 и 70 примерно отражает врожденное различие между негром и европеоидом. Это гипотетический пример, но он может служить иллюстрацией возможного метода решения проблемы.

Однако данных такого рода почти нет, а если они и будут получены, то при их интерпретации придется соблюдать определенные предосторожности. Например, на армейских экзаменах была предпринята попытка разделить небольшую группу цветных новобранцев на темнокожую группу, включающую полнокровных негров и тех, в ком преобладала негритянская кровь, и светлокожую группу, в которой, по оценкам, были мулаты и люди, в которых преобладало белое происхождение. Светлая группа показала лучшие результаты. В Альфа-тесте для грамотных она достигла среднего балла 50, а темные негры - только 30; в Бета-тесте для неграмотных соответствующие показатели составили 36 и 29.

Осторожность заключается в следующем. Разве мулаты находятся в более благоприятных условиях, чем полнокровные негры? В том, что касается голосования и занятия должностей, поездок в пульмановских вагонах и мест в оркестре в театре, разницы нет: и те, и другие - цветные, а значит, вне барьера. Но мулатки времен рабства, скорее всего, были домашними слугами, воспитывались в семье хозяина, впитывали манеры, информацию, возможно, образование; их черные сводные братья и сводные сестры оставались в хижинах на плантациях. С тех пор прошло несколько поколений, но вполне возможно, даже вероятно, что потомки мулатов на шаг или два опережают потомков негров по уровню грамотности, кругозору и т. п.

Невозможно предсказать, каким будет социальный эффект от смешения. Эффект, несомненно, варьируется и должен быть изучен в каждом конкретном случае. Так, индейцы-полукровки в одном племени обычно являются результатом совершенно мимолетных или корыстных союзов между неполноценными белыми и развратными туземками и поэтому могут расти в атмосфере деморализации, которой полнокровные индейцы подвержены в меньшей степени. Эта деморализация, конечно, повлияет на характер, а не на интеллект как таковой; но она может помешать школьному обучению и иным образом косвенно повлиять на измеряемые черты ума. В другом племени или части племени, напротив, полукровка

может нормально расти в доме постоянно живущего белого отца, человека-скво, и в этом случае он лучше выучит английский, раньше пойдет в школу и в случае теста получит более высокую оценку, чем полнокровный.

44. Доказательства из культурной летописи рас

Совершенно иной метод подхода к проблеме расового потенциала - изучение культурного наследия, достижений цивилизации, групп. Хотя такой подход теоретически возможен, и хотя его часто пытаются использовать, он слабо поддается контролю и поэтому вряд ли даст надежные выводы.

Прежде всего, история культуры народа должна быть известна на протяжении значительных периодов времени, прежде чем можно будет с полным основанием полагать, что из нее можно сделать вывод о способностях этого народа. Причина в том, что активная цивилизация, как продуктивный процесс, медленно растет, медленно приобретает. Простое движение вперед обычно позволяет более развитому из двух народов опережать другой в течение длительного времени. Если же речь идет не о нациях, а о группах наций, то импульс сохраняется еще дольше. Цивилизация процветала в течение нескольких тысяч лет на Ближнем Востоке, а затем в Средиземноморье, прежде чем она утвердилась с такой же силой и успехом в Северной Европе. Если бы Юлия Сезара или кого-нибудь из его современников спросили, может ли он по здравому размышлению представить себе бриттов и германцев равными по природе римлянам и грекам, он, вероятно, ответил бы, что если бы эти северяне обладали способностями средиземноморцев, они бы давно уже дали им волю, а не продолжали жить в дезорганизации, бедности, невежестве, грубости, без великих людей и продуктов духа. И, в общем-то, Сезар был прав, поскольку прошло более тысячи лет, прежде чем Северная Европа начала обгонять Италию по уровню и продуктивности цивилизации. За две тысячи лет до нашей эры хорошо информированный египтянин мог бы с таким же основанием отнестись к возможности того, что греки и итальянцы будут равны его собственному народу по возможностям. Что такого сделали эти варвары, чтобы заставить человека думать, что они еще могут совершить великие дела? Сегодня мы с такой же бесцеремонностью вычеркиваем из рассмотрения негров и индейцев.

В общем, аргументация от производительности к потенциалу, от свершений к достижениям, справедлива в условиях поставленного эксперимента, которые невозможны для рас, или в пропорции к большому количеству и разнообразию наблюдений. Одно соревнование может довольно надежно определить скоростные возможности двух бегунов. Но было бы опасно составлять мнение на основе случайного взгляда на них в действии, когда один из них, возможно, спешит, а другой медлит. И уж тем более не стоит делать вывод о том, что существенное превосходство принадлежит тому, кто опережает в момент наблюдения, не зная их стартовых точек, сложности маршрутов, мотивов и целей их движения. Только с увеличением числа обстоятельств, на основании которых можно вести наблюдения, суждение начинает иметь вес. Бегун, который долгое время лидировал и увеличивает свое преимущество, или который неоднократно обходил других, или который несет груз и при этом набирает высоту, может претендовать на превосходство. Точно так же и в отношениях между расами длительный и глубокий исторический опыт, объективно проанализированный, дает законное основание для предварительных выводов об их природных способностях. Но насколько длинной должна быть эта история, можно судить по уже приведенному примеру средиземноморского и нордического культурного преобладания.

Заблуждение, которое чаще всего совершается, заключается в том, чтобы утверждать на основе , что в истории великих групп это лишь мгновение: это мгновение, в которое доминирует собственная раса или национальность. Для англосаксов этот момент - настоящее время; для греков - эпоха Перикла. Обычно доминирование распространяется только на определенные аспекты: военное, экономическое или эстетическое превосходство, в зависимости от обстоятельств; на недостатки других сторон просто не обращают внимания. Грек знал о своей продажности, но, тем не менее, смотрел на варвара свысока. Неудачи англосаксов в пластических и музыкальных искусствах печально известны, но это не мешает большинству англосаксов верить в то, что они являются избранными по качеству, и подкреплять это убеждение свидетельствами нынешних промышленных, экономических и политических достижений - и, возможно, прошлых литературных.

45. Эмоциональная предвзятость

Умозаключение от рекордов к потенциалу, когда рекорды собственной группы благоприятны, и неспособность сделать такое умозаключение, когда достижения других групп выше, - это комбинация умственных операций, которая широко распространена, потому что возникает спонтанно в умах, не прошедших критической подготовки. Вот один из примеров:

Одним из великих достижений науки в XIX веке стала демонстрация Гальтоном в серии работ, начиная с "Наследственного гения", того, что законы наследственности применимы к разуму в той же мере и в той же манере, что и к телу. В целом это доказательство не получило признания в своей истинной значимости, вероятно, потому, что оно противоречит существующим предпосылкам о независимости души от тела и свободе воли, которых большинство людей придерживается эмоционально.

Отталкиваясь от этой вполне достоверной демонстрации, которая была подтверждена другими методами, Гальтон перешел к оценке наследственной ценности различных рас в зависимости от количества их гениальных людей. Здесь возникает заблуждение: предположение, что все рожденные гении признаются таковыми. Великое произведение, естественно, требует великого человека, но оно предполагает и великую культуру. Возможно, исторически сложилось так, что великий гений не может возникнуть в примитивной степени цивилизации. Иными словами, тот вид концентрированного достижения, который только мы признаем гениальным произведением, культурно невозможен ниже определенного уровня. Биологически гениальный индивид может быть там, но цивилизационно он не востребован, и поэтому не попадает в рекорд. Следовательно, не стоит доказывать, что от исторических данных можно перейти к биологическим. Однако Гальтон сделал это; и его метод привел его к выводу, что негр на два класса ниже англичанина по общей шкале из четырнадцати классов, а англичанин на два ниже афинянина пятого века.

Этот вывод никогда не был популярным. Большинство людей, знакомясь с аргументами Гальтона, сопротивляются им. Его ошибочность нелегко понять - если бы это было так, Гальтон не стал бы ее допускать, - а средний человек обычно так смутно представляет себе, что является органическим, а что социальным, что определить эту ошибочность ему будет не под силу. Поэтому его несогласие с выводом Гальтона эмоционально, а не рационально обосновано, и его аргументы против этого вывода, предположительно, также вызваны эмоциональным стимулом.

С другой стороны, большинство людей в наше время, подобно Гальтону, привычно делают выводы от культурного статуса к биологической ценности, если речь идет о неграх. Те же

люди, которые охотно принимают демонстрацию недостатков в аргументах в пользу превосходства афинян, обычно скептически и с сопротивлением относятся к демонстрации тех же недостатков в нынешней вере в негритянскую неполноценность. Примечательно, как часто и как скоро при таком изложении у слушателя возникает ощущение, что его позиция софистична, нереальна, неискренна или мотивирована чем-то скрытым.

Дрейф этой дискуссии может показаться неприкрытым аргументом в пользу расового равенства. Это не так (§ 271). На самом деле, телесные различия между расами, по-видимому, делают в высшей степени вероятным существование соответствующих врожденных психических различий. Эти различия могут быть не очень значительными по сравнению с общей суммой человеческих способностей, так же как физические вариации человечества находятся в пределах одного вида. Тем не менее они исключают возможность идентичности. Что касается сложного вопроса о превосходстве, то отсутствие идентичности предполагает, по крайней мере, некоторую степень большей силы в определенных отношениях у некоторых рас. Эти преобладания могут быть распределены довольно равномерно, так, что ни одна раса не будет заметно превосходить другие по сумме или среднему значению своих возможностей; или же они могут проявлять тенденцию к скоплению у одной расы, а не у другой. В любом случае, однако, факт расовых различий, качественных, если не количественных, останется.

Но одно дело - признать эту теоретическую вероятность, а затем остановиться, не зная, в чем заключаются различия, а другое - трактовать это признание как оправдание ментальных установок, которые могут быть хорошо обоснованы эмоционально, но в значительной степени необоснованны объективно.

Короче говоря, трудно доказать превосходство или неравенство какой-либо расы над другой, но относительно легко доказать, что мы испытываем сильное предубеждение в пользу собственного расового превосходства.

46. Резюме

Представляется, что тема расовых проблем, то есть естественной одаренности человеческих рас, может быть кратко изложена следующим образом:

Основная сложность этих проблем заключается в том, что производительность групп является продуктом двух наборов факторов, биологических и культурных, оба из которых изменчивы и не всегда легко отделимы друг от друга.

Прогресс в решении этих проблем будет происходить постепенно, и его ускорит осознание того, как мало положительных определений было сделано.

Большая часть якобы имеющихся данных о расовой принадлежности, скорее всего, окажется бесполезной.

Оставшаяся часть, вероятно, имеет некоторую ценность, но в какой степени и что она демонстрирует, пока утверждать нельзя.

Наиболее точные определения обещают дать эксперименты. Если бы можно было провести полностью контролируемые эксперименты по разведению и воспитанию людей, проблемы вскоре начали бы решаться. Эксперименты на животных практически ничего не дадут, потому что животные бескультурны и не подвержены влиянию социальной среды, которую они сами создают.

Прогрессу будет способствовать все большее смещение внимания от грубого рассмотрения сравнительного рейтинга рас, то есть их грубого превосходства или неполноценности, к рассмотрению специфических качественных различий, которые они могут проявить. Вопрос поиска расы, в которой сосредоточено наибольшее количество качественных преимуществ, является последующим и имеет гораздо меньшее научное значение.

Научные исследования расы в настоящее время лучше всего держать в стороне от так называемых актуальных расовых проблем. Эти проблемы неизбежно связаны с чувствами, обычно очень сильными, которые имеют тенденцию ослаблять объективный подход. С другой стороны, практические проблемы, несомненно, будут и дальше решаться практически, то есть морально и эмоционально. Запретить ли японцам владеть землей и лишить негров гражданских прав - это проблемы экономики и групповой этики, которые, вероятно, еще долго будут решаться эмоционально, как и сейчас, независимо от возможных выводов науки о врожденной одаренности европеоидов, монголоидов и негроидов.

ГЛАВА V ЯЗЫК

47. Языковые отношения: речевая семья.-48. Критерии родства.-49. Звуковые эквиваленты и фонетические законы.-50. Основные речевые семьи.-51. Классификация языков по типам.-52. Постоянство языка и расы.-53. Биологическая и историческая природа языка.-54. Проблемы соотношения языка и культуры.-55. Период возникновения языка.-56. Культура, речь и национальность.-57. Относительная ценность языков.-58. Размер словарного запаса.-59. Качество звуков речи.-60. Диффузия и параллелизм в языке и культуре.-61. Конвергентные языки.-62. Бессознательные факторы в языке и культуре.-63. Лингвистические и культурные стандарты.-64. Быстрота языковых изменений.

47. Языковые отношения: Речевая семья

Вопрос, который историк и антрополог чаще всего задают филологу, заключается в том, являются ли этот и тот языки родственными или нет. Родство в такой связи означает происхождение из общего источника, как два брата происходят от одного отца или два двоюродных брата от общего деда. Если можно доказать, что языки имеют такой общий источник, то очевидно, что народы, говорившие на них, когда-то должны были тесно контактировать или, возможно, составлять единый народ. С другой стороны, если языки двух народов оказываются совершенно несхожими, хотя их расовые типы и культуры практически идентичны, как это иногда случается, например, с венграми и их соседями, то очевидно, что где-то должен присутствовать элемент прерывистого развития. Возможно, одна часть изначально единой расовой группы постепенно изменила свою речь до неузнаваемости или под воздействием завоевания, миграции или других исторических случайностей полностью отказалась от нее в пользу нового и чужого языка. А может быть и наоборот: две группы изначально были разными во всех отношениях, но при контакте их культуры взаимопроникли, последовали межродовые браки, и два физических типа ассимилировались в один, а языки остались несхожими. Короче говоря, если мы хотим полностью понять какой-либо народ, мы должны учитывать его язык. Это означает, что он должен быть классифицирован. Если историческая классификация должна быть более чем

бесплодно логичной, она должна иметь ссылку на отношения, развитие, происхождение. Одним словом, это должна быть генетическая классификация.

Термин, используемый для обозначения того, что два или более языков имеют общий источник, но не связаны со всеми остальными или кажутся таковыми при современном уровне знаний, - это "лингвистическая семья". В качестве синонима часто используется "лингвистический фонд". Это фундаментальное понятие в классификации языков. Не имея четкого представления о его значении, человек впадает в путаницу при попытке использовать филологию в качестве пособия для других отраслей человеческой истории.

Нет никаких абстрактных причин против того, чтобы называть группу неродственных языков "семьей", поскольку все они говорят на одной территории, равно как и против того, чтобы называть "семьями", как это иногда делается, основные подразделения группы языков, которые, по общему мнению, имеют общее происхождение. Опять же, языки, демонстрирующие определенное сходство типа или структуры, например, флексии, можно было бы, по идее, объединить в одну "семью". Но против всех подобных употреблений есть одно возражение: они не фиксируют себя на вопросе о генетическом родстве, либо противоречат ему, либо исчерпывают его лишь частично. Однако общность происхождения настолько важна во многих связях, что необходимо иметь один термин, обозначающий ее несомненное присутствие. И для этого качества, как оказалось, нет другого общепринятого обозначения, кроме "языковой семьи" или ее синонима "языкового фонда". Поэтому это выражение будет использоваться здесь строго в смысле всей группы языков, произошедших от одного источника, и только в этом смысле. Другие группы будут обозначаться такими фразами, как "языки такой-то и такой-то области", "подсемья", "подразделение семьи" или "языки сходного типа".

48. Критерии взаимосвязи

Вопрос, который первым возникает в отношении языковых семей, заключается в том, как определяется связь входящих в них идиом. Вкратце, метод заключается в сравнении. Если значительная часть слов и грамматических форм двух языков достаточно схожа, достаточно схожа, чтобы показать, что сходство не может быть обусловлено простой случайностью, эти схожие слова и формы должны восходить к общему источнику, и если этот источник не является заимствованием, то два языка родственны. Если же сравнение не выявляет такой степени сходства, то языки относят к разным семьям.

Конечно, возможно, что причина, по которой два языка кажутся неродственными, не в том, что они действительно таковыми являются, а в том, что за прошедшие века они настолько сильно различаются, что уже невозможно найти сходство между их формами. В этом случае истинное родство будет затуманено его отдаленностью. Теоретически существует большая вероятность того, что многие семьи языков, которые обычно считаются совершенно разными, действительно восходят в далеком прошлом к общему происхождению, и что незнание их истории или неспособность глубоко проанализировать их препятствует признанию их родства. Время от времени случается, что группы языков, которые поначалу казались неродственными, при более интенсивном изучении оказываются достаточно общими, чтобы признать их изначальное единство. В этом случае несколько "семей" сливаются в одну. Сфера охвата конкретной семьи может быть таким образом расширена; но сфера охвата общего понятия "семья" не меняется.

Есть ли надежда на то, что сравнительная филология в конечном итоге будет развиваться достаточно успешно, чтобы привести все разнообразные формы человеческой речи к

единому происхождению, - это интересная спекуляция. Справедливо будет сказать, что такую возможность нельзя отрицать, но наука все еще далека от такой реализации, и прогресс в этом направлении неизбежно медленный. Более насущной задачей является упорядочение и обобщение имеющихся знаний с целью получения возможных положительных выводов.

При оценке сходства языков слова, которые считаются доказательством, должны отвечать двум требованиям: они должны быть одинаковыми или сходными по звучанию; и они должны быть одинаковыми или сходными по значению. Это двойное требование действует независимо от того, сравниваются ли полные слова или отдельные части слов, корни или грамматические формы. Английское слово *eel* и французское *île*, означающее остров, произносятся почти одинаково, но их значение настолько различно, что ни один здравомыслящий человек не посчитает их одного и того же происхождения. На самом деле *île* происходит от латинского *insula*, тогда как *eel* имеет аналог в немецком *aal*. Эти прототипы *insula* и *aal* столь же различны как по звучанию, так и по значению, поэтому любая возможность того, что *eel* и *île* могут быть родственниками, легко отпадает. Однако если бы латинские и немецкие эквиваленты были утеряны, если бы ничего не было известно об истории английского и французского языков, и если бы *île* означало не *остров*, а, скажем, *рыбу* или *водяную змею*, тогда можно было бы предположить наличие связи.

Такие сомнительные случаи, из которых определенная часть, скорее всего, будет решена неверно, неизбежно возникают в отношении менее изученных языков, особенно языков народов, не имеющих письменности, ранние стадии речи которых исчезли без следа. По мере того, как о языке становится известно больше, или тщательный анализ позволяет восстановить большее количество его прошлых стадий, количество таких пограничных случаев, очевидно, становится меньше.

Прежде чем можно будет говорить о генетической связи между двумя языками, количество их слов, сходных по звучанию и смыслу, должно быть достаточно большим. Отдельная горстка сходств, очевидно, является либо импортом - заимствованными словами, либо результатом совпадения. Так, в родном калифорнийском языке, известном как юки, "*ко*" означает "*идти*", а "*ком*" - "*приходить*". Однако изучение языка юки не выявило никаких других примеров такого же рода. Поэтому было бы нелепо мечтать о связи: одна ласточка не делает лето. Эта одинокая пара сходств не означает ничего, кроме того, что сработал математический закон вероятности. Среди тысяч слов одного языка некоторое количество, скорее всего, будет похоже по звучанию на слова другого языка; и из этого количества опять же небольшая часть, возможно, одно, два или пять, будет иметь некоторое сходство и по смыслу. Короче говоря, сходства, на которых основывается вердикт о генетическом родстве, должны быть достаточно многочисленными, чтобы выходить за рамки возможности простого совпадения; и также должно быть возможно доказать с разумной уверенностью, что они не являются результатом заимствования одним языком слов из другого, как, например, английский заимствовал слова из французского и латинского.

В то же время не обязательно, чтобы сходство доходило до тождества. На самом деле, слишком близкое сходство между частью фонда двух языков сразу же вызывает предположение о заимствовании. Ведь каждый язык постоянно меняется, и если родной язык разделился на несколько ветвей, каждая из них продолжает модифицировать свои звуки и постепенно менять значение своих слов, поколение за поколением. Короче говоря, если связь реальна, она должна быть завуалирована определенной степенью искажения.

Возьмем английское слово *foot* и латинское слово того же значения, *pes*. На первый взгляд, звуки и формы этих двух слов не похожи. Сходство становится более определенным в других формах *pes*, например, в родительном падеже *ped-is* или в винительном *ped-em*. Очевидно, что основа или начальная часть латинского слова - не *pes*, а *ped-*; а буква *d* ближе к английскому *t* в слове *foot*, чем к *s* в *pes*. Вероятность родства увеличивается благодаря греческому слову, обозначающему ступню, *pous*, чья основа оказывается *pod-*, с гласной, более близкой к английской. Между тем, следует признать, что существуют английские слова, начинающиеся с *ped-*, такие как *pedal*, *pedestrian*, *pedestal*, все они имеют четкую ассоциацию с идеей стопы. Однако все эти слова имеют почти точные эквиваленты в латыни. Поэтому из этих фактов можно сделать вывод, который подтверждается историей языков, а именно, что *pedal*, *pedestrian* и *pedestal* - это латинские слова, перешедшие в английский язык; в то время как *foot*, *pes* и *pous*, а также немецкое *fuss* являются производными от общей формы, существовавшей когда-то в ныне исчезнувшем родном языке, от которого произошли греческий и латынь, английский и немецкий.

49. Звуковые эквиваленты и фонетические законы

Далее возникает вопрос, можно ли объяснить искажения, которые изменили исходное слово в *foot*, *ped-* и т. д. Что привело к тому, что начальный звук этого древнего слова стал *p* в латыни и *f* в английском, а его последний согласный - *d* в латыни и греческом, *t* в английском и *ss* в немецком? Чтобы точно ответить на этот, казалось бы, невинный вопрос применительно только к одному этому слову, потребовался бы целый трактат по всей группе языков, о которых идет речь, и даже в этом случае причины, как, вряд ли можно было бы установить с уверенностью. Но оказалось возможным собрать большое количество примеров параллельного искажения, в которых латинское *p* соответствует английскому *f* или *d* - *t*. Очевидно, филология уловила здесь обобщенное явление. Поскольку *father* соответствует *pater*, *full* - *pl-enus*, *for* - *pro*, *fish* - *piscis* и так далее в каждом конкретном случае, мы, очевидно, сталкиваемся с явлением, которое происходит с регулярностью и к которому, следовательно, применимо название "закон".

Звуки *f* в слове *foot* и *p* в слове *pes* - губные. Они различаются тем, что *f* может длиться бесконечно долго, в то время как *p* - кратковременный звук. Он производится путем смыкания губ на долю секунды, в течение которой происходит прерывание производства звука, а затем несколько взрывной выброс дыхания, которое было задержано в полости рта. Этот взрыв обязательно должен быть мгновенным. Поскольку ему предшествует окклюзия, или остановка дыхания, принято говорить о звуках, произведенных в результате процесса, подобного *p*, как об "остановках". *F*, с другой стороны, является "континуумом", или, более конкретно, "фрикативом".

Английское слово *three* начинается со звука, который, хотя условно обозначается двумя буквами *th*, является простым звуком и относится к классу фрикативных. *Th* образуется путем легкого надавливания языком на зубы, так же как *f* - путем прижатия нижней губы к краю верхних зубов. В обоих случаях дыхание вырывается с трением через узкий проход. Если фрикативное *f* обозначается в латинском языке смычным *p*, то, при соблюдении регулярности, английское фрикативное *th* должно обозначаться в латинском языке смычным звуком в соответствующей зубной позиции, а именно *t*. Латинское слово, обозначающее *три*, на самом деле *tres*; *тонкий* - *ten-uis*; *мать* - *mater*; *ты* - *tu* и так далее. Таким образом, закономерность выходит за пределы одного лабиального класса звуков и с равной силой распространяется на дентальные, а также, можно добавить, на нёбные и гортанные.

Переходя от английского и латинского к немецкому, можно обнаружить, что начальный звук слова, означающего три, *drei*, несколько отличается от *th* и *t*, но все же явно родственен им, поскольку также произносится языком против зубов. *D* - это стоп, как и *t*, но во время его произнесения голосовые связки вибрируют, в то время как в *t* голосовые связки молчат. *D* - "звонкий" или "сонант", *t* - "незвонкий" или "сурд". Отсюда и формулировка: латинский - сурдовый смычный; немецкий - сонантный смычный; английский - фрикативный. Эта тройная эквивалентность может быть обоснована и в других словах. Например, *ten-uis*, *dünn*, *thin*; *tu*, *du*, *thou*.

Если это английское слово содержит сурдопереход, то каков будет его эквивалент в латинском и немецком языках? Сравните *десять*, латинское *decem*, немецкое *zehn*. И снова три класса звуков идут параллельно, но место их появления в трех языках смещается.

Третье возможное расположение трех звуков в трех языках - это когда в английском языке появляется сонантный смычный, *d*. Путем исключения можно предсказать, что латынь в этом случае должна показать фрикативный *th*, а немецкий - сурдо-стопный *t*. Слово *daughter* подтверждает это. Немецкое - *tochter*. Латынь в данном случае нас подводит: первоначальная соответствующая основа вышла из употребления и была заменена словом *filia*. Но греческий, чьи звуки совпадают с латинскими, в отличие от английского и немецкого, дает *th*, как и ожидалось: *thygater*. Сравните *смерть*, *tod*, *thanatos*.

Давайте сведем эти результаты воедино, чтобы глаз мог уловить их:

Латинский, греческий	остановка <i>surd</i>	сонантный смычный	фрикативный
немецкий	сонантный смычный	фрикативный	сурд-стоп
Английский	фрикативный	сурд-стоп	сонантная остановка
Латинский, греческий	<i>tres</i>	дуэт	тигатер
немецкий	<i>drei</i>	цвай	тохтер
Английский	три	два	дочерние

Эти отношения относятся не только к зубным *d*, *t*, *th* (*z*), которые были выбраны для иллюстрации, но и к губным *p*, *b*, *f*, а также к нёбным *k*, *g*, *h* (*gh*, *ch*).

Очевидно, что большинство звуков встречается во всех трех группах языков, но не в одних и тех же словах. Звук *t* является общим для английского, латинского и немецкого языков, но когда он появляется в определенном слове в одном из этих языков, то заменяется на *d* и *th* в двух других. Такая замена называется "звуковым сдвигом". Только что перечисленные звуковые сдвиги составляют знаменитый закон Гримма. Это был первый открытый важный фонетический закон или система звуковых замен. Однако это лишь один из ряда сдвигов, которые были разработаны для индоевропейской группы языков, к которой принадлежат английский, немецкий и латынь. До сих пор здесь рассматривались только смычные и фрикативные согласные, а гласные не рассматривались. В других группах языков также наблюдаются сдвиги, но часто разные, например между *l* и *n*, или *s* и *k*, или *p* и *k*.

Значимость сдвига заключается в том, что его регулярность нельзя объяснить ничем иным, кроме как тем, что слова, в которых действует этот закон, изначально должны были быть одинаковыми. То есть латинское *duo*, немецкое *zwei*, английское *two* - все это лишь варианты слова, означавшего "два" на родном языке, от которого произошли эти три языка. Конечно, один этот пример не является достаточным доказательством существования такого общего родного языка. Но то, что каждый из обсуждаемых сдвигов подтверждается сотнями или

тысячами слов, в которых он имеет место, выводит его за рамки возможности простой случайности. Объяснение случайностью исключается. Сходство, таким образом, является как подлинным, так и генетическим. Неизбежным становится вывод о том, что связанные таким образом языки являются позднейшими модификациями бывшего единого языка.

Именно таким образом определяется языковое родство. Когда древний звуковой сдвиг, закон фонетического изменения, может быть установлен достаточным количеством случаев, спор прекращается. Правда, когда большая часть языка погибла, или когда бесписьменный язык был лишь фрагментарно записан, или его анализ не был проведен далеко, сильная презумпция генетического единства может навалиться на исследователя, который еще не в состоянии представить доказательства законов. Признаки могут быть достаточно сильными, чтобы оправдать предварительное предположение о родстве. Но окончательной проверкой всегда является установление законов обоснованной эквивалентности, которые действуют с преобладающей регулярностью.

50. Основные речевые семьи

Количество языковых семейств не имеет большого теоретического значения. Из того, что уже было сказано, следует, что их число, вероятно, никогда не может быть определено с абсолютной точностью. По мере накопления знаний и доведения препарирования до большей тонкости, будут открываться новые фонетические законы, которые будут служить для объединения того, что сейчас кажется отдельными запасами. Тем не менее, для практических целей классификации и отслеживания родственных связей лингвистическая семья останется ценным инструментом. Поэтому стоит провести быстрый обзор основных семейств.



Рис. 12. Языковые семьи Азии и Европы. 1, баскская. 2, индоевропейская. 3, кавказская (возможно, две семьи). 4, урало-алтайская (а, финно-угорская; б, самодийская; в, турецкая; г, монгольская; д, тунгусо-маньчжурская). 5, семитские. 6, дравидийский. 7, Коларские. 8, Синитские (а, китайские; б, шанско-сиамские; в, тибето-бирманские). 9, кхаси. 10, анамезские. 11, мон-кхмерский. 12, сакай. 13, семанг. 14, Андаманский. 15, малайско-полинезийский. 16, корейский. 17, японский. 18, айны. 19, енисейский. 20, юкагирский. 21, чукчи-камчадалы. 22, эскимосы.

В Азии и Европе, которые в этой связи следует рассматривать как единое целое, количество языков, по консервативным подсчетам, не превышает двадцати пяти. Самой важной из них по числу носителей является индоевропейская, индогерманская или арийская семья, территория которой на протяжении нескольких тысяч лет включала юго-западную Азию и большую часть, но далеко не всю, Европы. Самыми многочисленными ветвями индоевропейской семьи являются индийская, славянская, германская и романская или латинская. Другие - персидский или иранский, армянский, греческий, албанский, балтийский или литовский и кельтский. Из Европы различные индоевропейские языки, такие как английский, испанский, французский, русский, в последние века были перенесены на другие континенты, пока в некоторых из них, таких как Америка и Австралия, большая

территория теперь населена народами, говорящими на индоевропейских языках. Поскольку прилагаемые карты предназначены для изображения исторического или исконного распространения языков, на них не показана эта диффузия. Следует отметить, что распространение индоевропейского языка имеет вид длинного пояса, протянувшегося от западной Европы до северо-восточной Индии, с перерывом только в Малой Азии (рис. 12). Турецкие народы вытеснили там индоевропейцев около тысячи лет назад, нарушив тем самым территориальную преемственность. Вероятно, еще одна связь между западными и восточными индоевропейцами когда-то простиралась к северу от Каспийского моря. Здесь также сейчас живут турки.

Почти равным индоевропейскому по числу носителей является синитский язык, который, как принято считать, включает собственно китайский с его диалектами, тибето-бирманскую ветвь, тайскую или шанско-сиамскую ветвь и, вероятно, некоторые второстепенные подразделения, такие как лоло.

По протяженности занимаемой территории алтайская группа соперничает с индоевропейской. Три его основных подразделения, тюркское, монгольское и тунгусо-маньчжурское, охватывают большую часть северной и центральной Азии и некоторые районы Европы. Турки, как только что было отмечено, являются единственной группой, которая в течение исторического периода приобрела значительную территорию за счет индоевропейцев. Уральская или финно-угорская семья имеет своей родиной восточную Европу и северо-западную Азию, а ее наиболее цивилизованными и известными представителями являются финны и венгерские мадьяры. Это разрозненная группа. Большинство ученых объединяют три алтайские группы, финно-угорскую и самодийскую в обширную урало-алтайскую семью.

Из семитской семьи главным живым представителем является арабский язык, а его малоизвестной сводной сестрой - абиссинский язык в Африке. Арабский язык - один из самых распространенных среди всех языков, и как ортодоксальный носитель магометанства он выполнял важную функцию носителя культуры. Несколько великих народов древности также говорили на семитских языках: вавилоняне, ассирийцы, финикийцы, карфагеняне и евреи.

Южная Индия - дравидийская. Хотя люди этой семьи мало вписываются в наши привычные представления, их насчитывается более пятидесяти миллионов. Японский и корейский языки также заслуживают упоминания как важные языки-фонды. Анамезы, которых некоторые считают ответвлением от китайцев, могут представлять собой отдельную группу. На карте Азии можно найти несколько незначительных семей, большинство из которых состоят из нецивилизованных народов или ограничены по территории или количеству говорящих на них. Тем не менее, насколько можно судить по нынешним знаниям, они образуют единицы того же порядка независимости, что и большие индоевропейские, семитские и урало-алтайские фонды.

Распределение языков в Африке в основном простое (рис. 13). Вся северная Африка за 10° широты и часть восточной Африки почти до экватора когда-то были хамитскими. Именно к этой семье принадлежал язык Древнего Египта. Хамитский и семитский языки, названные в честь сыновей Ноя, вероятно, происходят из общего источника, хотя разделение общего родного языка на африканский хамитский и азиатский семитский должно было произойти очень давно. За последнюю тысячу лет хамитский язык уступил место семитскому из-за распространения арабского языка в магометанской Африке.

Африка к югу от экватора является родиной большой семьи банту, за исключением крайнего юго-запада континента. Там на значительной территории, хотя и с небольшой плотностью населения, проживали отсталые бушмены и готтентоты, отличающиеся как физическим типом, так и языком.

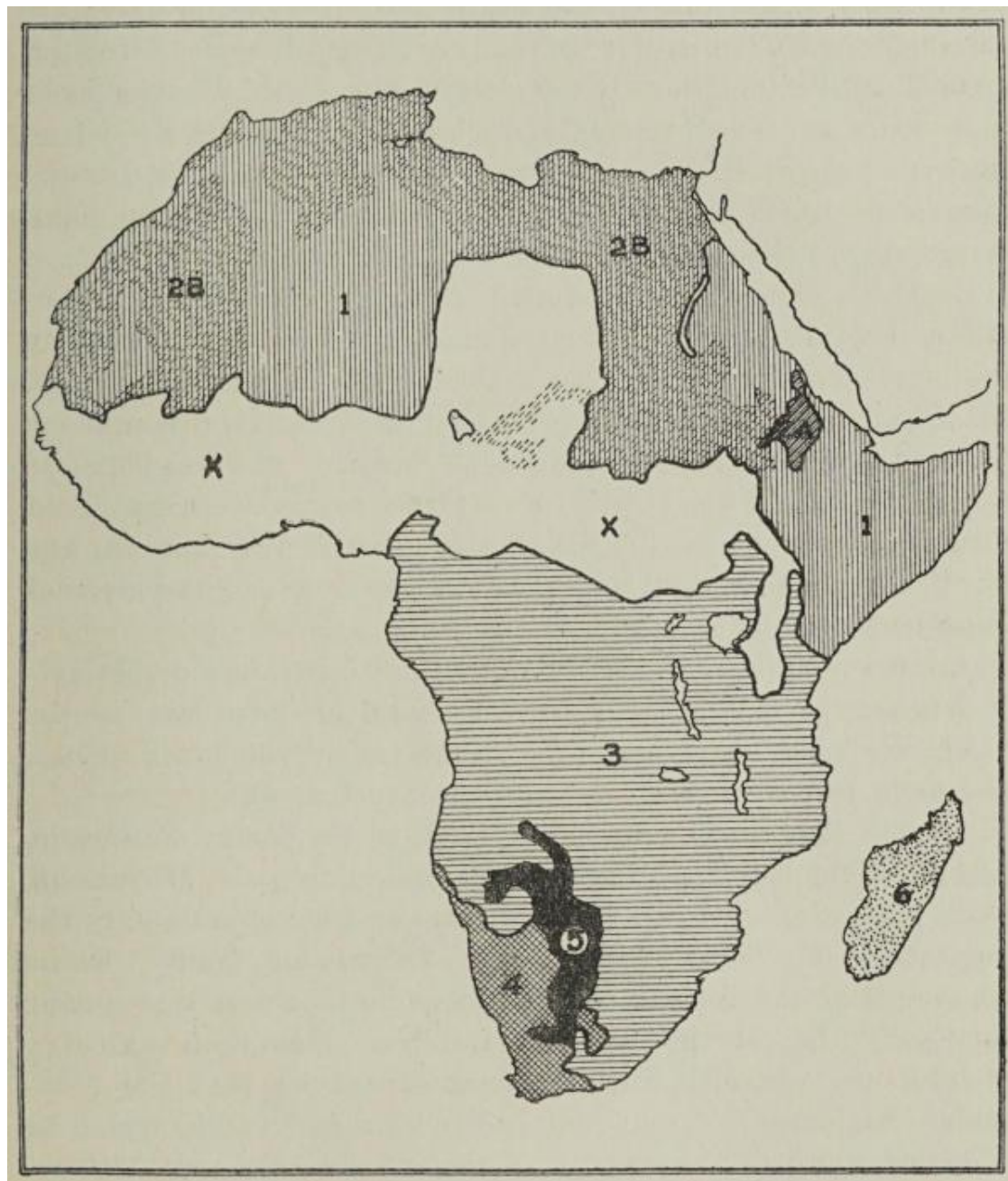


Рис. 13. Языковые семьи Африки. 1, хамитская. 2, семитская (а - старая; б - проникшая на бывшую хамитскую территорию со времен Мухаммеда). 3, банту. 4, хоттентоты. 5, бушмен. 6, малайско-полинезийская. X - Судан, не поддающийся последовательной классификации.

Между экватором и десятью северными широтами, в поясе, известном как Судан, наблюдается гораздо большее речевое разнообразие, чем в других местах в Африке. Языки Судана делятся на несколько семей, возможно, на довольно большое количество. Мнения относительно их классификации расходятся. Они, по крайней мере, в основном, нехамитские и небантуские; но этот негативный факт не исключает того, что они имели одно или десяток истоков. Обычно было проще свалить их все в одну расплывчатую группу, обозначенную как нехамитские и небанту, чем сравнивать их в деталях.

В Океании условия похожи на африканские: здесь есть несколько больших, широко разветвленных групп и одна довольно небольшая область, Новая Гвинея, с поразительным речевым разнообразием. Действительно, на первый взгляд, это разнообразие является выдающейся лингвистической особенностью Новой Гвинеи. Сотни папуасских диалектов острова выглядят так, как будто для их размещения может потребоваться двадцать или более семей. Однако невозможно представить себе, чтобы столь малочисленное население раз за разом развивало совершенно новые формы речи. Гораздо более вероятно, что что-то в образе жизни или привычках ума папуасов способствовало дроблению их речи на местные диалекты и необычайно быстрой модификации их в заметно различающиеся языки. Каковы были обстоятельства, способствовавшие этой тенденции к сегрегации и изменениям, можно только предполагать. Во всяком случае, Новая Гвинея стоит в одном ряду с Суданом, западной частью Северной Америки и амазонским регионом Южной Америки как одна из областей наибольшего языкового многообразия.

Вся остальная часть Океании имеет либо австралийский, либо малайско-полинезийский язык. Австралийские идиомы записаны неполно. Они многочисленны и разнообразны, но, похоже, происходят от одного родного языка.

Вся Ост-Индия, включая часть Малайского полуострова, и весь островной мир Тихого океана - Полинезия, Микронезия и Меланезия - за исключением внутренней части Новой Гвинеи - являются местом обитания тесно связанной малайско-полинезийской семьи, единство которой было быстро признано филологами. От Мадагаскара до острова Пасхи эта речь простирается более чем на половину нашей планеты. Некоторые считают, что мон-кхмерские языки южного Индо-Китая и коларианские или мунда-кольские языки Индии родственны по происхождению малайско-полинезийским, и обозначают более крупное целое как австронезийскую семью.

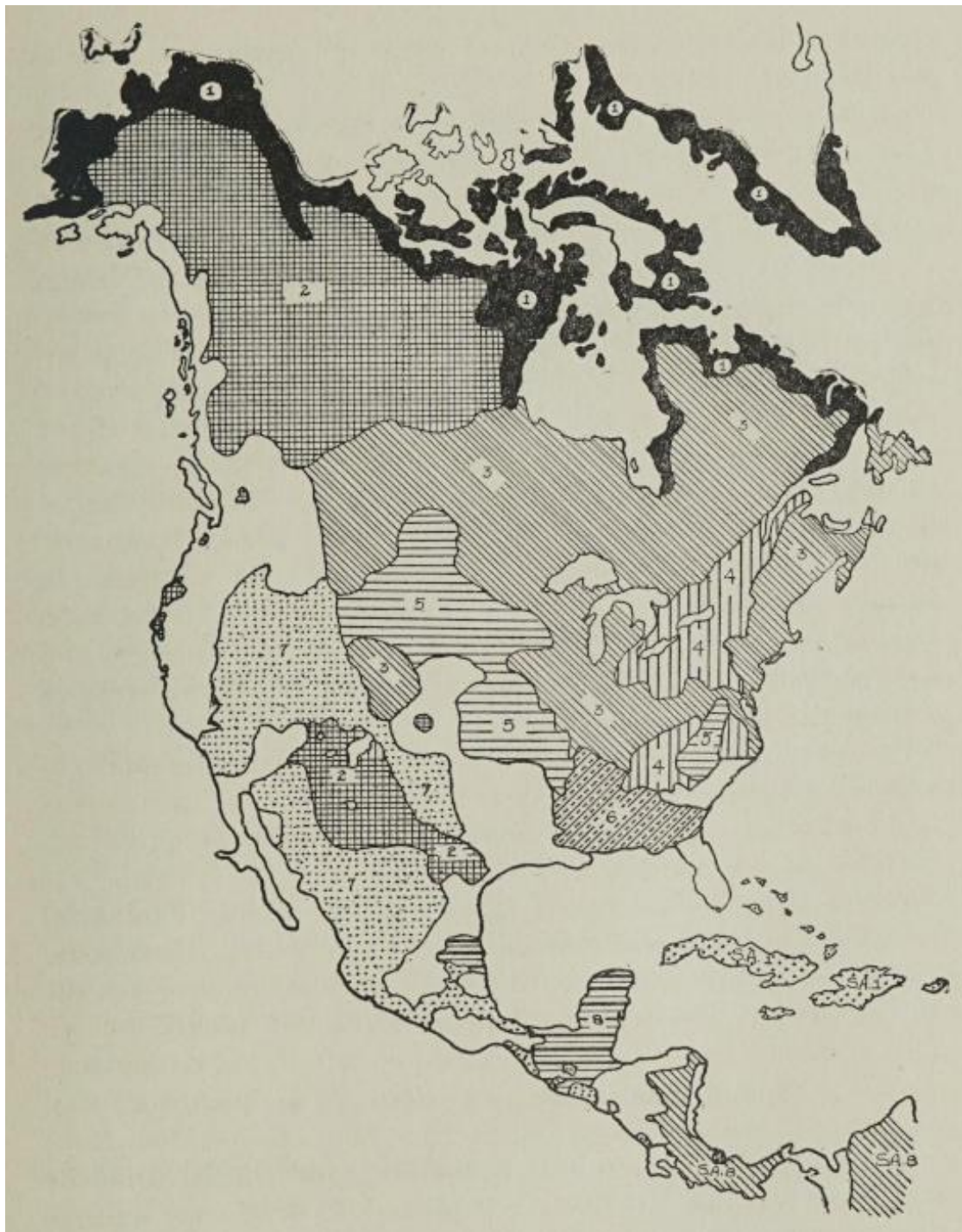


Рис. 14. Некоторые важные языковые семьи Северной Америки: 1, эскимосская; 2, атабасканская; 3, алгонкинская; 4, ирокезская; 5, сиуанская; 6, мускогская; 7, вто-ацтекская; 8, майя. SA1, араваки, № 1 на карте Южной Америки (рис. 15). SA8, чибча, № 8 на карте Южной Америки. Белые области занимают около семидесяти меньших семейств, согласно общепринятой классификации.

Северная и Южная Америка, по общепринятым подсчетам, содержат больше семей родных языков, чем весь остальной мир. Согласно ортодоксальной классификации, около семидесяти пяти семей относятся к Северной Америке (около пятидесяти из них представлены в пределах Соединенных Штатов) и еще семьдесят пять - к Южной Америке. На момент открытия они сильно различались по размеру: некоторые ограничивались

несколькими сотнями душ, в то время как другие тянулись племя за племенем по огромным территориям. Их распределение настолько неравномерно, а площади настолько непропорциональны, что их невозможно наглядно представить иначе, как на крупномасштабной карте в красках. Наиболее важными по протяженности территории, количеству носителей или культурному значению народов, относящихся к ним, являются в Северной Америке эскимосский, атабасканский, алгонкинский, ирокезский, мускогский, сиуанский, вто-ацтекский, майя; а в Южной Америке - чибча, кечуа, аймара, арауканский, аравакский, карибский, тупи, тапуйя. На картах (рис. 14, 15) видно, что эти шестнадцать групп занимают большую часть площади двойного континента, а на остальных, более мелких территориях, сосредоточено примерно в десять раз больше запасов. Очевидно, что, как и в Новой Гвинее, здесь не могло быть такой изначальной многочисленности; более того, последние исследования склоняются к тому, чтобы объединить сто пятьдесят семейств Нового Света в значительно меньшее число групп. Но доказательства такого сокращения неизбежно трудно привести, и большая их часть все еще неполна. Упомянутые выше запасы давно определены и общеприняты.

Примерно треть современного человечества говорит на индоевропейском языке в той или иной форме. Четверть говорит на каком-то диалекте синитской группы. Семитские, дравидийские, урало-алтайские, японские, малайско-полинезийские, банту имеют от пятидесяти до ста миллионов носителей каждый. Языки, входящие в эти восемь семей, составляют речь примерно девяноста процентов живущих людей.

51. Классификация языков по типам

Широко распространена классификация, которая делит языки по их структуре на три типа: инфлективные, агглютинативные и изолирующие. Некоторые добавляют к этому четвертый тип - полисинтетический или инкорпорирующий. Несмотря на то, что эта классификация в значительной степени искажает реальность, она настолько прочно вошла в современные представления о человеческой речи, что ее стоит представить, проанализировать и, насколько она несостоятельна, опровергнуть.

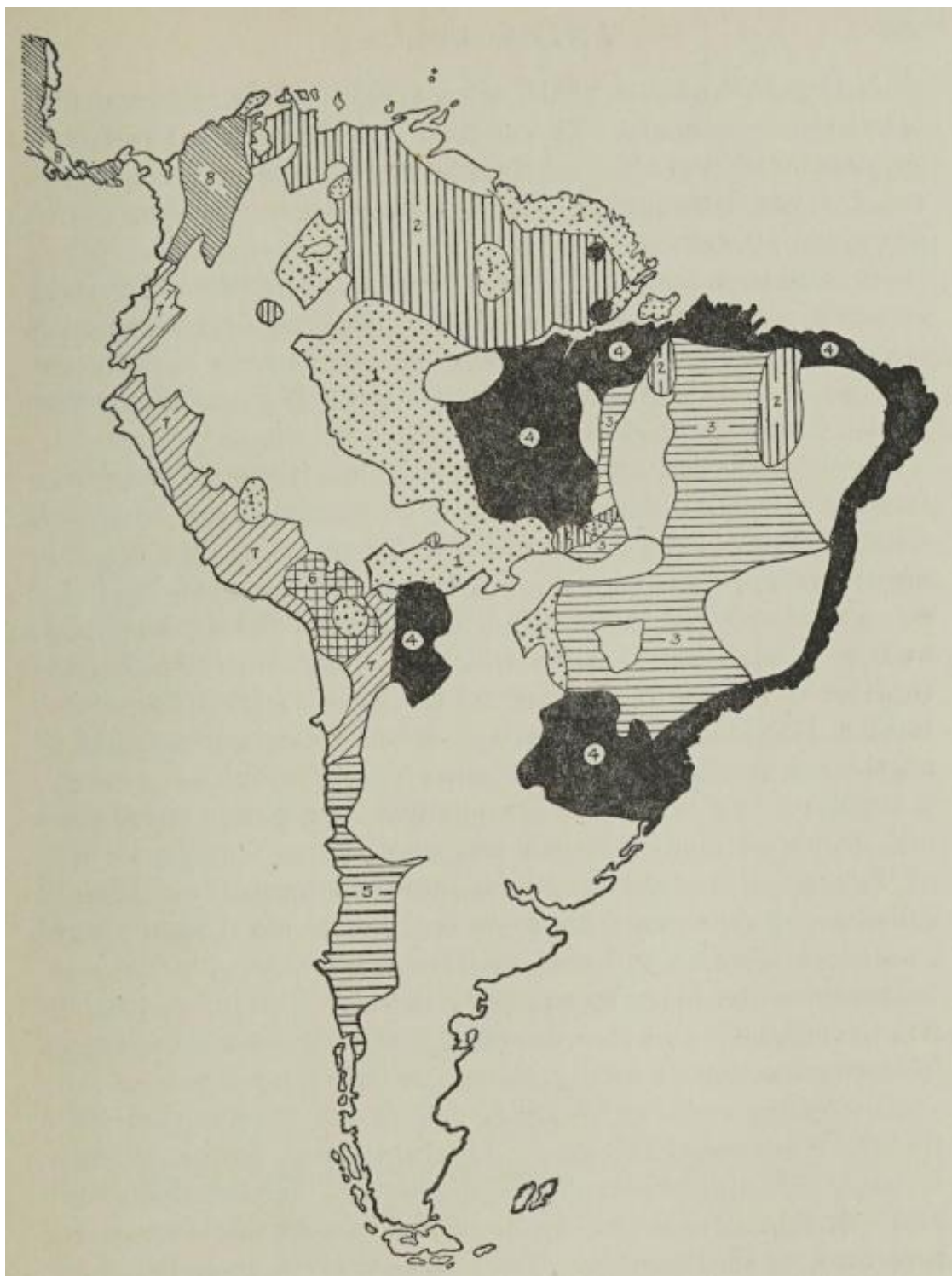


Рис. 15. Некоторые важные языковые семьи Южной Америки: 1, аравакская; 2, карибская; 3, тапуйская; 4, тупи; 5, арауканская; 6, аймара; 7, кечуа (инкская); 8, чибча. Белые области занимают около семидесяти меньших семей, согласно общепринятой классификации. (По материалам Чемберлена).

Инфлективный язык выражает отношения или грамматическую форму путем добавления префиксов или суффиксов, которые не могут стоять сами по себе, или, если бы они стояли сами по себе, ничего бы не значили; или которые действуют путем внутренних изменений основы, которые также не могут иметь независимого существования. Приставка *-ing* в слове

*kill*ing является такой приставкой; таковы же изменения гласных и окончание *-en* в спряжении *write, wrote, written*.

Изолирующий язык выражает такие отношения или формы отдельными словами или изолированными частицами. Английское *heart of man* является изолирующим, где латинский эквивалент *cor hominis* является флективным, а бессмысленный суффикс *-is* сам по себе передает родительный или притяжательный падеж английского слова *of*.

Агглютинативный язык склеивает в цельные слова элементы, для которых можно проследить определенное собственное значение. Английский язык не использует этот механизм для целей, которые обычно считаются строго грамматическими, но применяет его для тесно связанных с этим целей. Примерами могут служить *Under-take, rest-less*; а в такой форме, как *light-ly*, которая восходит к *light-like*, сила суффикса, преобразующего прилагательное в наречие, такого рода, которая в описаниях большинства языков считалась бы грамматической или формальной.

Полисинтетические языки - это агглютинативные языки, доведенные до высокого уровня, или те, которые могут соединять слова в эквиваленты предложений достаточного размера. *Пароход-лодка-пропеллер-лопасть* можно было бы назвать полисинтетической формой, если бы мы говорили или писали это одним словом, как это делают современный немецкий и древнегреческий.

В инкорпорирующих языках существительное-объект или представляющее его местоимение вставляется в слово, содержащее глагольную основу. Такая конструкция совершенно чужда английскому языку[7].

Каждый из этих классов, очевидно, определяет один или несколько отличительных лингвистических процессов. В *kill-ing, of man, light-ly* действуют разные механизмы. Таким образом, различие является обоснованным и ценным. Злоупотребление им заключается в попытке навесить ярлык одного типа на весь язык. Приведенные примеры показывают, что в английском языке используется большинство из нескольких различных процессов. Очевидно, что было бы произвольным классифицировать английский язык как относящийся исключительно к одному типу. Подобная ситуация наблюдается и в большинстве других языков. Есть несколько языков, которые преобладают в том или ином направлении: Санскрит, латынь и иврит - к инфлективной структуре, турецкий - к агглютинативной, китайский - к изолирующей. Но они составляют незначительное меньшинство, и большинство из них содержат определенные процессы, отличные от преобладающих типов. Санскрит, например, имеет полисинтетические черты, иврит - инкорпорирующие. Поэтому, пока эти концепции используются для детального представления языка, со сбалансированным признанием различных процессов, используемых в нем, они являются ценными инструментами филологического описания. С другой стороны, когда эти понятия превращаются в слова, обозначающие три или четыре отсека, в один из которых должен быть засунут каждый язык, они грубо искажают большинство фактов. Короче говоря, эти понятия полезно применять к типам лингвистических процессов и неадекватно - к типам языков.

Почему же так часто повторяется классификация человеческих языков на флективные, агглютинативные, изолирующие и полисинтетические или инкорпорирующие? Прежде всего, потому, что языки различаются почти бесконечно, и истинная или естественная классификация, кроме генетической, по семьям, сложна. Разум жаждет простоты, и три-четыре якобы всеобъемлющих типа являются соблазном.

Вторая причина лежит глубже. Когда филология превратилась в систематизированный свод знаний, она сосредоточила свои интересы сначала на латыни и греческом, затем на санскрите и других более древних индоевропейских языках. Так получилось, что в них необычайно хорошо развиты флективные процессы. Они также оказались языками, из которых происходила родная речь филологов. То, что является нашим собственным, кажется нам хорошим; поэтому индоевропейский язык был возведен в высший, или инфлективный, класс языков. Как бы задним числом в него были включены семитские языки, включающие иврит, язык части наших Писаний. Затем китайский, который следует необычайно простому плану структуры, во многом противоположному сложной структуре старого индоевропейского, и который был речью цивилизованного народа, был выделен в класс второго ранга. Таким образом, большинство человеческих языков было отнесено к третьему классу или к третьему и четвертому, с приятным намеком на то, что они менее способны к абстракции, более материалистичны, грубы и вообще неполноценны. Филологи обычно рассматриваются как крайний пример бесстрастных, сухих, объективных людей. История этой филологической классификации показывает, что и они подвержены влиянию эмоциональных и самодовольных импульсов.

52. Постоянство языка и расы

Иногда считается, что, поскольку новый язык легко усваивается, особенно в юности, язык - относительно нестабильный фактор в истории человечества, менее постоянный, чем раса. В этой связи следует остерегаться двух заблуждений. Первая заключается в том, чтобы рассуждать от индивидов к обществам; вторая - в том, что, поскольку изменения возможны, они происходят.

На самом деле языки часто сохраняют свое существование и даже свою территорию с удивительной стойкостью перед лицом завоеваний, новых религий и культур, а также экономических недостатков, связанных с неразборчивостью. Сегодня бретонский язык, кельтский диалект, сохраняется во Франции как повседневный язык жителей изолированной провинции Бретань - своего рода филологическое ископаемое. Он выдержал влияние двух тысяч лет контактов, сначала с латынью, затем с франко-германским, наконец, с французским. Его родственный валлийский язык процветает, несмотря на англосаксонскую речь остальной части Великобритании. Первоначальные жители Испании были в основном неарийского происхождения. Кельтское, римское и готское нашествие сменяли друг друга и в конце концов оставили язык страны романским, но первоначальная речь также пережила превратности тысячелетий и до сих пор звучит в западных Пиренеях как баскский. Древний Египет завоевывали гиксосы, ассирийцы, персы, македонцы и римляне, но какой бы ни была официальная речь правящего класса, народ продолжал говорить на египетском. Наконец, пришел араб и принес с собой новую религию, которая подразумевала использование арабского языка. Египет наконец-то стал арабоязычным, но до столетия или двух лет назад коптский язык, дочь древнего египетского языка пятитысячелетней давности, поддерживался местными христианами вдоль Нила, и даже сегодня он сохранился в ритуалах. Граница между французским языком, с одной стороны, и немецким, голландским и фламандским - с другой, точно известна уже более шестисот лет. Со всеми войнами и завоеваниями, которые то и дело происходили за линией речи, бесконечными политическими изменениями и культурными влияниями, эта граница вряд ли сдвинулась более чем на несколько десятков миль, а в некоторых местах не сдвинулась и на удобную послеобеденную прогулку.

Хотя население может изучать и не изучать языки, оно делает это с неохотой и бесконечной медлительностью, особенно пока остается на унаследованных территориях. Речь, как правило, является одним из наиболее устойчивых этнических признаков.

Как правило, там, где смешиваются две популяции, преобладает речь более многочисленной, даже если это подвластная национальность. Большой разрыв в культуре может преодолеть влияние большинства, но речь более активного и развитого в культурном отношении населения, как правило, постепенно отвоевывает себе постоянную территорию, за исключением тех случаев, когда происходит фактическое вытеснение или численное подавление коренного населения. Этим объясняются многочисленные выживания и "острова" речи: Кельтский, албанский, баскский, кавказский в Европе; дравидийский и коларианский в Индии; наuatль, майя и многие другие в современной Мексике; кечуа в Перу; аймара в Боливии; тупи в Бразилии. Есть и обратные случаи, например, быстрое распространение латыни в большей части Галлии после завоевания Цезарем, но они кажутся исключительными.

Что касается относительного постоянства расы и речи, то все зависит от того, с какой стороны подходить к вопросу. С точки зрения наследственных штаммов, раса должна быть более консервативной, потому что она может быстро измениться только в результате смешения с другой расой, в то время как язык может быть полностью заменен за короткое время. Однако с точки зрения истории, которая рассматривает действия людей на определенных территориях, речь зачастую более стабильна. Войны, торговля или миграция могут приносить один расовый элемент за другим на территорию, пока тип не изменится или не разбавится, и все же первоначальный язык или тот, который непосредственно произошел от него, остается. Завоз негров из Африки в Америку иллюстрирует это различие. С точки зрения биологии негр, по крайней мере, частично сохранил свой тип, хотя и взял на вооружение совершенно новый язык. С исторической точки зрения верно обратное: английский язык продолжает оставаться речью юга Соединенных Штатов, в то время как население теперь состоит из двух рас вместо одной, а негритянский элемент был изменен влиянием белой крови. Ошибочно думать, что, поскольку человек может выучить французский или стать христианином и при этом не в силах изменить цвет глаз или форму головы, язык и культура менее стабильны, чем раса. Речь и культура имеют собственное существование, целостность которого не зависит от наследственности. Они могут двигаться как вместе, так и по отдельности.

53. Биологическая и историческая природа языка

Это трюизм, который, однако, важно никогда не забывать при изучении человека, что способность говорить является врожденной, но каждый язык полностью приобретается. Более того, среда, продуктом которой являются языки, не природная, то есть географическая или климатическая, а социальная. Все слова и формы речи, которые усваиваются, а они составляют почти всю массу языка, имитируются непосредственно другими людьми. Те новые формы, которые время от времени входят в употребление, опираются на существующий речевой материал, формируются в соответствии с уже действующими, хотя, возможно, и более или менее скрытыми тенденциями, не могут быть приписаны, как правило, в отношении происхождения или, по крайней мере, всего происхождения, отдельным людям; короче говоря, представляют собой историю, подобную истории изобретений и новых учреждений. Язык, таким образом, является продуктом суперорганизма, что, конечно, не противоречит, а даже подразумевает, что он покоится на органической основе.

Речь" других животных, кроме человека, имеет нечто общее с человеческими языками. Она состоит из звуков, издаваемых телом, сопровождаемых определенной психической деятельностью или состоянием, и способна вызывать определенные реакции у других особей вида. Она отличается от человеческой речи несколькими принципиальными особенностями. Во-первых, крики, призывы и бормотание животных, по-видимому, полностью инстинктивны. Птенец, выращенный в одиночестве в инкубаторе, будет пищать, каркать или кудахтать так же, как царапаться и клевать. Собака, воспитанная приемной кошкой, будет лаять, или рычать, или скулить, или тявкать, когда достигнет необходимого возраста, и при применении соответствующего стимула, как , будет вилять, или приседать, или охотиться, или копать, и ничем не отличается от собаки, воспитанной в обществе других собак. Напротив, японский младенец, переданный американским приемным родителям, никогда не произносит и не знает ни одного японского слова, он учит только английский язык, и учит его так же хорошо, как и его кавказские сводные братья. Таким образом, речь животных, очевидно, является полностью органической и совсем не "социальной" в смысле сверхорганической. Если это резюме и не является абсолютно точным, оно отклоняется от истины лишь незначительно.

Далее, речь животных не имеет "смысла", не служит средством "коммуникации". Часто в народе считается наоборот, потому что мы антропоморфизируем. Если говорят, что рычание собаки "означает" злость, а ее лай "передает" подозрительность или возбуждение ее собратьев, то эти слова используются в смысле, отличном от их значения, когда мы говорим, что термин "*красный*" "означает" цвет на одном конце спектра или что сообщение об отправке "передает" информацию. Звуки животных передают знание только о субъективных состояниях. Они "передают" тот факт, что произносящий их человек испытывает гнев, возбуждение, страх, боль, удовлетворение или какой-то другой аффект. Они являются немедленной рефлекторной реакцией на чувство. Они могут быть "поняты" в том смысле, что вызывают или, во всяком случае, мобилизуют сочувствие; и таким образом они могут привести или склонны привести слушателей к действию. Точно так же любой человек инстинктивно "понимает" стон своего товарища. Но стон не говорит о том, какая это боль - секундная или недельная, от удара или от газов в кишечнике, от язвы в зубе или от душевных мук. Не существует никакой связи между объективными понятиями, идеями, отличными от чувств, как, например, когда мы говорим "*красный*", "*перерыв*", "*вверх*" или "*вода*". Ни одно из этих простых понятий не может быть передано как таковое грубой речью.

Одним из следствий этого является "произвольность" человеческой речи. Почему звуковой кластер "*красный*" должен обозначать именно этот цвет, а не зеленый? Почему одно и то же слово в разных языках часто обозначает совершенно разные понятия - примерная звуковая группа *lay* означает "молоко" во французском, *lass* - "девушка" в английском, "устал" во французском, "разрешить" в немецком? Такие факты физиологически произвольны; точно так же физиологически произвольно и органически бессмысленно, что американцы живут в республике , а британцы - в монархии, или что они поворачивают на дороге соответственно направо и налево. Подобные явления имеют другие социальные, культурные или суперорганические феномены в качестве своих непосредственных причин или предшественников. В свете таких предшественников, рассматриваемых на уровне истории, эти явления понятны: мы знаем, почему Соединенные Штаты являются республикой, мы можем проследить развитие таких слов, как *lay* и *lass*. Только в биологическом плане такие факты кажутся незначительными или произвольными.

54. Проблемы соотношения языка и культуры

Эта связь языка и цивилизации, или, скажем, языковых и неязыковых составляющих культуры, ставит вопрос о том, возможно ли существование одного без другого. На самом деле, конечно, ни один такой случай не известен. Спекулятивно можно прийти к разным выводам. Трудно представить, чтобы какое-либо обобщенное мышление происходило без слов или символов, полученных из слов. Религиозные верования и некоторые этапы социальной организации также кажутся зависимыми от речи: кастовое распределение, брачные правила, признание родства, закон и тому подобное. С другой стороны, можно предположить, что среди людей, лишенных речи, может быть сделан значительный ряд изобретений, а прикладные искусства могут быть в достаточной степени развиты путем подражания. Наконец, нет причин, по которым некоторые элементы культуры, такие как музыка, не могли бы процветать в обществе без языка так же успешно, как и с языком.

Напротив, бескультурный вид животных мог бы, по идее, развить и использовать форму настоящей речи. Такие сообщения, как "Река поднимается", "Откуси", "Что ты находишь внутри?", были бы в пределах мыслительного диапазона такого вида. Почему же даже самые разумные из животных не смогли выработать язык? Возможно, потому, что в отсутствие сопутствующей культуры такой язык не имел бы определенного значения для выживания вида.

В целом, однако, кажется, что язык и культура основываются, пока еще не до конца понятным образом, на одном и том же наборе способностей, и что они, по какой-то еще более неясной причине, развились у предков человека, в то время как у других видов оставались в забвении. Даже антропоидные обезьяны, похоже, практически лишены импульса к общению, несмотря на то, что свободно выражают свои аффективные состояния голосом, мимикой и телодвижениями. Наиболее восприимчивая к человеку из всех видов, собака, учится принимать значительный запас культуры в смысле приспособления к ней: у нее вырабатываются совесть и манеры, например. Однако, как бы высоко ни была воспитана собака, она не передает свои достижения потомству, которое опять же зависит от своих хозяев. Группа самых воспитанных собак, предоставленная сама себе на несколько лет, потеряет всю свою вежливость и вернется к домашним привычкам своего вида. Короче говоря, импульс культуры отсутствует у собаки лишь в той мере, в какой он прививается человеком; а у большинства животных он, как известно, может быть привит лишь в очень ограниченной степени. Точно так же можно сказать, что импульс к общению отсутствует. Собака может понимать сто командных слов и выражать в своем поведении пятьдесят оттенков эмоций, но лишь изредка она пытается передать информацию об объективном факте. Очень вероятно, что даже в этих редких случаях мы приписываем ему импульс, который должны чувствовать. В случае травмы или потери члена семьи хорошая собака, несомненно, выражает свое волнение, беспокойство, тревожную привязанность; но гораздо менее вероятно, что она намерена вызвать помощь, как мы спонтанно склонны считать, потому что такой вызов был бы нашей собственной реакцией на ситуацию.

История и причины развития в зарождающемся человеке группы черт, которые можно назвать способностями к речи и цивилизации, остаются одной из самых темных областей в области знаний. Очевидно, что эти способности лежат в основном в сфере того, что принято называть разумом, а не в теле, поскольку люди и обезьяны гораздо более схожи по своему общему телосложению, чем по степени способности использовать свое тело для нефизиологических целей. Или, если эта антитеза физического и психического кажется неудачной, можно сказать, что рост способностей к речи и культуре был связан скорее с особым развитием центральной нервной системы, чем с развитием остальных частей тела.

55. Период зарождения языка

Так является ли человеческий язык столь же древним, как и культура? Трудно сказать однозначно, ведь слова исчезают, как верования и институты, а каменные орудия остаются в качестве прямых доказательств. В целом, однако, представляется, что первые зачатки того, что заслуживает названия язык, примерно столь же древние, как и первые проявления культуры, не только из-за теоретически тесной связи этих двух фаз, но и в свете косвенных свидетельств, а именно внутренностей черепов ископаемых людей. У пилтдаунского, как и у неандертальского человека, те области коры головного мозга, в которых у современного человека наиболее централизована нервная деятельность, связанная со слуховой и моторной речью, развиты достаточно хорошо, о чем свидетельствуют слепки внутренностей черепа, которые плотно прилегают к поверхности мозга. Общая лобная область, самая большая область коры головного мозга, которая, как считается, посвящена ассоциативным функциям - в просторечии, мышлению - также больше, чем у любой известной обезьяны. Поэтому не один авторитет счел оправданным приписывать речь предкам человека, жившим далеко в плейстоцене. Нижние челюсти пилтдаунского и в некоторой степени гейдельбергского человека, правда, узкие и без подбородка, что оставляет языку несколько меньшую свободу действий, чем у ныне живущих представителей человеческой расы. Но этот фактор, вероятно, менее важен, чем фактор факультативного развития психики. Попугай лишен губ и, тем не менее, может воспроизводить звуки человеческой речи. Чего ему не хватает, так это языковой способности, а ею, судя по всему, ископаемый человек в какой-то мере уже обладал.

56. Культура, речь и национальность

В связи с этой точкой зрения возникает вопрос, следует ли говорить о языке и культуре или, скорее, о языке как части культуры. С точки зрения процесса их передачи и типа механизма их развития очевидно, что язык и культура едины. Для практических целей, как правило, удобно сохранять их различие. Несомненно, что два народа могут иметь одну и ту же культуру и при этом говорить на принципиально разных идиомах; например, финно-угорские мадьяры или венгры соседствуют со славянами, германцами и латинянами Центральной Европы, которые все являются индоевропейцами. И наоборот, северные индусы и западноевропейцы, конечно, отличаются в культурном отношении, но их языки восходят к общему происхождению. Фактически стало общим местом, что утверждение о связи между тремя факторами - расой, языком и культурой (или национальностью), умозаключения от одного к другому - логически несостоятельны (§ 33). Правильно рассуждать, например, об арийских головах или семитской расе не более корректно, чем о белокурых языковых типах, католическом телосложении или перегибающихся социальных институтах.

В то же время речь и культура, как правило, образуют некую единицу в отличие от расы. Население может заменить старый язык и тип цивилизации совершенно новым, как это сделал американский негр, и при этом остаться относительно неизменным в расовом отношении или, по крайней мере, сохранить свой прежний физический тип без изменений в значительной части своих членов. С другой стороны, изменение речи без некоторого изменения культуры кажется невозможным. Безусловно, везде, куда проникали греческий, латинский, испанский, английский, арабский, пали, китайский языки, возникали новые фазы цивилизации. В меньшей степени тот же принцип, вероятно, действует в отношении любого усиления одного языка за счет другого, даже если распространяющийся идиом не связан с великой или активной культурой.

Связь между речью и культурой проявляется и в той степени, в которой они оба в большинстве случаев способствуют формированию идеи национальности. Что в первую очередь отличает французскую нацию от итальянской, голландскую от немецкой, шведскую от норвежской - их соответствующие обычаи и идеалы или языковой разрыв? Трудно сказать. Культурные различия, как правило, выкристаллизовываются вокруг языковых, а затем, в свою очередь, усиливаются языком, так что эти два фактора сложным образом взаимодействуют. Национальность, особенно в ее современном развитии, включает в себя еще один фактор - социальную или политическую сегрегацию, которая в определенной степени может противоречить как речи, так и культуре. Яркими примерами могут служить Швейцария с ее немецко-, франко- и итальяноязычным населением или Бельгия, почти поровну разделенная на фламандцев и валлонов. Однако как бы успешно Швейцария и Бельгия ни сохраняли свое национальное единство, очевидно, что оно представляет собой композицию из субнациональных элементов, каждый из которых обладает определенным культурным и языковым своеобразием. Так, валлоны говорят на французском диалекте, а фламинги - на голландском; точка зрения, темперамент, исторические корни и мелкие обычаи этих двух групп заметно отличаются. Точно так же можно выделить историю, мировоззрение и, следовательно, культуру французских и немецких кантонов Швейцарии.

57. Относительная ценность языков

Одно из отличий языков от культур заключается в том, что они, как и культуры, не могут быть оценены как высшие и низшие. Конечно, даже в отношении культуры такая оценка часто является сомнительной процедурой, означающей не более чем то, что человек, проводящий сравнение, считает свою собственную культуру самой высокой и оценивает другие культуры низко в той мере, в какой они отличаются. Хотя это субъективная и некритичная процедура, тем не менее некоторые объективные сравнения возможны. Некоторые культуры превосходят другие по своему количественному содержанию: они обладают большим количеством различных искусств, способностей и знаний. Кроме того, некоторые черты культуры можно считать внутренне превосходящими другие: например, металлические орудия против каменных, поскольку металл перенимают все народы каменной культуры, которые могут его достать, в то время как обратное не верно. Кроме того, в большинстве случаев новое дополнение не полностью уничтожает более древний элемент, сохраняя за ним вспомогательное место или, возможно, выполняя какую-то более особую функцию, чем раньше. Таким образом, культура становится более дифференцированной. Старое искусство может даже достигнуть более высокой степени совершенства, чем прежде; так, в Северной Европе после появления бронзы каменные орудия были отполированы до блеска. В целом, аккреция - это процесс, характерный для роста культуры. Старые элементы начинают функционировать в более ограниченной сфере по мере добавления новых, но не уничтожаются ими. Весла и паруса остаются составными частями запаса цивилизации после того, как она добавила паровые и моторные лодки. Таким образом, если в культуре больше элементов, если эти элементы более дифференцированы и если большая доля этих элементов относится к тому типу, который по своей природе имеет тенденцию вытеснять смежные элементы, то такая культура может считаться высшей.

Что касается языков, то здесь также существуют количественные различия. Некоторые из них содержат в несколько раз больше слов, чем другие. Но словарный запас - это в основном вопрос культуры. Народ, который использует больше материалов, производит больше предметов, знает больше фактов и делает более тонкие различия в мышлении, неизбежно должен иметь больше слов. Однако даже заметное увеличение объема содержания речи не

сопровождается заметными изменениями в форме. Увеличение словарного запаса не означает изменения типа структуры. Грамматика, похоже, мало зависит от статуса культуры. Пока не удалось установить четкого соответствия между типом или степенью цивилизации и типом языка. Ни наличие, ни отсутствие особых черт времени, числа, падежа, редупликации и т. п., похоже, никогда не приводило к очевидным преимуществам в достижении более высокой культуры. Речь прежних и современных народов, наиболее активно участвовавших в распространении культуры, была весьма разнообразна. Языки египтян (хамитский), шумеров, вавилонян и арабов (семитский), индусов и греков (древний индоевропейский), англосаксов (современный индоевропейский), китайцев и майя различаются примерно настолько, насколько это вообще возможно. Шумерский тип цивилизации был телесно и успешно перенят семитскими вавилонянами. Основная часть японской культуры - китайская, но японская речь построена на совершенно иных принципах.

Таким образом, невозможно оценить одну черту или тип речи как изначально или объективно превосходящую другую на каком-либо основании, подобном тому, которое оправдывает возвышение культуры металла над культурой камня. Если критерием превосходства является богатство грамматического аппарата, то латынь - более высокий язык, чем французский, а англосаксонский - чем английский. Если же достоинством является отсутствие склонений и спряжений, то китайский превосходит английский почти настолько же, насколько английский превосходит латынь. Нет никаких оснований для того, чтобы отдать предпочтение одному из этих возможных суждений, а не его противоположности. *Amabo* не лучше и не хуже, чем *I shall love*, как средство выражения одной и той же идеи. Одно из них более компактно, другое - более пластично. Бывают случаи, когда компактность является достоинством, бывают случаи, когда пластичность имеет свои преимущества. По латинскому, или синтетическому, стандарту английское выражение рыхло соединено, лишено структуры; по английскому, или аналитическому, стандарту латинская форма чрезмерно сжата, излишне прилипает к форме. Нельзя аналогичным образом сопоставить достоинства стального и кремневого ножа, медицинской и шаманской фазы общества. Одно режет или лечит лучше, чем другое.

Итак, с точки зрения цивилизации язык не имеет значения. Язык всегда будет идти в ногу с тем темпом, который задает ему культура. Если изобретается новый объект или проводится новое разграничение мыслей, то для выражения нового понятия придумывается, импортируется или изменяется по смыслу слово. Если требуется тысяча или десять тысяч новых слов, их разрабатывают. Когда возникает желание выразить такие абстракции, как будущность или множественность, любой язык способен это сделать, даже если он не выражает их обычно. Если язык не располагает формальными средствами для этой цели, такими как грамматический суффикс, он опирается на содержание и использует слово или иносказание. Если же жизнь народа меняется и протекает в русле, делающем часто необходимым выразить такую идею, как будущность, которой раньше уделялось мало внимания, то соответствующее иносказание вскоре становится стандартным, удобным кратким и однозначным. В целом, каждый язык способен к неограниченному изменению и расширению, что позволяет ему практически сразу же удовлетворять культурные запросы. Об этом свидетельствует тот факт, что практически любая устная или письменная речь может быть переведена почти на любой другой язык без серьезного ущерба для сути. Эстетическое очарование оригинала может быть утрачено при переводе; новые формы, придуманные в принимающем языке, могут поначалу показаться неуклюжими; но смысл, дело речи, выражается.

58. Размер словарного запаса

Мы настолько инстинктивно склонны предполагать и, следовательно, находить качества неполноценности, бедности или неполноты в речи населения более отсталой культуры, чем наша собственная, что выросло широко распространенное, хотя и необоснованное, убеждение, что языки дикарей и варваров чрезвычайно ограничены количественно - по объему их словарного запаса. Аналогичные заблуждения бытуют и относительно количества слов, реально используемых отдельными представителями цивилизованных сообществ. Это правда, что ни один, даже самый ученый и плодовитый писатель, не использует все слова английского языка в том виде, в каком они содержатся в неабридированном словаре. Все мы понимаем многие слова, с которыми привычно сталкиваемся при чтении и даже слышим, как их часто произносят, но которыми наши способности к произнесению по каким-то причинам не овладели. Короче говоря, язык, будучи достоянием и продуктом сообщества, содержит больше слов, чем когда-либо может быть использовано отдельным индивидуумом, совокупность представлений которого неизбежно меньше, чем у его группы. К этому добавляется определенная умственная вялость, которая в большей или меньшей степени ограничивает большинство из нас, и сила привычки. Произнеся определенное слово несколько раз, наш мозг привыкает к нему, и мы, скорее всего, будем использовать его, исключая синонимы или заменяя им слова, близкие по значению, но различающиеся по смыслу.

Степень влияния всего этого на речь обычного человека, однако, сильно преувеличена. Поскольку в наших словарях, включая технические термины, насчитывается сто тысяч или более слов, а Шекспир в своих произведениях использовал 24 000 различных слов, Мильтон в своих поэмах - 17 000, а английская Библия содержит 7200, был сделан вывод, что средний человек, чей диапазон мышления и сила выражения намного меньше, должен использовать чрезвычайно меньший словарный запас. Утверждается, что многие крестьяне проходят через всю жизнь, не используя более 300 или 400 слов, что словарный запас итальянской оперы составляет около 600, и что человек выше среднего, который использует более 3000-4000 слов. Если бы это было так, то естественно, что нецивилизованный человек, чья жизнь проще, а знания более ограничены, должен довольствоваться очень маленьким словарным запасом.

Но несомненно, что приведенные цифры ошибочны. Если каждый, кто считает себя среднестатистическим человеком, возьмет на себя труд составить список своего словарного запаса, он быстро обнаружит, что знает и иногда использует названия по меньшей мере одной-двух тысяч различных предметов. То есть в его словарном запасе очень много конкретных существительных. К ним следует добавить абстрактные существительные, глаголы, прилагательные, местоимения и другие части речи, короткие и привычные слова, без которых не обходится общение на любом языке. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что в цивилизованной стране исключительно невежественный и глупый человек не имеет в своем распоряжении словарного запаса в несколько тысяч слов.

Тесты, основанные на словарях, показывают, что люди с книжным вкусом знают около 30 000 - 35 000 слов. Большинство из них, возможно, никогда не будут произнесены испытуемыми, не будут находиться в их реальном распоряжении, но, кажется, по крайней мере 10 000 будут под таким контролем. Тщательно подсчитанный словарный запас пяти с половиной летнего американского мальчика состоял из 1 528 понятных слов, помимо причастий и других уменьшительных форм. Два мальчика в возрасте от двух до трех лет использовали 642 и 677 различных слов.

Поэтому вполне вероятно, что заявления о скудости речи неграмотных народов также преувеличены. Тот, кто на основании своих наблюдений утверждает, что родной язык состоит всего из нескольких сотен терминов, демонстрирует, главным образом, свое невежество. Он либо не позаботился об изучении словарного запаса, либо не знает, как это сделать. Действительно, путешественник или поселенец обычно может общаться с туземцами для удовлетворения собственных нужд, используя две или три сотни слов. Даже миссионер может многое сделать с этим запасом, если он правильно подобран. Но из этого не следует, что если цивилизованный человек не выучил больше языка, значит, его больше нет. В этом вопросе необходимо учитывать свидетельство самого ученика.

Словари, составленные миссионерами или филологами для языков, которые ранее были бесписьменными, достигают удивительных цифр. Так, количество слов, записанных в кламате, речи грубого в культурном отношении племени американских индейцев, составляет 7 000; в навахо - 11 000; в зулу - 17 000; в дакоте - 19 000; в майя - 20 000; в науатле - 27 000. Можно с уверенностью сказать, что каждый существующий язык, независимо от того, насколько отсталыми в общей цивилизации являются его носители, обладает словарным запасом по крайней мере из 5 000 слов.

59. Качество звуков речи

Еще одно ошибочное мнение, которое часто высказывается, - это то, что речь нелитературных народов грубее, ее произношение сложнее, чем наше. Это мнение чисто субъективное. Когда человек всю жизнь слышал и произносил язык, его звуки доходят до его рта с минимальным усилием; но незнакомые гласные и согласные формируются неловко и неточно. Ни один взрослый, выросший в англосаксонском обществе, не испытывает трудностей. Французский или немецкий ребенок, чьи речевые привычки еще пластичны, также не находит особых трудностей в овладении особым контролем языка, необходимым для производства звука *th*. Но взрослый француз или немец, чьи мышечные привычки устоялись в других линиях, пробует и пробует, и снова возвращается к *s* или *t*. Испанец, однако, согласится с англосаксом в отношении легкости и "естественности" *th*. И наоборот, "грубое" *ch* самопроизвольно льется из уст немца или шотландца, в то время как англичанам, французам и итальянцам приходится долго бороться за его освоение и испытывать искушение заменить его *k*. Немецкое *ö* и французское *u* доставляют нам хлопоты, наше "короткое" *u* так же не поддается континентальным языкам.

Даже новая позиция может заставить привычное звучать странно и запретно. Большинство англосаксов не могут с первой попытки произнести *ngis*; многие сдаются и заявляют, что это не в их силах. Тем не менее, *ngis* произносится только в обратном направлении. В английском языке *ng* используется в словах окончательно и медиально, а не изначально. Любой носитель английского языка может быстро освоить его употребление в новой позиции, если, чтобы не смущаться, будет следовать такой последовательности, как *sing*, *singing*, *stinging*, *ringing*, *inging*, *nging*, *ngis*.

Так и с сурд-л - валлийским л - это обычное л без сопровождения вибраций голосовых связок. Небольшая практика позволяет включать и выключать эти вибрации, "озвучивать" речь для любого звука с такой же легкостью, как включать и выключать кран. Сурдовое *l* после этого течет с той же готовностью, что и сонантное *l*. На самом деле мы часто произносим его бессознательно в конце слов типа *little*. Однако, когда он стоит в начале, как в названии племени, обычно пишущемся как *тлинкум*, американцы склонны заменять его чем-то более привычным, например *kl*, знакомым по словам *clip*, *clean*, *clear*, *close*, *clam* и многим другим. Простое сурдовое *l* даже неоднократно описывалось как "щелчок", что так

же далеко от правильного представления, как и удар или вздох; все потому, что оно находится в непривычном положении.

Сочетания звуков, особенно согласных, действительно имеют различную сложность по анатомическим причинам. Некоторые из них, такие как *nd*, *ts* и *pf*, имеют телескопические компоненты или соединяются естественным образом благодаря тому, что формируются в одной и той же части рта. У других, таких как *kw* (*qu*), оба элемента артикулируются на большом расстоянии друг от друга, но по этой причине они могут легко образовываться одновременно. Другие, такие как *kt* и *ths*, трудны по своей сути, поскольку элементы различаются по месту образования, но одинаковы по способу, и поэтому подпадают под действие общего правила, согласно которому сходные звуки требуют больше усилий для соединения и различения, чем несходные; по той же причине, по которой в целом легче освоить произношение совершенно нового типа звука, чем того, который мало чем отличается от уже известного. Однако и в этих случаях реакция определяется скорее привычкой, чем анатомическими особенностями. Немецкое *pf* с трудом дается взрослым англосаксам, английские *kw* и *ths* - немцам. По степени накопления согласных английский язык является одним из самых экстремальных среди всех языков. Такие монолога, как *tract*, *stripped* (*stripd*), *sixths* (*siksths*), должны казаться непоправимо трудными для большинства носителей других идиомов.

Детская речь на всех языках показывает, что некоторые звуки, как правило, усваиваются раньше, чем другие, и поэтому, предположительно, несколько легче физиологически. Звуки *p* и *t*, которые образуются с помощью подвижных губ и передней части языка, обычно предшествуют заднеязычным звукам *k*. *B*, *d*, *g*, которые озвучиваются как гласные, обычно предшествуют безголосым *p*, *t*, *k*. Стопы или кратковременные звуки, такие как *b*, *d*, *g*, *p*, *t*, *k*, обычно появляются раньше, чем фрикативные континуанты *f*, *v*, *th*, *s*, *z*, которые требуют тонкой настройки губ или языка - близкого расположения без плотного контакта, тогда как стопы предполагают только создание и разрыв отрывистого контакта. Но разница в усилиях или навыках во всех этих случаях настолько незначительна, что, как правило, всего несколько месяцев отделяют обучение более легким звукам от обучения более трудным; взрослые уже не чувствуют разницы. Единственный звук или класс звуков, который дается труднее других, - это звук, обозначаемый буквой *r*. Мало того что дети обычно поздно осваивают *r*, среди всех рас есть определенный процент людей, которые никогда не учатся правильно формировать этот звук, а заменяют его приближенным к *g*, *w*, *j* или *l*. Причина в том, что *r* стоит особняком среди звуков речи. Это единственный звук, который образуется при раздувании языка в несколько грубых колебаний; это означает, что этот орган должен находиться в особом состоянии расслабленности и при этом быть приподнятым, чтобы поток дыхания мог воздействовать на него. Однако даже эта внутренняя трудность оказалась недостаточной, чтобы помешать многим языкам заменить более простые звуки на *r*.

60. Диффузия и параллелизм в языке и культуре

Явление, которое в языке проявляется более ярко, чем в культуре, или которое в нем легче продемонстрировать, - это параллельное или конвергентное развитие, повторный, независимый рост какого-либо признака (§ 89, 100).

Таким образом, пол - это старая часть индоевропейской структуры. В английском языке, кстати, он полностью исчез, насколько это возможно для формального выражения, из

существительного, прилагательного, демонстративного и вопросительного местоимения. Оно сохранилось только в личных местоимениях третьего лица *единственного* числа - *he, she, it*. Грамматика живого английского языка, которая была бы по-настоящему практичной и не связанной традициями, никогда не упоминала бы пол, кроме как при обсуждении этих трех маленьких слов. То, что наши грамматики определяют *мужчину* как существительное мужского рода, а *женщину* - как существительное женского рода, объясняется лишь тем, что в латыни соответствующие слова *vir* и *femina* имеют окончания, признанные в целом мужским и женским, и что связанное с ними прилагательное оканчивается соответственно на мужское *-us* или женское *-a*. Это различия форм, эквивалентов которых в английском языке нет. Сохранение различий между *he, she* и *it*, в то время как *this* и *the* и, *которые* стали одинаковыми независимо от пола человека или вещи, которую они обозначают, является, таким образом, исторически значимым. Оно указывает на прошлое и на сохранившиеся индоевропейские языки.

Кроме того, индоевропейские, семитские и хамитские языки выражают пол с помощью грамматических форм, хотя, как и французский, испанский и итальянский, они знают только два пола, а средний не представлен. Эти три языка являются единственными крупными языковыми коллективами, в которых пол находит свое выражение. Урало-алтайский, китайский, японский, дравидийский, малайско-полинезийский, банту и в целом языковые семьи Азии, Африки и Америки обходятся без этого, хотя в ряде языков существуют и другие гендерные классификации, такие как одушевленные и неодушевленные, личные и безличные, высшие и низшие, разумные и неразумные. Пол, однако, вновь появляется в языке хоттентотов в Южной Африке, а также в языках чинук, береговых салишей и помо на тихоокеанском побережье Северной Америки.

Как объяснить такое распределение? Индоевропейские, семитские и хамитские языки занимают сопредельную территорию, фактически окружая Средиземноморье на участке, приблизительно совпадающем с Кавказским регионом. Могли ли они в далеком прошлом влиять друг на друга? То есть, мог ли грамматический пол быть изобретен, так сказать, одним из них и заимствован другими, как мы знаем, что культурные изобретения постоянно распространяются? Мало кто из филологов признает это вероятным: слишком мало подтвержденных случаев распространения формальных элементов или понятий между неродственными языками. Возможно ли тогда, что наши три запаса, по сути, родственны? В таком случае половая принадлежность была бы частью их общего наследства. Для семитских и хамитских языков ряд специалистов признают общее происхождение на других основаниях. Но в отношении семитского и индоевропейского филологи, профессионально требовательные, в большинстве своем весьма сомнительны. Положительные доказательства, похоже, пока отсутствуют. Тем не менее, территориальную преемственность трех речевых групп, демонстрирующих этот признак, трудно принять за простую случайность. В параллельном случае в области истории культуры общий источник был бы принят как весьма вероятный. Даже готтентотский язык считается отдаленным семитско-хамитским ответвлением, во многом, правда, из-за того, что в нем выражается пол. Филологи, соответственно, могут считать вопрос открытым, но, по крайней мере, можно предположить, что это явление восходит к единому происхождению в этих четырех странах Старого Света.

Тем не менее, никакие натяжки не позволят объяснить пол в трех американских языках как результат контактного влияния или диффузии, а также связать эти языки с языками Старого Света. Очевидно, что здесь речь идет о независимом происхождении или параллельном "изобретении". Чинук и береговые салиши, действительно, находятся рядом, и, возможно,

один из них перенял эту черту в подражание другому. Но помо лежат гораздо южнее, и их связи простираются еще дальше юг. Здесь половая принадлежность, очевидно, является независимой, вторичной и довольно недавно появившейся в грамматике.

Короче говоря, остается сомнительным, возник ли *sex gender* три или четыре, пять или шесть раз среди этих семи языковых фондов; но очевидно, что он возникал неоднократно.

Другие черты проявляются во всем мире примерно таким же образом. Например, дуал встречается в индоевропейских, малайско-полинезийских, эскимосских и ряде других американских языков. Различие между инклюзивным и эксклюзивным "мы" - *ты и я*, в отличие от "он" и "я" - проводится в малайско-полинезийских, хоттентотских, ирокезских, уто-ацтекских языках.

Истинное окончание именительного падежа, которое демонстрируют латынь и другие разновидности индоевропейского, является чрезвычайно специализированным образованием; тем не менее, оно встречается в языке майду в Калифорнии. Артикли, в отношении которых индоевропейские языки различаются, например, латынь не имеет их, в то время как дочерние романские языки развили их, встречаются в семитских, полинезийских и в нескольких группах американских языков, таких как сиуан и хокан. Рост числа артиклей в романских языках важен в силу своей историчности, а также потому, что он точно не был вызван подражанием неродственному языку. То есть французский язык развивал свои артикли независимо и вторично; этот факт делает вероятным, что многие языки в других частях мира, чья история нам неизвестна, развивали свои артикли параллельно, как продукт полностью внутренних причин - "изобрели" их, короче говоря, хотя и полностью бессознательно.

В значительной части американских языков наблюдается так называемая инкорпорация объектного местоимения (§ 51). Объектное местоимение или элемент, представляющий его, префиксально или суффиксально присоединяется к глаголу, становясь его частью. Этот процесс достаточно хорошо знаком нам по индоевропейскому языку, пока речь идет о субъекте: в латинском *ama-s*, *ama-t*, *ama-nt* суффиксы выражают "ты, он, они", а местоимения, сравнимые с английскими, - независимые слова - обычно опускаются. Суффикс -s в *he love-s* - единственный сохранившийся в современном английском языке. Однако ни один из древних индоевропейских языков не проявил склонности к аффиксации подобных элементов для объектов, хотя в нескольких последних языках этой семьи есть некоторые подходы: например, испанское *diga-me*, "скажи мне", и *mata-le*, "убей его", . С другой стороны, семитские языки и баскский действительно "включают" объектные элементы, в то время как большинство азиатских и некоторые американские языки этого не делают. Можно привести множество других примеров параллельных или конвергентных черт.

Такая большая частота параллельного развития в языке, чем в культуре, возможно, отчасти объясняется более легкой наглядностью в области речи. Но в целом более высокая частота представляется реальной. Разница объясняется двумя причинами.

Во-первых, количество возможностей в языке невелико, пока речь идет о структуре. Категории или понятия, используемые для классификации и обозначения отношений, строго ограничены, как и средства выражения. Например, различия, выражаемые полом, могут относиться к полу, животности, личности, достоинству, форме, положению или, возможно, к одному или двум другим качествам; но на этом они заканчиваются. Если язык вообще признает пол, он должен иметь пол одного из этих нескольких типов. Следовательно,

существует определенная вероятность того, что несколько не связанных между собой языков рано или поздно встретят один и тот же тип пола. Аналогичным образом обстоит дело с обозначаемыми видами числа, падежа и так далее. Эти большие категории, такие как род, число и падеж, не многочисленны. Поэтому средства выражения таких реляционных и классификационных понятий ограничены. Существует позиционный или относительный порядок слов; их соединение; присоединение элементов к основам, а именно префиксов, инфиксов и суффиксов; редупликация, повторение части или целого слова; внутренние изменения путем переноса гласных или ударения внутри слов; и на этом типы грамматических средств практически исчерпываются. Число возможных вариантов настолько мало, что по закону случайной вероятности многие языки должны использовать одни и те же средства.

Вторая причина большей частоты параллелизма в языке заключается в том, что структурные черты, по-видимому, в значительной степени сопротивляются распространению путем подражания. Слова заимствуются, иногда свободно, почти всегда в той или иной степени, между смежными языками; звуки - значительно меньше; грамматика - меньше всего. То есть языковое содержание легко поддается распространению, а языковая форма - с трудом.

То же самое можно сказать и о культуре. Отдельные элементы культуры или группы таких элементов временами распространяются очень широко и, можно сказать, всегда стремятся к распространению: колесо, например, выплавка металлов, корона как символ королевской власти, свастика, буддизм. Отношения элементов между собой, с другой стороны, изменяются путем внутреннего роста, а не внешнего подражания. Таковы отношения классов и членов общества, пыл, с которым исповедуется религия, уважение к образованию, богатству или традиции, склонность к тому или иному способу существования или экономического развития. Завоеванием, мирным давлением или проникновением один народ может разрушить политическую структуру или социальную ткань другого, подорвать его консерватизм, изменить его экономические привычки. Но трудно найти случаи, когда один народ перенимает такие тенденции или схемы культурной организации, просто подражая примеру другого, так как он перенимает специфическое содержание культуры - колесо, корону или буддизм, например, - извне, часто с готовностью. В результате культурные отношения или формы развиваются спонтанно или изнутри, а не в результате прямого заимствования. Кроме того, поскольку число типов культурных форм ограничено, один и тот же тип часто развивается независимо. Таким образом, монархические и демократические общества, феодальные или кастовые, жреческие и относительно безрелигиозные, экспансивные и меркантильные или самодостаточные и сельскохозяйственные, эволюционируют снова и снова. В целом сравнительная история культуры чаще всего имеет дело с конкретным содержанием цивилизации, возможно, потому, что такие события, как распространение изобретения, можно проследить более определенно и точно, чем сравнить довольно сложную эволюцию, скажем, двух феодальных систем. В результате диффузии, по-видимому, перевешивают параллели; об этом говорится в нескольких главах, следующих за этой (§ 105, 111, 127).

В сравнительной лингвистике, с другой стороны, интерес склоняется на сторону формы, а не содержания; поэтому параллелизмы или схождения бросаются в глаза. Если бы словам уделялось столько же внимания, сколько грамматике, и если бы их можно было проследить в их доисторических или неучтенных странствиях так же надежно, как многие черты культуры, то, вероятно, диффузия стала бы более значимым принципом, формирующим человеческую речь. Есть слова, которые распространились почти так же далеко, как и обозначаемые ими

предметы: например, *табак* и *кукуруза*. А поглощение слов латинского происхождения английским языком было столь же обширным, как и поглощение английским народом латинской, христианской и средиземноморской культуры на протяжении более тысячи лет - и продолжалось как его сопровождение и результат.

61. Конвергентные языки

Параллельное развитие речевых форм не ограничивается такими признаками, как половая принадлежность и инкорпорация объектов. Оно может затрагивать целые языки. Китайский язык давным-давно стал чрезвычайно аналитическим или "изолирующим" языком. То есть он утратил все аффиксы и внутренние изменения. Каждое слово стало неизменной единицей. Из этих атомов строятся предложения. Грамматические отношения выражаются порядком слов: например, субъект предшествует предикату. Другие понятия, которые во многих языках трактуются формально, такие как множественное число или лицо, выражаются элементами содержания, то есть другими словами: *тапу* для множественного числа, отдельные местоимения вместо аффиксов для лица и так далее. Равномерно моносложные слова китайского языка подчеркивают этот изолирующий характер, который, однако, не зависит от моносложности по своей сути. В индоевропейской семье, как уже говорилось, в течение последних двух тысяч лет наблюдался дрейф в том же направлении. Этот дрейф в сторону утраты формальных механизмов и выражения грамматики только материальными элементами или их положением был очевиден во всех ветвях индоевропейского языка, но наиболее заметен в английском. Основными остатками старых процессов словообразования в современном английском языке являются четыре окончания глаголов -s, -ed, -ing, -en; три окончания существительных - притяжательное -'s и множественное -s и -en, последнее встречается редко; падежное окончание -m в *whom*, *them*; несколько изменений гласных во множественном числе, как в *man-men* и *goose-geese*; и, возможно, две сотни изменений гласных в глаголах, таких как *sing, sang, sung*. По сравнению с латынью, санскритом или даже примитивными германскими языками, этот краткий список представляет собой сохранение, возможно, десятой части первоначального синтетического аппарата отклонений. То есть английский язык прошел примерно девять десятых пути к достижению грамматики китайского типа. Третий язык независимого происхождения, полинезийский, прошел примерно такое же расстояние в том же направлении. Внешне он меньше похож на китайский тем, что в нем преобладает полисилабизм, но больше на него тем, что подвергся сильному фонетическому истощению. Таким образом, это явный случай конвергенции целых языков к схожему типу.

Другой пример - удивительное сходство в плане структуры индоевропейского, особенно в его более древних формах, и пенутийской группы языков в родной Калифорнии. Общими для этих двух семей являются аппарат сходных падежей, включая винительный, родительный, местоименный, аблатив, инструментальный; множественное число с суффиксом; изменение гласных в глаголе в зависимости от времени и способа; пассив и несколько причастий и модальных форм, выраженных суффиксами; местоимения либо отдельные, либо выраженные окончаниями, слитыми с суффиксами времени и модальности. Таким образом, процессы, в результате которых английский *sing, sang, sung, song*, или *bind, bound, band, bond, bond*, в значительной степени идентичны тем, которые произвели в пенутийских йокутах такие формы, как *shokud, pierce, shukid-ji, pierced, shokod, perforation or hole, shikid, piercer or arrow*. Короче говоря, большинство черт, которые обычно относят к индоевропейским языкам, как правило, флективные, вновь появляются в пенутийском, причем, разумеется, независимо в отношении их происхождения и истории.

Это, по-видимому, явления, сравнимые с развитием феодализма в Китае более чем на тысячу лет раньше, чем в Европе, или появлением в Перу великой централизованно управляемой империи, подобной древним монархиям Востока.

62. Бессознательные факторы в языке и культуре

Непрекращающиеся процессы изменений в языке в основном бессознательны. Результаты изменений могут доходить до сознания говорящих; сам акт изменений, и особенно его причины, происходят без осознания теми, через чьи умы и уста они происходят. Это относится ко всем отделам языка: фонетике, структурной форме, в значительной степени даже к значению слов. Когда изменения начинают вкрадываться в язык, их можно заметить и сознательно сопротивляться им на том основании, что они неправильные, вульгарные или иностранные. Но глубинные мотивы возражающих, по-видимому, так же неизвестны им самим, как и побуждения новаторов.

Если такая точка зрения кажется экстремальной, то можно легко показать, что большая часть любого языка в его нынешнем виде, вне зависимости от вопроса об изменениях, используется бессознательно. Неграмотный человек будет использовать такие формы, как *child, child's, children, children's* с той же "правильностью", что и филолог, но при этом не сможет дать объяснение грамматическим идеям единичности и множественности, абсолютности и обладания, или установить правила относительно способа выражения этих идей в английском языке. Грамматика, короче говоря, существует до грамматистов, чьим законным делом является раскрытие тех правил, которые уже существуют. Очевидно, что поспешно думать, что раз грамматику преподают в школах, то и речь может быть грамматичной только благодаря такому формальному обучению. Санскрит, греческий и латинский языки имели свои склонения и спряжения еще до того, как индусские, греческие и римские ученые впервые проанализировали и описали их. Языки примитивных народов часто изобилуют сложными формами и механизмами, которые постоянно используются и применяются, не подозревая об их существовании. Точно так же, как кровь циркулировала в нашем теле совершенно спокойно до того, как Гарвей открыл ее циркуляцию.

Качество бессознательности, по-видимому, не является чертой, специфически ограниченной лингвистическими причинами и процессами, но в принципе присуще культуре в целом. Дело лишь в том, что бессознательное проникает в речь гораздо глубже. Обычай, вера, искусство, какими бы глубокими ни были их истоки, рано или поздно поднимаются в общественное сознание. Тогда он кажется преднамеренным, спланированным, волевым, и его истолковывают как возникший из сознательных побуждений и развивающийся по сознательным каналам. Но многие социальные явления можно свести лишь к нерациональным и неясным мотивам: например, ношение шелковых шляп. Целый ряд изменений в стилях одежды обусловлен бессознательными причинами. Рукава и юбки удлиняются или укорачиваются, брюки расклешаются или зауживаются, и кто может сказать, почему? Возможно, новую моду можно отнести к Парижу или Лондону, к определенному слою общества. Но что это такое, что зимой определенного года заставляет каждую женщину или мужчину определенной социальной группы носить, скажем, пальто с высоким воротником или туфли не выше щиколотки, а на следующий год или через десяток лет - наоборот? Недостаточно сказать, что это подражание лидеру моды, профессиональному создателю стиля. Почему группа следует за ним и считает нововведение привлекательным и правильным? Годом раньше то же самое новшество

показалось бы той же группе бессмысленным или экстравагантным. Год спустя оно кажется запоздалым и нелепым, и все удивляются, что стиль был таким безвкусным так недолго.

Очевидно, что эстетические эмоции, вызываемые модой, в значительной степени неподвластны как отдельным людям, так и группам. Трудно сказать, откуда берутся творческие и подражательные импульсы моды; а поскольку эти импульсы, очевидно, находятся где-то в человеческом сознании, это означает, что они исходят из бессознательных частей разума. Очевидно, что наше оправдание стилей одежды, которых мы придерживаемся в тот или иной момент, наше признание их художественными, удобными, разумными или какими-то еще, вторично. Низкая обувь может быть удобнее высокой, коричневая практичнее черной. О том, что не это является причиной, определяющей ношение низких коричневых туфель, когда их принято носить, говорит тот факт, что в другое время высокие черные туфли надевает каждый. Причины, которые могут быть приведены и приводятся, настолько изменчивы и непоследовательны, что, очевидно, это не настоящие причины, а ложные вторичные причины, которые лучше всего называть рационализациями. Оправданиями мы должны называть их применительно к индивидуальному поведению.

То, что относится к моде, относится и к манерам, и к морали, и ко многим религиозным обрядам. Почему мы оказываем почтение женщинам, вставая в их присутствии и проходя в дверь за ними; почему мы воздерживаемся от того, чтобы есть рыбу ножом или пить суп из двуручной чашки, хотя пить его из одноручной вполне законно; почему мы не женимся на близких родственниках; почему мы снимаем шляпу в присутствии божества или его эмблем, но считаем нечестивым снять обувь; все тысячи предписаний и табу, примером которых являются эти, имеют бессознательную мотивацию.

Такие случаи также являются иллюстрацией того, что известно как относительность морали. Еврей надевает шляпу, чтобы поклониться, восточный человек пунктуально снимает обувь. Одни люди запрещают браки между самыми дальними родственниками, другие поощряют браки между двоюродными братьями и сестрами, третьи разрешают союз дяди и племянницы. Казалось бы, все социальные явления, которые можно подвести под этот принцип относительности стандарта, имеют бессознательное основание. Это, в свою очередь, подразумевает бессознательную причинность нравов, тех продуктов социальной среды, в которой человек воспитывается и которую он принимает как высший авторитет поведения. Поскольку нравы - это те народные обычаи или обыкновения, к которым привязана эмоциональная окраска, так что следование обычаю или отступление от него вызывает чувство соответственно одобрения или неодобрения, очевидно, что происхождение народных обычаев в целом также бессознательно, поскольку нет причин, по которым эмоции или этические аффекты, окутывающие привычные действия, должны склоняться к бессознательному возникновению больше, чем сам обычай.

Стало известно, что убеждения среднего человека по социальным вопросам, далеким от него, формируются не путем изучения доказательств и применения разума, а перенимаются с помощью того, что иногда называют "стадным инстинктом", от общества или периода, в котором ему довелось родиться и воспитываться. Его вера в демократию, в монотеизм, в право на получение прибыли, в свободу смены места жительства или рода занятий имеют именно такое происхождение. Во многих случаях легко привести яркие доказательства этого утверждения: как, например, в проблемах высоких тарифов, афанасьевского вероучения или обязательной вакцинации, которые настолько техничны или запутаны, что не могут быть самостоятельно решены большинством людей путем доказательств и аргументов. Только время не позволяет: мы должны голодать, пока проводим необходимые исследования. И

разница между отношением среднего человека к таким сложным вопросам и отношением высокоодаренного индивидуума к ним или даже к более простым проблемам, похоже, заключается лишь в степени.

Даже в материальной стороне культуры бессознательная мотивация играет свою роль. В движении кораблей весла и паруса колебались как преобладающие средства почти до периода паровых судов. Невозможно сказать, что один метод логически превосходил другой, что он был признан таковым и затем рационально использовался. История войн показывает аналогичные изменения между метательными и колющими копьями, колющими и колюще-режущими мечами, легкими и тяжелыми доспехами. Греки и македонцы в дни своего военного превосходства удлиняли свои копья и держали их. Несомненно, какое-то время казалось, что доказано несомненное превосходство этого вида оружия над более коротким метательным копьем. Затем римляне, в рамках своей легионерской тактики, вернулись к копью и разбили македонскую фалангу своим пилумом. Но в Средние века снова вернулись к копьеметанию. Греки успешно развивали тяжелую броню, пока афинские легковооруженные войска не одолели спартанских гоплитов. Македонцы вновь ввели тяжелое вооружение, которое продержалось в Европе до тех пор, пока не получило распространение огнестрельное оружие. Но последние несколько лет принесли возрождение шлема.

Эти моды на орудия труда и практические приспособления меняются не так быстро, как современные фасоны одежды, и часть их причин часто можно распознать. Тем не менее, с точки зрения сознания, нет существенной разницы между колебаниями моды на оружие, или навигацию, или кулинарию, или путешествия, или строительство дома, и, скажем, колебаниями моды между мягкими и жесткими шляпами или высокими и низкими ботинками. Можно признать, что именно открытое построение легиона привело к появлению пилума; пуля побудила отказаться от нагрудной пластины, шрапнель - к появлению шлема. Но эти иницирующие факторы не были преднамеренными в отношении последствий, которые последовали за ними; в свою очередь, они были следствиями более отдаленных причин. Вся цепочка развития событий в таких случаях коварна, непредвиденна и в основном непредсказуема. В лучшем случае происходит осознание происходящего; как правило, это осознание становится полным только после того, как изменение инструмента, оружия или промышленного процесса завершено и, возможно, уже снова подрывается.

Конечно, чисто стилистические изменения и языковые инновации также имеют свои причины. Когда шляпа дерби или местоимение *thou* становятся устаревшими, на то есть причина, независимо от того, знаем ли мы ее или не видим.

Общий причинный элемент всех этих изменений можно назвать сдвигом в социальных ценностях. Возможно, вырос практический химический опыт, и порох взрывается более удовлетворительно; или экономическая реорганизация позволила вооружить оружием больше солдат. Первый результат - более частое попадание пули в бою; второй - отказ от нагрудной пластины. Рост благосостояния, образования или проживания в городе делает неизбирательную фамильярность манер менее желательной, чем в более ранний период: грубое *thou* начинает уступать косвенному множественному *you*. Или, опять же, новые глаголы, все правильного спряжения, такие как *love, loved*, образуются в английском языке или импортируются из французского, пока их количество не перевесит количество древних неправильных глаголов, таких как *sing, sang*. Тем самым запускается стандартизирующая тенденция - "аналогия" - технический термин филолога, - которая начинает превращать неправильные глаголы в правильные: *dived* заменяет *dove*, так же как *lenger* становится *longer*, а *toon* - *toes*. В одном из этих явлений есть та же причинность, что и в другом. Индивид

или сообщество, оставляющее нагрудную пластину или жесткую шляпу, скорее всего, осознает, что совершает действие, чем тот, кто оставляет слова *toon* или *thou*. Но не похоже, что существует существенное различие в процессе. Лингвистические и эстетические изменения наиболее полно осознаются, социальные - далее, материальные и экономические - возможно, менее всего. Но во всех случаях изменения или инновации обусловлены смещением ценностей, которые шире, чем отдельное явление, и которых придерживаются импульсивно, а не разумно. Вот почему все социальные творения - институты, верования, кодексы, стили, формы речи - при беспристрастном анализе оказываются полны несоответствий и иррациональностей. Они возникли не в результате взвешенного или обдуманного выбора, а на основе импульсивных желаний и эмоционально окрашенных привычек.

Вышеизложенные рассуждения можно резюмировать следующим образом. Языковые явления и процессы в целом более глубоко бессознательны, чем культурные, хотя и не различаются в принципе. Как в языке, так и в культуре содержание передается и усваивается быстрее, чем форма, и глубже проникает в сознание. Организация или структура в обоих случаях происходит в соответствии с бессознательными шаблонами, такими как грамматические категории, социальные стандарты, политические или экономические точки зрения, религиозные или интеллектуальные предположения. Эти шаблоны распознаются только на поздней стадии развития, и даже тогда продолжают изменяться и оказывать влияние без сознательного контроля. Количество таких лингвистических и социальных моделей ограничено, они имеют тенденцию примерно повторяться без исторической связи. Частично схожие комбинации таких моделей иногда повторяются, порождая языки или культуры схожего типа. Но устоявшиеся паттерны, а тем более их комбинации, сменяют друг друга с трудом. Поэтому их распространение происходит путем целостного замещения одного языка или культуры другим, а не путем частичного поглощения. В отличие от конкретных элементов, из которых состоят язык и культура, - отдельных слов, механических устройств, институциональных символов, конкретных религиозных идей или действий и т. п. Эти элементы легко впитываются и распространяются. Поэтому они чаще имитируются, чем изобретаются. Но языковые и культурные образцы или структуры, возникающие спонтанно, могут иметь больше общего сходства, чем исторической связи.

63. Языковые и культурные стандарты

Из того, что социальные обычаи не имеют рациональной основы, не следует, что они недостойны того, чтобы им следовать, или что от норм поведения нужно отказаться, поскольку они относительно, то есть бессознательно основаны и изменяются. Поскольку люди от природы склонны считать свои нормы вкуса, поведения и социального устройства полностью разумными, совершенными и неизменными, то, как только признается их эмоциональность и изменчивость, возникает первая склонность считать эти нормы не имеющими ценности. Но такая склонность является лишь негативной реакцией против прежней иллюзии, когда она разочаровывает, рушась. Таким образом, эта реакция в некотором смысле является дальнейшим результатом иллюзии. Как только фундаментальное и автоматическое предположение о неизменности и неотъемлемой ценности социальных моделей было отброшено, и было признано, что движущая сила поведения у человека, как и у других животных, является аффективной и бессознательной, в институтах и кодексах нет ничего, с чем можно было бы спорить. Они не презренны и не славны; в силу своего существования они не больше заслуживают того, чтобы их выкорчевывали и разрушали, чем того, чтобы их защищали как абсолютные и вечные. В той или иной форме они неизбежны; и конкретная форма, которую они принимают в это время или в этом месте, всегда достаточно

хорошо обоснована, в смысле приспособлена с достаточным успехом или была недавно хорошо приспособлена к условиям естественной и социальной среды группы, которая является держателем института, кодекса или стандарта.

То, что это разумная позиция, легче показать на примере языка, чем культуры, потому что язык - это прежде всего механизм или средство, в то время как в культуре цели и задачи имеют тенденцию к навязчивости, и на языковые явления легче смотреть беспристрастно. Грамматики и словари, например, очевидно, являются результатом самосознания, возникшего в отношении речи, которая до этого была в основном бессознательной. Их можно сравнить с такими социальными формулировками, как своды законов или писанные конституции, философские системы или религиозные догмы, которые также являются репрезентациями уже существующих обычаев или верований. Когда грамматисты клеймят такие выражения, как *ain't*, *them cows* или *he don't*, как "неправильные", они оценивают нововведение или один из нескольких устоявшихся конфликтующих вариантов употребления по стандарту правильности, который кажется им абсолютным и постоянным. На самом же деле осуждаемая форма может стать или не стать устоявшейся. *He don't*, например, может со временем стать правильной, хотя *ain't*, возможно, имеет меньше шансов на легитимацию, а *them cows* - еще меньше перспектив на признание. То, что та или иная форма отходит от канона сегодняшнего дня, конечно, не больше доказывает, что она будет принята в будущем, чем то, что она не будет принята. Несомненно лишь то, что, если она получит достаточное распространение, она также получит санкцию и станет частью стандарта своего времени.

Подобные лингвистические случаи мало чем отличаются, если вообще отличаются в принципе, по своей вовлеченной психологии, от решения Верховного суда о том, что определенный законодательный акт является неконституционным и, следовательно, недействительным; или от решения конфессии о том, что танцы или игра в гольф в воскресенье являются порочными; или от широко распространенных настроений, что нарушение непопулярного закона, такого как закон о запрете алкоголя, является морально оправданным. Главным отличием является то, что суд - это орган, наделенный авторитетом, который не имеет аналогов в языковой сфере, во всяком случае, в англосаксонских странах; хотя в латинских странах существуют Академии, чьи диктовки по поводу правильности речи пользуются моральным авторитетом, приближающимся к вердиктам высокого суда.

Интересно также вспомнить, что право отменять законы не было специально предоставлено Верховному суду Конституцией Соединенных Штатов, но эта практика развивалась постепенно, подобно речевым нововведениям, которые становятся общепринятыми. Определенные слои американского населения считают эти полномочия нежелательными и поэтому получают удовольствие, указывая на их несанкционированное происхождение. Большинство же считает, что ситуация в целом складывается удачно, и что Верховный суд с его нынешними полномочиями лучше, чем риск остаться без власти. Тем не менее, остается нелогичным, что сохранение Конституции должно происходить частично через внеконституционное функционирование конституционного органа. В принципе, это похоже на то, как грамматики одновременно устанавливают правило и исключения из него, потому что противоречащие друг другу употребления оказываются фактически установленными.

Таким образом, кодексы, догмы и грамматики обычно являются скорее отражениями, чем причинами. Влияние, которое они оказывают, заключается главным образом во внешней кристаллизации. Они создают поверхностную видимость постоянства. В области речи легко понять, что не грамматики создают языки, а языки создают грамматиков. Аналогичный процесс, очевидно, происходит и в культуре. Законодатели, государственные деятели, религиозные лидеры, первооткрыватели, изобретатели, таким образом, только на первый

взгляд формируют цивилизацию. Глубинные, слепые и запутанные силы, которые формируют культуру, также формируют так называемых творческих лидеров общества так же существенно, как они формируют массу человечества. Прогресс, насколько его можно объективно считать таковым, - это то, что само себя создает. Мы его не создаем. Наше обычное убеждение в обратном, вероятно, является результатом бессознательного желания не осознавать свое индивидуальное бессилие в отношении культуры, в которой мы живем. Социальное влияние в некотором роде у нас есть, как у личностей. Но это личное влияние на судьбу и карьеру других отдельных членов общества, и в основном оно связано с целями личной безопасности, относительного доминирования или привязанности между собой. Это, очевидно, отличается от влияния на форму или содержание цивилизации как таковой.

64. Быстрота языковых изменений

Скорость изменений в языке ограничена принципами лингвистической причинности, которые мы уже обсуждали, но в деталях она остается неясной темой. Часто высказываемое мнение, что бесписьменные языки обязательно изменяются быстрее, чем письменные, или что языки дикарей менее стабильны, чем языки цивилизованных людей, в основном является наивным отражением нашего чувства превосходства. Оно противоречит только что упомянутым принципам и не подкреплено доказательствами. Случайные рассказы о том, что первобытное племя через поколение-другое заговорило на почти переделанном языке, - это бессознательные измышления, вызванные предубеждением и подкрепленные поспешным знакомством, ошибочными записями, непониманием или, возможно, сменой жителей. Нахуатль, язык ацтеков, за четыреста лет, вероятно, изменился меньше, чем испанский; кечуа, язык инков, - не больше. Английский язык, очевидно, изменился больше, чем любой из этих трех языков за тот же период. Десятки родных языков, некоторые из которых принадлежали совершенно грубым народам, были записаны в XVI и XVII веках испанскими и другими священниками, и в большинстве случаев грамматики и словари оказались пригодными для использования и сегодня.

Культурные изменения, по-видимому, способствуют изменению речи в основном определенным образом. Новые вещи требуют новых названий; новые действия означают новые мысли, а новые идеи требуют новых слов. Они могут быть импортированы, могут быть созданы из элементов, уже имеющихся в языке, или старые слова могут претерпеть изменение значения. В любом случае, изменения происходят в основном в словарном запасе. Звуки языка обычно затрагиваются гораздо меньше, а его структура - меньше всего. Введение новой религии или развитие новой формы правления в народе не обязательно должно сопровождаться изменениями в грамматике его речи, и обычно этого не происходит, о чем свидетельствуют многочисленные исторические примеры.

Хотя причины грамматических инноваций далеко не ясны, контакт с чужими языками, безусловно, в какой-то степени является фактором. Изолированное ответвление языковой группы обычно более специализированно и, следовательно, предположительно более изменено, чем основной массив диалектов семьи. Причина в том, что последние, поддерживая обильные взаимные контакты, стремятся поддерживать друг друга, а если и отклоняются, то в одном и том же направлении. Носители же той ветви, которая географически отделена, знакомятся с совершенно разными грамматиками по мере того, как изучают языки, отличные от родного, и это знание, по-видимому, действует как неосознанный стимул к росту новых форм и употреблений. Дело не в том, что грамматические понятия часто имитируются полностью или грамматические элементы

заимствуются. Знакомство с языком другого типа, скорее, действует как фермент, который запускает новые процессы.

В силу специфики дела прямые конкретные свидетельства изменений такого характера получить трудно. Но сравнение родственных языков или диалектов с учетом их местоположения часто показывает, что диалекты, географически расположенные среди чужих языков, наиболее дифференцированы. Это относится к абиссинскому языку в семитской семье, к брахуи в дравидийской, к сингалезе в индийской ветви индоевропейской, к хопи и тубатулалу в шошонской, к арапаху и блэкфут в алгонкинской, к уастеку в майя.

Но также вероятно, что языки различаются между собой по своей восприимчивости к изменениям и что один и тот же язык различается в последовательные периоды своей истории. Скорее можно ожидать, что язык может находиться в фазе то быстрого, то замедленного метаболизма, так сказать; что на одном этапе его тенденция может быть направлена на разрушение и поглощение, а на другом - на более жесткое закрепление форм. Точно так же есть основания полагать, что языки определенных типов структуры по своей природе более пластичны, чем другие. Во всяком случае, фактические различия в скорости изменений известны. Например, индоевропейские языки, пожалуй, все без исключения за три тысячи лет исторической летописи изменились сильнее, чем семитские. Так и в коренной Америке, хотя современные документальные свидетельства, конечно, недостаточны, степень дифференциации внутри двух фондов наводит на мысль, что атабасканский язык более консервативен, чем сиуанский.

Также заметны различия в готовности заимствовать готовые слова. Английский язык в этом отношении явно более гостеприимен, чем немецкий, который скорее стремится выразить новое понятие путем нового образования старых элементов. Южноамериканские языки, по-видимому, заимствовали друг у друга больше слов, чем североамериканские. В этом вопросе тип языка, вероятно, имеет некоторое влияние, но в целом культурные факторы, вероятно, преобладают. Направление и степень культурного поглощения, по-видимому, в значительной степени определяют поглощение слов. Здесь, безусловно, важную роль играет письменность. Латинский и французский элементы в английском, санскритский и арабский элементы в малазийских языках в значительной степени были привнесены с помощью письменности и, очевидно, остались бы гораздо меньше, если бы исторические контакты были полностью устными. Это, пожалуй, самый важный способ влияния письменности на развитие разговорного языка; влияние, которое в других отношениях обычно переоценивается.

ГЛАВА VI

ЗАРОЖДЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

65. Ископаемые тела и разума.-66. Камень и металлы.-67. Старый и новый каменные века.-68. Эолит.-69. Палеолит: продолжительность, климат, животные.-70. Подразделения палеолита.-71. Расовые типы человека в палеолите.-72. Кремневые орудия палеолита.-73. Другие материалы: кость и рог.-74. Одежда.-75. Гарпуны и оружие.-76. Деревянные орудия.-77. Огонь.-78. Дома.-79. Религия.-80. Палеолитическое искусство.-81. Итоги продвижения в палеолите.

65. Окаменелости тела и разума

Открытие окаменелостей позволило получить некоторое представление об истории человеческого тела за последний миллион лет. Доказательства далеко не полны, но их достаточно, чтобы доказать развитие, которое можно было бы ожидать в соответствии с гипотезой эволюции. В некоторой степени окаменелости также позволяют понять развитие человеческого разума. По объему черепа можно судить о размере мозга. Внутренняя поверхность черепа соответствует внешней поверхности мозга. Таким образом, было получено небольшое представление о развитии у древних видов человека тех извилин и центров на поверхности мозга, с которыми связана умственная деятельность. Даже кости конечностей дают косвенные указания. Прямое бедро означает прямое положение тела, при котором руки больше не используются для передвижения. Освобожденные от этой функции, они становятся свободными для других целей, таких как хватание, манипулирование и различные формы того, что мы называем работой. Но рука, приспособленная для работы, была бы бесполезна без интеллекта, который руководил бы ее действиями. Таким образом, кости наших предшественников дают представление о степени развития их разума. Эти предположения отрывочны и неполны, но они чего-то стоят.

Вторая линия доказательств более полна. Если человеческая или дочеловеческая рука изготовила какой-либо предмет, по нему можно судить о его назначении, о том, как он использовался, сколько интеллекта было задействовано при его использовании, какая степень мастерства была необходима для его изготовления. Все подобные артефакты - инструменты, оружие или что-либо созданное - являются отражением степени "культуры" или цивилизации, начальной или продвинутой, которой обладали существа, изготовившие их.

В целом свидетельства, которые можно получить из артефактов о степени развитости их создателей или пользователей, превосходят информацию, получаемую из строения скелетов. Большой мозг не всегда означает высокий интеллект. Даже сильно извилистая поверхность мозга может сопровождать посредственный ум. Иными словами, корреляция между телом и разумом не отработана с точностью. С другой стороны, усовершенствованный тип инструмента обязательно предполагает большее мастерство в его использовании, а значит, и решительное развитие интеллекта. Точно так же, если среди людей прошлого или настоящего не встречается ничего, кроме простых орудий труда, можно быть уверенным, что их цивилизация и развитие их разума остались позади.

Правда, по конкретному изготовленному предмету не всегда можно судить о менталитете человека, который им владел и пользовался. Имбецил может стать обладателем хорошего ножа и даже обладать некоторым умением им пользоваться. Но он может приобрести этот нож только в том случае, если в его обществе или в его времени есть другие люди, умеющие плавить железо и ковать сталь. Короче говоря, даже один-единственный нож является доказательством того, что человеческая изобретательность достигла уровня важных открытий и что в мире практикуются искусства относительно высокого уровня. Таким образом, одиночный инструмент, если его находка тщательно подтверждена, может быть достаточным для установления относительно высокой или низкой степени цивилизации доисторического периода или исчезнувшей расы.

Орудие, изготовленное руками человека в прошлом, конечно, отличается от настоящей окаменелости бывшего человека, и всегда необходимо проводить различие между ними. Первое - это то, что сделано человеком и в какой-то мере отражает развитие его интеллекта; второе - то, что осталось или сохранилось от самого человеческого тела. Тем не менее, в

метафорическом смысле об орудиях прошлого вполне можно говорить как об окаменелостях цивилизации. Это лишь ее фрагменты, но они позволяют нам реконструировать образ жизни доисторических народов и совершенно забытых наций, точно так же, как геолог и палеонтолог восстанавливают по настоящим окаменелостям формы жизни, существовавшие на земле или в морях миллионы лет назад.

Есть и еще одна параллель. Как геолог знает, что одна окаменелость старше или моложе другой по ее положению в земной коре или пласту, в котором она была отложена, так и изучающий зарождение человеческой цивилизации знает, что отложения на дне пещеры должны быть более древними, чем мусор наверху. Он обращается к геологу, чтобы тот сообщил ему возраст ледникового отложения или речной террасы, и таким образом может узнать, что из двух типов орудий, найденных в разных местах или на разных уровнях, один на столько-то тысяч лет или геологических периодов старше другого. В конечном счете, более древние орудия оказываются более простыми. Таким образом, археологам удалось проследить эволюцию цивилизации, которая довольно точно повторяет эволюцию форм жизни. Эта эволюция человеческих умственных операций, отраженная в артефактах, сохранившихся от самых низких и ранних слоев цивилизации, является темой данной главы.

Есть еще один способ, с помощью которого свидетельства по двум направлениям эволюции похожи: их неполнота. Геологическую летопись сравнивают с книгой, в которой отсутствуют целые главы; от других остались лишь обрывки; и только время от времени сохраняются целые страницы. Человечество всегда было настолько менее населенным, чем остальные представители животного мира, особенно на ранних стадиях его развития, что число людей, чьи кости сохранились в виде окаменелостей, бесконечно меньше. В результате нам повезло, что мы смогли собрать шесть или семь не совсем полных скелетов и фрагментарные части двух или трех десятков других особей расы неандертальцев, населявших Западную Европу на протяжении тысячелетий. По более ранним расам или видам человека фактические данные еще более скудны. Знания о такой фундаментальной форме, как *Pithecanthropus*, самом раннем из известных до сих пор предшественников человека, основываются на двух костях и двух зубах, плюс третий зуб, обнаруженный в результате единственной последующей экспедиции. Гейдельбергского человека приходится реконструировать по челюсти.

Останки, иллюстрирующие развитие человеческого разума, не так скудны. Один человек за всю свою жизнь может изготовить сотни или даже тысячи орудий труда. Если они сделаны из камня, то практически нетленны; в то время как только исключительный скелет, защищенный благоприятными обстоятельствами, сохраняет кости в течение тысяч лет. Таким образом, на каждый найденный древний ископаемый след человека приходится тысячи творений его рук.

Недостаточность культурной летописи заключается не в недостаточном количестве образцов, а в их односторонности. Предметы из камня, даже из рога и металла, сохраняются дольше всего; одежда, ткани, шкуры, корзины и деревянные изделия обычно разлагаются так быстро, что не имеют шансов сохраниться в течение десятков тысяч лет. Орудия труда древнейших времен часто встречаются в изобилии; предметы, изготовленные с помощью инструментов из более мягких и менее прочных материалов, скудны даже в умеренно древние периоды. Время от времени на куске глиняного горшка можно обнаружить отпечаток текстиля. Текстиль и продукты питания иногда сохраняются благодаря обугливанию в огне или проникновению металлических солей. Уголь или пепел, найденные в

карманах или постелях, свидетельствуют о том, что огонь поддерживался в одном месте в течение значительного времени, а значит, контролировался и использовался, возможно, даже производился человеком. Костяная игла с ушком доказывает, что кто-то должен был шить, и, следовательно, можно предположить, что в то время носили одежду. Но на каждый установленный таким образом факт есть десятки, о которых знания остаются пустыми.

В понимании социальной и религиозной жизни самых ранних людей, естественно, есть огромные пробелы, и чем дальше в прошлое, тем сильнее окутывающая тьма. Проблема не менее сложная, чем точно определить степень интеллекта, достигнутого почтовыми рыбами девонского периода тридцать-сорок миллионов лет назад, или определить, каким был цвет лица питекантропа - черным, коричневым или белым. Об этом можно только догадываться. Путем тщательных сравнений можно получить некоторые частичные и косвенные указания на ответ. Но, очевидно, не стоит пытаться слишком сильно растягивать выводы, которые можно сделать. Воображение имеет ценность как в науке, так и в искусстве и других сферах жизни, но когда оно становится несоразмерным фактам, то представляет собой опасность, а не помощь.

Тем не менее, время от времени сохраняется нечто, из чего можно с достаточной долей уверенности сделать выводы даже о нематериальной стороне жизни. Если человеческие кости обнаруживаются обугленными и расколотыми, есть все основания полагать, что это остатки каннибальского пиршества. Если доисторические скелеты находят в положении, в котором могла произойти смерть, можно предположить, что люди того времени бросали своих мертвецов, как это делали животные. Если же скелет лежит нетронутым с аккуратно сложенными руками, то остается мало места для сомнений в том, что люди того времени дошли до того, что стали убирать своих мертвецов; иными словами, было введено человеческое погребение, и, соответственно, существовала хотя бы грубая форма общества. Когда, возможно, в более поздний период, находят скелет с красной краской, прилипшей к костям, хотя они лежат на своих естественных местах, единственный вывод, который можно сделать, - это то, что мертвое тело было покрыто пигментом перед погребением и что по мере истощения мягких тканей красная охра прилипла к костям. В этом случае роспись, очевидно, была частью обряда, совершавшегося над мертвым.

66. Камень и металлы

Культурная летопись существования человека делится на два больших периода. В последнем из них, в котором мы живем, использовались металлы; в более раннем металлы были неизвестны, а орудия труда изготавливались из камня. Отсюда термины "век камня" и "век металлов". Продолжительность этих двух основных периодов неодинакова. Металлы впервые стали использоваться в Азии и Египте около 4 000 лет до н. э., а в Европе - около 3 000 лет до н. э., то есть пять-шесть тысяч лет назад. Самые консервативные авторитеты, однако, допускают, что каменный век длился сорок или пятьдесят тысяч лет; другие же считают, что он охватывает четверть миллиона. Принятие промежуточной цифры в сто тысяч лет дает каменному веку продолжительность в двадцать раз большую, чем век металлов. Если вспомнить, что рука об руку с металлами пришло искусство письма и бесконечное множество изобретений, то становится ясно, что за сравнительно короткий период металлов человеческая цивилизация получила более значительные дополнения, нежели за предшествовавшее ему колоссально долгое время. Прогресс в каменном веке был не только медленным, но чем дальше вглубь этой эпохи мы заглядываем, тем более замедленной кажется эволюция человеческой культуры. Определенно можно отметить тенденцию к ускорению эволюции: чем дальше заходит прогресс, тем быстрее он движется.

Эпоха металлов подразделяется на железный век, который начинается около трех тысяч лет назад, то есть около 1500-1000 лет до нашей эры, и более ранний бронзовый век. В бронзовом веке следует выделить период, когда в некоторых частях света использовалась самородная медь; после этого наступает эпоха, когда стало известно, что медь, расплавленная с добавлением одной десятой части олова, в результате чего получается бронза, является превосходным материалом. В течение последних пяти тысяч лет, соответственно, последовательно выделяются эпохи меди, бронзы и железа.

В широком смысле эти пять тысяч лет также являются историческим периодом. Не факт, что для каждого народа существуют исторические записи, уходящие так далеко в прошлое. Но самые ранние из сохранившихся документов, которыми пользуется историк, - письменные памятники Египта и Вавилонии - имеют возраст около пяти тысяч лет. Таким образом, век металлов примерно соответствует периоду истории; каменный век - преистории.

67. Старый и новый каменный век

Каменный век, за исключением довольно сомнительной вводной эпохи, которая будет упомянута ниже, принято делить на два периода, Старый и Новый каменный век, - палеолит и неолит. Эти слова греческого происхождения означают буквально "старый каменный" и "новый каменный" периоды. Критерием, по которому первоначально различали эти два больших периода, было то, что в палеолите артефакты изготавливались только путем скола, то есть некоего процесса разрушения камня, в то время как неолитические каменные предметы, как считается, были выбиты, отшлифованы, натерты и отполированы. Действительно, два периода иногда обозначают как эпохи грубого камня и полированных каменных орудий.

Сейчас известно, что это различие неточно. Действительно, в древнекаменном веке еще не использовались процессы трения при обработке камня, и он ограничивался более древними методами дробления ударами или давлением. Но обратное утверждение, что неолит обрабатывал камень только путем шлифования, не верно, и даже что шлифование было его характерным процессом. Шлифование камня было изобретено только к середине нового каменного века - то, что, возможно, лучше всего обозначить как "полный неолит". Ранний неолит, длившийся половину всего неолита, продолжал обрабатывать камень с помощью излома. Начало неолита ознаменовалось появлением некоторых изобретений, не имеющих ничего общего с камнем: в частности, гончарного дела и лука. С их появлением жизнь человека приобрела новые краски, и только спустя несколько тысяч лет в обиход вошла обработка камня шлифованием. Другими словами, представления доисториков о том, что такое неолит, изменились, и они больше не ставят каменные процессы на первое место при характеристике этого периода. Поэтому им следовало бы изменить его название на более специфическое. Возможно, со временем такая смена обозначения укоренится. Но в настоящее время термин "неолит" настолько укоренился в обиходе, что замена его на "гончарный век" или "эпоху лука" ввела бы в заблуждение: во всей литературе по этому вопросу используется "неолит". Настоящая глава посвящена именно палеолиту, а это эпоха, когда каменные орудия занимали большое место и постоянно изготавливались только путем разрушения, поэтому трудности, связанные с концепцией неолита и его разделением на ранний и полный периоды, можно оставить для обсуждения на более поздний срок (глава [XIV](#)). Однако при рассмотрении палеолита на последующих страницах следует помнить, что неолит не является ни его антитезой, ни логическим дополнением, а скорее периодом, ознаменовавшимся появлением совершенно новых направлений человеческой культуры.

Еще один момент, связанный с двумя процессами обработки камня, касается умственной деятельности, связанной с ними. Сносный топор или ступка могут быть сделаны без особого труда любым человеком, готовым взяться за дело. Цивилизованный человек, совершенно неопытный в обработке камня, скорее всего, изготовит вполне удовлетворительное орудие методом натирания. Однако если он попытается изготовить орудие из колотого камня, даже простого типа, то, вероятно, потерпит неоднократную неудачу, прежде чем научится управлять методом достаточно хорошо, чтобы получить орудие, не испортив при этом дюжину. Короче говоря, ловкость рук, необходимая для изготовления лучших форм орудий из колотого камня, выше, чем для шлифованных. Поскольку процесс обтесывания, однако, происходит раньше, мы сталкиваемся с парадоксом.

Однако парадокс лежит лишь на поверхности. Действительно, с точки зрения мастерства хороший сколотый инструмент сделать сложнее, чем шлифованный. Но его можно изготовить за более короткое время. Грубый каменный инструмент можно изготовить за несколько минут. Хорошему артефакту может предшествовать несколько неудачных попыток или "брака", и все равно он будет изготовлен за час или меньше. Процессы обтесывания, шлифовки и полировки, с другой стороны, трудоемки. Они медленны даже при использовании стальных инструментов, а если материал для формовки не лучше другого камня или песка, как это, конечно, всегда случалось в доисторические времена, то продолжительность труда должна была быть удручающей. На изготовление одного орудия требовались недели или, по крайней мере, дни. Если работа велась в неурочное время, можно представить, что многие каменные топоры изготавливались месяцами. Таким образом, при изготовлении орудий неолитического типа требуется терпение и предусмотрительность довольно высокого порядка. Ловкость рук заменяется более высокими качествами, которые можно назвать моральными. Для сравнения, самые ранние люди не обладали этими качествами. Они не садились сегодня за работу, чтобы начать что-то, что можно будет использовать только через месяц. То, чего они хотели, они хотели получить быстро. Думать наперед, жертвовать настоящим удобством ради будущего преимущества было чуждо их образу жизни. Поэтому они занимались скоблением; и хотя за тысячи лет они научились делать сколы высокого качества, они продолжали работать с модификациями того же грубого и быстрого процесса. Соответственно, ограничивались и возможности использования их орудий. Первоклассный топор, настоящее долото или ступка, в которой можно толочь, едва ли могут быть сделаны только путем раскалывания. Только после того, как люди научились сдерживать свой детский порыв работать только для достижения непосредственной цели и приобрели повышенный самоконтроль и дисциплину, в обиход вошла шлифовка камня.

При датировке или правильном расположении периодов доисторического времени следует четко придерживаться одного принципа: принцип, согласно которому возраст отложений всегда определяется высшими типами орудий. Низшие формы часто переходят из более ранних периодов в более поздние, наряду с вновь изобретенными высшими типами. Люди эпохи полного неолита не отказались полностью от изготовления сколотых орудий, потому что они также занимались шлифовкой камня. Так и мы не отказались от использования камня, потому что используем металлы, и до сих пор применяем медь для самых разных целей, хотя живем в эпоху, для которой характерны железо и сталь. Причислять какой-либо народ к палеолиту, потому что у него были как обломанные, так и обточенные орудия, было бы так же ошибочно, как утверждать, что мы все еще принадлежим к каменному веку, потому что строим дома из гранита. На самом деле каменная кладка получила свое основное развитие с тех пор, как стали использоваться металлы.

Это предостережение кажется достаточно элементарным. Но иногда оно упускалось из виду учеными в погоне за теорией, которая заставляла их пытаться наложить печать на какую-то доисторическую или дикую расу как на особо примитивную. Если в пласте древних останков обнаружена тысяча сколотых артефактов и только десять шлифованных или полированных, но последние, несомненно, были оставлены там одновременно с тысячей сколотых, можно считать, что все отложения относятся к полному неолиту. Ведь в таком случае ясно, что искусство шлифовки должно было быть уже известно, хотя, возможно, оно еще практиковалось лишь от случая к случаю.

Выяснилось, что все дошедшие до нас народы первобытной культуры - американские индейцы, австралийские негры, полинезийцы, готтентоты и другие - за исключением, вероятно, тасманийцев, достигли стадии развития шлифования. Правда, многие племена американских индейцев оббивали наконечники стрел и ножей чаще, чем вытачивали топоры. Однако все без исключения они также знали процесс шлифовки камня и применяли его для каких-то целей. По этой причине попытки некоторых авторов, которые сравнивают определенные современные дикие народы с расами доисторической Европы на основании сходства их сколотых орудий, вводят в заблуждение. Действительно, орудия, подобные тем, что были изготовлены в мустьерский период древнего каменного века, делают современные австралийские племена, а некоторые магдаленские орудия, относящиеся к концу древнего каменного века, находят параллели среди эскимосских. Но и австралийцы, и эскимосы практикуют искусство натирания и полировки камня, которое было неизвестно в палеолите. Поэтому они явно принадлежат к более поздней стадии цивилизации. Если слишком настаивать на таких параллелях, то можно прийти к выводу, что австралийцы - это запоздалые мустьерские люди каменного века, а эскимосы - магдаленцы, которых арктические регионы каким-то образом увековечили на десять тысяч лет; в то время как их цивилизации состоят из мустьерских и магдаленских компонентов плюс множество последующих элементов. Стадия развития искусства обтесывания камня может быть одной и той же; другие искусства и обычаи современных австралийских негров и эскимосов, а также их телесные типы отличаются от тех, что были у доисторических европейцев.

Учитывая различие между палеолитом, неолитом и медным, бронзовым и железным веками, необходимо рассмотреть, что могло им предшествовать, а затем в общих чертах проследить развитие человеческой культуры в период палеолита на континенте, где его записи наиболее изучены, - в Европе.

68. Эолит

Самым ранним из всех периодов человеческой ручной работы, хотя и несколько сомнительным, является эолит, или эпоха "рассвета каменных орудий".

С чисто теоретической точки зрения представляется вероятным, более того, почти неизбежным, что первые определенно оббитые орудия не развились в полную силу, а им предшествовали еще более грубые инструменты, сделанные, возможно, без явного намерения, и, во всяком случае, настолько грубые и полуовальные, что их трудно было распознать.

После того как эволюция палеолитических орудий стала довольно хорошо известна, эта догадка стала подкрепляться доказательствами, или, по крайней мере, предполагаемыми доказательствами. Исследователи, особенно Rutot в Бельгии, находили кремни, о которых трудно сказать, использовались ли они человеческими руками или нет. Эти кусочки встречались в чрезвычайно древних отложениях. На основании этих находок Руто и его

последователи установили эпоху эолита. Одни последовательно осуждали эпоху эолита как воображаемую, утверждая, что так называемые эолиты были всего лишь случайными продуктами природы. Другие принимают эолиты и признают стадию эмбриональной или дочеловеческой цивилизации, которую они подразумевают. Другие студенты по-прежнему сомневаются, и их позицию, пожалуй, безопаснее всего разделить.

В настоящее время наиболее распространено мнение, что предполагаемые эолитические кремни могли использоваться руками раннего человека, но почти наверняка не были изготовлены. Это делает их орудиями труда только в том смысле, в каком орудием труда является сук дерева, когда человек, попавший в беду, хватается его для самозащиты.

Эолиты - это более или менее неровные куски кремня или похожего камня, некоторые из них настолько тупые, что их использование для рубки, резки или соскабливания должно было быть очень неэффективным. Считается, что небольшие выемки или сколы по краю не были отколоты с сознательным намерением создать кромку, а откололись в процессе использования камня в качестве инструмента естественного происхождения. Это вполне соответствует тому, как если бы мы взяли в руки булыжник, не имея при себе топора или молотка, и продолжали колотить по нему, пока в результате грубого обращения не откололось несколько кусочков и случайно не образовалась кромка. То, что эолиты были такими непреднамеренно сделанными инструментами, - это самое большее, что можно с уверенностью утверждать о них.

Но даже в этом случае остаются некоторые сомнения. Камни, похожие на эолиты во всех отношениях, за исключением того, что их изломы имеют более свежий вид, десятками извлекались из современных стальных бочек, в которых кремневый мел разбивался для промышленных целей.

Кроме того, первые верующие в подлинность эолитов сообщали, что они происходят из средних и ранних слоев плейстоцена, а в эти периоды, как мы знаем, уже существовали почти человеческие или получеловеческие типы, такие как гейдельбергский человек и питекантроп. Поскольку эти два вида более похожи на современного человека, чем на обезьян или других животных, мы должны представить, что они были наделены хотя бы некоторым человеческим интеллектом. Поэтому для них было вполне возможно дополнить орудия труда, которыми их наделила природа - руки и зубы, - кремнями, которые они подбирали и обрабатывали тем или иным способом, не особенно заботясь о том, чтобы придать камням нужную форму.

Пока что все аргументы говорят в пользу реальности эолита. Однако вскоре выяснилось, что в среднем плейстоцене, непосредственно перед началом палеолита, когда мы должны были ожидать наибольшего количества эолитов, их было не намного больше, чем в раннем плейстоцене, когда человеческий вид, должно быть, был еще самым рудиментарным. Затем было обнаружено, что эолиты встречаются в более низких слоях, чем самый ранний плейстоцен, а именно в плиоцене, миоцене и, возможно, даже раньше, в олигоцене. Однако эти периоды относятся к третичному периоду, или эпохе млекопитающих - эпохе, предшествовавшей эволюции человека! Короче говоря, аргумент заходит слишком далеко. Начав принимать эолиты, трудно перестать принимать их, не переносясь в тот период геологической истории, когда эволюция вряд ли могла породить форму, достаточно развитую в интеллектуальном отношении, чтобы использовать их[8].

Пожалуй, в целом самым сильным аргументом в пользу подлинности плейстоценовых эолитов является тот факт, что первые орудия, о которых достоверно известно, что они относятся к древнекаменному веку, просто слишком хорошо сформированы и эффективны,

чтобы представлять собой продукты самых зачатков человеческой ручной ловкости. Невозможно не искать что-то предшествующее, более простое и грубое; и эту потребность воображения эолиты в значительной степени удовлетворяют.

69. Палеолит: Продолжительность, климат, животные

После того как эолит прошел и наступил палеолит, наша история зарождающейся человеческой культуры стоит на прочном фундаменте, особенно в Западной Европе, наиболее изученном регионе. Общее отношение этого древнекаменного века к геологическому времени можно определить следующим образом. Четвертичный период, продолжительность которого можно оценить примерно в миллион лет, подразделяется на плейстоценовый и новейший. Из этих двух периодов последний намного короче плейстоцена. В целом, от девяноста восьми до девяноста девяти процентов общей продолжительности четвертичного периода занимал плейстоцен. Небольшой остаток, который геолог называет "новейшим", соответствует тем периодам, которые археолог и историк называют новым каменным и металлическим веками; скажем, последние десять тысяч лет. Старый каменный век, таким образом, приходится на плейстоцен. Но он занимает только позднюю часть плейстоцена; более ранняя часть плейстоцена бесплодна для орудий труда или других свидетельств человеческой культуры, за исключением эолитов, которые можно считать таковыми.

Доля плейстоцена, приходящаяся на древнекаменный век, оценивается по-разному. Некоторые геологи не допускают, что неоспоримый палеолит длился более последней десятой части плейстоцена: реки не настолько изменили свое русло, чтобы можно было предположить более длительный период. При таком допущении продолжительность палеолита составила бы, возможно, сто тысяч лет, чего мы и придерживаемся. Те, кто относит начало европейского палеолита ко второму, а не к третьему межледниковому периоду, должны будут признать значительно большую продолжительность.

Геолог, поскольку он имеет дело с такими огромными периодами, вынужден оперировать широкой шкалой и обычно не желает ограничиваться точными подсчетами лет. Для измерения времени, прошедшего в пределах плейстоцена, он счел наиболее полезным воспользоваться свидетельствами, оставленными великими ледниками, которые неоднократно покрывали части нескольких континентов в течение плейстоцена, и поэтому он дал этому периоду популярное название "ледниковая эпоха". Следует представить, что эти оледенения происходили в гораздо больших масштабах, чем можно предположить по уменьшившимся остаткам ледников, сохранившимся в Альпах и других горах. Плейстоценовые ледники представляли собой огромные листы толщиной в сотни футов, равномерно сползавшие по долинам, холмам и горам, за исключением отдельных высоких пиков. Современная Гренландия, которая, за исключением отдельных краев, погребена под сплошной ледяной шапкой, очевидно, представляет собой довольно достоверную картину того, как выглядели северные районы Европы и Северной Америки в плейстоцене.

В Европе и Северной Америке было выделено и более или менее соотнесено четыре таких оледенения, или периода максимальной протяженности континентального льда. В Европе они были обозначены как оледенения Гюнц, Миндель, Рис и Вюрм соответственно (рис. 5). Каждое из них - это название местности в Альпах, где были тщательно изучены типичные морены или эрозии, образованные льдом того периода.

Между этими четырьмя последовательными наступлениями ледниковых покровов наступали более умеренные эпохи, некоторые из которых были довольно засушливыми, а другие -

влажными и почти тропическими даже на широте Европы. Эти мягкие интервалы известны как межледниковые периоды. О том, что в межледниковье Европа была свободна ото льда, свидетельствуют не только факты чисто геологического характера, но и появление в эти периоды окаменелостей полутропической фауны, включавшей слонов, носорогов, львов и тому подобное.

Переходя к рассмотрению отношения человека к этим ледниковым эпохам, мы обнаруживаем, что первое, второе и, вероятно, третье оледенения прошли, не оставив достоверных свидетельств изготовления каменных орудий. В последнее межледниковье, которое приходится на период между оледенениями Рисса и Вюрма, появляются так называемые "челлинские кирки"; и с этого момента летопись артефактов становится непрерывной. Значительная часть Европы оставалась обитаемой на протяжении всего четвертого и последнего оледенения, периода Вюрм, о чем свидетельствуют обнаруженные орудия труда. Постепенно, хотя и нерегулярно, с тремя незначительными подъемами и спадами, всегда уменьшавшимися по интенсивности, это последнее господство льда сошло на нет, и к тому времени, когда его последствия полностью исчезли и началась геологическая "новейшая" эра, человеческая цивилизация развилась до такой степени, что начала вступать в новый каменный век.

Животные, чьи окаменелости найдены в тех же отложениях, что и человеческие скелеты и артефакты, оказали наибольшую помощь в определении периодов существования этих останков. Окаменелости частично принадлежат вымершим видам до самого конца плейстоцена, когда исключительно живые виды животных начинают полностью вытеснять предыдущие. Хотя идентификация различных видов и определение возраста каждого из них - дело специалистов-палеонтологов, результаты таких исследований очень важны для историка зарождения человека, поскольку помогают определить хронологию. Если артефакты найдены вместе с ископаемыми останками вымерших животных, таких как мамонт или шерстистый носорог, они явно старше, чем артефакты, которые сопровождаются только костями северного оленя, собаки или других ныне живущих видов. По этой причине, хотя история жизни млекопитающих в прошлом сама по себе является наукой, она также тесно связана с предысторией человека. Некоторые из наиболее характерных животных позднего плейстоцена и последовательные этапы развития человеческой культуры, с которыми они были связаны, перечислены на следующей странице.

70. Подразделения палеолита

Места, где жили люди каменного века и где скапливались их обломки, называются "стоянками". Впервые это слово было использовано во французском языке, но затем перешло в другие языки. Итак, "станция" - это просто место, где обнаружены доисторические останки человеческой деятельности. В Западной Европе их было обнаружено не менее тысячи. В целом они делятся на два класса. Один тип находится на открытой местности, в основном в гравии, отложенном ручьями. Поэтому они известны как "речные" или просто "дрифтовые" стоянки. Другой тип находится в пещерах или под укрытиями скал. Большинство дрифтовых стоянок относится к раннему или нижнему палеолиту, в то время как пещерные стоянки датируются в основном более поздним или верхним палеолитом. Поэтому дрифтовый и пещерный периоды часто выделяются в рамках древнего каменного века, особенно английскими археологами. Французские, немецкие и американские студенты обычно используют термины "нижний палеолит" и "верхний палеолит", которые относятся к периодам культурного развития, а не к типу населенной местности, и которые имеют большее значение. Французские археологи также говорят о верхнем палеолите как об эпохе оленей.

Позднеледниковая фауна Западной Европы

(Читать дальше)

- *Послеледниковая и недавняя:*
- Зубр, *Bison priscus*.
- Дикий крупный рогатый скот, *Bos primigenius*.
- Красный олень, или олень-самец, *Cervus elaphus*.
- Косуля, *Capreolus*.
- Северный олень, *Rangifer tarandus*.
- Дикий кабан, *Sus scrofa*.
- *Четвертая ледниковая и послеледниковая фауна:* типично мустьерская и магдаленская:
- Шерстистый мамонт, *Elephas primigenius*.
- Шерстистый или сибирский носорог, *Rhinoceros antiquitatis*.
- Пещерный лев, *Felis leo spelaea*.
- Пещерная гиена, *Hyaena crocuta spelaea*.
- Пещерный медведь, *Ursus spelaeus*.
- Лошадь, *Equus caballus*.
- Козерог.
- Полосатый лемминг, *Myodes torquatus*.
- *Фауна третьего межледниковья:* типично челленская и ашельская:
- Прямоходящий слон, *Elephas antiquus*.
- Широкомордый носорог, *Rhinoceros Merckii*.
- Лев, *Felis leo antiqua*.
- Пятнистая гиена, *Hyaena crocuta*.
- Бурый медведь, *Ursus arctos*.
- Лошади, вероятно, нескольких разновидностей.
- *Фауна второго межледниковья:* обычно допалеолитическая, но частично сохранившаяся в благоприятных местах до челевека:
- Южный мамонт, *Elephas meridionalis*.
- Этрусский носорог, *Rhinoceros etruscus*.
- Большой бегемот, *Hippopotamus major*.
- Саблезубые тигры, *Machaerodus*.
- Полосатая гиена, *Hyaena striata*.
- Лошадь Стено, *Equus stenonis*.
- Бизон античный (*Bison antiquus*).
- Мастоdont, тапир, антропоиды и все приматы, кроме человека и макаки, уже вымерли в Западной Европе.

Студентом, который, возможно, внес наибольший вклад в создание фундамента знаний о палеолите, был Габриэль де Мортилье. Он впервые выделил четыре различных подпериода

палеолита, каждый из которых обладал своими характерными видами орудий. Эти четыре периода, каждый из которых назван в честь одной конкретной "станции", - челлинский или самый ранний; мустьерский; солютрейский; и магдаленский или самый поздний. Они получили свои названия от четырех станций Шелле на севере Франции и Ле Мустье, Солютре и Ла Мадлен на юге Франции (рис. 16). Де Мортилье не пытался полностью связать культуру каждого из этих четырех периодов с конкретной местностью, в честь которой он ее назвал. Он выбрал типичные станции и включил в них другие, как относящиеся к тем же эпохам.

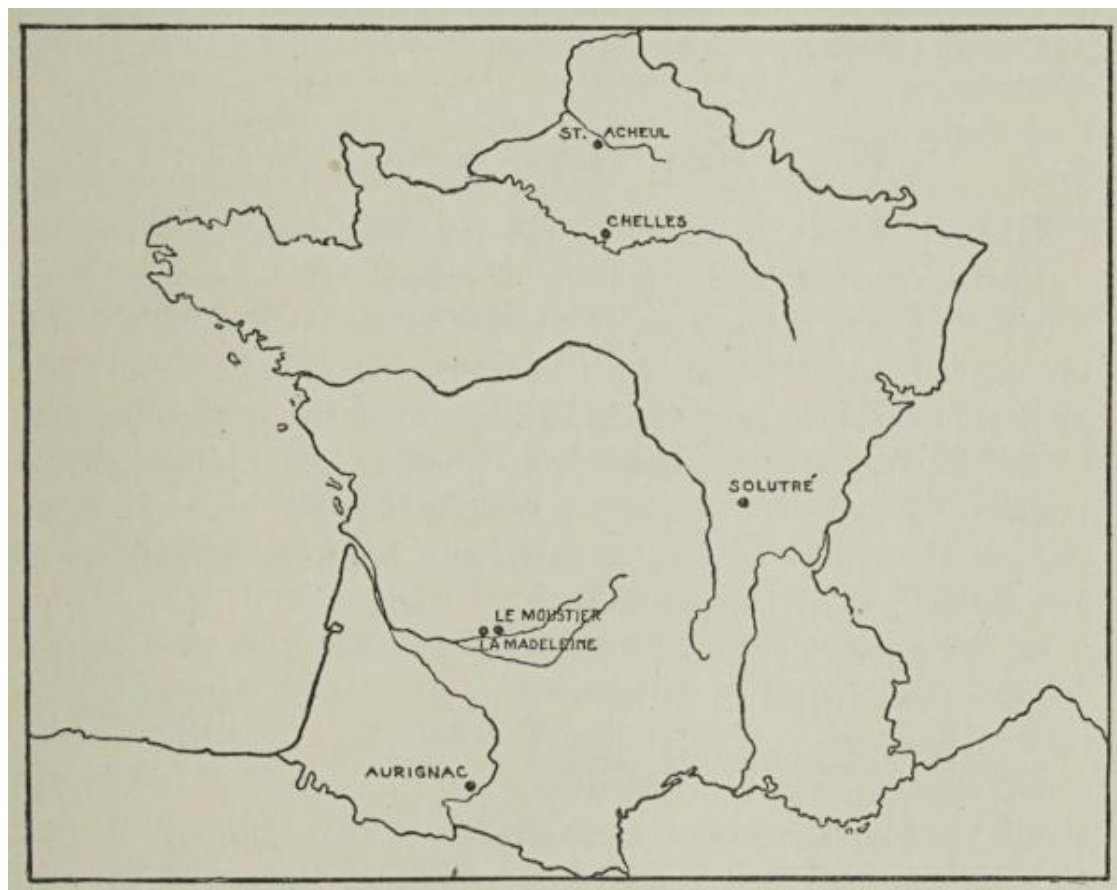


Рис. 16. Типовые стоянки палеолитических периодов. (По Осборну.)

По мере того как находили и изучали все больше орудий, де Мортилье, отчасти и сам, признал, что его первоначальная классификация была обоснованной, но неполной. Необходимо было признать наличие еще двух периодов. Один из них, ахейский, приходится на период до мустьерского, а второй, ауриньякский, - после него. Таким образом, в рамках древнекаменного века выделяется шесть периодов, которые были приняты всеми исследователями предистории человека в Европе. Первые три - хелеанский, ахелеанский и мустьерский - составляют нижний палеолит; последние три - ауриньякский, солютрейский и магдаленский - составляют верхний палеолит или олений век. Эти шесть подразделений древнекаменного века настолько важны для понимания предистории человека, что серьезный студент считает необходимым автоматически знать их названия и последовательность.

71. Расовые типы людей в палеолите

Когда дело доходит до определения типов ископаемого человека в палеолите, складывается любопытная ситуация. Задолго до наступления настоящего каменного века, в раннем и среднем плейстоцене, жили получеловек питекантроп и примитивно человеческая

гейдельбергская раса (§ 11, 12). Но для всей первой части палеолита, на протяжении всего хелеана и ахейлеана, до сих пор не было найдено ни одной бесспорной находки скелетных останков, хотя были обнаружены тысячи орудий, которые, несомненно, являются изделиями человека[9].

На сегодняшний день наиболее убедительной является версия о черепе, найденном в Пилтдауне на юге Англии. Считается, что он был связан с "дочелийскими" орудиями, что, казалось бы, позволяет отнести пилтдаунский тип к расе, жившей в начале палеолита (§ 13). Но отложение в Пилтдауне до его обнаружения было в той или иной степени перекачено или сдвинуто природными силами, так что его возраст не столь определен, как мог бы быть; и нет единого мнения о том, действительно ли высокоразвитый череп и чрезмерно обезьяноподобная челюсть, найденные в отложении, принадлежат друг другу. При таких сомнениях в отношении самой окаменелости представляется разумным не слишком настаивать на ее идентификации как типа человека, жившего в Европе в начале древнего каменного века.

К концу нижнего палеолита, в мустьерском периоде, условия меняются, и скелетные останки становятся достоверными и сравнительно многочисленными. К этому периоду относятся скелеты неандертальского вида человека: низкорослого, худощавого, мощного в костях и мускулатуре, слегка сутулого в коленях и плечах, с толстой шеей и большой головой (§ 14). Мозг был примерно такого же размера, как у современного человека, но отступающий назад лоб был подчеркнут тяжелыми надбровными дугами.

В верхнем палеолите вид неандертальцев исчез. На сцену вышли первые предшественники *Homo sapiens*, или современного человека. Своего рода переход от неандертальского человека может быть представлен типом Брунна, но преобладающей расой в Западной Европе в период верхнего палеолита является кроманьонец - высокий, стройный, хорошо сложенный человек, такой же ловкий и быстрый, как неандертальский человек был коренастым и сильным. Голова и черты лица были хорошо пропорциональны, череп и мозг необычайно велики, общий тип не уступал современному человеку и, вероятно, уже был протокавказским (§ 16).

Человек Гримальди, до сих пор известный только из одного места на средиземноморском побережье Европы, был протонегроидным, ауриньякским по периоду и, следовательно, частично одновременным с кроманьонцами (§ 18).

В целом, типы человека в Европе в эпоху древнего каменного века были следующими:

Магдаленский	кроманьонец
солютрейский	кроманьонец; брюннский
Ауриньякский	Кроманьонец (кавказец); также, локально, Гримальди (негроид)
Мустьерский	Неандерталец (возможно, не имеющий живых потомков)
Acheulean	Неизвестно
Челлеан	Неизвестно; пилтдаун, возможно, дочеллийский

Взаимосвязь геологии, оледенения, типов человека, периодов каменного века и предполагаемого времени в годах сведена в таблицы "Древность человека" и "Предыстория" (рис. 5 и 17)[10].

EARLIEST PREHISTORY OF EUROPE

RECENT		MODERN RACES	IRON		1,900AD
			BRONZE		1,000B.C.
GLACIAL RETREAT		{ CRO-MAGNON BRÜNN CRO-MAGNON GRIMALDI	FULL NEOLITHIC		3,000B.C.
			EARLY NEOLITHIC		8,000B.C.
			AZILIAN		10,000B.C.
			MAGDALENIAN		UPPER PALAEO-LITHIC
SOLUTREAN					
AURIGNACIAN					
WÜRM GLACIAL PERIOD		NEANDERTAL	MOUSTERIAN		25,000B.C.
THIRD INTER- GLACIAL PERIOD			ACHEULEAN		LOWER PALAEO-LITHIC
			CHELLEAN		
			EOLITHIC		100,000B.C.
		PILTDOWN?			

Рис. 17. Самая ранняя преистория Европы. Эта таблица является развитием верхней части [рисунка 5](#). Равные промежутки времени обозначены равными вертикальными расстояниями. Очевидно общее ускорение развития.

72. Палеолитические кремневые орудия

Самым важным доказательством постепенного развития цивилизации на протяжении шести периодов древнего каменного века являются кремневые орудия. В Западной, Центральной и Южной Европе были обнаружены сотни тысяч таких орудий - возможно, миллионы. В Св. Acheul было найдено 20 000 челленских отщепов; в Solutré, под солютрейским слоем, 35 000 мустьерско-ауриньякских обработанных кремней, а также останки 100 000 лошадей; в Grimaldi в Италии, в Grotte du Prince, 20 000 мустьерских изделий; в Швайзерсбильде в Швейцарии - 14 000 позднемагдаленских орудий, а в Кесслерлохе, неподалеку, - 30 000 из позднего солютрейского и магдаленского периодов; в Хундштайге в Австрии - 20 000 ауриньякских кремней; в Предмосте в Чехо-Словакии - 25 000, вероятно, солютрейского возраста. Стоянки с таким богатством не являются особой редкостью, а сами стоянки многочисленны. Только во Франции определено 500 магдаленских местонахождений.

Также неоднократно наблюдались четкие стратиграфические связи. Вот несколько примеров:

Пещера Кастильо, Сантандер, Испания, орудийные слои, разделенные пластами стерильного природного мусора: 1, ашель; 2, 3, 4, ранний, средний и поздний мустьерский; 5, ранний ауриньякский; 6, 7, 8, поздний ауриньякский; 9, солютрейский; 10, 11, ранний и поздний магдаленский; 12, азильский; 13, медный.

В Сент-Ашель: 1, известняк; 2, гравий, ранний челлен; 3, песок, поздний челлен; 4, суглинок, ранний ашель; 5, паводковый песок; 6, лёсс; 7, поздний ашель; 8, галька, мустьерский; 9, лёсс; 10, верхний палеолит.

В Мас д'Азиль, у подножия Пиренеев: 1, гравийная почва; 2, средний магдаленский; 3, заливной суглинок; 4, верхний магдаленский; 5, заливной суглинок; 6, азильский; 7, ранний неолит; 8, полный неолит и бронза; 9, железо.

В пещере Офнет, Бавария: 1, камни; 2, песок, глубина 65 см; 3, 4, ауриньяк, 20 см; 5, солютрейский, 20 см; 6, магдаленский, 15-20 см; 7, азильский, с двумя гнездами черепов, 5 см; 8, неолит, 53 см; 9, бронза и железо, 32 см.

В пещере Ла Феррасси: 1, камни и песок, глубина 40 см; 2, ашельская, 50 см; 3, мустьерская, со скелетом, 50 см; 4, ранний ауриньяк, 20 см; 5, средний ауриньяк, 50 см; 6, обломки скал, 35 см; 7, поздний ауриньяк, 35 см; камень и почва, 120 см.

При первом осмотре палеолитические реликты кажутся едва различимыми. Все они сделаны из кремня, керта или аналогичного камня; все они обломаны и, следовательно, более или менее грубы, и состоят из форм, предназначенных для резки, соскабливания и прокалывания. Но при ближайшем рассмотрении обнаруживаются различия в их формах и фундаментальные различия в способе их изготовления. Техника, использованная при изготовлении артефактов, более значима, чем их внешний вид, и именно обращая внимание на этот процесс, можно точно классифицировать эти "окаменелости цивилизации".

Челлеан. - В период Челлеан был изготовлен в основном один тип орудия, своего рода грубая кирка, миндалевидной или клиновидной формы. Она часто несколько заострена, хотя редко бывает очень острой. Задний конец может быть закруглен, часть первоначальной поверхности булыжника или конкреции кремня оставлена для удобства захвата орудия рукой (рис. 18, а). Этот инструмент известен как "кирка Челлина". Немцы часто называют ее *faust-*

keil или "кулачный клин", а французы придумали выразительный эпитет *coup-de-poing* или "удар кулаком". Кирка Челлина в среднем имеет от четырех до шести дюймов в длину, несколько меньше в ширину и весит, возможно, от четверти до целого фунта. Она могла бы стать эффективным грубым оружием. Если его крепко схватить и хорошо направить, он мог легко размозжить череп. Им можно было бы раскалывать дрова, рубить сучья деревьев, забивать крупную дичь и, возможно, грубо выделывать шкуры. Ни одну из этих задач он не выполнил бы с аккуратностью и точностью, но аккуратность и точность были качествами, которым ранние палеолитические люди уделяли мало внимания. Этот универсальный челленский инструмент можно описать как комбинацию ножа, пилы, топора, скребка и кирки, выполняющую различные функции этих орудий с заметной грубостью, но достаточно эффективно при наличии мускульной силы.

Челлинская кирка изготавливалась путем удара круглого или овального желвака кремня о другой камень и отбивания кусочков. Большинство отколовшихся чешуек были крупными, о чем свидетельствуют поверхности, с которых они соскакивали; возможно, большинство сколов составляли в среднем квадратный дюйм. Поэтому ни о какой тонкой работе или ровности очертаний не могло быть и речи. Можно представить, что многие инструменты были испорчены или сломаны пополам от ударов, которым они подвергались при изготовлении. Отбитые чешуйки падали на землю и выбрасывались. Если мастер был достаточно искусен, а удача сопутствовала ему, то вскоре он уже держал в руках описанное орудие. Для его изготовления потребовалось бы не более нескольких десятков ударов молотом по камню.

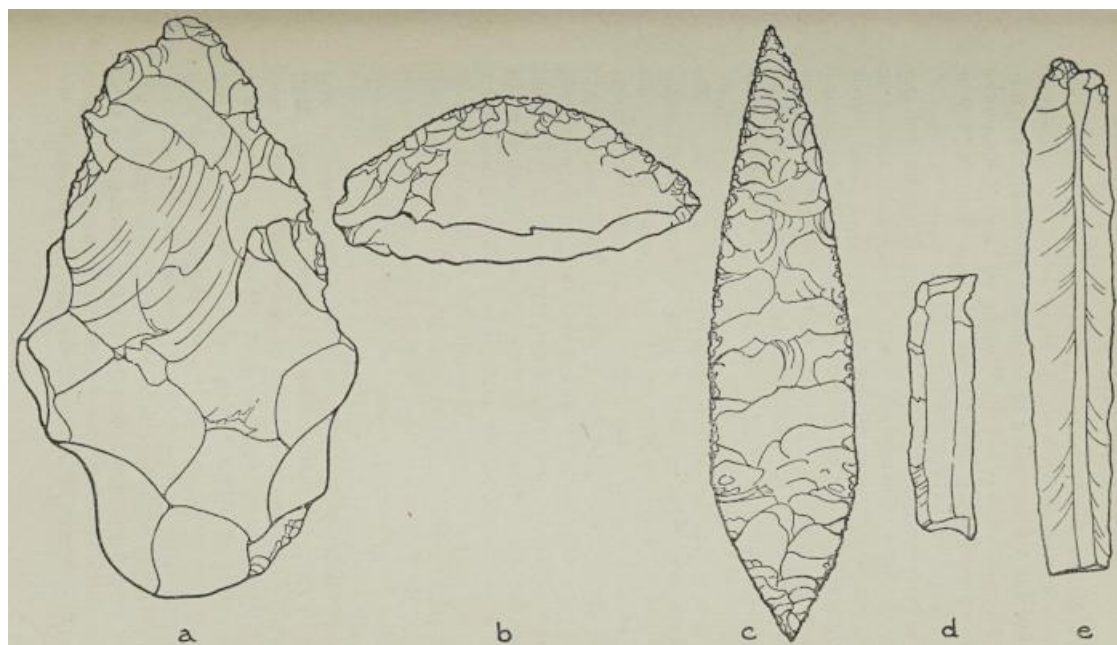


Рис. 18. Каменные орудия, иллюстрирующие основные типы палеолитического скола. *a*. Челлинская кирка, грубо обтесанное ядро; *b*. Мустьерский скребок, чешуйка с ретушированным краем; *c*. Солютрейское лезвие, выровненное ретушью по всей поверхности; *d*. Магдаленский нож, чешуйка, отделенная одним ударом. Для сравнения: *e* - обсидиановый нож или бритва из Мексики, изготовленный по той же технологии, что и *d*.

Были предприняты некоторые попытки выделить различные формы челленских орудий, такие как скребки, рубанки и ножи. Но некоторые из этих идентификаций конкретных типов являются неопределенными, и в лучшем случае различия между типами незначительны. Можно с приблизительной точностью утверждать, что в течение долгого челлинского

периода существовал только один инструмент; что это первый инструмент определенной формы, который, как известно, был сделан руками человека; и что, следовательно, он является конкретным свидетельством первой стадии того длительного развития, которое мы называем цивилизацией[11].

Ахеулеанский период дает представление о растущей специализации форм и некоторых новых типах. Можно выделить грубые скребки, ножи, сверла. Отбитые чешуйки тоньше, чем в Челлеане, и общее качество изготовления в среднем выше; но на протяжении всего периода Ачеулеана не наблюдается никаких новых процессов. Челленские методы производства усовершенствованы, но к ним не добавлено ни одного изобретения.

Мустьерский. - В мустьерский период, на первый взгляд, произошел регресс. Орудия становятся меньше, менее правильными по очертаниям и обрабатываются только с одной стороны. За весь мустьерский период едва ли можно найти хоть один новый тип орудия, обладающий такой универсальностью, как челлинская кирка. Тем не менее, деградация проявляется только во внешнем виде орудий. На самом деле они изготовлены по новому процессу, более совершенному, чем тот, который использовался в челнском и ашельском периодах. В более ранние периоды чешуйки отбивались до тех пор, пока оставшееся каменное ядро не приобретало нужную для орудия форму. Мустьерская техника отличается тем, что вместо ядра используется чешуйка. Именно поэтому мустьерские орудия обычно меньше и легче.

Во-вторых, когда чешуйка затуплялась от использования, ее край восстанавливался путем тонкого скола. Кусочки, отделяющиеся при этом вторичном сколе, настолько малы, что их было бы трудно отбить и сохранить при этом правильность края, так как отделить скол ударом - значит сильно прикоснуться к нему. Если удар будет слабым, то отколовшийся скол будет слишком маленьким. Если по артефакту ударить слишком сильно, отлетит слишком большая стружка, и орудие будет испорчено. Мелкие сколы лучше обрабатывать давлением, а не ударом. На поверхность рядом с краем кладется острие. Если нажать на это острие под нужным углом и с нужной силой, чешуйка отлетит. При определенной практике чешуйки можно отделять почти одинаковые по размеру. Острие может быть из более мягкого материала, чем камень. Природа кремня и всех камней, которые по своей структуре приближаются к стеклу, такова, что они легко ломаются под давлением по определенным плоскостям или поверхностям. Современные племена, которые все еще обрабатывают кремень, обычно используют в качестве нажимного инструмента кусок кости или рога, который имеет несколько закругленное острие. Его обычно прикрепляют к концу палки, чтобы лучше держать рабочий инструмент, а конец зажимают под локтем. Подобный инструмент, возможно, использовался в палеолите. Процесс отделения чешуек или вторичных чешуек при помощи давления известен как "ретуширование". Ретушь позволяет добиться более тонкого контроля, чем удары, наносимые камнем. В результате мустьерские орудия, когда они находятся в наилучшем состоянии, обладают более правильными краями, а также большим разнообразием форм, приспособленных к определенному использованию, чем орудия предыдущих эпох (рис. 18, b).

Несмотря на свою незначительную внешность, мустьерские орудия, соответственно, демонстрируют прогресс в двух аспектах. Во-первых, используется чешуйка. Во-вторых, используются два процесса вместо одного: отбивание чешуйки с последующей ее ретушью.

Ауриньяк. - С мустьерским периодом нижний палеолит закончился. В некоторых сферах жизнедеятельности, таких как искусство и религия, верхний палеолит представляет собой большой прогресс по сравнению с нижним палеолитом. Однако, похоже, что умственная

энергия ауриньякцев была поглощена их новыми занятиями и изобретениями, поскольку их орудия труда в основном представляют собой те же ретушированные чешуйки, что и мустьерские. Ауриньякцы продолжили каменную технику мустерианцев так же, как ранее ашельцы продолжили технику челлийцев.

Солютрейский период, по-видимому, был относительно коротким и носил локальный характер, поскольку орудия, относящиеся к нему, являются самыми редкими из всех шести подразделений древнекаменного века. В солютрейский период интерес к обработке камня заметно возрос. Процесс ретуширования, не подвергаясь коренным изменениям, очевидно, контролировался гораздо лучше, чем раньше. Лучшие солютрейские рабочие ретушировали обе стороны своих орудий, а не одну, как раньше, и обрабатывали не только край или острие, но и всю поверхность артефактов. Одним из характерных орудий их времени было лезвие в форме лаврового листа, которое часто считалось острием копья, но также могло быть эффективным ножом и часто использовалось в качестве такового. Его поверхность с обеих сторон, от наконечника до острия, обработана ровной ретушью, а по качеству изготовления с ним могут сравниться только лучшие из копий, сколотых современными дикарями (рис. 18, в).

Конечно, это было не единственное каменное орудие, которое знали солютрейцы. Они делали острия с одним буртиком на конце, как для крепления, и имели грубые формы, представляющие собой типы более ранних периодов. Этот частичный консерватизм согласуется с уже высказанным общим наблюдением, что низшие типы имеют тенденцию сохраняться даже после того, как были изобретены высшие; и что, поскольку период определяется его лучшими изделиями, из этого отнюдь не следует, что отсутствуют более простые.

Шестой период древнекаменного века, магдаленский, похож на мустьерский тем, что на первый взгляд демонстрирует ретроградное развитие. Процесс ретуши был выполнен с меньшим мастерством, возможно, потому, что магдаленцы с большим интересом занимались костью, чем камнем. Магдаленские ретушированные орудия менее полно проработаны и менее красиво орнаментированы, чем солютрейские. Одной из причин такого упадка было то, что на первый план выходила другая техника. Эта техника начала использоваться раньше, но ее типичное развитие пришлось на магдаленское время. Это был процесс, который в силу своей простоты, будучи освоенным, стремился сделать ненужным искусство ретуши. Этот новый метод заключался в том, чтобы одним ударом отделить от подходящей глыбы кремня длинные чешуйки с прямыми краями, примерно по тому же принципу, по которому можно равномерно расколоть ледяную лепешку хорошо направленным ударом кирки. Типичное магдаленское орудие из камня представляет собой тонкую чешуйку длиной в несколько дюймов, треугольную или многоугольную в сечении, иначе говоря, длинную узкую призму (рис. 18, г).

Чтобы отколоть такую чешуйку, необходим кремень довольно ровного зерна, а удар, выполняющий эту работу, должен быть нанесен в точное место, под точным углом и в довольно узких пределах силы. Это означает, что молоток или ударный инструмент не должны напрямую соприкоснуться с кремнем. Короткое заостренное изделие, похожее на гвоздь или плотницкий пробойник и, вероятно, сделанное в доисторические времена из рога или кости, устанавливается на подходящем месте у края кремня, а затем по нему энергично постукивают камнем молотка. Одним ударом отсекается нужная чешуйка. Острые края, оставшиеся на блоке, с которого слетела чешуйка, можно использовать для начала соседних

чешуек, и так по всему периметру блока, мастер продвигается все дальше и дальше, пока почти вся сердцевина не будет разделена на полосы.

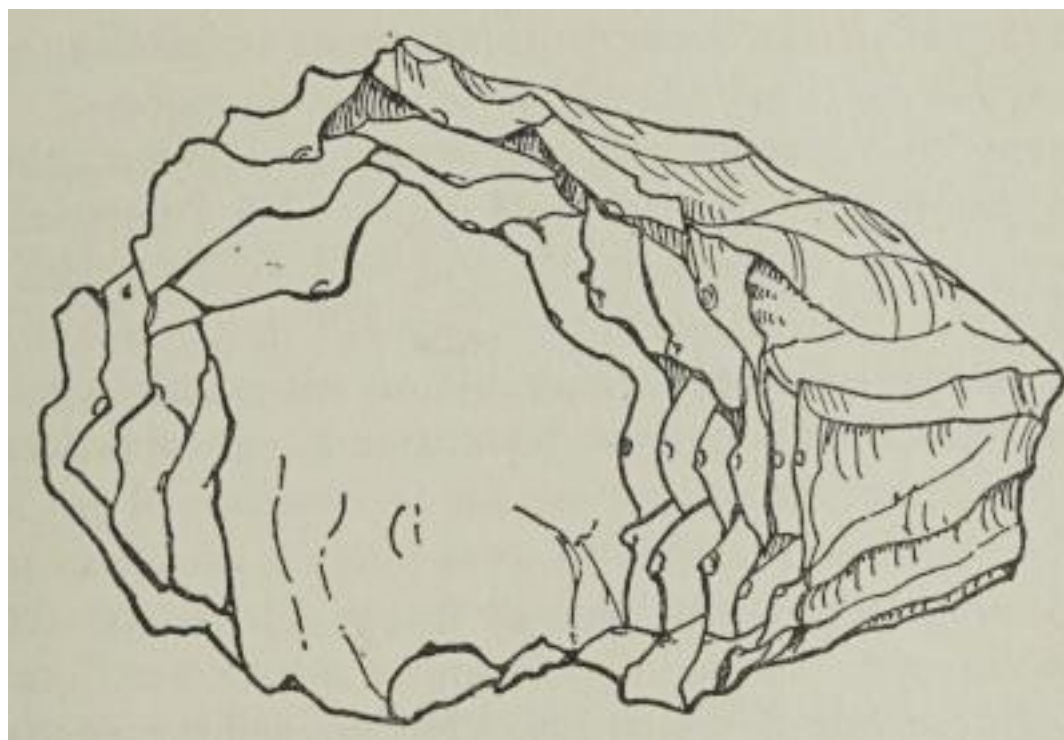


Рис. 19. Чешуйки, выбитые из ядра и собранные заново. Современная работа в магдаленской технике.

Этот магдаленский процесс, который использовался десять, пятнадцать, а возможно, и двадцать тысяч лет назад, сохранился или был заново изобретен в наши дни. Всего несколько лет назад английские рабочие отбивали кремнь для кремневых мушкетов, экспортируемых в Африку. Современный англичанин работал стальным молотком вместо костяного стержня и булыжника, но техника была та же. На рис. 19 показана целая партия чешуек, на которые был расколот блок, и которые затем уложены вместе, чтобы придать камню первоначальную форму. Подобные чешуйки из обсидиана, вулканического стекла, похожего по своим свойствам на кремнь, до сих пор производятся в индейских районах внутренней Мексики для использования в качестве бритв (рис. 18, е).

Магдаленский способ обработки кремня дает наиболее гладкую и острую кромку. Он не приспособлен для изготовления тяжелых инструментов, но из него получаются превосходные ножи. Кроме того, этот процесс очень быстрый.

Резюме. Последовательные этапы развития искусства обработки камня в палеолите можно суммировать следующим образом:

Челеан: Крупные чешуйки отделяются ударами от сердцевины, которая становится орудием.

Acheulean: Тот же процесс, применяемый к более разнообразным формам.

Мустьерский: Чешуйки, отделенные ударом, затачиваются в орудие путем ретуширования давлением только с одной стороны.

Ауриньякский: То же самое с улучшенной ретушью.

Солютрейский: Обе поверхности орудия полностью ретушированы.

Магдаленский: Призматическая чешуйка, оторванная ударом, переданным через острие.

73. Другие материалы: Кость и рог

Каменные орудия, возможно, всегда должны оставаться на переднем плане нашего понимания древнего каменного века, потому что они изготавливались гораздо чаще, чем другие предметы, или, во всяком случае, сохранились в таком количестве, что они обеспечат нас основной массой доказательств. В то же время было бы ошибкой считать, что жизнь этих людей давних времен была заполнена изготовлением и использованием каменных орудий труда, исключая все остальное. Постепенно, в течение последних пятидесяти лет, благодаря неустанным терпеливым исследованиям и соединению одного небольшого открытия с другим, накопилось достаточно знаний о других сторонах жизни палеолитических людей. Есть все основания полагать, что со временем мы узнаем о них все больше и больше, а значит, сможем воссоздать достаточно полную и яркую картину их поведения.

Орудия из кости и рога следуют по количеству после каменных, но важно, что нижнепалеолитические все же обходились без этих материалов. В желлеанской и ашельской стоянках, хотя и встречаются обломки костей съеденных животных, кость не имела формы. В мустьерской этот материал впервые вошел в употребление, но пока только в качестве так называемых "наковален", на которых откалывали кремь или резали, а не как настоящие орудия труда.

Одним из изменений, наиболее ярко характеризующих переход от нижнего к верхнему палеолиту, является внезапное развитие использования кости в начале ауриньяка, а затем рога северного оленя. С течением времени эти материалы становились все более популярными. У ауриньякцев были костяные шилья или булавки, полиры, трубки для нанесения краски из полых костей оленьих ног, а также острия с желобчатым основанием для изготовления наконечников, которые обычно считаются наконечниками копий. В Солютре добавились глазчатые иглы. Наибольшего развития они достигли в магдаленском периоде. Костяные наконечники копий и копы теперь изготавливались в самых разных формах, с заостренными, скошенными или желобчатыми основаниями. К списку костяных инструментов добавились молотки, долота или клинья, а также перфораторы. В них дули в свистки и, возможно, флейты. Из рога северного оленя изготавливали резные и перфорированные отрезки рога - "жезлы повеления" или магии, как их обычно называют; а также гарпуны и метательные устройства, о которых речь пойдет ниже.

К концу палеолита предметы из органических веществ стали приближаться по частоте к кремневым. Вполне возможно, что это была своего рода подготовка к шлифовке и полировке камня, которая является отличительной техникой нового каменного века. Кость не может быть отколота или отретуширована. Ее нужно резать, шлифовать или тереть, чтобы придать ей нужную форму. Поэтому можно сказать, что неолитические люди распространили на камень процесс, с которым были знакомы их предшественники из верхнего палеолита, но не смогли применить его к более твердому веществу.

74. Платье

Тонкая костяная игла с ушком, которую солютрейцы и магдаленцы добавили к примитивному шилу, подразумевает использование ниток и шитья. Отсюда можно сделать вывод, что, по крайней мере, с середины верхнего палеолита люди Европы одевались в некое подобие одежды. Было бы слишком далеко заходить, если бы утверждать, что люди-неандертальцы бегали голыми, как низшие животные. Несколько изобретений, которые они сделали, заставляют нас приписать им достаточно интеллекта, чтобы заставить их прикрываться

шкурами, когда им было холодно. Но, возможно, они были слишком импровизированы или привыкли к дискомфорту, чтобы беспокоиться даже о выделке шкур. Во всяком случае, нет никаких свидетельств того, что они регулярно одевались. Напротив, шитье кроманьонцев верхнего палеолита ознаменовало значительный прогресс.

Украшения, возможно, появились раньше, чем одежда. Краской ауриньяки украшали свои тела и тела своих мертвых. На шею и талию они вешали ряды перфорированных раковин и зубов. На скелетах мужчин их было найдено больше, чем на скелетах женщин. К магдаленскому периоду в искусстве появились искусственные раковины и зубы из слоновой кости, а янтарь начали перевозить с германского побережья в Южную Францию.

75. Гарпуны и оружие

К концу верхнего палеолита, в магдаленском периоде, гарпун вошел в широкое употребление. Древко, конечно, давно истлело, но многие головки из оленьего рога остались целыми. Сначала они были зазубрены и имели колючки только по одному краю. В позднем магдаленском периоде колючки были срезаны с обеих сторон. Гарпун отличается от простого копья тем, что его головка отделяется от древка. Они соединяются вместе при помощи гнезда. Если добыча, будь то рыба или млекопитающее, не убита с первого броска, ее попытки вырваться расшатывают древко, в то время как колючки удерживают головку, крепко впившуюся в тело. К голове прикрепляется леска, которая привязывается к древку или держится в руке охотника. Таким образом животное удерживается от побега. Во времена Магдалины леска не соскальзывала с головы благодаря одной или двум ручкам возле приклада. В последующий азилийский период головка была пробита, как это принято у современных эскимосов. На самом деле гарпун - довольно сложный инструмент: он состоит как минимум из трех частей - головки, древка и линя.

Еще одно приспособление, которое магдаленцы разделяли с ацтеками, эскимосами и некоторыми другими современными народами, - копье или атлатль. Это своего рода стержень или рукоятка, один конец которой захватывается пальцами, а другой зацепляется за конец гарпуна или дротика. Рука управляет древком только в начале его полета: движущая сила исходит от метателя. Таким образом, инструмент можно охарактеризовать как устройство для искусственного удлинения человеческой руки и придания оружию большей скорости и длины полета. Несомненно, в этом устройстве задействована немалая изобретательность, как при его изобретении, так и при успешном использовании. Человек, не обладающий навыками телесных движений, никогда бы не додумался до этого изобретения; да и представители расы, обладающей высокой природной ловкостью, не смогли бы овладеть искусством охоты с метательным устройством, пока каждый из них не стал бы тренироваться в течение длительного времени. Таким образом, можно еще раз сделать вывод, что к концу палеолита цивилизация развилась до такой степени, что люди стали гораздо охотнее проходить длительные тренировки и терпение, чем в начале этого периода.

Один из инструментов, который мы склонны ассоциировать с зарождением цивилизации, поскольку он почти повсеместно используется современными дикарями, - это лук и стрелы. Так сильно предубеждение, что палеолитические народы должны были быть похожи на современных дикарей, что снова и снова предполагается, что они владели луком. Нет никаких убедительных доказательств того, что это было так, и множество негативных свидетельств того, что они не были знакомы с этим оружием. Все палеолитические останки из кремня, кости или рога, которые иногда интерпретировались как наконечники стрел, более консервативно объясняются как ножи или наконечники дротиков. Преобладает

мнение, что лук был изобретен только в неолите. Таким образом, возраст этого оружия составляет всего около десяти тысяч лет - действительно, древнее, но недавнее по сравнению с ножом, копьем и даже гарпуном. Причину столь позднего изобретения лука и стрел, вероятно, следует искать в тонкостях этого инструмента. По сути, он не сложнее гарпуна, и уж точно не сложнее гарпуна, которым орудует копьеметатель. Но он требует гораздо более тонкой настройки. Плохо сделанный гарпун, конечно, уступает хорошо сделанному, но может быть ощутимо эффективнее. Он может вылавливать дичь в два раза реже. Но лук, который ниже определенного стандарта, не будет стрелять вообще или будет стрелять так слабо, что его эффективность будет равна нулю. На самом деле, одна из вещей, над которой долго ломали голову исследователи зарождения культуры, - это то, как лук и стрелы могли быть изобретены. Большинство других изобретений можно проследить через ряд шагов, каждый из которых, хотя и неполный, достигал определенной полезности. Но, за исключением игрушек или музыкальных инструментов, до сих пор не было найдено или даже удовлетворительно представлено ни одно орудие, которое не было бы луком, которое все еще служило бы цели и которое, путем добавления или улучшения, могло бы привести к появлению лука.

76. Деревянные орудия

Вероятно, дерево использовалось первобытными людьми для тех или иных целей с самых ранних времен. Даже "полулюди" типа "недостающее звено", как можно полагать, в случае необходимости подбирали палку или откручивали сук от дерева, чтобы он служил им дубиной. Но мы не знаем, когда человек впервые начал превращать дерево в определенные орудия труда, обрабатывая его каменными инструментами. Древесина - слишком скоропортящееся вещество, чтобы иметь хоть какой-то шанс сохраниться в столь далеком прошлом.

Наши знания о первом использовании дерева косвенные. Многие мустьерские отщепы имеют такой размер и форму, что их можно было бы использовать гораздо эффективнее, если бы они были закреплены на рукоятке. Возможно, поэтому в мустьерской эпохе уже практиковался процесс обработки, хотя конкретных доказательств этому нет. В верхнем палеолите дерево, безусловно, использовалось в значительной степени. Например, наконечники гарпунов и дротиков должны были иметь деревянное древко.

Настоящий топор не известен с древнекаменного века и, похоже, был изобретен в неолите. Отличительной чертой этого инструмента, от которой во многом зависит его полезность, является прямота и гладкость кромки, а такая кромка лучше всего достигается в процессе шлифовки. Даже нешлифованные топоры раннего неолита зависели от одного удара, чтобы обеспечить им необходимую прямую режущую кромку. Таким образом, мы можем считать, что палеолитические народы обрабатывали дерево так, как знакомо нам по практике многих современных диких рас. Они раскалывали его, терли и обжигали, а не пытались рубить.

77. Огонь

Одним из самых фундаментальных человеческих искусств является использование огня. Оно также является одним из самых древних. Его возникновение легко проследить, во всяком случае, в тех местах, которые не были нарушены природой, по наличию обугленных костей, кусков древесного угля и слоев пепла. Древесный уголь легко крошится, но его фрагменты практически нетленны. Поэтому его присутствие в значительных количествах на любой стоянке, особенно если уголь накапливается в карманах, является верным доказательством того, что люди, занимавшие это место, жгли костры для тепла, приготовления пищи или для

обеих целей. Использование огня было установлено на протяжении всей той части палеолита, когда люди жили в пещерах и под скальными укрытиями, то есть во время мустьерского и верхнего палеолита.

Челлинские и ашельские отложения настолько древнее и более открытые, и во многих случаях они были так сильно размыты дождями и ручьями, что если люди этих периодов и использовали огонь, как они, вполне возможно, и делали, то его следы могли быть в значительной степени стерты.

Знали ли ранние палеолитические люди, как добывать огонь, или они только нашли его и сохранили, сказать сложнее. Они могли легко получить его в первую очередь от деревьев, в которые ударила молния, или от других случайных природных сил. Затем, осознав его ценность, они, вполне возможно, стали ухаживать за ним, зажигая один очаг от другого. И все же в какой-то период палеолита почти наверняка было изобретено искусство добывать огонь по желанию, путем трения между двумя кусками дерева. Об этом можно судить по общему сходству уровня магдаленской цивилизации с уровнем современных дикарей, все из которых практикуют искусство розжига. Но в природе вещей было бы трудно найти свидетельства, подтверждающие этот факт, более чем десяти тысячелетней давности. Можно предположить, что человек, скорее всего, сначала долго жил в состоянии, в котором он знал, использовал и сохранял огонь, но не мог его добыть.

78. Дома

Хотя палеолитический человек так много работал с камнем, он не строил из него. Поэтому наши знания о том, какие жилища он строил для себя, практически *нулевые*. Есть верхнепалеолитические "текстиформные" рисунки, которые выглядят так, как будто они могли быть попыткой изобразить дома. Более того, очевидно, что в этот период общее развитие механических искусств было достаточно продвинутым, чтобы позволить строить какие-то грубые сооружения.

Можно предположить, что еще в нижнем палеолите были построены простые навесы из веток или шкуры, накинута на несколько жердей, чтобы уберечься от ветра и дождя. Ввиду скоропортящегося характера материалов, доказательств в пользу или против такого предположения не существует. Не исключено, что со временем, когда в результате терпеливых раскопок будет обнаружено какое-нибудь особенно хорошо сохранившееся место, в нем еще можно будет найти отверстия, в которые когда-то устанавливались столбы палеолитической хижины. В случае пожара может оказаться, что карбонизированные пни сохранились на месте; или же задние части столбов постепенно сгнили, а пространство, которое они когда-то занимали, заполнилось земляным материалом, отличающимся по цвету и консистенции от окружающей почвы. В этом случае по расположению столбов можно было бы восстановить даже размер и форму дома. На основании свидетельств такого рода были получены некоторые интересные идеи относительно домов и плана деревень европейских народов эпохи неолита. Конечно, вероятность того, что подобные останки сохранились от палеолита, гораздо меньше. Но этот метод будет в равной степени применим при наличии благоприятных условий, и именно таким образом мы можем надеяться в будущем узнать немного о самых ранних жилищах, построенных человечеством. В любом случае этот пример служит иллюстрацией косвенных и деликатных средств, которыми должен постоянно пользоваться изучающий доисторию в своих реконструкциях прошлого, и дает основания полагать, что все, что удалось узнать о раннем человеке за последние

пятьдесят лет, очень мало по сравнению с тем, что откроют последующие поколения и столетия.

79. Религия

Уже говорилось, что знания о религии - нематериальной вещи - могут быть сохранены из далекого прошлого только самым окольным путем. Можно предположить, что люди верхнего палеолита уделяли обрядовым церемониям не меньше времени, чем обработке кремня. Аналогия с современными нецивилизованными племенами заставляет нас думать, что это вполне вероятно. Но каменные орудия так и остались лежать в земле, в то время как религиозные обычаи вышли из употребления тысячи лет назад, а верования были забыты. И все же это известно: Еще в мустьерский период, тридцать тысяч лет назад, раса неандертальцев в Западной Европе соблюдала определенные обычаи, которые современные дикари соблюдают, повинаясь велениям своей религии. Когда эти мустьерские люди откладывали своих мертвецов, они оставляли с ними часть своих вещей. Когда так поступают существующие народы, это неизменно связано с верой в продолжение существования души после смерти. Таким образом, мы можем сделать обоснованный вывод, что даже в этот далекий период человеческие существа пришли к грубому признанию разницы между плотью и духом; короче говоря, появилась религия. Даже если сказать, что неандертальский человек не знал, мертвы ли его мертвецы, это означает, что он признавал нечто отличное от жизни в теле, поскольку он, конечно, понимал, что тело стало другим. Допускал ли уже неандерталец существование духов, отличных от человека или превосходящих его, сказать невозможно.

Кроманьонцы верхнего палеолита раскладывали тела своих умерших и иногда складывали их. Они также иногда раскрашивали тела, закапывали в могилы кремневые орудия и пищу. То есть погребальные практики становились все более устоявшимися. Можно предположить, что параллельно с развитием этих обрядов шло развитие ритуалов и верований.

80. Искусство палеолита

Высшим достижением людей древнего каменного века является их искусство. Совершенство, до которого они довели это искусство, просто поразительно, если учесть сравнительную скудость их цивилизации в остальном. Примечательно также, насколько полномасштабным было это достижение. Нижний палеолит, кажется, не имел ни малейших следов искусства. С Ауриньяка появляются простая резьба и живопись; и хотя апогей достижений был достигнут только в Магдалине, основные основы графического искусства высокого порядка были заложены в позднем Ауриньяке.

Люди верхнего палеолита занимались резьбой по слоновой кости, кости и рогу; они делали надрезы и гравировки на плоских и округлых поверхностях тех же материалов; они вырезали и расписывали стены пещер. Временами они лепили из глины и, возможно, из других мягких материалов; возможно, они рисовали или писали картины на шкурах и на открытых поверхностях скал - насколько нам известно, мы можем судить только по дошедшим до нас останкам. Это искусство - не детская попытка изобразить предметы в грубой форме и не просто декоративная игра с геометрическими фигурами. Эти первые человеческие художники смело взялись за работу, чтобы изобразить; и хотя их техника была проста, она достигла удивительно высокой степени совершенства. Несколько смелых штрихов передавали очертания животного, но они передавали их с такой точностью, что вид часто можно было узнать с первого взгляда. Кроманьонцы, должно быть, развили в себе высокую

силу умственной концентрации, чтобы быть способными к столь тщательному наблюдению и воспроизведению. Наиболее одаренные люди, возможно, усердно тренировались, чтобы достичь своих способностей.

Искусство палеолита сильно отличается от искусства большинства современных дикарей. Последние часто создают декоративные узоры определенной сложности, богатства и эстетической ценности, но когда они пытаются изобразить природу, то обычно терпят заметную неудачу. Линии грубы и колеблются. Любая голова, тело и хвост с четырьмя ногами означают почти любое животное. Это разумное изображение абстракции, которого они добиваются, а не очерчивание того, что характерно для видимой формы. Предполагается, что и наблюдатель, и художник среди большинства живых дикарей заранее знают, что на рисунке изображена лиса, а не медведь. В крайнем случае, добавляются некоторые символы, например, кустистый хвост для лисы или плавник для кита. Лишь в редких случаях развитые народы отрываются от этих примитивных тенденций и учатся рисовать вещи так, как они выглядят на самом деле. Древние египтяне развили в себе такую способность, а среди дикарей замечательно одарены бушмены, но в целом успешное реалистическое искусство - это достижение высокой цивилизации. Поэтому остается загадкой, как кроманьонцы из Ауриньяка смогли добиться таких успехов.



Рис. 20. Известняковая статуэтка из Виллендорфа, Австрия. Характерная для ауриньякцев трактовка женской фигуры: лицо и конечности сокращены или только обозначены; части, связанные с воспроизведением, преувеличены.

В скульптуре их первые усилия были направлены на статуэтки. В основном они изображают человеческую женщину. Голова, руки и ноги либо отсутствуют, либо сильно укорочены. В теле те части, которые связаны с размножением и плодovitостью, обычно сильно преувеличены, но в то же время переданы с большим мастерством (рис. 20). Вероятно, эти статуэтки служили какому-то религиозному культу. Во всяком случае, в трехмерной резьбе часто представлена человеческая фигура, тогда как в двухмерных рисунках, гравюрах и росписях чаще всего изображаются животные, причем гораздо удачнее, чем человеческие очертания. В Магдалине к человеческой фигуре добавилась миниатюрная скульптура животных (рис. 21).

Успех в схватывании рельефного контура был самой ранней характеристикой картин и рисунков. Первые ауриньякские гравюры неизменно выполнены в профиль и обычно показывают только две ноги с видимой стороны. Со временем художники научились передавать характерные позы и движения - движение оленя, опускающего голову, чтобы заскулить, то, как разъяренный бык меняет хвост или бьет лапами по земле, как загибается конец хобота слона (рис. 22, 24). В магдаленской живописи обычно изображаются все четыре ноги, а профиль, хотя и остается наиболее частым, поскольку он наиболее характерен, уже не является единственным аспектом. Изредка встречаются изображения животных спереди или сзади, а также оленя с повернутой назад головой.

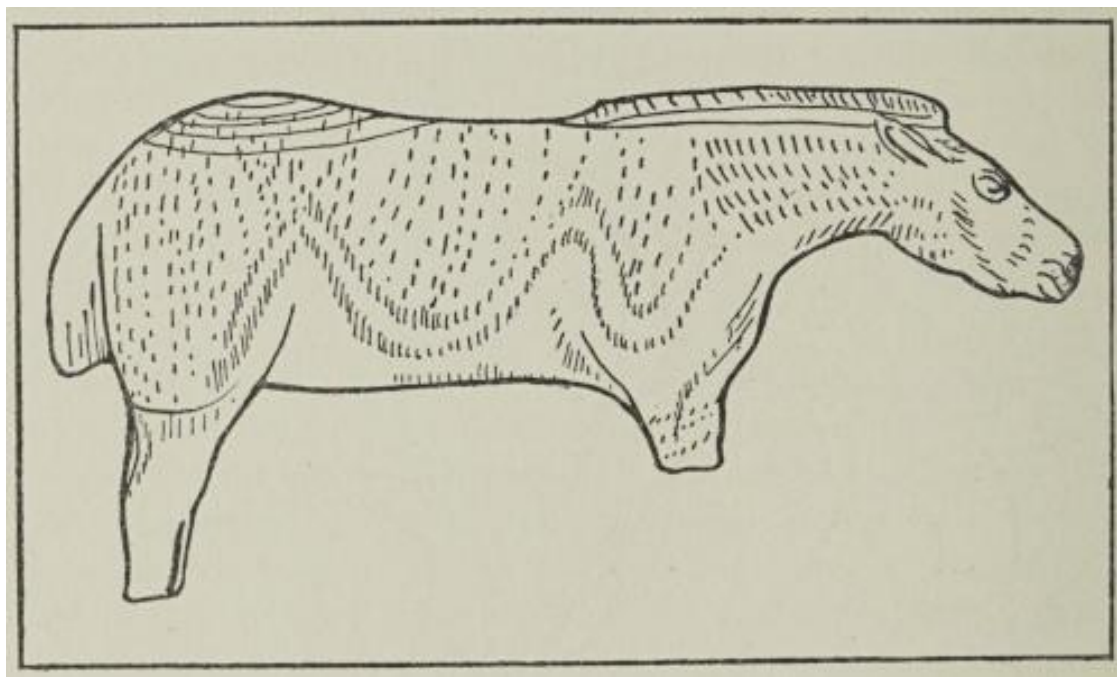


Рис. 21. Лошадь, вырезанная из мамонтовой кости. Из Лурда, Франция. Оживленное изображение шеи, ушей, глаз и рта характерно для магдаленской скульптуры.

Есть также некоторые приемы, которые выглядят как зачатки попыток композиции. Эффект вереницы оленей создается путем детальной прорисовки первых нескольких оленей, а затем намечаются остальные путем прорисовки их рогов (рис. 23). Художники уже не довольствовались тем, что в магдаленском стиле всегда делать каждое животное как одиночную, статичную единицу. Они пытались, с определенным успехом, изобразить животных так, как они двигались в жизни, и, возможно, объединить несколько из них в одну целостную картину или предложить обстановку.

К этому времени они также приобрели значительные навыки работы с красками. Ауриньякские и солютрейские художники ограничивались монохромными эффектами. Они гравировали или рисовали контуры и иногда подчеркивали их, заполняя пигментом. Но лучшие из поздних магдаленских художников - например, те, кто оставил свои фрески на стенах знаменитой пещеры Альтамира в Испании, - использовали сразу три или четыре цвета и смешивали их в переходные тона.

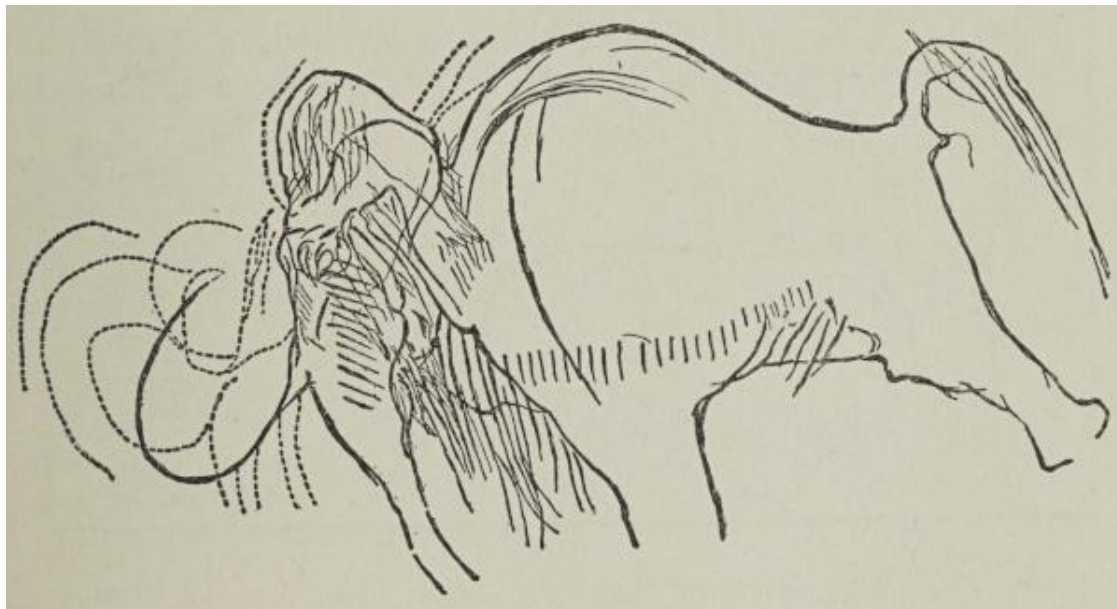


Рис. 22. Гравюра с изображением заряжающегося мамонта. На фрагменте бивня слоновой кости, найденном в Ла-Мадлен, Франция. Несмотря на грубость мазков, художник сумел изобразить действия животного с удивительной силой. Обратите внимание на закатывание глаз, хлопанье ушами, поднятый хвост, выражающий гнев.

Хотя животные составляют сюжеты, вероятно, четырех пятых образцов палеолитического искусства, а люди - большую часть остальных, известны изображения растений и нереалистичные декоративные узоры. Последние, по-видимому, стали особенно распространены в позднем магдалине, как бы подготавливая условное, ненатуралистическое искусство переходного азильского и неолитического периодов.

81. Резюме прогресса в палеолите

Здесь изложена история цивилизации от ее первых тусклых зачатков до примерно двенадцати тысяч лет назад - скажем, в районе 10 000 лет до н. э., как выразился бы историк. Вначале прогресс идет крайне медленно, но постепенно ускоряется. В таблице на [рисунке 25](#) приведены некоторые основные черты этой эволюции. Эта диаграмма не претендует на полноту, но она пытается включить некоторые из наиболее важных и представительных изобретений, искусств и достижений древнекаменного века.

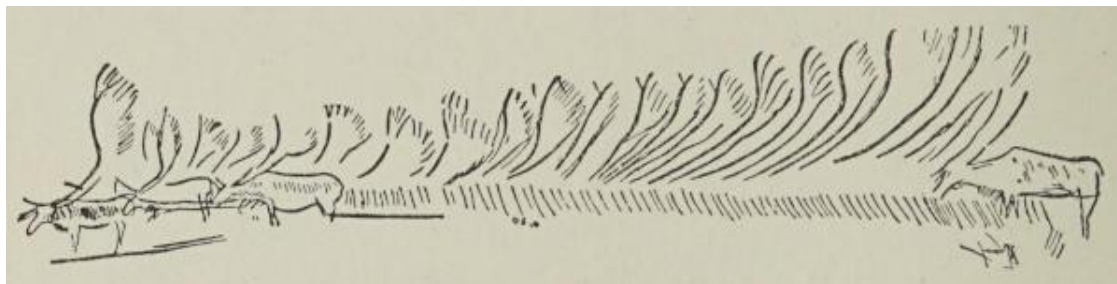


Рис. 23. Магдаленская гравюра с изображением стада северных оленей, найденная в гроте Ла-Мери, Франция. Импрессионистическая манера позволила художнику довольно эффектно изобразить большое стадо, нарисовав при этом всего четырех животных.

Таким образом, получается, что челлинский и ахейский периоды характеризуются, по сути, одним искусством - обтесыванием орудий на кремне, а также, возможно, использованием огня. Мустьерский период демонстрирует прогресс: каменные орудия теперь изготавливаются как из чешуи, так и из сердцевины, возможно, иногда с помощью ножен, иногда используется кость, и есть первые признаки зарождающейся религии; требуется четыре или пять записей, чтобы представить эти черты культуры.

Наибольшее продвижение происходит от мустьерского к ауриньякскому периоду, другими словами, между нижним и верхним палеолитом. В три раза больше достижений, чем в мустьерском, и целые серии новых изобретений встречаются впервые: украшения для тела, костяные орудия, эстетские изделия. Этот резкий скачок в цифрах свидетельствует о важности разделения на верхний и нижний палеолит. В солютрейском и магдаленском периодах появляются еще изобретения или усовершенствования, пока, когда древний каменный век подходит к концу, [\[12\]](#) запасы человеческой цивилизации можно назвать в двадцать раз более богатыми, чем в начале. Эти цифры не следует воспринимать слишком буквально. Таблицу можно было бы легко составить на более сложной основе. Но даже в этом случае относительное соотношение особенностей культуры в каждом периоде осталось бы примерно таким, как здесь приведено. А что касается общего факта накопления цивилизации, ее диапазона и характера, то диаграмму можно принять как в значительной степени отражающую произошедшее.

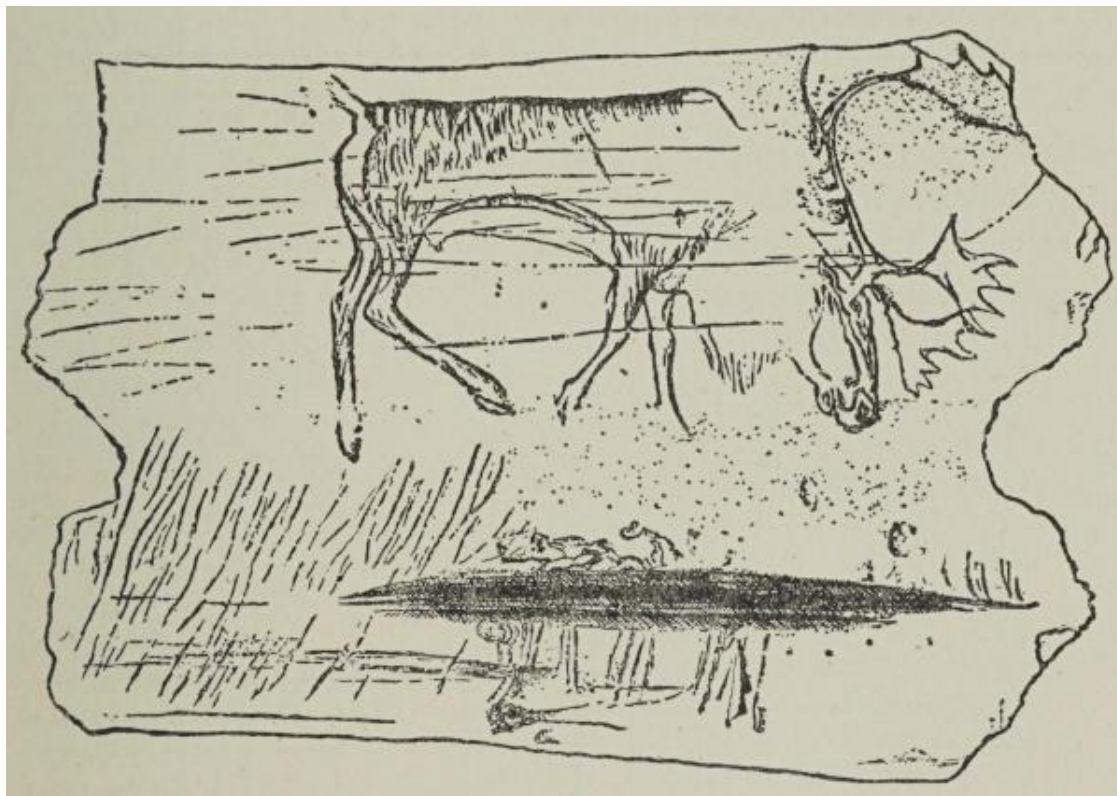


Рис. 24. Магдаленская гравюра, возможно, композиция: пасущиеся олени среди травы, тростника и воды. Обратите внимание на натуралистичное движение ног и положение головы. Гравировка сделана так, чтобы обхватить кусок оленьего рога. Найдена в Кесслерлохе, Швейцария.

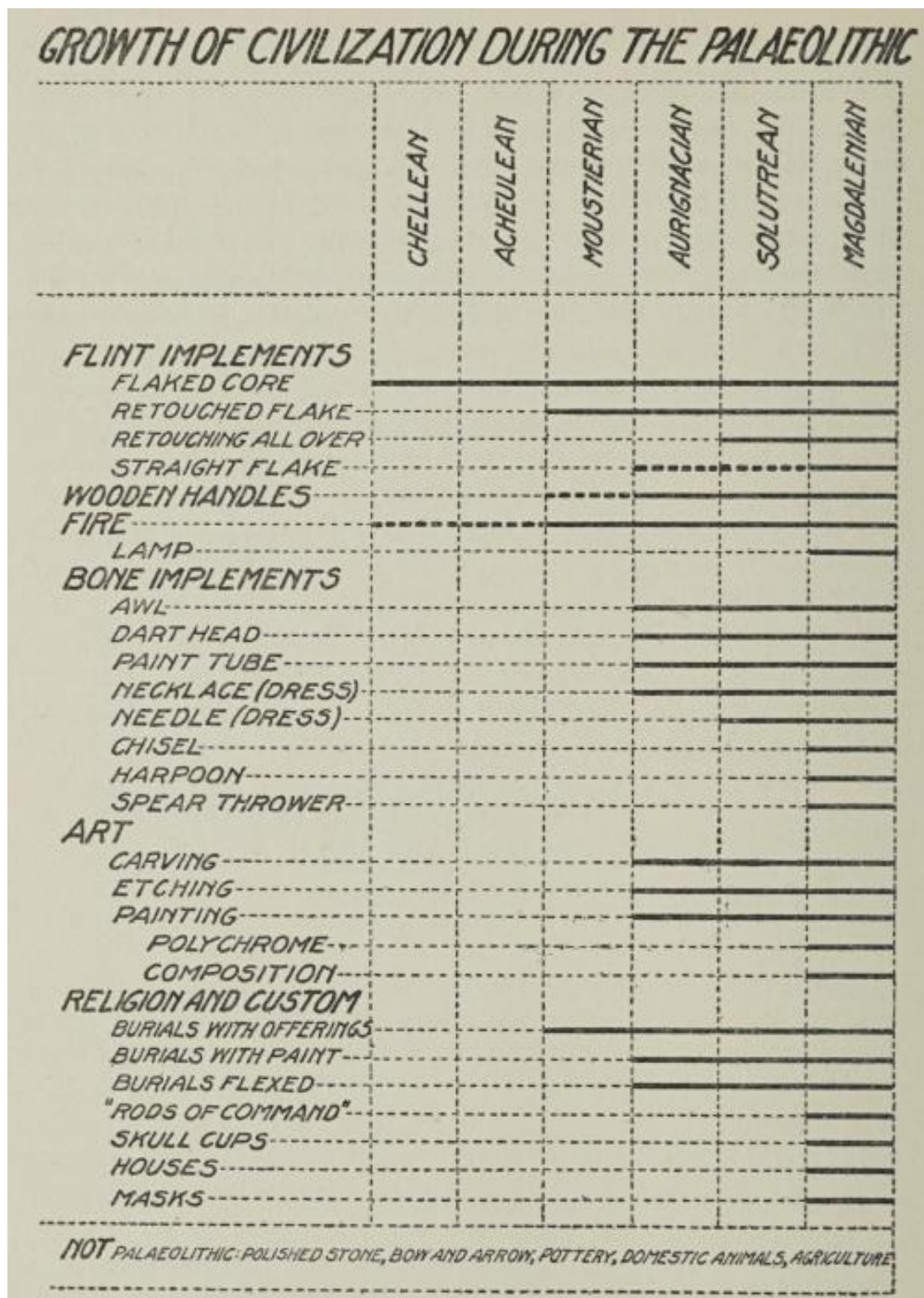


Рис. 25. Рост цивилизации в период палеолита.

Таким образом, к концу палеолита человек овладевает рядом механических искусств, позволяющих ему изготавливать большое разнообразие орудий труда из различных материалов; он управляет огнем, готовит пищу, носит одежду и живет в определенных жилищах; вероятно, имеет некую социальную группировку, порядок и представления о праве и справедливости; явно находится под влиянием какой-то религии; высоко развит в

пластических искусства; предположительно, уже рассказывает легенды и поет песни. Короче говоря, многие основополагающие элементы цивилизации были заложены. Правда, общий объем знаний и достижений был еще ничтожно мал. Самые продвинутые из людей каменного века, возможно, знали и умели примерно одну вещь из ста, которые знаем и умеем мы. Целый ряд фундаментальных изобретений - лук и стрелы, гончарное дело, одомашнивание животных и растений - еще не были опробованы, и они появляются на сцене только в неолите. Но, несмотря на огромные пробелы, которые еще предстоит заполнить в неолите и в историческом периоде, справедливо утверждать, что многие очертания цивилизации, которой в конечном итоге предстояло стать, были в значительной степени заложены еще в верхнем палеолите. Большая часть каркаса уже существовала, хотя лишь малая часть его содержания была еще введена.

ГЛАВА VII

НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ, КЛИМАТ И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

82. Наследственность.-83. Географическая среда.-84. Диета.-85. Сельское хозяйство.-86. Культурные факторы.-87. Культурное распределение.-88. Историческая индукция.

82. Наследственность

Первым из нескольких факторов, с помощью которых логически можно объяснить жизнь, поведение и обычаи любого народа, является раса или наследственность: другими словами, врожденные склонности, телесные и умственные, людей, которые являются носителями этих обычаев. На первый взгляд может показаться, что такой элемент, как раса, может быть весьма влиятельным. Поскольку народы различаются по унаследованным характеристикам тела - комплекции, чертам лица, цвету волос, глаз, форме головы и т. п. - эти телесные наследственные особенности должны сопровождаться психическими наследственными чертами, такими как большая или меньшая склонность к мужеству, энергия, сила абстрактного мышления, механическая изобретательность, музыкальные или эстетские наклонности, быстрые реакции, способность к концентрации, дар самовыражения. Такие расовые психические черты, опять же, можно предположительно выразить в поведении и культуре каждого народа. Расы, рожденные для большей активности механических способностей, будут создавать больше или больше изобретений, те, кто врожденно одарен в области музыки, будут создавать более тонкие мелодичные песни, и так далее.

Однако в каждом конкретном случае трудно или невозможно доказать с помощью неопровержимых доказательств, что наследственность является конкретной причиной этого достижения, этой точки зрения или этого образа жизни; что она является определяющим фактором в такой-то и такой-то степени таких-то и таких-то обычаев. Это не отрицание вероятности существования врожденных расовых различий. Это подтверждение трудности, обсуждавшейся в главах I, IV и V, в понимании того, что является врожденным; и, более конкретно, трудности прослеживания конкретных видов деятельности, связанных с обычаями, до конкретных расовых качеств. Проблема связи специфических расовых черт со специфическими явлениями культуры или группового поведения, такими как оседлая жизнь, каменная архитектура, религиозный символизм и т. п., - определение того, какая часть этого типа архитектуры или символизма является инстинктивной для расы, а какая - результатом традиционных или социальных влияний, - остается нерешенной.

Например, если попытаться применить к объяснению образа жизни или культуры индейцев юго-запада США биологические факты, такие как форма их головы, то можно столкнуться с тем, что длинные головы характерны для некоторых племен, строящих города, или пуэблос, а также для некоторых племен, живущих в хижинах с кистями. Широкие головы также встречаются как среди оседлых, так и среди кочевых племен. Пуэбло Таос и непуэбло Пима - узкоголовые, пуэбло Зуни и непуэбло Апачи - широкоголовые. Так же и с частотой пульса, который уже упоминался (§ 70) как необычно медленный у юго-западных индейцев. То же самое можно сказать и о кочевых апачах, которые жили борьбой, и о хопи и зуни, которые славятся своей робостью и мягкостью. Подобные примеры можно приводить бесконечно. Очевидно, что они схожи с несоответствием между расой и речью, или расой и национальностью, у европейских народов.

83. Географическая среда

Когда дело доходит до второго фактора, с помощью которого теоретически можно объяснить культуру, - физического окружения или географии, - возникают аналогичные трудности.

Конечно, очевидно, что примитивное племя, живущее под экватором, никогда не изобретет ящик для льда, а эскимосы не будут хранить еду и воду в ведрах из бамбука, хотя вполне возможно, что если бы эскимосы имели бамбук, доставляемый к ним океанскими течениями, они были бы рады и умели им пользоваться. Материалы и возможности, предоставленные природой, могут быть использованы каждым народом, в то время как другие материалы не могут быть предоставлены, другие искусства или обычаи, следовательно, не могут быть развиты. Но, очевидно, это соответствие носит преимущественно негативный характер. Невыполнение действия из-за отсутствия возможности ни в коем случае не доказывает, что возможность обязательно приведет к его выполнению. Два народа живут там, где есть лед, который нужно хранить, и один из них изобретает, а другой не изобретает ледяной ларь. Целый ряд народов владеет бамбуком и глиной, и все же одни черпают воду в бамбуковых косяках, а другие - в горшках. Очевидно, что природная среда накладывает определенные *ограничения* на жизнь человека; но столь же очевидно, что она не *является причиной* изобретений или учреждений.

У коренных австралийцев есть дерево, шнур и камень, но они не делают луки и стрелы. Их цивилизация не дошла до того момента, когда они смогли создать эффективный лук, а необходимая идея не была перенесена к ним из других мест, как это произошло с другими народами, которые также не изобрели это оружие. С другой стороны, полинезийцы, похоже, когда-то владели этим оружием, о чем свидетельствует то, что они сохранили его в качестве игрушки, но перестали им пользоваться, возможно, потому, что специализировались на сражениях с помощью копий и дубин. Современные цивилизованные люди сражаются на дальних дистанциях, но вывели луки из употребления, за исключением спорта, поскольку их знания в области металлургии и химии много веков назад достигли того уровня, когда они могли производить огнестрельное оружие. Развитие или отсутствие развития или специализации других видов культурной деятельности - социальные причины - таким образом, более непосредственно, чем другие факторы, определяют, использует ли народ лук и стрелы или нет. Из всех упомянутых народов австралийцы - единственные, в отношении которых можно утверждать, что в дело вступает фактор природной среды: а именно, их изолированность, которая отрезала их от коммуникаций и возможности учиться у других рас. Однако такая изоляция в равной степени связана как с неспособностью преодолевать пространство, так и с физическим расстоянием. Развитое искусство навигации устранило бы австралийскую изоляцию. Таким образом, эта, казалось бы, экологическая причина

культурного факта зависит в своей эффективности от сосуществующей культурной причины. Именно последняя является наиболее непосредственной или конкретной причиной.

В целом, таким образом, можно сделать вывод, что непосредственно определяющими факторами культурных явлений являются не природа, которая дает или не дает материалы, а общее состояние знаний, технологий и прогресса группы; короче говоря, исторические или культурные влияния.

84. Диета

Большая часть Юго-Запада засушлива. Рыбы здесь мало. В результате большинство племен не имеют возможности ловить рыбу. Большинство индейцев Юго-Запада не едят рыбу и считают ее ядовитой. Из этого обстоятельства можно сделать следующий вывод: природа не дает рыбу в изобилии, поэтому индейцы отвыкли ее есть и в конце концов стали считать ее ядовитой. На первый взгляд это может показаться достаточным объяснением. Но стоит заметить, что объяснение состоит из двух частей, и только одна из них имеет отношение к природе: привычка не есть рыбу, потому что ее слишком мало, чтобы это стоило делать. Как только вы переходите ко второму шагу - к тому, что отвыкание привело к отвращению, а затем к ложному убеждению в ядовитости, - вы переходите к другому вопросу. Отказ от употребления, отвращение и убеждение находятся полностью в сфере человеческого поведения. Выводить психологический феномен, такой как вера, из другого психологического феномена, такого как определенное отвращение, потому что это отвращение основано на географическом факторе, было бы, конечно, логическим заблуждением. Можно также показать, что это не так, поскольку мы ценим икру, устриц и оленину пропорционально их редкости. Таким образом, дефицит в данном случае приводит к противоположной психологической установке и либо не создает убеждений, либо создает благоприятные.

Опять же, либо из-за изменения климата, либо из-за улучшения торговли, пища, которая была дефицитной, может стать изобильной. Или народ может переселиться в новую среду обитания, отличную от той, в которой формировались его обычаи питания. Если бы только среда была доминирующей причиной их обычаев, то эти обычаи должны были бы немедленно измениться. На деле же группа людей иногда придерживается своих старых обычаев. Непосредственной причиной такого консерватизма является привычка, или инерция, или склонность к суеверию, или страх перед табу - все это психические реакции, выражающиеся в фольклоре или социальных обычаях. Таким образом, среда остается лишь частичной и косвенно действующей причиной.

В качестве примера можно привести евреев. Часто говорят, что запрет евреев на употребление свинины, устриц и омаров продиктован гигиеническими соображениями; что в Палестине эти продукты были небезопасны с точки зрения климата. Это объяснение более простое, чем правдивое. Древняя Палестина была засушливой страной, в которой нельзя было выращивать свиней с экономической выгодой, и поэтому их не разводили; а филистимляне и финикийцы не подпускали еврея к побережью, где он мог бы добывать моллюсков. Не употребляя в пищу ни тех, ни других, он приобрел недоверие к ним; испытывая недоверие, он рационализировал его, говоря, что это чуждо, нечестиво и нерелигиозно поступать вопреки его привычкам - совсем как индейцы пуэбло; и в конце концов Господь издал для него запрет. Однако этот результат далек от исходной точки - естественной среды. Можно сказать, что окружающая среда действительно послужила

первым поводом, но определяющие причины табу в Законе Моисеевом совершенно иного рода - недоверие, обычай, рационализация, психологические или культурные факторы. Если сомнения и остаются, то их рассеивает современный ортодоксальный еврей, чье окружение предлагает ему некоторые из запрещенных продуктов как экономически и гигиенически приемлемые, но он все равно содрогается при мысли о том, чтобы попробовать их.

Если подобная культурная кристаллизация обычаев и последующая рационализация или ритуальное санкционирование происходят среди цивилизованных и разумных людей, то подобное должно происходить и среди нецивилизованных племен.

85. Сельское хозяйство

Были предприняты попытки объяснить изобретение сельского хозяйства климатическими факторами. Первая теория гласила, что земледелие зародилось в тропиках, где под щедрым небом земледелие возникло естественно, почти без усилий. Только после того, как люди приобрели привычку к земледелию и переселились в другие, менее благоприятные страны, они занялись сельским хозяйством всерьез, чтобы выжить. Но была выдвинута и вторая, не менее правдоподобная и довольно противоречивая теория, которая обращается к принуждению, а не к легкой благосклонности природы. На основе условий жизни современных индейцев папаго и древних жителей Юго-Запада утверждается, что именно народы засушливых стран изобрели земледелие, а необходимость подтолкнула их к этому из-за нехватки диких запасов.

Между такими плоскими противоположностями выбор сводится к ненаучному гаданию. В данном конкретном случае с Юго-Западом можно с уверенностью сказать, что оба предположения неверны. Сельское хозяйство пришло к аборигенам этой территории не потому, что природа была благоприятной или неблагоприятной. Оно появилось потому, что в результате роста знаний и изменения отношения некоторые люди в регионе Южной Мексики, Гватемалы или за ее пределами сначала стали земледельцами, а от них это искусство постепенно, через народ за народом, перешло к юго-западным племенам и, наконец, даже к индейцам североатлантического побережья.

Причин для принятия этого объяснения несколько. Во-первых, это распространение местного сельского хозяйства, которое было примерно одинаково распространено на двух американских континентах с центром в Центральной Америке или около нее. Если географическая диффузия этого искусства происходила из какого-то центра, то его излучение или распространение, вероятно, было бы примерно одинаковым на севере и на юге. Затем, в средней части нового мира наблюдалась наибольшая концентрация туземного населения, что, как правило, способствовало бы созданию давления в направлении становления сельского хозяйства и, как правило, являлось бы следствием продолжения обычая земледелия, в отличие от неустроенной жизни. Опять же, юго-западные племена выращивали только кукурузу, бобы и кабачки; мексиканцы выращивали также помидоры, перец чили, какао и сладкий картофель. Похоже, что они продвинулись в своем сельском хозяйстве гораздо дальше, поскольку занимались им дольше. Гончарное дело, очевидно, распространилось из того же центра, и эти два искусства, похоже, шли рука об руку. Можно привести и другие доказательства, такие как археологические раскопки и тот ботанический факт, что родиной ближайших диких родственников растений, культивируемых на Юго-Западе, является центральная или средняя часть Америки (§ 183).

Короче говоря, юго-западные индейцы занимались земледелием не потому, что природа побудила их сделать это изобретение. Они вообще не делали этого изобретения. Его сделали далекие люди, и от них оно было передано на Юго-Запад через ряд последовательных племенных контактов. Эти контакты, которые затем стали конкретной причиной возникновения юго-западного сельского хозяйства, представляют собой человеческий социальный фактор; культурный или цивилизационный фактор. Климатические или физические условия не играли никакой роли, за исключением того, что несколько затруднили развитие сельского хозяйства на засушливом Юго-Западе, хотя и не настолько, чтобы предотвратить его. Если бы Юго-Запад был полностью пустынным, сельское хозяйство не смогло бы там закрепиться. Но это было бы лишь ограничивающим условием; активными или положительными причинами, которые привели к появлению сельского хозяйства на Юго-Западе, являются его изобретение дальше на юге, распространение этого изобретения на севере и его принятие там.

Конечно, этот вывод не проливает свет на причины первого изобретения в средней части Америки. Конечное происхождение этого феномена так и не было выяснено. Но распространенность сельского хозяйства на аборигенном Юго-Западе в течение нескольких тысяч лет была вполне определенно объяснена, причем объяснена в терминах культуры или цивилизации, или деятельности человеческих обществ.

86. Культурные факторы

Такие культурные причины составляют третий набор или вид факторов, с помощью которых можно объяснить цивилизацию. Если только что рассмотренный пример является показательным, то ясно, что культурные факторы обычно интерпретируют больше явлений цивилизации и интерпретируют их более полно, чем факторы расовой наследственности или физической среды.

Иначе обстоит дело в зоологии и ботанике. Формы и поведение животных и растений объяснимы в терминах наследственности и среды, потому что у животных и растений нет культуры. Правда, формы и поведение определяются также другими животными и растениями, их характеристиками, привычками и обилием, но эти факторы в более широком смысле являются частью окружающей среды. Во всяком случае, они являются субкультурными. Но поскольку антропология имеет дело с существами, чьей отличительной чертой в социальных отношениях является обладание тем, что мы называем культурой, факторов, которые использует биология, оказывается недостаточно. Дело не в том, что наследственность и природная среда не действуют на человека, а в том, что они лишь косвенно и отдаленно относятся к его цивилизации. Этот фундаментальный факт часто упускается из виду, особенно в современную эпоху, поскольку биологические науки, добившись успешного роста знаний и понимания, не преминули соблазном позаимствовать их метод и применить его без серьезных модификаций к человеческому материалу антропологии. Такая процедура упрощала ситуацию, но приносила неадекватные и иллюзорные результаты. В течение очень долгого времени идея о том, что человек обладает душой, а животные ее лишены, влияла на мышление людей в такой степени, что они почти не думали о человеке в терминах биологической причинности, наследственности и среды. Затем, когда менее двух столетий назад наступила реакция и стало более общепризнанным, что человек - это животное, маятник качнулся в другую сторону, и появилась тенденция видеть в нем только животное, бескультурное существо, и либо игнорировать его культуру, либо думать, что ее можно объяснить, сведя ее к факторам, знакомым из биологии. Справедливый и мудрый путь лежит между ними. Биологические аспекты человека должны интерпретироваться в терминах биологической причинности, его культурные аспекты - в

терминах прежде всего культурной причинности. После того как они будут таким образом решены, культурные причины могут быть сведены к конечным факторам наследственности и естественной среды.

87. Культурное распределение

Юго-Запад также представляет собой пример того, как культурные явления могут быть расположены географически, чтобы придать им значение или очертить их историю, без привязки к климату или природным влияниям. Недалеко от центра области, в северной части Нью-Мексико и Аризоны, живут четыре группы индейцев пуэбло или городских построек - хопи, зуни, керес и тева или тано, которые представляют собой своего рода элиту туземной культуры. Они занимаются земледелием, делают гончарные изделия, накапливают богатства в бирюзе, управляются жрецами, поклоняются в соответствии с удивительно сложным набором ритуалов, включающим алтари, маски, всевозможные символы и грубую философию.

По мере удаления от центра Пуэбло к менее оседлым племенам, сначала встречаются навахо, которые строят земляные хижины и мало занимаются сельским хозяйством, но при этом разделяют многие из сложных ритуалов Пуэбло, включая алтари, маски и символы. Чуть дальше, у апачей и пима, культы заметно уменьшились в сложности и символическом значении: алтари и маски отсутствуют.

Упрощение усиливается у более отдаленных мохаве, чьи культы основаны на снах, а не на жреческих традициях. Еще дальше, на берегах Тихого океана среди луисеньо и габриэлино, все еще можно найти некоторые черты пуэбло: например, культовые алтари и керамику. Но сельское хозяйство, дома из камня, бирюза, жрецы и большинство институтов пуэбло неизвестны. Наконец, еще дальше, в центральной Калифорнии, йокуты время от времени демонстрируют черты культуры, напоминающие пуэбло: возможно, рифленые приспособления для выпрямления стрел или иногда грубо сделанные гончарные сосуды. Это наводящие на размышления кусочки; фрагменты, которые были вытесаны или приглушены. Культура пуэбло в целом исчезла на этом расстоянии. Вместо нее йокуты обладают совершенно иными искусствами, институтами и верованиями.

Каково значение этого постепенного угасания одного типа цивилизации и замены его другим? Очевидно, что от высшего центра пуэбло исходили определенные влияния, действие которых уменьшалось пропорционально количеству племен, через которые они проходили. Пуэбло сумели передать большую часть своей цивилизации соседним навахо и, несомненно, также получили большую часть от них. Апачи, будучи более отдаленными, пострадали меньше; и так далее до самых дальних пределов влияния.

Также очевидно, что здесь задействован элемент времени. Народ, получивший искусство от другого, очевидно, приобретает его позже, чем изобретатели. Можно предположить, что большинство черт, которые центральные пуэбло разделяют с периферийными племенами, существовали дольше среди пуэбло, просто потому, что они обладают большим количеством черт в своей культуре, и поток преимущественно исходил от них. Таким образом, они делают бесцветную, двухцветную и трехцветную керамику; племена на окраине Юго-Запада - только бесцветную керамику; племена, находящиеся за пределами непосредственного влияния Юго-Запада, - вообще никакой керамики. Если нет особых причин, указывающих на дегенеративную потерю этого искусства среди окраинных племен, а таких причин не известно, напрашивается вывод, что юго-западная керамика была

впервые изготовлена предками пуэбло или их предшественниками в центральной части области, предположительно как простая посуда, и что затем знание этого искусства постепенно распространилось за ее пределы. Однако в то время, как простая керамика была освоена ближайшими к району Пуэбло племенами, Пуэбло шли вперед и учились украшать сосуды расписными узорами. Со временем это дополнительное искусство распространилось и на соседей, а те тем временем передали знания о первой стадии еще более далеким от себя племенам; и тем временем пуэбло, возможно, перешли к третьей стадии - сочетанию цветов в декоре.

Таким образом, если ничто не нарушало равномерной закономерности процесса, центральный народ, первенствующий в создании, изобретении или усовершенствовании, мог пройти через полдюжины последовательных стадий искусства или многих искусств, в то время как крайние народы только начинали получать зачатки. Промежуточные племена демонстрировали бы достижение меньшего или большего числа стадий пропорционально их удаленности от центра. В этом случае основные факты, касающиеся гончарного искусства Юго-Запада, можно было бы представить в виде ступенчатой пирамиды, каждый уровень или ступень которой представлял бы собой новое приращение к основному искусству. Пуэбло будут находиться на вершине пирамиды, на пяти или шести ступенях, близлежащие племена - на ступень или две ниже; и так далее до самых крайних, которые остаются на первом или самом низком уровне или только недавно достигли его; а за ними будут находиться племена, не занимающиеся гончарным искусством и полностью находящиеся вне сферы влияния пуэбло.

Конечно, на реальной карте распределение различных форм или стадий гончарного производства не выглядит с идеальной регулярностью, как на нашей схематической диаграмме. То тут, то там племя мигрировало со своего места обитания и нарушало симметрию расположения; или население района было настолько малочисленным, что могло жить на диких продуктах, не прибегая к земледелию, так что оно оставалось более или менее кочевым и не имело смысла в хрупкой керамике; Или третья группа племен развила плетение корзин до уровня, дающего превосходные сосуды, в результате чего они удовлетворились этим и не занялись гончарным делом, или занялись им вполсилы, так что это искусство осталось среди них в зачаточном состоянии - на ступень или две более отсталым, чем можно было бы ожидать, исходя из их положения. Но в целом распределение гончарных изделий на Юго-Западе следует схеме достаточно близко, чтобы можно было предположить, что история развития была, по крайней мере в общих чертах, такой, как только что было реконструировано.

Факты еще более точно соответствуют схеме ступенчатой пирамиды, если рассматривать не только керамику, но и всю культуру в целом - сельское хозяйство, другие виды искусства, социальные формы, ритуал, религиозную организацию и т.д. В этом случае видно, что культура пуэбло включает в себя легко наибольшее количество черт или составных частей, и их становится все меньше и меньше по направлению к краям Юго-Запада[13].

88. Историческая индукция

Выводы, которые мы здесь приводим, на самом деле являются исторической индукцией, сделанной на основе фактов распространения культуры среди живых, но не имеющих истории племен. Там, где имеются документы, развитие, рост самой пирамиды, как таковой, часто можно увидеть в том виде, в каком оно происходило. Так, около 100 года н. э. Рим, Италия, Франция, Англия, Шотландия стояли на последовательно понижающихся уровнях культуры, связанных друг с другом подобно пуэбло, навахо, пима, мохаве, габриэлино; и

также находились в одном и том же положении все более и более удаленного географического положения.

Там, где письменные документы не работают, их место иногда занимают археологические останки. Это относится к Юго-Западу, где древняя керамика, каменные постройки и орудия труда, а также свидетельства сельского хозяйства остаются как записи о прошлом, рассказывая историю лишь немного менее полную и прямую, чем римские историки. Один из археологов Юго-Запада составил пару диаграмм, чтобы обрисовать историю культуры этого района, как он ее реконструировал на основе сравнения доисторических останков (рис. 26).

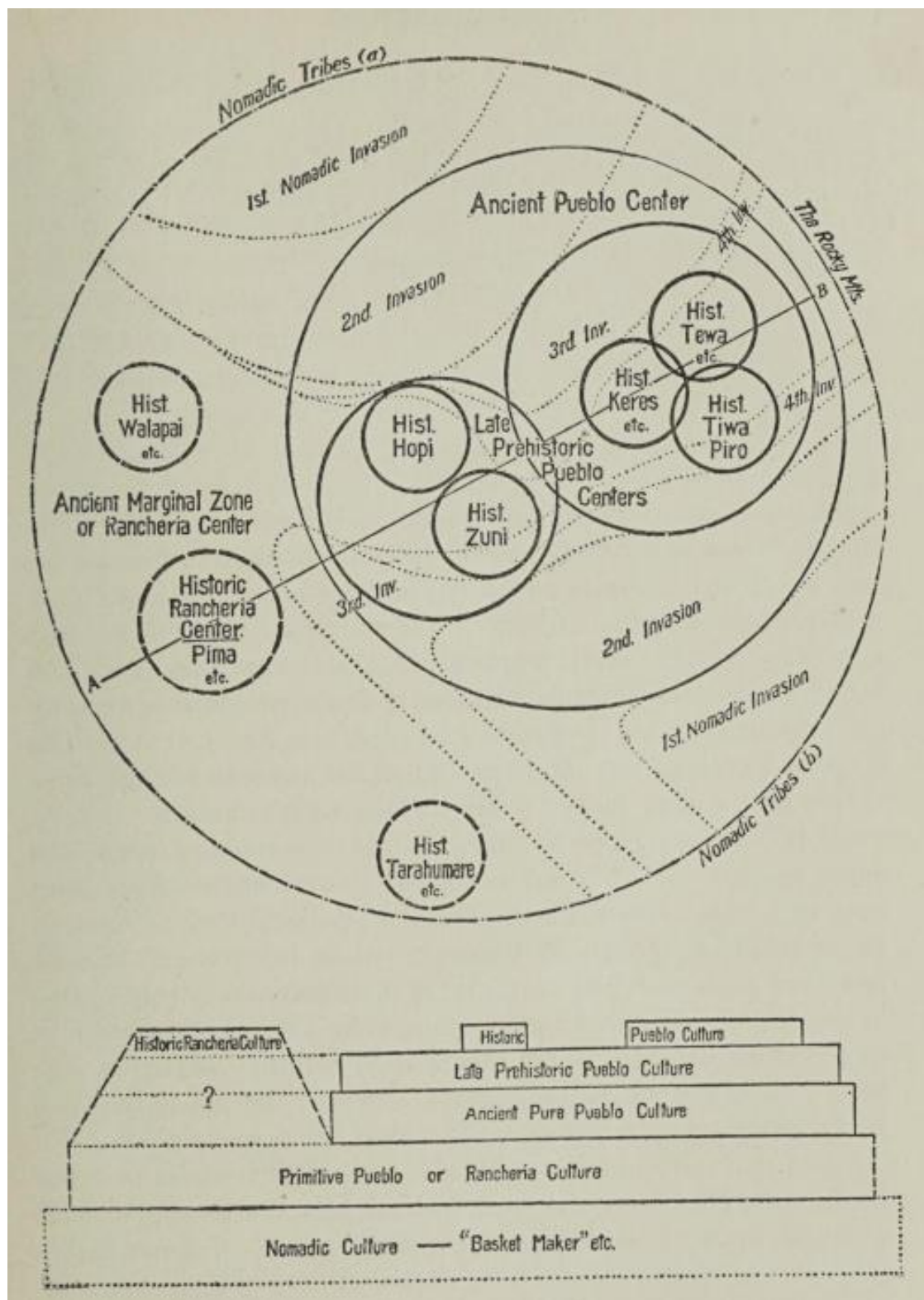


Рис. 26. Диаграммное представление Нельсоном географии и истории культуры индейцев юго-запада США: вверху - в пространстве; внизу - во времени, по диаметру окружности A-B.

Во всей этой истории что стало с естественной средой и наследственностью? Они исчезли из поля зрения. Мы смогли построить разумную и, вероятно, надежную реконструкцию хода развития цивилизации в той или иной области без учета этих двух групп факторов. Реконструкция проводится в терминах культуры. Очевидно, что среда и наследственность по

большому счету излишни. Их не нужно вводить; если их ввести, они могут сбить с толку, уменьшить внутреннюю согласованность полученных результатов. Это верно в целом, а не только в отношении выбранного примера. Используя среду или наследственность, часто кажется, что можно объяснить некоторые избранные черты культуры, но видимость эта иллюзорна, потому что достаточно быть беспристрастным, чтобы понять, что никогда нельзя объяснить таким образом всю культуру. Когда же объяснение может быть сделано в терминах культуры - всегда, конечно, на основе достаточного знания и усвоения фактов, - оно все больше распространяется на всю цивилизацию, и каждая объясненная часть помогает лучше объяснить все остальные части. Таким образом, культурная интерпретация культуры прогрессирует и становится все более продуктивной, в то время как экологическая и биологически-наследственная интерпретации терпят крах по мере того, как их продвигают дальше; на самом деле их можно поддерживать только за счет игнорирования все больших и больших масс фактов, к которым они не применимы.

Историки, которых можно назвать антропологами, чья работа облегчается благодаря наличию письменных и датированных записей, молчаливо признают эту ситуацию. Время от времени они могут приписать то или иное событие или состояние цивилизации врожденным качествам расы или влиянию климата, почвы или моря. Но это происходит в основном во вступительных главах. Когда они по-настоящему погружаются в свой предмет, они объясняют его в терминах человеческого мышления и действия, другими словами, культуры. Правда, они больше останавливаются на личностях, чем антропологи. Но это потому, что материалы, оставленные им бывшими историками, полны личностей и анекдотов. С другой стороны, в антропологических данных обычно не хватает личностного элемента; они состоят из описаний обычаев, инструментов, которыми пользовались давно забытые люди, и тому подобного. Если бы антропологам удалось восстановить сведения о конкретной женщине из Пуэбло, которая впервые нанесла третий цвет или глазурь на чашу, или о жреце, который впервые устроил танец в маске, чтобы вызвать дождь, мы можем быть уверены, что они обсудили бы этих людей. И такое знание прольет больше света на историю юго-западной керамики, религии и культуры в целом, чем любой акцент на количестве дюймов осадков в год, частоте пульса или подобных гипотетических и отдаленных причинах.

ГЛАВА VIII

ДИФфуЗИЯ

89. Кувад.-90. Пословицы.-91. Географическое распространение.-92. Волшебный полет.-93. Легенды о наводнениях.-94. Двуглавый орел.-95. Зодиак.-96. Меры.-97. Гадание.-98. Табак.-99. Миграции.

89. Кувад

Кувад - обычай, которого крестьяне Пиренеев придерживались до столетия или двух лет назад. Когда у пары рождался ребенок, жена вставала и занималась своими повседневными делами, как могла, а муж ложился спать, чтобы лечь в постель и принять визиты соседей. Считалось, что это делается для блага ребенка.

Такой же обычай встречается среди индейцев Бразилии. Они верят, что нарушение этого обычая принесет ребенку болезнь или несчастье. Они смотрят на ребенка как на нечто новое и нежное, как на существо, требующее не только физического воспитания, но и дополнительной защиты в виде этой религиозной или магической практики.

Баски Пиренеев и индейцы Бразилии принадлежат к разным расам, имеют разное происхождение и не имеют никаких известных исторических контактов. Поэтому существенная идентичность обычая у них давно привела к тому, что его стали объяснять как результат инстинктивного импульса человеческого разума. Тайлор, например, считал, что всякий раз, когда какая-либо ветвь человечества достигает определенной гипотетической стадии развития, а именно той стадии, на которой отсчет происхождения от матери начинает превращаться в отсчет происхождения от отца, кувад имеет тенденцию появляться спонтанно, как естественное сопровождение. Баскские крестьяне, конечно, более развитый народ, чем каннибалистические бразильские туземцы. Но это старый и консервативный народ, который долгое время жил в сравнительной изоляции в своем горном районе; и поэтому, как можно утверждать, они сохранили обычай кувада как пережиток более раннего переходного состояния.

Согласно этому методу объяснения, возникновение почти любого обычая, искусства или верования среди широко разделенных и не связанных между собой народов, скорее всего, является результатом схожей работы человеческого разума в аналогичных условиях.

Причину культурной идентичности и сходства, особенно среди примитивных или "природных" народов, следует искать не в исторических факторах, таких как общее происхождение, миграции, пропаганда религии или постепенное распространение идеи, а в чем-то, присущем самому человечеству, во врожденных психологических тенденциях. Это объяснение - "независимая эволюция". Оно также известно как доктрина "Элементарных идей".

Противоположным этому принципу является принцип заимствования - один народ перенимает у другого какой-либо институт или веру, перенимает обычай или изобретение. То, что заимствования сыграли значительную роль в формировании культур более развитых народов, - очевидный факт. Люди становятся христианами не в результате спонтанного возникновения всех догм и ритуалов христианства в каждом из них, и даже не в рамках своей нации, а в результате исторически зафиксированного распространения христианства, которое продолжается до сих пор. Как сегодня языческий народ обращают миссионеры, так и наши североевропейские предки были обращены римлянами, а римляне - апостолами и их последователями. Когда доступны исторические записи, культурные заимствования такого рода обычно легко установить.

Иногда заимствование может быть показано как весьма вероятное даже при отсутствии прямых доказательств. Если два народа, обладающие общими институтами, известны как ответвления одного от другого, или если они имели многочисленные торговые отношения, вряд ли нужно доказывать конкретное время и способ передачи между ними. Если предположить, что религия, алфавит и, возможно, ряд искусств перешли от одного народа к другому, то обычно не требуется дополнительных доказательств того, что такой общий для них обычай, как кувад, также был заложен одним из них и заимствован другим.

90. Притчи

Даже если контакты более отдаленные, географическое положение двух народов часто делает заимствование вероятным. Например, обычай произносить пословицы имеет значительное распространение. Кажется удивительным, что варварские западноафриканские племена должны обладать запасом пословиц, столь же обильных и метких, как и те, что бытуют в Европе. Не то чтобы пословицы были идентичны. Негру не

хватает слишком многих предметов и слишком многих наших манер, чтобы ссылаться на них так, как это делаем мы. Но он разделяет с нами привычку выражать свои мысли в определенных ситуациях краткими актуальными изречениями домашнего и мгновенно понятного характера, которые переводят общее в конкретную и конкретную форму. Таким образом: "Одно дерево не делает леса"; "Беги от меча и прячься в ножны"; "Если желудок слаб, не ешь тараканов"; "Дальние дрова - хорошие дрова".

Тенденция пословиц достаточно общая, чтобы предположить их независимое происхождение в Африке и Европе. Первая реакция на эту параллель, скорее всего, будет примерно такой: Негры и мы создали пословицы, потому что мы оба люди; придумывание пословиц инстинктивно присуще человечеству. Так можно было бы утверждать. Однако, если проанализировать распространение пословиц по всему миру, становится очевидным, что их создание не может быть спонтанным, поскольку коренная американская раса, похоже, так и не придумала ни одной настоящей пословицы. С другой стороны, европейцы, африканцы, азиаты и жители океанов пристрастились к этому обычаю. Степень цивилизации, очевидно, не имеет никакого отношения к этому вопросу, потому что в Старом Свете примитивные и развитые народы одинаково используют пословицы; в то время как в Новом Свете дикие охотничьи племена, а также наиболее прогрессивные народы, такие как майя, не имеют пословиц. Единственный вывод, который позволяют сделать факты, заключается в том, что, должно быть, было время, когда пословицы нигде не были известны и до сих пор "не изобретены" человечеством. Затем, где-то в Старом Свете, они вошли в обиход. Возможно, это был гений, который придумал первые изречения, чтобы их повторили его соратники, а затем и более отдаленное окружение. Во всяком случае, обычай распространялся от народа к народу, пока не охватил почти все восточное полушарие. Однако какая-то причина, например географическая изоляция, не позволила распространить это движение на западное полушарие. Таким образом, американские индейцы остались без пословиц, поскольку изобретение так и не было передано им. Таким образом, перед нами случай, когда сама неполнота распространения далеко освещает историю культурного признака. Отсутствие параллелизма между полушариями опровергает объяснение инстинктивным независимым происхождением. Этот отрицательный вывод, в свою очередь, убедительно свидетельствует в пользу вероятности того, что обычай был заимствован, возможно, из одного источника, на четырех восточных континентах.

91. Географическое распространение

Таким образом, оказывается, что не всегда легко решить вопрос о происхождении и истории явлений культуры. Очевидно, необходимо учитывать многие факты: прежде всего, географическое распространение. Если какая-то привычка настолько прочно вошла в нашу жизнь, что кажется абсолютно естественной и почти врожденной, из этого еще не следует, что она действительно такова. Подавляющее большинство элементов культуры было усвоено каждым народом от других народов, прошлых и настоящих. В то же время принцип заимствования имеет неожиданные пределы. Передача часто действует на огромных территориях и в течение длительного времени, но в другое время прекращается.

Возникают два размышления. Первое - обескураживающее, но полезное: история цивилизации и ее частей - дело сложное и не может быть достоверно определена на основе случайных догадок. Второй вывод заключается в том, что географическое распространение любого элемента культуры всегда будет фактом первостепенной важности. Именно потому, что баски и бразильские индейцы географически разделены, существует справедливая вероятность *prima facie* того, что кувада - результат независимого происхождения. Другой географический факт - то, что пословицы известны в одном полушарии и отсутствуют в

другом, - позволяет сделать вывод, что они представляют собой заимствованную черту культуры.

На следующих страницах ряд элементов культуры будет рассмотрен с точки зрения их распространения с целью определить, насколько каждый из двух принципов - параллельного изобретения и заимствования - может быть признан действующим по отношению к ним. Вместо термина "независимое происхождение" обычно используются термины "параллелизм" или "конвергенция", размещенные на сайте. В качестве эквивалента "заимствования" будет применяться менее метафоричное слово "диффузия". Хорошо известные исторические случаи диффузии, такие как христианство и магометанство, римское право, печатный станок и паровой двигатель, а также великие современные механические изобретения, рассматриваться не будут. Тем не менее, хорошо держать эти многочисленные случаи в памяти как постоянное напоминание о том, что принцип диффузии чрезвычайно силен и по-прежнему активен. На самом деле, главной причиной, по которой ранние антропологи не использовали этот принцип в большей степени, была их чрезвычайная осведомленность о нем. Это происходило повсюду вокруг них, так что, занимаясь доисторическими временами или отдаленными народами, они были склонны не замечать его. Возможно, это было естественной ошибкой, поскольку коммуникации дикарей и их методы передачи информации гораздо более ограничены, чем наши собственные. Но, конечно, даже дикари меняют места обитания и приобретают новых соседей. Иногда они захватывают друг у друга женщин и детей. И снова они вступают в браки; и почти всегда они поддерживают какие-то торговые отношения, по крайней мере, с некоторыми из соседних народов. Как бы медленно ни происходила среди них диффузия, она, тем не менее, продолжается, и ее недостаточная быстрота компенсируется огромными временными промежутками в доисторический период. Безусловно, простейшие изобретения первобытного человека в целом не распространялись с такой скоростью, как печатный станок, телеграф и фотоаппарат. Но, с другой стороны, вместо одного поколения или столетия часто проходили периоды в тысячу или пять тысяч лет, чтобы изобретение или обычай распространились с одного континента на другой. Таким образом, есть все априорные основания ожидать, что диффузия сыграла очень большую роль в формировании как примитивной и варварской, так и развитой культуры.

92. Волшебный полет

Существует один фольклорный сюжет, распространение которого не оставляет сомнений в том, что он был распространен из одного источника. Это происшествие, известное под названием "Волшебный полет" или "Погоня за препятствиями". В нем рассказывается, как герой, когда его преследуют, бросает за собой последовательно точильный камень, гребень, сосуд с маслом или другой жидкостью. Камень превращается в гору или пропасть; гребень - в лес или чащу; жидкость - в озеро или реку. Каждое из этих препятствий мешает преследователю и способствует окончательному побегу героя. Этот эпизод встречается в историях, рассказанных жителями всех континентов, кроме Южной Америки. Его распространение и возможный ареал показаны на [рис. 27](#).

Хотя ни одна из двух сказок или мифов, содержащих эпизод волшебного полета, не идентична, не может быть серьезных сомнений в общем источнике этого инцидента из-за сосуществования трех отдельных элементов, составляющих его. Если бы народ в Азии и народ в Америке знали историю о человеке, который, чтобы помешать преследователю, пролил на землю воду, которая волшебным образом превратилась в огромное озеро, было бы догматично настаивать на этом как на доказательстве исторической связи между двумя далеко отстоящими друг от друга историями. Вера в силу магии распространена по всему

миру, и вполне можно предположить, что из этой общей почвы магических верований тот же эпизод мог неоднократно прорасти совершенно независимо. Те же самые рассуждения применимы и к случаям превращения камня и гребня, если они происходили по отдельности. Однако связь между тремя предметами значительно снижает вероятность того, что два народа пришли к ним по отдельности. Было бы слишком натянутым совпадением считать, что каждый народ независимо изобрел тройной комплекс. Важно также, что число препятствий почти всегда равно трем. В регионе Западной Азии и Европы, где, предположительно, возникла эта сказка, три - число, наиболее часто используемое в магии, ритуалах и фольклоре. Среди американских индейцев, однако, три почти никогда не используется, его заменяют либо четыре, либо пять, в зависимости от обычаев конкретного племени. Тем не менее, несколько американских племен отходят от своего обычая и упоминают только три препятствия в рассказе этой истории.

Этот случай вводит соображение, которое приобретает все большую важность при определении истории культуры. Если черта состоит из нескольких элементов, которые не находятся в необходимой связи друг с другом, и эти несколько элементов повторяются у разных или отдаленных народов в одной и той же комбинации, в то время как на основе простой случайности можно было бы ожидать, что несколько элементов будут иногда сочетаться, а в другое время появляться по отдельности, можно быть достаточно уверенным в реальной идентичности и общем происхождении сложной черты. Если же признак прост, труднее быть уверенным в том, что кажущееся сходство равнозначно идентичности. Такие сомнения возникают, например, в отношении изолированных магических практик. Обычай, встречающийся у разных народов, например, окропление водой, чтобы вызвать дождь, может быть результатом импорта идеи от одного народа к другому. Или, опять же, он может представлять собой не что иное, как конкретное применение предполагаемого принципа, согласно которому действие, сходное с желаемым эффектом, приведет к этому эффекту. Это магическое убеждение настолько широко и разветвлено в своих примерах, что его почти невозможно использовать в качестве критерия. Можно предположить, что важнейшая основа магии была разработана в одном культурном центре в далеком прошлом и затем распространилась по всему миру. Или же, несмотря на все, что можно доказать, магические верования действительно могут быть инстинктивно укоренены в человеческом разуме и с неизбежностью развиваться снова и снова. Похоже, в настоящее время нет способа определить, какая из интерпретаций верна.

93. Легенды о потопе

Подобная ситуация характерна для многих широко распространенных концепций в фольклоре. Например, мифы о потопе в том или ином виде рассказывают, пожалуй, большинство человеческих народов. На заре науки такое широкое распространение мифов о потопе считалось доказательством реальности потопа или свидетельством происхождения всего человечества от одного народа, который когда-то действительно его пережил. Такие объяснения слишком очевидны и наивны, чтобы требовать опровержения в наши дни. И все же трудно интерпретировать широкую распространенность мифов о потопе как спонтанный рост из человеческого разума или как распространение идеи, придуманной одним человеком. Большая часть трудностей вызвана тем, что нельзя быть уверенным в идентичности различных мифов о потопе. У одних народов потоп происходит уже после того, как Земля сформировалась и стала обитаемой, и почти уничтожает человеческий род. Другие народы начинают свою космологию с потопа. Для них вода существовала еще до появления земли, и задача богов или творческих животных состояла в том, чтобы создать этот мир. Согласно некоторым версиям американских индейцев, они достигли этой цели,

заставив одного из них погрузиться на дно и поднять несколько песчинок, которые затем были расширены и составили твердь земную. Первый тип истории, очевидно, является настоящим мифом о "потопе"; второй лучше описать как концепцию "первобытной воды". Сложность усиливается тем, что эти два типа иногда встречаются в одной мифологии. Так, древнееврейское повествование начинается с первобытных вод, но после образования земли ее накрывает потоп. Так, согласно некоторым американским племенам, потоп произошел после появления земли, но воды оставались до погружения. Очевидно, что истории о потопе более изменчивы, чем эпизод с волшебным полетом. Возможно, все они являются вариациями одной темы, которая постепенно стала сильно различаться. Но, опять же, несколько отдельных концепций - первобытная вода, потоп, ныряющие животные, ковчег - могли возникнуть в разных частях света, каждая из которых развивалась по-своему, а в некоторых случаях заходила так далеко, что встречалась и смешивалась с другими. В пользу этой последней интерпретации говорят некоторые факты распространения: например, преобладание концепции ныряющих животных в Америке, , и отсутствие мифов о потопе в большей части Африки.

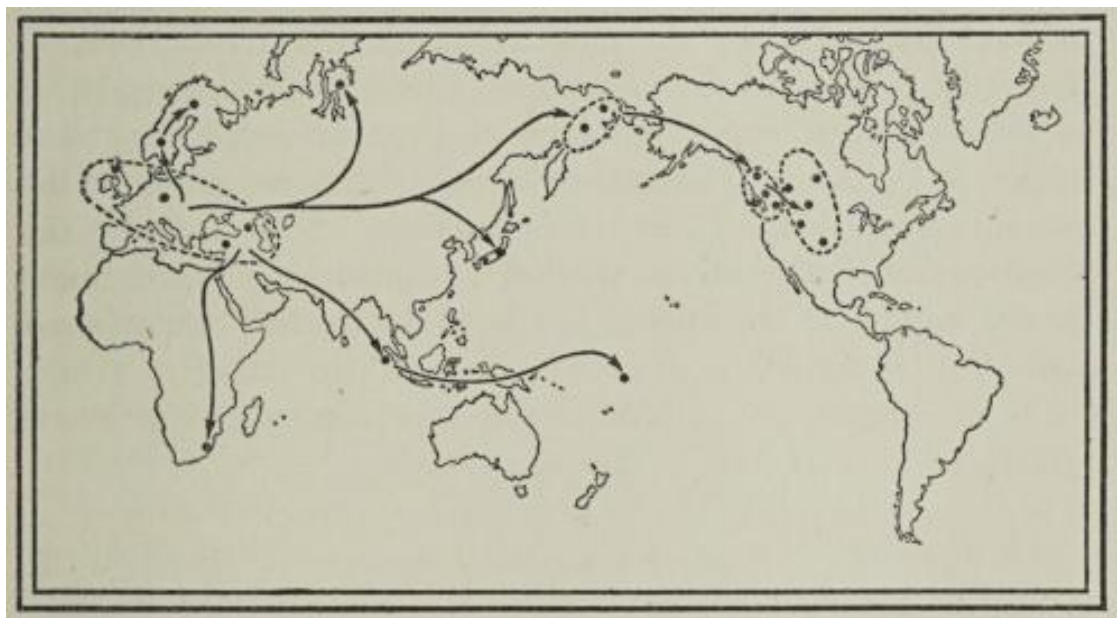


Рис. 27. Сказка о волшебном полете - пример межконтинентальной и межполушарной диффузии. По Штукену, с дополнениями.

Записано огромное количество фольклора, и большая его часть прекрасно подходит для выяснения его исторических истоков, пока речь идет об ограниченных регионах. Фольклористы часто могут доказать, что одна сказка зародилась в Индии и была перенесена в средневековую Европу, или что другая, вероятно, была впервые придумана на побережье Британской Колумбии, а затем распространилась через Скалистые горы среди индейских племен. Однако когда речь заходит о межконтинентальном и всемирном распространении, трудности такого рода, как только что изложенные в отношении мифов о потопе, становятся все сильнее и сильнее. Хотя наиболее интересными мифическими идеями являются те, которые распространяются по всему миру, именно в них больше всего неопределенности в отношении происхождения путем диффузии или параллелизма. Таким образом, "Волшебный полет" представляет собой благодарное исключение. Он открывает возможность надеяться, что более тщательный анализ и сравнение могут привести к точному определению источника и истории других распространенных и фундаментальных мифов.

94. Двуглавый орел

Неожиданная история странствий связана с фигурой или символом двуглавого орла. Как и многие другие элементы цивилизации, он восходит к египетскому началу. Одним из великих богов Египта было солнце. Ястреб и гриф также были божественными животными. Их объединяли, изображая диск солнца с длинным узким крылом с каждой стороны. Или же сама птица изображалась с распростертыми крыльями, а ее тело состояло из солнечного диска. Это были поразительные фигуры, обладающие значительной эстетической и образной привлекательностью. Из Египта во втором тысячелетии до нашей эры этот дизайн перешел к ассирийцам в Месопотамии и хеттам в Малой Азии. Вторая голова была добавлена, возможно, для завершения симметрии фигуры. Как с каждой стороны тела или диска выходили крыло и нога, так и теперь в каждую сторону была направлена голова. Этот символ двуглавой птицы был высечен на скалах в Малой Азии. Здесь изображения оставались, несомненно, вызывая удивление, но не копируясь, в течение двух тысяч лет. В двенадцатом и тринадцатом веках после Рождества Христова турецкие князья, считая этот символ подходящей эмблемой суверенитета, начали штамповать его на своих монетах. Поздние крестоносцы привезли эти монеты или идею узора с собой в Европу, где процветало средневековое искусство геральдики. Двуглавый орел стал приятным дополнением к львам и грифонам, которыми художники украшали гербы феодальной знати. Сохранив за собой значение суверенитета, он стал олицетворять имперскую идею. Отсюда его использование в качестве символа в поздних империях Австро-Венгрии и России.

Четыреста лет назад Карл V был королем Испании и Австрии и императором Священной Римской империи в Германии. Именно в его правление Кортес и Писарро завоевали Мексику и Перу. Так символ двуглавого орла был перенесен в Новый Свет, и индейцы познакомились с ним. Даже некоторые из самых диких племен узнали эту фигуру, хотя, возможно, она произвела на них большее впечатление как декоративный мотив, чем как эмблема. Во всяком случае, они ввели его в свой текстиль и вышивку. Уичоль в отдаленных горах Мексики, которые используют этот узор таким образом, похоже, верят, что их предки всегда были знакомы с этой фигурой. Но такая вера, конечно, доказывает не больше, чем незнание европейскими геральдистами того факта, что их двуглавый орел пришел к ним из Малой Азии и в конечном итоге из Египта. Из Мексики не известно ни одного доколумбового изображения двуглавого орла. Поэтому можно сделать вывод, что этот, по-видимому, исконный текстильный узор современных уичоль также происходит от своего далекого источника в Древнем Египте, о существовании которого они никогда не слышали.

95. Зодиак

Вышеприведенный пример не должен создавать впечатление, что главный источник всей культуры следует искать в Египте. Многие другие древние и современные страны внесли свой вклад. Например, именно китайцам мы обязаны шелком, фарфором и порохом. Древние шумеры и вавилоняне, жившие в нижнем течении Тигра и Евфрата, продвинулись определенному культурному прогрессу примерно так же рано, как и египтяне, и, возможно, внесли не меньше элементов в современную цивилизацию.

Одним из них является зодиак. Это концепция разделения пути солнца, луны и планет по небу на двенадцать равных частей, каждая из которых названа в честь созвездия. Ряд выглядит так: баран, бык, близнецы, рак, лев, дева, весы, скорпион, лучник, козерог, водонос, рыбы. Созвездия, действительно, начали называть очень рано, как видно из того, что эта практика была общей для всего человечества. Но конкретное расположение этих двенадцати созвездий в качестве меры движения небесных тел, по-видимому, впервые

появилось у халдейских вавилонян примерно за тысячу лет до нашей эры. От них персы, а затем и греки узнали зодиак, и с его появлением в Римской империи он вошел в фонд знаний, общих для всей западной цивилизации. Судя по всему, египтяне не принимали его до римских времен. Знания о зодиаке также распространились на восток, в Индию. Похоже, что буддийские миссионеры донесли его до Китая, но в этой стране он не был принят всерьез до тех пор, пока в XVII веке его вновь не ввели миссионеры-иезуиты.

Китайцы задолго до этого изобрели серию из двенадцати знаков, которую иногда называют зодиаком, и постепенно передали ее соседним туземцам Японии, Кореи, Монголии, Туркестана и Тибета. Похоже, что он имеет независимое происхождение от западного или вавилонского зодиака. По-видимому, он был придуман для обозначения часов, затем применен к другим периодам времени и, наконец, к небесам. Его путь по небу обратен западному зодиаку, а его знаки отличаются друг от друга: крыса, бык, тигр, заяц, дракон, змея, лошадь, овца, обезьяна, курица, собака и свинья. В крайнем случае, можно предположить, что в Китай с запада могла проникнуть идея разделить время или пространство на двенадцать частей и присвоить каждой из них название животного. Разработка и использование этой идеи были исконно китайскими.

Уже в древности изображения двенадцати созвездий западного зодиака стали сокращать и сводить к символам. Постепенно они становились все более условными, хотя следы их происхождения все еще видны. Например, знак овна, как мы используем его в альманахах, показывает загибающиеся вниз рога этого животного; знак быка - его поднимающиеся рога; знак лучника - его стрелу и так далее. Эти скорописные символы, закрепившись, совершили несколько собственных путешествий, которые занесли их в неожиданные места. Негры западного побережья Африки делают золотые кольца на пальцах, украшенные двенадцатью зодиакальными символами в их правильной последовательности. Они, похоже, не знают их значения, фактически не обладают достаточными астрономическими знаниями, чтобы понять использование этих знаков. Также остается неясным, узнали ли они набор символов от европейских мореплавателей или от арабов, проникших в северную половину Африки. Тем не менее, это настоящий зодиак, который они изображают, пусть даже только в качестве декоративного узора.

Существует утверждение, что зодиак был известен более развитым индейцам Средней Америки между Аризонай и Перу, но это утверждение также было опровергнуто. По-видимому, у майя Юкатана существовала по крайней мере одна серия знаков животных, использовавшихся в астрономической связи. Неизвестно, выполняла ли эта серия истинную зодиакальную функцию - отмечала положение небесных тел. Кроме того, серия майя состоит из тринадцати, а не двенадцати символов, и фигуры имеют лишь отдаленное сходство с зодиаком Старого Света. Лишь одна из них совпадает с зодиаком Старого Света: скорпион. Таким образом, связь серий майя и Старого Света остается недоказанной и, скорее всего, вымышленной. Однако этот случай представляет теоретический интерес, поскольку иллюстрирует критерии определения взаимосвязи культур.

Мексиканский зодиак, несомненно, можно было бы интерпретировать как производный от азиатского, даже если бы его символы несколько отличались от символов последнего, при условии, что сходные символы располагались бы в том же порядке. Азиатский баран вполне мог быть заменен мексиканским оленем, лев - дикой кошкой, а дева - богиней маиса. А если олень, дикая кошка и богиня маиса окажутся на первом, пятом и шестом местах, то почти обязательно будет рассматривать их как поверхностно измененные эквиваленты барана, льва и девственницы Старого Света. Вполне можно предположить, что подобные индивидуальные символы могли независимо войти в обиход в отдаленных частях света. Но

практически невозможно, чтобы ряд символов независимо друг от друга располагался в одной и той же произвольной последовательности. С точки зрения математической вероятности вероятность такого сложного совпадения не более чем бесконечно мала. Поэтому если последовательная идентичность американской серии и зодиака Старого Света будет когда-нибудь доказана,^[14] придется поверить, что этот элемент культуры был каким-то образом занесен в Среднюю Америку из Азии, либо через северную Америку, либо через Тихий океан.

Идентичность последовательности не удастся, но все же может остаться случай частичной конвергенции. Вполне возможно, что майя, которые были кропотливыми астрономами и калькуляторами и, как и мы, называли звезды и созвездия именами животных, организовали ряд из них в качестве мнемонической или образной помощи в своем календарном счислении. Однако это был бы лишь случай неполного параллелизма. Общая концепция в этом случае развивалась бы самостоятельно, а ее конкретная проработка оставалась бы самобытной.

При точном анализе явлений культуры подобный результат оказывается довольно частым. Когда происходит независимое развитие, есть базовое или психологическое сходство, но конкретные детали заметно отличаются. С другой стороны, если произошла дифференциация от общего источника, так что существует истинная историческая связь, то почти всегда сохраняется определенная идентичность деталей. Отсюда следует, что если только можно достаточно полно собрать факты, то нет никаких теоретических причин, почему бы в конечном итоге все культурные феномены, которые все еще сомнительно витают между параллелистской и диффузной интерпретациями, не могли бы быть положительно объяснены тем или иным способом. Это, конечно, не утверждение, что такое доказательство было получено. На самом деле в истории цивилизации гораздо больше черт, которые еще предстоит прояснить, чем тех, которые уже раскрыты. Но уже достигнутые успехи и понимание принципов, на основе которых они были сделаны, позволяют надеяться на неограниченный рост знаний о происхождении и развитии всей человеческой культуры.

96. Меры

Еще одно приращение цивилизации благодаря вавилонянам - это ряд метрических стандартизаций. К ним относятся деление круга на триста шестьдесят градусов, дня - на двадцать четыре (первоначально двенадцать) часа, часа - на шестьдесят минут, фута - на двенадцать дюймов, а фунта - в том виде, в каком он сохранился в нашей тройской гире, - на двенадцать унций. Очевидно, что в основе системы этих мер лежит число двенадцать и кратное ему число шестьдесят. Веса, существовавшие на древнем Ближнем Востоке, также увеличивались на шестьдесят. На этих весах были основаны древние денежные знаки. Греческая мина, ивритская мане, приблизительно равная фунту, составляла шестьдесят сиклей (или сто афинских драхм), а шестьдесят мина - талант. Талант из серебра и талант из золота имели разную стоимость, но вес был одинаковым. Эту систему греки заимствовали из Малой Азии и Финикии. Заимствование названий, а также близкое соответствие фактического веса единиц свидетельствует об их происхождении из Вавилонии или соседней Арамеи.

Двенадцатичасовой метод исчисления был перенесен на запад, глубоко укоренился в Римской империи и дошел до наших дней через Средние века. Было бы слишком далеко говорить о том, что каждое деление единиц измерения на двенадцать частей можно проследить непосредственно в Вавилонии. Время от времени произвольно устанавливались новые стандарты и давались им новые названия. Но даже когда это происходило, старая

привычка считать по двенадцати, за которую отвечали вавилоняне, могла вновь проявить себя в конкуренции с десятичной системой. Современные системы чеканки монет стали преобладать над десятичными, но еще совсем недавно в южной Германии 60 крейцеров по-прежнему составляли гульден, а двенадцать пенсов английского шиллинга явно наводят на мысли о них.

Некоторые из этих метрических единиц закрепились более двух тысяч лет назад и дошли до нас по нерушимой традиции. Например, вавилонские градусы, минуты и секунды стали неотъемлемой частью древней астрономии, были восприняты греками, включены ими в развитие системы астрономии, известной как птолемеяевская, и таким образом стали частью римской, арабской и средневековой европейской науки. Когда несколько столетий назад, начиная с внедрения точки зрения Коперника, астрономия вступила в новый период прогресса, старая система отсчета была настолько глубоко укоренена, что ее продолжали использовать без протеста. Если бы первые по-настоящему научные зачатки астрономии появились так же поздно, как и химии, крайне сомнительно, чтобы мы сейчас считали 360 градусов по окружности круга. Почти наверняка была бы применена десятичная система.

Последние несколько примеров могут создать впечатление, что культурная диффузия происходит в основном в отношении имен и чисел. Они могут вызвать подозрение, что внутренние элементы изобретений и достижений распространяются менее охотно. Это не так. На самом деле в истории цивилизации неоднократно случалось так, что суть искусства или знания переходила от одного народа к другому, а принимающий народ придумывал совершенно новое обозначение для этого приобретения. В качестве примера можно привести английские названия семи дней недели (§ 125). Если кажется, что здесь упор сделан на имена и числа, то это не потому, что они более склонны к распространению или наиболее важны, а потому, что их распространение легче проследить. Они часто служат безошибочным указателем исторической связи, когда недостаток исторических записей затрудняет, а возможно, и делает невозможным доказательство того, что общее владение вещью восходит к одному источнику. Если исторические записи умалчивают, как это бывает слишком часто, о происхождении какого-либо устройства у того или иного народа, то появление такого же устройства в более раннее время у другого народа может убедительно свидетельствовать о том, что оно передалось от него. Но это указание далеко не всегда является доказательством, поскольку существует теоретическая возможность того, что более поздний народ мог сделать изобретение самостоятельно. Вероятность распространения приближается к уверенности только в том случае, если устройство сложное, а связь его частей идентична. Однако если не только вещь, но и ее название являются общими для разных народов, сомнения отпадают. Очевидно, что народы, говорящие на неродственных языках, не будут один раз из тысячи совпадать в использовании одного и того же названия для одной и той же идеи независимо друг от друга. Таким образом, игра случая в таких случаях исключается, и связь устанавливается путем передачи. На самом деле название - лучший критерий. Изобретение может быть заимствовано и получить отечественное название. Но иностранное название вряд ли будет принято без того, чтобы не был принят и объект.

97. Гадание

Еще одно вавилонское изобретение можно упомянуть в связи с его любопытной историей. Это псевдонаука о предсказании исхода событий путем исследования печени животных, приносимых в жертву богам. Система такого гадания, известная как гепатоскопия, была разработана вавилонскими жрецами, возможно, к 2 000 году до н. э. Об их правилах известно благодаря находке древних глиняных моделей печени с ее несколькими долями, на

каждой из которых было написано ее значение в соответствии с тем, что она может иметь такой-то и такой-то вид. Каким-то еще не до конца понятным способом эта система, как и истинная арка, была перенесена от вавилонян к этрускам. Поскольку существуют определенные древние традиции, которые привели этрусков в Италию из Азии, этот разрыв, однако, уменьшается. Этруски, явно пристрастившиеся к жреческой магии, занимались этим гаданием по печени наряду с другим методом - гаруспицией или предсказанием по полету или действиям птиц. Обе системы были заимствованы римлянами, согласно римской традиции.

С распространением христианства гепатоскопия и гаруспиция угасли на западе. Но тем временем они понеслись в обратном направлении от своего вавилонского источника происхождения и утвердились в восточной Азии и, наконец, в несколько измененном виде, среди отдаленных нецивилизованных народов. Языческие жрецы Борнео и Филиппин и по сей день предсказывают будущее, наблюдая за полетом птиц и исследуя желчный пузырь - орган, тесно связанный с печенью жертвенных животных. Если бы эти примитивные малайзийские народы всегда оставались без влияния более высоких культур, их прорицательские обычаи можно было бы приписать самостоятельному изобретению. Однако они живут на небольшом расстоянии от азиатского материка, и известно, что они подверглись сильному культурному влиянию со стороны Китая, Аравии и особенно Индии. Четыре столетия назад, если привести лишь несколько конкретных примеров, филиппинские вожди носили титул раджа, индуистское слово, означающее "король". На южных Филиппинских островах и сегодня есть "султаны". Во всех частях Филиппин, а также на Борнео, даже среди грубых племен внутренних гор, китайские кувшины, привезенные много веков назад, хранятся как драгоценные реликвии. Поскольку эти потоки высшей культуры текли на Малайзийские острова, единственным разумным выводом является то, что искусство гадания по печени и птицам также было завезено. На самом деле, кажется вероятным, что более широкий обычай приносить животных в жертву богам и духам, которого до сих пор придерживаются язычники-малайцы, является частью той же волны влияния с Востока, которая наложила столь глубокую печать на гомеровские поэмы и Ветхий Завет. Хотя теоретически нет ничего удивительного в том, что гепатоскопия и харуспики до сих пор процветают среди некоторых отсталых и малообеспеченных народов, в конкретном случае поражает тот факт, что институт, который был активен в Вавилонии три или четыре тысячи лет назад, до сих пор сохраняет свою жизнь на Борнео. Очевидно, принцип диффузии распространяется далеко и надолго.

Другой метод предсказания, который распространился так же далеко, хотя его распространение шло в основном с востока на запад, - это скапулимантия, гадание по трещинам, которые образуются на обожженных лопатках. Этот способ, по-видимому, возник в древнем Китае при нагревании черепаших панцирей, к третьему веку после Рождества Христова распространился в Японии, где использовались олени лопатки, и до сих пор встречается у коряков и чукчей северо-восточной Сибири, которые используют те же кости тюленей и северных оленей соответственно. В других местах домашние животные, прежде всего овцы, поставляют соответствующие лопатки. Все народы Центральной Азии, вплоть до тибетцев и лолосов, придерживаются этого обычая, который получил официальный статус при монгольских правителях в XIII веке, но, должно быть, был более древним, поскольку за двести лет до этого он был в ходу у византийских греков. Эта практика распространилась практически по всей Европе, где она процветала в пятнадцатом и шестнадцатом веках и до сих пор сохраняется среди запоздалого сельского населения; в Марокко и, возможно, в других частях Северной Африки; а в Азии - в Южной Аравии, Афганистане и на западе Индии. Скапулиманство не было известно древним вавилонянам, египтянам, евреям, грекам,

этрускам и римлянам; оно не проникло далеко в Индию и вообще в страны и острова к востоку от Индии, где нет овец; оно не прижилось и в Северной Америке, где овец и других прирученных животных также не держали. Поэтому представляется, что после периода некоторого колебания в восточной Азии этот обычай выкристаллизовался в ассоциацию с одомашненной овцой, образовав настоящий культурный "комплекс", и затем распространился почти так же далеко, как и это животное.

98. Табак

Скорость, с которой изобретения иногда распространяются на большие территории, заметно контрастирует с медлительностью, с которой они распространяются в других случаях. Искусство или привычка курить зародилась в тропической Америке, где произрастает табачное растение. Из этого среднего региона обычай распространился, подобно сельскому хозяйству, гончарному делу и ткачеству, в обоих направлениях по большей части Северной и Южной Америки. Первоначально, судя по всему, табачный лист либо сворачивали в грубую сигару, либо засовывали, как сигарету, в тростник или кусок тростника. Колумб обнаружил вест-индцев, попыхивающих сигарами. На юго-западе Соединенных Штатов туземцы курили из полого тростника. Дальше в Соединенных Штатах, как на востоке, так и на западе, тростник превратился в трубку из дерева, камня или керамики. Эта трубка, чем-то напоминающая увеличенный портсигар, имеет расширенную с одного конца чашу для приема табака. Ее нужно держать более или менее вертикально. Такая форма сохранилась до наших дней у калифорнийских индейцев. По мере распространения трубки в центральных и восточных районах Соединенных Штатов она совершенствовалась. Чаша стала подниматься из верхней части трубы, а не просто образовывать ее конец. Это оказалось очень удобно, ведь теперь для курения не нужно было направлять трубку в небо. Таким образом, появилась трубка с определенной чашей, но ее происхождение от прямой трубки подтверждается тем фактом, что чаша чаще всего располагалась не на конце стержня, как мы "автоматически" считаем, а ближе к его середине. Очевидно, что чаша представляла собой второстепенное дополнение, которое не имело больше оснований располагаться на конце, чем в середине трубки; и так получилось, что последнее стало модой.

Вся эта эволюция произошла по меньшей мере тысячу лет назад, а возможно, и гораздо дольше. Сложные каменные трубы были обнаружены в земляных сооружениях, оставленных строителями курганов в долине Огайо - народом, о существовании которого было забыто с приходом белых. Калифорнийские каменные трубы встречаются далеко внизу раковинных курганов, для накопления которых, по оценкам специалистов, потребовалось три или четыре тысячи лет.

То тут, то там это медленное распространение сталкивалось с трудностями. В Андском регионе Южной Америки табак вступил в конкуренцию с кокой - растением, лист которого жевали. Действие содержащегося в нем алкалоида заключается в предотвращении усталости и голода. Из этих двух видов кока одержала победу над табаком, возможно, потому, что ее действие более схоже с наркотическим. С другой стороны, в Северной Америке племена, которые не перешли на выращивание кукурузы и бобов, иногда обрабатывали табачные плантации. У них выращивание табака опережало распространение такого важного института, как пищевое земледелие. В крайних частях Северной Америки климатические факторы препятствовали росту табака, как дикого, так и культивируемого. Там, где его было мало, его либо разбавляли толченой корой деревьев, как многие племена центральной части Соединенных Штатов, либо употребляли в пищу, как ряд групп на Тихоокеанском побережье. Для этих последних табак казался слишком ценным, чтобы

поджигать его и легкомысленно отдуваться. Они смешивали его с известью из обожженных раковин и глотали. В таком виде небольшое количество производит мощный эффект. На самом дальнем севере континента даже это средство не прижилось. Развитие межплеменной торговли было слишком слабым и прерывистым, чтобы перевозить на большие расстояния что-либо, кроме ценностей, не говоря уже о предметах ежедневного потребления. В результате эскимосы, когда их впервые обнаружили, ничего не знали ни о табаке, ни о трубках.

В Старый Свет табак быстро принесли испанцы, и вскоре вся Европа уже курила. На всем континенте, независимо от языка, растение известно под модификациями испанского названия *tabaco*, которое, в свою очередь, основывается на американском названии сигары. Испанцы и португальцы, а позже и арабы, перенесли привычку курить в различные точки на берегах Африки, Азии и Ост-Индии. Затем она распространилась вглубь страны. Коренные африканские племена и жители Новой Гвинеи, которые никогда не видели белого человека, были обнаружены не только выращивающими и курящими табак, но и твердо верящими в то, что их предки с незапамятных времен делали это. Это характерная иллюстрация недолговечности групповой памяти и ненадежности устных традиций.

В северо-восточной Сибири, куда русские завезли табак, появилась особая форма трубки. Она имеет узкую чашу, расширяющуюся кверху. При взгляде сверху эта чаша напоминает диск с небольшим отверстием в центре. В профиль она похожа на заглавную букву Т. Она устанавливается на конце трубчатого стержня. Этот стержень может быть прямым или уплощенным и изогнутым. Эта форма трубки вместе с табаком в качестве предмета торговли пересекла пролив Беринга и была принята эскимосами Аляски. О том, что эта трубка не эскимосского происхождения, свидетельствует ее близкое сходство с чукотской трубкой из Сибири. Тот факт, что эскимосы не могли выращивать табак, подтверждает поздний завоз, как и название эскимосов Аляски: тавак. Короче говоря, курение дошло до эскимосов только после того, как обогнуло земной шар. Зародившись в Средней Америке, этот обычай очень древним путем распространился до самых дальних ее пределов, не сумев проникнуть к эскимосам. Как только на сцене появились испанцы, обычай начал новое путешествие и стремительно покотился на восток по земному шару, пока вновь не проник в Америку в доселе некурящем регионе Аляски.

Второе вторжение в Америку неамериканской формы трубки произошло на востоке Соединенных Штатов. Старинная трубка этого региона, как уже говорилось, имела чашу, отстоящую от конца стержня. Таким образом, весь предмет имел форму перевернутой буквы Т, в то время как европейскую трубку можно сравнить с буквой L, положенной на спину. После того как английские поселенцы обосновались на атлантическом побережье, они стали использовать в торговых целях трубку томагавк. Это был металлический топор с выдолбленной в задней части лезвия чашей, которая соединялась с отверстием, проходящим через рукоятку. Один конец лезвия служил для рубки, другой - для курения. Рукоятка топорика также служила стержнем для трубки. Этот комбинированный инструмент мог использоваться как оружие на войне и как символ мира на совете. Это двойное назначение привлекало индейцев. Головки этих железных труб-томагавков изготавливались в Англии для индейской торговли. Они стали настолько популярны, что те туземцы, которые были недоступны для известных торговцев или были слишком бедны, чтобы покупать металлические топорные трубы, начали подражать им из камня, который использовали их предки. В долине Миссури, поколение назад, среди таких племен, как сиу и блэкфиты, из красного катлинита изготавливали имитации труб томагавков, которые никогда бы не выдержали использования в качестве топориков, наряду со стандартными, местными,

перевернутыми Т-образными трубами. Одна из этих двух сосуществующих форм представляла собой форму, исконную для этого региона уже тысячу лет или более, а другая была новшеством, разработанным в Европе в результате открытия Америки, а затем вновь внедренным среди аборигенов. Диффузия иногда идет неожиданно извилистыми путями.

99. Миграции

Может показаться странным, что при всех упоминаниях о диффузии на предыдущих страницах так мало говорится о миграции. Причина в том, что миграции народов - это особый, а не обычный способ распространения культуры. Они представляют собой грубые примеры этого процесса, которые легко представить простому уму. То, что обычай путешествует, а вместе с ним путешествует и народ, может понять и ребенок. Опасность заключается в том, чтобы остановить мысль на этом и вызвать национальную миграцию для каждого важного распространения культуры, в то время как очевидно, что большинство изменений в культуре происходило посредством более тонких и постепенных операций. Монголы захватили огромные территории Азии и Европы, не оказав серьезного влияния на цивилизацию этих регионов. Такие элементы, оказавшие на них наибольшее влияние, как письменность и буддизм, пришли к ним в результате более тихого и всепроникающего процесса мирного проникновения, в котором принимали активное участие лишь немногие люди. Мы все знаем, что книгопечатание и паровая машина, доктрина эволюции и привычка читать стихи, распространились по западной цивилизации без завоеваний и миграций, и что мода каждого года выходит из Парижа таким же образом. Однако когда речь идет о чем-то отдаленном, например о происхождении китайской цивилизации, достаточно указать на то, что ранние формы китайской культуры имеют определенное сходство с ранней культурой Месопотамии, и обязательно найдется кто-нибудь, кто выдвинет теорию, согласно которой китайцы ушли с запада с их культурой, упакованной в маленькие свертки на спине. Это, конечно, гораздо более живописно, более привлекательно для эмоций, чем представить себе медленное, постепенное переливание, растянувшееся на тысячу лет. В той мере, в какой известных фактов мало, воображение парит бесконтрольно. Не потому, что миграции больших масс людей редки или совершенно незначительны в своем влиянии на цивилизацию, мы так легко коснулись их, а потому, что все мы склонны, благодаря романтической и сенсационной жилке в нас, думать о них более широко, чем того требует трезвая правда. В истории культуры все так же, как в геологии: периодические извержения, землетрясения и прочие катаклизмы будоражат умы, но работа по изменению в основном совершается более тихими процессами, идущими непрерывно и часто почти незаметными, пока не накапливаются их результаты.

ГЛАВА IX ПАРАЛЛЕЛИ

100. Общие замечания.-101. Культурный контекст.-102. Универсальные элементы.-103. Вторичный параллелизм в индоевропейских языках.-104. Текстильные узоры и процессы.-105. Первичный параллелизм: зарождение письменности.-106. Отсчет времени.-107. Масштаб и шаг труб Пана.-108. Бронза.-109. Ноль.-110. Экзогамические институты.-111. Параллели и психология.-112. Ограничения принципа параллелизма.

100. Общие замечания

Принцип действительно независимого или конвергентного изобретения труднее установить на положительных примерах, чем принцип подражательной диффузии. Он часто предполагался как действующий, реже доказывался; и даже в последних случаях, возможно, никогда не было обнаружено, что он приводит к полной идентичности.

На самом деле, первое наблюдение, которое следует сделать, заключается в том, что сходство не должно быть слишком близким, если объясняется независимое развитие. Сложное устройство, используемое в двух или более частях света, предполагает связь между ними, весьма пропорциональную его сложности. Комбинация из двух или даже трех элементов могла быть повторена независимо. Комбинация из пяти или десяти частей, служащих идентичной цели идентичным образом, обязательно должна вызывать сомнение в том, что она была придумана более одного раза. В таком случае почти поневоле возникает мысль об исторической связи, о передаче идеи или машины от одного народа к другому.

Если сходство включает какие-либо несущественные или произвольные детали, такие как орнамент, пропорция, которая с точки зрения полезности может быть значительно изменена, но не изменяется, случайно выбранное число или имя, возможность независимого развития полностью исключается. Такие внешние признаки не повторяются один раз из миллиона. Их объединение заставляет предположить общее происхождение, даже если трудно объяснить историческую связь. О значении имен в этой ситуации уже говорилось.

В этом ограничении принципа параллелизма нет ничего произвольного. Мы все применяем подобные проверки в практической жизни. Если в суде несколько свидетелей рассказывают об одних и тех же фактах на одном и том же языке, ни один из них не добавляет и не убавляет ни одного пункта, если они следуют одинаковому порядку событий, если даже такие детали, как точная минута происшествия, указываются без изменений, судья и присяжные безошибочно заподозрят, что эти несколько свидетельств восходят к одному источнику вдохновения. Свидетели могут отличаться друг от друга. Они видели с разных сторон; следили за событиями с разным вниманием, которое зависело от их участия, привычек и подготовки; реагировали с индивидуально окрашенными эмоциями. Так же и с народами. Их обычаи, интересы, способности никогда не бывают полностью одинаковыми. Их независимые изобретения и нововведения, всегда возникающие на особой почве, поэтому обязательно приобретают особый аспект, даже если воплощают одну и ту же идею. В той степени, в какой совпадают как форма, так и содержание черт культуры, вероятность независимой эволюции уменьшается в пользу какой-то связи.

101. Культурный контекст

Наличие или отсутствие других связей также является фактором огромной важности. Иными словами, ни один факт, относящийся к человеческой цивилизации, не может быть оценен без учета ее контекста или предыстории. Если между двумя народами существуют известные связи, как в пространстве, так и во времени, вероятность того, что они по отдельности развили общую черту, гораздо меньше, чем между двумя народами на разных континентах или разделенными тысячами лет. Неизвестно, как именно знания об истинном аркане и гадании по печени были перенесены из древней Западной Азии к этруским в Италию. Однако тот факт, что Вавилония и Этрурия разделяли две такие специфические черты культуры, как эти, значительно повышает вероятность того, что каждая из них была

заимствована европейскими народами у азиатов. А если учесть, что у древних были традиции, согласно которым этруски пришли в Италию из Малой Азии, то вероятность диффузии усиливается до практической уверенности.

Связь в пространстве - особенно убедительный аргумент в пользу диффузии, поскольку она предполагает наличие сопутствующей коммуникации. Когда несколько сотен индейских племен без перерыва между Квебеком и Аргентиной выращивают кукурузу, было бы абсурдно мечтать о том, что каждое из них зародило одомашнивание этого растения для себя. Конечно, логически можно предположить, что земледелие с использованием кукурузы было независимо развито двумя или тремя наиболее продвинутыми племенами из сотен, а затем распространилось, пока две или три области рассеяния не встретились и не слились в одну большую область. Тем не менее, принцип экономии на объяснениях будет способствовать даже против такой интерпретации по сравнению с диффузией из одного центра, если только не будет определенных указаний в пользу объяснения множественного происхождения. Такими признаками могут быть радикально отличающиеся виды растения или сельскохозяйственных орудий в нескольких частях ареала кукурузы.

Так, когда племена на аляскинской и сибирской сторонах моря Беринга рассказывают схожие легенды о Вороне, географическая близость настолько близка, что было бы педантичным позволить факту, что речь идет о двух континентах, встать на пути объяснения диффузией. Даже если распространение черты проникает гораздо дальше, как в случае с составным луком (§ 210), в Америку и Азию, непрерывность ареала не оставляет сомнений в том, что она распространилась из единого центра, тем более что она подкрепляется другими чертами, демонстрирующими такое же межконтинентальное распространение: например, история о волшебном полете. Только когда области дискретны и удалены друг от друга, когда другие сходства между ними немногочисленны или отсутствуют, когда их культурные истоки радикально несхожи, как в случае с кувадой, параллелизм начинает стучаться в дверь интерпретации с серьезной надеждой на вступление.

102. Универсальные элементы

Когда черта культуры очень древняя и имеет практически всемирное распространение, становится трудно определить, где диффузия, а где самостоятельное изобретение. К этому классу относятся огниво, кремневая щепа, лук и стрелы, доктрина анимизма или вера в души и духов, симпатическая магия. Сама универсальность этих элементов имеет тенденцию стирать материальные свидетельства их истории. Поколение или два назад считалось само собой разумеющимся, что подобные приспособления и верования возникли более или менее спонтанно в человеческом разуме, как только человек преодолел определенное короткое расстояние эволюционного пути, который привел его прочь от животных. В настоящее время мнение антропологов более осторожно относится к подобным предположениям. Возможно, люди, привыкшие пользоваться инструментами, достаточно спонтанно пытаются изготовить их из камня, если не хватает других материалов, а народ, привыкший к метательному оружию, легко изобретает лук, никогда о нем не узнав. Но это далеко не значит, что люди, не имеющие таких привычек, могли бы сделать что-то новое. Как бы ни была умна обезьяна, одаренная ловкостью рук, ей редко придет в голову бросить камень в качестве снаряда и никогда не расколоть его на нож или оружие. Насколько нам известно, нашим предкам, возможно, стоило несметных умственных усилий довести себя до того, чтобы создать первые каменные орудия; настолько, что, возможно, все они обходились без них, пока одна более одаренная или удачливая группа не сделала сложное изобретение,

которому затем подражали остальные. Заманчиво, но фатально легко спроецировать наши привычки мышления на первобытного человека - гораздо легче представить себя на его месте, чем представить его, без привязки к себе, таким, каким он был. Психологи животных научились не антропоморфизировать, то есть не наделять низших животных специфически человеческими процессами мышления. Антропологи научились защищаться от аналогичной ловушки - интерпретировать низшие культуры по нашим собственным стандартам, полагая, что если какая-то вещь кажется нам "естественной", то она должна была казаться естественной и, следовательно, была сделана любым дикарем. Очевидно, что не было такого, чтобы каждое племя или раса сами добывали огонь, рубили кремь, делали луки, занимались анимизмом и магией. Можно предположить, что каждый из этих продуктов культуры восходит к одному источнику в истории человечества. Есть авторитеты, которые придерживаются именно такого мнения: одни - явно, другие - косвенно. Нет необходимости заходить так далеко; на самом деле, лучше этого не делать, потому что ни один из этих вопросов пока не поддается реальному доказательству. Однако представляется целесообразным признать возможность истинности таких взглядов и то, что дрейф накопленных знаний и опытных интерпретаций идет в их направлении.

Простое соображение, которым слишком часто пренебрегают, заключается в том, что диффузия и подражание, бесспорно, имеют место в культуре в огромных масштабах. Независимые разработки, будь то редко или часто, обязательно переплетаются с распространением. Даже одно конкретное устройство может быть частично заимствовано, а частично изменено или доработано оригинальными усилиями. Еще более тесным должно быть сочетание родных и распространенных элементов во всей культуре любого народа. Абстрактная борьба между двумя противоположными принципами бесплодна, когда их проявления, по общему признанию, часты для одного и, по крайней мере, определены для другого. Очевидно, что выгоднее изучить ассоциации и отношения диффузии и конвергенции, условия, в которых они дополняют друг друга. Помимо параллелей, возникающих совершенно независимо друг от друга, существует два варианта их отношения к диффузии. Первоначальный единый рост или волна диффузии могут дифференцироваться на локальные или временные модификации, которые даже после разделения продолжают развиваться по параллельным линиям или вновь конвергируют. Или, с другой стороны, независимые начала в аналогичном направлении могут сливаться в последующую диффузию или ассимилироваться ею.

103. Вторичный параллелизм в индоевропейских языках

Параллельный рост, вторичный по отношению к бывшему единству и дифференциации, иллюстрируется индоевропейскими языками. Все известные древние формы этой речевой семьи - санскрит, авестийский, греческий, латинский, готский - отличались высокой степенью склонения и соединения. Их тенденция была синтетической (§ 51, 57).

Грамматические идеи, такие как голос, время, число, падеж, выражались элементами, прикрепленными к основе слова и неспособными к отдельному существованию. В латинском языке *ama-v-eru-nt* - "ибо они будут любить". Приставка *-v-* имеет силу *have*, *-eru-* - *will*, *-nt* - *they*; но ни одна из этих частей не может быть использована отдельно, как их эквиваленты в английском языке или как во французском *ils auront aimé*. Два последних языка являются аналитическими. Они разбивают идею на части, которые выражают отдельными словами, мало меняющими форму. Они сохраняют только фрагменты спряжений и склонений. В санскрите было восемь падежей существительных, в латыни - шесть; в английском - только два, субъективно-объективный и притяжательный, а во французском - только один, а точнее, вообще нет падежных форм[15].

Это развитие в сторону более аналитической формы прослеживается не только в некоторых неиндоевропейских семьях речи, таких как китайская и малайско-полинезийская (§ 61), но и во всех ветвях индоевропейского языка. Это видно по развитию английского языка из англосаксонского, французского, испанского и итальянского - из латинского, современного - из древнеперсидского, хинди и бенгальского - из санскрита. Правда, некоторые из них, как, например, германские и латинские языки, находились в контакте, и поэтому можно было бы предположить, что они служат друг другу примером, хотя существует мало доказательств того, что языки серьезно влияют на формы друг друга. Но многие индоевропейские идиомы вообще не соприкасались друг с другом на протяжении тысячелетий. Например, германская и индоиранская ветви, должно быть, разделились не менее четырех тысяч лет назад. Соответственно, на протяжении большей части этого периода родственные, но больше не общающиеся языки, в результате чего появились современные английский и бенгальский, если взять только один пример, независимо друг от друга стремились к одной и той же цели - созданию все более и более аналитической структуры. Вполне возможно, что скрытые зародыши этого импульса были заложены в общем индоевропейском родном языке в момент его дифференциации пять или более тысяч лет назад. Но движение его дочерей, несомненно, было поразительно параллельным.

104. Текстильные узоры и процессы

Аналогичную ситуацию представляет собой сходство ромбовидных узоров, вытканых в плетеных корзинах в Северной и Южной Америке, Азии и Ост-Индии, Африке. Это выглядит как параллелизм и является параллелизмом. Но это явно вторичный результат процесса саржевого плетения, поскольку он, в свою очередь, наиболее активно развивается там, где имеются древесные однодольные растения - тростник, бамбук, пальмы - для изготовления твердых, прочных, плоских и податливых щепок. Техника плетения такова, что при использовании материалов двух цветов характерные узоры возникают сами собой, почти по необходимости. Процесс саржевого плетения мог быть изобретен независимо в нескольких регионах, где он применяется, или был придуман только один раз в мировой истории. Это слишком простая и слишком древняя техника, чтобы современные знания могли с уверенностью выбирать между альтернативами. Гораздо более вероятно, что бразильские и восточно-индийские узоры были разработаны на месте, как производные от более фундаментального и, возможно, передаваемого по наследству процесса саржевого плетения.

Судя по распространению техники плетения корзин в Африке и Средиземноморье, в северо-восточной Азии и северо-западной Америке, на южной оконечности Южной Америки, в Малайзии и Австралии, она как будто возникла независимо несколько раз, и это частично подтверждается тем, что различные виды плетения характерны для большинства этих областей. Однако если дальнейшие знания свяжут между собой ныне разрозненные области применения катушек, то придется считать, что это искусство, вероятно, возникло в результате диффузии одного изобретения. В этом случае, однако, особые разновидности, такие как полусферическая намотка на Огненной Земле и Тасмании и одностержневая намотка в Ост-Индии и Калифорнии, останутся примерами вторичного параллелизма, затрагивающего отдельные аспекты или части общего процесса.

Смешение диффузии и параллелизма проявляется и в других текстильных процессах. Основные принципы, воплощенные в простых плетеных корзинах, циновках и лоскутах, вероятно, были завезены в Америку первыми иммигрантами. Ткачество из подвешенных нитей основы и на неполном ткацком станке, возможно, также передавалось путем диффузии или было развито на месте. Однако прядение нитей, полный ткацкий станок и

седельное устройство были, очевидно, разработаны в средней части Америки независимо от их изобретения в Старом Свете, что видно из их отсутствия в районах, соединяющих Северную Америку и Сибирь (§ 187, 188). Но ступальный сарай, следующий шаг в Восточном полушарии, никогда не был изобретен в Западном, так что на этом параллелизм заканчивается.

И снова диффузия и конвергенция входят в историю так называемого резистивного крашения, то есть покрытия частей текстильного рисунка перед погружением в краску. Батик, когда в качестве защитного средства используется воск, является одной из форм резистивного крашения. Другой метод - "связать небольшие пучки ткани шнуром, пропитанным глиной или воском или сплетенным из волокна, не имеющего сродства к краскам, а затем окунуть связанное полотно в горшок". В Старом Свете окрашивание тканей имеет азиатское, возможно, индийское происхождение и вошло в обиход в седьмом веке, а возможно, и раньше. Магометанские завоевания перенесли это искусство, с одной стороны, в Малайзию, с другой - в западную Африку и Испанию, откуда оно было передано индейцам Гватемалы после их покорения испанцами, как двуглавый орел. Перуанцы, однако, уже давно освоили это искусство, о чем свидетельствуют остатки текстиля в могилах доколумбовой эпохи. Таким образом, здесь мы имеем широкое и длительное распространение общего процесса резистивного крашения и локально ограниченный случай независимого параллелизма для одной из его фаз.

105. Первичный параллелизм: зарождение письменности

Первичный параллелизм можно установить довольно часто, но обычно только на основе общего принципа, приложения которого неизменно сохраняют свидетельства своей первоначальной обособленности.

Иллюстрацией может служить история письма, описанная во вступительных абзацах главы об алфавите (§ 130-133). Многие народы вступили на простую стадию пиктографии. Известно, что лишь немногие из них перешли на стадию ребусного или переходного письма - смешанных пиктограмм или идеограмм и фонограмм. Из них, безусловно, двое, а возможно, и четверо, пятеро или шестеро разработали свои собственные системы ребусов: египтяне, шумеры, китайцы, хетты, критяне и майя на четырех континентах. Но на этом параллели заканчиваются. Содержание систем, сами знаки и их звуковые значения, совершенно различны. Сходство касается только принципа прочтения картинок или символов по их безкартинным омонимам. Конкретное применение этого метода не имеет ничего общего в нескольких параллельных случаях. Наконец, полноценное фонетическое письмо было изобретено лишь однажды, все алфавиты, какими бы разнообразными они ни были, являются историческими потомками первобытного семитского алфавита, который послужил единственным источником огромного распространения (§ 134-149).

Следует, однако, отметить, что первая, или пиктографическая, стадия письма отнюдь не является чем-то инстинктивно присущим всем людям. Есть народы, как, например, некоторые индейцы Бразилии и Калифорнии, лишенные способности или привычки, в зависимости от того, как это можно назвать, выражать себя в линейных изображениях. Они не рисуют грубых контуров, чтобы изобразить предметы. Когда их просят сделать это, они заявляют о своей неспособности, хотя и подают пример, или делают жалкие грубые попытки. Их неудача или отказ не доказывают отсутствия способностей, поскольку дети тех же рас, когда их отдают в школу, рисуют фигуры с интересом и часто с успехом. Отношение взрослых

скорее похоже на то, как если бы человека, который никогда не слышал даже обрывка музыки или не видел инструмента, привели на концерт и попросили сочинить простую песенку. Эта задача показалась бы ему непосильной. Не существует народов без песен, но есть народы без картинок. Следовательно, написание картин не является спонтанным продуктом, который мы, как дети, воспитанные в окружении картинок, могли бы себе представить. Если бы пиктография была обусловлена первичным параллелизмом, спонтанным излиянием человеческого разума, ее отсутствие не нуждалось бы в объяснении. Если же, напротив, она является результатом единого диффузного развития, то она должна иметь древность более пятнадцати тысяч лет, о чем свидетельствуют рисунки древнекаменного века, и отсутствие влияния на некоторые народы также нуждается в объяснении.

Другой случай параллелизма - повторяющаяся тенденция писать по слогам, а не по алфавиту. Склонность индусов к этому направлению рассматривается ниже (§ 146). То, что фонетические символы систем ребусов должны быть в основном слоговыми, неудивительно, ведь они представляют собой изображения вещей, названных целыми словами. Но индуистская письменность произошла от семитского буквенного алфавита, и ее слоговая природа, таким образом, представляет собой реверсию. Японцы, добавив к китайским идеограммам 47 чисто фонетических знаков для выражения грамматических элементов, имен собственных и т. п. в своей речи, обозначили каждый знак слогом. На треть большее количество согласных и гласных знаков отвечало бы той же цели. Когда Секвойя из племени чероки разработал алфавит для своего народа, чтобы уравнивать его с белыми, он включил в него формы некоторых английских букв, но значения всех его знаков были слоговыми. То же самое можно сказать и о западноафриканской письменности вей, изобретенной в XIX веке одним из местных жителей. Он получил достаточное образование в миссии, чтобы его стимулировала идея письма, но "инстинктивно" вернулся к слоговым знакам, хотя это потребовало двухсот различных знаков.

Очевидная психологическая причина единообразия этих усилий: мы изображаем слова, фактически производим их, в слогах, а не в звуках. Любой человек в медленной речи склонен к слогообразованию, в то время как немногих полностью неграмотных людей можно заставить без терпеливой тренировки произносить отдельные согласные и гласные в слове, даже с целью обучения иностранца.

Таким образом, этот случай параллелизма опирается на психологический факт апперцепции. Но именно "случайности" культуры, а не врожденная психология, определили конкретные символы и их значения, выбранные индусами, японцами, чероки и веями, в результате чего в этих символах нет никакого специфического сходства.

106. Отсчет времени

Еще один случай первичного параллелизма дает майя-ацтекская система обозначения времени, соединяющая две серии символов в перекрывающуюся систему перестановок, как описано ниже (§ 197). Это как если бы мы обозначали последовательные дни года 1 января, 2 февраля, 3 марта и так далее, пока, дойдя до 12 декабря, не перешли к 13 января, 14 февраля и так по кругу до 31 июля, когда следующие дни будут 1 августа и 2 сентября вместо 1 и 2 февраля. Какой бы громоздкой и странной ни казалась эта система, точная параллель ей в принципе была придумана эллинскими философами, когда они соединили двадцать четыре часа дня с семью планетами в 168-часовой цикл, который дал порядок и названия дням недели (§ 124). Третий случай произошел в Китае, где десять "небесных стеблей" и двенадцать "земных ветвей" были перепутаны, чтобы сформировать шестидесятилетний

хронологический цикл.[16] Все три этих устройства основаны на одном и том же математическом принципе и служат одной и той же цели отсчета времени. Но их содержание и результат различны. Греки объединяли 24 с 7, китайцы - 12 с 10, майя - 13 с 20 и 260 с 365; при этом рассматриваемые периоды варьировались от часов до лет.

Эти случаи первичного параллелизма позволяют сделать вывод о существовании неких врожденных тенденций человеческого разума в определенных направлениях, таких как работа с ребусами, слоговое письмо, подсчет по наименьшим общим кратным. Казалось бы, вот он, подход для однозначной психологической интерпретации истории цивилизации. Однако результаты такого метода атаки не стоит переоценивать. Общая манера культуры в этих нескольких случаях действительно достаточно единообразна, чтобы можно было сделать вывод, что она проистекает из единого импульса или направления ума. Но все конкретное, специфическое содержание этих культурных проявлений столь же разнообразно, сколь различно их историческое происхождение; это означает, что психология может объяснить то, что является психологическим в этих случаях, но что остается более широкая культурная составляющая, перед которой общие принципы психологии неэффективны в качестве объяснений. Как и в случае с влиянием физической среды, можно сказать, что психологические факторы обеспечивают ограничивающие условия культурных явлений.

107. Масштаб и высота труб Пана

Поразительный параллелизм был продемонстрирован между трубами Пана Соломоновых островов в Меланезии и трубами северо-западных бразильских индейцев. Нечетные трубы отличаются друг от друга на интервал в четверть. Четные трубы дают ноты, находящиеся на полпути между соседними нечетными, и таким образом образуют еще один "круг четвертей". Но на этом сходство не заканчивается. Абсолютная высота тона исследованных инструментов из Меланезии и Бразилии одинакова. Так, частоты колебаний в последовательных трубах составляют 557 и 560,5; 651 и 651; 759 и 749; 880 и 879! Это настолько близкое совпадение, что на первый взгляд кажется выходящим за рамки случайного совпадения. На самом деле эти данные были предложены и в некоторых кругах приняты как доказательство исторической связи между западной частью Тихого океана и Южной Америкой. Однако эта связь должна была быть древней, поскольку о ней не сохранилось никаких воспоминаний и она не подтверждается сходством расы, речи и культуры. Орудия труда скоропортящиеся. Примитивные люди, работающие по принципу правила большого пальца, не смогли бы создать инструмент с заданным абсолютным тоном, разве что сопоставив его с другим, да и то не факт. Более того, неизвестно, чтобы абсолютная высота тона имела для них хоть какое-то значение. Поэтому невероятно, чтобы это соответствие основывалось на каком-либо древнем распространении: где-то должна быть ошибка в записях, или одна случайность из миллиона произошла в конкретных исследованных инструментах.

Идентичность шкалы или интервалов, однако, сохраняется, и это может быть истинным случаем параллелизма. Только, как обычно, все сводится к довольно простому вопросу. Круги четвертей, очевидно, возникли в результате практики передувания труб в обоих регионах. При этом образуются обертоны, второй из которых, "третий частичный тон", на пятую долю выше октавы основного, так что последовательные ноты в четной или нечетной серии труб, при запрете октавы, будут отличаться на четверти. Таким образом, в основе сходства лежит физический закон звука. Культурное сходство сводится к фактам последовательного расположения труб, использованию перегруженных тонов и чередованию четных и нечетных серий. Даже эти сходства поразительны и более конкретны,

чем многие приведенные случаи параллелизма. На самом деле, если бы они были подкреплены достаточным количеством сходств в других аспектах культуры, они могли бы далеко заставить поверить в реальные связи между Меланезией и Бразилией.

108. Бронза

Ярким примером независимого развития является история бронзы. Бронза - это медь, сплавленная с пятью-двадцатью процентами олова. Металлы образуют соединение, свойства которого отличаются от свойств двух составляющих. Олово - мягкий металл, но бронза тверже меди и поэтому лучше подходит для инструментов. Кроме того, она плавится при более низкой температуре и расширяется при застывании из расплавленного состояния, а значит, является лучшим материалом для литья.

В восточном полушарии бронза была обнаружена рано и широко использовалась. В течение почти двух тысяч лет она была передовым металлом у более развитых народов. Бронзовый век, начавшийся около 4 000 лет до н. э., более или менее одновременно с появлением первой фонетической письменности, признан одним из великих подразделений культурного времени (§ 66, 225).

В Западном полушарии бронза, очевидно, была изобретена позже, чем в Восточном, и распространилась менее широко. Она была обнаружена на Боливийском нагорье, богатом оловом (§ 196), или вблизи него. Оттуда его использование распространилось на Перуанское нагорье, затем на побережье, потом на север, примерно до Эквадора, и, наконец, возможно, через морские контакты, в Мексику, где местные месторождения олова, вероятно, использовались после того, как была осознана их ценность.

Теоретически можно задаться вопросом, не могли ли знания о бронзе попасть в Анды из восточного полушария в результате какой-то забытой ныне миграции или передачи культуры. Против такого предположения говорит, прежде всего, изолированность и ограниченность распространения южноамериканского бронзового искусства. От металлообрабатывающих народов Азии до средних Анд десять тысяч километров по суше. Народ или культурная волна, преодолевшая такое расстояние, не могла не оставить следов своего движения по дороге. Утилитарное превосходство бронзы над каменными орудиями настолько велико, что ни один народ, однажды научившийся этому искусству, вряд ли отказался бы от него. Даже если отдельные племена и отступили назад, невозможно представить, что все народы между Китаем и Перу могли так решительно откатиться назад. Конечно, такие народы, как майя и чибча, искусные металлурги, никогда бы не отказались от производства бронзы.

Можно было бы сослаться на теорию о китайской джонке, сбившейся с курса и выброшенной на южноамериканский берег. Но изначальная южноамериканская культура бронзы занимает внутренние горные районы. Кроме того, хотя азиатские корабли неоднократно терпели крушения на тихоокеанском побережье Северной Америки и, вероятно, иногда и на южноамериканском, есть все основания полагать, что цивилизационные последствия таких катастроф были практически нулевыми. Самые высокие культуры Мексики и Южной Америки развивались во внутренних горных долинах или на плоскогорьях. Ни одно из великих достижений американской расы - архитектура, скульптура, математика, металлургия - не свидетельствует о конкретной локализации на берегу Тихого океана.

Кроме того, трудно понять, как прибытие горстки беспомощных чужаков могло положить начало длительному росту культуры. Нам легко, глядя сквозь историческую даль,

представить себе одиноких индейцев, стоящих на берегу и приветствующих пришельцев с запада, а затем послушно идущих в школу, чтобы изучать их превосходные достижения. На самом деле, однако, люди обычно не чувствуют и не действуют подобным образом. Народы инстинктивно проникнуты чувством превосходства. Они смотрят на иностранца свысока. Даже если они признают его мастерство в том или ином деле, они скорее завидуют, чем восхищаются им. Так, существуют исторические свидетельства о крушениях восточных и европейских судов на тихоокеанском побережье Северной Америки в течение последних полутора веков среди племен, которые все еще были почти полностью аборигенами. Ни в одном случае туземцы не предпринимали попыток перенять более высокую культуру чужаков. Как правило, их обращали в рабство или убивали, их имущество разграбляли, иногда поджигали затонувшие корабли. Жадность к немедленному получению сокровищ оказалась сильнее любых смутных побуждений к самосовершенствованию путем обучения.

Как выразился один консервативный автор, случайные визиты азиатов или жителей тихоокеанских островов к берегам Америки были бы, с точки зрения роста огромной массы культуры на этом континенте, "простыми происшествиями". Из обзора, приведенного ниже, в главе XIII, ясно, что главные детерминанты накопления американской культуры, после первого примитивного начала, были внутренними; и этот случай кажется столь же очевидным для металлообработки, как и для любой другой фазы.

109. Ноль

Одной из вех цивилизации является символ числа - ноль. Он делает возможным однозначное обозначение чисел любого размера с небольшим запасом цифр. Именно благодаря нулю символ 1 может иметь различные значения: один, десять, сто или тысяча. В нашей арифметической системе счисления и сам символ, и его позиция имеют значение: 1,234 и 4,321 имеют разные значения, хотя содержат одинаковые символы. Такая система невозможна без знака, обозначающего небытие: 123 и 1 023 были бы неотличимы друг от друга. Наш ноль, как и остальные девять цифр, похоже, был изобретен индусами примерно двенадцать или пятнадцать сотен лет назад. Мы называем эту систему счисления "арабской", потому что она была передана арабами из Индии в Европу.

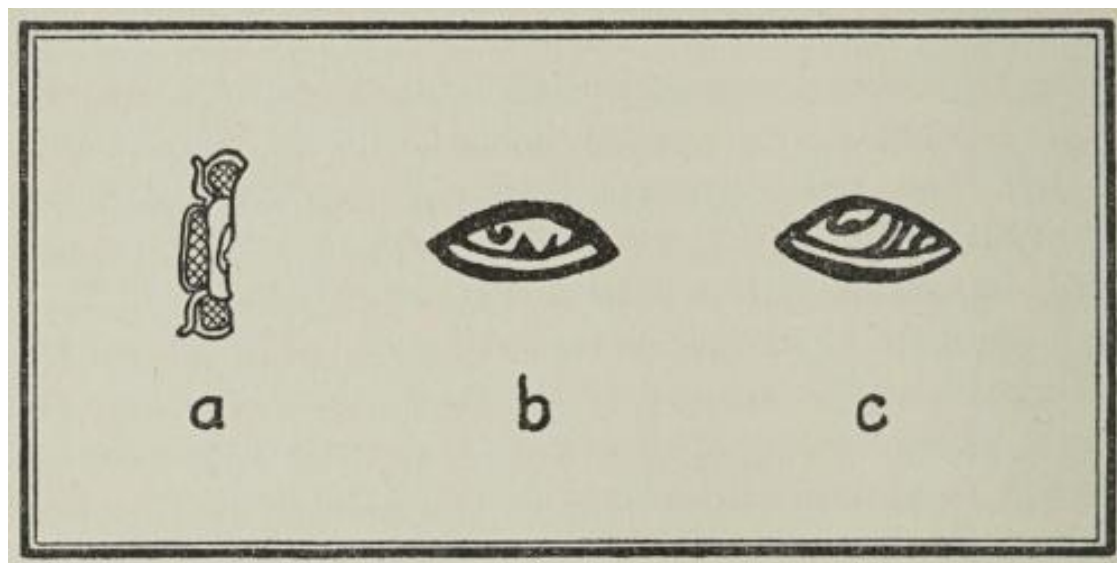


Рис. 28. Символы майя для обозначения нуля: *a* - монументальные; *b*, *c* - скорописные. (Из Боудича.)

Без знака нуля и позиционных значений для представления более высоких числовых величин открыты два способа. Для больших значений можно добавлять все больше и больше знаков. Так поступали греки и римляне. MV означает 1,005, и только это. Это достаточно просто; но 1 888 требует такого громоздкого обозначения, как MDCCCLXXXVIII - тринадцать цифр шести различных видов. Простая система умножения чисел, выраженная подобным образом, невозможна. Громоздкость объясняется тем, что римляне, не придумав способа обозначения небытия, использовали отдельные знаки I, X, C, M для тех величин, которые мы обозначаем одним символом 1 с добавлением от нуля до трех нулей.

Другого метода придерживаются китайцы. Помимо знаков, соответствующих нашим цифрам от 1 до 9, они разработали символы, соответствующие "десять раз", "сто раз" и так далее. Это было похоже на то, как если бы мы использовали звездочку, *, для обозначения десятков, кинжал, †, для сотен, абзац, ¶, для тысяч. Тогда мы могли бы обозначить 1 888 цифрами 1 ¶ 8 † 8 *, а 1 005 - 1 ¶ 5, без риска быть неправильно понятыми. Но для записи чисел в большинстве случаев потребуется больше цифр, а математические операции будут более неудобными.

Единственным народом, кроме индусов, который придумал знак нуля и представление значений чисел с помощью расположения основных символов, были майя Юкатана. Некоторые формы их нуля показаны [на рисунке 28](#). Это развитие майя представляет собой несомненную параллель с индуистским. В том, что касается задействованного логического принципа, эти два изобретения идентичны. Но конкретные выражения этого принципа опять же несхожи. Ноль майи ни в малейшей степени не имеет формы нашего или индуистского нуля. Кроме того, нотация майя была вигезимальной, в то время как наша - десятичной. Они работали с двадцатью фундаментальными цифрами вместо десяти. Поэтому их "100" означало 400, а "1 000" - 8 000.^[17] Соответственно, когда они писали соответствующими цифрами 1 234, получалось не 1 234, а 8 864. Очевидно, что не может быть и речи об общем происхождении такой системы и нашей. У них общая идея или метод, не более того. Собственно говоря, этим двум системам счисления, как и всем другим, предшествовало числовое счисление слов. Наша десятичная система счисления основана на операциях с пальцами, а майя - на операциях с пальцами рук и ног. Двадцать стало их первой высшей единицей, потому что двадцатью заканчивался человек.

Интересно, что из двух изобретений нуля майя изобрели его раньше. Арифметическая и календарная система, частью которой он являлся, была разработана и использовалась ко времени рождения Христа. Она может быть и более древней, но для ее развития, безусловно, потребовалось время. Индусы, возможно, обладали прототипами наших цифр уже во втором веке после Рождества Христова, но еще без нуля, который был добавлен в шестом, а по мнению некоторых авторитетов, не ранее девятого века. Этот приоритет майя должен ослабить аргументы, которые иногда выдвигаются в пользу того, что древние американцы заимствовали свою религию, зодиак, искусство или письменность из Азии. Если ноль был их собственным продуктом, то почему бы и остальной части их прогресса не быть? единственным выходом для наивного мигранта было бы перевернуть все с ног на голову и объяснить египетскую и вавилонскую цивилизации как результат вторжения майя с Юкатана.

110. Экзогамические институты

Во многих частях света народы живут в соответствии с институтами, согласно которым они разделены на наследственные социальные единицы, экзогамные по отношению друг к другу. То есть все люди, родившиеся в одной единице, должны иметь супругов, родившихся в

другой единице, а члены своей единицы считаются родственниками. Подразделения обычно называются кланами, гентами или сибсами, а если их всего два, то обществами. Во многих случаях сибсы или общества являются тотемическими; они названы в честь животного, растения или другого отличительного объекта, который служит эмблемой или символом группы, или каким-то образом ассоциируются с ним. Часто эта ассоциация находит выражение в магии или мифе. Поскольку при этой системе человек рождается в своей социальной ячейке, не может ее изменить и может принадлежать только к одной, из этого следует, что происхождение является односторонним. Невозможно, чтобы человек принадлежал и к отцовскому, и к материнскому сибу или тотему; обычай везде устанавливает жесткий выбор между ними. Некоторые племена ведут свой род от матери или по матрилинейному признаку, другие - по патрилинейному[18].

Институты этого типа имеют широкое и нерегулярное распространение. Они часто встречаются в Австралии, Новой Гвинее и Меланезии; распространены в некоторых районах Ост-Индии и юго-восточной Азии; довольно редки или мало распространены в остальной части Азии и Полинезии; довольно распространены в Африке, хотя и встречаются в разрозненных районах; характерны для значительной части Северной Америки, но ограничены несколькими районами Южной Америки. По грубым прикидкам, можно сказать, что примерно столько же диких народов во всем мире обладают тотемически-экзогамными кланами или обществами, сколько и не имеют их. Разрозненность экзогамных институтов на карте не позволяет утверждать, что все они являются результатом волны передачи культуры из одного источника. Если бы такая диффузия имела место, она должна была бы оставить свои следы среди многочисленных промежуточных племен, которые не имеют сибсов. Кроме того, как в восточном, так и в западном полушарии самые примитивные и отсталые племена с достаточной регулярностью являются безсибсовыми и нетотемическими. Поэтому если гипотетическое тотемно-сибсовое движение опоясало планету, оно не могло быть чрезвычайно древним, иначе оно затронуло бы и примитивные племена; а поскольку в некоторых районах Средиземноморья записи ведутся уже пять тысяч лет, движение, если оно было относительно поздним, должно было оставить какой-то отзвук в истории, чего не произошло.

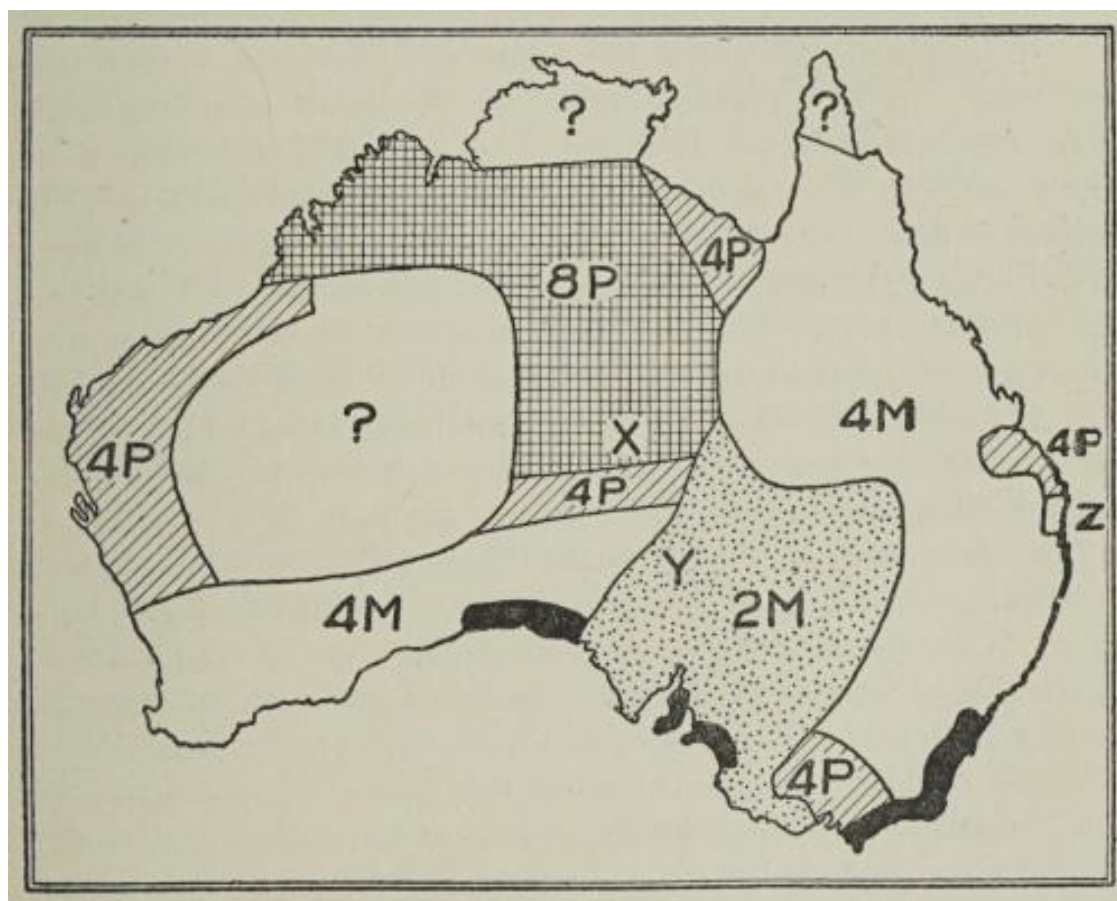


Рис. 29. Распределение типов экзогамических институтов в Австралии: 2М - два класса, матрилинейные; 4М - четыре класса, матрилинейные; 4Р - четыре класса, патрилинейные; 8Р - восемь классов, патрилинейные; черные области - нет классов, патрилинейные экзогамические тотемы; Х - тотемы, независимые от классов; Y - тотемы замещают подклассы; Z - нет организации; ? - необитаемые или неизвестные. (По Томасу и Грэбнеру).

Поэтому вполне вероятно, что тотемно-сибсовы институты не возникли из одного источника, а развивались независимо друг от друга несколько раз. Тогда возникает вопрос: как часто и где?

Доказательства в пользу Америки были рассмотрены в другой связи (§ 185). Их можно свести к утверждению, что по крайней мере две из трех сибсовых областей[19] Северной Америки и, вероятно, две основные области Южной Америки, по-видимому, возникли в результате роста одной культуры, которая, возможно, в свое время была сосредоточена в среднем секторе двойного континента, хотя впоследствии была вытеснена. Это движение могло иметь сначала патрилинейную, а затем матрилинейную фазу, хотя и без большого промежутка времени. Третья североамериканская область, возможно, получила свои патрилинейные институты сибсов из того же источника, но, вероятно, развила свои матрилинейные институты на местном уровне в качестве последующего роста. Если это так, то это был бы случай конвергенции на одном континенте - довольно редкое явление.

В случае Австралии, Новой Гвинии и Меланезии географическая близость настолько близка, что позволяет предположить единое происхождение для всего региона. Патрилинейное и матрилинейное происхождение встречается как в Австралии, так и в Меланезии. Этот факт интерпретируется как результат более ранней патрилинейной и более поздней матрилинейной фазы диффузии. Интересно, что этот вывод параллелен предварительному

выводу, к которому независимо пришли для Америки, хотя в обоих полушариях положительному вердикту должны предшествовать дальнейший анализ и изучение распределения.

В главном регионе других сибсов, Африке, так преобладает патрилинейный строй, что немногие случаи матрилинейности едва ли можно рассматривать как нечто иное, как вторичные локальные модификации. Что касается того, можно ли генетически связать тотемизм и экзогамию Африки с тотемизмом и экзогамией Австралии и Меланезии, то решить это трудно. Более консервативной позицией было бы считать их отдельными образованиями, хотя между западной Африкой и областью, простирающейся от Индо-Китая до Меланезии, было отмечено столько культурных сходств, что вызвало подозрения в наличии фактической связи (§ 270). Однако даже если бы эти признаки подтвердились, что привело бы к объединению большинства или всех сибсов Старого Света в единое цивилизационное движение, его отличие от параллельного развития Нового Света сохранилось бы.

Важно, что на трех последовательных континентах - в Америке, Океании и Африке - патрилинейная и матрилинейная фазы сибского типа общества существуют бок о бок, и такая же двойственность наблюдается даже в каждой из отдельных областей Америки. То есть северо-западный район Америки включает как матрилинейные, так и патрилинейные племена, юго-западный - и те, и другие, и так далее.

Аналогичная тенденция к географическому объединению обнаруживается и в других фазах социальной структуры: клан и моетика, а также тотемизм и экзогамия.

Клановая или множественная форма организации сибсов логически отличается от муити или дуальной формы. При множественной системе человек, принадлежащий к клану А, может по своему желанию жениться на представительницах кланов В, С, D, E, F. Три из четырех его бабушек и дедушек обычно принадлежат к другим кланам, чем его собственный, но к какому именно, зависит от каждого конкретного случая. В патрилинейном обществе у одного члена клана А дяди по материнской линии будут из клана В; у другого - из клана С; у третьего, возможно, из клана F; в зависимости от того, каких жен выбрали их отцы.

Однако при дуальной системе член рода А может с таким же успехом считать, что жена из рода В ему предписана или предопределена, как и то, что ему запрещено иметь жену из рода А. Двое из его дедушек и бабушек, скажем, отец его отца и мать его матери, неизбежно принадлежат к его собственному обществу, а двое других - к противоположному. Все возможные родственники - дядя по материнской линии, двоюродный брат, тесть, шурин жены, сын дочери - имеют предначертанную принадлежность к своей семье. В случае отцовского происхождения, например, каждый знает, что его будущая теща должна быть из его же рода. Очевидно, что влияние этой двойной системы на отношения между родственниками, на социальные обычаи, на отношение человека к другим людям, как правило, должно сильно отличаться от влияния множественной клановой системы. С теоретической точки зрения может показаться, что дуальная и множественная схемы не имеют ничего общего друг с другом, что они возникли из разных психологических импульсов.

Однако такое убеждение было бы необоснованным, о чем красноречиво свидетельствуют факты распределения. В каждом районе распространения множественных сибсов в любой момент времени встречаются и общества, и наоборот. Например, в калифорнийско-юго-западном регионе такие племена, как мивок, делятся только на общества, мохаве и хопи - только на кланы, тева и кауилья - на общества, подразделяющиеся на кланы. Таким образом,

на востоке, равнинах и северо-западе Северной Америки племена кланов и племена моети живут бок о бок; как только эти регионы остаются позади, появляются обширные районы - большая часть Мексики, Техас, Великий бассейн и плато, северная Канада и арктическое побережье, - жители которых обходятся без кланов и моети. В Меланезии и Австралии (рис. 29) оба типа организации существуют бок о бок, в то время как большая часть Полинезии, Азии и Европы лишена обоих. Только в Африке наблюдается некоторое развитие множественных клановых институтов, но нет обществ. Короче говоря, как только речь заходит о территориях определенного размера, они оказываются в основном двух видов. Либо они содержат и клановые племена, и племена-мутации, либо не содержат ни того, ни другого. То есть институт клана и институт племени коррелируют или ассоциируются в географии, как коррелируют патрилинейное и матрилинейное происхождение, что указывает на общность их происхождения.

Аналогичная связь существует между экзогамическими единицами, будь то общества или кланы, и тотемизмом. Первые представляют собой схему общества, способ организации, вторые - систему символики. Сибсы - это социальные факты, тотемы - именование с магико-религиозными последствиями. Нет никаких позитивных причин, по которым они должны быть связаны. Они не всегда ассоциируются. Существуют американские племена, такие как навахо и грос венстре, которые живут в рамках односторонних и экзогамических институтов без тотемов. Группы различаются по названиям или прозвищам. В Австралии арунта имеют односторонние экзогамические группы, а также тотемы, но они разобщены; человек принимает свою группу по происхождению, свой тотем полностью независимо от этого в соответствии с местом рождения или зачатия. В Африке существует не менее шести племен или серий племен, в которых экзогамия и тотемизм таким образом разобщены; человек получает свой тотем от отца, свою экзогамическую единицу - от матери, так что эти два понятия обычно не совпадают у родителей и детей. Экзогамия и тотемизм, таким образом, теоретически являются отдельными факторами.

И все же, поскольку они различны, примечательно, что, вероятно, в семи или восьми десятых случаев они совпадают и что на каждом из континентов или областей, содержащих их, они оказываются связанными. Если бы экзогамия и тотемизм произрастали из отдельных корней, можно было бы ожидать, что где-нибудь найдется хотя бы одна значительная область, в которой одна из них появится без другой. Но такой области нет. Везде, где среди больших групп народов появляется социальная экзогамия, возникает и социальный тотемизм, и наоборот.

Отсюда следует вывод, что экзогамия и тотемизм, матрилинейность и патрилинейность, множественные и двойные сибсы - все они проявляют сильную тенденцию к ассоциации друг с другом. Другими словами, их корреляция положительна и сильна. Даже там, где они кажутся взаимоисключающими по своей природе, например матрилинейное и патрилинейное почитание, бессознательной человеческой изобретательностью были найдены способы заставить их сосуществовать среди одного народа, как, когда одно почитание связано с экзогамией, а другое - с тотемизмом; и еще чаще они встречаются среди соседних племен.

111. Параллели и психология

Подобные ассоциации достаточно часто встречаются в истории цивилизации. Некоторые из них рассматриваются в других разделах этого тома под названием ассоциаций или комплексов культурных черт (§ 97, 149). Но обычно такой комплекс или связь состоит из элементов культуры, которые не имеют необходимой связи: Например, христианство и

брюки. Сначала они случайно оказываются вместе; ассоциация связывает их друг с другом; как только кластер устанавливается в результате использования, его согласованность имеет тенденцию сохраняться. Но в целом в этой связности есть что-то произвольное. Нет никаких внутренних причин, по которым сто американских племен, выращивающих кукурузу, должны выращивать также бобы и кабачки и ничего другого; но они ограничивают себя этими тремя видами. Отличительной чертой сиб-комплекса является то, что он обладает почти разумным качеством. Его элементы, какими бы отдельными или даже противоположными логически они ни были, имеют определенную психологическую близость друг к другу. Кроме того, произвольный комплекс кукуруза-бобы-кваша и другие комплексы, как правило, не дублируются. Но сложный и психологически обоснованный комплекс тотемизма-экзогамии-родословной выглядит так, как будто он мог быть утроен или утроен вчетверо. Этот параллелизм, если факты подтвердят его, будет параллелизмом, вознесенным на более высокую ступень, чем все, что еще рассматривалось. До сих пор речь шла о параллелизме отдельных признаков культуры. В данном случае речь идет о параллелизме комплекса культурных признаков. Такая комплексная конвергенция может свидетельствовать о чем-то свойственном или присущем человеческому разуму, что побуждает его, как только он начинает развитие одного из факторов комплекса, следовать за ним с производством других факторов[20].

Аналогичными примерами могут служить тенденция сельского хозяйства сменяться городской жизнью, если это можно продемонстрировать, хотя это представляется сомнительным; оседлая жизнь сопровождается легендами о миграции; религии с личными основателями становятся пропагандистскими и международными, но со временем угасают среди народов, в которых они были заложены.

В отношении всех подобных случаев можно сказать, что, во-первых, необходим исчерпывающий анализ, чтобы установить, подтверждается ли кажущаяся связь или корреляция фактами. Во-вторых, необходимо исключить возможность диффузии. Если меланезийская и африканская тотемная экзогамия являются продуктом развития одной культуры, их нельзя рассматривать как два примера одной и той же ассоциации. Если в конечном итоге окажется, что оба они связаны с американской системой волной миграции или культурным контактом, как, собственно, и утверждается в двух отдельных гипотезах, выдвинутых недавно, параллелизм, конечно, полностью опровергается. Но такие взгляды пока не доказаны и кажутся крайностями; и если после продолжения поиска доказательств две или более таких ассоциаций или сложных параллелей, как экзогамико-тотемическая схема общества, встанут как независимые образования, то очевидно, что они будут чем-то в природе культурных проявлений психологических сил. Короче говоря, мы должны начать постигать специфические психологические детерминанты явлений или событий цивилизации. Но пока такое причинное объяснение данных антропологии механизмом психологии не достигнуто.

112. Ограничения принципа

Из доказательств, рассмотренных в этой и предыдущей главах, подтверждается вывод, к которому давно пришли социальные философы, что подражание - это нормальный процесс, которым живут люди, а изобретение - редкость, против которой общества и отдельные люди выступают с большим сопротивлением, чем они когда-либо осознавали, и которая, вероятно, возникает только в результате давления особых обстоятельств, хотя они пока мало изучены. Мало того, что на каждый случай параллелизма исторически можно отследить сотню случаев диффузии, так еще и последняя регулярно ограничивается в масштабах. Что-то заставляет нас видеть явления более параллельными, чем они есть на самом деле. Они

просто возникают из одного и того же импульса, они заложены в свойствах объектов или природы, они имеют сходство только в одной точке и различаются во всех остальных точках. И все же каким-то таинственным образом они производят на нас впечатление почти идентичных. В истории цивилизации было не больше двух похожих культур или двух отдельно развитых идентичных черт культуры, чем в эволюции органической жизни, когда-либо дублировавшей вид путем конвергентной модификации двух различных форм. Кит может выглядеть как рыба, но он - млекопитающее. Индусский и майяский ноль логически одинаковы; на самом деле у них нет ничего общего, кроме их абстрактного значения: их формы, их место в их системах различны. Поэтому наиболее частым процессом истории культуры является традиция или диффузия во времени и пространстве, примерно соответствующая наследственной передаче в области органической жизни. Изобретения можно рассматривать как подобие органических мутаций, тех "спонтанных" вариаций, которые время от времени возникают и закрепляются. Конкретные причины как изобретений, так и мутаций остаются практически неизвестными. Время от времени мутант или изобретение движется в том же направлении, что и другое, ранее возникшее. Но, поскольку они происходят из разных предшественников, такие совпадения никогда не достигают идентичности. Они остаются на уровне аналогичного сходства. Существенная идентичность, совпадение в частностях, неизменно является признаком общего происхождения, как в культурной, так и в органической истории.

ГЛАВА X АРКА И НЕДЕЛЯ

113. Строительство домов и архитектура.-114. Проблема пролетов.-115. Колонна и балка.-116. Колончатая арка.-117. Истинная арка.-118. Вавилонское и этрусское начало.-119. Римская арка и купол.-120. Средневековые соборы.-121. Арабы: Индия: современная архитектура.-122. Неделя: священные числа.-123. Вавилонское открытие планет.-124. Греческий и египетский вклад: астрологическая комбинация.-125. Названия дней и субботы.-126. Неделя в христианстве, исламе и восточной Азии.-127. Краткие сведения о распространении.-128. Месяц-третий и рыночная неделя.-129. Високосные дни как параллели.

В качестве примера принципов, рассмотренных в двух последних главах, следующие две главы посвящены более детальному рассмотрению нескольких типичных разветвленных образований, история которых известна с удовлетворительной полнотой. Это арка, неделя и алфавит.

113. Строительство домов и архитектура

История человеческого строительства производит первое впечатление бесконечного клубка. Каждый народ строит те или иные жилища, и какими бы грубыми они ни были, в них заложены структурные принципы. Очевидно также, что география и климат должны оказывать по крайней мере разграничивающее влияние. Эскимосы Арктики не могут строить дома из дерева; обитатели кораллового рифа в Тихом океане не могут, как бы им этого ни хотелось, выработать свой стиль в кирпиче. В сооружениях, не используемых в качестве жилья, их назначение обязательно влияет на их форму. Храм, скорее всего, будет построен

по иному плану, чем здание суда. Сами храмы могут различаться в зависимости от мотивов и ритуалов религий, которым они служат.

Недоумение начинает ослабевать, как только человек перестает пытаться рассматривать все здания, возведенные руками человека. Очевидно, что жилище, возведенное небольшой семейной группой с утилитарной целью предоставления крова, скорее всего, будет в большей степени подвержено немедленной адаптации к климату, чем большое общественное строение, служащее какой-либо цели, например, служению божеству. Если еще больше ограничить рассмотрение религиозными или общественными зданиями, созданными с расчетом на постоянство, то можно исключить еще один класс причин, обуславливающих изменчивость. Сооружение, предназначенное в качестве вечного памятника, возводится с учетом того впечатления, которое оно произведет на умы будущих поколений. На первый план выходят его эмоциональные возможности, будь то вызванные размером, эстетской природой дизайна или их сочетанием. Такие постоянные здания, выполненные из камня или кирпича, исключают технику, которая процветает в дереве или других временных материалах. Наконец, монументальное сооружение возможно только в руках общины определенного размера. Нестабильная группа кочевников, малочисленное сельскохозяйственное население не могут собраться в достаточном количестве даже на несколько периодов в году, чтобы выполнять необходимые длительные работы. Скопление людей в одном месте всегда сопровождается специализацией в развитии искусств. Следовательно, сам факт монументальности сооружения подразумевает вероятность того, что его строители способны подняться над ограничениями простой необходимости и могут в какой-то степени воплотить в жизнь плоды своего воображения.

114. Проблема пролетов

Если теперь обратить внимание на крупные здания, более массивные и постоянные, то станет ясно, что одна из главных проблем, с которой приходилось сталкиваться всем их строителям, - это перекрытие больших пространств и широких проемов в стенах. Пирамида может быть насыпана, или стена возведена на большую высоту, но при этом не возникает никаких трудностей, кроме количественных. Пирамида высотой в четыреста футов в принципе не отличается от пирамиды высотой по пояс, которую может сложить ребенок. Проблемы, с которыми она сталкивается, в основном экономические и политические - обеспечение и контроль над необходимыми толпами рабочих. Архитектура как таковая отходит на второй план, а инженерные проблемы сводятся в основном к транспортировке и подъему больших каменных блоков. То же самое можно сказать и о стенах. Инки, например, возводили кладки поразительной массивности и точности, никогда не пытаясь всерьез решать архитектурные задачи.

Однако если планируется, что строение займет большое пространство, оно становится архитектурно амбициозным. Крышу большого жилища можно легко сделать из жердей и соломы силами тех, кого может собрать семья. Но для того чтобы выложить из камня свободное пространство определенного размера, требуется нечто большее, чем количество рабочих. Кроме того, эта работа дает определенное чувство достижения, которое сильно в той мере, в какой велика площадь потолка. Трудности уменьшаются, когда масса конструкции велика, а свободное пространство мало, но и эффект удовлетворения соответственно снижается. Свод, стены которого толще, чем его внутреннее пространство, производит как главное впечатление эффект массивности. Чувствуется прочность конструкции, количество труда, затраченного на ее создание, но не остается ощущения, что трудность была создана и преодолена самостоятельно. Поэтому рано или поздно, после того как люди стали массово предлагать себя для совместных предприятий, авантюрные умы

должны были загореться желанием взяться за решение проблем эстетического строительства и оставить после себя памятники их триумфального решения. История этих добровольных и творческих начинаний и есть история монументального искусства.

В решении проблемы перекрытия больших свободных пространств использовались два основных метода. Первый - это метод колонны и перемычки, второй - арки или свода. Колонна и перемычка принципиально не отличаются от идеи стены с накладными балками крыши. Элементами обеих являются вертикальная опора и горизонтальная балка. В арке, однако, от этой простой схемы отходят, и элементы покрытия приобретают изогнутую или наклонную форму. Кажущееся свободное парение пролета производит сильное впечатление, особенно если он выполнен из тяжелого и тщательно прочного материала. Балка подвержена изгибающим нагрузкам. Древесина - хороший материал благодаря своей прочности на изгиб. Камень ненадежен или откровенно слаб на изгиб, к тому же он увеличивает нагрузку за счет собственного веса. Поэтому существуют ограничения на пространство, которое может покрыть горизонтальная каменная балка.

115. Колонна и балка

В большинстве ранних архитектурных сооружений использовалась колонна. Даже такая превосходная архитектура, как архитектура греков, никогда не поднималась выше нее. Эстетическая ценность Парфенона заключается в равновесии и чувстве, с которым был разработан принципиально простой план, а не в смелом способе решения амбициозной по своей сути задачи.

В силу своей принципиальной простоты колонная архитектура возникла у нескольких исторически не связанных между собой народов. У большинства из них можно выделить раннюю стадию строительства из дерева, когда колонна представляла собой ствол дерева, и более позднюю, когда столб был заменен монолитом или накладными каменными барабанами. Эти изменения, по-видимому, произошли независимо друг от друга в Египте и Греции и полностью в Мексике. Считалось, что греческая архитектура была заимствована из Египта, но, вероятно, это была не более чем передача стимула, поскольку греческие храмы с деревянными колоннами появились через несколько тысяч лет после того, как египтяне воздвигли огромные каменные колонны. Более того, если бы греки полностью заимствовали свои колонны из Египта, они, вероятно, с самого начала рабски скопировали бы их. Однако их ранние капители не имеют головки цветка лотоса, которой заканчивалась египетская колонна. Здесь, как и в Мексике, наблюдалось параллельное развитие.

Неспособность греков выйти за пределы архитектуры колонн и перемычек может показаться странной для народа, проявившего столь необычные художественные способности и столь смелый и предприимчивый дух, какой они проявили в большинстве областей цивилизации. Причина, по-видимому, кроется не в каком-то внутреннем торможении их художественной эволюции, а в условиях, которые преобладали в другой области их культуры: в их политической специфике. Греческое государство оставалось городом. Все попытки создать более крупные политические образования, будь то на основе конфедерации или завоевания, быстро и плачевно проваливались. Греки были укоренены в мировоззрении, которое было не просто провинциальным, а буквально муниципальным. В результате по-настоящему крупные совместные предприятия оказались ему не по зубам. Дороги с твердым покрытием, акведуки, канализации и подобные им работы едва ли были предприняты в каком-либо масштабе. При довольно небольшом количестве людей, которых греки в лучшем случае собирали в одном

месте, такие работы были не нужны, а предпринятые из одних амбиций, они натолкнулись бы на общественный антагонизм. Поэтому греческие общественные здания были, по меркам многих других народов, посредственными по размерам плана, невысокими по высоте, без стремления произвести впечатление размахом свободного пространства. Этот факт иллюстрирует почти органическую взаимосвязь, существующую между несколькими сторонами культуры любого народа; он также иллюстрирует важность знания всей цивилизации, прежде чем пытаться дать объяснение любому из ее проявлений.

116. Косоугольная арка

Арка привносит в архитектуру принципиально новый принцип. Это устройство для переноса конструкции на пустое пространство без горизонтальных балок. Но она может принимать две основные формы: косоугольная или "ложная" арка и "истинная" арка. Обе они по форме являются арками, но блоки, образующие кривизну одной, не являются самонесущими, в то время как в другой они являются таковыми.

Конусообразная арка достигает своего пролета за счет последовательного выступания камней или кирпичей, которые примыкают друг к другу с каждой стороны открытого пространства. Камень в конце второго ряда кладки выступает на часть своей длины за крайний камень первого ряда. На противоположной стороне второй ряд аналогично выступает над первым. В третьем ряду концевые блоки снова выступают за пределы второго. Таким образом, получается два ряда кронштейнов, или две перевернутые лестницы. Чем выше поднимается кладка, тем больше сужается свободное пространство и сближаются две линии висячих ступеней, пока они не встретятся и арка не будет завершена. Что удерживает выступающие камни от падения в свободное пространство? Очевидно, ничто, кроме веса, который приходится на их внутренние или заделанные концы. Предположим, камень выступает на треть своей длины за пределы нижележащего, так что его центр тяжести все еще находится над нижним камнем. Тогда он будет лежать так, как его положили. Предположим, что другой камень снова выступает на треть своей длины за пределы второго. Теперь его центр тяжести находится за пределами самого нижнего блока, и он опрокинет и себя, и второй блок. Только если сзади будут установлены другие блоки, их противовес удержит выступающие блоки. Очевидно, что таких противовесов потребуется тем больше, чем выше поднимается сторона арки. Как правило, площадь стены, необходимая для противовеса, не меньше площади нависания. Если арка должна быть простенком в десять футов по горизонтали - по пять футов с каждой стороны - то с каждой стороны свободного пространства должно быть возведено по пять футов или более кладки. Конусообразная арка, образующая относительно небольшой дверной проем в стене, не представляет сложности, но свободная конусообразная арка невозможна.

Тот же принцип действует и в отношении свода, который является трехмерным продолжением практически двухмерной арки. Пустота или полуцилиндр свода с венчанием должны быть обрамлены объемом строительного материала, превышающим его собственное содержание. Эта необходимость исключает возможность использования карниза как способа возведения свободных и легких конструкций. Отсюда неуклюжая массивность, например, архитектуры майя, которая в той мере, в какой она использует свод, часто содержит больше строительного материала, чем пролетное пространство.

Другая трудность, помимо противовеса, которая встает перед пользователем косоугольной арки, заключается в том, что выступающие камни каждого яруса подвергаются такому же изгибающему напряжению, как и балка. Находящийся сверху вес стремится расколоть их надвое.

Колончатые арки и своды были придуманы независимо друг от друга и также распространились. Они использовались в гигантских гробницах бронзового века в Микене в Греции - так называемой сокровищнице Атрея, - в Португалии и в Ирландии (рис. 41). Эти события кажутся исторически связанными. С другой стороны, майя Юкатана также строили венчающие арки, которые должны представлять собой отдельное изобретение. Это параллельное развитие отличается от развития настоящей арки, которая, похоже, повсеместно происходит из одного первоначального источника.

117. Истинная арка

Настоящая арка отличается от косоугольной тем, что не нуждается в противовесе. Блоки, образующие нижнюю поверхность или софит ее пролета, являются самоподдерживающимися. Таким образом, истинная арка приносит эстетическое удовлетворение, которого нельзя достичь никаким другим способом, особенно когда она взлетает ввысь. Основопологающим принципом истинной арки является интеграция ее элементов. Такая арка - ничто, пока она не завершена; но с этого момента ее составляющие сплавляют свою силу. Каждый блок имеет форму, которая предопределена дизайном целого, и каждый бесполезен, фактически даже не является самонесущим, пока все остальные не будут подогнаны под него. Отсюда и фигура речи, и реальность ключевого камня: последний блок задвигается на место, фиксируя себя и все остальные. Особенность блоков, или "вусуаров", которая делает возможной эту интеграцию, заключается в конусности их сторон. Каждый из них представляет собой пологий клин, а не прямоугольный блок. Когда кирпич заменяет одетый камень, раствор заменяет эту форму, становясь тоньше к внутренней стороне свода и толще к внутренней части конструкции.

Настоящая арка в процессе возведения мгновенно рухнет, если ее не поддержать. Она может быть построена только на подмостках или "центрире". Однако, как только краеугольный камень скрепит свои части вместе, она не только устоит сама, но и выдержит огромный вес. Чем сильнее давление сверху, тем плотнее прижимаются друг к другу блоки. Неустойчивость настоящей арки не связана с изгибающим напряжением, исходящим от наложенной массы, как в косоугольной арке или горизонтальной кровле. Блоки подвергаются только давлению на раздавливание, которое камень и кирпич специально приспособлены выдерживать. Слабость арки в том, что она превращает вертикальную нагрузку в горизонтальную. С увеличением веса, наложенного сверху, боковая тяга, склонность к растеканию, становится больше, и ей необходимо противостоять с помощью подпорок. Именно это имеют в виду индусы, когда говорят, что "арка никогда не спит".

118. Вавилонское и этрускское начало

Хотя точные обстоятельства, при которых была изобретена настоящая арка, неясны, самые ранние образцы сохранились от древних кирпичных строителей Вавилонии, особенно в Ниппуре около 3 000 лет до н. э. Оттуда принцип арки был перенесен в соседнюю Ассирию. Оба этих месопотамских народа использовали арку в основном в небольших масштабах - в кровле дверей и в туннелях. В их руках она оставалась скромной и утилитарной; ее архитектурные возможности едва ли задумывались. Они продолжали возводить свои монументальные сооружения, ориентируясь в основном на количество: преобладали высокие и толстые стены, пандусы, башни, поднимающиеся вертикально или по ступеням.

Настоящие арки и своды появляются в Италии, у процветающего городского народа, этрусков, примерно за семь или более веков до нашей эры. Через всю цивилизацию этого народа проходит черта успешных, но так и не ставших по-настоящему самобытными

свершений. Этруски были восприимчивы к новым идеям и с энергией применяли их на практике, обычно лишь для того, чтобы в итоге выродить их. Открыли ли они для себя арку или же знания о ней были принесены в Италию из Азии, до конца не ясно, поскольку история знает об этрусках мало, а археология, хотя и обнаружила многочисленные останки, оставляет проблему их происхождения в тени. Однако этруски, или тирренцы, как их знали греки, были активными торговцами, и ряд особенностей их цивилизации, таких как гадание на печени (§ 97), а также древние традиции связывают их с Азией. Поэтому вполне вероятно, что принцип строительства арок был передан им из более раннего вавилонского источника. Этруски также не смогли перенести использование арки далеко в монументальную архитектуру. Они использовали ее в гробницах, воротах и водостоках, а не как заметную особенность общественных зданий.

119. Римская арка и купол

От этрусков арку переняли их соседи, римляне. Сначала они тоже использовали ее в утилитарных целях. Например, великая канализация Рима, Cloaca Maxima, представляет собой арочный свод из кирпича. Однако постепенно, по мере роста численности и богатства римлян и приобретения ими вкуса к общественным мероприятиям, они перенесли конструкцию на камень и стали использовать ее в своих зданиях. К тому времени, когда их государство перешло от республиканской к императорской форме, арка стала наиболее характерной чертой их архитектуры. Греки строили портики из колонн, римляне возводили фасады из рядов арок. Внешний вид их цирка, Колизея, представляет собой несколько этажей арок. Большая часть массы сооружения также опирается на арки, что позволило построить огромное сооружение с минимальными затратами материала. С практической стороны это одно из главных достоинств арки. Мастерство, с которым она создавалась, исключает большой процент грубого труда. Более ранние народы сочли бы необходимым заполнить пространство между внутренними ярусами сидений и внешней стеной Колизея.

Заразившись архитектурной лихорадкой, римляне пошли дальше простой арки и свода. Они изобрели купол. Как простейшая арка, например, дверной или оконный проем, перфорация в стене, является по сути двухмерной, а свод - это проекция этой плоской области на трехмерный полуцилиндр, так и купол можно представить как продолжение арки в другую трехмерную форму - полусферу. Они соотносятся как обруч, бочка и полый шар. Представьте себе свод, вращающийся на центральном вертикальном стержне, и он будет описывать поверхность купола. Две пересекающиеся арки могут обслуживаться одним краеугольным камнем. Теоретически можно вводить все больше и больше арок, чтобы они пересекались в одной точке, пока не образуют непрерывную сфероидную поверхность. На самом деле ни строительство, ни эволюция купола не происходили по этому методу соединения арок, что, однако, служит иллюстрацией логической связи этих двух структур.

Римские инженеры возвели купола на своем Пантеоне, гробнице Адриана и других зданиях. За века, в течение которых происходила романизация средиземноморских стран, купол и арка, свод и ряд арок, поставленных на столбы, стали привычными для всех жителей цивилизованного западного мира. После падения римской власти архитектурные традиции сохранились. Даже когда наступил упадок исполнения и монументального строительства стало мало, однажды завоеванные принципы не были утрачены.

120. Соборы эпохи Средневековья

С переходом от Темных веков к Средневековью архитектура возродилась, обратившись к церквям вместо храмов, цирков и бань. На юге Европы сохранялась приверженность старой

римской модели, и этот стиль известен как романский. В северной Европе римские принципы оказались на новой почве, традиции были связаны менее жестко, и стиль претерпел больше изменений. Арка стала заостренной в верхней части. Вертикальные линии здания были удлинены за счет горизонтальных, которые в условиях более низкого и менее яркого солнца на севере менее эффективно улавливают свет и тень и придают пластический эффект, чем на Средиземноморье. Доминирующим эффектом стало стремление к высоте. Это так называемая готическая архитектура, развивавшаяся с XII века, прежде всего в северной Франции, с большой долей оригинальности также в Англии, и претерпевшая провинциальные изменения в различных странах Северной Европы. В конце концов, этот стиль был перенесен в Италию, чтобы конкурировать там с романским орденом, как в знаменитом Миланском соборе.

По художественному замыслу готический собор так же отличается от имперского римского здания, как последний от греческого храма. Однако он представляет собой лишь поверхностную модификацию римских методов. Его основные инженерные проблемы были решены более чем за тысячу лет до этого. Эффект от полусферической арки, связанной с низкими круглыми колоннами, и от высокой остроконечной арки, вздымающейся над высокими гроздьями контрфорсов, настолько разнообразен, насколько это возможно в архитектуре. Но с точки зрения плана и изобретений между этими двумя ордерами нет решительно никакого различия.

121. Арабы: Индия: Современная архитектура

На востоке римская архитектурная традиция была сохранена без разрыва и даже продолжена в Византийской империи. Великая церковь Святой Софии в Константинополе - пример шестого века с великолепным куполом, установленным на четырех больших арках и пересекающимся с меньшими куполами по углам. От византийских греков - или римлян, как они долгое время продолжали себя называть, - и, возможно, от соседних сасанидских персов, принцип арки и купола перешел к арабам, когда они подверглись внезапной экспансии после смерти Мухаммеда. Почти во всех странах, захваченных арабами, - Месопотамии, Сирии, Египте, Северной Африке, Сицилии и Испании - они встречали бесчисленное множество старых общественных зданий или руин. Вскоре они стали подражать им. На протяжении веков поверхностная мода в архитектуре не стоит на месте, так же как и в одежде. Брюки 1850 года показались бы неуместными, если бы их носили в 1920 году, и все же эти два вида одежды идентичны по основному замыслу. Так и с римской и арабской или сарацинской архитектурой. Араб иногда скручивал свои колонны и раздувал арку до подковообразной формы. Он не добавил ни одного существенного элемента.

Среди стран, в которых строили арабы, была Испания. Поэтому их архитектура в форме, известной как мавританская, повлияла на архитектуру испанцев. Те, в свою очередь, перенесли этот стиль в Мексику; оттуда он был перевезен в Нью-Мексико и Калифорнию, где обращенные индейцы изготавливали и укладывали саманные кирпичи для церквей своих миссий по планам падресов. Со времен американской оккупации здания и руины испанского периода выделяются как достопримечательности, будоражат воображение посетителей и служат образцом для архитектуры. Железнодорожные станции и тому подобные сооружения теперь выполнены в стиле "Миссия", который, по сути, является ничем иным, как испанской мавританской архитектурой, поскольку она опять же является лишь арабской модификацией римского оригинала.

Вместе с магометанством римско-сарацинская архитектура распространилась на восток и в Индию. В XVI веке магометанские завоеватели монгольского происхождения, известные как

Моголы, создали великую империю на севере Индии. Процветание империи длилось несколько поколений, а память о ней была украшена возведением выдающихся зданий. Пожалуй, самое знаменитое из них - усыпальница близ Агры, известная как Тадж-Махал. Это сооружение, построенное из белого мрамора, с лабиринтом инкрустаций из полированного камня, кажется совершенно не похожим на мрачные, узкие, устремленные ввысь соборы Северной Европы с витражами, заполняющими пространства между контрфорсами. Однако центральным элементом Тадж-Махала является огромный купол, выполненный по тому же плану, что и купол Святой Софии или Пантеона, а также по их образцу. То, что принято считать триумфом индийской архитектуры, вовсе не является индийским, так же как и готическая архитектура не имеет отношения к готам. Первая - магометанская, вторая - французская. Оба представляют собой не что иное, как применение в новых странах и в более поздние века изобретения, которое римляне позаимствовали у этрусков, а те - у вавилонян. Устройство распространилось из Азии в Европу и Африку и вернулось через несколько тысяч лет, чтобы вновь расцвести у истоков, сильно измененное эстетически и обогащенное бесконечной утонченностью, но все же без радикальных изменений.

Интересным комментарием к медлительности изобретений является тот факт, что в то время как сегодня мы строим из бетона и стали, а также из дерева, кирпича и камня, возводим здания больших размеров и для большего разнообразия целей, чем когда-либо в истории, мы до сих пор не смогли добавить ни одного нового типа эстетского дизайна. Наши общественные здания, призванные служить памятниками и требующие от архитектора максимальных способностей, по-прежнему используют арку, свод и купол или откровенно отступают от модификаций греческого храма с его рядами колонн. Если судить по внешнему виду современных зданий, то вся наша изящная архитектура - это, по сути, копание в прошлом с целью перекомбинировать в несколько новых пропорциях и для нового использования элементы, взятые из самых разных стран и эпох, но составляющие лишь две линии развития. Возможно, когда мы будем строить гораздо дольше из стали и бетона, а возможно, и из более новых материалов, присущие им свойства постепенно откроют будущему поколению архитекторов и инженеров возможности, которые действительно лежат сейчас перед нами, но к которым нас ослепляет сопротивление человеческого разума новизне.

122. Неделя: Святые числа

История недели также весьма извилиста. Ее истоки восходят к культу чисел. У многих народов принято считать какое-то одно число особенно удачливым, желанным, святым или, возможно, несчастливым; во всяком случае, наделенным особой добродетелью или силой. Три и семь сразу же приходят на ум, а тринадцать - как неудачное. Но конкретные числа, считающиеся мистическими, очень разнообразны. Немногие племена американских индейцев, например, испытывали какие-либо чувства к семи,^[21] и еще меньше - к трем. Последнее, по сути, почти всем им показалось бы несовершенным и незначительным. Почти все американцы, осознававшие какие-либо преференциальные обычаи, превозносили четыре; а остальные племена, обитающие на севере Тихоокеанского побережья, пристрастились к пяти. Африканцы не испытывали никаких чувств к семи, за исключением тех случаев, когда они попадали под исламское или иное иностранное влияние. Австралийцы и жители тихоокеанских островов также не имеют отношения к семерке, и, похоже, то же самое можно сказать о тех отдаленных народах северной Азии, которые до недавнего времени оставались вне зоны влияния высшей цивилизации.

Таким образом, территория, на которой, как считается, семь обладает священной силой, сводится к одному сплошному участку, включающему Европу, культурно развитые районы

Азии и Ост-Индии, а также те части Африки, которые попали под евразийское влияние. Примечательно, что в Древнем Египте семерка не имела особого значения. Такое ограниченное распространение предполагает диффузию из одного центра. Где он мог находиться, прямых доказательств нет, но есть указания на то, что он находился в Вавилонии. Здесь в ранние времена процветали математика, астрология и гадания. Поскольку искусство предсказывать развитие событий по исследованию печени жертвы распространилось из Вавилонии в Италию, с одной стороны, и на Борнео - с другой, тем более вероятно, что столь же древнее приписывание семи мистических добродетелей могло претерпеть такое же распространение. На самом деле, эти две практики могли распространяться как часть "комплекса". Греки и евреи практически не рассматриваются в качестве родоначальников, поскольку они уже мыслили в терминах семи в то время, когда они только получали элементы культуры из Вавилонии, не давая ничего взамен.

123. Вавилонское открытие планет

Вавилоняне, наряду с египтянами, были также первыми астрономами. Египтяне обратили свой интерес на солнце и год и разработали самый ранний точный солнечный календарь. Вавилоняне отстали в этом отношении, придерживаясь громоздкого лунно-солнечного календаря. Зато они получили больше информации о других небесных явлениях: фазах Луны, затмениях, движении планет. Они разработали зодиак и научились наполовину предсказывать затмения. Правда, их интерес к этим сферам был не научным в современном понимании, а сакральным и магическим. Затмение было несчастьем, ожидаемое затмение, которое не "наступило", - поводом для ликования. Однако этот суеверный интерес привел вавилонян к настоящим астрономическим открытиям.

Среди них было наблюдение, что по небу регулярно перемещаются пять светил, помимо Солнца и Луны, видимых невооруженным глазом и не зависящих от множества неподвижных звезд: планеты, которые мы называем Меркурием, Венерой, Марсом, Юпитером и Сатурном. Этот впечатляющий факт, по их мнению, должен иметь значение, и из антропоцентрических соображений они нашли его во влиянии этих тел на судьбы людей. Так было положено начало астрологии, которой до сих пор занимаются шарлатаны и обманщики, но которая в молодости представляла собой один из триумфов цивилизованного знания. Вавилоняне отождествляли планеты с богами, во всяком случае, называли их в честь богов.

Вероятно даже, что древних жрецов-астрономов-магов побудило выделить полный набор наблюдаемых планет желание достичь полного числа семь. Отнюдь не очевидно, что всепожирающее солнце должно быть поставлено в один ряд с движущимися звездами, которые временами не более заметны, чем некоторые неподвижные. Ни один народ, не затронутый вавилонским прецедентом, не додумался до странной идеи считать солнце и луну звездами. Кроме того, Меркурий воспринимается с трудом из-за его близости к Солнцу. Говорят, что великие астрономы нескольких столетий назад порой ни разу в жизни не видели эту самую внутреннюю из планет невооруженным глазом, по крайней мере в северных широтах. Поэтому кажется вероятным, что ее вавилонское открытие было поспешным из-за стремления достичь идеальной семерки по числу движущихся тел.

124. Греческий и египетский вклад: астрологическая комбинация

После завоевания западной Азии Александром эллинистические греки переняли недифференцированную вавилонскую астрологию-астрономию и развили ее в науку. Они впервые определили расстояние или порядок расположения семи светил от Земли, причем

определили настолько правильно, насколько это было возможно, пока предполагалось, что наша Земля является центром Вселенной. Птолемей - астроном, а не царь - поместил Сатурн как самое внешнее, затем Юпитер, Марс, Солнце, Венеру, Меркурий, Луну.

Это научное достижение западноазиатские астрологи снова взяли на вооружение и привели в связь с часами суток. Для этого они использовали не старое вавилонское деление дня и ночи на двенадцать часов, которое уже давно перешло к грекам, а египетское - на двадцать четыре. Это стало возможным потому, что греческие открытия были сделаны в египетском городе Александрия.

Каждый из двадцати четырех часов, в свою очередь, был приписан астрологами к планете в птолемеевском порядке, начиная с Сатурна. Поскольку их было всего семь, цикл начинался заново с восьмого часа, и таким же образом пятнадцатый и двадцать второй "доминировали" над Сатурном. Таким образом, двадцать третий достался Юпитеру, двадцать четвертый - Марсу, а двадцать пятый - первый следующего дня - Солнцу. Считалось, что этот второй день находится под особым влиянием планеты своего начального часа - Солнца, как и первый день находился под влиянием своего начального часа - Сатурна. При продолжении счета Луна становилась доминирующей в первый час третьего дня, и так далее по повторяющейся серии, остальные планеты появлялись в последовательности Марс, Меркурий, Юпитер, Венера; затем, когда цикл был исчерпан, он начинался заново с дня Сатурна - субботы, как мы до сих пор ее называем, и ее преемников - дня Солнца и дня Луны.

Такова была неделя в том виде, в каком мы ее знаем, возникшая, возможно, чуть более чем за столетие до Рождества Христова, вскоре перенесенная в Александрию и переданная там грекам, римлянам и другим народам. Ко времени проповеди Иисуса знание о планетарной неделе достигло Рима. Менее чем через столетие о ее днях писали в Помпеях. Еще через сто лет современники говорили о ней как о всемирно известной.

125. Названия дней и субботы

Однако пока неделя была скорее игрой суеверных людей, чем гражданским или религиозным институтом; она была языческой, а не христианской. Названия дней были именами богов, которых вавилоняне приписали планетам за тысячу или более лет до этого, или, в западном мире, "переводами" имен вавилонских богов. Греки задолго до этого, называя звезды, которые мы знаем как Меркурий, Юпитер, Венера, заменили своих Гермеса, Зевса, Афродиту на вавилонских Набу, Мардука, Иштар, основываясь на некотором сходстве атрибутов. Так, Набу, подобно Гермесу, имел отношение к обучению или хитрости; Мардук, подобно Зевсу, владел громом; Иштар и Афродита были богинями любви. Римляне, в свою очередь, "перевели" греческие имена на имена своих божеств Меркурия, Юпитера, Венеры, которые сохранились, например, во французском *Mercre-di*, *Jeu-di*, *Vendre-di*.

При передаче недели германским варварам был сделан еще один "перевод" - на Водена, Тора, Фриджа, отсюда английские *Wedn-es-day*, *Thur-s-day*, *Fri-day*. Правда, эти северные боги не были аналогами римских, но это не имело большого значения. Счет недели становился все более частым, и для новых народов, среди которых он распространялся, нужно было найти какие-то привычные и произносимые названия дней. Поэтому минимальное сходство между двумя божествами служило основанием для идентификации. Более того, древние, поскольку они верили в реальность своих богов, но не в бесконечность их числа, имели привычку считать, что божества чужих народов должны быть, по сути, такими же, как и их собственные. Поэтому значительное расхождение в атрибутах или поклонении беспокоило их не больше, чем разница в имени.

Так, для дней недели, с которыми все чаще сталкивалась общественность, были сделаны эти переводы. Астрономия, однако, находилась в руках ученых, которые знали латынь; поэтому ученые до сих пор обозначают планеты как Меркурий, Венера и так далее, а не как Воден и Фриджа.

Иисус соблюдал субботу, а не воскресенье, о котором он либо не знал, либо осудил бы как многобожие. Суббота - древнееврейский институт, день воздержания и прекращения труда, очевидно, связанный с вавилонским шабатом и, возможно, происходящий от него. Этими шабаттумами были седьмой, четырнадцатый, двадцать первый, двадцать восьмой, а также девятнадцатый дни месяца, первые четыре, вероятно, связаны с фазами луны, а все пять были "днями покоя сердца", неблагоприятными для начинаний и, следовательно, неблагоприятными для работы. Таким образом, это были запретные, супраментальные дни, и хотя они повторялись преимущественно с интервалом в семь дней, как и еврейская суббота, создавая своего рода рамку для недели, эта неделя никогда не заполнялась. Влияние вавилоно-еврейской субботы на развитие недели заключалось главным образом в следующем: она дала ранним христианам готовую привычку религиозно соблюдать один день из семи. Этот период, совпадающий с семидневной схемой недели, которая входила в обиход среди язычников, в конечном итоге укрепил неделю в авторитете церкви.

126. Неделя в христианстве, исламе и Восточной Азии

Христианство, однако, чувствовало и долго сопротивлялось сущностному язычеству недели. Римско-католическая церковь в своем календаре признает день Господень, второй-шестой дни и субботу, но ни один из них не назван в честь языческого бога. В Греции влияние православной церкви было достаточно сильным, чтобы установить аналогичную нумерацию в гражданской жизни; славянские народы, также в основном православные, следуют той же системе, за исключением того, что наш понедельник является их "первым" днем, а неделю они завершают воскресеньем.

Воскресенье, а не суббота-суббота, стало религиозным днем недели в христианстве благодаря ранней традиции, согласно которой именно в этот день Иисус воскрес из мертвых. Неосознанным мотивом, возможно, имевшим большее влияние, было желание отличить новую религию от ее материнской религии, соблюдающей субботу, как в сознании новообращенных из иудаизма, так и во мнении язычников. Римляне около века путали иудеев и христиан, несомненно, к раздражению тех и других.

Тем временем сами язычники, возможно, под влиянием популярной во втором и третьем веках солнцепоклоннической митраистской религии, стали считать день Солнца, а не Сатурна, первым днем недели. Во всяком случае, в 321 году нашей эры Константин объявил "достопочтенный день Солнца" законным праздником для правительственной, гражданской и промышленной деятельности. Возможно, Константин издал этот указ как первосвященник государственной религии Римской империи, но он также был первым христианским императором, и его действия должны были быть полностью приемлемы для церкви. Вскоре церковь и государство пришли к согласию, отказавшись от работы в воскресенье; таким образом, христианство переняло языческую планетарную неделю во всех отношениях, кроме названий дней. Протестантизм в конце концов снял даже этот барьер и принял имена планетарных богов, которые так долго были народными и гражданскими.

Магометанская неделя - это неделя иудаизма и восточного христианства, телесно заимствованная из одной или другой из этих религий. Воскресенье - "первый" день, и так по порядку до четверга. Пятница - "собрание", когда молятся в мечети, а до и после работают,

по желанию. А суббота - это "суббота", хотя, конечно, без ее еврейских предписаний и ограничений. Арабы распространили эту форму недели далеко в Африке.

Но планетарная неделя вавилонско-греческо-египетско-сирийского происхождения распространилась как на восток, так и на запад, север и юг. В Азии она так и не обрела религиозного смысла и не утвердилась в качестве гражданского и экономического института, как в Европе, но ее использовали в астрономии, календаре и гаданиях. К пятому веку он был введен в Индии. Некоторое время после десятого века он использовался в датировке больше, чем у европейских народов. Снова были сделаны "переводы" имен богов планет: Брихаспати стал Юпитером, а Брихаспати-вара - четвергом.

Из Индии неделя распространилась на север в Тибет, на восток в страны Индо-Китая и на юго-восток на Малайский полуостров, Суматру и Яву. В первых странах она использовалась календарно, среди малайцев - скорее астрологически, и была в значительной степени вытеснена магометанской формой. Даже Китай приобрел некоторое легкое знакомство с неделей как периодом из семи дней, отведенным планетарным телам и инициированным днем Митры, то есть Митры, персидского бога солнца, хотя средний китаец не знает ни дней недели, ни периодического отдыха от труда.

127. Резюме распространения

Эта история недели - один из ярких примеров институциональной диффузии. Древняя западноазиатская мистическая оценка или магический культ числа семь привели, с одной стороны, к соблюдению запретных дней, с другой - к ассоциации с самыми ранними астрономическими знаниями, политеистическим поклонением и гаданием. Европейский народ усвоил эту комбинацию и использовал ее для дальнейшего научного прогресса, а астрологи использовали это достижение для новой игры. Планетарная неделя, творение этих математических прорицателей, была вновь введена в Европе и стала связана с календарем и гражданской жизнью. Христианство вновь привнесло старую идею регулярно повторяющихся священных или запретных дней. Магометанство переняло эту концепцию вместе с периодом, но без политеистических и астрологических элементов. Восточная Азия, напротив, интересовалась главным образом последними. У нас же значение становится все более экономическим. Названия менялись снова и снова, но сами их вариации свидетельствуют об их эквивалентности. За примерно три тысячи лет с момента своего зарождения и вдвое меньше с момента окончательного установления, институт недели к 1492 году распространился по всей земле, за исключением окраинных районов Азии и Африки и периферийных континентов Океании и Америки.

128. Месяц-третий и рыночные недели

В противовес этому единому распространению семидневной недели в некоторых частях света наблюдается независимое развитие других периодов, отмеченных либо священными или светскими несчастливыми днями, либо рынками, либо делениями лунного месяца.

Например, десятидневная неделя, связанная с началом, серединой и концом луны, в большей или меньшей степени считалась в Древнем Египте, Древней Греции, некоторых районах современной Центральной Африки, Китае, Японии, Индо-Китае и Полинезии. Никаких исторических связей между обычаями в этих регионах не известно; официальные и религиозные ассоциации повсеместно невелики, а промежуточные народы либо используют другие периоды, либо не используют их вовсе. Поэтому кажется, что это могут быть случаи

истинного параллелизма, хотя в таком случае можно было бы ожидать и американского появления, а его отсутствие, похоже, нуждается в объяснении. Кроме того, в этом подсчете нет ничего очень важного; по сути, это описание естественного события, и единственное, что его отличает, - это то, что оно троекратное. Если бы такой точный и искусственный институт, как наша планетарная неделя, возникал независимо друг от друга более одного раза, этот факт был бы более значимым.

Регулярные рыночные дни у земледельческих народов часто приводили к отсчету времени, внешне напоминающему неделю. Так, в центральной Африке, к югу от сферы исламского влияния, рынки наблюдаются у значительного числа племен. Чаще всего они проходят с интервалом в четыре дня. Некоторые племена сокращают этот период до трех дней или удлиняют до пяти. Шести-, восьми- и десятидневные периоды, по-видимому, просто удваиваются. Довольно компактное распределение африканской рыночной недели указывает на единое происхождение.

Ранние римляне регулярно отмечали восьмой день рынка и полупраздник. Это может быть связано с африканским институтом, но пока не может быть исторически с ним связано.

В менее развитых государствах Индо-Китая и на многих островах Восточной Индии, вплоть до Новой Гвинеи, пятидневные рынки являются правилом. Вся эта территория имеет множество внутренних культурных связей, так что в ее пределах, очевидно, снова происходила активная диффузия.

В древней Америке рынки были обычным делом каждый пятый день в Мексике, третий день в Колумбии, десятый день в Перу. Это были также дни сбора и прекращения трудовой деятельности.

Американские примеры неопровержимо доказывают, что некоторые из этих рыночных недель являются действительно независимыми эволюциями. Более того, почти все они происходят среди народов примерно одинаковой степени развития, во всяком случае, с экономической стороны их культуры. Но схожа лишь идея, контуры этого института; его конкретное культурное воплощение, выражающееся в продолжительности периода, различается в Азии и Африке, а также в трех американских регионах. То, что мексиканская и юго-восточно-азиатская недели состояли из пяти дней, означает не что иное, как совпадение, которого можно ожидать, когда выбор продолжительности ограничен небольшим диапазоном, например, между тремя и десятью днями.

129. Високосные дни как параллели

Наконец, существует соответствие между египтянами и мексиканцами в признании того, что солнечный год состоит из $360 + 5$ дней. Египтяне считали 360 в двенадцати месяцах по тридцать дней, майя и ацтеки - в восемнадцати группах по двадцать дней; и те и другие сходились в том, что пять високосных дней считались дополнительными и несчастливыми. Этот последний факт выглядит как близкое соответствие, но анализ растворяет большую часть сходства. Солнечный год состоит из 365 дней и одной дроби. В этом явлении нет ничего культурного, кроме его признания. Тщательное наблюдение, продолжающееся достаточно долго, неизбежно приводит к такому результату. Но 365 неделимо, за исключением 5 и 73; 360 гораздо "круглее", то есть делится на множество чисел, причем таких "простых", как 6, 10, 12, 18, 20, 30, и поэтому с ним легче оперировать. Это опять же математический, а не культурный факт. Таким образом, пять дополнительных дней едва ли представляют собой какое-либо выдающееся достижение. Что касается того, что они считаются несчастливыми и злыми, то это, несомненно, настоящая культурная параллель.

В то же время эта параллель не может быть закреплена в каком-либо общепринятом законе. Древний индуистский календарь, будучи непосредственно лунным, имел около двенадцати дней, остававшихся до конца каждого солнечного года в момент зимнего солнцестояния. Эти двенадцать дней рассматривались как пророческие и предвещающие, но не как конкретное зло. Персидский и армянский календари, которые, по-видимому, произошли от египетского, имели те же пять дополнительных дней. Но в первом случае первый из пяти дней считается счастливым, а третий - несчастливым, а во втором - ни один из пяти не имеет особого значения и не соблюдается. Наше собственное двадцать девятое февраля является дополнительным, и мы придерживаемся полусерьезного поверья или суеверия в отношении него и его года, но это не имеет никакого отношения к удаче.

Одним словом, человеческий разум склонен придавать необычное значение любому дню в календаре, который хоть как-то выделяется. Это наблюдение носит психологический характер и может быть предсказано на основе того, что известно о принципе ассоциации в индивидуальной психологии. Когда дело доходит до социального выражения этой тенденции, регулярность прекращается. Иногда значение особого дня практически одинаково у не связанных между собой социальных групп, например у майя и египтян; иногда оно различно, как между ними и нами; а иногда оно полностью исчезает, как в Армении. Параллелизм в любом вопросе цивилизации никогда не бывает полным и совершенным, так же как элементы культуры редко распространяются далеко и надолго без изменений.

ГЛАВА XI

РАСПРОСТРАНЕНИЕ АЛФАВИТА

130. Виды письма: пиктографическое и смешанное фонетическое.-131. Недостатки переходных систем.-132. Аббревиация и конвенционализация.-133. Предположительное происхождение переходных систем.-134. Фонетическое письмо: примитивный семитский алфавит.-135. Греческий алфавит: изобретение гласных.-136. Медленность изобретения.-137. Римский алфавит.-138. Буквы как числовые знаки.-139. Реформа учреждений.-140. Шестая и седьмая буквы.-141. Хвост алфавита.-142. Прописные буквы и минусы.-143. Консерватизм и рационализация.-144. Готика.-145. Иврит и арабский язык.-146. Распространение на восток: письменность Индии.-147. Слоговые тенденции.-148. Ост-Индия: Филиппинские алфавиты.-149. Северная Азия: конфликт систем в Корее.

130. Виды письменности: Пиктографическая и смешанная фонетическая

В развитии письменности логически можно выделить три этапа. Первая - использование изображений вещей и символов идей: пиктографический метод. На втором этапе начинается представление звуков, но оно осуществляется с помощью картинок или сокращений картинок: при этом картинки или идеограммы как таковые продолжают использоваться наряду с картинками, значение которых является фонетическим. Это можно назвать смешанной, переходной или ребусной стадией. Третья - фонетическая стадия. На ней используемые символы, каково бы ни было их происхождение, уже не обозначают предметы или идеи, а являются лишь знаками для звуков - слов, слогов или элементарных букв-звуков.

Первая из этих стадий, пиктографическая, и степень, в которой она вытекает или, скорее, не вытекает спонтанно из человеческого разума, уже обсуждались (§ 105). Вторая, или переходная, стадия использует принцип, согласно которому изображения могут быть либо интерпретированы непосредственно как картинки, либо могут быть названы. Картинка или наводящий эскиз органа зрения может обозначать саму вещь, глаз. Или же акцент может быть сделан на слове "глаз", его звуке; тогда картинка может быть сделана с целью представить этот звук, когда он имеет другое значение, как, например, в местоимении "я". Этот метод знаком нам в виде игры, которую мы называем "ребус", то есть метод письма "с вещами" или изображениями предметов. Насекомое пчела обозначает абстрактный глагол "быть", два штриха или цифра 2 - предлог "то", изображение дома с вывеской таверны, то есть трактира, - приставку "ин-" и так далее. Этот метод, похожий на шараду, достаточно громоздкий и не прямой, чтобы обеспечить сложность интерпретации, которая делает его подходящим для игры или головоломки. Но то, что для нас, имеющих письменность, является просто спортом или случайной игрушкой, также является методом, с помощью которого народы, не имеющие письменности, кроме чистой пиктографии, делали первые шаги к написанию слов и звуков. Поэтому принцип чтения названия, а не идеи изображенной вещи, является важнейшим изобретением. Он сделал возможным написание местоимений, предлогов, приставок и суффиксов, грамматических окончаний, артиклей и т. п., которые невозможно изобразить только с помощью пиктографии. Нетрудно нарисовать узнаваемое изображение человека, а две или три такие картинки могут дать представление о мужчинах. Но ни одна система изображений не может выразить разницу между "мужчиной" и "человеком". Реляционные или абстрактные идеи, такие как "здесь", "что", "по", "из", "ты", "почему", также не могут быть выражены с помощью картинок.

131. Недостатки переходных систем

Как ни важно было изобретение обозначения слов или звуков, поначалу оно было нерешительным, громоздким и неполным по сравнению с современными алфавитами. Во-первых, требовалось много символов. Чтобы их можно было распознать, их нужно было изобразить с определенной точностью. Изображение пчелы должно быть выполнено с определенной детализацией и тщательностью, чтобы его можно было с уверенностью отличить от изображения мухи, осы или жука. Трактир должен быть нарисован с вывеской, щитом или каким-то четким опознавательным знаком, иначе он может быть прочитан как дом, сарай, хижина или магазин. Фигура человеческого глаза - более сложный символ, чем буква I. Но и тогда старые картинки не вышли из употребления. Когда в письме упоминались пчелы, трактиры и глаза, изображения этих вещей писались и читались как картинки. В результате изображение глаза в одном отрывке означало орган, а в другом - личное местоимение. Какое значение оно имело, нужно было догадаться из контекста. Если лучше всего подходило толкование как местоимения - например, если следующие символы означали "скажи тебе", - то выбиралось именно это толкование; но если следующее слово было распознано как "бровь" или "подмигивание", то символ интерпретировался как обозначающий орган чувств. То есть одни и те же символы иногда читались по смыслу, а иногда по звуку, один раз пиктографически, другой раз фонетически. Таким образом, система была действительно переходной или смешанной, в то время как настоящий алфавит, который представляет только звуки, является несмешанным или чистым в принципе. Из-за нехватки звуковых знаков вначале пришлось сохранить предметные или идейные знаки; после того как они укоренились, их продолжали хранить наряду со звуковыми знаками даже после того, как их стало много. Устойчивость большинства смешанных систем поразительна. Египтяне сначала добавили к предметным знакам знаки слов, а затем слогов и чистых букв. После того как они разработали набор буквенных знаков

для основных звуков своего языка, они вполне могли бы отказаться от всех остальных сотен знаков. Но в течение трех тысяч лет они цеплялись за них и писали пиктографические и фонетические знаки вперемешку. Они даже дублировали их, чтобы убедиться в этом: как если бы мы написали е-у-е, а затем изобразили глаз, опасаясь, что написание будет недостаточно четким. С нашей современной точки зрения, сначала кажется совершенно необычным, что они продолжали следовать этому плану через тысячу лет после того, как народы, с которыми они контактировали, - финикийцы, евреи, греки, римляне - использовали простые, краткие, точные, чистые алфавиты. Но, конечно же, они лишь следовали пазам выкристаллизовавшейся привычки, как, например, когда мы пишем "вес" или "кусок" ненужными буквами или используем сочетание двух простых букв, каждая из которых имеет свое собственное значение, например Т и Н, для обозначения третьего простого звука - ТН. Для нас, как и для египтян, переход на новые и более простые символы или методы потребует от взрослого поколения больше усилий, чем продолжение старых громоздких привычек. Таким образом, преимущество следующего поколения подавляется, и устоявшаяся неудобная система сохраняется до бесконечности.

132. Аббревиатура и конвенционализация

Это смешение пиктографических и идеографических с фонетическими знаками и его длительное сохранение были в значительной степени столь же характерны для шумерской или вавилонской клинописи, для китайской, а также для письменности майя и ацтеков, как и для египетской. Во всех этих системах в большей или меньшей степени наблюдалась тенденция к сокращению рисунков, к уменьшению их до нескольких штрихов, к сведению первоначальных представлений к обычным знакам. Клинопись и, предположительно, китайский язык рано и глубоко пережили этот процесс. В Египте он также начался и привел к появлению иератического, а затем и демотического скорописного письма, состоящего из знаков, которые бессмысленны для глаза, хотя и сводятся к стандартизированным сокращениям изображений, которые в тот же период продолжали создаваться в монументальной и религиозной иероглифике. Такие условные сокращения обеспечили определенную скорость производства, сделали письмо полезным в бизнесе и повседневной жизни и тем самым способствовали распространению грамотности. Однако сами по себе они не несли никакого нового принципа.

Помимо конвенциональности формы знаков, следует выделить также конвенционализацию значения, которая присуща самой природе письма. Конвенционализация формы сопровождается частотой или быстротой письма, конвенционализация значения должна происходить, чтобы вообще существовало письмо. Она развивается в чистой нефонетической пиктографии, если она способна выразить сколько-нибудь значительный диапазон значений. Протянутая рука вполне может использоваться со значением "давать". Но смотрящий на картинку-письмо, скорее всего, интерпретирует ее как "брать". Здесь необходима конвенционализация: и писатели, и читатели должны понимать, что такая рука означает "давать", а не "брать", или, возможно, наоборот, что если ладонь поднята вверх, а пальцы ровные, то это означает "давать", тогда как ладонь внизу или полусогнутые пальцы означают "брать". Каким бы ни был выбор, он должен соблюдаться; в нем присутствует стандартизированный, общепринятый элемент. Именно поэтому принято говорить о "системах" письма. Без системы не может быть даже картинного письма, а только рисунки, чей диапазон возможностей коммуникации гораздо более ограничен.

Когда наступает фонетическая фаза, конвенционализация значения становится еще более важной. Трактир от дома нужно отличать по щиту, дом от амбара - по трубе и так далее. Щит, возможно, придется преувеличить, чтобы он вообще был виден, сделать сердцевидным или круглым, чтобы отличить его от окон, и так далее. Так и с фонетическими значениями. Такой слог, как английское "per", один писец может изобразить в виде кошки с волнистой линией, выходящей изо рта для обозначения *мурлыканы*; другой - в виде *груши*; третий - в виде чего-то, что обычно идет в *паре*, например, сережек. Любой из этих вариантов в сочетании с символом "сито" примерно соответствует произведению "per-seive". Но кому-то другому может прийти в голову сочетание *кошелек* и заходящего солнца в *канун*. Очевидно, что должно быть соответствие методов, если кто-то, кроме писателя, хочет легко прочесть его надпись. Это соответствие представления и интерпретации - именно то, что превращает набор фигур в систему письма, а не в головоломку.

133. Предположительное происхождение смешанных систем

Вырастить такой набор согласий среди всех разнообразных классов одного большого народа было бы очень сложно. На самом деле, похоже, что переходные системы письма возникли среди небольших групп с общим делом или целью, члены которых поддерживали связь друг с другом и, возможно, имели достаточно свободного времени для экспериментов: коллегии жрецов, правительственные архивариусы, возможно, купцы со счетами. Также очевидно, что любая система должна отражать культуру народа, среди которого она зародилась. У древних египтян не было ни трактиров, ни кошельков, зато были рогатые змеи и совы. Еще более определяющим является влияние самого языка, как только письменность пытается стать фонетической. Слова, обозначающие пару и сито, в египетском языке явно другие, чем в английском, так что если бы эти знаки использовались, их звуковое значение было бы совершенно иным. Однако, как только система выкристаллизовалась, ничто не мешает новой национальности перенять ее телесно. Изобразительные значения знаков могут быть полностью проигнорированы, а их звуки прочитаны как слова другого значения; или звуки могут быть проигнорированы, или первоначальные правильные формы знаков могут быть полностью стерты, но их идейное значение перенесено в другой язык. Так семитские вавилоняне переняли клинопись у шумеров, чья речь была самобытной.

Следует также различать такие случаи, когда вся или большая часть системы заимствуется телесно, и другие случаи, когда один народ мог почерпнуть общую идею метода письма у другого, а затем выработать собственную систему. Так, трудно не поверить в некую связь стимулов между египетским и клинописным письмом, поскольку они возникли в одной и той же части света почти одновременно. Однако как формы иероглифов, так и их смысловые и звуковые значения настолько сильно различаются в египетской и клинописной письменности, что никакой конкретной связи между ними продемонстрировано не было, и кажется маловероятным, что одна из них является модифицированной производной формой другой. Так же и с иероглифами хеттов и критян. Они появились в соседних регионах несколько позже. Следовательно, несмотря на то, что их формы отличаются друг от друга и, насколько можно судить, не имея возможности прочесть эти системы, их значения также, было бы догматично утверждать, что развитие этих двух письменностей происходило без какой-либо стимуляции со стороны египетской или клинописной письменности. Нечто похожее, возможно, применимо даже к китайскому языку (§ 251), хотя в этом вопросе следует быть крайне осторожным. Соответственно, если вспомнить об изобретении первой идеи частично-фонетического письма, то можно предположить, что все древние системы Старого Света произошли от одного такого изобретения; хотя даже в этом случае система майя-ацтеков останется совершенно отдельным явлением. Если же иметь в виду содержание и

специфику систем переходного типа, то египетская, клинописная и китайская, возможно, также критская и хеттская, безусловно, отличаются друг от друга и представляют собой множество примеров параллелизма. Еще большее число независимых начал, если рассматривать чисто пиктографические системы, поскольку сносные начала этого типа были сделаны индейцами Соединенных Штатов, которые никогда даже не пытались использовать звуковые изображения.

134. Фонетическая письменность: примитивный семитский алфавит

Последним базовым изобретением стало чисто фонетическое письмо - выражение только звуков, без примеси рисунков или символов. Возможно, самым значительным фактом, характеризующим этот метод в отличие от более ранних форм письма, является то, что он был изобретен только один раз в истории. Все алфавитные системы, которые сегодня преобладают почти во всех уголках Земли - римская, греческая, еврейская, арабская, индийская, а также многие исчезнувшие - могут быть отнесены к одному источнику. Поэтому в данном случае речь идет о диффузии и модификации, а не о параллелизме.

Какое обстоятельство послужило причиной этого важного изобретения, к сожалению, неизвестно, хотя время, возможно, еще принесет знание. Существуют даже разногласия по поводу того, какая именно система смешанного письма была использована первыми создателями алфавита или послужила отправной точкой для его изобретения. Одни ссылаются на египетскую систему, другие - на клинопись, критский или хеттский источник вдохновения. Не до конца ясно и то, кто именно был ответственен за изобретение. Точно известно лишь, что около 1 000 лет до н. э. или чуть раньше некоторые семитские народы западной Азии, в районе евреев и финикийцев, возможно, сами последние, начали использовать набор из двадцати двух непиктографических символов, которые обозначали не что иное, как звуки. Более того, они обозначали звуки семитского языка с достаточной точностью, чтобы на этом языке можно было без проблем писать и читать что угодно. Эти двадцать две буквы выглядят простыми и незначительными на фоне многочисленных, красивых и интересных египетских иероглифов. Но на них основаны все виды алфавита, когда-либо использовавшиеся человечеством.

Самый ранний из сохранившихся примеров примитивного семитского алфавита^[22] находится на знаменитом моавитском камне царя Меши, который в девятом веке до нашей эры воздвиг этот памятник в честь успешной обороны Моава от вторжения евреев и сделал на нем надпись. Моав был маленькой и грубой страной, несколько в стороне от торговых и цивилизационных путей. Поэтому маловероятно, что моавитяне были изобретателями алфавита. Гораздо вероятнее, что система была усовершенствована, возможно, несколькими столетиями ранее, более богатым и значительным народом, который больше контактировал с иностранными народами, например, финикийцами, и от них она распространилась среди их соседей - евреев, моавитян и арамейцев Сирии. Этому распространению, должно быть, способствовало близкое родство речи этих народов, позволявшее любому из них перенимать алфавит другого без существенных изменений.

Финикийцы основали Карфаген, и, следовательно, карфагенская или пуническая письменность до исчезновения великого торгового города также была финикийской.

135. Греческий алфавит: Изобретение гласных

Более важным было распространение финикийских букв среди совершенно чужого народа - греков, чей язык состоял в основном из различных звуков и обладал гениальностью, отличной от семитских языков. Традиции самих греков свидетельствуют о том, что они переняли свой алфавит от финикийцев. Факт передачи подтверждается формой букв и их порядком в алфавите. Это также очень красиво доказывают названия букв. Как мы говорим об азбуке, греки говорили об альфе-бете - отсюда и наше слово "алфавит". Теперь "альфа" и "бета" ничего не значат по-гречески. Это явно иностранные имена. Однако в семитских языках похожие имена, Алеф и Бет, использовались для тех же букв А и Б и означали соответственно "бык" и "дом". Очевидно, эти названия были придуманы семитами, поскольку они использовали изображение головы вола для обозначения первого звука в слове Aleph, а изображение дома - для обозначения звука В в слове Beth. Или, возможно, буквы возникли каким-то другим способом, а затем, когда названия для них стали желательны, а форма первой грубо напоминала очертания головы быка, а второй - дома, эти названия были применены к уже используемым символам.

Третью букву алфавита, соответствующую по месту нашей С и по звучанию нашей Г, греки называли Гамма, что так же бессмысленно, как их Альфа и Бета. Это их искажение семитского Gimel, что означает "верблюд" и, возможно, носит такое название из-за сходства с головой и шеей верблюда. Такое же соответствие можно проследить и по большинству остальных букв. Таким образом, даже если бы ничего больше не было известно о ранних алфавитах, можно было бы доказать правильность греческой легенды о том, что они заимствовали свои буквы у финикийцев. Народ, который сам изобрел алфавит, очевидно, назвал бы буквы словами на своем языке, а не бессмысленными слогами, взятыми из чужой речи.

Однако греки не просто переняли алфавит у финикийцев. Они его усовершенствовали. Выдающейся особенностью семитского письма было то, что оно обходилось без гласных. Она полностью и точно изображала согласные, более того, в ней были тщательно разработаны буквы для ряда дыхательных и гортанных звуков, которые европейские языки либо не содержат, либо вообще не признают. Но, как бы компенсируя это, семитские языки обладают отличительной чертой - большой вариативностью гласных. При спряжении глагола, при превращении его в существительное и при других обстоятельствах гласные меняются, только согласные остаются прежними, подобно тому как в английском языке "sing" становится "sang" в прошедшем времени, а "goose" меняется на "geese" во множественном числе. Только в английском языке таких изменений сравнительно немного, в то время как в семитских языках они являются подавляющим правилом и довольно сложны. Результатом такой подвижности гласных стало то, что когда семиты изобрели свое письмо, они отказались от попыток писать гласные. По-видимому, согласные, единственные постоянные части слов, казались им чем-то вроде скелета, достаточного для четкого начертания. Таким образом, с помощью обычных согласных, плюс букв J и V, которые при необходимости можно было заставить обозначать I и U, и последовательного использования придыханий и остановок для обозначения наличия или отсутствия гласных в начале и конце слов, им удалось сделать свою письменность легко читаемой. Как будто мы должны были написать: *'n Gd w' trst* или *Ths wy 't*. Даже сегодня Библия пишется и читается в еврейской синагоге по этой системе без гласных, существовавшей три тысячи лет назад.

В греческом языке эта система вызвала бы еще большую путаницу. Кроме того, алфавит появился у греков как нечто постороннее, поэтому они не испытывали такого искушения, как финикийцы, полностью следовать по стопам первого поколения изобретателей. В результате греки пошли на новаторский шаг - добавили гласные буквы.

Важно, что греки не стали создавать новые гласные знаки из ничего, а последовали методу, характерному для изобретательства в целом. Они взяли существующую систему, извратили и растянули ее настолько, насколько смогли, и создали новую только тогда, когда были вынуждены это сделать. Если в финикийском алфавите не хватало знаков для гласных, то грекам показалось, что в нем было в избытке знаков для придыханий и остановок. Поэтому они превратили семитские придыхания и остановки в гласные. Таким образом, они удовлетворили потребности своего языка и, кстати, добавили к алфавиту еще один камень. Это был первый случай, когда система письма была создана на основе полного соответствия буквы каждому звуку. Все последующие европейские алфавиты являются лишь модификациями греческого.

Первая из семитских букв, алеф, обозначала глоттальную остановку, закрытие глотти, в которой находятся голосовые связки; звук, который при отчетливой артикуляции возникает, хотя и слабо, между двумя "о" в слове "coördinate". В семитских языках этот гортанный звук частый, энергичный и этимологически важный, поэтому семиты относились к нему как к любому другому согласному. Греки придали ему новое значение - гласного А. Аналогичным образом они превратили значение символов двух дыхательных звуков, мягкого и резкого Н, в короткое и долгое Е, которые они называли Эпсилон и Эта. Их О было заимствовано из семитского гортанного письма, а для I было готово семитское двусмысленное J-I. У, которую греки писали Υ, является диссимилированным вариантом F, оба они происходят от семитского Vau или шестой буквы со значением V или U. Вокалическая форма теперь была помещена в конец алфавита, который ранее заканчивался на Т. Ее согласный двойник, F, позже вышел из употребления в греческой речи и был исключен из алфавита.

136. Медленность изобретения

Греки не сразу внесли эти изменения в значение. Значение некоторых букв колебалось в разных частях Греции на протяжении двух-трех столетий. В одном городе входило в употребление определенное значение или форма буквы, в другом та же буква приобретала другую форму или обозначала согласную вместо гласной. Так, буква Н долгое время читалась одними греками как Н, другими - как Е. Этот факт иллюстрирует принцип, согласно которому греческий алфавит не был изобретением, которое выпрыгнуло, полное и совершенное, из мозга отдельного гения, как это происходит в кинопьесах и романтических романах, и как любит верить народный ум с его инстинктом драматизма. Можно представить себе, что если бы основной план алфавита и большинство его символов были уже готовы финикийцами, то одному греку не составило бы труда добавить к ним последние штрихи и сформировать свою национальную систему письма в том виде, в котором она дошла до нас. На самом деле, однако, эти маленькие штрихи создавались несколько столетий; конечный результат был компромиссом между всевозможными экспериментами и начинаниями. Можно представить, как целая народность буквально нащупывала поколение за поколением и лишь постепенно остановилась на окончательной системе. Наверное, были десятки новаторов, которые пробовали свои силы в изменении значения или формы письма.

Нельзя отрицать и того, что все новое в греческом алфавите было настоящим изобретением. Шаг, связанный с введением полноценных гласных букв, был столь же безусловно оригинальным и почти столь же важным, как и любой другой новый прогресс в истории цивилизации. Однако неизвестно, кто был первым, кто попытался применить эту идею. Традиция хранит молчание по этому поводу. Вполне возможно, что первые попытки написать гласные были предприняты независимо друг от друга несколькими людьми в разных частях Греции.

137. Римский алфавит

Римский алфавит был заимствован из греческого. Но очевидно, что он не был взят из греческого алфавита после того, как тот достиг своей окончательной или классической формы. Если бы это было так, то римские буквы, которыми мы пользуемся до сих пор, несомненно, были бы более похожи на греческие, чем они есть, и некоторые расхождения в значениях букв, а также в их порядке не возникли бы. В старые времена письменности, когда в нескольких греческих городах еще процветали конкурирующие формы алфавита, одна из этих форм, разработанная в Халкисе на Эвбее и в целом близкая к западноэллинским, была перенесена в Италию. Там, после дальнейшей локальной диверсификации, одна из ее подвариантов закрепилась в обиходе жителей города Рима. Теперь римляне в этот период все еще произносили звук Н, который позже стал слабым в латинском языке и окончательно угас. С другой стороны, различие между коротким и долгим (или закрытым и открытым) Е, которое греки после многочисленных экспериментов признали важным в своей речи, в латыни не имело большого значения. В результате, если классический греческий превратил оба семитских Н в Е, то латынь приняла только первую из этих модификаций, затронувшую пятую букву алфавита, в то время как другой Н, занимающий восьмое место в алфавитном ряду, продолжал использоваться римлянами примерно с его первоначальным семитским значением. Такое сохранение, однако, стало возможным потому, что греческое письмо находилось на переходной, колеблющейся стадии, когда оно попало к римлянам. Западногреческая форма алфавита, которая была перенесена в Италию, все еще использовала восьмую букву в качестве Н; таким образом, римляне просто следовали за своими учителями. Если бы они основывали свое письмо на "классическом" греческом алфавите, который был стандартизирован несколькими сотнями лет позже, восьмая, а также пятая буква пришли бы к ним с выкристаллизовавшимся значением гласных. В этом случае римляне либо вообще отказались бы от написания Н, либо придумали бы для нее совершенно новый знак и, возможно, прикрепили бы его к концу алфавита, как это сделали и они, и греки в случае с несколькими другими буквами.

В итоге получается любопытный результат: в то время как римский алфавит является производным от греческого и, следовательно, последующим, он остается, в данном конкретном вопросе о восьмой букве, ближе к первоначальному семитскому алфавиту.

В римском алфавите есть и другие буквы, которые подтверждают тот факт, что он был создан по образцу системы того периода, когда греческое письмо еще оставалось под прямым влиянием финикийского. Семитские языки обладали двумя звуками К, обычно называемыми Карһ и Корһ, или К и Q, из которых первый произносился так же, как наш К, а второй - дальше назад по направлению к горлу. Греки, не имея обоих этих звуков, сохранили букву Карһ, которую они называли Карра, и постепенно отказались от Корһ или Корра. Но прежде чем ее значение было полностью утрачено, они перенесли ее в Италию. Там римляне использовали ее для обозначения разновидности К, которой не было в греческих диалектах, а именно KW; это, конечно, фонетическое значение, которое в английском языке до сих пор имеет символ Q. Римляне поступили разумно, ведь в ранней латыни Q произносилось крайней задней частью языка, как и оригинальное Корһ.

138. Буквы как цифровые знаки

В позднем греческом языке Корһ сохранился лишь в качестве любопытного выживания. Хотя он не использовался как буква, он был цифровым символом. Никто из древних не обладал чистыми цифровыми символами, подобными нашим "арабским". Семиты и греки использовали для этой цели буквы алфавита, причем каждая буква имела числовое

значение, зависящее от ее места в алфавите. Так, А означало 1, В - 2, С или Gamma - 3, F - 6, I - 10, К - 20 и так далее. Когда этот ряд устоялся, Q как цифра обозначала 90; греки еще долго после того, как перестали писать Q как букву, использовали ее с этим арифметическим значением. После того как Q заняла свое место в ряду, ее отказ от нее был бы слишком запутанным. Если бы Q была опущена, то значение R пришлось бы сместить со 100 на 90. Один человек продолжал бы использовать R с его старым значением, в то время как его более новомодный сосед или сын писал бы его, обозначая на десять меньше. Арифметика была бы так же основательно разрушена, как если бы мы решили отказаться от цифры 5 и писать 6, когда мы имеем в виду 5, 7, чтобы выразить 6, и так далее. Привычка в таких случаях непреодолима. Какой бы неудобной ни становилась устоявшаяся система, обычно практичнее сохранять ее недостатки, чем заменять более совершенной схемой. Трудности и затраты на реформирование оказываются больше или ощущаются каждым поколением, чем преимущества, которые можно получить.

139. Реформа институтов

Это одна из причин, по которой радикальные изменения так трудно осуществить в институтах. Они носят социальный характер и поэтому в некотором смысле произвольны. В механических или "практических" вопросах люди быстрее приспосабливаются к давлению новых условий. Если народ привык носить одежду из шерсти, а этот материал становится дефицитным и дорогим, то, конечно, будут предприняты попытки увеличить предложение шерсти, но если производство не успевает за дефицитом, то хлопок заменяется с небольшой неохотой. С другой стороны, если календарь становится устаревшим и его можно изменить простым волевым актом, одним лишь проявлением общественного разума, то возникает огромное сопротивление. Снова и снова страны продолжают пользоваться устаревшим или громоздким календарем долгое время после того, как любой посредственный математик или астроном мог бы придумать лучший. Обычно для того, чтобы провести необходимую реформу, требуется непререкаемый авторитет какого-нибудь самодержавного правителя, Сезара или Папы Римского, или катаклизм, подобный французской и русской революциям. Пока люди озабочены своими телесными потребностями, которые они разделяют с низшими животными, они кажутся разумными и приспособляемыми. Однако, когда речь заходит о предполагаемых продуктах их интеллекта, когда можно было бы ожидать влияния предвидения, разума и холодного расчета, общества оказываются охваченными консерватизмом и упрямством, сила которых становится все больше по мере углубления в историю.

Конечно, каждый народ и каждое поколение считают себя исключением. Но иррациональность так же легко обнаружить в современных институтах, как и в древних алфавитах, если у человека есть разум, чтобы увидеть ее. Переход на летнее время - пример очень близкий. На протяжении веков народы западной цивилизации постепенно вставали с постели, завтракали, работали, ужинали и ложились спать все позже и позже, пока середина их бодрствующего дня не наступила не в полдень, а в два или три часа. Начало естественного дня проходило во сне, и большинство расслаблений приходилось на ночь. Это происходило не от сознательного предпочтения, а от разновидности промедления, в котором большинство невольно повинно. Наконец, стала очевидной расточительность этого состояния. Каждый фактически платил деньги за освещение, которое позволяло ему сидеть в комнате, в то время как он мог бы развлекаться бесплатно на свежем воздухе. По-настоящему рациональные люди изменили бы свои привычки - давали бы заводской свисток в семь, а не в восемь, открывали бы офис в восемь, а не в девять, шли бы в театр в семь, а

ложились бы спать в десять. Но стадный импульс был слишком силен. Индивидуум, отступивший от массового обычая, должен был пострадать. Первый театр, открывшийся в семь, играл бы при пустых креслах. Контора, закрывающаяся в четыре, потеряла бы бизнес последнего часа дня, не получив компенсации за пустой час, поставленный в начале. Единственным выходом было согласие каждого на самоограничение. Поэтому народы, которые больше всего гордились своим интеллектом, торжественно постановили, что все часы должны быть переведены вперед. На следующее утро каждый обманом получил час дополнительного дневного света, а осветительный завод - час дохода, причем никому не пришлось отступать от установленного обычая; очевидно, последнего следовало избегать при любой опасности.

Конечно, большинство отдельных мужчин и женщин не являются ни идиотами, ни безумцами. Единственный вывод заключается в том, что как только и пока люди живут в отношениях и действуют в группах, им навязывается нечто совершенно иррациональное, то, что заложено в самой природе общества и цивилизации. По-видимому, человек практически ничего не может сделать в отношении этой силы, кроме как воздерживаться от того, чтобы добавлять к ее иррациональности заблуждение, что она рациональна.

140. Шестая и седьмая буквы

Буквы, такие как Q, в которых римский алфавит согласуется с первоначальным семитским и отличается от классического греческого, могли бы, если бы они были взяты сами по себе, привести к предположению, что древние италийцы, возможно, вовсе не заимствовали свой алфавит у греков, а непосредственно у финикийцев. Но этот вывод несостоятелен: во-первых, потому, что формы самых ранних латинских и греческих букв в целом более похожи друг на друга, чем на современные семитские формы; во-вторых, из-за отклонений от семитского прототипа, которые латинская и греческая системы разделяют друг с другом, как, например, в гласных.

Шестая буква римского алфавита, F, семитская Waw или Vau, отсутствует в классическом греческом, хотя и сохранилась в некоторых ранних и провинциальных диалектах. Одним из блестящих открытий классической филологии стало то, что речь, на которой первоначально были написаны гомеровские поэмы, все еще обладала этим звуком, и многочисленные неровности в расширении текста можно было объяснить только на основе его первоначального присутствия. Буква, обозначавшая его, выглядела как два греческих G, поставленных одно на другое. Поэтому позже, когда она уже давно вышла из употребления, кроме как в качестве числительного, ее стали называть ди-гамма или "двойное Г".

Седьмая семитская буква, которая в греческом окончательно стала шестой из-за потери Vau или Digamma, была Zayin, греческая Zeta, наша Z. Ее, в свою очередь, римляне опустили, потому что в их языке не было этого звука. Его место занял G, который в финикийском и греческом языках занимал третью позицию. Таким образом, произошел сдвиг. Самая ранняя италийская письменность следовала семитскому и греческому оригиналу и имела в качестве третьей буквы C, произносимую как G. Но в этрусском языке звуки K и G различались с трудом. Поэтому K вышла из употребления, и ранние римляне последовали примеру своих культурных и влиятельных этрусских соседей. Поэтому некоторое время для обозначения G и K в латыни использовался один символ C. Наконец, примерно в третьем веке до Рождества Христова, дифференциация была признана желательной, и C стали писать как C, когда он обозначал "твердый" или безголосый звук K, но с маленьким штрихом, как G, когда он обозначал мягкий или звонкий звук; и, поскольку седьмое место в алфавите, место Z, было вакантным, этот измененный символ был вставлен. Таким образом, первоначальная C,

произносившаяся как G, была разделена латинянами на две похожие буквы, одна из которых сохранила форму и место в алфавите Gimel-Gamma, а другая - звук Gamma, но вытеснила Zeta.

Однако буква Z не исчезла из западного письма окончательно. Пока римляне оставались грубыми и самодостаточными, им не нужен был символ для звука, который они не произносили. Когда они стали могущественными, расширились, соприкоснулись с греческой цивилизацией и заимствовали у нее литературу, философию и искусство, они переняли и многие греческие имена и слова. Как только в них появился Z, они переняли характер. Однако если бы он был помещен на свое первоначальное седьмое место, которое теперь занимал G, то это нарушило бы расположение следующих букв. Очевидно, было удобнее повесить этот когда-то отвергнутый, а теперь восстановленный символ в конце алфавита; там он и находится сейчас.

141. Хвост алфавита

По сути, последние шесть букв нашего алфавита являются дополнениями такого рода. Первоначальный семитский алфавит заканчивался буквой T. Буква U была выделена греками из буквы F, чтобы обозначить один из гласных звуков. Это добавление было сделано достаточно рано, чтобы о нем узнали римляне. Этот народ писал U как для гласного U, так и для согласного или полугласного звука W. Если быть точным, они вообще не писали U, а называли его V, произнося иногда U, а иногда W. Они писали *svm*, а не *sum*.

Позже они добавили X. Старый семитский звук S, находящийся на пятнадцатом месте в алфавите и отличающийся от S на двадцать первой позиции, который является оригиналом нашего S, использовался как для SS, так и для KS. В классическом греческом одна форма со значением KS сохранилась на своем прежнем месте. В других ранних греко-италийских алфавитах вторая форма со значением SS сохраняла пятнадцатое место, а вариант X или KS ставился в конце, после U. Позднее буква SS исчезла, поскольку не отличалась по произношению от S.

Y, которая следует за X, по своей сути не что иное, как U, которая уже была у римлян, - своего рода ее двойник. Однако греческая U произносилась иначе, чем латинская, - как французская U или немецкая ü. Литературный римлянин почувствовал, что не может адекватно изобразить в греческих словах свою U. Поэтому он перенял U в том виде, в каком ее писали греки, то есть в виде уменьшенного V поверх вертикального штриха. Этот символ, естественно, стал известен как греческая U; а в современном французском языке Y называется не просто "Y", как в английском, а "Y-grec", то есть "греческая Y".

С добавлением Z к U (V), X и Y древнеримский алфавит был завершен.

Однако наш современный римский алфавит еще полнее. Два значения, которые V имела в латинском языке, - гласный U и полугласный W - настолько похожи, что не возникло особых трудностей с их изображением одним символом. Но в процессе развития латыни от классического периода до средневековья полугласный звук W стал произноситься как согласный V, как мы говорим по-английски. Это изменение произошло как в латыни, сохранившейся в качестве религиозного и литературного языка, так и в распространенных романских языках, таких как французский и итальянский, которые возникли на основе латыни. В конце концов было решено, что полный гласный U и чистый согласный V настолько различны, что для них будет удобно использовать отдельные буквы. Две формы с округлым и заостренным низом уже фактически использовались как просто каллиграфические варианты, хотя и не отличались по звучанию: V обычно писалась в начале слов, U - в

середине. Только после X века медленно и непредусмотрительно укоренился обычай использовать заостренную букву исключительно для согласных, которые чаще всего встречались в начале слов, а закругленную - для гласных, которые чаще встречались в середине.

Таким же образом I и J первоначально были одной буквой. В семитском языке она обозначала полугласный J (или "Y", как в yet); в греческом - гласный I; в латыни - гласный или полугласный, как в Ianuarius. Однако позже в английской, французской и испанской речи полугласный стал согласным, как и V. Когда различие между I как гласным и как согласным стало необходимым, оно было проведено путем использования различия в форме, которое возникло просто как каллиграфический изыск. Примерно в XV веке I в начале слов стали поворачивать влево в качестве орнаментального инициала. Различие в звуковом значении появилось еще позже. Формы I и J были сохранены вместе в алфавите, как и U и V, а их сопоставление служило напоминанием об их недавнем различии, как бесполезная точка над маленьким j. Если бы люди Средневековья по-прежнему использовали буквы алфавита для числовых значений, как это делали греки, они, несомненно, сочли бы более удобным сохранить порядок старых букв нетронутым. В этом случае J и U почти наверняка были бы помещены в конец алфавита, а не рядом с I и V.

J представляет собой выживший анахронизм. Хотя теперь эта буква признана в алфавите, ей не всегда отводится полноценное место в ряду; время от времени с ней обращаются как с приемным ребенком, чье положение в семье несколько вспомогательно. Когда континентальный европеец использует буквы для обозначения рядов кресел в театре, заголовков параграфов в книге, серии грузовых марок или любого другого перечисления, он часто опускает J, переходя сразу от I к K, как это сделал бы римлянин двухтысячелетней давности. Американцы иногда поступают так же: в Вашингтоне улица K следует прямо за улицей I. Если нас спросят о причине, мы, возможно, объясним это тем, что I и J настолько похожи, что их рискуют перепутать. Однако нам вряд ли придет в голову, что I и L или I и T тоже можно легко спутать. Истинная причина этой привычки, по-видимому, заключается в том, что наши предки, используя буквы по порядку, после I ставили K, потому что у них не было J.

Происхождение буквы W объясняется ее названием "Double-U" и формой, которая представляет собой две буквы V. Старое латинское произношение V постепенно сменилось W на V, и многие более поздние европейские языки либо не содержали звука W, либо обозначали его с помощью написания U или какого-либо сочетания, в которое входило U. Так, французы пишут OU, а испанцы HU для обозначения звука W. Однако в английском и некоторых других европейских языках полугласный звук был достаточно важен, чтобы сделать целесообразным менее косвенное представление. Поскольку звук полугласного считался более полным, чем согласный, для первого была придумана новая буква путем соединения двух последних. Это новшество стало проникать в английский язык только в одиннадцатом веке. Будучи развитием U и V, W была вставлена после них, как J - после I. Незначительный, но интересный случай конвергенции заключается в том, что ее название в точности параллельно названию "двойная гамма", которое греческие грамматик придумали для F задолго до этого.

142. Капители и минускулы

Различие между заглавными и "малыми" буквами мы усваиваем так рано, что склонны воспринимать его как нечто само собой разумеющееся и естественное. Однако в истории алфавита оно появилось поздно. Греки и римляне ничего не знали о нем. Они писали исключительно теми буквами, которые мы называем заглавными. Если им нужно было выделить заголовок или название, они делали буквы больше, но не отличали их по форме. То же самое делается сегодня в иврите и арабском, да и вообще во всех алфавитах, кроме европейских.

Наши собственные два вида или шрифта букв, заглавный и строчный, или "минускул", отличаются друг от друга больше, чем мы обычно представляем. Мы так часто видим их оба в одних и тех же словах, что, скорее всего, забываем, что "А" отличается от "а" даже больше по форме, чем по размеру, и что "Б" полностью утратила верхнюю из двух петель, обозначающих "В". В поздней империи римские времена первоначальные "заглавные" формы букв сохранялись для надписей, но в обычное письмо стали вкрадываться изменения. Эти изменения усилились в Средние века, породив сначала унциальные, а затем и минускульные формы букв. Обе формы представляют собой скорее скоропись, чем формальный шрифт. Минускулы - это, по сути, современные "маленькие" буквы. Но когда они только появились, люди писали исключительно ими, оставляя более древние формальные прописные буквы для инициалов глав. Позже прописные буквы вышли из временного раритета и стали возглавлять абзацы, предложения, имена собственные, да и вообще все слова, которые казались важными. Даже несколько столетий назад каждое английское существительное писалось и печаталось с заглавной буквы, как и в немецком языке. Разумеется, эта процедура практически ничего не давала. Во многих предложениях значимым словом должен быть глагол или прилагательное, и все же, согласно старому произвольному правилу, именно существительное выделялось.

Сегодня мы все еще считаем необходимым в английском языке сохранять прописные буквы для имен собственных. Несомненно, предложение писать их с маленькой буквы будет встречено возражением, что это приведет к потере четкости. На самом деле, случаев, когда может возникнуть двусмысленность между общим и собственным существительным, будет крайне мало; иногда возникающие неудобства будут с лихвой компенсированы простотой письма и печати. Каждый ребенок мог бы выучить буквы чуть более чем за половину того времени, которое требуется сейчас. Принтер мог бы работать с вдвое меньшим количеством символов, а пишущие машинки могли бы обойтись без клавиши переключения. Французский и испанский языки обозначают правильные прилагательные без прописных букв и не сталкиваются с непониманием, а все английские телеграммы отправляются кодом, не делающим различий. Когда мы читаем утром газету и думаем, что смешение заглавных и строчных букв необходимо нам для легкого восприятия страницы, мы забываем, что эти же новости пришли по проводам без заглавных букв.

143. Консерватизм и рационализация

Дело в том, что мы настолько привыкли к существующему методу, что отход от него может на время привести нас в замешательство. Поэтому мы рационализируем нашу обременительную привычку, принимая как должное или объясняя, что этот обычай по своей сути и логике лучше; хотя достаточно одного объективного размышления, чтобы понять, что система, к которой мы так пристрастились, стоит каждому из нас и будет стоить следующему поколению времени, энергии и денег, не принося существенной компенсации.

Правда, эти траты распределяются по нашей жизни небольшими порциями, и поэтому их можно переносить без видимых неудобств. Цивилизация, несомненно, может продолжать процветать, даже если она придерживается устаревшего и беспорядочного метода смешивания двух видов букв там, где достаточно одной. Однако эта практика иллюстрирует тот принцип, что как самые цивилизованные, так и самые дикие народы утверждают и считают, что придерживаются своих институтов после беспристрастного рассмотрения всех альтернатив и в полном соответствии с мудростью, в то время как анализ регулярно показывает, что они поразительно сопротивляются изменениям, как в лучшую, так и в худшую сторону.

Если бы заглавные буквы были специально добавлены к маленьким как средство различения определенных типов слов, то современное утверждение о том, что они были необходимы для этой цели, возможно, можно было бы принять. Но поскольку история алфавита показывает, что заглавные буквы появились раньше, что строчные буквы веками использовались в одиночку и что системы письма работали и работают без этого различия, очевидно, что полезность не может быть истинным мотивом. Использование заглавных букв в качестве инициалов возникло из стремления к орнаменту. Это вышивка, результат игры эстетского чувства. Именно использование заглавных букв вызвало ложное ощущение их необходимости, а не необходимость привела к их использованию.

144. Готика

Еще одним примером того, как упорно люди цепляются за привычное в ущерб эффективности, является "чернобуквенный" или "готический" алфавит, используемый в Германии и Скандинавии. Это не что иное, как латинские буквы, разработанные монахами-рукописцами Северной Европы в конце Средневековья, когда книга была не только произведением искусства, но и материалом для чтения. Острые углы, двойные соединительные штрихи, гусиное перо и другие элементы готических букв, несомненно, имеют декоративный эффект, хотя и чрезмерно усложненный. Они появились в тот период, когда переписчик с радостью работал над созданием тома целый год, а лорд или епископ, в чьи руки он попадал, с такой же вероятностью переворачивал листы, любясь черно-красными символами, как и тратил время на их чтение.

Когда появилось книгопечатание, первыми шрифтами стали сложные и угловатые готические, принятые в Германии. Итальянцы, которые всегда относились к готическим формам с полувзглядом, вскоре взбунтовались. Под влиянием эпохи Возрождения и ее нового вдохновения классической древностью они вернулись, насколько это было возможно, к древним формам символов. Даже средневековые строчные буквы были максимально упрощены и округлены, чтобы привести их в соответствие со старым римским стилем. Из Италии эти типы распространились во Францию и большинство других европейских стран, включая Англию, которая первые пятьдесят лет печатала черным шрифтом. Только в северо-центральной Европе готические формы продолжали преобладать, хотя даже там все научные книги уже некоторое время печатались римским алфавитом. Тем не менее, немцы иногда жалуются на "трудность" латинских букв, и книги, предназначенные для продажи населению, и газеты переходят на готику. Можно не сомневаться, что со временем латинские буквы вытеснят готические в Германии и Скандинавии, за исключением декоративных витрин. Но устоявшиеся способы умирают, и готические буквы могут сохраниться, как сохранялся календарь "старого образца" с его одиннадцатидневным опозданием в Англии до 1752 года и в России до 1917 года.

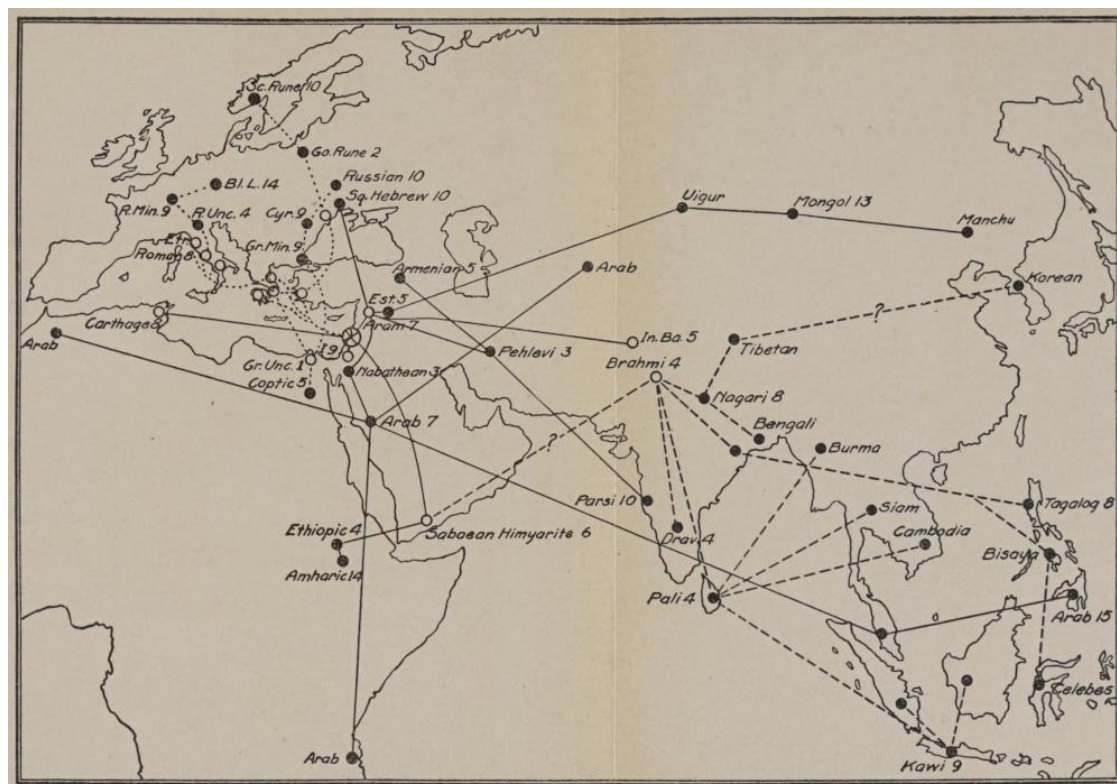


Рис. 30. Распространение алфавитного письма. Пунктирными линиями показан ход развития окцидентальных алфавитов; сплошными линиями - западноазиатских; прерывистыми - индийских. Цифрами обозначены века: полыми кружками - до нашей эры; сплошными кружками - после нашей эры. Перечеркнутый круг, точка происхождения, Финикия, XI век до н. э. Сокращения: Aram - арамейский; Bl L - черное письмо (готика); Cyr - кириллица; Est - эстрангельский; Etr - этрусский; Go - готический (руны); Gr Min, Unc - греческий минускул, унциал; In Ba - индо-бактрийский (хароштни); I - израильтянин; R Min, Unc - римский минускул, унциал; Sc - скандинавский (руны). Поток часто двигался взад и вперед; сравните 2000-летнее развитие от финикийского к ионийскому, афинскому, александрийскому (унциальному), константинопольскому (минускульному) и русскому; или от финикийского на север к арамейскому, затем на юг к набатейскому и арабскому, на восток к пехлевийскому и обратно на запад к армянскому.

145. Иврит и арабский язык

Лишь небольшая часть истории алфавита прошла в Европе, где обсуждаемые на первый взгляд столь разные формы письма в конечном итоге являются лишь довольно близкими вариантами ранних греческих букв. В Азии алфавит претерпел более глубокие изменения.

Главные современные семитские алфавиты, древнееврейский и арабский, значительно отличаются от первобытного семитского или финикийского, как и наш собственный алфавит. Древнееврейские буквы медленно развивались в течение первых десяти веков после Рождества Христова под влиянием факторов, которые превратили большинство из них в части квадратных ящиков, насколько это возможно. Б и К, М и Ш, Г и Н, Х и Ч и Т, Д и В, З и Р имеют форму, как будто специально для того, чтобы выглядеть одинаково, а не по-разному. Арабский язык, с другой стороны, полностью состоит из кривых: кругов, сегментов кругов и круглых росчерков; некоторые из его букв стали идентичными, за исключением диакритических знаков. Если мы поставим рядом соответствующие примитивные семитские,

современные английские, еврейские и арабские буквы, то сразу же станет ясно, что в большинстве случаев английский язык наиболее точно повторяет формы трехтысячелетней давности. Причиной этих изменений в иврите и арабском языке в основном является их происхождение от алфавитов, восходящих к арамейскому алфавиту, форме письма, возникшей в седьмом веке до нашей эры в Араме к северо-востоку от Финикии. Арамеи были семитами и поэтому придерживались первоначального значения финикийских букв более тщательно, чем греки и римляне. С другой стороны, они использовали алфавит в основном для деловых целей и быстро преобразовали его в скоропись, в которой петлеобразные или ограждающие буквы, такие как A, B, D, были открыты и расчищали путь для ряда возрастающих модификаций. Греческое и римское письмо, с другой стороны, сначала использовалось в основном в монументальных, посвященных, юридических и религиозных связях и сохраняло четкость формы за счет быстроты изготовления.

Одна из особенностей примитивных семитских и большинства азиатских алфавитов сохранялась долгое время: отсутствие гласных знаков. Однако в конце концов изображение гласных оказалось настолько выгодным, что его ввели. Однако поздние семиты не последовали примеру греков, преобразовав ненужные согласные знаки в вокалические. Они продолжали признавать согласные знаки единственными настоящими буквами, а затем добавили более мелкие знаки, или "точки", как их называют, для гласных. Эти точки в большей или меньшей степени соответствуют могильному, острому и циркумфлексному ударениям, которые французский язык использует для различения оттенков или качеств гласных, например, é, è, ê и е; и двойной точке или диерезу, который немецкий язык ставит на гласных "умлаут", чтобы отличить ä (= е) от а. Однако есть одно отличие: в то время как европейские точки предназначены для небольших изменений, иврит и арабский не имеют других средств для обозначения гласных, кроме этих точек. Таким образом, гласные остаются безусловно вспомогательными по отношению к согласным; в силу этого недостатка иврит придерживается примитивной семитской системы более тесно, чем мы.

Причина этого различия, вероятно, кроется в том, что иврит и арабский сохранили практически все согласные древнесемитского языка. Поэтому без придыханий и смычных обойтись не удалось, по крайней мере, так считали их носители. В индоевропейских языках эти звуки отсутствовали, поэтому греки предложили превратить лишние знаки в буквы, необходимые для гласных. Шаг к совершенствованию алфавита был сделан ими не столько потому, что они обладали оригинальностью или особо плодовитым воображением, сколько по той случайности, что их речь состояла из звуков, значительно отличающихся от семитских. Возможно, греки когда-то жаловались на непригодность финикийского алфавита и с ворчанием приспосабливали его к своему языку. Если бы они смогли перенять его без изменений, как это сделали евреи и арабы, то, вероятно, с радостью сделали бы это со всеми его несовершенствами. В таком случае они, а за ними и римляне, а возможно, и мы, скорее всего, продолжали бы писать только согласные полными буквами, а гласные обозначать семитским способом вспомогательных точек. Короче говоря, даже такой предприимчивый и новаторский народ, каким, по общему мнению, были греки, внес свой важный вклад в алфавит не столько потому, что хотел его улучшить, сколько потому, что фонетическая случайность заставила их найти для этого средства. Таковы чудеса человеческого изобретения, когда они лишаются романтического ореола и рассматриваются объективно.

146. Распространение на восток: письменность Индии

Распространение алфавита на восток от места его возникновения было даже более значительным, чем его распространение по Европе. Большая часть этого распространения в Азии приходится на два больших потока. Один из них шел по южному краю континента. Это движение началось за несколько столетий до нашей эры и часто шло по водным путям. Второй поток был в основном послехристианским и затронул главным образом внутренние народы Центральной Азии.

Индия - страна, имеющая наибольшее значение для развития алфавитов Южной Азии. Формы санскритских букв показывают, что они и последующие индуистские алфавиты являются производными, хотя и сильно измененными, от примитивного семитского письма. Как именно алфавит был перенесен с берегов Средиземного моря в Индию, до конца не выяснено. Некоторые считают, что прототипом основной ранней индийской формы письма был алфавит южноаравийских сабеев или химьяритов пяти-шестисот лет до н. э. Поскольку арабы были семитами, а торговля велась вверх и вниз по Красному морю, неудивительно, что даже эти довольно отдаленные и отсталые люди освоили письменность. Между южной Аравией и Индией также существовало определенное сообщение, так что дальнейшая передача по морю представляется вполне возможной. Согласно другой точке зрения, индусские торговцы узнали и импортировали северосемитский алфавит, возможно, уже в седьмом веке, на основе которого был создан брахми, от которого, в свою очередь, произошли все ныне существующие индийские алфавиты. Кроме этого основного импорта, был еще один, из арамейских источников, который привел к появлению другой формы индуистской письменности, кхароштки или индо-бактрийской письменности Пенджаба, которая на некоторое время распространилась в Туркестане, но вскоре угасла в Индии.

147. Слоговые тенденции

Одна черта индийских алфавитов указывает на их прямое семитское происхождение: они не признавали гласных. Индусы, говорившие на индоевропейском языке, столкнулись с той же трудностью, что и греки, когда переняли семитский алфавит без гласных. Но они решили эту проблему по-своему. Они предположили, что согласная буква обозначает согласный плюс гласный. Таким образом, каждая буква на самом деле обозначала слог. Самая распространенная гласная в санскрите - А, и предполагалось, что она присуща согласной. Например, буква К читалась не как К, а как КА. Это означало, что когда К должно было читаться просто как К, оно должно было быть специально обозначено: нужно было что-то сделать, чтобы убрать гласную А. Был добавлен диакритический знак, известный как вирама. Этот отрицательный знак является такой же "точкой", как и положительные гласные в иврите, но использовался для обозначения прямо противоположного.

Разумеется, в санскрите есть и другие гласные, кроме А. Они обозначались диакритическими знаками, аналогичными вираме. Так, если А - это диагональный штрих под согласной, то У изображается маленькой кривой внизу, Е - обратной кривой вверх, AI - двумя такими же, и так далее.

Если в слове перед гласным было два согласных, их сгущали в один, объединяя основные части каждого в более сложный символ. Это было похоже на то, как если бы мы писали "try", заставляя t и r превращаться в особый символ, показывающий поперечный штрих t и ролл или крючок r, и накладывая диерезис для гласного. Таким образом, каждый слог сводился к одной, хотя часто и сложной букве. Если слог заканчивался согласной, она становилась началом следующего слога. Даже конечная согласная в слове писалась как первая буква

следующего. В соответствии с санскритским планом, "собака бешеная" будет звучать как "до ги сма д-".

Очевидно, что в такой схеме есть что-то неестественно регулярное, систематическая искусственность. Любовь к системе проявилась иначе. Индусы придумали новый символ - в основном путем дифференциации старых - для каждого звука, который был у них и отсутствовал у семитов. Таким образом, они удвоили число своих букв. Затем они изменили их порядок на фонетической и логической основе. Все звуки, производимые задним нёбом, были объединены в одну группу; звуки, производимые передним нёбом, дёснами и зубами - в другую; губные звуки - в последнюю. Внутри каждой из групп буквы следовали друг за другом в фиксированном порядке в соответствии с их способом производства - безголосые смычные всегда первые, назальные - последние.

В результате этих нововведений индусские алфавиты значительно больше отклонились от семитского оригинала, чем наши. Возможно, этого и следовало ожидать, поскольку письменность проникла в Индию путем долгих скачков между народами, не состоявшими в близких отношениях. Кроме того, к тому времени, когда алфавит впервые попал к ним, индусы в изоляции своего отдаленного полуострова уже выработали передовой и уникальный тип цивилизации. Этот факт должен был предрасполагать их к тому, чтобы переделывать любое привнесенное изобретение в соответствии со своими устоявшимися привычками.

148. Ост-Индия: Филиппинские алфавиты

Распространение индуистского алфавита внутри Индии, в юго-восточной Азии и на Ост-Индском архипелаге не может быть описано здесь, поскольку это запутанная история, переплетенная с историей брахманизма и буддизма. Можно сказать, что в целом, за главным исключением Китая, индуистская письменность последовала туда, куда проникла индуистская религия. Но, возможно, будет полезно вкратце остановиться на одном из продолжений.

В первые века после Рождества Христова индусы стали проникать в Ост-Индию, особенно на Суматру и Яву. Здесь они создали княжества или королевства и свою религию. Они также импортировали многие искусства, такие как обработка железа, окрашивание батика, скульптура, драма и письменность. Возможно, с VI по XV век малайское население Явы жило под плотным слоем индуистской культуры (§ 104, 126, 262), а грамотность, очевидно, получила довольно широкое распространение. Большая или меньшая часть этой культуры была перенесена на другие острова Ост-Индии, а вместе с ней и письменность. На Филиппинах испанцы XVI века обнаружили несколько родственных алфавитов, по одному для каждой из основных народностей, которые, похоже, были заимствованы из Бенгалии примерно за восемьсот лет до этого.

Малайские языки необычайно просты по набору звуков. Поэтому большая часть сложного санскритского алфавита была ими отброшена. Но основные особенности санскритского письма были сохранены. Согласная читалась как согласная плюс А. Если согласная должна была читаться с другими гласными, ставились точки. В филиппинских алфавитах таких точек всего две. Одна, расположенная над согласной, служила для обозначения I и Е без разбора, другая, расположенная ниже, - для U и О. Расположение точек роднит их с санскритскими знаками гласных. Таким образом, филиппинские языки были адекватно переданы с помощью набора из двенадцати согласных букв, трех для самостоятельных гласных и двух гласных точек.

К моменту испанского открытия родные филиппинские алфавиты уже встречались с арабским письмом, которое незадолго до этого появилось на южных островах вместе с магометанством. Испанцы, конечно же, принесли с собой римский алфавит. В условиях такой двойной конкуренции родное письмо вскоре пришло в упадок. Наиболее развитые филиппинские народности, такие как тагалы и бисайя, уже давно отказались от старого письма. Однако недавно было обнаружено, что две разновидности родной письменности все еще сохранились - обе среди отсталых племен: тагбануа на Палаване и мангиан на Миндоро. Здесь, в джунглях, среди полуодетых дикарей, живущих под грубыми навесами, без огнестрельного оружия и правительства, сохранились самые отдаленные отголоски древнего санскритского алфавита.

Таким образом, на этом архипелаге встретились три совершенно разных потомка примитивного семитского алфавита. Один, начав свой путь около двадцати пяти сот лет назад, прошел через Аравию и северную Индию, достигнув Филиппин, вероятно, к 800 году н. э. Второй развивался на семитской родине, в конце концов вытеснился из северной Аравии вместе с магометанством, был перенесен через Индию на Малайский полуостров, а затем перепрыгнул через море на Борнео и Филиппины около 1400 года н. э. Третий следовал дольше всех. Третий путь был самым долгим: от финикийцев к грекам, в южную Италию, в Рим, в Испанию, после Колумба - в Мексику, а затем через Тихий океан в Манилу незадолго до 1600 г. н. э.

149. Северная Азия: конфликт систем в Корее

История алфавитов центральной и северной Азии сложна. Ее можно свести к тому, что арамейские производные от примитивного семитского письма, развивавшиеся в Сирии и ее окрестностях в течение шести или семи веков до рождения Христа, переносились на восток и северо-восток от одного народа к другому. Одна из модификаций арамейского, сирийский эстрангело, была перенесена сектой еретиков-христиан, несториан, к уйгурам и монголам, от которых маньчжуры заимствовали свою систему.

Самое дальнее распространение алфавита в Азии произошло на берегах Тихого океана, в Корее. Однако корейская письменность, по-видимому, происходит из индийского источника, через тибетский язык или, возможно, пали, священный язык и письменность южной ветви буддизма; следовательно, она является лишь отдаленным побочным родственником соседней маньчжурской. В Корее распространение алфавита было остановлено не из-за каких-то недостатков или слабости возраста, а из-за конкуренции совершенно другой системы письма - китайской.

Китайская письменность вовсе не алфавитная. В какой-то степени оно представляет звуки. Но оно представляет слоги или слова, а не буквы, и представляет их методом ребуса. Основа китайского письма - идеографическая. Поэтому оно представляет собой модифицированную форму картинного письма и теоретически относится к ранней стадии, практически сравнимой по принципу действия с египетскими иероглифами.

В конфликте между такой примитивной системой и истинно алфавитной, последняя, конечно, должна была бы победить в силу своей большей эффективности и простоты. Однако на деле корейский алфавит не только не восторжествовал, но и едва смог продержаться наравне с китайским. Причина была знакома: огромный социальный консерватизм человеческого разума.

Когда родной алфавит прижился в Корее, он столкнулся с подавляющим китайским влиянием. Двор, правительство, учреждения, официальная религия, вся деятельность

модных и важных людей строились по китайским образцам. Человек, не умеющий писать и читать китайские иероглифы, исключался из вежливого общества и продвижения по службе. Это было вполне естественно. Китайская цивилизация - одна из самых древних и великих в мире, а корейцы были меньшим народом и близкими соседями. Западная цивилизация находилась тысячах миль от нас, и лишь время от времени ее отголоски проникали на восточную окраину Азии. С одной стороны, несомненное практическое преимущество западного алфавита, с другой - импульс всей массы китайской культуры. В результате национальный корейский и истинный алфавит превратился в нечто, чем пользовались лавочники и люди низшего сословия; вещь, которую легко выучить и которая была более или менее презренной. Но законы, документы и книги высших учебных заведений были написаны китайскими иероглифами, на освоение которых бесчисленные корейцы из поколения в поколение тратили годы своей жизни.

Если бы человеческий разум был действительно рационален, если бы он действовал рационально лишь на десятую часть, как ему хочется верить, он не стал бы делать неудобные и сложные вещи после того, как в его распоряжении оказались более простые и эффективные средства для достижения той же цели, как это произошло в данной корейской ситуации. Здесь действует еще один принцип, не ограничивающийся простой инерцией. Это тенденция элементов культуры, которые в течение некоторого времени были связаны друг с другом, часто лишь случайно, к образованию взаимосвязанной совокупности или "комплекса". Как только такой комплекс или кластер приобретает определенную связность, он сохраняется с упорством, не зависящим от степени внутренней или логической связи между его элементами. Тот факт, что идеограммы были связаны с китайской религией, литературой и институтами, сделал их частью того, что можно назвать китайским комплексом. Масса этого китайского комплекса значительно перевешивала незначительные и разрозненные западные влияния. Алфавит попал в Корею в виде изолированного фрагмента и был быстро снесен тяжестью сложной и тесно связанной совокупности культур китайского происхождения. Именно этот грубый факт, а вовсе не превосходство в разумности или внутренних достоинствах той или иной системы, определил исход спора между ними.

Точно так же "комплекс", который мы знаем как западную цивилизацию - христианство и воротнички, наука и кино, фабричный труд и демократия, прекрасное и низменное, сплетенные вместе, - сегодня выбивает дух из древних и экзотических культур. Нам нравится называть этот процесс "прогрессом", потому что так удобнее, чем рассматривать его как качество судьбы, находящейся вне нашего контроля.

ГЛАВА XII

РОСТ ПЕРВОБЫТНОЙ РЕЛИГИИ

150. Региональные различия культуры.-151. Равнины, юго-запад, северо-запад.-152. Калифорния и ее подрайоны.-153. Формирование проблемы.-154. Обряд отрочества у девочек.-155. Первый период.-156. Второй период: Годовщина траура и обряд первого лосося.-157. Эпоха региональной дифференциации.-158. Третий и четвертый периоды в Центральной Калифорнии: Куксу и Хеси.-159. Третий и четвертый периоды в Южной Калифорнии: Джимсонвид и Чунгихниш.-160. Третий и четвертый периоды на нижнем Колорадо: Поющие сны.-161. Северо-западная Калифорния: возрождение мира и

демонстрация богатства.-162. Резюме религиозного развития.-163. Другие фазы культуры.-164. набросок истории культуры Калифорнии.-165. Вопрос датировки.-166. Свидетельства археологии.-167. Возраст раковинных курганов.-168. Общая пригодность метода.

150. Региональная вариация культуры

При первом знакомстве с совершенно незнакомым народом, рассеянным по большой территории, таким как индейцы Северной Америки, он может показаться довольно однообразным. Различия между отдельными людьми, и даже более значительные различия между одной группой и другой, оказываются погребенными под подавляющим массовым эффектом их отличия от нас самих. Однако растущее знакомство делает индивидуальные, местные и племенные особенности более очевидными. В конце концов, специалист начинает интересоваться конкретными чертами, пока особенности не станут занимать больше его внимания, чем единообразие. Его опасность всегда заключается в том, чтобы позволить себе принять сходство как должное и в итоге недооценить или забыть его. В то же время его задача - привести что-то новое в человеческое понимание - во всяком случае, факты, по возможности интерпретированные. Общие сведения, скорее всего, будут достаточно широко известны, а прогресс, новые формулировки, таким образом, зависят в конечном итоге от мастерства в деталях. Это означает, что если ученый хочет внести какой-то вклад в понимание мира, добавить новый умственный инструмент в его сундук, он должен посвятить себя конкретным чертам, разбору мелких деталей. Только находя новые деревья, он помогает сделать лес больше.

Если подойти к такой расе, как американские индейцы, с целью ученого или студента - открыть что-то большее, чем мы уже знаем, - мы быстро обнаружим, что институты, обычаи и утварь, иными словами, культура, варьируются от племени к племени. Если сравнивать племена, живущие так далеко друг от друга, что их больше не объединяет ни общение, ни даже связь с общими посредниками, то едва ли можно найти черты, в которых их культуры были бы полностью идентичны. В пределах ограниченного района преобладает достаточная степень единообразия. Но когда границы такого района пересекаются, начинается новый тип культуры, который с местными вариациями сохраняется до третьего района.

151. Равнины, юго-запад, северо-запад

Например, индейцы равнин между Скалистыми горами и рекой Миссисипи представляют собой сравнительную единицу. Все они воинственны, и главной целью жизни каждого мужчины в этих племенах является достижение воинской славы. Все равнинные племена в значительной степени питались бизонами, жили в типи - палатках из бизоньих шкур - и варили пищу на раскаленных камнях из бизоньей сыромятной шкуры. Почти все они совершали четырехдневную религиозную церемонию, известную как Танец Солнца, одним из главных действий которой был пост, а иногда и самоистязание с помощью шампуров, продетых через кожу и вырванных наружу. Эти обычаи были характерны для сиу, шайенов, арапахо, воронов, блэкфитов, ассинибойнов, омаха, киова, команчей и других племен.

Перейдя из этого региона на гористое плато, которое составляет нынешние Нью-Мексико и Аризону - Юго-Запад Соединенных Штатов, - человек сталкивается с рядом племен, часто живущих в каменных домах, ведущих сельское хозяйство, готовящих пищу в глиняных горшках, мало воюющих, отдающих власть жрецам, а не воинам, воздвигающих алтари и исполняющих танцы в масках, изображающих божества. Эта юго-западная культура, ее

внутренние отношения и племена, участвующие в ней, уже обсуждались в другой связи (§ 87).

Однако если, покинув Равнины, повернуть на северо-запад, к берегам Британской Колумбии и южной Аляски, появляется третий отличный тип туземной цивилизации. Среди этих племен северо-западного или северотихоокеанского побережья, таких как тлинкиты, хайда, цимшиан, квакиутль, нутка и салиш, жрец, как и воин, преклонялся перед богатым человеком, а продуманный набор правил и почестей отделял богатых высокородных от бедных и ничтожных. Аристократия, простолюдины и рабы составляли отдельные слои общества в этом регионе. Общественные ритуалы служили поводом для демонстрации богатства. Дома строились из дерева. Приготовление пищи происходило в ящиках. Преобладающей пищей была рыба.

Важно, что это не три племени, а три группы, каждая из которых состоит из нескольких политически независимых племен, разбросанных на значительной территории и демонстрирующих довольно фундаментальное сходство обычаев и институтов. Мы имеем дело с тремя типами культуры, каждый из которых является надплеменным и привязан к определенной территории. Эти районы иногда называют "этнографическими провинциями"; в целом они известны как "культурные районы". На североамериканском континенте обычно выделяют десять таких областей. Это равнины, юго-запад, север Тихоокеанского побережья, Маккензи-Юкон, Арктика, плато, Калифорния, северо-восток, юго-восток и Мексика[23].

Очевидно, что здесь мы имеем классификацию, сравнимую с той, которую натуралист делает для животных. Как зоолог делит позвоночных животных на млекопитающих, птиц, рептилий, земноводных и рыб, так и антрополог делит общую культуру североамериканских индейцев на культуры этих десяти областей. Натуралист, однако, не может остановиться на такой обширной группе, как млекопитающие, и продолжает подразделять их на порядки, такие как грызуны, плотоядные, копытные и т. д. Каждый из них он снова делит на семейства, роды и, наконец, виды. Виды соответствуют самым маленьким группам в человеческом обществе, а именно племенам или народам. Параллельно семейству или порядку, который натуралист находит между отдельным видом и большим классом млекопитающих, можно ожидать обнаружения групп, промежуточных между отдельными племенами и большими культурными областями. Такие промежуточные группы будут состоять из скоплений племен, составляющих части культурной области: явно относящихся к этой области, но в то же время несколько отделенных от других скоплений в пределах той же области, как пуэблос и навахо на Юго-Западе, как уже было описано (§ 87). Мы можем назвать такие кластеры или фракции субкультурными областями и должны заниматься ими, если хотим углубить наше понимание цивилизации аборигенов Америки.

Для простоты мы выберем ограниченную часть Северной Америки, вместо того чтобы разбираться в хитросплетениях континента в целом, чтобы увидеть, как ее культурные зоны и субкультурные зоны проявляют себя в деталях и помогают пролить свет на историю аборигенов. Примером может служить Калифорния.

152. Калифорния и ее субрегионы

Современные границы штатов часто не совпадают ни с этническими линиями деления, ни с естественными физико-географическими районами, особенно когда политические единицы создаются законодательным путем, как это было на большей части территории США. Это частичное несоответствие имеет место и для Калифорнии. Туземная культура, наиболее

характерная для Калифорнии, охватывала только средние две трети территории нынешнего штата, но была распространена в Неваде и на большей части Большого Бассейна (рис. 31).

На севере Калифорнии, особенно вдоль океана, жили индейцы, которые относились к племенам северной части Тихоокеанского побережья. Один за другим их обычаи и искусство при рассмотрении оказываются родственными обычаям и искусству побережья Британской Колумбии и в большей или меньшей степени отличаются от соответствующих практик индейцев Центральной Калифорнии. Таким образом, мы имеем второй культурный тип - северо-западную Калифорнию, которая представляет собой подразделение культурной области северного тихоокеанского побережья.

Индейцы южной Калифорнии связаны с индейцами прилегающих штатов Аризона и Нью-Мексико. Короче говоря, эта часть Калифорнии является частью Юго-Западного культурного ареала. Однако племена южной Калифорнии не полностью однородны между собой, а образуют две группы: племена островов, побережья и гор и племена реки Колорадо. Их отличает прежде всего то, что только речные племена занимались земледелием. Мы можем обозначить эти две группы как "Южная Калифорния" и "Нижняя река Колорадо".

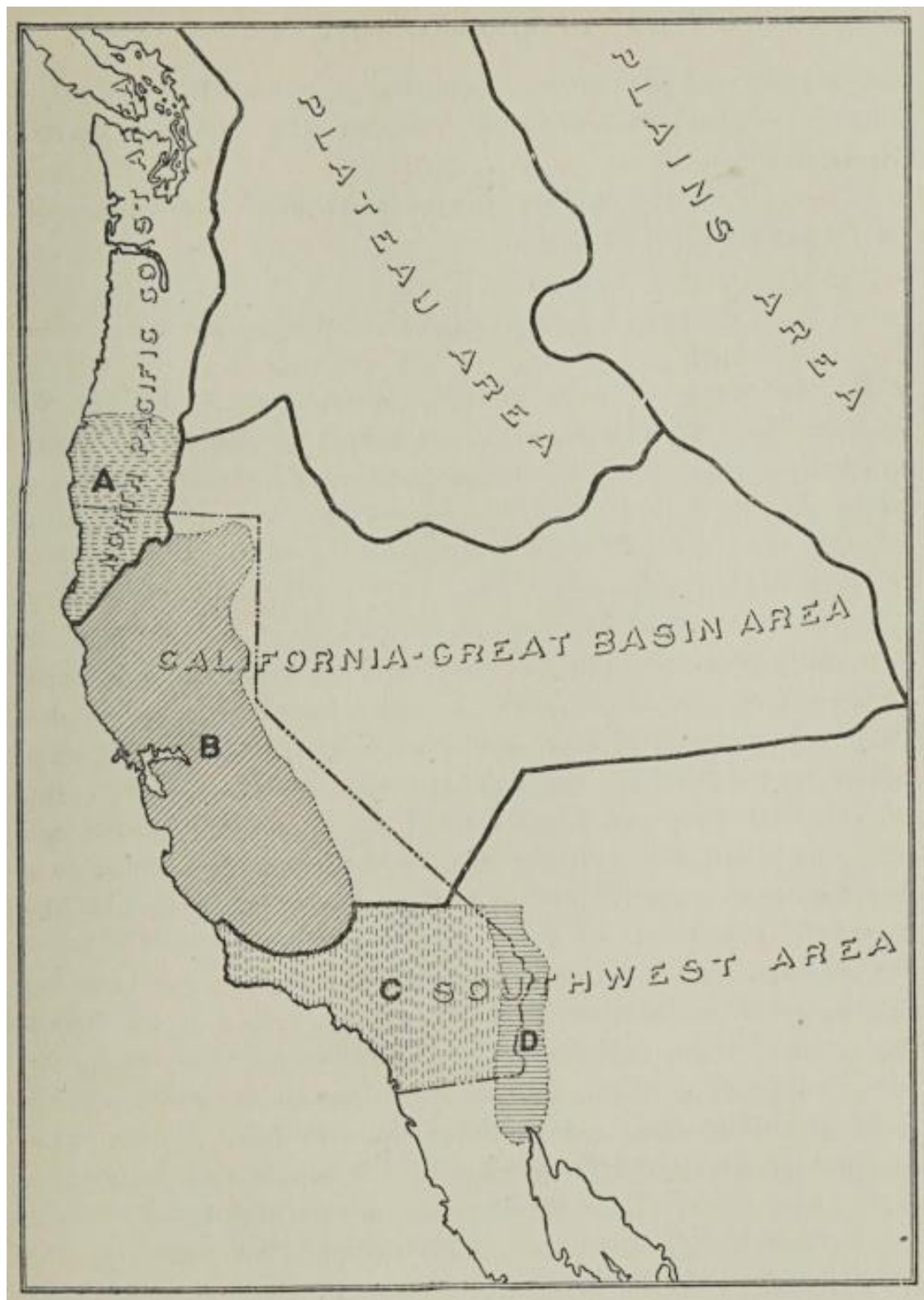


Рис. 31. Субкультурные ареалы коренной Калифорнии как часть основных культурных ареалов западной части Северной Америки. А - культура Северо-Западной Калифорнии; В - Центральной Калифорнии; С - Южной Калифорнии; D - Нижнего течения реки Колорадо.

В таблице на противоположной странице дана краткая характеристика этих четырех субкультурных ареалов.

153. Формирование проблемы

До сих пор мы занимались дискриминацией, то есть поиском характерных различий. С другой стороны, как среди опытных, так и среди поспешных наблюдателей всегда существовало общее мнение, что через культуру большинства племен Калифорнии, северной, центральной и южной, проходит определенное сходство. За редким исключением они были не воинственны; почти все они делали отличные корзины, но были не сильны в деревообработке. Очевидно, что необходимо согласовать эти общие черты с особенностями, которые отличают четыре региональных типа или субкультурных ареала, а также объяснить эти особенности.

Давайте упростим задачу, рассмотрев только один аспект четырех родных культур, а не всю культуру целиком. Так будет больше шансов сделать существенный задел; любые результаты, полученные на этом примере, можно будет впоследствии проверить на других аспектах культур, чтобы убедиться, что полученные выводы в целом репрезентативны. Далее, давайте расположим имеющуюся информацию по этому одному аспекту культуры не бессистемно, не механически, как в алфавитной классификации, и не в той последовательности, в которой авторы публиковали свои наблюдения, а естественно, или в соответствии с каким-то принципом, который, вероятно, позволит выработать интерпретацию. Поскольку часть проблемы заключается в соотношении единых черт и специфических, перспективным будет такой порядок, при котором на одном конце линии или ряда данных будут располагаться наиболее универсальные черты, а на другом - наиболее специфические или локализованные.

Давайте выберем религию в качестве той части туземной культуры, которая подлежит изучению, и ограничим ее еще больше, исключив на время из рассмотрения все формы религии, кроме общественных ритуалов, которые у индейцев часто сопровождаются священными танцами или сигнализируют о них. Мы можем забыть на время о частных обрядах, индивидуальных жертвоприношениях, суевериях и табу, знахарях, мифах и тому подобном и обратить внимание на танцы, исполняемые группами людей, или очевидные эквиваленты таких танцев, и ритуальные действия, определенно связанные с танцами или общим благом.

	<i>Северо- западная Калифорния (северное побережье Тихого океана)</i>	<i>Центральная Калифорния (Калифорния- Грейт- Бассейн)</i>	<i>Южная Калифорния (юго- запад)</i>	<i>Нижняя часть реки Колорадо (юго-запад)</i>
Дома	Доски	Земля или солома	Земля или тростник	Земля
Домики	Доски	Земля	Земля	Нет
Головные уборы	Женские шапочки	Мужские головные уборы	Женские шапки	Нет
Обувь	Мокасины	Нет	Сандалии или мокасины	Сандалии
Женские юбки	Оленья шкура	Оленья шкура или волокна	Волокна	Волокна

Корзины	Плетеные	Сплетенные и свернутые	В основном свернуты	Почти отсутствуют
Керамика	Нет	Нет	Недекорированная	Декорированная
Лодки	Выкопанные каноэ	Плоты из камыша	Соединяемые доски	Камышовые плоты
Весла	Однолопастные	Однолопастные	Двухлопастные	Палки
Основной продукт питания	Лосось	Желуди	Желуди и рыба	Кукуруза
Игра в кольцо и кегли	Позвонки лосося	Оленьи позвонки	Чашечки желудей	Кожура тыквы
Деньги из ракушек	Денталия	Диски моллюсков	Диски с моллюсками	Почти нет
Луки	Шипоносые	С гребенчатой спинкой	Простые	Простые
Военные булавы	Ограниченный камень	Нет	Дерево с набалдашником	Дерево с набалдашником
Социальные дивизии	Нет	Двойные	Двойное и множественное	Множество
Шаманы	Женщины	Мужчины	Мужчины	Мужчины
Легенда о происхождении	Предыдущая раса	Создатель	Рождение с Земли	Рождение с Земли
Религиозное общество	Нет	Куксу	Джимсонвид	Нет
Танцы	Демонстрация богатства	Изображения духов	Простые танцы	Пение снов

Выбор этого этапа туземной культуры не совсем случаен; ритуал, как правило, более свободен от осложнений, вызванных природной средой, чем большинство других институтов и обычаев. Если бы в качестве объекта атаки было выбрано, например, промышленное искусство, можно было бы представить, что одни племена делали гончарные изделия, а другие нет, из-за наличия или отсутствия подходящей глины в их соответствующих местах обитания; или, возможно, что определенное плетение корзин встречалось повсеместно, потому что это плетение более или менее непосредственно вытекало из физических свойств какого-то растительного материала, распространенного повсюду в государстве. С другой стороны, когда племена устраивают или не устраивают танцы в честь своих божеств, или когда они устраивают или не устраивают тщательно продуманный траур по своим умершим, это обычаи, в которые едва ли может вклиниться влияние природной среды, поскольку все народы верят в духов и страдают от потери родственников.

154. Обряд отрочества девочек

Когда мы рассматриваем религиозные танцы калифорнийских племен в целом, то обнаруживаем, что есть только два, которые близки к универсальным. Один из них - это танец Победы, который проводится над головой или скальпом убитого врага; другой - обряд

отрочества, который проводится для девочек в период полового созревания. Последний из них рассматривать выгоднее. Он более широко распространен, его исполняли во всех районах Калифорнии и почти во всех племенах. Танец Победы не был создан индейцами северной Калифорнии, которые заменили его танцем военного подстрекательства другого характера. Кроме того, племя, имеющее традицию танца Победы, часто может быть мирным и обходиться без этого праздника в течение жизни одного-двух поколений. Но церемония, которую считалось необходимым проводить для каждой девочки в период полового созревания, очевидно, должна была проводиться каждые несколько лет даже в небольшой группе.

В калифорнийском подростковом обряде существует множество локальных вариаций, но некоторые его особенности проявляются с постоянством. Эти черты основаны на убеждении, что девушка, которая в этот момент переходит из детства в зрелость, должна переживать критический переход. Это событие считалось критическим не только для нее, но и для общины, а поскольку кругозор индейцев был ограничен, то и для всего их маленького мира. Девочка, которая в этот период не проявляла стойкости к трудностям, навсегда оставалась слабой и жалобной: поэтому она постилась. Если она усердно носила дрова и воду, то оставалась хорошей работницей на всю жизнь, а если постилась, то вырастала лентяйкой. Этот момент был настолько важен, что ее считали чрезвычайно влиятельной на свое окружение, как представляющую скрытую опасность. Если она смотрела на мир со стороны, то дубы могли стать бесплодными, и урожай желудей в следующем году не вырастет, или лосось отказывался подниматься по реке. Поэтому во многих племенах созревающую девочку накрывали одеялом, ставили под большую корзину или заставляли надвинуть на глаза козырек из перьев. Другие заставляли ее откидывать волосы вперед и держать голову склоненной. Над ней пели древние религиозные песни и танцевали вокруг нее ночь за ночью. Некоторые дополнительные элементы церемонии были ограничены на местном уровне. Так, только на юге девушку помещали в яму и запекали в горячем песке. Но ряд особенностей встречается от севера до юга штата. Среди них следующие правила. Девушка не должна есть мясо, жир или соль. Она не должна чесать голову пальцами, а должна использовать палку или костяное приспособление, сделанное для этой цели. Она не должна смотреть на людей; и над ней должны петь.

Следует добавить, что большинство этих черт девичьего обряда повторяются среди племен гораздо большей территории, чем Калифорния, включая Неваду и Большой Бассейн, а также побережье Тихого океана на большом расстоянии к северу. Таким образом, этот институт удивительно широко распространен и сохранил почти те же фундаментальные черты, где бы он ни был обнаружен.

155. Первый период

Что можно заключить из этого единообразия и широкого распространения? Представляется справедливым попробовать сделать предположительный вывод о древности. Континент, скорее всего, старше острова. Семейство животных, вероятно, существует дольше, чем отдельный вид. Обычай, распространенный по всему миру, обычно более древний, чем тот, который ограничивается узкой местностью. Если он распространился от одного народа к другому, то это распространение по всей земле обычно требует длительного времени. С другой стороны, если бы такой обычай зародился отдельно среди каждого народа, сама его универсальность указывала бы на то, что он был ответом на глубокую и первичную потребность, а такая потребность, предположительно, проявилась бы уже на ранних этапах истории расы.

Правда, на подобные свидетельства нельзя полагаться слишком положительно. История цивилизации дает несколько противоположных примеров. Так, персидская религия поклонения огню старше христианства, но в настоящее время она сохранилась только у парсов в Бомбее и у одной или двух небольших групп в Персии. Употребление табака распространилось по всему восточному полушарию за четыре столетия. Тем не менее, такие случаи являются исключительными; и в отсутствие конкретных противоположных соображений, большой вес должен быть отдан широте распространения в рейтинговой древности.

Если бы девичий обряд был идентичен у всех племен, которые его практиковали, можно было бы сделать вывод, что он возник всего несколько веков назад, но по какой-то причине передавался от одного племени к другому с такой необычной быстротой, что не подвергся изменениям времени. Однако тот факт, что на существенное единообразие обряда накладывается такое большое местное разнообразие, как, например, обычай выпечки, распространенный в южной Калифорнии, говорит о том, что такое быстрое и позднее распространение маловероятно. Обряд во многом напоминает христианство, которое в ходе своей долгой истории также распалось на национальные разновидности или секты, но все они, тем не менее, остаются христианскими.

Таким образом, факты позволяют сделать такой предварительный вывод: обряд девушек является представителем самого древнего слоя религии, который можно проследить среди индейцев Калифорнии - их "первого периода". Танец Победы, предположительно, имеет почти такую же, но не совсем такую же древность.

156. Второй период: Годовщина траура и обряд первого лосося

Продолжая тот же метод, давайте поищем ритуалы, которые распространены не так широко, как эти, но все же не ограничиваются небольшими районами. В этом ряду выделяется траурная годовщина. Это обычай оплакивать каждый год или с интервалом в несколько лет тех членов племени, которые умерли со времени последнего представления, и сжигать в память о них большое количество богатств - деньги из ракушек, корзины и тому подобное. Каждая семья приносит жертву за своих умерших, но особо почитаемых людей чествуют, делая их изображения и сжигая вместе с имуществом. До тех пор пока годовщина не будет исполнена, родственники умершего остаются скорбящими. После этого они могут вернуться к нормальной жизни, а имя умершего, которое до этого момента было строго табуировано, теперь может быть присвоено ребенку в семье.

Траурный юбилей в том виде, как он описан здесь, практикуется с небольшими вариациями, меньше, чем показано в обряде девочек, по всей южной Калифорнии и значительной части центральной Калифорнии, особенно в районе Сьерра-Невады. Таким образом, его распространение охватывает более половины штата. Но он не распространился в других местах, за исключением небольшой территории в южной Неваде и западной Аризоне.

В северной Калифорнии траурный юбилей отсутствует. Дело не в том, что здешние индейцы не оплакивают своих умерших. На самом деле они часто оплакивают их дольше, чем считают нужным большинство цивилизованных народов. Они могут похоронить или сжечь вместе с трупом какое-нибудь имущество. Но они не практикуют регулярных публичных поминок, как южные племена. Они не накапливают богатство месяцами или годами, чтобы в конце бросить его в общий костер. И они не делают изображений своих мертвых. На самом деле,

они были бы шокированы этой идеей как бестактной, если не нечестивой. Есть ли в этой северной части Калифорнии что-то, что заменяет юбилей?

Не в качестве психологического эквивалента, но в плане распространения - есть. В северной Калифорнии и некоторых районах Орегона существует обычай, согласно которому ведущий шаман или знахарь проводит церемонию в начале ежегодного хода лосося. Пока он этого не делал, никто не ловил лосося и не ел его. Если таковые попадались, их осторожно возвращали в реку. Когда знахарь проходил свои тайные обряды, он ловил и съедал первую рыбу в году. После этого сезон был открыт. Употребление в пищу лосося больше не сулило болезней и бедствий, как считалось несколькими днями ранее. Более того, молитвы или формулы, произносимые шаманом, умиловывали лосося и заставляли его бежать в изобилии, так что у каждого был достаток. В этом обряде явно прослеживается общинный мотив, несмотря на то, что его исполнение поручалось отдельному человеку.

Единственным специфическим элементом, общим для Траурной годовщины и этого обряда Первого лосося, является их связь с природным годом, циклом времен года - черта, неизбежно отсутствующая в девичьем обряде с его сугубо личным характером. Из-за этой общей черты, а также из-за того, что ни один из этих двух ритуалов не распространен так широко, как девичий обряд, и при этом они охватывают всю Калифорнию с существенной взаимной исключительностью, кажется справедливым предположить, что оба они возникли в более позднее время, чем девичий обряд, но все еще в довольно отдаленной древности. Поэтому их можно условно отнести ко второму периоду предыстории Калифорнии.

157. Эпоха региональной дифференциации

Теперь необходимо вернуться к четырем региональным делениям или субкультурным ареалам современных племен Калифорнии. Поскольку северо-западные племена связаны с обширной культурой северной части Тихого океана, а племена Южной Калифорнии и реки Колорадо - с великой культурой Юго-Запада, многие из их обычаев должны были зародиться в тех частях этих двух культурных зон, которые лежат за пределами Калифорнии. Даже если северные и южные калифорнийцы "одалживали", а также "заимствовали" изобретения и институты, в целом они должны были получить или научиться или подражать больше в процессе обмена, чем передали. Это ясно из того факта, что индейцы Британской Колумбии более развиты в своих производственных способностях, более богаты в разнообразии инструментов и утвари, и более развиты в своей организации общества, чем индейцы Северо-Западной Калифорнии; и аналогичные отношения превосходства и приоритета существуют между пуэблос Нью-Мексико и Аризоны и племенами Южной Калифорнии (§ 87). Другими словами, поток цивилизационных влияний, очевидно, шел от южной Аляски и Британской Колумбии на юг вдоль побережья до Северо-Западной Калифорнии, а другой поток - от пуэбло, живущих в городах, к племенам, живущим в деревнях Южной Калифорнии, точно так же, как цивилизация текла из древней Вавилонии в Палестину, из Египта на Крит, из Греции в Рим, из Рима в Галлию и Британию, из Западной Европы в Америку после ее открытия, а также от христианских народов к нехристианским народам современности. Где-то в разгадке предыстории Калифорнии должны быть обнаружены первые признаки этих потоков извне.

Они не проявляются в двух периодах, которые были установлены до сих пор. Распространение девичьего обряда первого периода, траурного юбилея и обряда первого лосося второго периода не совпадает с основными культурными зонами континента. Например, Юго-Запад, от которого так много переняли современные южные калифорнийцы, не имеет ни одной из этих церемоний. Таким образом, культура Юго-Запада, очевидно,

возникла или начала приобретать свой недавний аспект, или, по крайней мере, оказывать влияние на Южную Калифорнию, главным образом после того, как прошли два периода, в течение которых эти церемонии утвердились в Калифорнии. Обряд девушек, несомненно, распространен на тихоокеанском побережье до Аляски. И все же он более распространен, чем культура северного тихоокеанского побережья, поскольку ее южная граница находится в Северо-Западной Калифорнии, в то время как эта церемония универсальна вплоть до южной оконечности штата, а также встречается в глубине страны в районах Великого Бассейна и Плато. Будучи более распространенным, чем культура побережья, девичий обряд предположительно является более древним.

Таким образом, зарождение четырех современных типов культуры коренных жителей Калифорнии, очевидно, следует искать примерно в той точке, которой мы сейчас достигли в нашей реконструкции. Сначала была одна очень широко распространенная церемония, затем две менее распространенные; следующим логическим шагом в развитии должен был стать рост еще большего числа церемоний или ритуальных систем. Они, в силу своей большей давности и, возможно, из-за противоречий друг с другом, распространились бы только на сравнительно небольших территориях. Поэтому предположим, что к этому Третьему периоду относятся зачатки танцев отображения богатства у северо-западных индейцев, которые связаны с идеей обновления мира (таблица, с. 299); так называемых танцев куксу, исполняемых среди жителей Центральной Калифорнии членами тайного общества, переодетыми божествами; обрядов с джимсоновой травой у южных племен, которые используют это наркотическое растение как мистическое средство посвящения молодых в свое религиозное общество; и серии длинных песнопений, к которым пристрастились племена реки Колорадо и считают, что им приснились чудесные сны.

Конечно, вряд ли можно представить, что эти четыре местные системы возникли в полном объеме. Это сложные наборы ритуалов, совершенно отличные от простого девичьего обряда и траурного юбилея. Они, должно быть, постепенно выросли из более скудных зачатков и долгое время шли к своей нынешней разработке. Таким образом, представляется оправданным добавить не один, а два последующих периода религиозного роста, в более ранний из которых - Третий - эти церемониальные системы исторических индейцев начали свое развитие, тогда как в более поздний или Четвертый они достигли его.

158. Третий и Четвертый периоды в Центральной Калифорнии: Куксу и Хеси

Например, в субкультурной зоне Центральной Калифорнии ряд племен имеет общество, в которое юноши принимаются только после двойной инициации с формальным обучением старейшинами, причем первая инициация происходит в детстве, а вторая - вскоре после полового созревания. Общество устраивает большие четырехдневные танцы в больших домах, покрытых землей. Время для танцев и песен отбивается трещотками из расщепленных палок, а ногами отбивают по большому барабану из бревен. Танцоры носят нарядные костюмы из перьев, которые маскируют их для непосвященных женщин, детей и чужаков, принимающих их за духов древности, пришедших явить себя на благо людей. Таким образом может быть представлено до двенадцати божеств, каждое из которых имеет свое характерное имя и наряд. Одним из самых известных из них является бог или "первочеловек" Куксу, основатель священных обрядов, в честь которого вся система получила название "Культ Куксу".

Племенами, участвующими в культе Куксу, являются патуин, более близкие майду, порно, юки, мивок и некоторые другие. Они занимают территорию, которую можно назвать сердцем Калифорнии, а именно районы, прилегающие к низовьям рек Сакраменто и Сан-Хоакин и

заливу Сан-Франциско, в который эти два потока вливают стоки большой внутренней долины (рис. 32).

Помимо танцующих куксу есть и другие племена, такие как дальние майду, вайлаки и некоторые йокуты, среди которых знахари собираются для публичной демонстрации своих магических способностей. Так, они собираются для состязания в "забрасывании" друг в друга болезней или для зачарования гремучих змей, чтобы с ними можно было справиться и чтобы никто из племени не был укушен в течение следующего года. В этих собраниях прослеживается идея ассоциации людей, наделенных определенными способностями и действующих более или менее сообща на благо общины. Короче говоря, эта окраина центральных племен за границей культа Куксу демонстрирует некоторые из психологии и мотивов культа, но без определенной организации последнего, а также без некоторых его специфических практик, таких как олицетворение бога. Таким образом, эти собрания знахарей выглядят так, как будто они могли быть простым и обобщенным субстратом, из которого культ Куксу вырос в процессе постепенной формализации и ритуальной проработки. Этот вывод подтверждается распределением. Это племена на концах большой внутренней долины или на холмах над ней, чьи обряды относятся к этому свободному типу, в то время как в центре находятся истинные танцевальные группы куксу. Существует периферия низкой организации и ядро высокой организации. В соответствии с нашим предыдущим правилом (§ 87, 97), недавность приобретения, но древность стадии относятся к маргиналу как более широко распространенному; географически более компактное ядро представляет собой более раннее начало, но более позднюю стадию современного развития. То есть, есть основания полагать, что культ Куксу вырос из полуофициальных собраний знахарей, подобных тем, что до сих пор сохранились в отдаленных районах - "глубинке" Центрального региона.

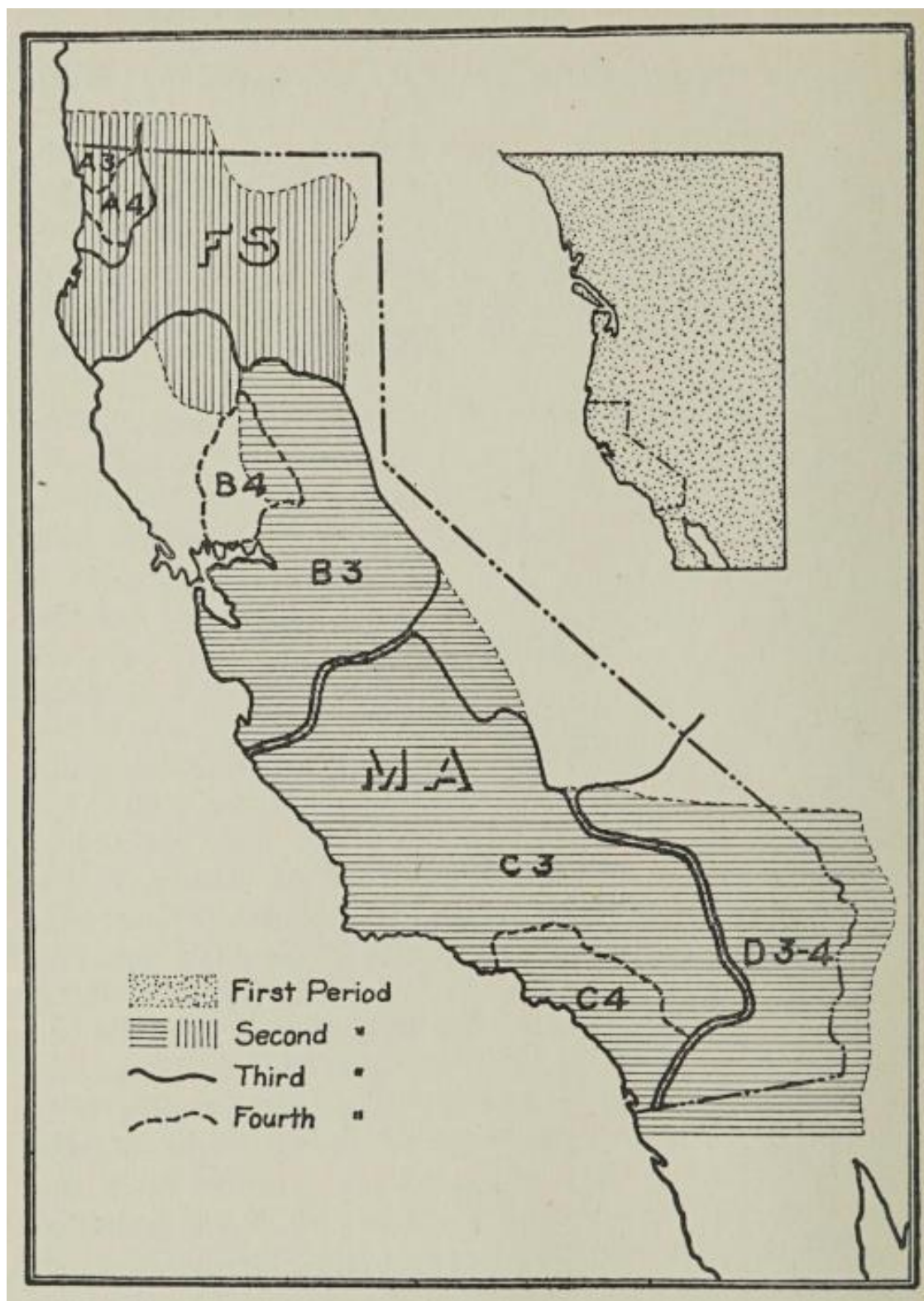


Рис. 32. Рост ритуалов коренных жителей в Калифорнии, диапазон каждого из которых сужается пропорционально его периодичности и специализации. Первый период, *стипплинг*: Девичий обряд. Второй период, *штриховка*: горизонтальная, MA, Годовщина траура; вертикальная, FS, Обряд первого лосося. Третий и четвертый периоды, *контуры*: A3, "Демонстрация богатства", A4, "Танец оленьей шкуры"; B3, "Общество Куксу", B4, "Танец Хеси"; C3, "Культ Джимсонвида", C4, "Культ Чунгичниша"; D3-4, "Пение снов".

Очевидно, если еще более позднее религиозное движение развилось как развитие или дополнение культа Куксу, оно должно быть менее распространено, чем эта система, образуя

своего рода ядро внутри ядра. На самом деле такое позднее развитие есть. Это танец хеси, распространенный среди патуин и майду в нижней части долины Сакраменто (рис. 32) и рассматриваемый ими как наиболее священная часть системы куксу. Это один из всех их ритуалов, в котором участвует наибольшее число исполнителей в различных одеждах, и он проводится дважды в год как эффектное начало и финал серии меньших танцев куксу.

Таким образом, история туземного ритуала в Центральной Калифорнии довольно проста. В начале Третьего периода, возможно, уже во время Второго, специалисты по религии, знахари, приобрели привычку устраивать публичные демонстрации. Это привело к возникновению общности между ними и чувства исключительности по отношению ко всей общине. На основе этого чувства в Третий период где-то в нижней части долины Сакраменто возникла идея организованного тайного общества с посвященными членами. Представления становились все более и более изощренными, а доказательство сверхъестественной силы постепенно выкристаллизовывалось в пародии на божества. К началу Четвертого периода был создан культ Куксу. В этот период он был перенесен из центра зарождения в самые отдаленные пределы, в то время как в центре развивался танец хеси как характерное дополнение. Если бы развитие аборигенов шло беспрепятственно, если бы, например, приход белой расы был отложен еще на несколько веков, хеси могли бы последовать за распространением более раннего культа Куксу; и пока шло это новое распространение, Патвины, составляющие центральное ядро всего движения Куксу-Хеси, могли бы разрабатывать еще более новое дополнение к системе.

159. Третий и четвертый периоды в Южной Калифорнии: Джимсонвид и Чунгихниш

Обряды Джимсонвида в Южной Калифорнии значительно отличаются от культа Куксу по своим регалиям, танцам и учениям, но также основаны на инициации. Поэтому можно сделать вывод, во-первых, что они выросли одновременно в Третьем периоде; и во-вторых, что они возникли из одной и той же почвы - растущей тенденции знахарей к профессиональному объединению. Выбор багульника в качестве отличительного элемента на юге, по-видимому, был обусловлен влиянием Мексики и Юго-Запада. Племена Аризоны и Нью-Мексико используют это растение в религии, ацтеки приписывают ему сверхъестественные способности, а современные мексиканцы тепекано молятся ему как богу. Испано-американское название растения, толоаче, является ацтекским словом. Поскольку мексиканская цивилизация была гораздо более развитой, кажется вероятным, что использование багульника зародилось в Мексике, было перенесено на Юго-Запад, а оттуда распространилось в Южной Калифорнии - возможно, в тот момент, когда ассоциации знахарей теснее сплотились и почувствовали необходимость в каком-то мощном эмоциональном элементе, который придавал бы импульс их культам.

Хотя религии Джимсонвида следовали калифорнийские племена от йокутов на севере до диегеньо на юге, ее наиболее развитые формы встречаются у групп, живущих вблизи центра Южной Калифорнии, особенно у габриэлино из Лос-Анджелеса и с острова Каталина. Эта группа связывает наибольшее количество ритуалов и танцев с Обществом Джимсонвида и, следовательно, вероятно, принимала ведущее участие в разработке этой религии.

К началу Четвертого периода у габриэлино, должно быть, уже были полностью разработаны обряды джимсонвида, в то время как периферийные племена, такие как йокуты и диегуэньо, возможно, только осваивали религиозное использование наркотика. Однако Габриэлино не стояли на месте в течение этого Четвертого периода, и в то время как первоначальные,

довольно простые обряды Джимсонвида распространялись на север и юг, они добавили новый элемент. Это культ Чунгичниш, основанный на вере в великого, мудрого, могущественного бога с таким именем, которому приписывается окончательное устройство мира и учреждение обрядов Джимсонвида и их правильное исполнение. С этой верой связано использование "картины на земле". Это большое изображение, обычно мира, нарисованное цветной землей, песком, семенами или красками на полу священного помещения, в котором проводились ритуалы Джимсонвида. Эта картина на полу служила одновременно алтарем для проведения обрядов и средством обучения посвященных (§ 192, 193). Обычай нанесения священного рисунка прочно укоренился среди габриэлино и, как известно, перешел от них к другим племенам, таким как луизеньо. От них он перешел, частично в течение последнего столетия, после появления на земле белого человека, к еще более отдаленным племенам, таким как диегуэньо, которые признают остров Каталина, где живут габриэлино, как источник культа чунгичниш и поют его песни на слова габриэлино (рис. 32).

160. Третий и четвертый периоды на нижнем Колорадо: Пение снов

В юго-восточной Калифорнии, среди племен нижнего течения реки Колорадо, Третий и Четвертый периоды различить не так легко. Причина этого, по-видимому, заключается в том, что религия у этих племен развивалась не столько за счет изобретения или создания новых элементов, сколько за счет отсека старых, что привело к довольно узкой специализации на тех немногих элементах, которые были сохранены. Такие племена, как юма и мохаве, почти не танцевали в религиозных целях. У них отсутствовали специальные костюмы, головные уборы из перьев, маскировка, музыкальные инструменты, песчаные рисунки, алтари и ритуальные шествия, характерные для культов Куксу и Джимсонвида. Зато они придерживались широко распространенного и древнего представления о том, что сны являются источником и доказательством сверхъестественной силы. Короче говоря, их религия была обращена внутрь, а не наружу. Вместо того чтобы знахари формировали общество, основанное на инициации, племена реки Колорадо пришли к мысли, что каждый может стать знахарем в соответствии со своими снами. Они сделали акцент на этих внутренних переживаниях. В результате они считают, что легенда может быть правдивой и священной только в том случае, если она приснилась, и что песни человека должны быть получены таким же образом. Религия, таким образом, является для них в высшей степени индивидуалистическим делом. Поскольку два человека не могут видеть одинаковые сны, два юма или мохава не могут одинаково рассказывать свои мифы или петь свои песенные циклы. Эта связь с их религией настолько сильна, что кажется довольно древней. Поэтому зарождение этого местного типа религии можно отнести к Третьему периоду. Что касается Четвертого периода, то можно предположить, что он в основном усилил тенденции, развитые в Третьем периоде, причем сновидческая основа усилилась по мере того, как отпадал церемониализм.

161. Северо-западная Калифорния: Обновление мира и проявление богатства

В Северо-Западной Калифорнии также нелегко различить Третий и Четвертый периоды. Однако здесь корни этих двух эпох во Второй прослеживаются более четко. Мы видели, что по всей Северной Калифорнии существует обряд Первого лосося, который проводит выдающийся знахарь каждого населенного пункта; и мы отнесли вероятное происхождение этого обряда ко Второму периоду. Современные индейцы Северо-Западной Калифорнии считают, что их большие танцы продолжительностью десять или двенадцать дней - это, по сути, демонстративное публичное сопровождение чрезвычайно священного и тайного

действия, совершаемого одним жрецом, который произносит магическую формулу. В одних случаях его цель - открыть сезон лосося, в других - запустить урожай желудей, в третьих - добыть новый огонь для общины. Но какова бы ни была конкретная цель, всегда считается, что он обновляет что-то важное для мира. Он "создает мир", как говорят индейцы, на новый год. Таким образом, эти новогодние или обновляющие мир функции обрядов современных индейцев Северо-Западной Калифорнии, похоже, естественным образом ведут к обряду Первого лосося, который так широко распространен в Северной Калифорнии. Очевидно, что этот специфический обряд, возникший во Второй период, был развит на Северо-Западе в Третью и Четвертую эпохи за счет расширения его цели и присоединения к нему определенных характерных танцев.

Этими танцами являются танцы оленьей шкуры и прыжки. Они отличаются от танцев центральных и южных племен тем, что в них может участвовать каждый. Здесь нет идеи общества с членством, а значит, нет и исключения непосвященных. На самом деле танцы - это прежде всего демонстрация богатства, которая считается успешной пропорционально количеству зрителей. Оленьи шкуры альбиносов, украшения из скальпов дятлов, меха и большие клинки из кремня и обсидиана, которые несут на танцах, составляют сокровища этих племен. Танцы - это лучшая возможность для богатых людей представить свои реликвии на всеобщее обозрение и таким образом продемонстрировать честь владения, которая является одной из самых дорогих вещей в жизни жителя Северо-Западной Калифорнии.

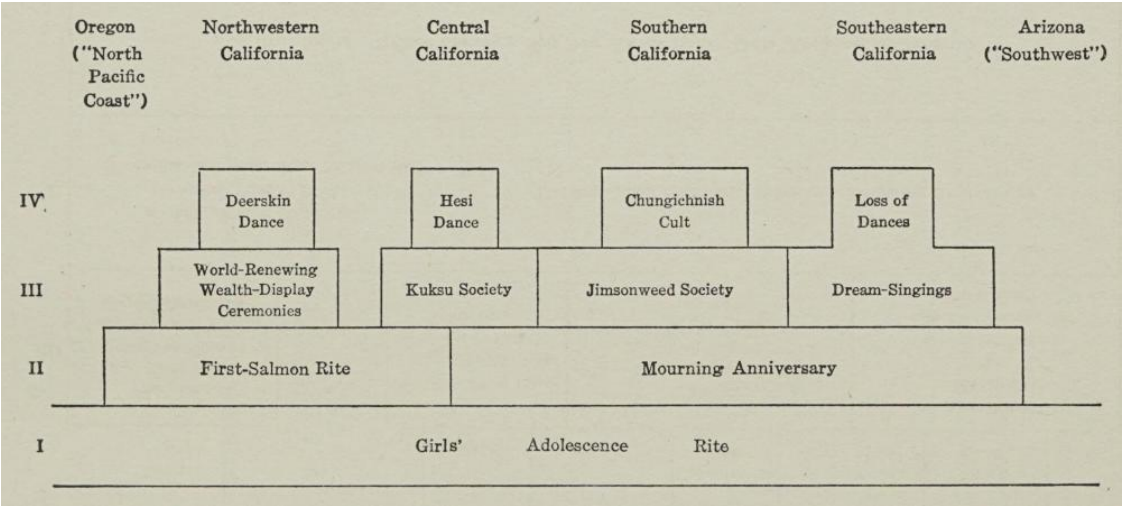
Еще одна особенность северо-западных танцев, которая отличает их от центральных и южных, заключается в том, что они могут проводиться только в определенных местах. Танец куку по праву считается закрытым, но для его проведения подойдет любой правильно построенный танцевальный дом. Однако юрок или хупа сочтут в корне неправильным устраивать танец оленьей шкуры не на том месте, где его прадед всегда его видел. Причиной такой привязанности к месту, по-видимому, является его убежденность в том, что наиболее существенная часть танца - это тайный, магический обряд, совершаемый только в указанном месте, поскольку в формуле, произносимой как его ядро, упоминается именно это место.

На Северо-Западе мы снова, как и в центральных и южных регионах, можем констатировать все большее сокращение территории для каждого последовательно развивающегося ритуала. Если обряд Первого лосося Второго периода охватывает всю северную треть Калифорнии и часть Орегона, то танцы демонстрации богатства и обряды обновления мира Третьего и Четвертого периодов встречаются только в Северо-Западной Калифорнии. Танец прыжков исполнялся в дюжине или более деревень, а чуть более великолепный танец оленьей кожи - только в восьми (рис. 32). Это позволяет предположить, что танец прыжков является более ранним, возможно, восходящим к Третьему периоду, тогда как танец оленьей кожи, скорее всего, возник в Четвертом.

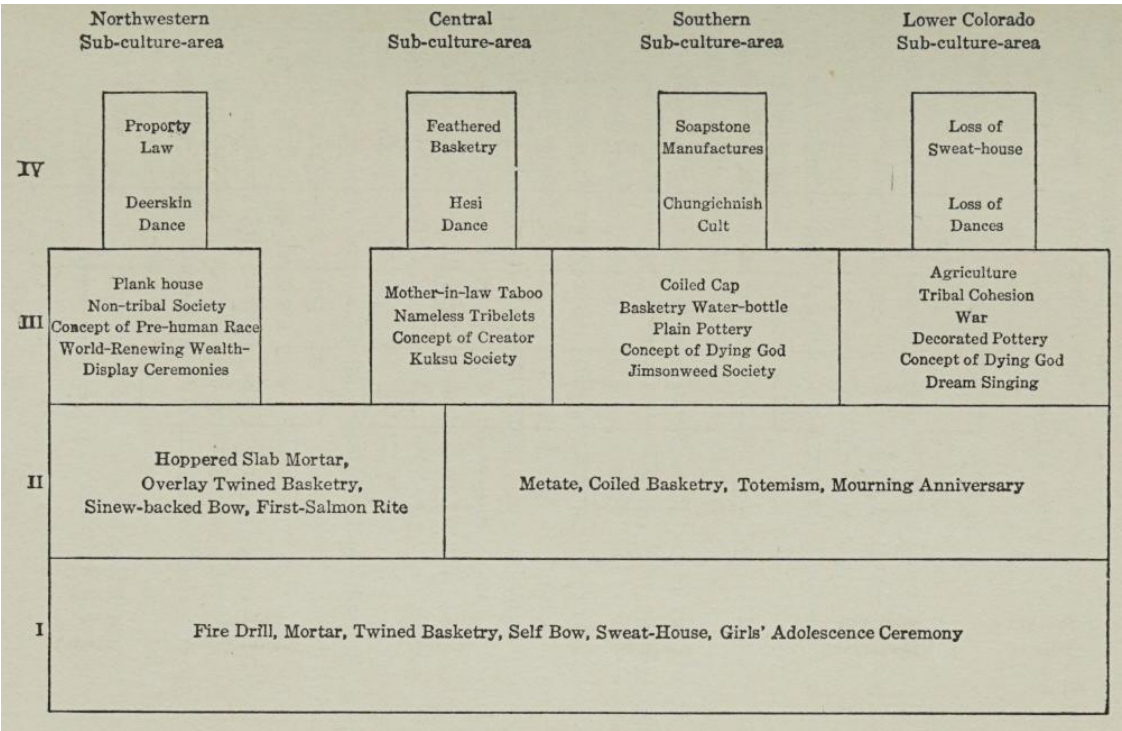
162. Краткие сведения о развитии религии

Таким образом, история религиозных культов среди индейцев Калифорнии, как представляется, может быть реконструирована, с некоторой вероятностью правильности в основных чертах, как прогрессивная дифференциация в течение четырех достаточно отчетливых периодов. В течение этих четырех эпох наиболее типичные культы постепенно меняли свою направленность с личной на общинную, церемонии становились все более многочисленными и сложными, влияние извне сказывалось на племенах внутри Калифорнии, а местные различия усиливались, пока первоначальное довольно близкое единообразие не сменилось четырьмя совершенно различными системами культов, разделенными в большинстве случаев переходными областями, в которых сохранились

менее специализированные разработки более ранних стадий. Эта история может быть выражена в визуальной форме, как на [странице 314](#).



Периоды развития религии в коренной Калифорнии и вокруг нее.



Периоды развития культуры в коренной Калифорнии.

163. Другие фазы культуры

Здесь возникает естественный вопрос. Относится ли эта реконструированная история только к ритуальным культам, или можно проследить параллельное развитие для других

элементов религии, для промышленности, изобретений и экономических отношений, для социальных институтов, для знаний и искусства? Выводы таковы, что эта история применима ко всем этапам туземной культуры. Материальное и социальное развитие происходило так же, как и религия. Каждый последующий этап приносил новые орудия труда и обычаи, они становились в целом более специализированными и более многочисленными и все более локально различались в четырех субкультурных областях. Так, простой или самострельный лук явно принадлежит к более раннему слою, чем лук, скрепленный сухожилием, плетение корзин предшествует гончарному ремеслу, плетеные корзины - более ранние, чем витые, каменная ступка предшествует плите с плетеной ступкой, как овальная метата - квадратной, крытые землей потницы старше дощатых крыш, а тотемизм мог утвердиться до разделения общества на экзогамические группы. Приводить доказательства каждого из этих и всех других определений было бы долго. Пожалуй, достаточно будет сказать, что принципы, на основе которых они получены, те же, что и те, которыми мы руководствовались при изучении религии. Поэтому, возможно, будет достаточно указать результаты в виде схемы, как на [странице 315](#). Как видно, это не что иное, как усиление предыдущей таблицы. Рамки, построенные там для представления истории туземных ритуалов, здесь были дополнительно заполнены элементами материальной и социальной культуры.

164. набросок истории культуры Калифорнии

В общих чертах результаты нашего исследования можно сформулировать следующим образом.

Первый период: простая, скудная культура, почти однородная по всей Калифорнии, схожая с культурами соседних регионов и лишь слегка подверженная их влиянию.

Второй период: определенное влияние с северного тихоокеанского побережья и юго-запада, затронувшее, соответственно, северную треть и южные две трети Калифорнии, что привело к первой дифференциации, имеющей последствия.

Третий период: более конкретные влияния извне, в результате чего формируются четыре локальных типа: северо-западный, находящийся под северо-тихоокеанским влиянием; южный и нижний колорадский под влиянием юго-запада; и центральный, наиболее удаленный от обоих и поэтому развивающийся наиболее медленно, но и наиболее независимо.

Четвертый период: завершение четырех локальных типов. Влияние извне продолжает действовать, но в основном линии местного развития, начатые в предыдущую эпоху, продолжают, достигая наивысшей специализации на ограниченных участках в центральной части каждого района.

Этот краткий обзор не только описывает ход истории культуры в коренной Калифорнии: он также объясняет, почему в регионе существуют как широко однородные, так и узко локализованные элементы культуры. Таким образом, он отвечает на вопрос, почему с одной стороны племена штата кажутся такими похожими, а с другой - бесконечно разными. Они похожи в основном постольку, поскольку сохранили некоторые старые общие черты. Они отличаются друг от друга в той степени, в какой к ним добавились черты более позднего и локализованного развития.

165. Вопрос о датировке

Естественный вопрос - сколько времени длились эти периоды. Что касается точной датировки, то здесь возможен только один ответ: мы знаем недостаточно. Более того, современные историки, обладающие бесконечно более полными данными по хронологии, чем антропологи, которые когда-либо могли надеяться иметь данные о примитивных народах, все больше и больше склоняются к тому, чтобы не придавать особого значения конкретным датам. Они могут установить 476 год н. э., так называемое падение Рима, как точку демаркации между древней и средневековой историей, потому что иногда полезно, особенно в элементарном изложении, говорить определенно. Но ни один историк не верит, что между 475 и 477 годами нашей эры произошли какие-либо глубокие изменения. Такое впечатление может сложиться у новичков от того, как иногда преподается история. Однако хорошо известно, что определенные медленные, прогрессивные изменения происходили непрерывно в течение столетий до и после; и что если дата 476 г. н. э. произвольно вставляется в середину этого развития, то только потому, что это удобно с точки зрения конвенции, и при полном понимании того, что отмеченное событие было скорее драматическим или символическим, чем внутренне значимым. На самом деле ценность работы историка заключается именно в его способности показать, что силы, формировавшие средневековую историю, действовали уже в период античности и что причины, сформировавшие Римскую империю, продолжали в той или иной степени действовать на протяжении многих веков после падения Рима.

Тем не менее, несомненно, что случайные даты имеют свойство впечатлять сознание с той яркостью, которой обладают только конкретные высказывания. Кроме того, если результаты антропологических исследований должны быть связаны с письменными источниками истории, необходимо сформулировать хотя бы предварительные даты, хотя, конечно, в случае с периодами развития культуры коренных жителей Калифорнии понятно, что любая хронология допускает большие погрешности.

История дает начало вычислениям, хотя ее помощь недолга. Калифорния начала заселяться около 1770 года. Последние племена вступили в контакт с белым человеком только в 1850 году. Однако уже в 1540 году Аларкон на веслах и буксире поднялся вверх по нижнему течению Колорадо и написал рассказ о племенах, которые он там встретил. Двумя годами позже Кабрильо посетил прибрежные и островные племена южной Калифорнии и заночевал среди них. В 1579 году Дрейк провел несколько недель на берегу среди центральных калифорнийцев, и один из членов его команды оставил о них краткое, но энергичное описание. Во всех трех случаях эти старые рассказы о туземных обычаях с удивительной точностью совпадают со всем, что удалось выяснить о недавних племенах тех же регионов. То есть, очевидно, что культура туземцев очень мало изменилась с XVI века. Местные субкультуры уже в значительной степени продемонстрировали свою нынешнюю форму; это означает, что Четвертый период, должно быть, прочно обосновался три-четыре столетия назад. Тогда мы можем отнести к этому периоду примерно вдвое больше времени, чем прошло с тех пор, как исследователи посетили Калифорнию; скажем, семьсот лет. Это кажется консервативной цифрой, которая поместит начало Четвертого периода где-то около 1200 года нашей эры.

Все остальное должно быть реконструировано с помощью проекции. В большинстве частей света, по которым имеются непрерывные записи, обнаруживается, что цивилизация обычно меняется быстрее с течением времени. Хотя это и не строгий закон, но преобладающая тенденция. Однако давайте применим этот принцип с оговоркой и предположим, что Третий период был не длиннее Четвертого. Еще семьсот лет вернут нас к 500 году нашей эры.

Однако теперь кажется разумным начать несколько удлинять наши периоды. Для Второго тысячелетия лет не кажется чрезмерной: примерно с 500 г. до н. э. по 500 г. н. э. По той же логике Первому периоду должно быть отведено от тысячи до пятнадцатисот лет. Возможно, было бы разумнее вообще не устанавливать никакого начала, поскольку наш "Первый" период - лишь первый из тех, которые можно определить с помощью нынешних знаний. На самом деле ему могла предшествовать еще более примитивная эпоха, о которой пока нет никаких конкретных данных. Однако можно предположить, что к 2000 или 1500 году до н. э. уже были заложены основы исконной калифорнийской культуры в том виде, в котором мы ее знаем.

166. Археологические свидетельства

В качестве последней проверки проблемы возраста остается средство, которое при благоприятных обстоятельствах иногда оказывается наиболее плодотворным: археологические раскопки, особенно когда они приводят к стратиграфическому определению, то есть к обнаружению различных, но наложенных друг на друга слоев. К сожалению, археология оказывает лишь ограниченную помощь в Калифорнии - гораздо меньшую, чем на Юго-Западе. Здесь не было обнаружено ничего явно стратиграфического. Керамика, которая обычно оказывается наиболее полезной из всех классов доисторических останков для разработки последовательностей культур и хронологий, не представлена на большей части Калифорнии, а в тех южных районах, где она встречается, является редкой и довольно поздней.

Тем не менее, археологические раскопки кое-что прояснили. Они показали, что древние орудия, найденные в ракушечниках и деревнях в Южной Калифорнии, на берегах залива Сан-Франциско в Центральной Калифорнии и на побережье Северо-Западной Калифорнии, отличаются друг от друга. В каждом из этих регионов встречаются определенные особые типы артефактов, которые встречаются только там и тесно перекликаются с предметами, используемыми современными племенами тех же районов. Например, доисторические деревни и захоронения в Северо-Западной Калифорнии содержат длинные лезвия из чешуйчатого обсидиана, подобные тем, что еще несколько лет назад использовались юроками и хупа. В Южной Калифорнии обнаружены чаши из мыльного камня или "оллы", которые столетие назад испанцы нашли у габриэлино и луисеньо для приготовления пищи и использования джимсонуэда. Оба этих класса предметов отсутствуют в раковинных курганах залива Сан-Франциско и у недавних племен Центральной Калифорнии.

Таким образом, можно сделать вывод (1) что ни одна из четырех местных культур никогда не была распространена гораздо шире, чем в настоящее время; (2) что каждая из них возникла в основном на месте; и (3) что, поскольку многие доисторические находки залегают на некоторой глубине, местные культуры имеют солидную древность - очевидно, им не менее тысячи лет, а возможно, и больше. Это вполне подтверждает предположение о том, что дифференциация местных культур Третьего периода началась не позднее 500 года н.э.

167. Возраст ракушечных курганов

Археология также дает определенные указания на общий промежуток времени, прошедший за четыре периода. Доказательством служат сами отложения. Некоторые из ракушечных курганов, расположенных вдоль извилистых берегов залива Сан-Франциско и насчитывающих более четырехсот, были тщательно изучены. Эти курганы представляют собой скопления мусора. Они не были построены специально, а росли постепенно, по мере того как люди жили на них год за годом, потому что большую часть пищи их обитателей составляли моллюски - в основном моллюски, устрицы и мидии, раковины которых

выбрасывали на улицу или топтали ногами. На некоторых стоянках лагерь разбивался лишь на время, и толщина слоя мусора никогда не превышала нескольких дюймов. Другие места, очевидно, были заселены в течение многих веков, поскольку масса ракушек сейчас достигает более тридцати футов в глубину и сотен футов в длину. Чем выше поднималась такая насыпь, тем лучше она стекала. С одной стороны от него можно было укрыться от господствующих ветров. Чем регулярнее на нем жили, тем чаще жители приносили домой свой дневной улов и, сами того не зная, способствовали дальнейшему возвышению и благоустройству этого места.

Некоторые из этих ракушечников сейчас расположены на сухом месте, на некотором расстоянии над водой во время прилива. Другие лежат на самом краю залива, и некоторые из них, когда в них были пробиты шахты, оказались на некоторое расстояние ниже среднего уровня моря. Основание большого месторождения, известного как курган Эллис Лэндинг, недалеко от Ричмонда, находится на восемнадцать футов ниже уровня прилива; основание одного из них на острове Брукс, расположенном неподалеку, - на семнадцать футов. Напрашивается вывод, что эти места опустились по меньшей мере на семнадцать или восемнадцать футов с тех пор, как стали обитаемыми. Единственное альтернативное объяснение, согласно которому первые поселенцы ставили свои дома на сваях над водой, опровергается несколькими фактами. Ракушки, пепел и почва кургана Эллис Лэндинг расслоены так, как они откладывались бы на суше, а не так, как они располагались бы в воде. Здесь нет ни слоев ила, ни останков несъедобных морских животных, ни следов ряби. Нет никаких сведений о том, что какое-либо недавнее калифорнийское племя жило в свайных жилищах; берег, на котором возвышается курган, неблагоприятен для таких сооружений - он открыт и подвержен штормам. Подходящая древесина для свай растет только на некотором расстоянии. Поэтому напрашивается вывод, что курган возник на опускающемся берегу, но рост отложений происходил быстрее, чем подъем моря, так что место всегда оставалось пригодным для жизни.

Сколько времени должно пройти, чтобы побережье опустилось на восемнадцать футов, - вопрос для геологов, но их ответ остается неопределенным. Одно землетрясение может вызвать внезапное оседание на несколько футов, или же изменения могут происходить со скоростью фута или дюйма в столетие. Все, что готовы утверждать геологи, - это то, что высока вероятность того, что оседание происходит довольно долгое время.

Археологи попытались вычислить возраст кургана Эллис Лэндинг другим способом. Когда его впервые исследовали, возле его вершины было около пятнадцати неглубоких впадин. Судя по всему, это остатки ям, над которыми индейцы строили свои жилища. В среднем на приходится около 7 человек. Таким образом, можно предположить, что численность населения составляла около 100 человек. Многочисленные кости четвероногих в кургане доказывают, что эти люди охотились; сетчатые грузила - что они ловили рыбу; ступки и песты - что они употребляли желуди и другие семена. Соответственно, только часть их пропитания, и, скорее всего, незначительная, была получена из моллюсков. Пятьдесят мидий в день на мужчину, женщину и ребенка - это, по-видимому, справедливая оценка того, что они, скорее всего, питались моллюсками. Это означает, что ежедневно на участке скапливались раковины 5 000 мидий. Лабораторные эксперименты доказывают, что 5000 таких раковин, с добавлением того же процента золы и почвы, что и в кургане, измельченных до той же консистенции, что и тело кургана, занимают объем в один кубический фут. При таком ежедневном приросте рост кургана составит около 365 футов в год. Теперь месторождение содержит примерно миллион с четвертью кубических футов. Разделив эту цифру на 365, мы

получим примерно 3500 лет, которые предположительно потребовались для накопления кургана.

Этот результат не стоит воспринимать слишком буквально. Это результат расчета с несколькими факторами, каждый из которых является лишь предварительным. Если бы население составляло не 100, а 200 человек, то при прочих равных условиях отложения накапливались бы вдвое быстрее, и 3500 лет пришлось бы сократить вдвое. С другой стороны, предполагается, что люди занимали это место непрерывно в течение всего года. Однако все, что известно о привычках индейцев, позволяет предположить, что обитатели курганов имели обыкновение подниматься на холмы и разбивать лагерь примерно половину времени. Учет этого фактора удвоил бы 3 500 лет. Все, что можно сказать о вычисленном возрасте, это то, что он представляет собой добросовестную и консервативную попытку сделать вывод из всех доступных источников знаний, и что он, похоже, настолько близок к истине, насколько это возможно при подобных расчетах.

Была предпринята одна попытка проверки. Образцы материала кургана, взятые наугад из разных частей, показали, что 14 процентов его веса, или около 7 000 тонн, составляет пепел. Если возраст кургана составляет 3 500 лет, то пепел откладывался со скоростью две тонны в год, или около одиннадцати фунтов ежедневно. Эксперименты с растущими поблизости лесами показали, что они дают менее одного процента пепла. Таким образом, одиннадцать фунтов в день должны были быть получены из 1200 фунтов древесины. Если предположить, что население составляло в среднем пятнадцать семей, то пятнадцатая доля каждой семьи будет равна восьмидесяти фунтам в день. Это довольно хороший груз дров для женщины, который она может нести на спине, а учитывая привычку индейцев экономно разводить костры, особенно на безлесом берегу, восемьдесят фунтов кажутся вполне достаточным запасом, чтобы удовлетворить все их потребности в отоплении и приготовлении пищи. Если бы им удавалось обходиться менее чем восьмьюдесятью фунтами на хижину, возраст кургана был бы соответственно больше.

Таким образом, этот контрольный расчет достаточно убедительно подтверждает прежнюю оценку. Не кажется опрометчивым назначать три-четыре тысячи лет в качестве предполагаемого возраста кургана.

Этот двойной археологический вывод настолько близок, насколько можно пожелать, к результатам, полученным с помощью этнологического метода оценки древности по степени и предполагаемой скорости культурных изменений. Оба метода относят первый прослеживаемый период примерно к 1 500 или 2 000 годам до н. э. В конце концов, точность не имеет большого значения в подобных вопросах, разве что как показатель достоверности. Если бы удалось доказать, что первая мидия была съедена человеком на месте Эллис Лэндинг в 1724 году до н. э., это знание представляло бы интерес главным образом как доказательство того, что был разработан точный метод хронологии, и имело бы ценность главным образом в том, что найденная дата могла бы в конечном итоге быть связана с датами других событий в истории и таким образом привести к более широким формулировкам.

168. Общая пригодность метода

Антропологические факты, которые были проанализированы и затем скомбинированы на предыдущих страницах, представлены не для того, чтобы показать, что история скромных и увядающих калифорнийцев имеет особое значение. Они рассматриваются главным образом как иллюстрация метода, как один пример из многих, которые можно было бы выбрать. То, что выбор пал именно на калифорнийских индейцев, отчасти объясняется знакомством

писателя с ними. Выбор кажется справедливым, потому что проблема, за которую здесь взялись, гораздо сложнее многих других. Культуры калифорнийцев были простыми. При контакте с цивилизацией они быстро пришли в упадок. Основная часть исторических записей насчитывает не более полутора веков. Археологические изыскания были несовершенны и дали сравнительно скудные результаты. Кроме того, вся калифорнийская культура - это лишь фрагмент культуры американских индейцев, так что сугубо местные калифорнийские проблемы можно было бы еще больше осветить, сопоставив их с фактами, имеющимися по Северной Америке в целом, - от чего пришлось отказаться в пользу компактного изложения. Короче говоря, проблема была усложнена в силу ее ограниченности, и все же результаты были получены. Очевидно, что тот же метод, примененный при более благоприятных обстоятельствах к регионам, чья культура богаче и разнообразнее, где документированная история проецируется дальше в прошлое, где раскопки дают более благородные памятники и предоставляют их в стратиграфическом расположении, и особенно когда более обширные территории привлекаются для сравнения, может привести к определениям, которые соответственно более точные, полные и позитивные.

Таким образом, становится ясно, что культурная антропология обладает техникой работы, которая требует лишь энергичного, здравого и терпеливого применения для достижения успеха. Эта техника является более новой и пока менее совершенной, чем техника механических наук. Кроме того, ее недостатком является то, что она вынуждена принимать материалы в том виде, в каком они даны в природе; невозможно перенести культурные факты в лабораторию и провести над ними эксперименты. Тем не менее, это метод, и его результаты отличаются от результатов так называемых точных наук скорее по степени остроты, чем по другим качествам.

Следует отметить, что на протяжении всего этого анализа не упоминались законы; в лучшем случае признавались принципы метода - например, предположение, что широко распространенные элементы культуры обычно более древние, чем локально распространенные. В этом отношении культурная антропология стоит в одном ряду с политической и экономической историей, а также со всеми по сути историческими науками, такими как естественная история и геология. Историк редко устанавливает законы, а если и устанавливает, то обычно имеет в виду лишь тенденции. Законы" исторической зоологии - это, по сути, законы физиологии; законы геологии - законы физики и химии. Даже "законы" астрономии, когда они не являются простыми формулировками отдельных явлений, которые наш узкий взгляд на время заставляет казаться универсальными, на самом деле не астрономические, а механические и математические законы. Другими словами, антропология относится к группе исторических наук: тех отраслей знания, которые занимаются тем, как и когда происходят события, как они проявляются в опыте; в то время как группа наук, формулирующих законы, занимается неотъемлемыми и неизменными свойствами вещей, независимо от их места, последовательности или появления в природе.

Конечно, в основе явлений культуры должны лежать законы. Отрицать их невозможно, если только человек не готов вывести культуру из сферы науки и отнести ее к области сверхъестественного. Где же искать эти законы, лежащие в основе культуры? Очевидно, в том, что лежит в основе самой культуры, а именно в человеческом разуме. Законы антропологических данных, как и законы истории, являются законами психологии. Что касается конечных объяснений фактов, которые она обнаруживает, классифицирует, анализирует и объединяет в упорядоченные реконструкции и значимые синтезы, культурная

антропология должна обратиться к психологии. Одна занимается вопросами "что" и "как", другая - "почему"; каждая из них зависит от другой и дополняет ее.

ГЛАВА XIII

ИСТОРИЯ ЦИВИЛИЗАЦИИ В КОРЕННОЙ АМЕРИКЕ

169. Обзор метода исследования культуры.-170. Ограничения принципа диффузии.-171. Ранжирование культур.-172. Культурные аномалии.-173. Экологические соображения.-174. Зоны культуры.-175. Диаграммное представление накопления и распространения черт культуры.-176. Репрезентация, показывающая современность, и нарративная репрезентация.-177. Расовое происхождение американских индейцев.-178. Время заселения Америки.-179. Языковая диверсификация.-180. Примитивная культура переселенцев.-181. Маршрут проникновения в западное полушарие.-182. Распространение по двум континентам.-183. Возникновение среднеамериканской культуры: кукуруза.-184. Табак.-185. Последовательность социальных институтов.-186. Возникновение политических институтов: конфедерация и империя.-187. Развитие ткачества.-188. Прогресс в прядении: хлопок.-189. Текстильная одежда.-190. Культы: шаманизм.-191. Кризисные обряды и инициации.-192. Тайные общества и маски.-193. Жречество.-194. Храмы и жертвоприношения.-195. Архитектура, скульптура, города.-196. Металлургия.-197. Календари и астрономия.-198. Письменность.-199. Развитие нескольких провинций: Мексика.-200. Андский регион.-201. Колумбия.-202. Тропический лес.-203. Патагония.-204. Северная Америка: Юго-Запад.-205. Юго-Восток.-206. Северная лесистая местность.-207. Равнины.-208. Северо-западное побережье.-209. Северные окраинные районы.-210. Поздние азиатские влияния.

169. Обзор метода исследования культуры

В предыдущей главе (VII) было показано, что культура не может быть адекватно объяснена ни врожденными особенностями расы, ни влиянием географической среды; что факторы, которые следует учитывать в первую очередь при интерпретации цивилизации, - это культурные или социальные факторы.

В одной из последующих глав (VIII) стало ясно, что цивилизация в значительной степени является результатом аккреции. Новые элементы передаются во времени или передаются в пространстве в результате процесса, который психологически является подражанием и в своих культурных проявлениях называется традицией или диффузией. Главы об арке, неделе и алфавите (X, XI) служат примером того, что этот принцип с равной силой действует в области механической, институциональной и интеллектуальной деятельности. Поэтому чисто как следствие объективного или бихевиористского изучения человеческой цивилизации следует признать, что если элемент изобретения или творческого прогресса остается необъяснимым, то фактор диффузии или подражания действует в большинстве культурных событий. В отличие от него, случаи применения принципа независимого происхождения или параллельного развития оказываются крайне редкими и, как правило, при поисковом анализе оказываются иллюзорными или растворяются лишь в частичном сходстве.

В анализе роста религии в коренной Калифорнии (глава XII) была сделана попытка применить предположение, вытекающее из принципа диффузии, - предположение, что

обычно более широко распространенный элемент будет более древним, - к разгадке роста цивилизации, которая из-за своей бедности не оставила хронологических записей; короче говоря, реконструировать предварительную историю области, лишенной обычных исторических данных, путем преобразования элементов пространства в элементы времени.

Возможно, теперь стоит применить этот метод в более широком масштабе и попытаться обрисовать доколумбову историю западного полушария, которая, за некоторыми краткими и поздними исключениями в Мексике и Перу, в равной степени лишена датировки. Культурные связи коренной Америки со Старым Светом, по общему признанию, были незначительными: ее цивилизация представляет собой наиболее важную из тех, что в основном развивались независимо от евразийского узла.

170. Ограничения принципа диффузии

Эссе о достижении такого масштаба и в конечном счете такой сложности, как это, с помощью одного лишь принципа преобразования пространственной протяженности во временную продолжительность может показаться упрощенным; так оно и есть. Принцип распределения может быть самым полезным из оружия в арсенале этнолога. Но он требует дополнения и квалификации.

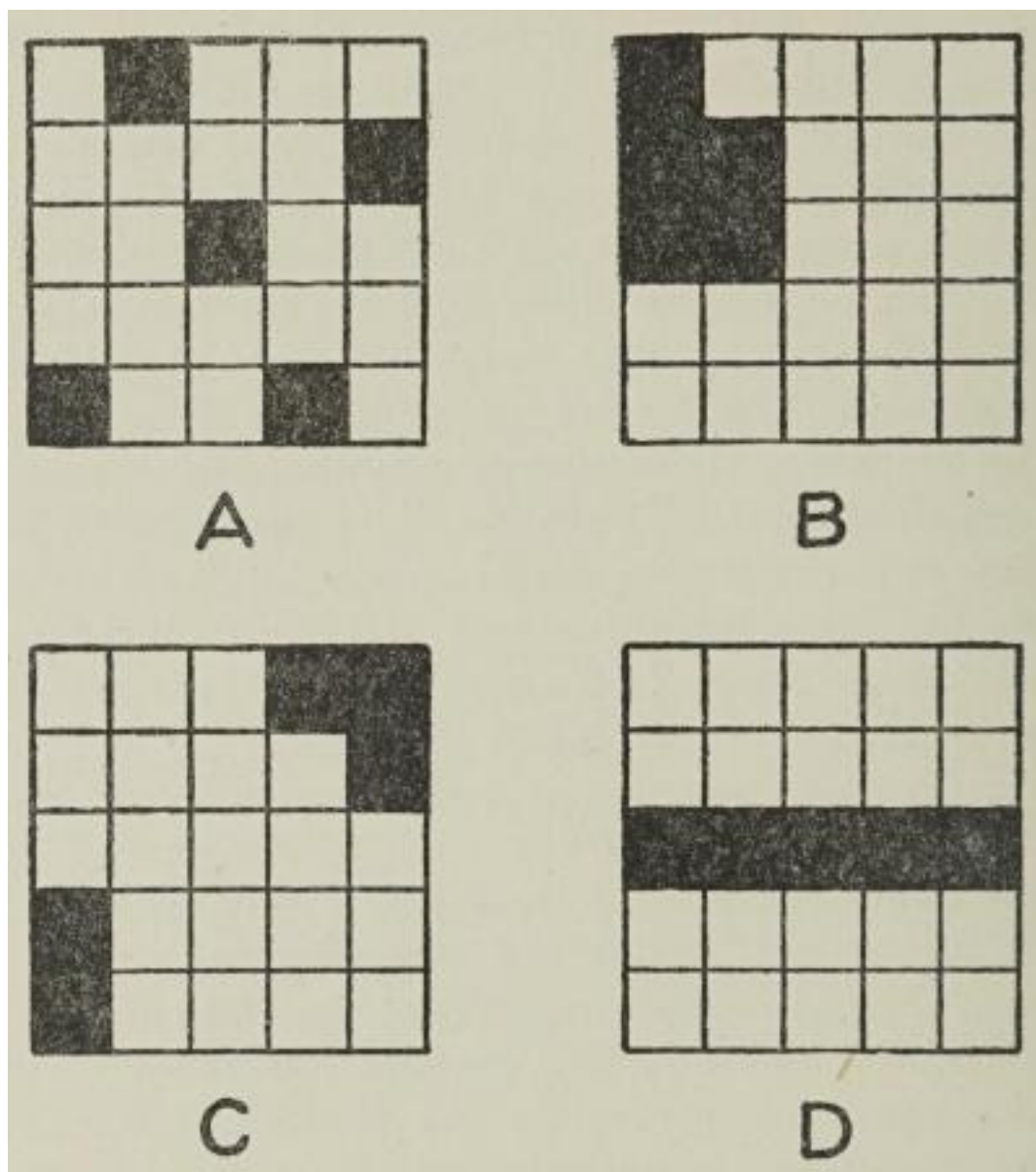


Рис. 33. Схематическое изображение распределений признаков культуры как индикаторов их истории. *А* - распределение, соответствующее одному случайному появлению и предполагающее, что каждое появление не зависит от других. *В*, распределение по смежным встречам, что наводит на мысль о едином изобретении и последующем распространении. *С*, распределение, которое можно интерпретировать либо как результат независимого, параллельного происхождения; либо как результат единого происхождения, распространения по всей территории и последующей утраты признака в большинстве районов, с сохранением только в маргинальных участках. Утрата в центральной части может быть связана с ростом вытесняющего признака, чья последующая диффузия еще не проникла в самые отдаленные районы. *Д* - распределение, указывающее на единое происхождение, достаточно давнее, чтобы его распространение стало обширным, но сдерживаемое в определенных направлениях неблагоприятными условиями природы, коммуникаций или культурной озабоченности. Конкретная демонстрация таких неблагоприятных факторов подтвердила бы эту интерпретацию.

Прежде всего, очевидно, что пространственное распространение не должно измеряться механически. Если исходить из предположения, что обычай или искусство, практикуемые на

площади в миллион квадратных миль, на треть древнее, чем те, которые практикуются на площади в семьсот пятьдесят тысяч, это будет слишком часто противоречить свидетельствам известной истории, а также велениям разума. Культурные черты действительно вымирают - от истощения, стерильности социальной почвы, вытеснения более энергичными потомками. Поэтому непрерывность не является обязательным компонентом географического ареала. Древняя черта может быть вытеснена на всех территориях, кроме нескольких отдаленных периферийных участков. Их площадь может быть незначительной. И все же расстояния между ними, скорее всего, останутся больше, чем самый длинный ареал более позднего признака, который вытеснил более ранний на большей части его первоначальной территории.

Так, алфавитное письмо является более поздним, чем идеографический и ребусный методы, но в 1500 году нашей эры оно использовалось на большей территории Европы, Африки и Азии, чем занимали сохранившиеся китайская и мексиканская системы. И все же эти две отдаленные системы охватывали большую территорию, чем та, по которой распространились алфавиты.

В тот же период земледелием занимались народы, занимавшие большую территорию, чем неземледельческие. Но первые составляли две большие и непрерывные группы, по одной в каждом полушарии, по отношению к которым неземледельческие народы на севере Азии, юге Африки, отдаленном континенте Австралии, севере Северной Америки и юге Южной Америки были явно периферийными. Сельское хозяйство неизбежно возникло позже, чем неземледельческое состояние, и поэтому нет сомнений в том, что маргинальные охотничьи народы представляют собой остатки состояния, которое когда-то было всемирным, поэтому, как представляется, должна существовать презумпция правомерности в пользу того, чтобы считать протяженность рассеянного обычая по его включенной, а не фактической площади.

Конечно, ситуация не всегда так проста. Может существовать возможность того, что две или более маргинальных областей разделяют один признак в результате параллелизма. Полупетля для плетения корзин в Тасмании и на мысе Горн, по логике вещей, может быть последним выжившим результатом очень древней всемирной диффузии, или продуктом двух совершенно независимых изобретений, или параллельных процессов вырождения в изолированных и культурно не стимулированных уголках. Последние две интерпретации на самом деле кажутся более консервативными, чем первая. Если бы полупетля была по своей природе столь же предшествующей другим виткам и ткачеству, как дикая пища - культивируемой; или если бы останки древнекаменного века показали, что это было на самом деле так; или если бы это практиковалось значительным числом племен в четырех или пяти довольно больших маргинальных областях вместо двух довольно узких, распространение и, следовательно, древность признака можно было бы предположить с большой вероятностью. Короче говоря, аргумент о периферии не должен быть слишком натянутым.

Очевидно также, что сравнивать нужно сравнимое: наматывание с плетением, ручное ткачество с ткачеством на станке; но не особую разновидность наматывания с половинным зацепом со всем набором ткацких техник. Также было бы справедливо сопоставить всю группу настоящих алфавитов в 500 году до н. э. с особой ребусной системой египетских иероглифов, от которой они, возможно, произошли, но которая уже значительно превзошла их в своем распространении. Однако распределение всех алфавитов в сравнении со всеми идеографическими и ребусными системами привело бы, как в тот период, так и две тысячи лет спустя, к той же интерпретации, которую дают факты истории.

171. Культурное ранжирование

В определенных пределах следует также учитывать культурное превосходство и неполноценность. Это критерий, которым злоупотребляли в ранней антропологии, но его можно использовать с осторожностью, особенно если опыт подтверждает рациональную градацию. Машинный процесс обычно является более поздним, чем ручной: например, ткань - после плетения корзин. Древность обоих этих видов продукции настолько велика, что прямых исторических свидетельств практически не существует, а их скоропортящийся вид исключает помощь со стороны археологии. Однако есть косвенные свидетельства: есть народы, которые делают только корзины, другие - корзины и ткани, и ни одного, который делает только ткани. Таким образом, ткань - это нечто дополнительное, что, не вступая в конкуренцию по полезности с корзинами, сосуществует с ними.

Там, где два приспособления служат одной цели и полностью соприкасаются, вопрос еще проще, потому что лучшее вытесняет худшее. Нет ни одной записи о том, что люди, умевшие изготавливать металлические топоры или ножи, вернулись к каменным или изобрели их. Адекватная система записи событий всегда поддерживала сама себя. Возможно, время от времени, в условиях экономического или военного стресса, грамотность становилась реже, а литература беднее, но ни одна культура записи никогда не возвращалась полностью к устной традиции. Отдельные системы записей действительно вымирали - египетская и клинописная: но только потому, что их сделали бесполезными более эффективные системы чистого фонетического письма. С другой стороны, никогда не было известно, чтобы они уступали нефонетическим системам.

Совсем иначе обстоит дело с явлениями культуры, чье ранжирование основано исключительно на работе нашего воображения. В таких случаях суждения следует по возможности полностью отложить до получения доказательств. На протяжении пятидесяти или шестидесяти лет большинству людей казалось вполне правдоподобным и естественным, даже неизбежным, что матрилинейные институты предшествуют патрилинейным, поскольку мужчина должен знать свою мать, но в условиях распушенности не должен знать своего отца. Однако неопровержимые исторические свидетельства этого изменения явно недостаточны, так что вера в предшествование матрилинеата остается основанной исключительно на гипотезе. Как было указано выше (§ 110) и будет более подробно показано ниже (§ 185), косвенные свидетельства распространения указывают скорее на то, что определенно матрилинейные и патрилинейные институты имели тенденцию быть тесно связанными, и что среди экзогамных и тотемических народов матрилинейность обычно была более поздней фазой.

На самом деле, одним из важных стимулов к вере в приоритет матрилинейности стало осознание того, что наиболее развитые культуры последнего времени склонны считать происхождение от отца. Однако делать из этого вывод о том, что древние и первобытные народы предпочитали вести отсчет по материнской линии, явно необоснованно. Было бы столь же логично - или нелогично - делать вывод о том, что то, что есть, было всегда, с тех пор как возникли институты, как и утверждать, что, поскольку вещь есть сейчас, раньше ее не должно было быть.

Это указывает на еще одно ограничивающее соображение: опасно рассуждать от части истории культуры к целому. Особенно опасно делать выводы из последних четырех столетий для всего, что было раньше. В современную эпоху дальнейшие коммуникации стали бесконечно более многочисленными и быстрыми. Пространство в каком-то смысле почти упразднено.

Диффузии, которые сейчас опоясывают планету за сто лет, в предыдущие эпохи часто требовали тысячи, чтобы пересечь континент, переходя от человека к человеку.

Точно так же результаты принципа диффузии могут быть искажены произвольным ограничением пространственного поля исследования. Например, рассмотрение африканских ареалов само по себе привело бы к множеству неверных выводов, поскольку очевидно, что африканская культура развивалась не интегрально, а как часть более крупного комплекса Европа - Азия - Африка. То, что с точки зрения Африки кажется центральным, например железо, на самом деле может быть периферийным; то, что кажется маргинальным, например ислам, на самом деле часто является центральным. Для сравнения: Америка настолько отделена от Старого Света как географически, так и исторически, что аналогичная попытка гораздо более оправдана. Однако и здесь, как выяснится, действуют некоторые влияния Старого Света, априорное исключение которых привело бы к ложным выводам.

Что касается того, что является высоким и низким, необходимо рассматривать как целые культуры, так и элементы культуры. Между двумя цивилизациями справедливо предположить, что более развитая будет обычно излучать, а отсталая - поглощать. Известно, что дрейф диффузии происходил из Западной Азии в Грецию в 800 году до н. э., из Греции в Западную Азию в 300 году до н. э. В случае необъяснимой черты, общей для двух областей и ограниченной ими, предположение о происхождении будет, таким образом, лежать в одной или другой области в зависимости от того, приходится ли ее появление на период господства азиатской или греческой культуры. Так и в Америке ткачество на станках разделяют мексиканцы и пуэбло. Если бы о них не было известно ничего, кроме того, что первые, но не вторые, перешли от устной традиции к видимым записям, было бы оправдано предположение о вероятности импорта ткацкого станка из Мексики на соседний Юго-Запад. Поскольку этот единственный пункт мексиканского превосходства подкрепляется фактами, что мексиканцы выращивали дюжину растений против трех у пуэбло; что они были экспертами в нескольких металлургических процессах, а пуэбло в лучшем случае, и то редко, били молотом по самородной меди; что мексиканцы одни вели тщательные астрономические наблюдения, вычисляли с большими цифрами и установили межобщинное господство, вероятность их приоритета в ткачестве становится настолько сильной, что служит достаточно надежной рабочей основой. Тем не менее, важно помнить, что в отсутствие прямых свидетельств истории или археологии такая вероятность не становится уверенностью. У греков не было письменности, металлообработки, успешной астрономии и империи, в то время как они уже процветали в Египте и Азии, а затем были перенесены в Грецию. Тем не менее, в этот общий период греки разработали метрическую поэзию и гласные знаки для алфавита.

Еще одно ограничение регулярности процесса распространения можно найти в неспособности или неготовности неразвитой культуры принять специализированные продукты более развитых цивилизаций; и любой культуры принять черты, несовместимые с ее существующими обычаями, кроме как под сильным или длительным давлением. Отсталое племя может с готовностью принять простую технику обработки железа, но при этом найти производство швейных машин вне своих возможностей и желаний. Среди людей, у которых мало имущества и нет денег и которые, следовательно, не имеют привычки считать и безразличны к своему возрасту или течению времени, выраженному в количестве лет и дней, календарная система, подобная той, что была у вавилонян или майя, конечно, не утвердилась бы только благодаря контакту. Они могли бы принять и использовать знание о том, что в круге времен года насчитывается около двенадцати лун и что солнцестояния служат удобными отправными точками для счета в течение каждого года. Но поколения и

столетия постепенной подготовки через принятие таких элементарных фрагментов сложной календарной схемы обычно предшествуют их способности воспринять ее в полном объеме. Так и с религией вроде христианства или буддизма, принесенной одиноким миссионером или потерпевшими кораблекрушение моряками народу, столь простому в своей жизни, как индейцы Калифорнии. Эта религия была бы слишком абстрактной, слишком далекой, слишком зависимой от непонятных предубеждений, чтобы быть принятой. Отдельная христианская или буддийская черта, скажем, символ вроде свастики или креста, вполне может быть воспринята и увековечена как декоративный мотив или магический талисман. Правда, если миссионер приходит в сопровождении войск и поселенцев и вводит скот, регулярное питание, удобную одежду, мир между племенами, новые занятия и развлечения, старая простая культура часто быстро рушится, а высшая религия принимается как часть больших перемен, как это произошло в Калифорнии, когда туда пришли францисканцы. Но нельзя утверждать, что обратимость индейцев в таких обстоятельствах равна их готовности принять буддизм от спорадических восточно-азиатских кастаньет.

172. Культурные аномалии

Время от времени приходится сбрасывать со счетов состояние культурной патологии. В 1889 году мессианское религиозное движение, известное как "Танец призраков", на несколько лет охватило половину индейских племен Соединенных Штатов. В 1891 году оно распространилось шире, чем любой древний культ. Оно представляло собой нечто поразительное в результате контакта двух культурных систем: это не было чистой эволюцией индейцев. Был достигнут момент, когда старые культуры почувствовали себя задушенными волной кавказской иммиграции и цивилизации. И в последнем отчаянном бреду они раздули иллюзию надвигающегося катаклизма, который уничтожит белого человека с его трудом, наказаниями и ограничениями, вернет вымерших бизонов и восстановит старую, ничем не ограниченную жизнь. Такой культ, конечно, не мог оставаться постоянно активным. Если аналогичные возбуждения и имели место в доисторический период, то они угасли без следа и поэтому могут быть проигнорированы при взгляде на далекую перспективу. Или, в крайнем случае, они послужили закваской для других, более устойчивых культурных ростов. Даже если бы все знания об американской религии были стерты, за исключением ее состояния в 1891 году, внимательный исследователь не подвергся бы серьезной опасности сделать вывод о высокой древности широкого распространения культа Танца Призраков из-за заметных элементов, которые он заимствовал у того самого христианства и окцидентальной цивилизации, чьи посягательства дали ему начало.

173. Экологические соображения

Необходимо обратить внимание еще на две оговорки, касающиеся метода распространения, хотя они достаточно очевидны и не несут в себе большой опасности недосмотра. Первое касается пробелов или границ, обусловленных физическим окружением. Металлургией не будут заниматься на изолированном коралловом острове. Снегоступы не могут появиться в экваториальных низменностях. Распространение культивирования такого тропического растения, как маниок, неизбежно ограничено, как бы велика ни была древность его использования. Ограничения распространения или разрывы в непрерывности распространения, таким образом, не считаются негативным доказательством, если для их объяснения достаточно климата или почвы. Это согласуется с тем, что было сформулировано ранее (§ 83) в отношении того, что окружающая среда является скорее ограничивающим условием, чем причиной культурных явлений.

Во-вторых, маргинальная зона не обязательно должна быть таковой в буквальном смысле. Она может быть фактически ядерной. Так, на Филиппинах более древние элементы культуры лучше всего сохранились во внутренних районах крупных островов. На побережьях можно увидеть гораздо больше привнесенных черт. Общение на архипелаге осуществляется по морю, как внутри страны, так и во внешних отношениях; сопротивление путешествиям, завоеваниям, общению и инновациям - по суше. Поэтому удаленной по времени территорией может быть горный хребет в пятидесяти милях вглубь материка, а близким - побережье в тысяче миль. Так что неровный холмистый участок на ровной территории, пустыня, окруженная плодородными землями, иногда остаются отсталыми, потому что они противостоят тем же препятствиям для распространения, что и большие расстояния.

Таким образом, очевидно, что, как бы ни был ценен принцип распределения, возможно, самый важный из всех нераскопчных методов доисторического исследования, его нельзя использовать механически. Он должен применяться со здравым смыслом и непредвзятостью по отношению ко всем другим методам атаки. Помня об этих предостережениях, давайте подойдем к проблеме американской культуры.

174. Области культуры

Культуры коренных жителей Нового Света характеризуются двумя выдающимися чертами, о которых уже говорилось. Во-первых, они дошли до нас практически в сиюминутном разрезе, плоские и без перспективы. В целом о них сохранилось мало исторических данных. Во-вторых, они представляют собой цивилизации наибольшего географического охвата и высочайшего уровня, которые развивались независимо, по крайней мере, в основном, от огромной паутины культурных ростов, которые, как представляется, имели свое основное происхождение в регионах, расположенных недалеко от восточного Средиземноморья. Соответственно, они представляют собой отдельную проблему, к которой, из-за нехватки временных данных, приходится обращаться через пространство. Поэтому, как только знания об американских культурах стали упорядоченными, их организация неизбежно стала осуществляться с точки зрения географии. В результате был признан ряд культурных районов или культурных центров, о некоторых из которых мы уже упоминали (§ 150-152). Эти географически определенные типы культуры являются постепенными и эмпирическими находками. Они не являются ни продуктом схемы или воображения, ни результатом теории. Они даже не являются формулировкой какого-либо одного ума. Они представляют собой консенсус мнений относительно классификации массы фактов, к которым медленно пришли, в которые внесли свой вклад многие работники, которые, вероятно, не были приняты в точной идентичности ни одним из них, но в существенных очертаниях - всеми; короче говоря, нефилософская, индуктивная, в основном беспримесная организация явлений, аналогичная "естественной" классификации животных и растений, на которой покоится систематическая биология.

Эти культурные области, центры или типы были установлены с большей точностью для Северной Америки, чем для Южной. Обычно выделяют десять (см. [рис. 34](#)):

1. Арктический или эскимосский: прибрежный
2. Северо-западное или северное тихоокеанское побережье: также прибрежная полоса
3. Калифорния или Калифорнийско-Греческий бассейн
4. Плато: северный межгорный регион
5. Маккензи-Юкон: северный внутренний лесной и тундровый район

6. Равнины: ровные или покатые прерии внутренних районов страны
7. Северо-восточный или северный лесной массив: лесистая местность.
8. Юго-восточная или южная лесистая местность: также покрыта лесом
9. Юго-запад: южное плато, субарид
10. Мексика: от тропика до Никарагуа.

Единственное серьезное расхождение во мнениях относительно различий или приблизительных границ может возникнуть в отношении номеров 4 и 5 этого списка. Культура региона Маккензи настолько неполноценна и бесцветна, что некоторые студенты не решаются выделить ее в отдельное подразделение. Культура плато также не имеет четкого представления о положительных чертах. Можно привести убедительные аргументы, распределяющие ее между соседними культурами Северо-Запада, Равнин, Калифорнии и Юго-Запада. Фактически, здесь отступили от традиции, причисляя Великий Бассейн, ту часть плато, которая не имеет океанского дренажа, к Калифорнии вместо Плато.

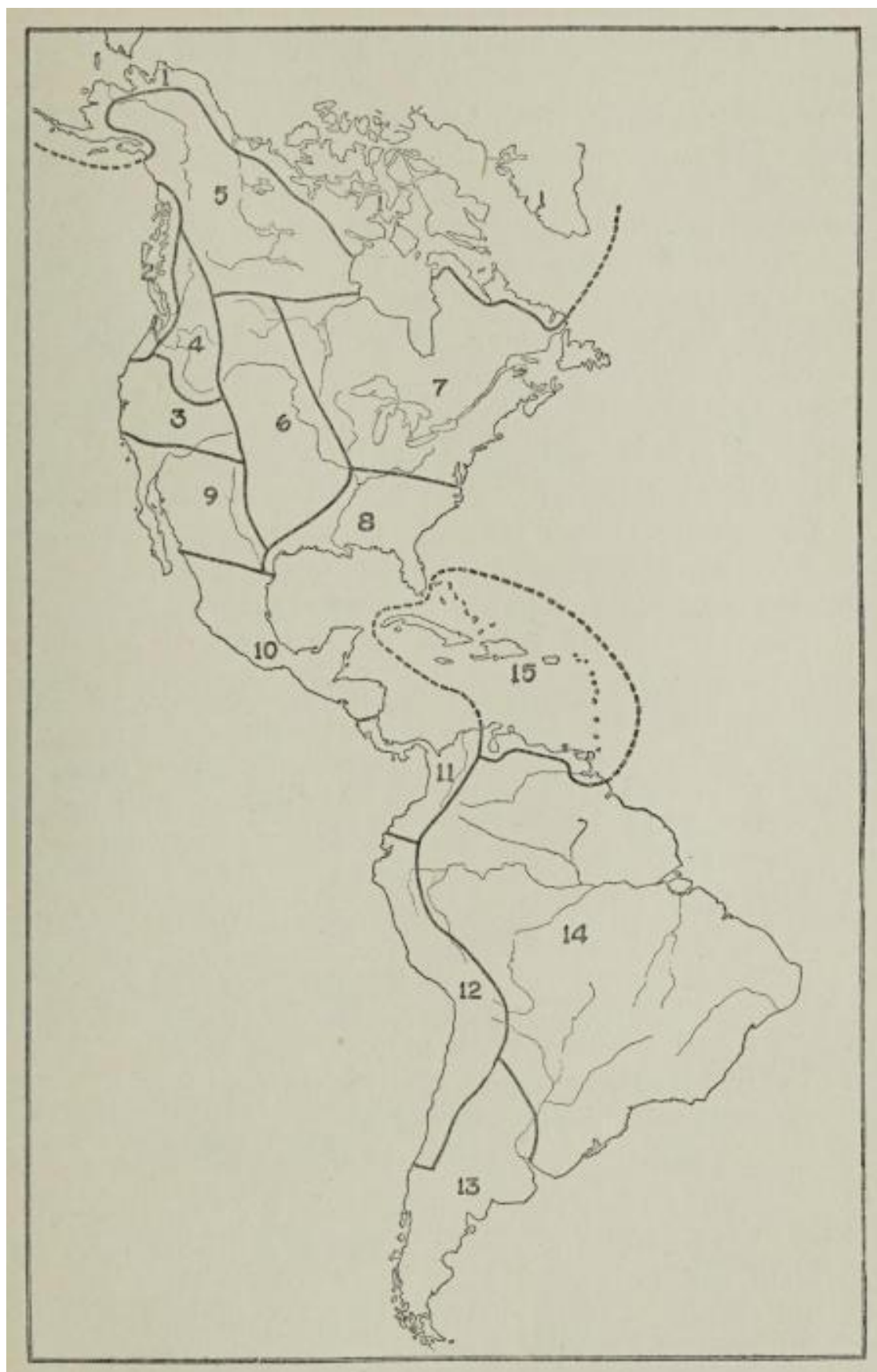


Рис. 34. Культурные районы Америки. Цифры относятся к названиям, приведенным на стр. 336, 338. (Изменено из Висслера.)

Мексиканская область менее однородна, чем любая из предыдущих. В ней, очевидно, следует выделить по меньшей мере три субцентра: нахуа или ацтеков, сапотеков и майя. Нахуа были политически и экономически доминирующими на момент открытия, но центр майя, вероятно, является самым древним. Именно ему, по-видимому, принадлежит большая часть прогресса, достигнутого в архитектуре, скульптуре, календаре и письменности. Источники знаний в мексиканском регионе носят скорее историко-археологический, чем современно-этнологический характер, и доступны через испанскую письменность. Кроме того, явления более разнообразны и сложны, что вполне естественно для более высоких культур. Следствием этого является то, что они едва ли так же хорошо упорядочены, как культуры к северу от Мексики, и до сих пор не были приведены в столь же тесные сопоставимые отношения с последними, как те между собой.

Культуры Южной Америки, похоже, расположены по меньшему числу линий раскола, чем культуры северного континента. Только пять областей пока отчетливо различимы. Возможно, такая малочисленность объясняется менее интенсивным поиском фактов и менее систематическими попытками их классифицировать, чтобы в будущем увеличить число признанных областей. Тем не менее, простота плана взаимоотношений культур очевидна. Узкая полоса между Андами и Тихим океаном представляет собой регион довольно высокой культуры на всем протяжении, а вся остальная часть континента - гораздо более низкой и сравнительно однородной культуры. Определены следующие области:

11. Колумбия или Чибча: западная Колумбия с ближайшими частями Центральной Америки и северо-западной частью Эквадора. В основном это лесистый регион.

12. Андский или Перуанский: от южного Эквадора до северного Чили и северо-западной Аргентины. Это характерный засушливый, субаридный и безлесный пояс.

13. Патагония: характерная открытая, полужасушливая страна.

14. Тропический лес: обширные водотоки Ориноко, Амазонки и Ла-Платы, преобладающие низменности, влажность и самые большие леса в мире. Три субрегиона выделяются определенной этнической дифференциацией, хотя основой их культуры, по-видимому, является лесная. Это: саванны Гвианского региона; высокогорья восточной Бразилии; Чако, к западу от средней части системы Ла-Платы. Все три региона представляют собой открытые территории или лишь частично покрытые лесом.

15. Антильская: Вест-Индия, включая, вероятно, побережье Венесуэлы. Эта культура раньше всех погибла в Новом Свете. Она получила первый удар от открытия и заселения Кавказа, и у ее носителей не было внутренних районов, куда можно было бы отступить. Поэтому она плохо известна. Наиболее тесно он связан с предшествующим регионом. Фактически, антильская культура может оказаться лишь подразделением культуры Тропического леса. В последующих рассуждениях она опущена, но в целом может быть понята как включенная в то, что говорится об ареале Тропического леса.

175. Диаграммное представление накопления и распространения признаков культуры

Выдающиеся факты, касающиеся этих четырнадцати или пятнадцати культурных зон, можно наиболее наглядно представить в виде таблицы, отводящей каждой зоне по колонке. По крайней мере, примерно, эти колонки могут следовать друг за другом в географическом порядке. Тогда в каждый столбец можно будет занести все черты культуры, характерные для

данной области. Если бы одна культура была вдвое богаче или сложнее другой, двойное количество записей было бы вдвое выше и поражало бы глаз.

На самом деле, такая процедура вряд ли осуществима. Количество элементов культуры слишком велико. К тому же часто возникают сомнения, считать ли тот или иной элемент одним или несколькими. Металлообработка включает в себя плавку, литье, ковку, легирование, покрытие, пайку и сварку. Это разные техники. Однако обычно они встречаются вместе или отсутствуют вовсе. Одно племя практикует простое двухслойное плетение. Другое добавляет трехрядное, диагональное, решетчатое плетение и трехрядное плетение, вероятно, как развитие первоначального двухрядного процесса. Между двумя соседними или родственными народами, занимающимися плетением корзин, эта разница может быть очень существенной; по сравнению с ткачеством она незначительна.

Соответственно, чтобы облегчить восприятие и концептуализацию данных, в диаграмму (рис. 35) были включены только более фундаментальные аспекты искусств и институтов, плюс те, которые, возможно, включают в себя внутренне менее значимые принципы или способности, но имели особое значение в жизни народов, следовавших за ними, например, типи или палатки из шкур племен равнин. Это означает, что при составлении таблицы был сделан неизбежный субъективный отбор признаков. Но читатель, не являющийся специалистом в этом вопросе, в целом будет благодарен за отсев; и этот отбор, по крайней мере, был проведен без сознательной предвзятости в каком-либо одном направлении. Если уж на то пошло, то выборочная конденсация, как представляется, была направлена против преобладания передовых областей. Если бы в таблицу были внесены все возможные данные, пики, вероятно, заслонили бы долины гораздо сильнее.

Если принять диаграмму как приблизительно правдивую, то очевидно, что наибольший прогресс произошел в Средней Америке - от Мексики до Перу; и что в целом большинство черт культуры, обнаруженных в любой из более отсталых областей, являются общими с этой средней областью. Это те черты, которые находятся под тяжелой линией, проходящей вверх и вниз по диаграмме. Меньшинство черт - те, что находятся выше жирной линии, - являются локальными для нескольких областей. Исходя из основного принципа, что черты, проявляющиеся на непрерывной территории, можно предположить, что они возникли только однажды и распространились путем диффузии, основная часть культуры большинства областей должна была прийти в них извне. Исходя из принципа, что народ с множеством устоявшихся искусств с большей вероятностью сделает новое изобретение, чем отсталый народ, подавляющее большинство распространенных элементов можно отнести к среднеамериканскому источнику. В этом регионе, таким образом, находился очаг, улей, американской цивилизации. Из него племена Нижней Амазонки и верховьев Миссисипи в равной степени почерпнули большую часть той ограниченной культуры, которой они обладали.

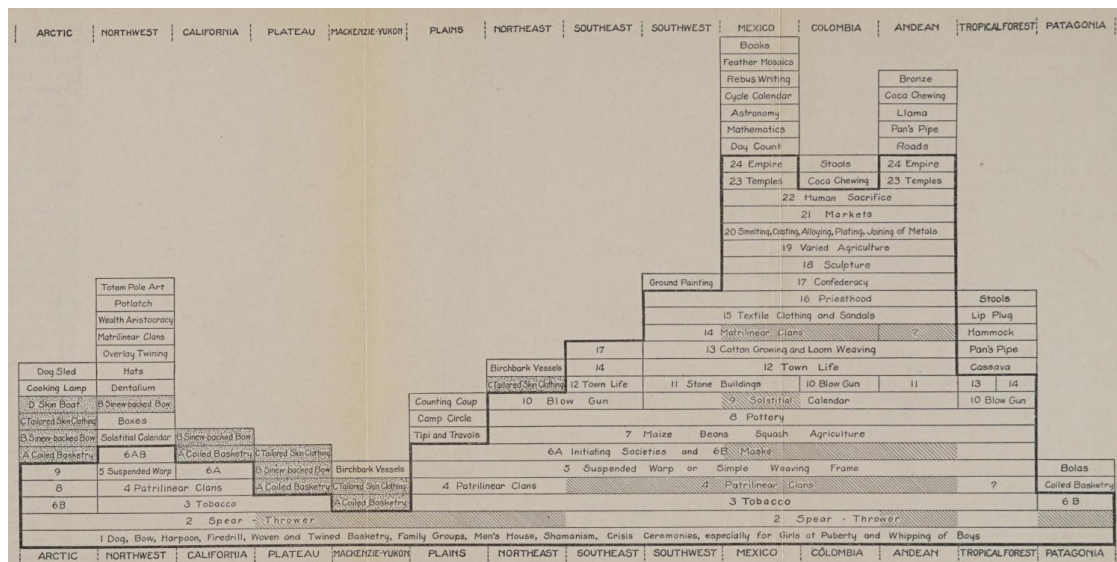


Рис. 35. Диаграмма, иллюстрирующая возникновение некоторых репрезентативных элементов культуры в различных областях Америки. В целом, предполагаемые ранние элементы находятся ниже, поздние - выше, в пределах каждой колонки; но для рисунка в целом, горизонтальные уровни не указывают на современность, как это сделано на рисунке 36. Высота столбцов отражает количество или проработанность содержания культуры, которая впечатляюще возвышается в Средней Америке и уменьшается к периферии. Штриховка указывает на элементы, которые, возможно, когда-то существовали в этих районах, но теперь отсутствуют; штриховка - элементы, возможно, привнесенные из Азии. Записи, расположенные выше жирной линии, относятся к местному развитию.

В Южной Америке распространение шло вширь по длине Анд. В Северной Америке оно распространялось веерообразно от южно-мексиканского угла, Юго-Запад служил воротами или первой ретрансляционной станцией, которая пропускала через себя большую часть, но не все, что получала. Лишь одна область, Северо-Западное побережье, была слабо охвачена среднеамериканскими влияниями, но все же достигла сносного развития благодаря собственной творческой силе, дополненной в некоторой степени заносом в нее спорадических культурных элементов мигрантов из Азии. Таким образом, только здесь произошел заметный независимый рост цивилизации, хотя и определенно вторичный по отношению к великой эволюции Средней Америки, которая в основном определяла культуру двух континентов.

176. Репрезентация, показывающая современность, и нарративная репрезентация

Насколько это возможно, черты в каждой колонке диаграммы расположены в порядке их предполагаемого появления во времени. На самом нижнем уровне, например, расположены те элементы, которые, вероятно, были общими для всех первых переселенцев в Америку. Местные события, в целом склонные к позднему появлению, были помещены в начало колонн; и, в целом, широко распространенные и, следовательно, очевидно ранние элементы находятся ближе к низу. В целом, соответственно, последовательность признаков вверх указывает на их примерную последовательность во времени. Но такое расположение, очевидно, справедливо главным образом для каждой колонки как единицы. Между колоннами она разрушается, поскольку вершина каждой колонки представляет один и тот же период, момент открытия, а эти вершины не находятся на одном уровне.

Для отображения тех же данных таким образом, чтобы вертикальное положение адекватно отражало пропорциональный промежуток времени, а горизонтальное - географическую близость, необходимо другое расположение. В такой диаграмме высота каждого столбца будет одинаковой, но более богатые культуры будут располагать свои составные элементы более плотно. То есть каждое новое изобретение, учреждение или импорт следовали бы за своим предшественником быстрее, чем в периферийных районах. Например, пока кукуруза распространялась из Средней Америки на Юго-Запад, а затем на Северо-Восток, среднеамериканцы добавляли разнообразные виды сельского хозяйства, металлургию, человеческие жертвоприношения и астрономию. Поэтому на схеме пласты, как правило, не ровные, а наклонены вверх от их истоков в центре. Это было бы более точным схематическим изображением того, что произошло.

С другой стороны, при графическом изображении возникли бы трудности. Например, одомашнивание ламы происходит только в одном районе - в Андах. Однако, как свидетельствуют археологические находки, это одомашнивание довольно древнее, возможно, более древнее, чем распространение многих элементов культуры из Анд в Тропические леса или из Мексики в Соединенные Штаты. Поэтому лама не может быть помещена рядом с главой колонны, представляющей андскую культуру, поскольку верхняя часть этой колонны означала бы недавность. Ее пришлось бы поместить ниже, нарушив тем самым непрерывность пластов, проходящих через несколько областей. Таким образом, диаграмма быстро станет настолько запутанной, что потеряет свою графическую ценность.

Проблема упростилась бы, если бы огромную массу элементов культуры можно было разделить на небольшое количество групп, каждую из которых можно было бы отнести к страте или периоду, подобно тому, как в предыдущей главе были проанализированы и затем перегруппированы составляющие религии, а затем и всей культуры калифорнийских индейцев. Такая процедура, однако, гораздо проще и точнее для подразделений одной ограниченной территории, чем для целого полушария, поскольку взаимосвязи составляющих его областей, естественно, очень сложны и во многих моментах несовершенны. Поэтому здесь не делается попытка схематично изобразить ход развития культуры во всей Америке на основе такого количества признаков, которое включено в [рис. 35](#). Вместо этого приводится аналогичная, но более простая схема ([рис. 36](#)), недавно опубликованная автором, чьей главной темой является Средняя Америка, который представил свою историю в виде обработки по более крупным периодам и в своей схеме распространил их на остальные два континента. Если его рисунок кажется отличным от предыдущего, следует помнить, что эти два подхода не только находятся под несколько разными углами, но и независимы друг от друга, к тому же окажется, что расхождение между двумя иллюстрациями ([рис. 35](#) и [36](#)) скорее кажущееся, чем внутреннее.

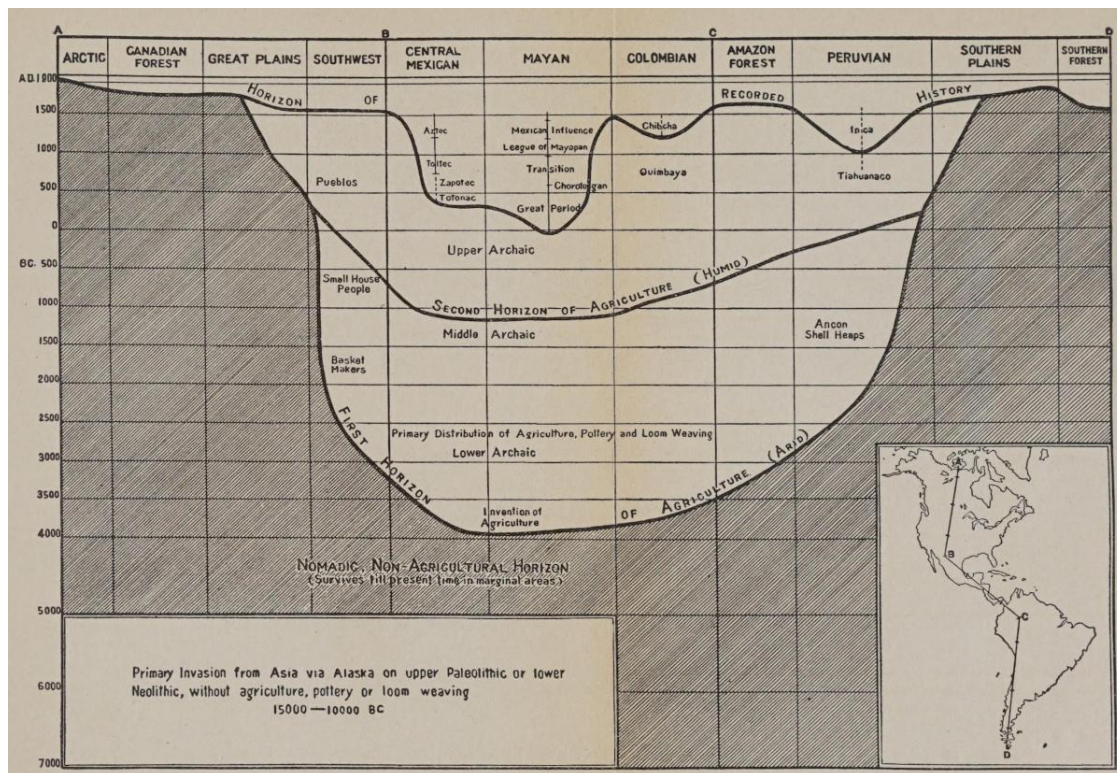


Рис. 36. Диаграммное представление Спиндена о развитии культуры коренных американцев. Здесь представлено меньше элементов культуры, чем на [рисунке 35](#), но они определенно расположены в соответствии с указанной последовательностью во времени. Хотя эта диаграмма была подготовлена с учетом цивилизации Средней Америки и, следовательно, относится только к культурным областям, рассеянным линией ABCD, и хотя она переносит заселение континента на несколько тысяч лет назад от времени, предполагаемого в этой книге, она в значительной степени согласуется с мнениями, высказанными в настоящей главе.

Однако в лучшем случае все диаграммы не только схематичны, но и статичны; поэтому, возможно, стоит попытаться рассказать о некоторых главных событиях истории американской цивилизации, чтобы выявить их преемственность и взаимосвязь в том виде, в каком они предстают в перспективе. Но читатель должен помнить, что это реконструкция на основе косвенных и зачастую несовершенных свидетельств, возможно, верная в целом и во многих деталях, но наверняка ошибочная в некоторой части своих выводов, предварительная и подлежащая пересмотру по мере того, как будущее принесет более полное понимание. Цель книги - передать истину в том виде, в каком она может быть собрана воедино: это ни в коем случае не прямая документальная история, подобная тем, что знакомы нам по ортодоксальной "истории".

177. Расовое происхождение американских индейцев

Американская раса вряд ли могла прийти откуда-то еще, кроме Азии: она появилась в Новом Свете около десяти тысяч лет назад. Ее родственные связи, как уже говорилось ранее (§ 23, 25), являются в целом монголоидными. Это утверждение не означает, что американские индейцы произошли от китайцев или японцев, так же как и то, что они называются монголами, подразумевает веру в их происхождение от конкретного современного народа, известного как монголы. Мы называем себя кавказцами без какого-либо намека на то, что

наши предки жили в горах Кавказа или что нынешние жители Кавказа являются более чистым и представительным народом, чем мы. Таким образом, монголы - это та группа "желтых" народов восточной Азии, частью которой являются монголы; а монголоиды - более крупная группа, включающая монголов, ост-индцев и американцев. От первоначального протомонголоидного ствола произошли и дифференцировались все три группы и их подразделения. Американские индейцы, вероятно, остались ближе к нему, чем китайцы. Правильнее было бы сказать, что китайцы произошли от древних индейцев, приобретя раскосые глаза довольно поздно.

Протомонголоидному стволу должно быть десять тысяч лет. Возможно, он гораздо старше. В ауриньякский период, третий от последнего в древнем каменном веке, двадцать пять тысяч лет назад, а возможно, и дольше, два других больших типа живых людей были уже достаточно хорошо охарактеризованы. Ископаемая раса Гримальди этого периода демонстрирует довольно явное негроидное родство; современная раса кроманьонцев, вероятно, может считаться протокавказской. Поэтому вполне вероятно, хотя пока и не доказано открытиями, что протомонголоиды также уже существовали.

178. Время заселения Америки

Примерно в конце палеолита или в начале неолита некоторые из этих протомонголоидов переместились из Азии в Северную Америку. Вероятно, они и были настоящими первооткрывателями Нового Света, который, как они обнаружили, населяли только звери. Время их вторжения можно установить лишь приблизительно, но в его пределах оно кажется достаточно надежным. Если бы миграция произошла намного позже, когда неолит уже был в разгаре, то в Старом Свете появились бы одомашненные животные и растения - крупный рогатый скот, свиньи, овцы, пшеница, ячмень, рис, просо, которых у американцев не было. То же самое можно сказать и об изобретениях вроде колеса.

Аналогичные аргументы говорят против веры в возможность более раннего заселения Америки, скажем, в среднем палеолите. В этом случае должны были бы существовать пещеры, скальные укрытия или речные террасы, соответствующие европейским, содержащие только орудия палеолитического типа. Но в Америке таких отложений не найдено, а там, где они предположительно обнаружены, их обстоятельства остаются предметом споров.

Кроме того, если бы палеолитический человек обитал в западном полушарии, вполне вероятно, что его ископаемые останки были бы обнаружены. Было проведено множество раскопок, и многие исследователи понимают, насколько важны доказательства такого рода. Однако до сих пор не обнаружено ни одной человеческой окаменелости положительно плейстоценового возраста или типа. Было объявлено о многочисленных сенсационных находках. Но в каждом случае их геологическая матрица или пласт были доказаны либо недавно, либо под сомнением. И ни одного фрагмента скелета неандертальца или человека, в равной степени отличающегося от современного, в Америке не обнаружено. Все предполагаемые черепа или части плейстоценового человека принадлежат, по-видимому, какой-либо ветви американских индейцев в том виде, в каком они существуют сегодня. Поэтому маловероятно, что человек достиг Америки до последней стадии палеолита.

Если установить дату появления человека десять тысяч лет назад, то прошедший период вполне объясняет нынешнюю диверсификацию американской расы. Есть племена с широкими и узкими головами, высокие и низкие, одни с крючковатыми носами, другие со слегка волнистыми волосами. Но основной тип везде один и тот же. Различия кажутся

такими, как окружающая среда и образ жизни, случайности происхождения от малых групп и, возможно, небольшое влияние отбора, которые обязательно должны были бы проявиться со временем. В целом коренные жители Америки удивительно однородны, учитывая огромную территорию, которую они занимают, перепады температуры, влажности, высоты над уровнем моря, наличие пищи, а также заметные различия в обычаях жизни многих племен. Единственная группа, которая вообще стоит особняком, - это эскимосы; они отличаются и по языку, и по культуре. Более того, они занимают ближайшие к Азии районы, включая обе стороны пролива Беринга. Таким образом, они, по-видимому, представляют отдельное происхождение. Но все остальные группы от Аляски до Патагонии настолько тесно связаны друг с другом соматически, что до сих пор не удалось провести их всеобъемлющую и общепринятую подклассификацию. На самом деле, американская раса кажется слишком недифференцированной, чтобы потребовалось десять тысяч лет для ее поверхностной диверсификации; пока не вспомним, что человеческие расы, предоставленные сами себе, в большинстве случаев изменяются довольно медленно. Смешение - один из величайших факторов расовых изменений, и в условиях изоляции Америки этот элемент был устранен в гораздо большей степени, чем в большинстве стран Старого Света.

179. Лингвистическая диверсификация

Язык рассказывает похожую историю. Языки американских индейцев, безусловно, отличаются разнообразием. Принято считать, что в Северной и Южной Америке насчитывается около ста пятидесяти различных речевых семей (§ 50). Но многие из них известны не до конца; в последнее время некоторые филологи-американисты склонны видеть определенное сходство между многочисленными языками, которые внешне отличаются друг от друга. Отмечаются скрытые и замаскированные сходства, которые указывают на изначальное единство. Таким образом, число генетически различных семей или языковых фондов сокращается. Число, которое в конечном итоге будет признано, по всей видимости, будет небольшим.

Условия Старого Света на самом деле более схожи, чем кажется на первый взгляд. Английский и современные индустриальные языки, такие как бенгальский, хотя и являются, безусловно, родственными, но довольно сильно отличаются друг от друга. Доказательство их общего индоевропейского происхождения во многом основывается на сходстве их прародительских форм - англосаксонского и санскрита. Их, в свою очередь, теснее связывают между собой свидетельства других древних языков, таких как греческий и латынь. Если отбросить эти вымершие языки и современные переходные, представить английский и бенгальский как единственных представителей индоевропейского, то сомнительно, что их общее происхождение может быть полностью доказано. Взаимосвязь, конечно, не будет легко распознана; самый кропотливый анализ выявит столько слов, полностью свойственных каждому языку, и столько исключений из всех предположений о регулярных звуковых эквивалентах, что консервативные филологи, возможно, откажутся от решения проблемы единого происхождения.

Эта воображаемая ситуация параллельна реальной ситуации в американской лингвистике. Не сохранилось ни одной древней формы речи. Многие ныне существующие известны недостаточно. Тот факт, что какой-то энтузиаст составил грамматику науатля, кечуа или эскимосского языка, вовсе не означает, что он разобрал всю его структуру. Книга, посвященная языку, может быть столь же поверхностной, сколь и изученной. А человек, который действительно знал науатль, обычно мало интересовался кечуа. Если он и познакомится с ним, то он окажется настолько разным, что сравнение покажется

бесплодным. Таким образом, большое разнообразие американских языков было принято не потому, что кто-то считал его действительно установленным, а потому, что до недавнего времени ни один критически настроенный ученый не считал себя способным установить серьезные связи. Это был случай скорее недоказанного, чем опровергнутого единства происхождения.

Если бы индоевропейские языки не были нашими, а принадлежали чужой расе и поэтому были известны нам гораздо менее интенсивно; если бы история их древних форм была стерта, а не сохранялась для нас на протяжении более трех тысяч лет; и если бы им был отпущен период в десять тысяч лет, в течение которого они должны были дифференцироваться, филология, вероятно, отнесла бы их к нескольким различным группам. Умножьте на три количество отличий бенгальского языка от санскрита, на шесть - английского от англосаксонского, и можно будет получить степень расхождения, примерно сравнимую с той, что существует между науатлем и кечуа, или майя и ирокезами. Это не утверждение, что науатль и кечуа родственны. Это утверждение о том, что в свете современных знаний они могли быть одним языком десять тысяч лет назад. Один народ с одной речью вполне мог за столь долгий период - триста поколений - породить языки, которые сейчас кажутся такими разными.

При этом нет никаких оснований полагать, что все американские языки обязательно произошли от одного родного языка. Среди такого же количества населения, переселившегося из Азии на Аляску, могло быть полдюжины или дюжина идиом. Конечно, маловероятно, что миграция была изолированным, единичным событием. Более вероятно, что это был период некоторой продолжительности, в течение которого череда волн населения перетекала с одного континента на другой. Каждая из этих волн, которые лишь в перспективе веков слились в единое движение, могла принести с собой свою речь, от которой со временем произошли языки, в конечном счете настолько дифференцированные, что сейчас выглядят как отдельные семьи. Не то чтобы известно, что это произошло; но кажется вполне правдоподобным, что это могло случиться, и в настоящее время нет никаких доказательств обратного.

Короче говоря, филология не ставит никаких препятствий для принятия даты, которая была принята в качестве приблизительного определения периода заселения Америки.

180. Прimitивная культура иммигрантов

Что касается культуры, которую принесли с собой иммигранты, то, поскольку прямые свидетельства отсутствуют, приходится опираться на рабочую гипотезу, что эта культура была примерно эквивалентна самой отсталой американской культуре современности; или, лучше, общему знаменателю всех американских культур, включая самую низкую. Эта процедура позволяет получить группу элементов, представленных в самом нижнем слое [на рисунке 35](#). Эти элементы были либо принесены с собой во время вторжений, либо развились так скоро после них, что получили столь же широкое распространение. Гарпун, например, использовался в Европе в магдаленском периоде - в конце палеолита. Что касается лука и стрел, то в Европе нет никаких доказательств их применения до начала неолита. Собака, самое раннее животное, привязанное к человеку, известна с того же периода, в то время как крупный рогатый скот, свиньи и овцы появились только к началу неолита (§ 67, 222). Поскольку у американских индейцев есть собаки, трудно объяснить этот обычай иначе, чем наследием той же культурной стадии в Старом Свете, к которой относятся гарпун и лук. Эта связь становится более очевидной, если учесть, что индейская собака наиболее тесно связана не с американским койотом, а с приполярным волком и, возможно,

шакалом, и расходится на те же породы, что и собака Старого Света. Существуют американские расы собак - некоторые из них древние, представленные скелетами из курганов и мумиями из Аризоны и Перу, - которые соответственно имеют висячие уши, кудрявый хвост, короткие ноги, длинную шерсть, без шерсти или с заниженной челюстью, что соответствует породам, развившимся с аналогичными признаками в восточном полушарии, и практически заставляет сделать вывод, что собака была завезена в Америку человеком, а не одомашнена диким видом на этом континенте.

Именно такие свидетельства позволяют считать указанный период - последние этапы палеолита или ранний неолит - временем проникновения человека в Америку. Десять тысяч лет, прошедшие с момента этого события, по общему признанию, являются более условными. Никто не претендует на точную датировку более отдаленных этапов европейской предыстории. Относительная продолжительность - это все, на что можно возлагать большие надежды. Даты заведомо приблизительны. Для конца палеолита здесь выбрана оценка 8000 лет до н. э. - десять тысяч лет назад. Это круглое число, не воспринимаемое слишком буквально, имеет свойство конкретности и кажется близким к истине. Возможно, оно окажется на несколько тысяч лет короче или больше. Но оно дает достаточно времени, без навязчивого превышения, для диверсификации индейцев по расе, речи и культуре; и это кажущееся соответствие предположения с нынешними фактами можно принять как грубое подтверждение.

Другие элементы культуры, отнесенные [на рисунке 35](#) к первому или иммигрантскому слою, не могут быть датированы какими-либо конкретными останками, поскольку некоторые из них представляют собой институты, а другие - искусства, материалы которых являются скоропортящимися - например, корзины и огненные дрели. Тем не менее, они встречаются среди всех или большинства низших американских племен и более или менее широко распространены в восточном полушарии.

Первые поселенцы, соответственно, могут быть представлены как люди, живущие за счет природы; они охотились, ловили рыбу, собирали коренья, фрукты и семена, копали или собирали моллюсков. Их лучшим оружием были лук и гарпун со съёмной головкой. Последний, возможно, уже приводился в движение атлатлем или копьеметателем, искусственным продолжением руки. Использовалось и более простое оружие: дубины, камни, возможно, дротики и копья, возможно, кинжалы из кости или камня. Кремень откалывали и отслаивали, другие камни начинали шлифовать или растирать. Костяные шилья служили для прокалывания; менее вероятно, что глазчатые иглы - для шитья. Из луба скручивали шнуры, и, по всей вероятности, плели или плели корзины, корзины, плотины, ловушки, возможно, также делали сети. С собаками попеременно играли и пинали их; их наполовину держали, наполовину терпели, возможно, съедали в случае необходимости. Общество было организовано только на основе крови и родства. Родственные группы действовали вместе, пока не распадались. Труд распределялся по половому признаку; мужчины каждой общины, возможно, содержали дом или место собраний, где они собирались в свободное время, возможно, по ночам, и куда женщины боялись заходить. Вера в души и духов была уже безвозвратно устаревшей. Люди поднялись до того, что перестали быть пассивными по отношению к нематериальному; наиболее интенсивно настроенные из них стремились к общению с духами; они демонстрировали своим товарищам контроль и использование сверхъестественных существ и были теми, кого мы называем шаманами. Обычай фактически признавал влияние духовного мира на каждого человека и считал, что оно наиболее сильно в периоды перехода или кризиса - рождения, зрелости, смерти. Особенно важным считалось половое созревание, которое предвещало

всю взрослую жизнь. Поэтому благополучие человека и его правильное отношение к обществу стремились обеспечить духовной защитой. Девочек уединяли, лечили или врачевали, обучали; мальчиков подвергали порке или другим испытаниям на стойкость; прохождение такого посвящения допускало их в мужской дом.

181. Маршрут проникновения в Западное полушарие

На этом фоне человек попал в Америку через пролив Беринга. Возможно, он плыл по морю; более вероятно, или чаще всего, он переправился по льду. Расстояние по воде составляет всего около шестидесяти миль; острова Диомед лежат недалеко от середины пролива; а лед, возможно, простирался довольно долго, десять тысяч лет, ближе к пику последнего оледенения. Задолго до этого существовал сухопутный мост от Сибири до Аляски, по которому лошади, верблюды, крупный рогатый скот, слоны, олени и многие другие виды животных переходили с одного континента на другой. Но это было в геологической древности, человек появился в геологической ретроспективе - скорее, в недолгой; и разделенная конфигурация континентов, вероятно, уже была установлена. Лошади вымерли в Новом Свете к моменту появления человека, племя слонов, вероятно, тоже. Ламы, пумы, ягуары заняли место верблюдов, львов и тигров Старого Света. Фауна Северной и Южной Америки, растительность, климат были почти такими же, как и сегодня.

Алеутские острова также были предложены в качестве маршрута миграции. Но их цепь длинна, а разрыв на западном конце составляет сотни миль открытой воды, которую вряд ли смогут преодолеть разве что опытные мореплаватели. Еще более слабым было бы предположение о прибытии из Полинезии. Здесь расстояния между ближайшими островами и материком достигают тысячи миль. Выжить могли только хорошо оснащенные мореплаватели, и нет ничего, что могло бы достоверно доказать, что даже у человека позднего палеолита были лодки. Кроме того, все свидетельства о полинезийцах указывают на позднее заселение восточных островов Тихого океана; максимум несколько тысяч лет назад. Таким образом, исключение указывает на маршрут Беринга как на единственный, который можно серьезно рассматривать.

Миграция вряд ли была внезапной или единичной. Она продолжалась поколениями, возможно, тысячелетиями, сменяя друг друга. Два или три исследователя отправлялись в путь и возвращались, за ними следовали несколько семей. Их сменяли другие. Не было никакой скученности, и долгое время пролив не встречал сопротивления со стороны ревнивых поселенцев. Впереди был открытый юг, всегда более мягкий и плодородный, чем дальше, тем больше. Должно быть, он долго оттягивал переселенцев от пролива быстрее, чем они его пересекали. Некоторые из вторгшихся групп почти наверняка отличались друг от друга по обычаям, возможно, заметно по внешнему виду, хотя и имели один общий уровень культуры.

182. Распространение на два континента

Перед ними лежали пятнадцать миллионов миль тундры, лесов, равнин, морских побережий, пустынь, саванн, джунглей и плоскогорий, богатых той или иной пищей, где не было ни одного жителя, который бы оспаривал владение или препятствовал передвижению, кроме медведей, волков, пум и ягуаров - зверей, не сравнимых с теми, что обитают в Старом Свете. Так переселенцы пересекли весь континент и спустились по его длине, вошли в тропики в Мексике, продефилировали через Панаму - и перед ними раскинулся второй континент. Сколько времени потребовалось первым странникам, чтобы рассеяться от Аляски до Магелланова пролива, сказать невозможно. Возможно, несколько тысяч лет, а возможно,

всего несколько сотен. Любопытство, желание увидеть сильны в людях, если страх не накладывает никаких ограничений.

Рано или поздно, во всяком случае, они стали жить на обоих континентах. Передовой отряд давно потерял сведения о тыле, если, конечно, тыл появлялся только после того, как передовой отряд не мог продвинуться дальше. Когда кавказец открывал Америку, он мог начать с мыса Горн, перейти к народу, о существовании которого не знали те, кто находился в исходной точке, и повторить этот шаг дюжину раз, пока его путешествие не привело его в Арктику. До возникновения империй Мексики и Перу количество звеньев в цепи, не знающих друг о друге, было бы еще больше. Движущиеся группы первобытных людей, несомненно, быстро теряли связь друг с другом на еще более коротких отрезках. Таким образом, устанавливались различия в речи, образе жизни. Семья братьев могла стать доминирующей в группе за счет количества своих потомков и таким образом окрасить соматический тип группы, который, в свою очередь, при благоприятном стечении обстоятельств и расширении, мог заложить наследственную основу для субрасового разнообразия.

Перемещения населения продолжались вплоть до настоящего времени. Представленные ранее карты речевых запасов (рис. 14, 15) доказывают, что дальнейшие миграции происходили после того, как такие великие группы, как атабаскин, алгонкин, уто-ацтекан, аравак, тупи, жили в компактном единстве достаточно долго, чтобы создать хорошо определенный язык. Но насколько эти более поздние миграции можно проследить по речи, они больше не преобладают в направлении с севера на юг и с запада на восток, как это должно было произойти при первой общей диффузии, а смещаются в самых разных направлениях. Они представляют собой нечто вроде кипения чайника, а не нисходящего потока. Они ослабляли внутреннее напряжение и колебались в зависимости от обстоятельств; они не представляли собой дрейф, подобный первой оккупации. Возможно, многое из их истории в конечном итоге будет проработано и станет основой национальной истории доколумбовой Америки. Но влияние этих более поздних натисков, экспансий и скитаний на развитие культуры Нового Света в целом, скорее всего, было относительно незначительным.

183. Возникновение среднеамериканской культуры: Кукуруза

На протяжении, возможно, пяти тысяч лет в Америке не происходило ничего значительного. Возможно, прогресс и был, но он был медленным, и в далекой перспективе времени его слабые свидетельства пока не поддаются определению. О раннем периоде можно сказать немного, кроме того, что различия в культуре должны были начать развиваться в соответствии с локальными возможностями окружающей среды.

Но к концу первой половины периода американской древности, предположительно около 3000 г. до н. э., между культурой Среднеамериканского нагорья и остальной частью Северной и Южной Америки, по-видимому, произошла ощутимая дифференциация. Нагорье вырвалось вперед. Особенно, пожалуй, это относится к региону южной Мексики и Гватемалы. Почему именно здесь цивилизация впервые набрала заметный импульс, сказать трудно; мы имеем дело с неясными зачатками в отдаленный период. Вероятно, важным фактором была необычная концентрация населения. Это, в свою очередь, могло быть обусловлено легкостью существования в субтропической зоне. Развитые цивилизации, как правило, находят свои наибольшие возможности в достаточно умеренном климате; зарождающиеся - в полутропическом климате или безлесных регионах тропиков. По крайней мере, есть параллели с Египтом, Вавилонией, Индией. Возможно, самой ценной для культурного прогресса Средней Америки экологической особенностью было ее разнообразие. Горы и побережье, умеренные нагорья и жаркие низины, влажные и

засушливые районы, тропические джунгли и открытая местность - все это находилось всего в нескольких часах езды друг от друга. В каждой местности население вырабатывало свои необходимые адаптации, и в то же время рядом с ним находились другие люди с другой адаптацией, чтобы они могли торговать, зависеть друг от друга, учиться. Таким образом, обычаи соприкасались с обычаями, изобретения - с изобретениями. Расхождения, само соперничество приводили к примирению, переадаптации, новым комбинациям. Культурное движение и стимулы обычно были более значительными, чем в культурно однородном регионе.

Как бы то ни было, Средняя Америка взяла верх. Именно в южной Мексике произрастает дикий маис - теоцотли, "божественный маис"[25], как называли его ацтеки. От него в далекий архаический период произошло культурное растение. По крайней мере, такова вероятность в несколько запутанной массе ботанических свидетельств. Именно здесь развилось доминирующее растение американского сельского хозяйства: вместе с ним, весьма вероятно, появились культурные бобы и кабачки, которые обычно ассоциируются с местным земледелием даже в отдаленных от Мексики районах.

Керамика имеет такое же распространение, как и маисовое земледелие, что позволяет предположить, что они возникли практически одновременно, вероятно, в одном и том же центре. Это тем более вероятно, что искусство представляет главную ценность для сидячих людей, а земледелие сильнее, чем любой другой образ жизни, способствует переходу к оседлости.

Сельское хозяйство почти наверняка увеличило численность населения. Снабжение продовольствием стало более значительным и регулярным; люди привыкли жить рядом друг с другом там, где раньше они неосознанно отдалялись друг от друга из-за недоверия; а близость, в свою очередь, как и новая стабильность, уменьшила бы многие из локальных голодов, военных действий и других трудностей, которым подвергались меньшие и менее оседлые сообщества. По мере снижения смертности и роста численности населения специализация труда становилась сначала возможной, а затем почти принудительной. Самодостаточная община из ста человек не может позволить специализацию достижений и профессий. Каждый человек должен быть прежде всего непосредственным добытчиком пищи. С другой стороны, миллионное сообщество неизбежно разделяется на классы, ремесла, гильдии или касты. Человек с определенными вкусами и дарованиями в определенном направлении находит свою продукцию достаточно востребованной, чтобы посвятить себя в значительной степени или полностью ее производству. Сам размер сообщества как бы вынуждает его к специализации, и таким образом разнообразие, с его цепочкой эффектов, ведущих к дальнейшей стимуляции, достигается независимо от окружающей среды.

184. Табак

Для некоторых элементов культуры свидетельства раннего происхождения в Средней Америке менее прямые. Например, использование табака так же широко распространено, как и сельское хозяйство, но не обязательно является столь же древним. Его распространение в восточном полушарии было настолько быстрым (§ 98), что приходится признать, что он мог быстро распространиться и в Новом Свете - во всяком случае, быстрее, чем кукуруза. Кроме того, необходимо проводить различие между курением, жеванием или нюханием табака и его выращиванием. Есть некоторые современные племена, в основном

живущие на окраинах табачных районов, которые собирают это растение в диком виде. Вполне вероятно, что дикий табак использовался в течение некоторого времени до того, как была предпринята попытка его культивирования. Тем не менее, выращивание табака, где бы оно ни возникло, очевидно, началось на севере Средней Америки, в Мексике или в соседней Антильской провинции. Именно здесь была выращена *Nicotiana tabacum*. Племена, жившие севернее, довольствовались родственными видами, в большинстве своем настолько низкими с точки зрения потребителя, что они не были восприняты западной цивилизацией. Эти сорта выглядят как периферийные заменители центрального и оригинального *Nicotiana tabacum*.

Представители колумбийской и андской культур практически не употребляли табак, но жевали стимулирующий лист коки. Это случай, когда одна из двух конкурирующих культурных черт мешает или, возможно, вытесняет другую, а не то, что табак никогда не достигал Анд. Большинство жителей остальной части Южной Америки использовали табак.

185. Последовательность социальных институтов

Самые периферийные и отсталые народы Северной и Южной Америки и по сей день остаются без кланов, обществ, наследственных тотемов или экзогамических групп (§ 110). Некоторые из них, например эскимосы и фуэгийцы, живут на крайних концах континентов, в условиях лишений, которые, как можно предположить, направили всю их энергию на материальные стороны жизни и, таким образом, оставили мало интереса для развития институтов. Но этот аргумент не применим к многочисленным бесклановым племенам Калифорнии, равнин и тропических лесов. Отсюда следует вывод, что те американские народы, которые не демонстрируют формальной организации общества на наследственной основе - или, по крайней мере, более примитивные, не имеющие эквивалента или заменителя, - не имеют этой организации, потому что никогда ее не приобретали. Это негативное состояние можно считать изначальным для всей американской расы.

Несколько более развитые в культурном отношении и менее маргинальные, во всяком случае, в Северной Америке, племена обладают экзогамическими группами - либо сибсами, либо обществами, - в которых происхождение идет по мужской линии и обычно связано с тотемическими верованиями или практиками. К ним относятся племена одного из сегментов Северо-Западного побережья; племена одного из концов Юго-Запада с некоторым расширением в Калифорнию; племена большей части Северного лесного массива с некоторым расширением на равнины.

Другая серия племен живет по той же схеме, но происхождение считается по женской, а не по мужской линии. К ним относятся народы северо-западного побережья, юго-запада и юго-востока с некоторым расширением на северо-восток и равнины.

Эти экзогамно-тотемические серии племен в среднем выше по уровню общей культуры, чем бесклановые и тотемические. В целом они также расположены ближе к очагу цивилизации в Средней Америке. Между двумя экзогамно-тотемическими сериями матрилинейные племена должны быть отмечены более сложной и лучше организованной культурой, чем патрилинейные. Например, лучшая резьба в Северной Америке - это резьба Северо-Запада - тотемные столбы, маски и т.п. На Северо-Западе тлингиты, хайда и цимшиан - матрилинейные племена - превосходят по качеству этой работы. Они намного превосходят патрилинейных квакиутль и салиш. Так и на юго-западе: матрилинейные пуэбло строят каменные города, подчиняются жреческой иерархии и обладают сложной серией культовых обществ. Патрилинейные пимы и южные калифорнийцы живут в деревнях из кустарника или

земляных домов, не имеют жрецов и знают не более одного религиозного общества. Опять же, матрилинейные южные лесные жители сделали некоторые шаги к системе городской жизни и политических институтов, патрилинейные северные лесные жители не имели никаких серьезных институтов в этих направлениях. Единственная северо-восточная группа, создавшая успешную политическую организацию, - ирокезы с их Лигой пяти наций - была матрилинейной среди патрилинейных соседей и имела положительные связи с Юго-Востоком.

Было бы экстравагантным утверждать, что на всем североамериканском континенте каждое матрилинейное племя было культурно более развитым, чем каждое патрилинейное. Но очевидно, что в пределах каждой области или типа культуры матрилинейные племена демонстрируют превосходство над патрилинейными в преобладании культурных аспектов. Таким образом, матрилинейная клановая организация представляет собой более высокую и, предположительно, более позднюю стадию в Северной Америке, чем патрилинейная клановая организация, поскольку она, в свою очередь, ранжируется и темпорально следует за бесклановым состоянием.

За одним исключением, распределение тех же племен по отношению к южномексиканскому центру согласуется с их продвижением. Северо-восток явно периферийный, юго-восток - полупуть, связанный с Мексикой через юго-запад и Антильские острова. Матрилинейная часть пуэбло на Юго-Западе занимает часть хребта плато, на южном конце которого развивалась мексиканская культура. Именно по этому хребту цивилизация продвигалась через северную Мексику. Побережье отставало. Они были маргинальными в Мексике, еще более маргинальными на Юго-Западе, где патрилинейные племена жили на берегу Тихого океана или рядом с ним.

Единственное исключение - северо-западное побережье, где более отдаленные северные племена матрилинейны, а более близкие южные - патрилинейны. Такое обратное распределение вызывает подозрение, что северо-западная социальная организация, возможно, не имеет ничего общего с мексиканской, а является чисто местным продуктом. Это подозрение усиливается тем, что Северо-Запад демонстрирует ряд других черт культуры - одни свойственны ему самому, другие повторяются в хорошо разделенных областях - которые, кажется, невозможно связать с Мексикой. Некоторые из этих черт будут рассмотрены далее. Пока же достаточно отметить их существование как свидетельство, благоприятствующее интерпретации социальной организации Северо-Запада как не связанной с Мексикой. Таким образом, аномальное матрилинейно-патрилинейное распределение на Северо-Западе не является препятствием для общего для Северной Америки вывода о том, что бесклановые, патрилинейные и матрилинейные организации общества располагаются в этом порядке как в отношении последовательности развития, так и в отношении удаленности от Средней Америки.

Для Южной Америки данные слишком разрозненны, чтобы их можно было с пользой обсуждать без достаточно подробного рассмотрения.

Таким образом, факты распределения за пределами Средней Америки указывают на такую реконструкцию событий. Первобытные американцы были неэкзогамными, нетотемическими, без сибсов и одностороннего учета происхождения. Первое учреждение экзогамных групп было основано на происхождении по мужской линии, произошло в Средней Америке или около нее и распространилось за ее пределы, хотя и не на самые периферии и отдаленные участки континентов. Несколько позже, возможно, также в Средней Америке, возможно, в том же центре, институт был изменен: происхождение стало матрилинейным. Этот новый тип

организации распространился, но за свою недолгую историю прошел не так далеко и остался ограничен племенами, которые имели наиболее активную культурную связь со Средней Америкой.

Теперь, однако, возникает кажущаяся трудность. Средняя Америка, которая, судя по всему, развивала патрилинейные, а затем матрилинейные кланы, сама к моменту открытия европейцами была бесклановой.[26] Решение состоит в том, что Средняя Америка действительно развивала эти институты, а затем сделала шаг вперед, отказавшись от них или трансформировав их. Очевидно, что это объяснение будет подтверждено в той степени, в какой можно будет показать, что вероятные причины или продукты трансформации существовали.

186. Возникновение политических институтов: Конфедерация и Империя

В целом, трансформация, по-видимому, происходила по линии замены политической организации на социальную. Борющиеся деревни объединялись в конфедерации, имея постоянное место встречи и созданный совет; власть выборных или наследственных вождей росла, пока они не стали уделять большую часть своего времени общинным делам; города укрупнялись. Таким образом, можно было проводить общественные работы. Строились не только оросительные каналы и оборонительные сооружения, но и храмы-пирамиды. В Средней Америке это состояние, должно быть, было достигнуто несколько тысяч лет назад. Майя перешагнули через него в начале христианской эры. Тогда у них был правящий класс и жречество, и они возводили датированные памятники, свидетельствующие об оседлом существовании более успешных из их общин.

На территории Соединенных Штатов, которые, возможно, появились на две тысячи лет позже, чем южная Мексика, политическая организация к моменту открытия все еще находилась в стадии зарождения. Пуэблос на юго-западе достигли городской жизни и значительного жреческого контроля. Они не сделали дальнейшего шага к объединению групп городов в более крупные целостные единицы. Однако на юго-востоке, хотя города были менее компактными физически и, вероятно, менее густонаселенными, политическая интеграция на демократической основе достигла определенных успехов. Сформировавшийся институт был, по сути, конфедерацией членов языковой группы, с гражданскими и военными вождями, домами советов и представительством "племен" или городов и кланов. С юго-востока идея конфедерации была перенесена на северо-восток ирокезами, чья знаменитая лига, основанная, возможно, еще до того, как Колумб достиг Америки, достигла своего апогея после заселения французами и англичанами и появления огнестрельного оружия. Лига ирокезов была поразительным достижением для культурно отсталого народа. Ее успех был обусловлен высокой степенью политической интеграции. Однако она не уничтожила более древнюю клановую систему, а, напротив, умело использовала ее в своих собственных целях политической, почти империалистической организации[27].

Возможно, через какую-то стадию такого рода прошли и мексиканские народы. Форма политической организации майя, очевидно, была схожа с пуэбло, а развитие ацтеков больше напоминало развитие мускогеев и ирокезов. За тысячу лет до Колумба города майя боролись за гегемонию, как греческие города-государства тысячелетием ранее. Затем вперед вырвались народы нахуа, и примерно за два века до вторжения Кортеса Теночтитлан, нынешний город Мексика, начал серию завоеваний, завершившихся созданием своего рода империи. Это была разрозненная область покоренных и вновь завоеванных городов и племен, перемежающаяся с другими, сохранившими свою независимость, простиравшаяся

от средней Мексики до Центральной Америки, насчитывавшая, вероятно, несколько миллионов жителей, регулярно плативших дань, удерживаемая вместе хорошо направленной военной силой и управляемая наследственной линией полувыбранных или подтвержденных правителей, обладавших большим состоянием и значительной властью. Экзогамическая клановая организация как таковая исчезла. Группы, называемые кальпулли, были важны в ацтекском обществе, но они были локальными, или основанными на истинном родстве, и не тотемическими. Возможно, они были пережитками кланов; это не были кланы, как на юго-западе, юго-востоке или северо-западе.

Таким образом, в эволюции южномексиканского общества, вероятно, было пройдено пять последовательных этапов. Сначала было предклановое состояние, без заметной социальной или политической организации; затем - патрилинейная клановая система; в-третьих, матрилинейная клановая система, с более важными функциями кланов, особенно церемониальными; Четвертая - зачатки государства, воплощенные в конфедерации, кланы сохранились, но использовались в основном как инструменты политического механизма; пятая - империя, рыхлая и простая, если судить по стандартам Старого Света, но все же организованное политическое достижение, в котором кланы исчезли или были преобразованы в единицы другой природы.

187. Развитие ткачества

В текстильном искусстве, поскольку последовательные этапы довольно четко ранжируются друг с другом, а распределение хорошо совпадает с ними, ход развития прослеживается четко.

Первым этапом было ручное плетение корзин, которое уже было отнесено к периоду иммиграции и, несомненно, является древним. Все американцы в то или иное время плели корзины. Те немногие племена, которые не делали их к моменту открытия, очевидно, отложили это искусство, потому что окружающая среда обеспечивала их берестой или сыромятной шкурой бизона с исключительной легкостью, и потому что их потребности в емкостях и кухонной утвари были самыми простыми. О том, что плетение корзин восходит к рудиментарной, а также ранней стадии цивилизации, говорит и тот факт, что, возможно, самые лучшие изделия сделаны в явно отсталых районах, таких как Плато и Калифорния.

Второй и третий этапы, которые иногда трудно различить, - это этап свободно подвешенных нитей основы и простой рамы или неполного ткацкого станка. Используются податливые шнуры или грубые лубяные нити. Изготавливаются главным образом кошельки или сумки, одеяла из полосок меха или перьев, гамаки и тому подобное. Эти два способа широко распространены, но не так далеко, как плетение корзин; северные и южные окраины двойного континента их не знают. Иногда очень тонкие работы выполняются одним или другим из этих двух методов. Наиболее ярким примером является так называемое одеяло Чилкат на северо-западном побережье, похожая на ткань накидка, сотканная без полного станка из шерсти горного козла на нитях из кедровой коры по сложному рисунку - высокое развитие процесса низкого типа.

Четвертая стадия - становление настоящего или полного ткацкого станка. В Америке ткацкий станок тесно связан с выращиванием хлопка. Эти два вида имеют одинаковое распространение, за исключением некоторого использования растения для плетения гамаков на половинчатом станке в некоторых районах Тропического леса. Если не принимать во внимание этот случай как вероятную частичную адаптацию признаков более высокой культуры к более низкой, то можно определить распространение как ткацкого станка, так и

хлопка как ограниченное среднеамериканскими районами, прилегающим Юго-Западом и, возможно, прилегающими Антильскими островами. Это, безусловно, центральная стадия.

Пятая стадия - ткацкий станок с ручкой или механическим устройством для прочесывания, избавляющим от утомительного ручного подбора утка к нитям основы. Наличие утка доказано только для Перу. Вероятно, оно использовалось и в Мексике. Поэтому можно предположить, что она была известна и в соседней области Чибча. Она используется и сегодня на юго-западе, но, возможно, была завезена туда испанцами. Соответственно, эта стадия еще более строго ограничивается окрестностями Средней Америки.

Шестая стадия - ткацкий станок, чьи веретена управляются бегунками, и седьмая - использование нескольких веретен для механической обработки узоров - так и не были достигнуты ни одним американским народом.

Самые лучшие и тонкие ткани производились в Перу, отчасти, вероятно, благодаря добавлению шерсти к предыдущему ассортименту хлопка. Это добавление, в свою очередь, вероятно, последовало за одомашниванием перуанцами ламы. У мексиканцев не было соответствующего животного, которое можно было бы приручить, и их ткани отставали по качеству.

188. Прогресс в прядении: Хлопок

Прядение и ткачество взаимосвязаны. Корзины делаются из деревянных прутьев, тростниковых шин, корневых волокон или соломы, причем все они не скручены, но вполне вероятно, что умение скручивать шнуры возникло примерно так же давно, как и плетение. Во всяком случае, нет ни одного американского народа, не умеющего плести шнуры. Материалом для него служат иногда сухожилия, чаще - лубяные волокна, то есть волокна коры. Их скручивают вместе, почти всегда по два, между ладонью и голым бедром. Кордаж используется на втором и третьем этапах ткачества. Хлопок, используемый в ткацком станке, плохо прядется таким способом. Поэтому его скручивали между пальцами, а готовую нить наматывали на веретено. Это веретено служило в первую очередь катушкой или шпулькой. В Старом Свете дистаф использовался на протяжении тысячелетий. Это веретено с ваткой или маховиком. Оно опускается с вращением, придавая кручение и натяжение свободной ровнице льна или шерсти и таким образом превращая ее в пряжу механическим способом. Новый Свет так и не смог полностью использовать это устройство. На Юго-Западе и сегодня используют колесное веретено, но, очевидно, в результате европейского внедрения. На старых мексиканских изображениях и современных фотографиях майя веретено стоит в чаше, а не опущено. Поэтому валик, которым оно обладало, был не более чем кнопкой, удерживающей нить от соскальзывания с тонкого веретена. Для Перу это доказано. Там были найдены тысячи веретен, обычно с валиками слишком маленькими и легкими, чтобы служить эффективным маховиком. Отсюда можно сделать вывод, что все американское прядение было в основном ручным; это согласуется с отсутствием во всей Америке какой-либо формы колеса. У индейцев было всего два способа прядения: катание бедра для луба и скручивание пальцев для хлопка.

Происхождение высших форм прядения и ткачества в Средней Америке подтверждается тропическим происхождением хлопка, от которого зависят эти разработки. Хлопок Юго-Запада, например, был завезен из Мексики как культурное растение. Некоторые ботаники выводят его из гватемальского дикого вида. Вполне возможно, что это был первый сорт, возделываемый в этом полушарии.

189. Текстильная одежда

Одежда в целом слишком сильно зависит от климата, чтобы сделать удовлетворительным ее рассмотрение исключительно в рамках данного метода. Но одежда из текстиля демонстрирует распределение, которое имеет культурное значение. Это одежда из хлопка, сотканного на ткацком станке; характерной особенностью является прямоугольная форма: шаль, пончо, квадратная рубашка и юбка. В регионе Северо-Западного побережья в большей или меньшей степени носили накидки и юбки из луба, сотканые вручную и на полустанках. Но они были расклешенными - трапециевидными, а не прямоугольными - и, таким образом, очевидно, представляли собой отдельное развитие.

Во всех ткацких районах, и только в них, носили сандалии. Пространственная корреляция настолько тесная, что связь должна быть. Можно предположить, что сандалии возникли или, по крайней мере, были обязаны своим распространением текстильному прогрессу. И снова Северо-Западное побережье подтверждает эту версию, поскольку оно уникально: это, по сути, босоногий регион.

Подведем итог. Первоначальное текстильное искусство расы, вероятно, впервые было развито до стадии, промежуточной между изготовлением корзин и тканей, в Средней Америке. Затем они распространились на север и юг, но не совсем до пределов полушария, сохранившись в особом употреблении главным образом на Северо-Западе. С возделыванием хлопка в Средней Америке появились прядение и ткацкий станок, которые в конечном итоге были перенесены на Юго-Запад, но не дальше. Вскоре появились одежда из ткани и сандалии. Прядение было придумано, очевидно, последним и не распространилось за пределы Средней Америки.

190. Культы: Шаманизм

Что касается религиозных культов, то семь позиций были включены в [рисунок 35](#): (1h) шаманизм и (1i) кризисные церемонии, особенно для девочек в период полового созревания и порка мальчиков-подростков - две более или менее синхронные черты; (6a) общества посвящения и (6b) маски - также примерно одновременные; (16) жречество; (22) человеческие жертвоприношения и (23) храмы.

Шаман - это человек, не обладающий официальной властью, но часто имеющий большое личное влияние. Его предполагаемая сила приходит к нему непосредственно от духов в качестве дара или пожалования. Он сам, как личность, смог вступить в особые отношения, недоступные обычным людям, со сверхъестественным миром или некоторыми его представителями. Община признает его власть после того, как она стала его властью: община не избирает его на это особое положение и не принимает его по наследству. Общение с духами позволяет шаману предсказывать будущее, менять погоду, уничтожать урожай или умножать дичь, предотвращать катастрофы или навлекать их на врагов; прежде всего, он может вызывать и лечить болезни. Поэтому он - знахарь; слово, которое в американской этнологии является синонимом шамана. Термины "доктор", "волшебник", "жонглер", вошедшие в обиход в некоторых регионах, также более или менее уместны: все они обозначают шаманов. Когда он хочет убить своего личного или общественного врага, шаман с помощью своих сверхъестественных способностей вводит в жертву какой-нибудь посторонний предмет или разрушительное вещество, или же забирает его душу. Чтобы вылечить своих друзей или клиентов, он извлекает объект болезни, иногда с помощью пения, танца, дуновения, поглаживания или разминания, чаще всего с помощью сосания;

или же он находит, извлекает и восстанавливает душу. Из этих двух концепций более широко распространена концепция конкретного объекта болезни; концепция кражи души, по-видимому, характерна для более развитых племен; но точное распределение еще предстоит выяснить.

Территориальный охват шаманских идей и практик - от Арктики до мыса Горн. Метод получения силы от духов, природа объекта болезни и процесс ее извлечения, убежденность в том, что болезнь должна быть вызвана злобной шаманской силой, а естественная смерть не существует - эти и другие специфические черты института иногда удивительно похожи в Северной и Южной Америке. Более того, они повторяются в периферийных частях восточного полушария - в Сибири, Австралии, Африке - с таким близким сходством, что это наводит на мысль о том, что они являются остатками некогда существовавшей во всем мире рудиментарной формы религии или религиозной магии.

191. Кризисные обряды и инициации

Кризисные обряды имеют столь же широкое распространение и очевидную древность. Они касаются критических моментов человеческой жизни: рождения, смерти, иногда брака и деторождения; но чаще всего, или, по крайней мере, наиболее священо, они касаются зрелости. Таким образом, они часто являются церемониями полового созревания, совершаемыми ради благополучия как отдельного человека, так и общины, и приспособления его или ее к репродуктивным функциям, а также к карьере полезного и успешного члена общины. Подростковые обряды девочек были довольно подробно описаны (§ 154) для Калифорнии. С небольшими изменениями приведенный там рассказ применим к обычаям многих американских и, по сути, старосветских народов. Обряды мальчиков приходятся на соответствующий период жизни, но их отношение к сексу и браку обычно менее определено. Стойкость, мужественность, понимание - вот те качества, которые они призваны проверить и закрепить. Поэтому такие испытания, как пост, мучительная боль, наставления старших, являются характерными элементами этих обрядов. Поэтому не так удивительно, как может показаться при первом знакомстве, что идентичные практики, например, когда мальчиков жалют злобные муравьи, иногда встречаются в таких отдаленных регионах, как Калифорния и Бразилия: даже конкретный метод может быть местным выживанием широкой древней диффузии. Возможно, самым распространенным из всех специфических компонентов обряда в Америке является порка мальчиков. Возможно, это сочетало в себе испытание на стойкость и эмоциональное воспоминание о полученном совете. Во всяком случае, она, очевидно, стала устоявшейся частью пубертатных обрядов тысячи лет назад и, таким образом, приобрела дополнительный социальный импульс незапамятного обычая во многих частях как Северной, так и Южной Америки.

192. Тайные общества и маски

Из обряда пубертатного кризиса для мальчиков постепенно выросло общество посвященных, пополнявших свои ряды новыми инициациями. По мере того как акцент смещался с индивида на сообщество, представленное уже инициированными, церемония стала проводиться не столько для блага индивида, сколько для поддержания группы, общества как такового, с его обрядами, секретами и привилегиями. Очень часто никто не исключался, кроме незрелых мальчиков и женщин; однако, если акт допуска должен был иметь какое-то психическое значение, исключение этих элементов сообщества должно было иметь большое значение. Таким образом, секретность в отношении женщин и детей была подчеркнута, хотя часто секреты сводились в основном к тому, что они были.

Церемония перехода девочек в подростковый возраст, по-видимому, не имела такого развития, поскольку носила более личный и телесный характер: половое созревание у женщин было гораздо более определенным физиологическим событием. В некоторых американских племенах существуют женские общества. Но они, как правило, являются более слабым подражанием мужским обществам после их полного развития, а не прямым перерастанием первоначального девичьего обряда.

Шаманизм вошел как еще один элемент в формирование тайного общества. Люди-лекари часто приходили, чтобы действовать во благо общества, случай повторялся регулярно, и получалась общинная церемония с эзотерическим ядром. Кроме того, шаманы порой помогали начинающим шаманам тренировать и укреплять свои духовные силы. Расширение этой привычки, возможно, иногда приводило или способствовало созданию тайного общества (§ 158).

Маски тесно связаны с тайными обществами. Они маскируют членов общества перед женщинами и мальчиками, которым говорят, а зачастую и верят, что люди в масках вовсе не люди. Разумеется, это придает посвящениям таинственность и внушительность, особенно если маски фантастические или устрашающие. Таким образом, маски и общества - это два взаимосвязанных аспекта одной вещи. Но они ни в коем случае не неразделимы. Есть племена, как некоторые эскимосы, которые используют маски, но едва ли можно сказать, что у них есть общество, в то время как на равнинах и в других местах есть определенные общества, которые проводят инициации без масок. Физические и экономические условия Арктики препятствуют масштабной общинной жизни или социальной проработке, поэтому маски эскимосов могут представлять собой лишь ту часть "комплекса" маски-общества, которую эти люди могли бы удобно перенять, когда этот комплекс достигнет их.

На юго-западе, среди пуэбло, существует два типа обществ. Есть общинное общество, охватывающее всех взрослых мужчин, которые проходят инициацию в период полового созревания с помощью бичевания и впоследствии надевают маски, чтобы изображать духов и танцевать на благо общества. Есть несколько более мелких обществ, также с тайными обрядами, которые лечат болезни, набирают своих членов из исцеленных, а маски используют мало или не используют вовсе. Здесь хорошо видно, как два компонента, а именно кризисные обряды и шаманские практики, влились в общую форму идеи общества и стали ее образцом, не полностью слившись воедино.

193. Жречество

Таким образом, это был второй общий этап развития американской религии. Третий ознаменован развитием священства. Священник - это официальное лицо, признанное общиной. У него есть обязанности и полномочия. Он может наследовать, быть избранным или наследовать по родословной, подлежащей подтверждению. Но он вступает в определенную должность, которая существовала до него и сохраняется после его смерти. Его власть - это результат его вхождения в должность, а также знаний и полномочий, которые к ней прилагаются. Таким образом, он резко контрастирует с шаманом - по крайней мере, логически. Шаман создает свою позицию. Любой человек, обладающий необходимыми медиумическими способностями или способный убедить часть общества в своей способности действовать сверхъестественным образом, тем самым становится шаманом. Его влияние по сути является личным. На самом деле разграничение не всегда может быть проведено так резко. Есть народы, чьи религиозные лидеры граничат с шаманами-жрецами. В то же время есть и другие племена, которые четко разделяют их. У эскимосов есть чистые шаманы и ничего похожего на жрецов. У пуэбло есть настоящие жрецы, но нет настоящих

шаманов. Даже главы их обществ лечения, люди, которые занимаются врачеванием для общины, являются чиновниками, они не впадают в трансы и не общаются с духами.

Очевидно, что жречество возможно только в хорошо построенном обществе. Предполагается специализация функций. От людей, настолько неорганизованных, что они остаются в предклановом состоянии, вряд ли можно ожидать, что у них появятся постоянные служители религии. Собственно говоря, они этого и не сделали. Нет даже явных примеров полноценного жречества среди патрилинейных племен сибов. Первые несомненные жрецы встречаются среди матрилинейных юго-западных племен и нескольких их соседей. Затем они распространяются по всему региону более или менее заверщенного политического развития в Средней Америке. За ее пределами они исчезают.

Таким образом, мы снова сталкиваемся с чертой, которая в значительной степени ограничивается областью интенсивной культуры и, очевидно, накладывается на предшествующие стадии. Это позволяет предположить, что вторая стадия - общества и маски - возникла в том же центре, но так давно, что была в основном стерта более поздними событиями, продолжая процветать на полпути к периферии.

Даже священство в Средней Америке является старым. Это кажется достаточно очевидным. Мы не знаем, как оно там зародилось. Но то, что оно сохранилось на краю ареала своего распространения, можно считать приблизительным свидетельством его происхождения. Среди пуэбло каждый жрец со своими помощниками является хранителем священного предмета или фетиша, тщательно увязанного и сохраненного. Фетиш служит общественному благу, но он сам является его хранителем. Фактически его можно назвать священником в силу того, что он его хранит. С ним связано понятие алтаря, картины, которую он делает из цветной земли или муки. В равнинных районах некоторые племена можно с некоторой долей сомнения назвать жрецами или группой стариков. В любом случае эти полужрецы являются хранителями фетишей; обычно они делают что-то вроде алтаря из пространства окрашенной земли. В таких развитых районах, как северо-западное побережье, где отсутствуют самобытные жрецы, также отсутствуют связки и алтари. Таким образом, похоже, что американское жречество возникло в связи с этими двумя церемониальными признаками - фетишистским пучком и раскрашенным алтарем, - которые явно неизвестны в восточном полушарии.

194. Храмы и жертвоприношения

В Средней Америке связка фетишей и расписной алтарь не появляются, очевидно, вытесненные элементами, характерными для следующей или четвертой стадии культа, для которой характерны храм и каменный алтарь, используемый для жертвоприношений. Храмы, однако, уже пышно цвели у майя в их Великий период с 400 по 600 год н. э. Начало их замечательной архитектуры и скульптуры, конечно, должно лежать гораздо дальше, несомненно, к началу христианской эры, а скорее всего, и раньше. До этого была предположительно начальная стадия жречества, со связками и алтарными картинами или каким-то местным эквивалентом. Если отвести этому этапу тысячу лет, то начало жречества придется на юг Мексики или Гватемалы, по крайней мере, три тысячи лет назад; возможно, гораздо раньше. Перу, возможно, не сильно отставало.

Храмы знаменуют собой последнюю фазу религии коренных американцев, но наиболее чисто религиозной характеристикой этого периода, не зависящей от механического или эстетического развития, является человеческое жертвоприношение. Оно уже давно практиковалось майя и в Перу, но достигло кульминации в Новом Свете и, вероятно, на

планете, по крайней мере в том, что касается частоты и рутинного характера, у ацтеков. Этот народ, согласно его собственным традициям, поздно поднялся к культуре и власти, достигнув незначительных успехов до XIV века. Поэтому создается впечатление, что человеческие жертвоприношения были сравнительно недавней практикой, возможно, всего одну-две тысячи лет назад, когда была открыта Америка, и все еще движутся к своему пику.

За пределами Средней Америки человеческие жертвоприношения практически не существовали. В тропических лесах и на Антильских островах наблюдался значительный каннибализм, но не было случаев лишения жизни в качестве чисто церемониального акта. Что касается пуэбло на Юго-Западе, то есть некоторые незначительные и сомнительные предположения, но, похоже, что такие смерти, которые совершались, были скорее наказанием, чем подношением. Единственным североамериканским народом, который, по общему признанию, приносил человеческие жертвы, были пауни, равнинное племя, которые раз в год застреливали пленную девушку в ходе ритуала, напоминающего мексиканский. Это всегда интерпретировалось как предположение об исторической связи с Мексикой. На самом деле, похоже, что пауни переселились на север совсем недавно, а большинство их родственников из племени каддоев на момент обнаружения оставались недалеко от Мексиканского залива.

Точное происхождение жертвоприношений неясно, хотя важно, что они ограничивались областью сосредоточения населения и городов. По крайней мере, в Мексике не было одомашненных млекопитающих. Конечной основой человеческих жертвоприношений, несомненно, является широко распространенный и очень древний обычай подношений. Однако от подношения щепотки табака, муки, наконечника стрелы, перьев или даже нескольких кусочков бирюзы до намеренного лишения человека жизни - путь неблизкий. Возможно, связующим звеном послужила идея самонаказания. Племена равнин иногда отрубали суставы пальцев в качестве подношения, а в своем "Танце солнца" вырывали шампуры из шкур. В северной части Тропического леса в процессе магико-религиозной подготовки через нос и рот протягивали узловатые шнуры - достаточно болезненный процесс. В Мексике было принято прокалывать себе уши или языки - идея кровавого жертвоприношения сочеталась с идеей покаяния и дебилизации.

Может показаться странным, что такой шокирующий обычай, как человеческие жертвоприношения, стал кульминацией религиозного развития Америки. Однако еще несколько тысяч лет беспрепятственного развития, и он, вероятно, был бы вытеснен. Именно это и произошло в Старом Свете, который можно считать опередившим Новый примерно на четыре-пять тысяч лет. В Старом Свете действительно низменные и отсталые народы также не приносили в жертву людей. Эта практика - симптом зарождающейся цивилизации.

195. Архитектура, скульптура, города

Возведение каменных стен кажется простым делом, особенно в условиях расслоения горных пород, которые разбиваются на естественные плиты. Такие плоские куски без раствора складываются в прочную стену высотой с комнату, а для поддержки крыши достаточно нескольких бревенчатых балок. Однако на большей территории двух континентов, похоже, никогда не было таких сооружений. Каменные здания встречаются только в Средней Америке и на Юго-Западе. За пределами этих регионов только эскимосы, полностью лишенные древесины, строят хижины из камня, а для зимнего жилья они ограничиваются выбором этого материала или блоков снега. Эскимосская хижина крошечная, не более восьми или десяти футов в поперечнике, и от непогоды ее защищает не мастерство кладки или штукатурки, а грубое приспособление - набивание всех щелей дерном. Эскимосский

стиль "строительства" из камня был бы неприменим в претенциозном сооружении. Если сделать его больше, здание рухнет.

Поэтому можно считать, что искусство каменной кладки, как и сельское хозяйство, гончарное дело и ткацкий станок, зародилось в Мексике или Перу, а возможно, и там, и там. Однако оно имеет такую особенность распространения: на обоих концах ареала, среди пуэбло на юго-западе Северной Америки и среди кальчаки на северо-западе Аргентины в Южной Америке, жилые дома были каменными. В других регионах большинство жилищ было из соломы или грязи, общественные здания - из камня. Таким образом, на территориях ацтеков, майя и инков остались каменные храмы, пирамиды, дворцы, крепости и т. п., но мало городов; в пуэбло и кальчаки - только города.^[28] Как среднеамериканцы впервые начали использовать камень, неизвестно; но храм, построенный как таковой, - более специализированное, декоративное, организованное сооружение, чем жилище, а также предполагающий некоторую степень общинного сотрудничества, - можно смело считать более поздним типом, чем частные жилища. Появление каменных жилых домов на периферии подтверждает их приоритет. Очевидно, что каменная кладка впервые была использована в Средней Америке для простых общественных сооружений: гробниц вождов, водопроводов, платформ для поклонения. Распространяясь, это искусство достигло таких народов, как пуэблос, которые жили небольшими общинами, хоронили своих вождов без особых обрядов и не приносили жертв на глазах у толпы. Таким образом, эти маргинальные народы переняли новое достижение, но применяли его только у себя дома. Тем временем, однако, центральные "изобретатели" каменной кладки становились все более амбициозными и возводили все более тонкие и масштабные сооружения, пока великолепная архитектура майя и совершенная каменная кладка инков не достигли своего апогея.

Каменная скульптура развивалась как сопровождение. В Перу она оставалась грубой и ограничивалась в основном идолами, что соответствовало простому, массивному стилю архитектуры. Но майя покрыли свои структурно более смелые и разнообразные культовые сооружения рельефной скульптурой и лепниной с фресками, а между ними установили огромные резные изображения животных и мифических божеств, а также роскошные обелиски с надписями. С эстетической точки зрения их скульптура - лучшая в Америке и по качеству сравнима со скульптурой Египта, Индии и Китая.

Недавние раскопки на Юго-Западе выявили последовательность этапов в строительстве. Первые дома в этом регионе, возможно, были с соломенными или земляными крышами. Самые ранние из них, в которых использовался камень, были небольшими, вырытыми на несколько футов, стороны котлована были выложены вертикальными каменными плитами, а надстройка состояла из столбов или заполненного грязью плетня. Затем последовал период отдельно стоящих однокомнатных домов с прямоугольными стенами из каменной кладки; и, наконец, этап объединения их в группы и возведения в террасы. Все это развитие можно проследить в пределах района. Однако из этого отнюдь не следует, что оно зародилось исключительно в этом районе. Теоретически, знание о том, как укладывать камень курсами, импульс или привычка делать это, могли прийти извне; и, очевидно, на самом деле они пришли на Юго-Запад из Мексики.

Подобная ситуация часто встречается в проблемах истории культуры. Группа данных, как кажется, указывает на спонтанное происхождение на месте, пока они рассматриваются только локально, в то время как более широкая перспектива сразу же показывает, что они являются лишь частью развития, конечный источник которого обычно находится далеко. Например, отсталые племена игорот во внутренних районах Филиппин возводят внушительные террасы для своих рисовых участков, а их более развитые прибрежные

соседи - нет. В связи с этим ведутся споры о том, изобрели ли игороты эту крупномасштабную террасировку или научились ей у китайцев. Однако террасирование - это лишь элемент культуры риса, которая широко распространена на Востоке, является древней и, очевидно, имеет материковое происхождение. Поэтому знание террасирования, несомненно, было давно завезено на Филиппины вместе с выращиванием риса, а игороты лишь добавили к нему особую местную разработку - перенос террас на более внушительную высоту. Нет сомнений в том, что увеличение и объединение знаний постепенно приводит к тому, что все больше и больше случаев широкого распространения и все меньше и меньше случаев независимого происхождения.

Городская жизнь имеет материальный аспект - тип и расположение жилищ, а также социальные и политические аспекты, о которых мы уже говорили. Самыми крупными городами в Америке были города Мексики и Перу, чьи столицы могли достигать от пятидесяти до ста тысяч жителей. Города майя были меньше, что объясняется тем, что майя не смогли создать империю. Крупнейшие города чибча в Колумбии могли насчитывать десять или двадцать тысяч душ. Самые процветающие пуэбло Юго-Запада, похоже, никогда не превышали трех тысяч жителей. Города кальчаки в Андской Аргентине были не больше, а возможно, и меньше. Города юго-восточного и северо-западного побережья насчитывали сотни, а не тысячи жителей. Эти цифры отражают обычную историю истончения от центра к периферии.

Но местные различия иногда были значительными. Юго-восточный город, за исключением суда и грубых общественных зданий, был разрозненным и полудеревенским по сравнению с компактными, многоэтажными и переулками юго-западных пуэбло; зачастую он был менее населенным. Тем не менее, его политическое и военное развитие было более продвинутым, во всяком случае, как единицы в более крупной группе конфедерации.

196. Металлургия

Использование металлов в Америке делится на три этапа. Периферийные и отсталые районы, такие как Патагония и Калифорния, а также те части Тропического леса, где природа отказала в снабжении, а удаленность закрыла доступ к торговле, полностью обходились без металлов.

В районах со средним уровнем развития, таких как Северо-Запад, Юго-Запад и древний регион строителей курганов в долине Огайо, самородную медь выбивали в листах, обрезали, гнули, выдалбливали и гравировали. Ее не выплавляли из руды и не отливали. Таким образом, ее обработка происходила, по сути, по технологиям каменного века. Золото, серебро и другие металлы не использовались; железо применялось лишь изредка, когда его удавалось получить в самородном металлическом состоянии из упавшего метеорита. Даже медь редко была в большом количестве. Она, как и драгоценные камни, поступала в торговлю к более богатым группам народов, способным расстаться со своими товарами в обмен на это вещество, которое ценилось ими за украшения и знаки отличия, но редко использовалось для изготовления инструментов.

Третья стадия - это настоящая металлургия, и она ограничена тремя районами Средней Америки. Здесь искали и обрабатывали медь, золото, серебро, а также олово и платину, насколько они были доступны. Медь, во всяком случае, извлекалась из руд путем плавки; все известные металлы сплавлялись и отливались как в постоянных формах, так и методом плавления воска из одноразовой формы. Проволока выбивалась или вытягивалась, практиковалось сусальное золото и кислотное покрытие, были известны сварка, закалка

молотом и самопайка. Изготавливались сплавы: медно-оловянная бронза в Боливии и на юге Перуанского нагорья, откуда ее использование позднее распространилось на север, возможно, до Мексики (§ 108); медно-арсеновая бронза и медно-серебряный сплав на перуанском побережье; медно-золотая в Колумбии и Мексике; медно-свинцовая бронза в Мексике.

Однако нигде металл не был стандартным материалом для изготовления орудий труда, которые по-прежнему были в основном каменными или деревянными. Металлические инструменты и утварь, особенно ножи и топоры, не были редкостью в бронзовом регионе Южной Америки. Превосходная твердость бронзы по сравнению с медью, несомненно, послужила стимулом в этом направлении. Но храмы майя строились с помощью каменных орудий, а ацтеки рубили и сражались обсидианом. В общем, металл оставался сокровищем или украшением. Нигде в полушарии не было даже зачатков культуры железа.

Таким образом, в общих чертах история американской металлургии достаточно проста, как нечто, развившееся поздно и не распространившееся за пределы центрального региона интенсивной культуры. Что касается последовательности использования нескольких металлов и процессов, то здесь, напротив, удалось выяснить довольно мало. Похоже, что в этих вопросах Южная Америка могла несколько опередить Мексику, как по времени, так и по степени достижений. Возраст металлургического искусства в Средней Америке не следует недооценивать. Несмотря на их относительную давность, они вряд ли могли существовать менее нескольких тысяч лет.

197. Календари и астрономия

Самым ранним этапом отсчета времени в Америке было то, что можно назвать описательным лунным рядом. Возвращение сезонов отмечало год. В течение года велся грубый учет хода времени по серии "естественных" месяцев или лун, названных в честь таких событий, как "сильный холод", "пролет гусей", "гон оленей" или "падение листьев". Никому не было дела до этого, и, возможно, никто не знал, сколько дней в луне, не говоря уже о годе. Никто не знал ни своего возраста, ни, как правило, сколько лет назад произошло то или иное событие. Когда люди знают, сколько им лет, это признак довольно высокого уровня цивилизации.

С точки зрения точности, календарь лунных серий оставляет желать лучшего, поскольку в солнечном или сезонном году насчитывается более двенадцати и значительно меньше тринадцати видимых лун. Некоторые племена допускали двенадцать лун, другие - тринадцать, в некоторых разные люди не соглашались друг с другом. Всякий раз, когда гуси действительно летели, споры разрешались: это был месяц летящих гусей, и каждый продолжал свою серию с этого момента. Если случалось так, что луна опережала или отставала, он принимал это событие как поправку.

Календарь лунных серий использовался большинством племен в США и Канаде.

Несколько более продвинутым является сольстициальный лунный календарь. В нем за фиксированное начало и конец года принимается одно из солнцестояний, обычно то, которое находится непосредственно перед Рождеством. В это время дни заметно короче. Некоторые племена пошли дальше и использовали ориентиры для наблюдения за местом восхода солнца на горизонте. До солнцестояния это место ежедневно смещается к югу, после - к северу. Кроме того, полуденная тень дольше всего лежит на зимнем солнцестоянии. Таким образом, в году существовала точка, которая всегда оставалась неизменной, в то время как гуси могли пролетать или листья опадать рано в один год и поздно в другой. Полученная таким образом определенность была продолжена нумерацией лун вместо их

описания, или признанием обоих солнцестояний как рамок, в которые попадают две параллельные группы из шести лун, или из пяти лун и немного более длинного периода солнцестояния.

Этот метод также не решал по-настоящему сложной проблемы - заставить двенадцать лун и нерегулярные доли автоматически и постоянно вписываться в солнечный год; и все еще полностью отсутствовало положение о счете дней и лет. Однако первые зачатки точных астрономических наблюдений уже были сделаны и использовались для того, чтобы придать году и его подразделениям определенную фиксированность.

Появление простого солнечного календаря в Северной Америке имеет большое значение. Он встречается на юго-западе и северо-западе: то есть в области, на которую наиболее непосредственно влиял высший мексиканский центр, и в области, которая добилась наибольшего прогресса независимо от Мексики[29].

Эти две стадии описательной и солнечной лунной серий были давно пройдены в южной Мексике, и возникла необходимость в более точном отсчете времени. Ни один календарь не может служить точности или охватывать длительные периоды, если он не заботится о точном арифметическом соотношении своих мелких единиц с крупными: например, о количестве дней в месяце и году. Эта забота была бы нетрудной, если бы отношения были простыми; но природа вложила в лунацию более $29\frac{1}{2}$ дней, в год - менее $365\frac{1}{4}$ дней и чуть более $12\frac{1}{3}$ лун. Первым шагом вперед, несомненно, стал подсчет дней, поскольку ранее нумерация лун означала прогресс по сравнению с их описательными названиями. Счет дней должен был выявить несоответствие между реальными числами и теми, что были приняты для более крупных единиц, таких как 30 и 360. Таким образом, был сделан большой шаг вперед, когда естественная лунация была полностью отменена и заменена искусственными единицами. Майя, или, возможно, какой-то предыдущий и забытый народ, придумали "месяц" из двадцати дней, вероятно, потому что они считали двадцатками, а не десятками. Восемнадцать таких месяцев с пятью добавленными високосными днями составили 365-дневный год. Тринадцать 20-дневных месяцев составляли еще один, совершенно произвольный период в 260 дней, который ацтеки, заимствовавшие эту систему, называли тоналаматль.[30] Тоналаматль не имел никаких оснований в природе или астрономии и был чистым изобретением: устройством для подсчета. Он проходил свой путь одновременно с годом, как два колеса с 260 и 365 зубцами. Те же самые зубцы должны были встретиться снова в конце 73 и 52 оборотов соответственно, то есть 365 и 260 делятся на 5, их наибольший общий коэффициент. Таким образом, в конце каждые 52 лет начало года и тоналаматль снова совпадали, давая "календарный круг" такой продолжительности. Именно по этому 52-летнему периоду ацтеки и вели свое летоисчисление.

Майя, однако, не довольствовались 52-летним периодом, а отсчитывали время по катунам в 20 лет и циклам в 400 лет.[31] Даты на надписях майя в основном относятся к их девятому циклу, а некоторые - к концу восьмого и началу десятого. Этот период примерно соответствует первым шести векам христианской эры. Начало первого цикла приходится более чем на 3 000 лет до нашей эры. Нет никаких оснований полагать, что отсчет времени начался именно тогда. Более вероятно, что немного раньше Христа майя усовершенствовали эту систему летоисчисления и придали ей достоинство, представив, что между началом мира или каким-то другим мифологическим событием и фактическим началом летоисчисления прошло семь или восемь циклов. Однако, начиная с конца восьмого цикла, даты становятся современными событиями, к которым они относятся.

Эта система настолько сложна, что вряд ли ее можно было придумать и принять сразу. До христианской эры должно было пройти несколько столетий, возможно, более тысячи лет, в течение которых первый счет дней разрабатывался и совершенствовался, превращаясь в классический календарь ранних постхристианских памятников майя.

Этим календарем не исчерпывались астрономические и математические достижения майя. Они установили, что восемь солнечных лет почти точно соответствуют пяти "годам" или видимым оборотам (584 дня) планеты Венера, и что 65 венерианских лет общей продолжительностью 37 960 дней совпадают с двумя календарными циклами по 52 солнечных года. Они знали, что их 365-дневный год на долю дня короче истинного года, определили ошибку довольно точно и, не интерполируя високосные дни, вычислили необходимую поправку в 25 дней за 104 года или два календарных круга. Это большая точность, чем была достигнута любым другим календарем, кроме нашего современного григорианского. Что касается Луны, то они привели ее обороты в соответствие со своим счетом дней с ошибкой всего в один день за 300 лет. Это высокие достижения, и для народа, не имевшего астрономических инструментов, они требовали точных и длительных наблюдений, а также умения вычислять.

О календарях Южной Америки известно гораздо меньше, но, подобно тому как отсталые племена северного континента уходят от майя к ацтекам, пуэбло и, наконец, к рудиментам описательной лунной серии, так и здесь можно заметить замедление прогресса по мере того, как майя остаются позади по направлению к югу. Наиболее развитым календарем в Южной Америке был календарь чибчанов из Колумбии. За ними инки в своей огромной империи обходились системой, промежуточной по степени развития между ацтекской и пуэбло. В районах тропических лесов и Патагонии, по-видимому, существовало не более лунных именных серий, сопоставимых с таковыми в периферийной части Северной Америки.

198. Письменность

С календарем и математикой по своему происхождению связана письменность, которая вышла из стадии пиктограмм и простых идеограмм только в мексиканском регионе. Ацтеки использовали метод ребуса (§ 130), но в основном для имен собственных, как в списках дани и т. п. Майя пошли дальше. Майя пошли дальше. Их глифы - это сильно изношенные или условные изображения, настоящие символы; часто это действительно комбинации символов. В основном они остаются неразборчивыми для нас, и хотя они, по-видимому, содержат фонетические элементы, они не являются доминирующими составляющими. Таким образом, письменность майя также не вышла за пределы смешанной или переходной стадии. Возможно, у чибча была менее развитая система схожего типа, хотя тот факт, что от нее не сохранилось никаких остатков, говорит против того, что она была сколько-нибудь развитой. Перуанцы вообще не имели письменности. Они едва ли использовали даже простую пиктографию. Их записи были полностью устными, укрепленными мнемоническими устройствами, известными как квипус - серии узелковых веревок. Они были полезны для учета чисел, но, конечно, не могли быть прочитаны никем, кроме того, кто их завязывал: один узел мог в равной степени обозначать десять лам, десять мужчин, десять боевых дубин или десять кувшинов маиса. В остальной части Южной Америки кипу не использовали, и хотя иногда на скалах находили пиктограммы, они, по-видимому, были менее развиты, чем у североамериканских племен. Все эти примитивные рисунки или картины были скорее выражением эмоций по поводу какого-то события, конкретного или духовного, понятного самому создателю резьбы и, возможно, его друзьям, чем записями, предназначенными для понимания чужаками или будущими поколениями.

С тем, что наивысшее развитие американской письменности произошло на юге Мексики, связано и другое: только там стали изготавливать книги. В основном они носили ритуальный или астрологический характер и были написаны на длинных сложенных полосках бумаги из волокна магуэя или оленьей кожи. Они, вероятно, никогда не были многочисленными и были понятны только некоторым жрецам или чиновникам.

199. Развитие нескольких провинций: Мексика

Поскольку перечисленные календарные и графические достижения, а также храмовая скульптура относятся к области науки, знаний и искусства, и поскольку они демонстрируют определенную локализацию в южной Мексике, фактически указывая на происхождение в области майя, они почти вынуждают признать этот культурный центр вершиной цивилизации в Новом Свете.

Такая локализация позволяет предположить, что именно там, а не в Южной Америке, зародился культурный прогресс, выход за пределы первобытного единообразия. Конечно, можно предположить, что сельское хозяйство и другие изобретения зародились в Андской части Южной Америки, были перенесены в Мексику, по каким-то причинам получили там более быстрое развитие, пока под влиянием этого движения вперед не были сделаны новые открытия, с которыми не смогла сравниться более стабильно и медленно развивающаяся перуанская родина культуры. Предположения такого рода пока не могут быть подтверждены или опровергнуты. Цивилизация была достаточно развита как в Мексике, так и в Перу, чтобы с уверенностью утверждать, что эти первые зачатки, о которых сейчас говорится, лежат несколько тысяч лет назад. В целом мексиканская и перуанская культуры были почти равны, а в своих основах они были достаточно похожи и достаточно отличались от всех культур Старого Света, чтобы можно было считать, что они в целом являются общим продуктом.

Тем не менее, превосходство мексиканцев в науках и искусствах имеет определенный вес. Если к этому превосходству добавить указания на то, что кукуруза и хлопок были впервые возделаны на юге Мексики, другими словами, что основы американского сельского хозяйства и ткацкого станка, скорее всего, были развиты там, чем в других местах; и если далее принять во внимание тесную связь керамики с сельским хозяйством во всем западном полушарии, кажется вероятным, что место первого толчка вперед из полностью примитивного состояния американской культуры следует искать в окрестностях Южной Мексики.

200. Андский регион

Триумфы мексиканской цивилизации лежали в духовной или интеллектуальной сфере, а Перу - скорее в практической и материальной. Империя инков была больше и гораздо строже организована и контролировалась, их дороги были длиннее и амбициознее в инженерном отношении, их каменная кладка массивнее, их горное дело и металлообработка обширнее. Одомашнивание ламы и выращивание некоторых пищевых растений, таких как картофель, придало их культуре дополнительную стабильность в экономическом плане.

Масштабы империи инков и более мелких государств, которые, несомненно, предшествовали ей, оказали влияние на формирование андской культуры. Организованные и направленные усилия большого количества людей были доступны в большей степени, чем когда-либо прежде в Новом Свете. Империя также действовала в направлении более стабильной промышленности, но ее тесная организация и рутина, вероятно, помогли затмить более высокие полеты разума. В качестве тканей, украшений, обработки камня и строительства дорог, а также в точности государственного управления перуанцы преуспели.

Примечательно, что при всем своем прогрессе в этих направлениях они, похоже, мало чувствовали потребность в развитии знаний или искусства ради них самих. Они думали скорее руками, чем головой. Они практиковали мастерство и подавляли воображение.

Инки, как и ацтеки в Мексике, представляют собой всего лишь контролирующую нацию на последней стадии развития. Их специфической культурой была местная культура нагорья около Куско. Доисторические останки с побережья на севере и юге, а также в Андском нагорье к югу от Куско, в районе озера Титикака и прилегающих районов Боливии, показывают, что культура инков или Куско была лишь последней из нескольких форм андской культуры. Во времена владычества инков великий храм Тиауанако у озера Титикака уже представлял собой руины. Керамика характерного для района Тиауанако типа, и схожая по стилю с каменной резьбой, была найдена в отдаленных частях Анд, что указывает на этот район как на ранний центр распространения культуры. Другие центры, более или менее современные, а некоторые из них, возможно, еще более ранние, можно выделить вдоль побережья. Короче говоря, внутренняя история Андского региона отнюдь не сводится к той картине, которую представляло господство инков в момент открытия. Новые научные раскопки по всему региону, несомненно, еще больше раскроют последовательность развития местной культуры.

201. Колумбия

Чибча из Колумбии, промежуточный член трехзвенной среднеамериканской цепи, в своих культурных достижениях несколько, но не очень далеко, уступал мексиканцам и перуанцам. Их недостаток заключается в отсутствии конкретных разработок. У них нет ни одного важного культурного элемента, присущего только им. Они жевали коку, спали в гамаках, сидели на низких стульях или табуретках, но это черты, общие для значительной части Южной Америки. Следовательно, отсутствие или слабое развитие этих черт в Мексике не свидетельствует о превосходстве чибча как таковых. Большая часть колумбийской культуры была субстратом, который лежал в основе более высокого местного развития Мексики и Перу; и этим субстратом - разнообразным сельским хозяйством, храмами, жречеством, политической организацией - чибча обладали без заметных пробелов. Какие бы элементы ни перетекали из Мексики в Перу или из Перу в Мексику в ранний или поздний период, они, вероятно, прошли через них. В отдельных случаях они могли внести свой вклад. В целом же, однако, их роль, должно быть, заключалась в том, что они были участниками, получателями и передатчиками в общей цивилизации Средней Америки.

202. Тропический лес

Линия разграничения между узким тихоокеанским склоном Южной Америки и широким атлантическим водоразделом резкая, особенно в районе Перу. Кордильерская полоса засушлива вдоль побережья, субаридна в горах, безлесна во всех ее наиболее характерных частях. К востоку от гребня Анд, напротив, осадки обильные, часто чрезмерные, джунгли густые, сообщение затруднено и в значительной степени зависит от водных путей. Даже кавказцы не произвели ни малейшего впечатления на девственные леса Амазонки в их самой густой чаще. Инка сравнительно легко раскинул свою империю на тысячу миль к северу и тысячу к югу, установив единообразие и поддерживая порядок. Он не проник в тропический лес и на сотню миль. На его границах, там, где начинался лес, жили племена, такие же дикие и пугливые, как все на земле. Чтобы процветать в джунглях, андской цивилизации пришлось бы сильно измениться, а в джунглях было слишком мало привлекательного, чтобы побудить ее к этому. Возможно, еще несколько тысячелетий можно было бы наблюдать попытки открыть лес и сделать его доступным. Однако если вспомнить,

как мало было сделано в этом направлении кавказской цивилизацией за четыре столетия, и какой поверхностной была ее эксплуатация для получения каучука и других продуктов, становится ясно, что перуанцы справились бы с такой задачей лишь с большой медлительностью.

Тем не менее различные элементы культуры проникали через Анды в скрытые низины. Например, трубка Пана - элемент, общий для Анд и Леса, - скорее всего, возникла в более высоком центре. Такие элементы, как духовое ружье, гамак, стул или табурет, характерны для северных Лесных и Антильских островов и, возможно, проникли в эти районы из Колумбии или даже были разработаны на месте. То же самое можно сказать и о выращивании маниока или маниоки, из которой мы получаем нашу тапиоку. Этот основной продукт питания в Лесном регионе лучше приспособлен к влажному климату, чем кукуруза, которая лучше всего растет в засушливых условиях. Поэтому кассава может рассматриваться как местный заменитель кукурузы, развившийся как одомашненное растение под влиянием уже сложившегося кукурузного сельского хозяйства. Культивирование этого растения, очевидно, распространилось по Лесному региону из одного источника, поскольку специализированные процессы подготовки его к употреблению в пищу - необработанный корень ядовит - относительно одинаковы везде, где его выращивают. Кукуруза также не является неизвестной в этом регионе, но используется реже, чем маниока, там, где лес густой.

Характерным качеством тех черт лесной культуры, которые не являются общим древнеамериканским наследием, является то, что, будь среднеамериканского или местного происхождения, они представляют собой обособленные фрагменты, отдельные приспособления, имеющие мало или вообще не имеющие отношения друг к другу, как гамак и духовое ружье, или маниока и трубка Пана. Оригинальные фундаментальные процессы, высшие достижения, требующие порядка или организации усилий, отсутствуют. Это именно то состояние, которое можно было бы ожидать, если бы культура, слишком низкая, чтобы полностью перенять более высокую культуру, заимствовала у нее отдельные элементы, как, несомненно, заимствовали народы Леса у Средней Америки.

Три района лесной зоны уже упоминались ранее (§ 174) как регионы, в которых лес становится открытым или исчезает, а тип культуры локально изменяется: Гвиана, восточная Бразилия и Чако. Из них Бразильское нагорье представляет собой область необычайно слабой культуры. В некоторых из них, похоже, отсутствуют сельское хозяйство и керамика. Возможно, эти нагорья следует рассматривать как внутренний маргинальный регион, представляющий собой изоляцию в пределах большей территории Леса. Если бы эти нагорья находились в непосредственной близости от Анд или даже рядом с ними, они, предположительно, смогли бы перенять элементы андской культуры более успешно, чем низменные Лесные, и тогда бы выделялись на их фоне за счет превосходства, а не отсутствия. Однако их удаленность позволила промежуточному Лесному региону отгородить их от значимых андийских влияний, отдав им лишь часть своего собственного низкого культурного содержания.

Особенности Чако обусловлены противоположной причиной. Чако - это частично открытая местность на южной оконечности Леса. Она расположена недалеко от подножия Анд, где они расширяются, превращаясь в южное боливийское плато. Она также переходит в безлесный регион Патагонии. Таким образом, он открыт для влияния с трех сторон, и его культура, по-видимому, представляет собой смесь трех соседних. Основой, по-видимому, является культура Тропического леса, но прослеживаются и определенные патагонские, и андские элементы.

203. Патагония

Патагония - это прежде всего периферийный регион Южной Америки, как в культурном, так и в географическом отношении. Что касается цивилизации, то в высшей степени это относится к крайней оконечности континента - Огненной Земле. Многие из наиболее распространенных черт южноамериканской культуры здесь отсутствуют, поэтому наблюдается любопытное сходство с северными племенами Северной Америки.

Тем не менее, даже эта культурно ненаследуемая область не лишена нескольких местных разработок относительно высокого порядка. Самым ярким из них является дощатое каноэ, построенное на юге Чилийского архипелага. Навыки плотницкой работы с такими лодками были только в одном другом регионе полушария - на островах Санта-Барбара в Калифорнии. Любопытно, что последние также являются районом сравнительно отсталой культуры. В любом случае это построенное каноэ грубых людей крайнего юга разительно контрастирует с отсутствием каких-либо настоящих лодок у развитых народов в районе Анд. Мораль заключается в том, что строить теории или объяснения на основе какой-либо одной черты культуры весьма спекулятивно.

Из других элементов, характерных для Патагонского региона, можно упомянуть плетеные корзины (§ 104) и болас. Это охотничье оружие из трех камней, прикрепленных к веревкам, которые закручиваются вокруг шеи или ног дичи. За исключением крайнего юга, культура патагонцев претерпела глубокие изменения после появления лошади, которая вскоре после прибытия испанцев размножилась на открытых равнинах. Лошадь расширила возможности патагонских племен по добыче дичи, особенно в Пампасах на севере, увеличила их богатство и усилила их воинственные интересы. Такие же изменения произошли и в Чако.

204. Северная Америка: Юго-Запад

В Северной Америке юго-западный регион находится в точке, где континент расходится веером. Поэтому он является воротами или перевалочным пунктом, через который мексиканское влияние проникало в различные районы за его пределами. Все, что мексиканская культура пуэбло получала и принимала, они перерабатывали, прежде чем передавать дальше. Эта переработка придавала культуре новый цвет. Почти каждый, кто впервые сталкивается с культурой Юго-Запада, поражается ее отличительным признакам. Анализ, однако, показывает, что в ней мало присущих только ей элементов. Новизна по сравнению с Мексикой заключается в ином акценте или новом расположении элементов. Например, каменная кладка используется для жилых домов вместо храмов. Городская жизнь хорошо развита, но политическая организация, которая сопровождает ее в Мексике, гораздо слабее на Юго-Западе.

205. Юго-Восток

На первый взгляд, юго-восточная культура отличается от юго-западной. Большая часть кажущегося различия объясняется лесистой и довольно влажной средой; другая часть объясняется тем, что юго-восточные племена не строили из камня. Но есть и более глубокие различия, такие как бедность юго-восточных ритуалов и сравнительная сила политической организации. Религиозное угасание может быть объяснено большей удаленностью от Мексики.

Точные пути распространения на Юго-Востоке не до конца ясны. Культурный центр этой территории находился в низовьях Миссисипи или вблизи нее - достаточно близко к Юго-Западу. Тем не менее, район, который сейчас является Техасом, был вмешательством, и это был район с явно более низкой культурой, в значительной степени занятый племенами, принадлежащими к равнинам. Теоретически было бы возможно, чтобы элементы культуры попали из Мексики вдоль техасского побережья на Юго-Восток. Однако то немногое, что известно о племенах этого побережья, указывает на то, что они были отсталыми. Третья возможность передачи культуры была связана с Антильскими островами, особенно с коротким путешествием с Кубы или Багамских островов во Флориду. Некоторые связи по этому маршруту почти наверняка имели место. Но, по-видимому, они затронули главным образом полуостров Флорида и принесли на Юго-Восток в целом меньше, чем достигли его по суше.

206. Северный лес

Северо-восток исторически зависел от юго-востока, как тот от юго-запада, а юго-запад от Мексики. Таким образом, это была третья ступень от истоков в Средней Америке. По ряду параметров он уступал Юго-Востоку. Керамика была более грубой, кланы в основном патрилинейные, а не матрилинейные, города и племенная жизнь были менее организованными. Некоторые исключения на Северо-Востоке можно отнести к прямому влиянию или миграции с Юго-Востока. Например, матрилинейные и конфедеративные ирокезские племена Северо-Востока были языковыми родственниками чероки на Юго-Востоке.

Аналогичное перемещение культуры или народов, или и того и другого, произошло в более раннее время и оставило после себя курганы в долине Огайо - местные эквиваленты мексиканской храмовой пирамиды. Некоторые из них удивительно массивны, а другие имеют форму животных. С ними связаны земляные укрепления, которые указывают на целостные группы населения определенного размера. Индустрия строителей курганов также находилась на несколько более высоком уровне, особенно в плане художественного качества, чем у исторических племен региона. В деталях культура строителей курганов представляет собой много интересных моментов, которые еще предстоит прояснить. В целом, однако, она была временным локальным продолжением юго-восточной культуры, из которой проистекали ее случайные сходства со Средней Америкой.

207. Равнинная область

Область Равнин примыкает к Юго-Западу, но обзор элементов ее культуры показывает, что в нее проникли удивительно малые фрагменты юго-западной цивилизации. Наиболее развитые племена Равнин, скорее, находились в зависимости от Юго-Востока. Вероятно, это можно объяснить как результат распространения культуры по более близкой долине Миссисипи. Западные равнины, близкие к Скалистым горам, были малонаселенными в первобытные времена, и жизнь там, должно быть, была необустроенной и узкой по своему охвату. Контакты между западными равнинами и Юго-Западом, несомненно, существовали, но, предположительно, племена равнин были слишком отсталыми и слишком поглощенными своей собственной адаптацией к окружающей среде, чтобы извлечь большую пользу из того, что они могли позаимствовать у пуэбло.

На равнинах сформировались определенные специфические черты культуры. Почти исключительная зависимость от бизонов затормозила развитие культуры в некоторых направлениях, но привела к возникновению других черт. Так, племена равнин стали жить в

типи - палатках из шкуры бизона, ставя их в правильном порядке в кругу лагеря , и путешествовать со свернутыми палатками, привязанными к раме "травуа", которую тащили собаки. Хотя они так и не смогли объединиться в более крупные устойчивые группы и даже эффективно воевать, они разработали систему "подсчета переворотов" или воинских почестей, которая занимала важное место в их жизни.

В семнадцатом веке на равнинах появилась или стала широко распространена лошадь. Она попала к индейцам из испанских источников, о чем свидетельствуют их модификации испанского снаряжения и способов верховой езды. Лошадь позволила им расширить ареал обитания и более уверенно обеспечивать себя пищей; кроме того, у них появилось больше свободного времени. Следствием этого стал общий подъем культуры, поставивший ее по внешним признакам в один ряд с культурами других областей, которые в чисто аборигенные времена превосходили равнинные. Это развитие благодаря лошади во многом сравнимо с тем, что происходило в Патагонии, но с одним отличием. Патагонцы обладали скудной культурой. Внедрение лошади привело к гибридизации двух столь несхожих элементов, как их собственная низкая цивилизация и кавказская. Культура равнинных племен имела несколько более полное содержание. Кроме того, равнинные племена были защищены от близких контактов с кавказцами на протяжении почти двух столетий, в течение которых они могли использовать новое и ценное приобретение - лошадь - для обогащения и углубления своей культуры, не переделывая ее по сути. Лошадиный транспорт был заменен собачьим, типы стали более удобными и комфортными, лагерный круг распространился шире, можно было накопить больше имущества. Война продолжала вестись как разновидность игры с воинскими наградами в качестве призов, но теперь к ней добавился дополнительный стимул в виде значительной добычи из легко отгоняемых стад.

208. Северо-западное побережье

Северо-Тихоокеанское побережье - самый аномальный из североамериканских регионов, и его история во многом уникальна. В километрах оно ближе к Юго-Западу и Мексике, чем к Северо-Востоку, но земледелие и гончарное дело так и не дошли до него. В то же время культура Северо-Запада - это явно нечто большее, чем маргинальная культура. Люди с такой развитой социальной организацией, как эти береговые племена, и с таким выдающимся искусством, конечно, не были периферийными изживенцами. Объяснение заключается в том, что большая часть развития культуры в среднеамериканском регионе так и не закрепилась на Северо-Западе, но эта область проявила собственную жизненную силу и инициативу, что привело к независимому развитию ряда важных составляющих культуры. Искусство в основном имеет такое местное происхождение, поскольку оно не связано тесно с искусством других областей. Очень важным было и то, что на Северо-Западе все большее значение придавалось богатству. Общество расслоилось по этому признаку. Потлатч, сочетание пиршества, религиозной церемонии и распределения имущества, - еще один своеобразный результат той же тенденции. Использование раковин денталиума в качестве своего рода стандартной валюты - еще одно проявление. Обработка дерева была распространена дальше, чем где бы то ни было. Некоторые черты, такие как солнечный календарь и матрилинейные кланы, которые Северо-Западное побережье разделяет с другими регионами, уже были приведены в качестве вероятных примеров независимой эволюции на месте.

В целом, таким образом, необходимо рассматривать культуру Северо-Западного побережья как культуру, которая далеко не дотягивает до высоких цивилизаций Средней Америки, фактически едва сравнявшись с Юго-Западной, но при этом является единственной в Новом Свете, которая выросла до сколько-нибудь заметного уровня лишь в незначительной

зависимости от Средней Америки. Это изолированная второстепенная вершина, стоящая в стороне от более великой, которая достигла кульминации в Мексике и Перу и которой подчинялась вся остальная часть полушария. [Рисунок 35](#) наглядно демонстрирует эту историческую взаимосвязь.

209. Северные окраинные районы

Арктика, Маккензи, Плато и Калифорния также мало подверглись влиянию среднеамериканской цивилизации. Фактически, большинство элементов, которые они разделяют с ней, можно считать прямым наследием общей протоамериканской культуры, из которой возникла ранняя среднеамериканская цивилизация. Однако почему эти области на тихоокеанской стороне Северной Америки должны были получить гораздо меньше выгоды от распространения мексиканского прогресса, чем области на атлантической стороне, неясно. В основном замерзших Арктике и Маккензи враждебная окружающая среда могла запретить это. Но это объяснение, конечно, не применимо к району Калифорнии, который лежит у самых дверей Юго-Запада и, тем не менее, воздержался от перенятия таких основ, как сельское хозяйство и гончарное дело. Нельзя ссылаться в качестве причины и на малочисленность населения, поскольку, по крайней мере, на побережье плотность населения была выше, чем почти на всей восточной половине континента.

Из всех жителей этих четырех областей эскимосы - единственные, кто проявил заметную оригинальность. Это их качество легко списать на суровую суровость окружающей среды. На самом деле, эскимосов принято приводить в качестве примера популярной максимы о том, что необходимость - мать изобретения. Однако очевидно, что эта простая философия не имеет большого веса. Действительно, без тонко настроенного гарпуна, лодки из кожи, снежной хижины, собачьей упряжки и лампы из тюленьего жира эскимос не смог бы существовать на ужасающе негостеприимных берегах Арктики. Но ничто не свидетельствует о том, что он был вынужден жить в таких условиях. Горы, пустыни и тундра в других частях света часто оставались необитаемыми для нецивилизованных народов. Почему же эскимос не покинул свой арктический берег или не отказался заселять его с самого начала, перебравшись в более благоприятную среду обитания? Это был крепкий народ, который должен был иметь по крайней мере равные шансы в конкуренции с другими народами.

Кроме того, очевидно, что суровая среда не всегда вынуждает к развитию или особой культурной адаптации. Племена Маккензи-Юкона и самой северной части Северо-Восточного региона жили в климате, примерно таком же суровом, как и эскимосский. Фактически они были непосредственными соседями, но их культура, безусловно, более скудна. Среди них отсутствовал ряд наиболее искусных приспособлений эскимосов. Если бы необходимость действительно была столь продуктивной причиной культурного прогресса, как принято считать, то эти индейцы атабасков и алгонкинов должны были бы получить толчок к развитию механической изобретательности, сравнимой с эскимосской, а не продолжать стоять ниже их.

Эти соображения заставляют сделать вывод, что эскимос развил достижения своей культуры не потому, что жил в сложной среде, а потому, что обладал культурой, способной справиться с ней. Это не значит, что его культура была отработана до мелочей до того, как он поселился на американских берегах Северного Ледовитого океана. Это значит, что он обладал основами культуры и привычками к изобретательности, механическим и практическим складом ума, которые позволяли ему продвигаться дальше и отвечать новым требованиям по мере их появления. Где и как он приобрел эти основы, остается неясным. В этой связи следует помнить, что физический тип эскимоса - самый характерный в Новом

Свете, а его речь пока не проявляет склонности к слиянию с каким-либо другим американским языком. Можно предположить, что происхождение эскимосов относится к более позднему периоду, чем происхождение американской расы, и находится где-то в Азии. Тот факт, что в настоящее время на сибирской стороне пролива Беринга существуют эскимосские деревни, - слишком недавнее и локальное явление, чтобы служить убедительным подтверждением такой точки зрения, но, конечно, не свидетельствует против нее. Таким образом, где-то в сибирском регионе, в пределах случайной досягаемости влияний, исходящих из более высоких центров цивилизации в Азии или Европе, эскимосы могли заложить основы своей культуры, совершенствовать ее по мере того, как они сталкивались с новыми условиями в новых азиатских местах обитания, и нанести лишь последние штрихи своей замечательной адаптации после того, как они распространились вдоль самых северных берегов Америки. Некоторые из влияний культуры Старого Света, дошедшие до них до Америки, возможно, восходят к магдаленской культуре палеолита. Во всяком случае, между магдаленской и эскимосской культурами есть определенные сходства, которые неоднократно поражали наблюдателей: гарпун, копье-металка, лампа, резьба и графика (§ 67).

210. Более поздние азиатские влияния

Эскимосы и, в меньшей степени, народы прилегающих территорий, несомненно, подвергались одному влиянию и извлекали из него пользу: спорадические культурные излучения довольно позднего времени из Азии. Такие влияния, вероятно, не были особенно важными, но они заметны. Они приходили, вероятно, в виде отторгнутых кусочков, независимых друг от друга. Возможно, их было столько же, сколько и тех, которые достигли Америки и не были приняты. В другой связи (§ 92) было отмечено, как сказка, известная как "Волшебный полет", распространилась из центра происхождения в Старом Свете далеко на северо-запад Америки. Аналогичный пример приводится и для материального элемента: лука из сухожилия или композитного лука (§ 101), впервые найденного около трех-четырех тысяч лет назад в Западной Азии. В Азии он состоит из слоев дерева, сухожилия и рога, а в более простой американской форме, которая дошла до юга Мексики, - из дерева или рога, укрепленных сухожилием. Доспехи из планок, сшитых или намотанных на одежду, похоже, распространились из Азии на северо-западное побережье. Лодка из кожи, представленная в своем наиболее совершенном виде эскимосским каяком; типи или коническая палатка из шкур; берестяные сосуды; сани или тобогганы с собачьей тягой; берестяные каноэ с подвешенными концами; одежда из кожи, выкроенная и сшитая по контурам тела, - все это может оказаться культурным импортом из Азии. Во всяком случае, все они в Америке ограничены частью к северу и западу от линии, соединяющей реки Святого Лаврентия и Колорадо, - ближайшей к Азии части континента. К югу и востоку от этой линии, очевидно, среднеамериканские влияния были достаточно сильны, чтобы обеспечить местные группы адекватной культурой американского происхождения; а азиатские влияния были слабыми из-за удаленности, и черты азиатской культуры не были приняты. Примечательно также, что все упомянутые черты отсутствуют на Северо-Западном побережье, несмотря на его близость к Азии. Предположительная причина заключается в том, что Северо-Западное побережье, выработав относительно развитую и удовлетворительную собственную культурную адаптацию, ничего не выиграло, переняв эти элементарные приспособления; в то время как для культурно более бедных народов Арктики, Маккензи, Плато и частично Калифорнии, равнин и северо-восточных районов они оказались ценным приобретением.

Тщательный анализ эскимосской культуры в сравнении с культурой Северной и Восточной Азии может выявить еще несколько примеров элементов, распространившихся из одного

полушария в другое. И все же общая сумма таких относительно поздних привнесений из цивилизации Старого Света в цивилизацию Нового за последние одну-две-три-четыре тысячи лет вряд ли может составить сколько-нибудь значительную величину. С момента импорта ранней культуры в период заселения Америки восемь или десять тысяч лет назад влияние Старого Света всегда было незначительным по сравнению с независимым развитием Нового Света. Даже в пределах северо-западного сегмента Северной Америки основная часть культуры, казалось бы, развивалась на месте. Но вместе с этим местным развитием, более или менее модифицируя его в более близких регионах и достигая наибольшей силы среди эскимосов, просачивался ряд более поздних азиатских влияний, которые было бы ошибочно полностью игнорировать.

ГЛАВА XIV

РОСТ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ПРЕДЫСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ СТАРОГО СВЕТА

211. Источники знаний.-212. Хронология великих подразделений истории культуры.-213. Нижний и верхний палеолит.-214. Расовое влияние и региональная дифференциация в нижнем палеолите.-215. Рост культуры и расы в верхнем палеолите.-216. Последствия палеолита: Азия.-217. Неолит: его ранняя фаза.-218. Керамика и лук.-219. Костяные орудия.-220. Собака.-221. Тесаный топор.-222. Полный неолит.-223. Происхождение одомашненных животных и растений.-224. Другие черты полного неолита.-225. Бронзовый век: Медная и Бронзовая фазы.-226. Черты, связанные с бронзой.-227. Железо.-228. Первое использование и распространение железа.-229. Гальштадтский и Латенский периоды.-230. Итоги развития: Региональная дифференциация.-231. Скандинавский регион как пример.-232. Поздний палеолит Ансиль или Маглемозский период.-233. Ранний неолит Литорины или Кухонный период.-234. Полный неолит и его подразделения в Скандинавии.-235. Бронзовый век и его периоды в Скандинавии.-236. Проблемы хронологии.-237. Принципы доисторического распространения культуры.

211. Источники знаний

История роста и развития культуры в Западном полушарии, которая была в общих чертах описана в последней главе, складывается из неполной информации, полученной в результате раскопок, и косвенных свидетельств распределения и анализа культурных признаков. Ранее, чем около десяти тысяч лет назад, это полушарие не имеет известной человеческой истории. В Старом Свете ситуация вдвойне иная. Существует длинная первобытная летопись, простирающаяся, возможно, на сто тысяч лет за 8000 лет до н. э., документированная примерно так же, как и последующая история культуры Америки, но с богатыми геологическими, фаунистическими и скелетными данными, компенсирующими потерю древних культурных свидетельств за прошедшее время. Во-вторых, за последние десять тысяч лет имеется более полная летопись, чем для Америки. Эта большая полнота отчасти объясняется тем, что цивилизация в Восточном полушарии раньше достигла своих высших форм. И это относительно раннее продвижение привело к тому, что к 3000 году до н.э. в Африке и Азии были созданы адекватные системы письменности, так что сохранились современные надписи, проливающие прямой свет на мысли и институты людей того времени и датирующие для нас века их правителей. Таким образом, последние пять тысяч лет в некоторых частях полушария относятся скорее к истории, чем к предыстории, и позволяют

сделать множество выводов о том, что происходило в предыдущие пять тысяч лет, когда письменность еще не была известна или ее первые системы находились в стадии становления.

Эти десять тысяч лет, прошедшие со времени окончания древнекаменного века, половина из которых изучалась методами антропологии, половина - методами истории, а все вместе составляет богатейшую область истории человеческой культуры, являются предметом настоящей и следующей глав.

Сначала, однако, необходимо вернуться к самому раннему известному развитию цивилизации в древнекаменном веке (глава VI), с которого мы и начнем.

212. Хронология основных разделов истории культуры

Период существования человечества со времени появления первого орудия труда принято делить на четыре большие части (§ 66, 67): палеолит, или древнекаменный век; неолит, или новый каменный век; бронзовый век; железный век. Продолжительность этих четырех эпох различна и заметно уменьшается от самой ранней к самой поздней. Последние три относятся к последним десяти тысячам лет: 8000 лет до н. э. можно считать достаточно точной датой начала неолита. По крайней мере, для Западной Европы вероятная погрешность этой даты не превышает одной или, самое большее, двух тысяч лет. За этой приблизительно фиксированной точкой простирается неизмеримо более долгий палеолит, для определения продолжительности которого нет даже полуисторических свидетельств, и который можно оценить только в терминах геологических изменений, континентальных оледенений, фаунистических и флористических изменений - все это неудовлетворительные средства для получения абсолютной хронологии, выражаемой в годах.

К расплывчатым 100 000 лет до н.э. в качестве предварительной цифры начала палеолита и приблизительно 8000 лет до н.э. для начала неолита, можно добавить 3000 лет до н.э. для начала бронзового и 1000 лет до н.э. для железного века. Последние две даты являются лишь усредненными. Греческие острова, например, получили бронзу примерно в этот период, Восток - раньше, Западная Европа - не ранее 2500 года до н. э., Северная Европа - еще позже. Точно так же железо хорошо засвидетельствовано для западной Азии в тринадцатом веке до нашей эры, для Центральной Европы и Франции - около 900 года до нашей эры, в Скандинавии - несколькими столетиями позже, фактически став обильным только незадолго до римского периода.

В широком смысле, выдающиеся обобщения, вытекающие из этих цифр, двояки. Что касается более поздних периодов, металлического и, вероятно, неолитического, то запад отставал от востока, север - от юга; Азия предшествовала и изобретала, Европа следовала и подражала. Что касается всей продолжительности, то здесь наблюдается огромная диспропорция. Огромная часть всего времени существования культуры приходится на палеолит: три последующих века занимают лишь десятую часть. В пределах этой доли неолит снова занимает половину, оставляя двум металлическим векам делить между собой другую половину. Налицо явная тенденция к ускорению развития.

213. Нижний и верхний палеолит

В рамках древнекаменного века следует выделить нижний и верхний палеолит. Нижний палеолит включает в себя хелеанский, ахелеанский и мустьерский периоды, когда Европу населял неандертальский человек, отличавшийся от современного человека, и, возможно, еще не открытая доандертальская раса. Верхний палеолит, или эпоха северного оленя,

состоит из ауриньякского, солютрейского и магдаленского периодов, а в качестве эпилога - азийский. На протяжении всего верхнего палеолита *существовали* длинноголовые ветви *Homo sapiens-ourselves*: кроманьонцы, гримальдийцы и брунны, некоторые из которых предвосхитили существующие кавказскую и негроидную расы (§ 14, 16-18). Самый длинный шаг вперед в развитии европейской палеолитической цивилизации приходится на переход от ее нижней к верхней фазе. До этого перехода новые достижения были редки, а их общее количество невелико. Использование огня, кремневых стержней и отщепов, раскалывание и ретушь, возможно использование деревянных рукояток, минимальное использование кости и определенное избавление от мертвых - таков итог известных достижений человека к концу нижнего палеолита (§ 81).

По сравнению с этим фондом культуры верхний палеолит отличается развитостью. В Ауриньяке появляются костяные шилья и острия для оружия, ожерелья и браслеты из раковин, одежда, изображения мертвых, скульптура и гравировка - большее количество элементов, чем нижний палеолит смог накопить за 75 000 лет. В этот период были заложены основы всей верхнепалеолитической цивилизации. То, что солютрейцы добавили иглы и поверхностную ретушь кремня, магдаленцы - более энергичное развитие живописной линии и использование красок, светильники, гарпуны и копьеметалки, представляло собой в основном лишь обогащение общей верхнепалеолитической культуры, основы которой были определены с самого начала[32].

214. Расовое влияние и региональная дифференциация в нижнем палеолите

Эти глубокие изменения вызывают естественное предположение. Носителем нижнепалеолитической культуры, по крайней мере в ее последней форме, был неандертальский человек; верхнепалеолитическая культура в значительной степени связана с кроманьонским человеком, чья анатомия была ближе к нашей. Разве эта относительно современная структура не включала в себя также относительно современный набор умственных способностей, а они, в свою очередь, в силу своей значимости, породили более богатую культуру? Такое предположение достаточно правдоподобно, и оно было выдвинуто. Но разумнее воздержаться от высказывания своего мнения. Вывод подразумевает предположение, что приближение к нашему собственному телесному типу сопровождается более высоким интеллектом; и дальнейшее предположение, что более высокий интеллект автоматически приведет к развитию цивилизации. Какими бы вероятными ни казались оба предположения, они все еще не доказаны, как в целом, так и в частности. Поэтому применение этих предположений к фактам дает кажущееся объяснение в терминах конечной, но на самом деле неизвестной причинности. Принимая эту гипотетическую причинность, она отвлекает внимание от вопроса о ее обоснованности. Но обоснованность причинно-следственной связи между телом и интеллектом, а также между интеллектом и культурой - это именно тот вопрос, который требует выяснения. Он нуждается в прояснении не меньше, чем смена цивилизации, произошедшая в Европе около 25 000 лет назад; это гораздо более широкая проблема - более того, часть самой фундаментальной проблемы, которая до сих пор остается нерешенной для антропологии. Вместо того чтобы нахрапом интерпретировать сомнительный момент в истории человечества с точки зрения пары еще более сомнительных принципов, будет мудрее отложить эти принципы в сторону, по крайней мере, на время, и более интенсивно пересмотреть факты, относящиеся к данному конкретному моменту.

Есть две очевидные линии доказательств, которые могут помочь пролить свет на переход от нижнего к верхнему палеолиту и, по сути, помочь понять весь палеолит. Первая включает в себя отношения между Западной Европой и другими регионами в этот период; вторая -

региональные различия внутри Европы. В предыдущей главе, посвященной палеолиту, эти соображения были проигнорированы в пользу схематичного изложения основных фактов в области, достаточно сложной из-за древности и неполноты данных. Лучшие из этих данных и те, которые расположены наиболее систематично, - это данные из Европы, которые поэтому были представлены так, как будто они представляют собой самодостаточную единицу. Но маловероятно, чтобы культура развивалась в Европе совершенно обособленно в течение ста тысяч лет или чтобы она оставалась идентичной на всем этом континенте. Короче говоря, необходимо пересмотреть простой набросок главы VI, уделив внимание географическим и другим соображениям.

Прежде всего, следует осознать, что то, что до сих пор называлось первым орудием труда, кирка Челлина или переворот-де-поинг, было не столько единственным, сколько наиболее характерным инструментом своего периода. Похоже, что его всегда и везде сопровождали более мелкие, менее регулярно изготавливаемые орудия, некоторые из которых даже были сделаны из чешуек вместо стержней и подвергались грубой дутой ретуши. Кроме того, эти изделия среднего размера, вероятно, были "изобретены" раньше, чем ку-де-поинг, чего и следовало ожидать, ведь ку-де-поинг - сравнительно эффективное, регулярной формы, симметричное орудие, требующее как идеала формы, так и сносного, грубого мастерства в изготовлении. Несколько дочелийских стоянок, содержащих такие орудия меньшего размера, но не содержащих переворотов, сегодня признаны многими специалистами по доистории. Самые заметные из них - Сент-Ашель и Аббевиль на севере Франции; остальные находятся в той же части страны, в Бельгии или на юге Англии, которая в то время составляла часть континента. Фауна некоторых из этих мест является ранней и отнесена ко второму межледниковью (§ 69) по сравнению с третьим межледниковьем, на которое приходится Челлеан и Ачеуль.

При рассмотрении собственно челлинского с его типичными, хорошо развитыми резцами становится ясно, что распространение этой характерной формы ограничено узкой полосой на западе Европы от Бельгии до Испании. Резцы встречаются в северной и восточной Африке, а также в районах Азии, граничащих со Средиземноморьем. Возможно, в этих регионах они не имеют точно такого же возраста, как в западной Европе, но они относятся к тому же типу, и, учитывая непрерывность их распространения, должны быть исторически связаны. На самом деле, переворот-де-пунг Челлеан вполне может быть описан как по сути африканское (или афро-азиатское) развитие, получившее распространение через то, что в то время было сухопутным мостом Гибралтара, по атлантическому побережью Европы (рис. 37).

Остальная часть Европы, очевидно, также была заселена в эту эпоху, но людьми другой культуры. Из Германии на восток в Россию, возможно, в Сибирь, были изготовлены орудия, которые отчасти напоминают дошельские из северной Франции, отчасти являются развитием таких дошельских изделий, а отчасти имеют формы, приближающиеся к мустьерским типам. К ним не относятся челельские резцы. Для этой центральной и восточноевропейской культуры было предложено название "предмустьерская". Это название вполне уместно, если помнить, что предмустьерская обозначает не фазу, промежуточную между ашельской и мустьерской Западной Европы, а культуру, развившуюся, подобно челлейской, но более или менее независимо, из предчеллейской, и приблизительно одновременную с чистой челлейской Западной Европы и ее ашельским продолжением. Иными словами, с чрезвычайно раннего времени нижнего палеолита начинают проследиваться два культурных ареала - африканско-западноевропейский и восточноевропейский (рис. 37).



Рис. 37. Ареалы культур раннего нижнего палеолита (около 100 000-50 000 лет до н.э.). Вертикальная штриховка - челлеанско-ашельская культура, с переворотами-де-поингами. Основные европейские районы, содержащие типичные челленские перевороты-де-поинги, отмечены буквой "С". Вертикальная штриховка - "премустье́рская" культура, вероятно, одновременная челленской и ашельской, но не имеющая переворотов-де-поингов. Белая, необитаемая или неисследованная. (В основном после Обермайера).

Во время ашельского периода западная культура несколько распространилась: в южной Англии, юго-восточной Франции, Италии, и начала пересекаться с восточной культурой вдоль Рейна. В мустье́рском периоде, по-видимому, произошла ассимиляция: культура, или, по крайней мере, кремневая индустрия, стала более единообразной по всей Европе, а также в некоторой степени в близких частях Азии и Африки. Эта общая мустье́рская культура с ее мелкими орудиями и акцентом на ретуширование, кажется, скорее развилась из восточной премустье́рской культуры без резцов, чем из западной челело-ахейской с ее крупными тесаными купами-де-поингами.

Это позволяет предположить восточное происхождение мустье́рского человека - расы неандертальцев. Но в этом вопросе лучше не выходить за рамки небольшой вероятности,

потому что ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что культура распространялась только так, как распространялись расы. Просто культурные контакты без миграций могли быть столь же эффективны в формировании или изменении цивилизации пятьдесят тысяч лет назад, как и сегодня. Как бы то ни было, мустьерские неандертальцы Западной Европы могли быть кровными потомками еще не обнаруженных челевеко-ахейских жителей Западной Европы, которые научились у восточных европейцев более эффективной ретуши и более мелким орудиям труда.

215. Рост и расы верхнепалеолитической культуры

С наступлением верхнего палеолита, возможно, около 25 000 лет назад, вновь появляются различные культурные ареалы раннего нижнего палеолита, которые были в значительной степени стерты во время мустьерского периода, но с измененными границами. Демаркационная линия теперь проходит не по Рейну и Альпам, а по Пиренеям. На протяжении всего верхнего палеолита большая часть Испании была присоединена к североафриканской провинции, культура которой была названа капсией по имени типовой станции Гафса в Алжире. Ауриньякский, солютрейский и магдаленский периоды, как они были описаны ранее (§ 72-81), протекали в средней полосе Европы, протянувшейся от Франции до Польши (рис. 38, 39). Северная Испания, южная Англия, временами Италия и юг России в большей или меньшей степени находились в этой среднеевропейской провинции. Балканы остаются недостаточно изученными; весь север Европы оставался необитаемым. В целом можно сказать, что среднеевропейская верхнепалеолитическая культура характеризуется сопутствующими чертами работы по кости и искусства; современная испано-африканская капсиейская - специализацией по линии все более мелких и тонких кремневых орудий, кульминацией которой являются аккуратные микролиты, измеряемые лишь долями дюйма.



Рис. 38. Ареалы ауриньякской культуры (около 25 000-18 000 лет до н.э.). 1, Западно-центрально-европейский ауриньякский, с искусством. 2, итальянский ауриньяк. 3, Нижнекапсидский регион Северной Африки и Испании. 4, Нижний Капсан Сирии. 5, Южная Россия, возможно, послеауриньякский период. (В основном по Обермайеру.)

Южным эквивалентом среднеевропейского ауриньяка был нижний капсиан, имевший по крайней мере равные территориальные размеры даже в своей самой узкой форме (рис. 38). Индустрия Сирии в этот период была связана с Капсианом Африки и может рассматриваться как родственная ему. Довольно скудные остатки эпохи в Италии, возможно, также следует связывать с капсидской культурой, а не с истинным Ауриньяком. Таким образом, создается впечатление, что в это время большая область нижнекапсидской культуры охватывала почти все берега Средиземноморья. В отличие от этого, среднеевропейская истинная ауриньякская, насколько известно, охватывала лишь узкий регион.

Во время солютрейского и магдаленского периодов Африка и Испания находились в Верхнем Капсиане. Свидетельства из восточного Средиземноморья начинают подводить. Италия полностью лишена обнаруженных останков. Есть основания (§ 240) полагать, что, по крайней мере, к началу магдаленского периода в Европе благодатная земля Египта уже

вступила в неолит. Если это так, то западная часть Азии, Греция и даже Италия могли начать подвергаться воздействию этой более высокой фазы культуры, и скудость или отсутствие остатков позднего палеолита в этих странах можно объяснить. Эта точка зрения кажется разумной, но не доказана.

Солютрейский период, по-видимому, был коротким в Западной Европе, и его протяженность также ограничена (рис. 39). В нем выделяются две основные области: одна - к северу от Дуная, другая - на юге Франции. Первая, возможно, была более ранней, откуда культура или некоторые ее этапы, такие как искусство равномерной ретуши на листовидных лезвиях, были перенесены на запад во Францию. В этой связи важны два факта.

Во-первых, тот факт, что северодунайская солютрейская область обладала искусством, очевидно, в основном солютрейского возраста, которое сильно отличается от верхнепалеолитического искусства запада. Натурализм почти не прослеживался, фигуры были весьма условны, стиль - концентрические кривые, штриховка и штриховка.

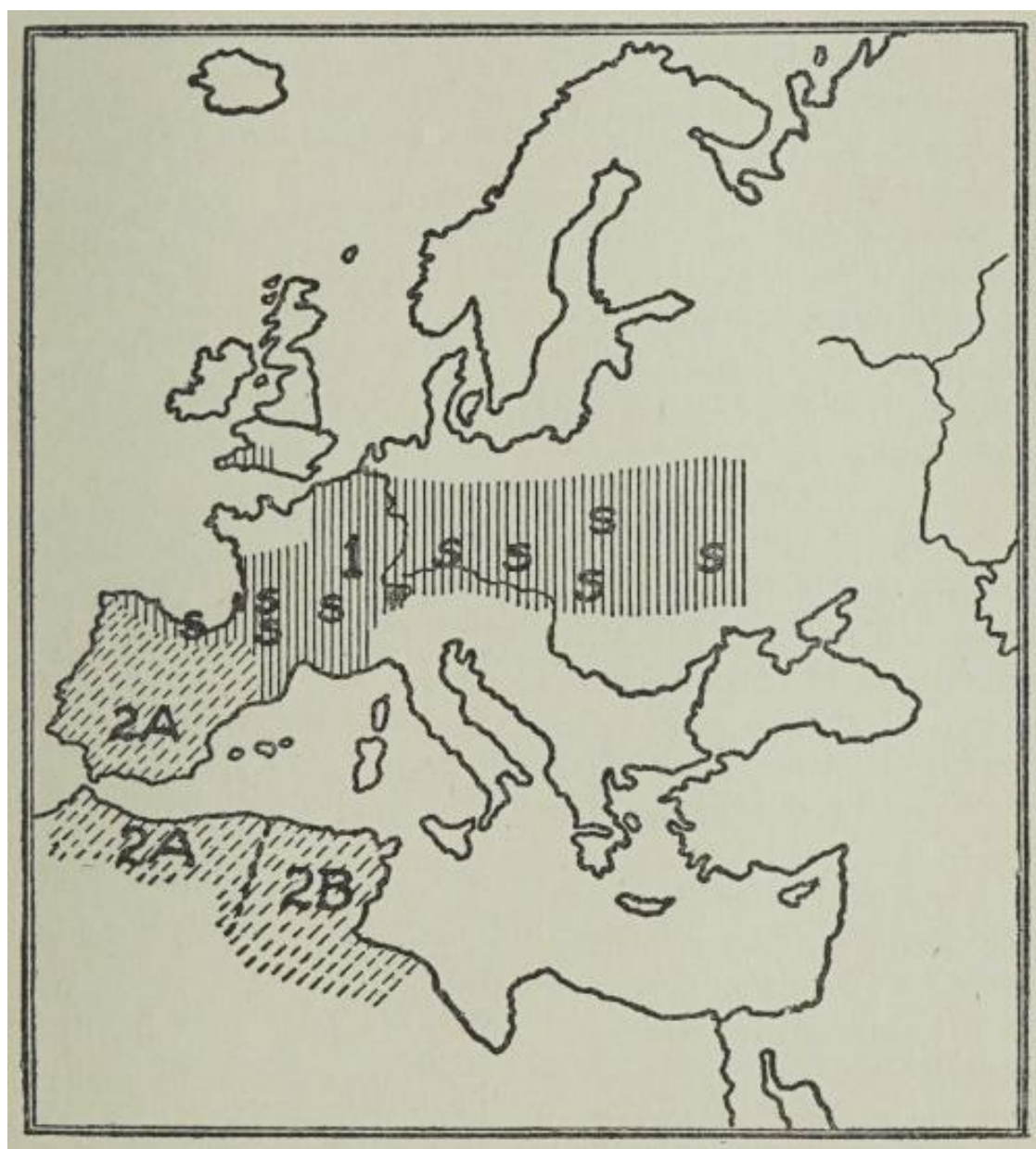


Рис. 39. Ареалы солютрейской и магдаленской культур (около 18 000-10 000 лет до н. э.) S - районы ярко выраженной солютрейской индустрии. 1 (вертикальная штриховка),

магдаленская культура. 2A, 2B, Верхний Капсиан, западные и восточные провинции, одновременные с солютрейской и магдаленской. (По данным Обермайера).

Второе соображение - это раса Брунн. Этот тип, о котором пока известно лишь по нескольким примерам (§ 17), обычно считается неандерталоидным, но также демонстрирует склонность к кроманьонской расе, а также отличия от нее. Менее сомнительные останки Брунна, Брунна, Брюкса и, возможно, Предмоста, происходят из Чехо-Словакии, то есть из северного Придунавья, и, похоже, имеют солютрейский возраст. Эти факты делают вероятным существование связи между восточной солютрейской культурой, геометрическим искусством и расой бруннов, и указывают, по крайней мере, на некоторую вероятность распространения солютрейской культуры из восточной в западную Европу. Брунский человек мог быть модифицированным неандертальцем, сохранившимся на востоке после того, как кроманьонец утвердился на западе во времена Ауриньяка. Или же он мог быть местным восточным вариантом родового типа, более известную западную форму которого мы называем кроманьонцем.

Что касается человека Гримальди, то его негроидная принадлежность также кажется менее поразительной, когда становится ясно, что цивилизация Ауриньяка была среднеевропейским феноменом, а современная Испания и, возможно, Италия были частью по сути африканского развития Нижнего Капса. Поскольку в этот период Южная Европа была культурным приложением Северной Африки, присутствие там негроидного типа вполне обоснованно. Кроме того, Гибралтарский пролив и пролив между Тунисом и Сицилией были мостами суши в течение части плейстоцена; Гибралтар, например, вероятно, в нижнем капсиане и, опять же, после оседания, в верхнем капсиане. Иными словами, Средиземное море следует воспринимать не как великое барьерное море, а как замкнутое на суше озеро или пару озер, так что Европа и Африка были объединены как географически, так и расово и культурно.

Что касается кроманьонской расы, то ее связь с ауриньякско-магдаленской культурой среднеевропейского типа достаточно ясна, но ее происхождение остается проблематичным. Естественно, что взгляд устремлен на восток: на севере лежат льды, на западе - Атлантика, на юге - другая, хотя и родственная культура. Но на самом деле ничего не известно: ни предковая азиатская форма, ни близкородственная более поздняя раса, ни восточная культура, из которой мог бы возникнуть ауриньякский тип, ни с которой он мог бы быть конкретно связан. Все или некоторые из них, возможно, существовали, но в отсутствие открытий спекуляции малоэффективны. Еще одна трудность теории, которая переносит кроманьонца с востока на запад Европы, заключается в том, что немного позже, в Солютре, центральная Европа, через которую он, предположительно, прошел, оказалась во владении расы бруннов. Правда, это могла быть более поздняя волна с востока; но выводить обе расы из Азии, а возможно, и предшествующий тип неандертальцев тоже, несколько однообразно в качестве гипотезы, к тому же это одно из тех предположений, которые, кажется, отвечают на проблемы, не помогая их пониманию.

То же самое можно сказать и о судьбе неандертальского человека - был ли он истреблен кроманьонцами, или поглощен, или вытеснен, или вымер. Одно открытие в этом вопросе будет стоить больше, чем самые продуманные предположения.

Два момента представляются очевидными, какими бы ни были расовые и культурные диффузии в то время, когда нижний палеолит сменялся верхним. Со стороны кремневой индустрии перерыва не было: ауриньякский период является продолжением мустьерского. Эксперты иногда испытывают затруднения при определении того, к какому периоду -

позднему мустьерскому или раннему ауриньякскому - следует отнести ту или иную станцию или уровень. Таким образом, что бы ни было привнесено в верхний палеолит, оно присоединялось к тому, что осталось и продолжалось в средней Европе с нижнего палеолита. Во-вторых, центром развития натуралистического искусства был запад, особенно юг Франции; это заметно в ауриньяке и особенно в магдалине. Однако этот участок является периферийным по отношению к ауриньякско-магдаленской культуре в целом. Таким образом, было бы вынужденным объяснением рассматривать это искусство как откровенный результат диффузии или миграции: предполагаемые реципиенты достижений несли их дальше, чем их создатели. Другими словами, искусство верхнего палеолита в основном возникло на почве Западной Европы, насколько можно судить по имеющимся данным. Эти данные уменьшают вероятность крупномасштабного импорта верхнепалеолитической культуры, готовой как побочный продукт вторжения новой расы. Переход от нижнего к верхнему палеолиту действительно был очень значительным. Но большая его часть могла быть завершена постепенной эволюцией в пределах Западной и Центральной Европы.

Стоит отметить, что нижний палеолит Европы при всем его фундаментальном единстве культуры проходил в разных климатических условиях. Челлен был, по крайней мере, частично субтропическим, ашельским - временем похолодания степного климата, мустьерским - периодом максимального оледенения. В верхнем палеолите переход от конца вюрмского оледенения к современной температуре Европы снова нарушен тремя временными продвижениями льда, известными в Альпах как фазы Бюля, Гшница и Дауна. Предлагается следующее соотношение климатических и культурных периодов: Ауриньяк - завершение последнего оледенения и начало послеледниковья; Солютрей - первый максимум отступления льда (*Achenschwankung*); Магдаленский - наступление Бюля, второе отступление и наступление Гшница, что соответствует соответственно ранней, средней и поздней стадии периода. К ним можно добавить, что азильский наступил примерно на третьем спаде и кратковременном заключительном даунском продвижении; неолит - с окончательным спадом льда и появлением современных условий. Очевидно, что климатические условия не были главным определяющим фактором в культурном развитии ранней Европы. Если бы они были таковыми, то хелеанская культура отличалась бы от мустьерской больше, чем та от ауриньякской.

Южная Европа и Северная Африка в плейстоцене не подвергались оледенению. Более обильные осадки, возможно, сопровождаемые лесонасаждениями, скорее всего, пришли на смену льду, в то время как смена леса на степь или степи на пустыню соответствовала отступлению льда в Альпах и Северной Европе. Для более отдаленных регионов, таких как Индия и юг Африки, климатические корреляции с Европой становятся сомнительными; это одна из причин, по которой пока не удается установить точную временную связь между их палеолитической культурой и европейской.

216. Последствия палеолита: Азилия

После магдаленского периода в Западной Европе следует азильский, или азилийский, названный так по имени Мас-д'Азиль во французских Пиренеях. Его также называют туранским. В этот период вымерли северные олени, их заменил олень. Соответственно, гарпуны стали изготавливать из оленьего рога, а не из оленьего панта: более губчатая текстура внутренней части материала обусловила необходимость более грубой и широкой формы. Перфорация для крепления линя гарпуна теперь стала выполняться регулярно. Костяных орудий стало меньше, в основном это были шилья или простые наконечники дротиков. Каменные орудия стали менее важными. Лучшими кремневыми изделиями были мелкие острия или лезвия геометрической формы, часто трапециевидные. Это микролиты,

очевидно, предназначенные, в основном, для вставки в дерево, иногда, возможно, в виде пильных рядов. Великое натуралистическое магдаленское искусство умерло в Азилии. Его место заняли простые условные узоры, нарисованные на гальке, иногда любопытно напоминающие алфавитные символы, хотя немыслимо, чтобы они могли в столь раннее время и среди такого отсталого народа, как эти охотники на оленей, служить какой-либо цели письма. Скорее всего, эти загадочные рисунки использовались в магии или религии.

Период существования азилианцев, возможно, составлял 10 000-8000 лет до н. э. Климат приближался к современному, хотя и был более прохладным. Территория собственно Азилии ограничивалась пиренейскими окрестностями южной Франции и северной Испании. Однако родственные и современные культуры прослеживаются гораздо дальше, и название "азилианская" в более широком смысле может быть оправданно применено и к ним. Большая часть Испании и Португалии, а также север Африки в это время находились в терминальном капсийском периоде. Это была местная фаза, в которой отсутствовали гарпуны из оленьего рога и расписные гальки Пиренеев, но особенно выделялась микролитическая кремневая индустрия. Фактически именно в Африке наиболее четко прослеживается развитие крайних микролитических форм из их предшественников - редуцированных орудий верхнекапсийского периода. В Европе азийские формы не так тесно связаны с предшествующими магдаленскими. Поэтому создается впечатление, что культура Западной Европы в этот период в значительной степени основывалась на чертах, развившихся в Африке, к которым на местах были сделаны различные дополнения, например, роспись по гальке в Пиренеях. Это преобладание африканского влияния подтверждается появлением в Сирии и Южной Италии мелких кремней, близких к терминально-капсийским. То же самое можно сказать и о культурной фазе северной Франции, тарденуазской, которая распространилась также на Бельгию и Англию, причем последняя, похоже, окончательно отделилась от континента только в эту эпоху. Тарденуазская культура характеризуется микролитами, почти неотличимыми от североафриканских, но не имеет других признаков южнофранцузской азийской культуры. Возможно, он сохранялся дольше, в период, который на юге уже был ранним неолитом. Примерно современной и родственной ей является также южногерманская культура, представленная в Офнете, известная своими гнездами из обезглавленных черепов ; и культура в южной Скандинавии, называемая Маглемозе (§ 233). В Шотландии и северной Англии, с другой стороны, гарпун снова выходит на первый план, возможно, потому, что здесь, как и в Пиренеях, лесистые горы и море находились рядом и можно было в изобилии добывать оленей и лосося. Пищевые привычки жителей субаридной и засушливой Северной Африки должны были быть совершенно разными, ведь очевидно, что улитки здесь употреблялись сезонно в больших количествах.

Все эти локальные фазы взаимосвязаны и могут быть объединены в группу азийских как обозначение периода и типовой культуры. На карте (рис. 40) показано, в какой степени прослежены проявления этого этапа культуры. Оказалось, что они могут распространяться и дальше.

Испания к концу палеолита обладала искусством трех типов. На севере страны магдаленский реализм процветал так же бурно, как и в соседней южной Франции. Росписи пещеры Альтамира, например, не менее многочисленны и великолепны, чем в Фон-де-Гом. Во-вторых, на юге преобладал условный стиль. Люди и животные по-прежнему узнаваемы, но нарисованы схематично, а среди них встречаются пиктографические символы. В-третьих, на востоке Испании развивалось скальное искусство, реалистичное по замыслу, но грубое по исполнению. Можно без труда понять, что делают фигуры, но пропорции искажены, а

свежий, яркий, уверенный дух магдаленской живописи полностью отсутствует. Чаще всего фигуры изображают людей, чем животных: собрания, танцы, длинноносые женщины, мужчины с луками. Это самое раннее прямое или косвенное упоминание о луке и стрелах. Она относится к последней фазе палеолита, и, возможно, это оружие не стало использоваться по всей Европе до тех пор, пока не начался неолит.

В этой связи следует помнить, что ни один конкретный тип культуры, каким бы древним он ни был, скорее всего, никогда не существовал без изменений на всем полушарии или континенте. Чем более поздним является любой тип, тем выше вероятность того, что у него было достаточно времени для конкретной характеристики, чтобы его можно было легко отличить от современных культур других регионов. Локальные провинции или культурные ареалы палеолита предвещают более глубокие региональные различия неолита, бронзового и железного веков.

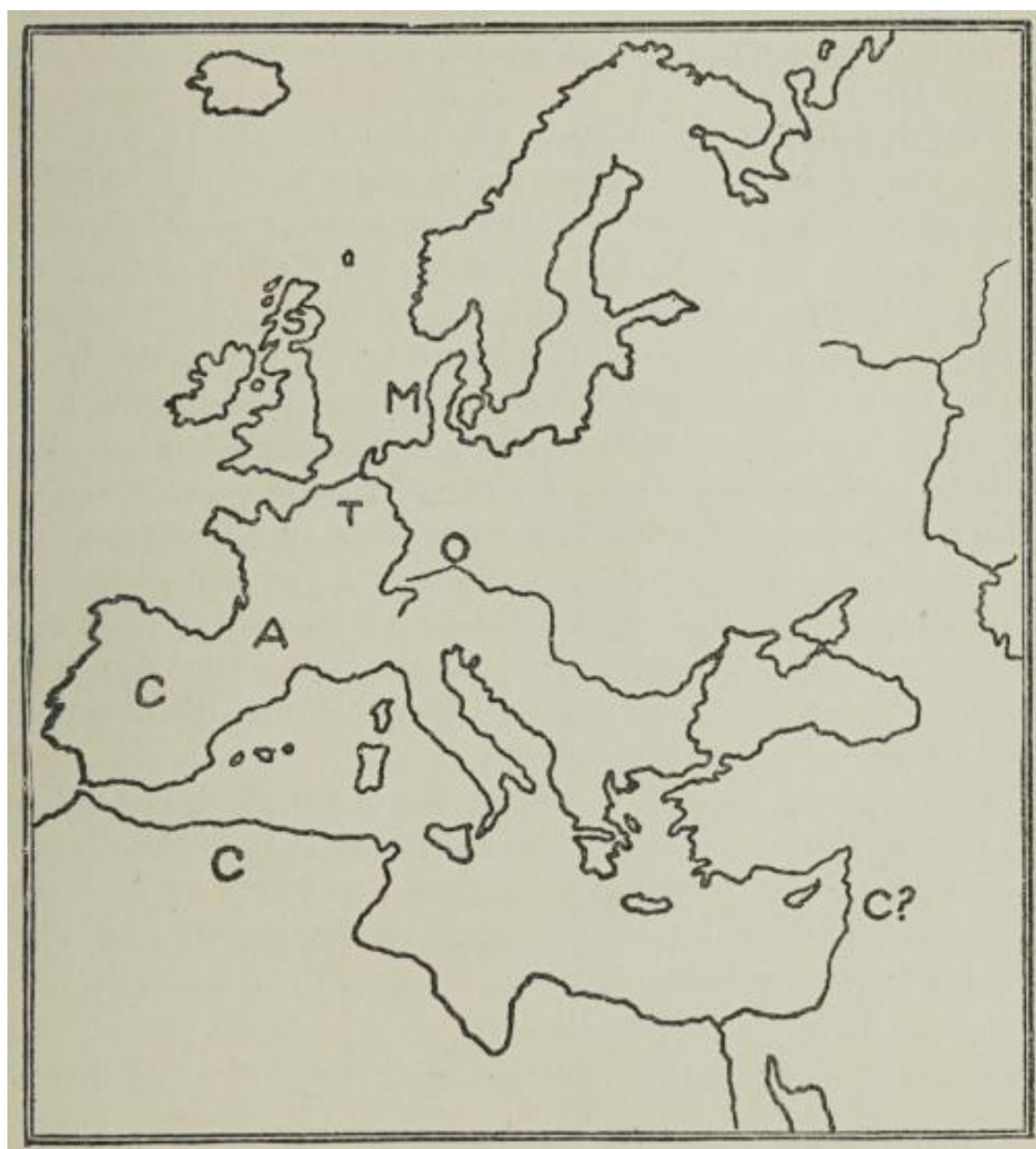


Рис. 40. Фазы конца палеолита (около 10 000-8 000 лет до н. э.). А - собственно азильский; С - терминально-капсианский; М - маглемозский; О - офнетский, баварский; Ш - шотландский и североанглийский азильский; Т - тарденуазский.

Существуют некоторые разночтения в вопросе о том, к какому периоду - палеолиту или неолиту - следует относить азильскую эпоху. Некоторые относят его к самым ранним фазам неолита, образуя мезолит или средний каменный век. Эпоху также называют эпипалеолитической и протонеолитической. Концепция отдельного мезолитического периода становится важной в той степени, в какой строго придерживаются первоначального определения неолита как ограниченного эпохой полированного камня. При более широком понимании неолита, о чем пойдет речь в следующем разделе, отдельный мезолит становится ненужным, а азильский занимает свое место как заключительный палеолитический эпизод смешанного африканского и местного развития после прохождения характерного европейского верхнего палеолита.

217. Неолит: его ранняя фаза

По первоначальному определению неолит - это эпоха полированного камня, в отличие от палеолита, когда камень был раздроблен. В определенном смысле это определение верно, во всяком случае, для Европы и Ближнего Востока. В палеолите нет шлифовки камня, а в неолите она есть. Но с тех пор как пятьдесят или более лет назад впервые были выделены два каменных века, о них накопился огромный объем знаний, в результате чего первоначальный критерий стал лишь приблизительным. Определение неолита как эпохи шлифованного камня в настоящее время является настолько элементарным, что стало неточным. Длительная начальная фаза этой эпохи еще не обтачивала камень, а продолжала использовать орудия, изготовленные палеолитическим способом обтесывания. Только в конце нового каменного века, который мы можем назвать полным неолитом, была предпринята попытка шлифовки и полировки камня.

Что же, спрашивается, делает ранний неолит действительно неолитическим - что, собственно, отделяет его от палеолита? Это кластер признаков; кластер, который рос по мере развития неолита, но каждый из составляющих которого отсутствовал в древнекаменном веке.

218. Керамика и лук

В этом кластере культурных черт, которыми отмечен неолит, выделяется гончарное дело. Везде, где, по крайней мере в Европе и на Ближнем Востоке, существует всеобщее согласие с тем, что та или иная стадия развития была неолитической, присутствует керамика. И наоборот, везде, где встречается керамика, никто еще не усомнился в том, что существовала настоящая неолитическая стадия. Самые ранние фазы без керамики, такие как маглемозская, которые иногда обозначаются как протонеолит, иногда как мезолит, выгодно считать терминальным палеолитом.

Вторым по значимости является лук, который в целом появился одновременно с керамикой. Доказательства его существования иногда не столь однозначны. Керамика нетленна и безошибочна. Лук и стрелы, с другой стороны, сделаны из материалов, которые в обычных условиях разлагаются за несколько лет. Сохраняется только каменное или костяное острие, которое не всегда можно с уверенностью отличить от наконечника легкого копья или даже от лезвия небольшого ножа. Было время, когда, например, небольшие кремневые лезвия

солютрейцев часто считались остриями стрел, в то время как сейчас тенденция, основанная на более интенсивных сравнениях, состоит в том, чтобы отрицать наличие лука и стрел как у магдаленцев, так и у солютрейцев. Конечно, гарпун и его метатель настолько многочисленны и несомненны в Магдалине, что можно было бы ожидать, что такое важное оружие, как лук, оставило хотя бы какие-то уверенные следы: был бы выработан определенный тип узнаваемого наконечника стрелы. Однако этого не произошло.

Эти два элемента культуры - керамика и лук - свидетельствовали об огромном прогрессе по сравнению с прошлым. Оба они требовали определенного технического мастерства для изготовления. И оба приносили огромную пользу. Теперь можно было использовать целые ряды продуктов, которые раньше обходили стороной: супы, тушеные блюда, каши. Растения, семена или части которых раньше были несъедобны или почти несъедобны, стали добавляться в рацион, как только их можно было сварить. Лук сделал возможным дальний бой, свободное преследование крупной дичи и поимку многих мелких млекопитающих и птиц, которых раньше было трудно взять. Гарпун был разработан в основном для рыбалки. Он был бы малоприспособлен для убийства птиц, кроликов и т. п., а также крупных и опасных животных, таких как дикий скот.

219. Костяные инструменты

Одновременно с изобретением или, скорее, внедрением лука и гончарного дела - сомнительно, что они были разработаны в Европе, - увеличилось использование костяных и роговых орудий труда в ущерб каменным. Этот сдвиг начался уже в верхнем палеолите; по сути, это один из признаков, отличающих его от нижнего палеолита. Он усилился по мере верхнего палеолита, стал еще более заметным в его завершающей азильской фазе[33] - отсюда все более мелкие кремневые лезвия - и продолжался в раннем неолите. Например, хороший рабочий резец, клин, шило или игла должны быть гладкими. Такую гладкость трудно получить на расколотом камне, но легко достичь на кости или роге путем натирания. Поэтому только после того, как в позднем неолите вошло в обиход шлифование камня, кость и рог стали терять свое значение как материалы. Но они уже выполняли свою функцию. Вряд ли была бы предпринята попытка шлифовки камня, если бы не опыт и многолетние привычки к процессу полировки, приобретенные при работе с более мягкими материалами.

220. Собака

Первое животное было одомашнено примерно в начале неолита. Останки собак были найдены в двух очень поздних постмагдаленских палеолитических стоянках, одна в Шотландии, другая в Дании, обе, очевидно, азильские по возрасту. Кроме того, в датских кухонных мидденах, начавшихся на первой стадии раннего неолита, содержится бесчисленное количество костей, погрызенных собаками. Возможно, в этот период животные еще были полудикими, поскольку их собственные скелеты в мидденах встречаются редко. Очевидно, этот вид еще не был прочно привязан к человеку; его представители уходили умирать в одиночестве. Это то, что обычно предполагается на гипотетических основаниях в истории собаки и человека. В отличие от большинства одомашненных животных, считается, что собака не была поймана и приручена, а прижилась среди людей в качестве паразитического прихлебателя, пугливого, терпимого, не требующего заботы падальщика, жившего на стадии симбиотических отношений с нашими предками до своего настоящего одомашнивания. Эту точку зрения, похоже, подтверждают доисторические свидетельства.

221. Выточенный топор

Еще одна черта раннего неолита - тесаный каменный топор. Это было обтесанное орудие, прямое или слегка выпуклое по режущей кромке, сужающееся от нее к острию, примерно вдвое длиннее широкого, довольно толстое, без перфорации и насечек; возможно, оно часто было без рукояти и приводилось в движение ударами по острию: острый каменный клин, как и топор, короче говоря. Во всем палеолите нет ни одного подобного орудия: даже в азийском есть только костяные или роговые "топоры".

Вряд ли стоит повторять для неолита то, что уже было сказано о палеолите: более древние типы, такие как оббитые кремневые орудия, как правило, продолжали изготавливаться. Такое постоянство естественно: выживание низкого типа среди более высоких не так уж много значит. Главное - появление новых, более совершенных изобретений.

Итак, ранний неолит можно свести к следующим пяти признакам: керамика, лук и стрелы, обильное использование кости и рога, собака и тесаный топор.

222. Полный неолит

Поздний или полный неолит, начавшийся, вероятно, между 6000 и 5000 годами до н. э. в Западной Европе, характеризуется шлифовкой или полировкой камня. Но даже этот критерий не так глубок, как можно было бы предположить на основании всех упоминаний о нем доисториков, поскольку новый процесс был использован в ограниченном объеме. Практически единственными каменными орудиями, которым придавали форму в Европе, были орудия класса топора: головка топора, кельт или долото, камни молота и наконечники булавы. Мельница - главный артефакт, который можно добавить к этому списку. Топор долгое время оставался тем, что мы сегодня едва ли можем назвать головкой топора: не проткнутое, не зазубренное лезвие. Только к концу неолита в Европе, после того как металл уже использовался на Востоке и в Средиземноморье, появляются перфорированные и хорошо отшлифованные каменные топоры; многие из них производят впечатление каменных имитаций, сделанных в далеком, отсталом народе, форм, отлитых в бронзе более богатыми и развитыми народами Юга и Востока.

Гораздо важнее каменного топора по своему влиянию на жизнь было возникновение в эпоху неолита двух великих основ нашей современной цивилизации: земледелия и домашних животных. Это освободило человека от нападок природы, сделало возможным постоянное проживание, накопление пищи и богатства, а также более интенсивный рост населения. Кроме того, земледелие и животноводство, очевидно, были введены только после того, как численность населения достигла определенной плотности. Малочисленное население, имея возможность питаться дикими продуктами, склонно довольствоваться ими. В плодородных районах с мягкими зимами без улучшения природных ресурсов может проживать до одной души на квадратную милю; в больших лесах, степях, холодном климате и засушливых районах территория, необходимая для пропитания каждой головы, становится все больше на охотничьей стадии существования.

Культурными пищевыми растениями европейского неолита были ячмень, пшеница и просо, горох, чечевица, а несколько позже - фасоль и яблоки. Все они, по-видимому, происходят из средиземноморских или западноазиатских источников. Из несъедобных растений был лен, который служил для текстильных целей и был связан с ткачеством на станках.

Видов одомашненных животных, помимо собаки, было четыре: крупный рогатый скот, свиньи, овцы и козы. Лошадь, [34] кошка, курица, утка появились в Европе в эпоху металлов, частично в исторический период.

223. Происхождение одомашненных животных и растений

Место первого одомашнивания четырех древнейших видов животных достоверно неизвестно. Большинство из них имели диких представителей в Европе задолго до и после появления одомашненных форм, но то же самое происходило в Западной Азии и Египте, и общий приоритет этих территорий в обработке металла и других культурных достижениях делает вероятным, что их жители также первыми приручили животных, о которых идет речь. Эта тема столь же сложна, сколь и интересна, поскольку биологам трудно с уверенностью проследить, как модифицированные прирученные формы вернулись к диким видам. Сам факт продолжающегося одомашнивания, даже без сознательного отбора в селекции, часто изменяет вид в большей степени от того, что могло быть его старой дикой формой, чем это отличается от другого дикого вида.

Однако из необычайно обильных и хорошо сохранившихся останков обитателей озер в Швейцарии ясно, что самые ранние из известных домашних животных этого региона значительно отличались от ближайших местных видов. Дикий бык или урус Европы, *Bos primigenius*, был крупным и длиннорогим. Его кости в древнейших озерных жилищах, по-видимому, принадлежат диким особям, на которых охотились. Наряду с ним встречаются останки одомашненного *Bos brachyceros*, короткорогой формы, маленькой и изящно сложенной. Позже, еще в неолите, в озерных жилищах появляется длиннорогий прирученный скот. По всей видимости, короткорогих сначала завезли с юга, затем приручили местных урусов и, наконец, скрестили эти два вида. Считается, что эти штаммы сохранились в современном крупном рогатом скоте: в восточной и центральной Европе преобладает *примигениус*, в западной - *брахицерос*.

Аналогичная история произошла и со свиньей. Первые одомашненные свиньи в Швейцарии были маленькими, длинноногими и легко отличались от диких кабанов, обитавших в этом регионе. Поэтому вполне вероятно, что они были завезены в страну. В бронзовом веке свиньи стали крупнее, возможно, в результате скрещивания с дикими видами. Овцы, несомненно, были завезены в Европу, поскольку не существует соответствующей дикой формы; козы также имеют ближайших родственников в Азии. Возможно, они были приручены раньше овец. Во всяком случае, в ранних озерных жилищах преобладали козы, тогда как позже их стало больше, чем овец.

Аналогичные аргументы применимы и к происхождению культурных растений в Европе. Для некоторых из них, таких как пшеница, дикие родственники - возможные предки - известны из Азии, но не из Европы. Кроме того, в бронзовом и железном веках из Азии и Средиземноморья в Европу устремились более поздние культурные растения - бобовые, зелень и фрукты, - что делает вероятным то, что раннее распространение происходило в том же направлении. Случаи распространения с севера на юг немногочисленны: овес, рожь и конопля, пожалуй, являются основными. Эти растения, однако, продвигались на юг медленно и принимались неохотно, в то время как северяне в целом охотно принимали любые южные или восточные формы, которые могли бы перенести их климат, как показывает постепенное распространение и более широкое использование новых форм. Более того, даже овес, рожь и конопля, похоже, имеют азиатское происхождение и, таким образом, попали в Европу только с востока, а не с юго-востока.

224. Другие черты полного неолита

Самые ранние животные выращивались ради их мяса и шкур. Прошло две или три тысячи лет, прежде чем скот стали использовать перед плугом или для запряжки повозок. И плуг, и колесо были неизвестны в Европе вплоть до бронзового века, после того как они уже были созданы в Азии. Еще позже появилось молоко. Здесь опять же первенство принадлежит Азии и Египту.

Многие другие элементы культуры появляются в полном неолите. Дома вкапывались в землю и покрывались бревнами и землей. Мертвых хоронили в прочных каменных камерах: "дольменах", часто сложенных из огромных плит; или в выемках в мягких породах. В связи с религиозными или погребальными обрядами возводились вертикальные столбы из неотесанного камня - либо одиночные "менгиры", либо "выравнивания". Керамика была украшена разнообразными геометрическими декоративными стилями, обычно вырезанными, а не расписанными; их последовательность и современное распределение в нескольких районах постепенно определяются.

225. Бронзовый век: Медная и бронзовая фазы

Между неолитом и бронзовым веком нет резкого разрыва. Сначала металл был слишком редким, слишком сложным для добычи, выплавки и обработки, чтобы его можно было широко использовать. Он служил для изготовления специального оружия, инструментов и украшений богатых людей. Жизнь основной массы населения продолжалась в прежнем русле в течение многих поколений или столетий после того, как новый материал стал известен. Особенно это касалось народов, проживающих в безрудных регионах или слишком отсталых, чтобы научиться искусству обработки металлов. К таким народам первая бронза попала как импортная редкость, которую нужно было беречь как сокровище или реликвию.

Еще меньший эффект, чем открытие бронзы, имело открытие первых известных металлов - меди и золота. Последнее, конечно, слишком дефицитно и слишком мягко, чтобы служить для чего-либо, кроме украшений; а чистая медь, даже закаленная молотом, малопригодна для многих механических целей. Из нее получается довольно эффективный кинжал, весьма посредственный топор и плохой нож. В результате оказалось, что узнаваемый период использования меди предшествовал настоящему бронзовому веку, но по сути это была последняя фаза нового каменного века, а металл появился как нечто вспомогательное. Поэтому в Италии и Испании среди археологов стало принято говорить об "энеолите" как о переходном этапе, на котором встречается некоторое количество меди, а иногда и бронзы с низким содержанием олова. В центральной и северной Европе аналогичная стадия наступает несколько позже и иногда называется каменно-бронзовым периодом.

Бронза - это сплав олова с медью, более твердый, чем последняя, легче плавится и лучше отливается. По многим свойствам она напоминает латунь, под которой она упоминается в английской Библии, но не должна быть с ней спутана. Латунь - это сплав цинка с медью, открытый гораздо позже, по-видимому, в Азии, и до последних веков мало использовавшийся в Европе. Что касается бронзы, то даже двухпроцентное добавление олова к меди приводит к ощутимому упрочнению, а пять-десять процентов дают превосходный инструментальный металл.

Происхождение бронзы - проблема, представляющая определенную сложность, поскольку самые ранние из известных пользователей бронзы, народы Ближнего Востока, практически не имели олова. Говорят, что в районе Хорасана в Персии были запасы олова, которые могли быть использованы доавилонцами, а затем перенесены в Египет. Главным источником олова в поздней античности были Испания и Англия. Но в начале бронзового века восточные люди даже не знали о существовании этих стран, а их аборигены, еще не знавшие меди, не могли добывать олово для закалки этого основного металла.

Как именно была открыта бронза, до сих пор неизвестно, но, должно быть, это произошло в Западной Азии не позднее четвертого тысячелетия до н. э. До 3000 года до н. э., в период правления первых династий в объединенном Египте, это искусство уже было создано в этой стране, поскольку в ту эпоху были обнаружены бронзовые изделия с низким содержанием олова. В то время как Древний Египет добывал собственную медь на соседнем Синайском полуострове, он был бесплоден в отношении олова, так что последний металл должен был быть импортирован. В течение нескольких столетий бронза начала использоваться на Крите и в Трое, а к 2500 году до н. э. - в Италии и Испании, тогда как в центральную и северную Европу она проникла, по общепринятым оценкам, лишь около 1900 года до н. э. То, что использование бронзы на столь обширных территориях - явление взаимосвязанное, случай единого происхождения и распространения, ясно из того, как искусство распространилось из центра изобретения, подобно волне, которая прибывает тем позже, чем дальше ей приходится двигаться. Распространение подтверждается тем фактом, что некоторые формы орудий, такие как ранние треугольные кинжалы и более поздние мечи, путешествовали вместе с материалом. Если бы западные аборигены открыли бронзу для себя, они бы отливали ее в формы, свойственные им самим, а не перенимали те, что давно сложились у восточных народов.

226. Черты, связанные с бронзой

Примерно одновременно с бронзой в Египте и Вавилонии появился целый ряд новых искусств и изобретений: письменность, обожженный на солнце кирпич, каменная кладка, скульптура и архитектура, арка, плуг, а позже и колесница, гончарный круг, механически вращающий глиняные сосуды, астрономические записи и точные календари, усиленный культ мертвых и большие памятники им. Многие из этих элементов были перенесены в западную Азию и на Эгейские острова; не так много - в Италию; еще меньше - в Испанию и Францию; и минимум - в центральную и северную Европу. Но было бы ошибкой заключать из продолжающейся отсталости северных народов, что они были полностью пассивны и реципиенты. В своей более простой, варварской манере они переделали многое из того, что принесли с собой, изменили форму, украсили в своем собственном стиле, сделали многое из того, что занимало незначительное место в более сложной цивилизации юго-востока. Например, малоберцовая кость, или булавка, была с жадностью воспринята центральными и североевропейскими народами, украшена и сильно увеличена, пока иногда не достигала полуфута в длину и более полуфунта в весе со спиральными витками, боссами, булавочными застегками или прикрепленными кольцами размером с ладонь. Балтийские народы, наиболее далекие от этого распространения, в частности, бросились в разработку фибулы с усердием, успехом и большой долей декоративного вкуса.

Еще более длинной является история меча. Она имеет две линии исторического развития. Одноострый меч или сабля имеет тенденцию к искривлению и является, по сути, колющим оружием, не предназначенным для нанесения ударов или приспособленным для этого лишь во вторую очередь. Эта форма впервые появилась в Западной Азии, имеет азиатское происхождение и является прямым предком сарацинского и индийского скимитара,

малайского криса и баронга, японского самурайского меча. Обоюдоострый меч с острием во все времена - вплоть до появления огнестрельного оружия - был преобладающей формой в Европе. Его прародителем является египетский бронзовый кинжал, который, в свою очередь, вероятно, произошел от медного и, в конечном счете, кремневого клинка кинжальной длины. Египетский кинжал так и не вырос до длины более полусабли, но его тип был рано перенесен на Крит, в Италию и Испанию. К 2500-2000 гг. до н. э. в последних странах использовались треугольные широколезвийные кинжалы из меди и бронзы, у которых ширина основания была не намного меньше длины. Рукоятка была отдельной деталью, прикрепленной заклепками. Постепенно длина увеличивалась, ширина уменьшалась, края становились более параллельными, острие - более острым; из кинжала развился полумеч, а затем меч. Рукоять или ее шип стали отливать вместе с клинком. Эти вытянутые формы перекочевали в центральную и северную Европу, там их делали все большей и большей длины, особенно после того, как стало известно железо. На протяжении трех тысяч лет, от южного Средиземноморья до Северного моря, меч становился все длиннее и длиннее, но всегда путем постепенной модификации: весь ряд форм показывает переход как во времени, так и в географии. Греческий и римский меч оставался длиной до бедра и использовался в основном для удара; кельтское и германское оружие предназначалось для рубки и было почти громоздким; наконец, стали использоваться клинки настолько большие, что требовали двуручного замаха - варварское, неэффективное преувеличение, до которого долгое время культурные жители Средиземноморья никогда не опускались.

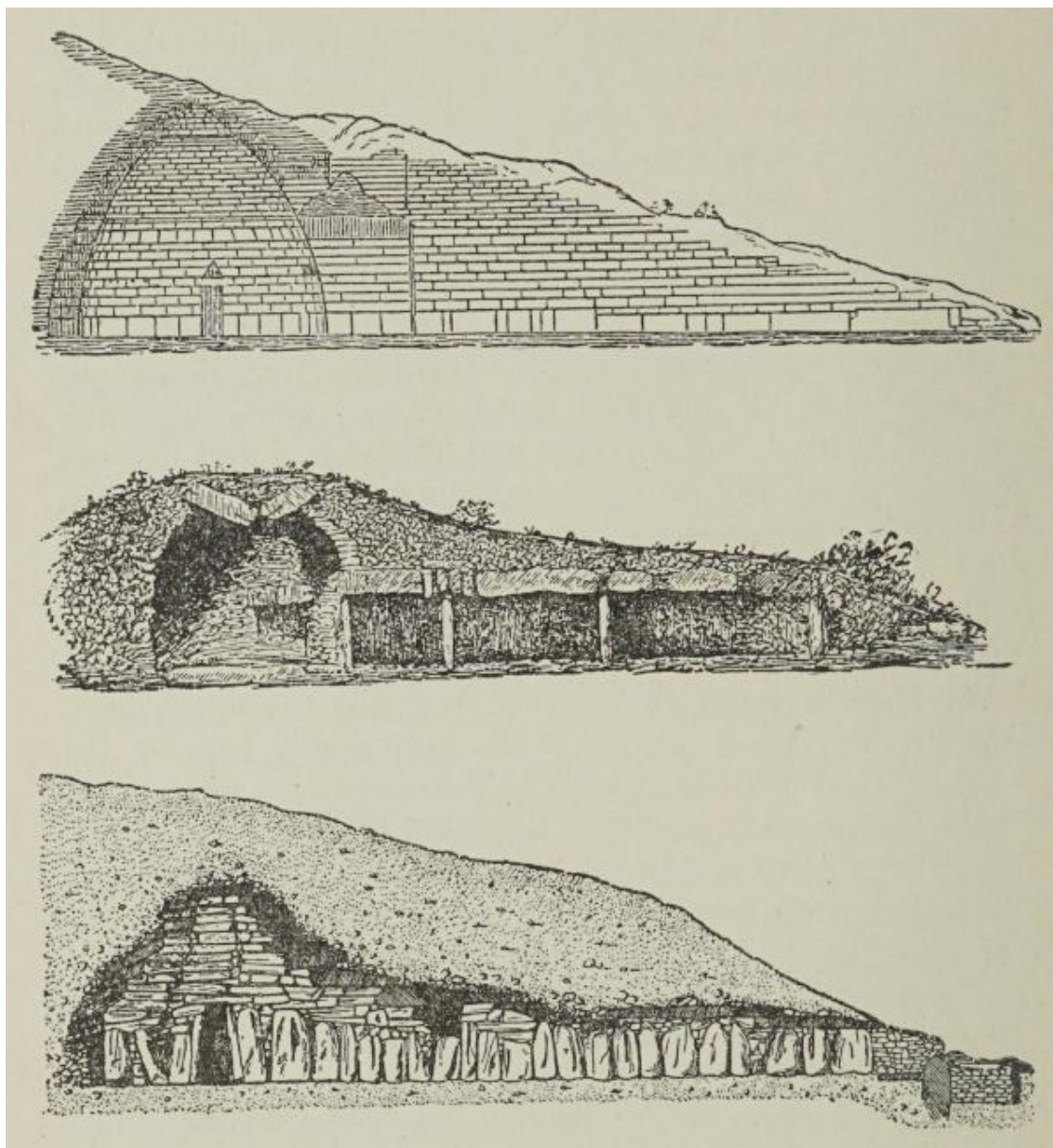


Рис. 41. Доисторические купольные гробницы, построенные по принципу рогожки (§ 116): вероятный пример распространения культурного устройства по континенту. Вверху - Микены, Греция; в середине - Алькалар, Португалия; внизу - Нью-Грейндж, Ирландия. Микенская постройка, 1500 г. до н. э. или позже, на грани железного века, вероятно, на 1000 лет позже остальных, которые относятся к позднему неолиту, когда впервые появилась медь; и ее мастерство намного выше. (По Софусу Мюллеру и Дешелетту).

227. Железо

Железо стало обрабатываться человеком примерно на две тысячи лет позже, чем бронза. Это гораздо более распространенный металл, чем медь, и, хотя он плавится при более высокой температуре, его, естественно, не труднее добывать из некоторых руд. Причина более позднего применения бронзы до конца не объяснена. Вероятно, первыми металлами были те, которые, как золото и медь, встречаются в чистом металлическом состоянии и, будучи довольно мягкими, могут быть обработаны молотком без нагрева - процессы, более или менее знакомые культуре каменного века. Известно, что многие племена североамериканских индейцев добывали таким образом изрядное количество меди,

получая ее из месторождений озера Верхнее и россыпей Медной реки на Аляске. Если то же самое происходило в наиболее прогрессивных частях Восточного полушария около 6 000 лет назад, знакомство с металлом могло смениться изобретением искусства литья и извлечения его из руд. Когда спустя несколько столетий были открыты упрочняющие свойства примеси олова и стала известна бронза с ее гораздо большей пригодностью для изготовления инструментов, это, несомненно, дало мощный толчок новой металлургии, которая была ограничена лишь рамками поставок металла, особенно олова. Прогресс развивался в том же направлении, что и вначале: сплавы становились более сбалансированными, формы и способы литья - более совершенными, формы - более авантюрными или эффективными. В течение многих веков железные руды игнорировались, привычка к бронзе усиливалась. Наконец, возможно, случайность привела к открытию железа; или нехватка бронзы привела к экспериментам с другими рудами; и наступила новая эра.

Каковы бы ни были действующие силы, фактические события были четко очерчены. Интересно, что Новый Свет представляет собой точную параллель с его тремя областями и стадиями самородной меди, плавленной меди и золота и бронзы (§ 108, 196), и только последний период железа не был достигнут к моменту открытия.

228. Первое использование и распространение железа

Одни из самых ранних известных случаев использования железа носили декоративный характер: для украшений или в качестве инкрустации по бронзе. Находки такого рода были сделаны в Швейцарии, Германии, Греции и на Кавказе. Однако как только добыча нового материала стала известна, его изобилие стало настолько велико, что способствовало дальнейшему развитию его применения, которое росло довольно быстро, хотя и сдерживалось несколькими факторами. Одним из таких тормозящих факторов было преобладание процесса литья, который уже окончательно утвердился для бронзы и осуществлялся с большим мастерством, в то время как железо поддается готовому литью только в литейной мастерской и для предметов большего размера, чем те, которые обычно использовались древними. Они ковали свое железо, и этому новому искусству нужно было учиться постепенно. В лучшем случае оно не могло дать некоторые более тонкие результаты литья, например, в орнаментах и статуэтках.

Кованое железо сравнительно мягкое. Бронзовый нож режет или бреет лучше, чем кованый железный. Только после того, как было обнаружено, что железо из некоторых руд можно превратить в сталь путем закалки, погрузив раскаленный инструмент в воду, новый металл стал материалом для инструментов, превосходящим бронзу. Изобретение закалки, по-видимому, последовало довольно скоро после открытия железа. Но прошло несколько столетий, прежде чем это искусство стало общепринятым.

Наконец, консервативная мода отсрочила неоспоримое превосходство железа. Бронза имеет привлекательный золотистый цвет; она медленно и поверхностно окисляется; она была закреплена в ритуале; и, как правило, оставалась связанной с государством и великолепием, с богатством и знатностью, в то время как железо проникало в обыденность и скромность. Спустя почти четыре века после того, как железо стало известно в греческом мире, в "Илиаде" оно упоминается всего двадцать три раза, а бронза - двести семьдесят раз. В "Одиссее", более буржуазном эпосе и чуть более позднем по времени написания, доля упоминаний железа выше: двадцать девять к восьмидесяти. В первых четырех книгах Ветхого Завета, составление более древних частей которого обычно относят к периоду написания "Илиады" - около 850 года до н. э., - но в которых речь идет о консервативной религии,

железо упоминается еще реже: четыре раза против восьмидесяти трех упоминаний о бронзе - "латуни", как ее называет Авторизованная версия.

Какой народ первым сделал железо доступным миру, пока не установлено. Почти наверняка это был какой-то народ в западной Азии. Хетты из Малой Азии, халибы из Армении - яркие претенденты на эту честь. Вряд ли это мог быть самый цивилизованный народ региона, вавилоняне, поскольку в их россыпной стране нет ни руды, ни камня. Вероятно, это было время после 1500 года до н.э., но не намного позже. Ко времени Рамсеса Великого, в тринадцатом веке, металл был известен и немного использовался в Египте, будучи импортированным от хеттов. В это же время ранние греческие захватчики, свергнувшие эгейскую культуру Крита, Микен и Трои, находились в начале железного века. Италия узнала новый материал от этрусков около 1100 года до н. э. Вавилонские и ассирийские записи, похоже, упоминают о нем несколькими столетиями раньше. Библия говорит, что у евреев во времена Саула, 1000 г. до н. э., было мало железа и стали, что сделало возможным их угнетение прибрежными филистимлянами. Этот народ, по-видимому, потомки минойских критян, недавно был назван первооткрывателем искусства изготовления стали, хотя есть ли на то основания, еще предстоит доказать. В Центральной Европе железо стало достаточно распространенным примерно в 900 году до н.э., и вскоре его стали добывать и выплавлять на местах. В Северной Европе его первые спорадические появления происходят вскоре после этого, но его общее распространение, оправдывающее использование термина "железный век", не ранее 500 г. до н.э.

На Дальнем Востоке история железа малоизвестна. В Индии, куда оно, скорее всего, попало из Западной Азии или Персии, его первое упоминание относится к концу ведического периода, конец которого оценивается по разным оценкам в 1400 и 1000 лет до н. э. Тогда металл, должно быть, был новым: его называли "темно-синей бронзой". Позднее индусы перенесли знания о производстве железа и стали в Малайзийскую Ост-Индию.

Когда в Китае появилось первое железо, неизвестно, хотя, судя по всему, это произошло сравнительно поздно. К началу седьмого века до нашей эры железо стало достаточно распространенным, чтобы облагаться налогом. Но его использовали только для изготовления мотыг, лемехов, топоров, иголок и в бытовых целях. Только в пятом веке до нашей эры в Китае начали выплавлять сталь, а бронза стала вытеснять железо в оружейном деле. Даже в первом веке после Рождества Христова коренные жители самого южного Китая сражались бронзовым оружием в борьбе против слияния с империей. Во всяком случае, династия Чжоу, период создания литературной классики, с одиннадцатого по третий век до нашей эры, все еще была временем преобладания бронзы, о чем свидетельствуют как местные исторические записи, так и свидетельства археологии. Такое позднее появление железа на Дальнем Востоке дает основание полагать, что китайцы вступили на железную стадию не благодаря собственным открытиям, а под влиянием примера монгольских или турецких народов северной части Центральной Азии, которые, в свою очередь, опирались на западных азиатов.

Япония имеет определенный железный век, хорошо известный благодаря раскопкам. Считается, что он начался около IV века до н. э. Эта приблизительная современность с Китаем, в то время как почти во всех остальных аспектах своей культуры Япония заимствовала у Китая и сильно отставала от него во времени, позволяет предположить, что японцы или соседние корейцы могли узнать о железе непосредственно от североазиатских учителей китайцев.

229. Халльштадтский и Латенский периоды

К северу от Средиземноморья доисторический железный век Европы делится на два периода: гальштадтский, названный по месту в Австрии и длившийся примерно с 900 по 500 год до н. э., и латенский, обозначенный по знаменитой находке в Швейцарии, который длился с 500 года до н. э. почти до рождения Христа. Гальштадтский период лучше развит в средней, чем в западной Европе: он испытал влияние Греции, Балкан и Италии. Он преобладал вдоль Адриатики и Дуная до Боснии и Венгрии, на всей территории Германии, кроме северной, в Швейцарии и на востоке Франции. Его течение было северо-западным. Латенская культура была принесена в основном кельтами, приходится на период их наибольшего распространения и процветания и сосредоточена во Франции. Здесь она развивалась под влиянием греческой колонизации в Марселе, распространилась на север до Британских островов и на восток в центральную Европу. В целом же его течение было северо-восточным.

Значительное количество изделий из железа и бронзы, обладающих определенной технической тонкостью, было изготовлено в периоды Гальштадта и Латене. Фибулы, украшения, оружие и культовый инвентарь часто были тщательно продуманы. Но качество этих культур оставалось домотканым, отсталым и варварским по сравнению с пластичностью и полировкой, которых достигла современная греческая цивилизация.

Например, в культуре Халльштадта не было городов, каменной архитектуры и мостов, мощеных дорог, монет, письменности, гончарного круга или жерновов; металл не использовался для изготовления сельскохозяйственных орудий. Это было время деревень, маленьких городов и разбросанных домов; священных рощ вместо храмов; болотистых дорог, телег для волов и массивных деревянных колес; тяжелого, варварского, воинственного населения, наполовину похожего на европейских крестьян, наполовину на первопроходцев; довольных собой, но всегда смутно осознающих, что в южных землях лежат земли богатства, изыска и достижений.

Время Латена демонстрировало множество достижений; но относительно цивилизаций Греции и Рима - это был период Фидия и Платона, Архимеда и Цицерона - северная культура отставала на столько же веков прогресса, как и в эпоху Халльштадта. В ходу были греческие монеты или местные подражания греческим деньгам, их фигуры и легенды часто были искажены до полной бессмысленности. Письменность по-прежнему отсутствовала. Некоторые попытки создания письменности стали предприниматься ближе к концу Латенского периода, но они не привели ни к чему большему, чем неудобные системы Огам и Руника. Возможно, за столетие или два до Сезара в Галлии не было ни городов, ни укрепленных поселений. Если они и возникали, то только на возвышенностях, за стенами из смешанных бревен, земли и камня, в отличие от каменных обводов, которые возводили эгейские народы более чем за тысячу лет до этого. Даже эти бедные города строили только кельты; германские племена еще много веков сторонились их. Общество все еще оставалось по сути протофеодальным и деревенским. Но из Средиземноморья сюда проникали и изготавливались на месте топоры с выемками, железные колеса для повозок, гончарный круг и гончарная печь, вращающиеся мельницы, игральные кости, щипцы, ножницы, пилы и косы - все это было ново для этих северных земель и любопытно современно в своих основных типах по сравнению с полупримитивным, полуварварским предложением, которое несут гальштадтские мануфактуры.

230. Резюме развития: Региональная дифференциация

Из фактов, рассмотренных в этой главе, следуют два вывода, которые помогают избежать слишком упрощенной и схематичной концепции развития доисторической цивилизации. Первый заключается в том, что последовательные фазы культуры, даже в самые ранние времена, не могут быть идентифицированы, а тем более поняты, на основе какого-либо единого критерия, такого как та или иная техника обработки камня или знание того или иного металла. В каждом случае культура сложна и характеризуется множеством признаков, сочетание которых создает ее отличительный слепок. Наиболее важные из этих черт культуры, в особенности применительно к Европе, могут быть обобщены следующим образом:

<i>Период</i>	<i>Появление элементов культуры</i>
Железо	Железо, сталь; на Востоке - алфавит
Бронза	Металлы, сплавы, мегалиты; на Востоке - каменная кладка, письменность
Полный неолит	Одомашненные животные и растения, шлифовка камня
Ранний неолит	Керамика, лук
Верхний палеолит	Костяные изделия, гарпун, искусство
Нижний палеолит	Огонь, кремневые изделия

Второй вывод заключается в том, что дифференциация культуры в зависимости от региона слишком велика, чтобы от нее можно было легко отмахнуться. Даже для палеолита, который так плохо известен за пределами Европы и содержание которого так просто, ясно, что последовательность развития в Европе не может быть правильно интерпретирована без ссылки на провинциальные образования и их связи на других континентах (§ 214-216). В неолите, бронзовом и железном веках региональное разнообразие возрастает. Египет и Китай, Индия и Франция представляют собой глубоко дифференцированные картины в 3000 году до нашей эры и снова в 1000 году. Их культуры повсюду имеют свой отдельный аспект. И все же бесчисленные связи связывают их. Бронза и железо, которые определяют поздние века, зерно и животные, составляющие основу их экономической жизни, были распространены в межконтинентальном масштабе и в большинстве стран, которые ими овладели, представляют собой импорт из чужого очага роста. Причем течения обычно идут в обе стороны. Китай получил с запада металлы, пшеницу, скот и лошадей, хлопок, архитектуру, религию и, возможно, письменность; но он же дал ему шелк и фарфор, порох и бумагу. Также необходимо учитывать инерцию и отсутствие. Ближний Восток, вероятно, передал Европе большинство элементов цивилизации, которыми та обладала в неолитический, бронзовый и железный периоды; но многое из того, что было у Ближнего Востока, он не смог передать. Письменность пришла в Европу через целых две тысячи лет после бронзы, с которой она была соотносима по происхождению. Монетное дело появилось на Востоке гораздо позже, чем каменная кладка, но опередило ее и раньше утвердилось в Западной Европе.

В результате получилась огромная запутанная паутина, структура которой лишь постепенно раскрывается в результате кропотливого сравнения и интенсивного изучения. Зачастую наиболее убедительные свидетельства о составе и направлении культурных течений дают узкоспециализированные вещи: стили украшения керамики, формы головок топоров, формы декоративных булавок. Археологи занимаются ими бесконечно и часто утомительно не потому, что эти мелочи так увлекательны сами по себе. Дело в том, что эти данные дают

самый длинный ключ к лабиринту, потому что на их верную последовательность можно нанизать сотни малозначительных или оторванных от реальности фактов. Но результаты пока неполны; они есть и обещают оставаться вечно сложными; их систематическое изложение в виде связного повествования ждет более масштабной и будущей обработки. В работе такого масштаба будет разумнее всего обрисовать все развитие одной области, которая послужит образцом для подражания.

231. Скандинавский регион в качестве примера

Наиболее подходящим регионом для этой цели является Скандинавия - полуостров, Дания и балтийское побережье, включая большую часть северо-восточной Германии. В мустьерском периоде эта территория была покрыта ледниками, а в верхнем палеолите либо стерта с лица земли, либо необитаема. Поэтому здесь нет истории древнего каменного века. В магдаленский период ледники сократились и покрывали только большую часть Скандинавского полуострова и Финляндию. Дания была свободна ото льда. Но то, что сейчас является Балтикой, простиралось как открытая губа от Северного моря через южную Финляндию и северо-западную Россию до Северного Ледовитого океана. От этого океана, а также от оставшихся ледников исходила низкая температура, в которой процветали арктические формы жизни, особенно маленькая раковина *Yoldia arctica*, которая процветает только там, где температура морского дна колеблется между 1° плюс и 2° минус по Цельсию. Это большое прохладное море, существовавшее примерно шестнадцать-десять тысяч лет назад, известно как море Йольдии. Дания и побережье Германии, как показывают остатки субарктической флоры, все еще были холодными и не имели обитателей.

232. Поздний палеолит Анцилового или Маглемозского периода

Около 10 000 лет до н. э., когда Западная Европа вступала в азильский период палеолита, суша на обоих концах Йольдийского моря была поднята настолько, что отрезала его от открытого океана. Таким образом, Балтика была закрыта с обоих концов, а не с одного, как раньше, или только с одного, как сейчас. Реки продолжали впадать в нее, она стала солоноватой и почти пресной, а фауна изменилась. Характерной ископаемой раковиной стал *Ancylus fluviatilis*, от которого великое озеро известно как Анциловое озеро. В скандинавской флоре вновь появились настоящие деревья, в основном сосны и березы.

В анцильский период человек заселил юг Швеции и Дании. В Маглемосе были найдены его останки, относящиеся к этому скандинавскому эквиваленту азильского периода. Здесь он, по-видимому, жил на плотках, плавающих по озеру, которое впоследствии заполнилось торфом. Все, что падало за борт, впитывалось в растущий торф и сохранялось. Жители рубили бревна и дрова топорами из кости и лосиного рога, некоторые из них были перфорированы для рукояток. У них были костяные рыболовные крючки, гарпуны с одним и двумя рядами колючек, а еще - с прорезями для вставки мельчайших кремневых лезвий, похожих на зубья пилы. Были найдены и некоторые микролитические острия. Весь камень был обломан; нет никаких следов полировки, кроме костяной и оленьей. Они гравировали, иногда в ухудшенном стиле магдаленского натурализма, иногда с простыми геометрическими орнаментами. Этих людей сопровождала собака, возможно, уже наполовину прирученная. Останки, похожие на маглемозские, были найдены в нескольких балтийских землях.

233. Ранний неолит Литорины, или Кухонный период

В течение, возможно, двух тысяч лет Балтика снова открылась, как в настоящее время, стала более соленой и приобрела свои нынешние очертания, за исключением того, что стала несколько больше. Вода потеплела, и характерными моллюсками стали *литорина* (*Litorina litorea*) и устрица. Климат был более мягким, чем раньше, а леса сменились березами и соснами и дубами.

Люди этого периода жили в основном устрицами и морскими гребешками, раковины которых миллионами скапливались вокруг их жилищ, образуя гряды, похожие на курганы, длиной иногда в сотни ярдов. Это Кьёккенмёддингс, или Китченмидденс, мусорные кучи или раковинные кучи. Среди раковин - пепел, кости наземных животных и птиц, на которых охотились, а также потерянная или сломанная утварь. Некоторые из орудий Маглемозе продолжали использоваться, например костяные шилья, долота и рыболовные крючки. Другие больше не производились: гарпуны, мельчайшие кремневые лезвия и гравированные предметы. Но появились новые формы: прежде всего керамика и каменный топор - свидетельства того, что это ранний период неолита, хотя полированного камня еще не было. Топор, или "раскалыватель", был обтесан - это более подходящий термин: овальный или трапециевидный в очертаниях, режущая кромка выпуклая или прямая. Похоже, он был прикреплен к локтевой рукояти: ни паза, ни перфорации не было. Керамика была грубой, темной и не украшенной, за исключением иногда встречающихся рядов грубых точечных оттисков по краю. Еще одним новым орудием был костяной гребень с четырьмя или пятью зубцами. По-видимому, он использовался для чесания, а не для укладки волос. Использовался лук: наконечники стрел имели режущую кромку спереди. Единственным домашним или полудомашним животным была собака; вероятно, шпицепоподобная порода, возможно, шакальего происхождения. Ему удалось разгрызть большинство костей, сохранившихся в слоях раковин.

Примерно современными датским кухонным мидденам и сходными с ними по своему культурному репертуару являются испанская фаза, известная как астурийская, и кампиньянская на севере Франции. Астурийские остатки также представляют собой раковинные отложения. Нижние уровни содержат кости крупного рогатого скота, который, возможно, был одомашнен, средние слои добавляют овец, а в самых верхних появляется керамика. Северный топор заменяется ручной киркой. Кампиньянцы обладали тесаными топорами или расколами, похожими на датские, керамикой, одомашненным скотом и, похоже, начали заниматься земледелием с ячменя. Таким образом, представляется, что гончарное дело и тесаный топор были характерными общими критериями этой стадии раннего неолита, а одомашненные животные и земледелие появились раньше в южной и средней Европе, в то время как северяне продолжали больше зависеть от моллюсков и дичи.

234. Полный неолит и его подразделения в Скандинавии

Прошло две или три тысячи лет, и примерно к 5500 году до н. э. климат Скандинавии снова стал немного прохладнее, дубы уступили место березам и соснам, Балтика потеряла часть своей солености, а устрицы стали более скудными. Кухонный или литоринский период раннего неолита закончился, наступил полный неолит. Топоры шлифовали, скот держали, зерно выращивали. Можно выделить четыре этапа развития.

5500-3500 гг. до н. э. Захоронения в земле. Топоры с острыми концами.

3500-2500 гг. до н. э. Захоронения в дольменах - камерах из трех-пяти плоских вертикальных камней, перекрытых одной плитой. Узкозаточенные топоры.

2500-2100 гг. до н. э. Погребения в *Allées couvertes* или *Ganggraeber*, камеры дольменного типа, но более крупные и с крытым коридорным подходом. Толстостенные топоры. Некоторые медные. Красиво аккуратные и ровные сколы кремневых кинжалов, наконечников копий, наконечников стрел, некоторые из которых своими формами наводят на мысль, что они могут быть кремневыми подражаниями бронзовым, уже использовавшимся в Средиземноморье. То же самое можно сказать и о каменных топорах с перфорацией, отшлифованных в виде орнаментальных изгибов, подобных тем, что естественны в литом металле.

2100-1900 гг. до н. э. Погребения в каменных цистах, постепенно уменьшающихся в размерах. Топоры с толстой шейкой. Продолжают появляться сколотые кинжалы и изогнутые топоры, напоминающие бронзовые формы. Появляется первая бронза, процентное содержание олова в которой еще невелико.

235. Бронзовый век и его периоды в Скандинавии

Бронза достигла Скандинавии поздно, как хорошо развитое искусство, и ее обработка вскоре показала высокую степень технического и эстетического совершенства. Но искусства, которые на Востоке появились почти одновременно с бронзой - письменность, каменная кладка, гончарный круг - достигли Скандинавии только после того, как бронза была вытеснена железом. Следствием этого стало то, что северная культура в целом оставалась варварской. И все же, возможно, из-за этой самой отсталости, возникла отчужденность, которая побудила скандинавских бронзовщиков следовать своим собственным вкусам и развивать свои собственные формы и стили, часто со вкусом столь же изысканным, сколь и простым. Другими словами, возникла местная культура, подобная тем, которые были прослежены в предыдущих главах в Америке. И все же в основе этой северной бронзовой культуры лежали южные и восточные изобретения; а юг и восток продолжали оказывать влияние на Скандинавию. Северная булава, например, прошла те же стадии, что и южная: спинка сначала была прямой и узкой, затем листовидной, потом изогнутой, а концы расширялись до больших пряжек или дисков. Но южная малоберцовая кость, независимо от ее типа и периода, была цельной и упругой, а северная всегда состояла из двух отдельных частей и не имела настоящей пружины.

Связь с другими странами очевидна из самой северной бронзы, по крайней мере, олово из которой, если не сплав, было импортировано. Однако многочисленные находки скандинавского бронзового века не содержат ни одного экземпляра, который можно было бы отнести к Египту или Греции. Даже изделия, изготовленные в Средней Европе, встречаются редко. А формы, ковши, незаконченные отливки доказывают, что северяне отливали свою бронзу на месте. Первые знания об этом искусстве, очевидно, просочились из региона Швейцарии, Австрии и Венгрии, которые, в свою очередь, получили их от итальянского и балканского полуостровов, которые в еще более ранние времена научились этому в Египте или Азии.

Таким образом, представляется, что было бы одинаково ошибочно считать скандинавский бронзовый век независимым развитием или рассматривать его как простую копию или импорт с Востока. Он не был ни тем, ни другим; или, в некотором смысле, он был и тем, и другим. Его истоки лежат в великом раннем очаге цивилизации на Ближнем Востоке; его специфическая форма, качества, которые он приобрел, являются его собственными.

Распространенный компонент, основа, обусловленная диффузией, должны быть признаны в той же мере, что и элементы местного развития, выделяющие отдельную северную культурную зону, или субфокус культурной энергии.

Такое взаимодействие сил характерно также для железного и нового каменного веков, и именно количество локальных центров роста культуры, их все более бурный расцвет с течением времени и умножение связей между странами делают предысторию евразийской цивилизации такой сложной. Если бы о жизни палеолита было известно достаточно, то, вероятно, и для этого периода можно было бы выявить аналогичный, хотя и менее запутанный клубок событий.

Сходство с взаимосвязями территорий внутри Америки очевидно. Юго-Запад относится к южной Мексике так же, как Скандинавия к Востоку: он пронизан им, стимулирован им, почти создан им, но в то же время всегда имеет свой собственный провинциальный оттенок. Специалист по Юго-Западу может проследить непрерывную эволюцию на месте, что заставляет его забыть об очевидном и неоспоримом мексиканском происхождении. Мексиканист, с другой стороны, впечатленный практической идентичностью основ и близким сходством во многих деталях, скорее всего, увидит в культуре Юго-Запада лишь искаженную копию более высокой цивилизации на юге. Правильное понимание требует уравнивания обеих точек зрения.

Ближние эквиваленты культур-районов американских этнологов фактически признаны европейскими археологами. Так, Дешелетт выделяет семь "географических провинций" в бронзовом веке Европы, а именно: 1, *Эгейская* (Греция, острова, побережье Малой Азии); 2, *Италийская* (с Сицилией и Сардинией); 3, *Иберийская* (Испания, Португалия, Балеарские острова); 4, *Западная* (Франция, Великобритания, Ирландия, Бельгия, юг Германии, Швейцария, Богемия); 5, *Дунайская* (Венгрия, Моравия, Балканские страны); 6, *Скандинавская* (включая север Германии и Балтийское побережье); 7, *Уральская* (Россия и Западная Сибирь).

Четырнадцать сотен лет, которые принято считать бронзовым веком Скандинавии, делятся на пять или шесть периодов,^[35] которые постепенно становятся короче.

2500-2100 годы, неолит, с медью, и 2100-1900 годы, с редкой бронзой, уже упоминались.

1900-1600 гг. до н. э. Погребения в каменных цистах. Мало украшений из бронзы, и то только прямыми линиями. Плоские головки топоров или кельтов. Треугольные кинжалы. Кинжалы, закрепленные на шестах, как головки топоров.

1600-1400 гг. до н. э. Периодическая кремация трупов, пепел помещался в очень маленькие цисты. Украшения из бронзы в виде гравированных спиралей. Фланцевые и упорные топоры. Мечи. Прямые фибулы.

1400-1050 гг. до н. э. Кремация общая. Топоры раструбного типа. Прогнутые фибулы. Бронзовые сосуды с крышками.

1050-850 гг. до н. э. Спиральный орнамент распадается. Фибулы с двумя крупными боссами. Кораблевидные бритвы.

850-650 гг. до н. э. Орнамент пластичный, а не гравированный, часто производился в литье. Ряды концентрических кругов и другие узоры заменяют спирали. Фибулы с двумя большими дисками. Ножи с валютообразными рукоятками, напоминающими антенны. Спорадическое появление железа.

650-500 гг. до н. э. Железо находит все большее применение; декоративная бронза приходит в упадок.

236. Проблемы хронологии

Датировка событий в неолите и эпохе металлов имеет гораздо большее значение, чем в палеолите. Было ли изобретение сделано в Вавилонии в 5000 или в 3000 году до н. э., означает разницу между его появлением в туманном прошлом формирующейся культуры или в хорошо развитой и непосредственно документированной фазе этой культуры. Если дольмены и другие мегалитические памятники Северной Европы были возведены около 3000 года до н. э., то они старше пирамид Египта и современны первым слабым проявлениям цивилизации на Крите и в Трое. Но если их датировать 1000 годом до н. э., то они были установлены, когда в западной Азии уже использовалось чистое алфавитное письмо, железо и лошади, когда Египет был уже дряхлым, а критская и троянская культуры полузабыты. В одном случае мегалиты представляют собой местное достижение, возможно, независимое от каменной архитектуры Египта; в другом случае они, скорее всего, являются запоздалым и грубым варварским подражанием этой архитектуре.

Но в палеолите даты годов почти не имеют значения. Кульминация мустьерской фазы - 25 000 или 75 000 лет назад - не имеет значения: в любом случае она наступила гораздо раньше начала исторического времени. Если установить более раннюю дату, то челлинский и магдаленский периоды также отодвигаются дальше; если более позднюю, то это происходит потому, что сокращается оценка всего палеолита, последовательность периодов которого остается неизменной. На самом деле в рамках древнекаменного века важна лишь относительная хронология. Длительность периодов настолько велика и настолько полностью доисторична, что единственная ценность цифр - это живость их конкретного впечатления на сознание и акцент, который они делают на длительности человеческой древности по сравнению с краткостью записанной истории. Можно сказать, что палеолитические датировки полезны в той мере, в какой их не принимают всерьез.

В то же время хронология палеолита опирается на несколько геологических свидетельств, которые практически отсутствуют для неолита и бронзового века: толщина пластов, высота речных отложений и морен, глубина эрозии, виды диких животных. Неолит слишком краток, чтобы в нем можно было обнаружить заметные следы геологических процессов. Поэтому его возраст приходится определять более тонкими способами: по небольшим изменениям температуры и осадков, по толщине отложений мусора и, прежде всего, по связи его последних фаз с самыми ранними событиями, которые можно датировать в документах или надписях. С помощью этих средств сравнение постепенно выстроило хронологию, которая принимается большинством авторитетов как приблизительная. Согласно этой хронологии, начало бронзового производства в Балтийском регионе относится к 1900 году до н. э., в Испании - к 2500 году, первые озерные жилища в Швейцарии - к 4000 году, одомашнивание скота и зерна в средней Европе - к 5500 году, первые гончарные курганы - к 8000 году до н. э. Конечно, эти цифры не должны восприниматься как точные. Оценки несколько разнятся. И все же приведенные даты, вероятно, отражают мнение большинства специалистов без серьезных отклонений: за исключением одного, и очень важного, момента.

Этот пункт - петля от конца предыстории к началу истории: дата первых династий Египта и вавилонского Шумера. По этому вопросу среди востоковедов долгие годы существовали большие разногласия. В настоящее время принято считать 3400 или 3315 год до н. э., с ошибкой не более века, временем, когда верхним и нижним Египтом начал править один царь, Мена, основатель "первой династии"; 2750 год - датой правления Саргона Аккадского,

первого объединителя и строителя империи в Вавилоне; и около 3100 года - периодом, когда были обнаружены самые ранние датируемые останки шумерских городов-государств.

По более длинному летоисчислению первая египетская династия относится примерно к 4000 году; по мнению некоторых, даже раньше; а Саргон - к 3750 году. Последняя дата основывается на открытии Набонидом, последним царем Вавилона, преемником Навуходоносора в шестом веке до нашей эры, глубоко зарытой надписи в фундаментной стене, возведенной Нарам-сином, сыном Саргона. У Набонида были античные вкусы, и он поручил своим археологам и историкам вычислить, сколько лет до него жил Нарам-Син. Их ответ был 3200 лет - тридцать восьмой век до н.э.; эту цифру Набонид вписал в надпись, дошедшую до нас. Все это выглядит достаточно прямолинейно и достоверно. Но действительно ли ученые царя знали, когда говорили ему, что со времени правления его предшественника прошло всего 3 200 лет, или они угадали? Число круглое: восемьдесят сороков лет, как любит считать Ветхий Завет. Современное мнение, основанное на различных соображениях, сводится к тому, что вавилонские историки обманывали либо царя, либо самих себя.

Суть расхождений такова. Ученые, которые более или менее согласны с тем, что бронза достигла Средиземноморской Европы около 2500 года, а Северной Европы - около 1900 года, в целом основывались на более длинной хронологии Ближнего Востока. Они помещали Мена около 4000 года, а Саргона - в 3750 году. Это давало интервал более тысячи лет, в течение которых бронзовая обработка могла попасть в Испанию, и две тысячи - в Данию. При более короткой хронологии для Египта и Вавилонии время, доступное для передачи, должно быть сокращено на тысячу лет. Следует ли, таким образом, сделать европейские даты соответственно более поздними? Или уменьшенный интервал все же достаточен - то есть, может быть, достаточно нескольких столетий, чтобы перенести бронзовое искусство с Востока на Сицилию и в Испанию, и тысячи лет, чтобы перенести его в Скандинавию? Этот интервал кажется разумным и, соответственно, принимается здесь. Но не исключено, что если более короткая хронология станет неопровержимо доказанной для Египта и Вавилонии, то даты неолита и бронзового века в Европе также придется несколько сократить.

Один из знаменитых пересчетов времени был сделан датчанином Софусом Мюллером, который, не основываясь особо ни на какой восточной хронологии, сократил все доисторические периоды Европы. Его схема приблизительной датировки воспроизведена, с некоторыми упрощениями, на [рисунке 42](#). Видно, что он определяет второй или дольменный период полного неолита в Скандинавии примерно с 1800 по 1400 год до н. э., тогда как более привычное летоисчисление относит его к 3500-2500 годам; его самая ранняя дата Китченмидена - 4000 год, против 8000.

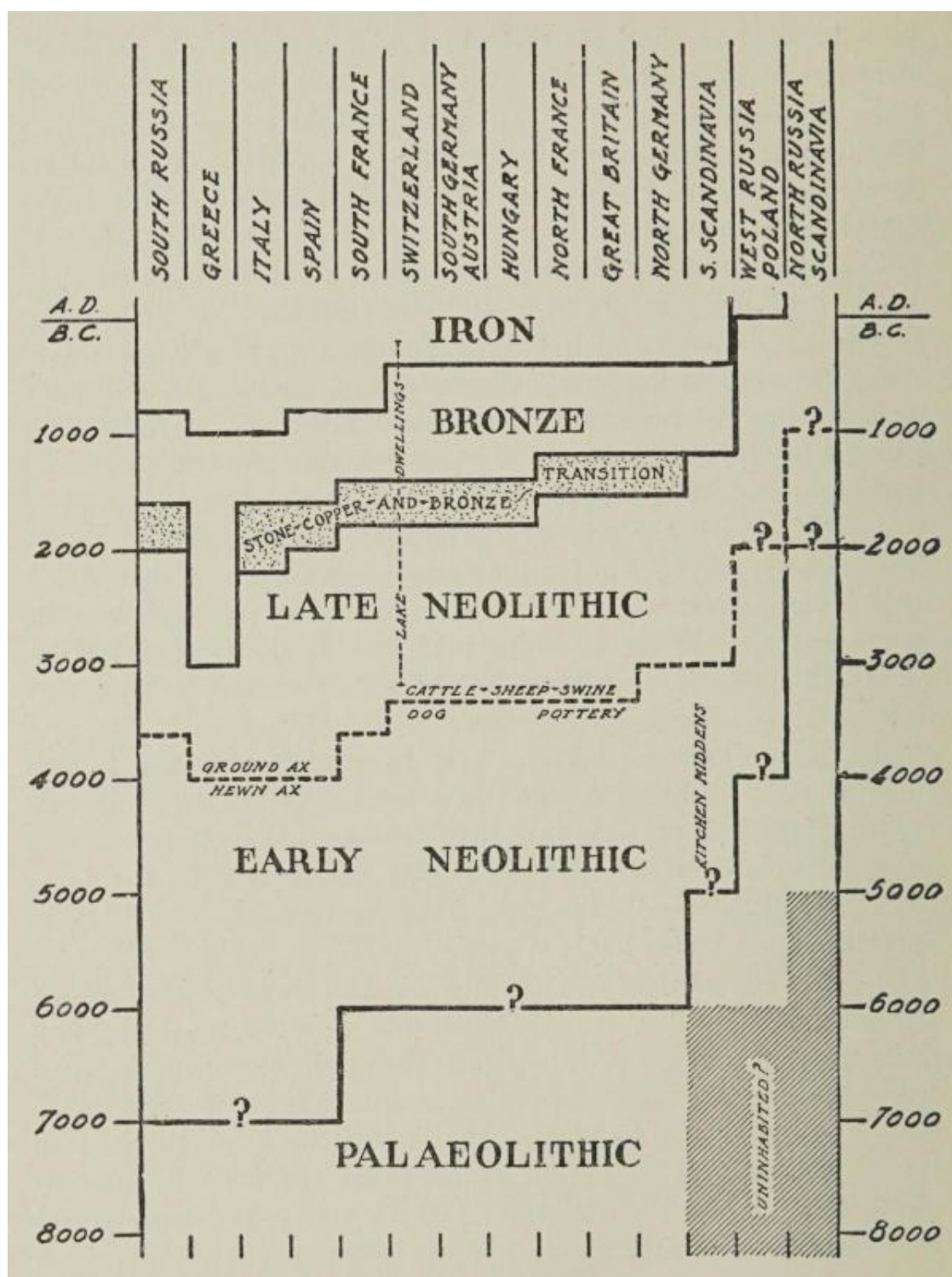


Рис. 42. Развитие доисторической цивилизации в Европе. Упрощенно по Софусу Мюллеру. Его абсолютные даты обычно считаются слишком низкими, но их относительные интервалы почти не вызывают сомнений. На диаграмме очень четко видно устойчивое культурное первенство стран, расположенных ближе к Востоку, и отставание западной и особенно северной Европы.

237. Принципы доисторического распространения культуры

Эта хронология имеет много достоинств, помимо почти смелого консерватизма; в особенности ясность ее последовательного признания определенных культурных процессов. Мюллер выделяет пять принципов и три расширения:

1. Юг [Европы, с Ближним Востоком] был авангардом и источником культуры; периферийные регионы, особенно на севере [Европы], следовали за ним и принимали его.
2. Элементы южной культуры передавались на север только в виде редуций и экстрактов.
3. Они также подвергались модификациям.
4. Эти элементы южной культуры иногда появлялись в более отдаленных районах с большой силой и новыми качествами.
5. Но такие отдаленные появления более поздние по времени, чем возникновение тех же элементов на юге.
6. Формы артефактов или орнаментов могут сохраняться в течение длительного времени с незначительными изменениями, особенно если они переносятся на новую территорию.
7. Отдельные элементы, характерные для последовательных периодов в культурном центре, могут одновременно встречаться в окраинных районах, причем их распространение происходило с разной скоростью.
8. Маргинальные культуры, таким образом, представляют собой любопытную смесь черт, чей первоначальный возраст велик, и других, гораздо более новых; последние, в действительности, иногда достигают периферии раньше, чем старые черты.

Основная идея этих формулировок заключается в постепенном распространении культуры от творческих центров к отсталым маргинальным областям, причем изначальная зависимость периферии не исключает ее последующего самостоятельного развития. Очевидно, что эта точка зрения в значительной степени совпадает с той, которой придерживались при изложении культуры коренных американцев в предыдущей главе.

Справедливости ради следует отметить, что ряд видных археологов борются с распространенным мнением о том, что источники европейской цивилизации неолита и бронзового века должны быть почти полностью заимствованы с Востока. Они говорят об этой точке зрения как о "восточном мифе". Они видят больше конкретных различий, чем идентичности между несколькими местными культурами двух регионов, и склонны объяснять сходство как результат независимого изобретения.

Поскольку знания о древних культурах никогда не бывают полными, существует широкий спектр фактов, к которым теоретически применимо любое из этих объяснений. Но в пользу интерпретации фокально-маргинальной диффузии говорят следующие соображения.

В пределах полностью исторического периода произошло множество несомненных диффузий, иллюстрациями которых могут служить алфавит, неделя и арка. По крайней мере, в более раннюю часть исторического периода поток таких диффузий регулярно шел с Востока; это дает основание предполагать, что поток шел в том же направлении уже в неолите. С другой стороны, безусловно независимые параллели очень трудно установить в пределах исторических областей и периодов, и поэтому, вероятно, они были столь же редки в доисторический период.

Кроме того, диффузионная интерпретация объясняет значительную часть цивилизации в определенной степени в терминах большой последовательной схемы. Напротив, параллелистическое мнение оставляет факты необъясненными и несвязанными. Если этруски придумали истинный аркан и гадание по печени независимо от вавилонян, то интерпретации подлежат два набора явлений, а не один. Сказать, что оба они являются "естественными" событиями, равносильно тому, чтобы назвать их случайными, то есть необъяснимыми. Опирайтесь на инстинктивные импульсы человеческого разума не получится, иначе все или большинство народов должны были бы сделать эти изобретения.

Конечно, важно помнить, что ни одна здравая интерпретация культуры не объясняет всего. Мы не знаем, почему истинный свод был изобретен в Вавилонии, иероглифическое письмо - в Египте, алфавит - в Финикии, в определенное время, а не в другое или в другом месте. Точка зрения диффузии просто принимает определенные интенсивные фокусы развития культуры как эмпирические факты, а затем связывает с ними как можно больше других фактов. Каждый здравомыслящий историк, антрополог и социолог признает, что мы все еще находимся в неведении относительно того, что вызвало великие всплески более высокой организации и оригинальной продуктивности в раннем Египте и Шумере, на Крите, в древнем Северном Китае, у майя, в периклейских Афинах. Мы знаем многие события цивилизации, знаем их место и порядок. Из них мы можем сделать вывод о процессах подражания, консерватизма, рационализации, которые их сформировали. О первых или продуктивных причинах цивилизации мы пока не знаем почти ничего.

Крайне важно, чтобы эта ограниченность нашего понимания была откровенно осознана. Только осознание темноты приводит к поиску света. Научные проблемы должны быть прочувствованы, прежде чем их можно будет решать. Но в рамках наших фактических знаний принцип происхождения и передачи культуры, похоже, объединяет и, таким образом, в какой-то мере объясняет гораздо больше фактов, чем любой другой принцип - при условии, что его не превращают в инструмент магии и не заставляют объяснять все подряд.

ГЛАВА XV

РОСТ ЦИВИЛИЗАЦИИ: ИСТОРИЯ И ЭТНОЛОГИЯ СТАРОГО СВЕТА

238. Ранний очаг.-239. Египет и Шумер и их происхождение.-240. Преддинастический Египет.-241. Рост культуры в династическом Египте.-242. Развитие Шумера.-243. Шумерская глубинка.-244. Приход семитов и индоевропейцев.-245. Иранские народы и культуры.-246. Составная культура Ближнего Востока.-247. Финикийцы, арамейцы, евреи.-248. Другие народности, внесшие свой вклад.-249. Эгейская цивилизация.-250. Европа.-251. Китай.-252. Рост и распространение китайской цивилизации.-253. Лолосы.-254. Корея.-255. Япония.-256. Центральная и Северная Азия.-257. Индия.-258. Индийские касты и религия.-259. Отношения между Индией и внешним миром.-260. Индо-Китай.-261. Океания.-262. Ост-Индия.-263. Меланезия и Полинезия.-264. Австралия.-265. Тасмания.-266. Африка.-267. Египетские излучения.-268. Влияние других культур.-269. Бушмены.-270. Западноафриканский культурный ареал и его значение.-271. Цивилизация, раса и будущее.

238. Ранний очаг

Доисторическая археология Европы и Ближнего Востока, описанная в последней главе, помимо приемлемой хронологии, выявляет ряд процессов, среди которых выдающимся является принцип зарождения культуры в очаговых центрах и ее распространения на окраинные территории. Очевидно, что этот принцип должен применяться как в области истории, так и в области предистории, и должен быть еще более легко прослеживаемым.

В Западном полушарии очевидно, что великим очагом культурного питания и производства была Средняя Америка - районы, расположенные на двух концах межконтинентального моста, Панамского перешейка. О том, что в Восточном полушарии существовала столь же важная фокусная зона, неоднократно говорилось на страницах, непосредственно предшествующих этой, в упоминаниях о приоритете Египта и Вавилонии - стран Нила и Двух рек. Эти две страны лежат не на большом расстоянии друг от друга: они ближе, чем Мексика и Перу. Как и эти две страны, они также соединены полосой преимущественно благоприятной территории - "Плодородным полумесяцем" Палестины, Сирии и северной Месопотамии. Любопытно, что две страны также находятся на двух континентах, соединенных сухопутным мостом: Суэцкий перешеек - параллель Панамскому.

И в Египте, и в Вавилонии чуть раньше 3000 года до н. э. мы находим систему частично фонетического письма, которая, хотя и была громоздкой по современным меркам, была достаточна для записи того, что говорилось. Медь была в изобилии, а бронза использовалась для изготовления оружия и инструментов. Гончарные изделия вращались на колесах. Экономическая жизнь была в основном сельскохозяйственной. Выращивались те же пищевые растения: ячмень и пшеница; из них варилось такое же пиво. Разводили тех же животных: крупный рогатый скот, свиней, овец, коз; для перевозки использовали ослов. Архитектура была выполнена из высушенного на солнце кирпича. Возникли значительные города, обнесенные стенами. Их правители боролись или достигали верховенства друг над другом, как заклятые короли с миллионами подданных. Существовал упорядоченный календарь, по которому датировались события. Существовали налоги, правители, суды, полиция и социальный порядок. В храмах поклонялись нескольким великим богам с определенными именами и атрибутами.

239. Египет и Шумер и их предистория

Вряд ли можно представить себе, что эти два параллельно развивавшихся очага цивилизации, без сомнения, самые передовые из тех, что существовали на Земле, должны были возникнуть независимо друг от друга на расстоянии тысячи миль. Если бы шумерская культура расцвела далеко, скажем, на берегах Тихого океана, а не в низовьях Евфрата, ее существенная обособленность, как и цивилизации Средней Америки, могла бы быть вероятной. Но участок земли между Вавилонией и Египтом не только относительно короткий: он, за исключением Суэцкого района, плодородный и приятный, и был довольно плотно заселен относительно развитыми народами вскоре после начала исторического периода или даже раньше. То же самое можно сказать и о прилегающих регионах. Ханаан, Сирия, Месопотамия, Троя, Крит, Элам, юго-западный Туркестан - все они вышли за пределы варварства и вступили в период городской жизни в четвертом и третьем тысячелетиях до н. э. Это не может быть рядом совпадений. Очевидно, что Западная Азия, вместе с ближайшими европейскими островами и прилегающим плодородным уголком Африки, составляла сложную, но взаимосвязанную единицу, большой очаг, в котором культура разгоралась в нескольких точках. Просто случилось так, что немного выше по течению от устьев Нила и Евфрата развитие вспыхнуло быстрее в течение пятого и четвертого тысячелетий. Причины

этого можно только предполагать. Возможно, когда сельское хозяйство стало вестись систематически, а не от случая к случаю, эти ежегодно переполняемые донные земли оказались необычайно благоприятными; их население росло, что потребовало создания правительства и общественного устройства, которые, в свою очередь, обеспечили еще более быстрый рост численности, более полную эксплуатацию ресурсов и разделение труда. Все это выглядит достаточно правдоподобно. Но не стоит придавать слишком большое значение подобным объяснениям: они остаются в основном гипотетическими. Однако то, что культура к 3000 году до н. э. достигла большего богатства и организованности в Египте и Вавилоне, чем в других местах, - это факты, и вряд ли они могут быть чем-то иным, кроме как причинно-следственной связью. Эти две цивилизации, очевидно, возникли на общем ближневосточном высоком уровне неолитической культуры, подобно тому как вершины Мексики и Перу возвысились над плато среднеамериканской культуры, на котором они были основаны.

Конечно, это означает, что Египет и Шумер не состояли в родительско-семейных отношениях. Они были скорее боковыми братьями, или, лучше сказать, двумя самыми выдающимися из группы двоюродных братьев. Попытки вывести египетскую иероглифику из вавилонской клинописи, и наоборот, были отвергнуты большинством непредвзятых ученых как недоказанные. Но вполне вероятно, что, по крайней мере, идея создания разборчивых записей, использования пиктографических знаков для обозначения звуков речи была передана от одного народа к другому, который впоследствии выработал свои собственные символы и значения. Поэтому, хотя финикийский алфавит еще никогда не был приведен к египетскому, клинописному, критскому или хеттскому письму с достаточным количеством доказательств, чтобы удовлетворить более чем меньшинство ученых мира, кажется невероятным, чтобы эта новая форма письма возникла без влияния какой-либо из нескольких систем, которые использовались в ближайшем окружении, частично в самой Финикии, в течение от одной до двух или трех тысяч лет. Такая точка зрения не отрицает ни принципиально нового элемента в финикийском письме, ни его культурного значения. Она не считает, что происхождение алфавита объясняется отсылкой к другой, более ранней системе письма. Она лишь вводит алфавит в некую причинно-следственную связь с другими системами, не сливая его с ними. Именно в таком ключе следует рассматривать отношение раннего Египта и Вавилонии друг к другу и к другим культурам древнего Ближнего Востока.

240. Преддинастический Египет

Египетская цивилизация была уже в полном расцвете ко времени объединения Нижнего и Верхнего Египта при первой династии в тридцать четвертом веке. Этапы ее развития, должно быть, простирались гораздо дальше. Иероглифическое письмо, например, уже приобрело те формы и степень эффективности, которые оно сохраняло на протяжении последующих трех тысяч лет. Сложная конвенциональная система такого рода должна была потребовать столетий для своего становления. Использовался нелунный 365-дневный календарь. Это был самый точный и эффективный календарь, разработанный в древнем мире, и послуживший основой для нашего собственного. Его погрешность заключалась в разнице в несколько часов между солнечным и предполагаемым годом. Эту разницу египтяне не исправляли, а фиксировали, в результате чего, когда первоначальный день медленно поворачивался вокруг цикла времен года, они отсчитывали "софистический год", состоящий из 1461 года. Один из них был завершен в 2781 году, что дает 4241 год до нашей эры как дату фиксации календаря. Это считается самой ранней точно известной датой в истории человечества. Конечно, календарь такой точности не может быть установлен без длительных наблюдений, продолжительность которых будет тем больше, что астрономические инструменты

отсутствуют. Должны были пройти столетия, пока этот календарь разрабатывался. Устная традиция также не могла быть достаточным средством передачи наблюдений. Постоянные записи должны были передаваться из поколения в поколение, а это предполагает стабильность общества, прочные здания, города и класс, у которого есть досуг, чтобы посвятить его астрономическим вычислениям. Поэтому можно с уверенностью считать 4500 год до н. э. временем, когда Египет из племенного или сельского крестьянского состояния перешел в состояние, которое можно назвать "цивилизованным" в первоначальном значении этого слова: период городов-государств или, по крайней мере, районов, организованных под управлением признанных правителей. Таким образом, с 4500 года наступает время местных царств преддинастического периода.

За этим временем должно быть другое: период преддинастических племен, до появления городов, календарей, письменности и металла, когда делали керамику, обтачивали камень, строили лодки, одомашнивали растения и животных - короче говоря, типичный чистый неолит. Однако при всем своем доисторическом богатстве Египет до сих пор не дал ни одного настоящего неолитического остатка. Вряд ли можно предположить, что страна была необитаема в течение тысяч лет; гораздо более вероятно, что неолитические останки были стерты с лица земли. Этот вывод подкрепляется скудостью и сомнительностью верхнепалеолитических артефактов в Египте. Кремневые орудия нижнего палеолита многочисленны, как и останки всего периода металлов. Что же случилось с пропавшими отложениями и погребениями верхнего палеолита и неолита, которые попали в промежуток между ними?

По всей видимости, они были погребены на дне долины Нила под аллювиальными отложениями. Орудия эпохи эолита и нижнего палеолита найдены на плато, через которое проходит долина; они также сцементированы в конгломерат, образованный из гравия и камня, смытых с этого плато и вырезанных в террасы Нилом, когда он еще протекал на высоте от 30 до 100 футов, чем сейчас; и на террасах. Когда именно образовались эти террасы, трудно сказать с точки зрения европейских плейстоценовых периодов; но, судя по всему, не позднее третьей ледниковой эпохи, а возможно, и раньше второй. Поскольку в хронологии, которой мы придерживаемся в этой книге, Челеан в Европе помещен после третьего оледенения, древность первых кремней, использованных и, возможно, намеренно сформированных в Египте, отнесена к чрезвычайно высокой древности благодаря образцам, вкрапленным в скалы террас.

Примерно во время последнего оледенения - мустьерского или конца нижнего палеолита в Европе - Нил перестал прорубать себе дорогу через окаймляющие его галечники и начал застраивать свое русло и долину отложениями ила, как это происходит и по сей день. Из раскопок до основания датированных памятников известно, что за последние 4 000 лет этот аллювий в северном Египте откладывался со скоростью фут в 300 лет. Поскольку глубина его залегания достигает более ста футов, процесс отложения, судя по всему, начался 30 000 или более лет назад. Конечно, ни один расчет такого рода не может быть полностью надежным, потому что различные факторы могут повлиять на скорость; но есть вероятность, что при прочих равных условиях осаждение вначале шло медленнее, чем в последнее время, и время старения соответственно увеличилось. В любом случае геологи сходятся во мнении, что последние 10 000 лет или около того - недостаточный срок, и что отложение дна долины Нила должно было начаться во время того, что в Европе было частью Вюрмского оледенения.

Это период перехода от нижнего к верхнему палеолиту (§ 69, 70, 213) в Европе. Исчезновение останков верхнего палеолита в Египте наиболее правдоподобно объясняется тем, что верхний палеолит, как и поздний неолит, действительно был представлен в Египте, причем, скорее всего, процветающе, но в мягком климате его артефакты были утеряны или захоронены на поверхности долины или вблизи нее и, следовательно, уже давно засыпаны так глубоко, что только будущие счастливые случаи, подобно колодезному шуму, могут время от времени вытаскивать на свет образцы.

Что касается неолита, то такие находки действительно есть: кусочки керамики, поднятые из скважин глубиной 60 футов в районе одного из упомянутых памятников, 75 и 90 футов в других местах нижнего Египта. Самая маленькая из этих цифр означает 18 000 лет - почти в два раза больше, чем предполагаемый возраст самой ранней керамики в Европе. Всегда следует не слишком полагаться на продолжительность, рассчитанную исключительно по толщине пластов, будь то геологические или культуросносные. Но в данном случае общая вероятность подтверждается, по крайней мере, в общих чертах. В 4000 году до н. э., когда Египет начал использовать медь, Западная Европа все еще находилась на первой стадии шлифовки камня; в 1500 году до н. э., когда Египетзнакомился с железом, Европа едва ли еще достигла расцвета бронзовой промышленности. Если рыбаки, разбившие лагерь на устричных раковинах на берегах Балтики, умели делать керамику к 8000 году до н. э., то нет ничего ошеломляющего в предположении, что египтяне познакомились с этим искусством в 16 000 году до н. э. Они имели письменность более чем в два раза дольше, чем североевропейцы.

Сами даты, таким образом, не стоит воспринимать слишком буквально. Они рассчитаны на основе скудных, хотя и впечатляющих данных и могут быть пересмотрены, возможно, на тысячи лет. Но они убедительно свидетельствуют о явном преобладании северной Африки и, как следствие, западной Азии над Европой в неолите, так как преобладание очевидно в бронзовом и раннем железном веках и указано для нижнего палеолита.

Если, соответственно, начало раннего неолита - эпохи керамики, лука, собаки - для Египта установить где-то около 16 000 лет до н. э., что примерно совпадает с началом магдаленского периода в средней части Западной Европы (§ 215), то полный неолит, время первого одомашнивания животных и растений и шлифовки камня, можно оценить примерно в 10 000 лет до н. э., когда Европа еще задерживалась в своей эпипалеолитической фазе (§ 216). Можно отбросить несколько тысяч лет и сохранить существенную ситуацию в неизменном виде: 8000 или 7000 лет до н. э. все еще оставляют Египет в стороне; помогают объяснить появление восточных злаков и животных в Европе около 6000-5000 лет до н. э.; и, что самое главное, дают достаточный интервал для того, чтобы сельское хозяйство и смежные фазы цивилизации достигли той степени развития, которую они демонстрируют, когда местные царства преддинастического периода попадают в поле нашего зрения около 4500 лет до н. э. Длительный полный неолит, таким образом, требуется ситуацией в Египте и подтверждается имеющимися фактами; длительный период, в течение которого просо, ячмень, пшеница, лен, крупный рогатый скот, овцы и ослы были постепенно изменены и стали более полезными благодаря селекции и одомашниванию. Этот полный неолит, или его последняя часть, был эпохой преддинастических племен Египта; которая, когда она перешла в фазу преддинастических местных царств около 4500 г. до н. э., привела эти растения и животных в значительной степени к их современным формам, а также увеличила и скоординировала население земли до такой степени, что вскоре последовали разработка календаря, металлургии, письменности и царской власти.

241. Рост культуры в династическом Египте

История развития египетской цивилизации в династический или исторический период очень увлекательна. Было три фазы процветания и великолепия. Первый - Старое царство, 3000-2500 годы, кульминацией которого стала четвертая династия строителей Великих пирамид в двадцать девятом веке. Вторым было Среднее или Феодальное царство, кульминацией которого стала двенадцатая династия, 2000-1788 годы. После вторжения азиатских гиксосов в семнадцатом веке возникла Новая империя восемнадцатой и девятнадцатой династий, наибольшее расширение которой пришлось на правление Тутмоса III, 1501-1447, хотя страна сохраняла некоторые наступательные способности еще пару веков. Затем последовал медленный националистический упадок, мимолетное завоевание Ассирией в седьмом веке, краткое и фиктивное возрождение, поддерживаемое иностранными наемниками, и персидское завоевание в 525 году до нашей эры, после чего Египет никогда не был независимой державой под управлением местных правителей. Затухание культурной энергии, по крайней мере относительно других народов, наступило еще до военного упадка. К 1000 году до н. э., несомненно, и, возможно, к 1500 году, Египет получал больше элементов цивилизации, чем передавал. Она все еще выглядела богатой и утонченной на фоне более молодых народов; но они производили больше нового.

Медь, выплавляемая из руд Синайского полуострова, вошла в обиход, по-видимому, к 4000 году, но долгое время оставалась дефицитной. У первой династии было немного низкосортной бронзы; к 2500 году в обиход вошла бронза, содержащая десятую часть олова. Железо появилось около 1500 года или вскоре после этого, но на протяжении веков оставалось скудным азиатским импортом. На самом деле, консерватизм, поселившийся в старости цивилизации, заставил ее с необычайным упорством держаться за бронзу. Уже в эпоху Птолемеев и Римской империи, когда могилы иностранцев изобиловали железом, могилы египтян по-прежнему были обставлены бронзой.

Совсем другой должна была быть социальная психология тремя тысячами лет раньше. Первая каменная кладка вместо саманного кирпича для облицовки стен гробниц была заложена в тридцать первом веке, а через полтора столетия в пирамиде Хеопса была достигнута самая грандиозная каменная архитектура в истории человечества. Это был всплеск культурной энергии, равного которому не было ни в греческом искусстве, ни в современной науке.

Производство стекла, по-видимому, было открыто в Египте при первых династиях и распространилось оттуда в Сирию и на Евфрат. Самое раннее стекло было цветным фаянсом, в большинстве случаев полупрозрачным, и использовалось в основном для украшений или для облицовки кирпича. Позже его стали выдувать в сосуды, обычно небольшие бутылки, и лишь постепенно оно достигло прозрачности. Из Западной Азии это искусство попало в Европу, а в христианские времена - в Китай, который сначала платил за стеклянные бусы драгоценные камни, но позже, возможно, знания о новом искусстве подтолкнули его к созданию фарфора - керамики, покрытой стекловолокном.

Лошадь впервые попала в Египет вместе с гиксосами. Вместе с ней появилась военная колесница. Колесные транспортные средства, по-видимому, до этого отсутствовали. Алфавит, аркан, зодиак, чеканка монет, тяжелые металлические доспехи и многие другие важные изобретения появились в Египте только после того, как страна окончательно перешла под иностранное господство. Превосходная интенсивность ранней египетской цивилизации, очевидно, способствовала развитию духа культурной самодостаточности, аналогичного китайскому или византийскому, что привело к сопротивлению инновациям

извне. В то же время внутреннее развитие продолжалось, о чем свидетельствуют многочисленные достижения в религии, литературе, одежде, искусстве и науке, если сравнивать Старое царство и Новую империю. Например, при одиннадцатой и двенадцатой династиях монархия была феодальной, а в восемнадцатой жил знаменитый монотеистический правитель-иконоборец Ихинатон.

Цивилизация Древнего Египта была полностью создана и пронесена хамитоязычным народом. Иногда считается, что этот народ пришел из Азии, но его хамитские родственники и по сей день населяют Африку от Сомалиленда до Марокко, и нет никаких веских причин искать его предков за пределами этого континента.

242. Развитие шумеров

История Вавилонии известна менее полно, чем история Египта, поскольку, будучи бескаменной страной, она была вынуждена полагаться на высушенный на солнце кирпич, поскольку ее климат был менее засушливым, а также из-за ее положения. Египет был изолирован пустынями, Вавилония же была открыта для многих соседей, поэтому подвергалась вторжениям, войнам и никогда не была единой так долго, как Египет. Поэтому цивилизация никогда не была столь национально специфичной, столь концентрированной; а ее записи, хотя и богаты, но разрозненны. Вавилония, регион нижнего течения Евфрата и Тигра, была ведущим культурным центром Азии в третьем и втором тысячелетиях до нашей эры; и хотя в этот период она была в основном семитской страной, ее цивилизация была продуктом другого народа, шумеров, основанного близ устья двух рек в четвертом тысячелетии. Именно шумеры за эту тысячу лет разработали клинописную или клинообразную систему письма - смешанную фонетическую и идеографическую, как египетская, но совершенно иного значения, насколько можно судить сегодня, и выполненную прямыми штрихами вместо живописных форм иероглифики или скорописи производной от нее иератикой. Именно семиты, пришедшие из Аравийского региона, переняли эту письменность вместе с сопутствующей ей культурой. Об их зависимости свидетельствует тот факт, что они использовали знаки с шумерскими фонетическими значениями, а также сохранение шумерского как священного языка, для которого со временем они были вынуждены составлять словари, к облегчению современных археологов.

О местных истоках шумерской цивилизации-города-государства с ее ирригацией и интенсивным сельским хозяйством ничего не известно. Она существенно отставала от Египта или, самое большее, на несколько столетий. В некоторых особенностях, например в использовании металлов, она, по-видимому, была впереди. Египет - это затяжной оазис, протянувшийся через огромную пустыню. Вавилония соседствует с пустыней и нагорьем, степью и горами. В пределах нескольких сотен миль ее окружающая среда гораздо разнообразнее. Среди соседних народов, как говорят, была доступна не только медь, но и олово. Кроме того, в Вавилонии, вероятно, раньше, чем в Египте, появились ранние домашние животные - за исключением, возможно, крупного рогатого скота, - поскольку она находилась ближе к местам их обитания. В результате, если египетская культура производит поверхностное впечатление, что она была в значительной степени сформирована на месте египтянами, то шумерская культура, когда мы узнаем ее получше, уже обещает превратиться в смесь, в которую внесли заметный вклад несколько народов. Роль шумеров, как и их семитских преемников, была, пожалуй, в первую очередь организаторской.

243. Шумерская глубинка

Есть некоторые свидетельства существования этих культур, предшествовавших шумерской или сопутствовавших ей. В Эламе, подгорной стране к востоку от Шумера, курган в Сузах содержит более 100 футов культуросодержащих отложений; в южном Туркестане, в Анау, в 300 милях к востоку от Каспийского моря, один курган имеет глубину более пятидесяти футов. Дата первого заселения этих мест была установлена, в основном на основе скорости накопления отложений - небезопасного критерия - в 18 000 и 8000 лет до н.э. соответственно. Эти даты, особенно первая, несомненно, слишком высоки. Но на отдаленную древность указывают. На обоих городищах можно увидеть саманные кирпичные дома и расписную керамику ручной работы на самом дне. В Сусе медные орудия находятся в самом нижнем слое; в Анау - на три четверти ниже, на одном уровне с останками овец и верблюдов. Еще более низкие уровни в Анау дают останки прирученного крупного рогатого скота, свиней и коз, а пшеница и ячмень появляются в самом низу, еще до того, как появились одомашненные животные. Какова бы ни была дата появления меди в этих регионах, она, скорее всего, предшествовала тридцать первому веку, когда бронза уже использовалась шумерами. Таким образом, эти раскопки проливают свет на полный неолит и энеолит, или переходные фазы западноазиатской культуры, которые должны были предшествовать известной нам шумерской цивилизации.

Языки этих ранних западноазиатских народов не были классифицированы. Шумерский язык был неиндоевропейским, несемитским, нехамитским. Некоторые считают, что в нем можно обнаружить тюркские, то есть урало-алтайские, сходства. Другие же находят сходство с современными африканскими языками. Такое расхождение во мнениях, вероятно, означает, что шумерский язык пока нельзя с уверенностью связывать с какой-либо другой языковой группой. То же самое относится и к эламскому языку, который известен по надписям более позднего времени, чем ранние пласты в Сузах. На чем говорили люди неолита и бронзового века в Анау, узнать невозможно. В настоящее время этот регион является турецким, но это, конечно, не является доказательством того, что так было тысячи лет назад. Возможно, речь этого региона была индоевропейской, поскольку он лежит у подножия Персидского плато, которое к железному веку было занято иранской ветвью индоевропейцев, которые, как принято считать, пришли сюда с севера или северо-запада. Но и в этом случае нет ни малейших доказательств существования индоевропейского населения в этот полностью доисторический период. Ясно одно: ранняя цивилизация общей западноазиатской зоны не была развита семитами, которые впоследствии стали ее главными носителями. Это ситуация, параллельная той, что сложилась в Европе и Малой Азии, чья цивилизация в полный исторический период почти полностью находилась в руках индоевропейцев, тогда как на заре истории народы, лидировавшие в культурном отношении, - хетты, троянцы, критяне, лидийцы, этруски и иберийцы - были неиндоевропейскими.

244. Приход семитов и индоевропейцев

Семитские вторжения, по-видимому, исходили из великой родины этого народа - Аравии, пустыни и полупустыни которой во все времена были похожи на размножающийся улей. Некоторые из них были открытыми завоеваниями, другие - полусильными проникновениями, третьи - инфильтрацией. Можно выделить несколько больших волн. Около 3000 г. произошло перемещение, в результате которого аккадцы, народ Саргона, попали в Вавилонию, ассирийцы, возможно, в свой дом вверх по Тигру, ханаанеи и финикийцы - в Сирию. Около 2200 года амориты устремились на север: в Вавилонию, где теперь возник Вавилон и правил знаменитый законодатель Хаммурапи, в Месопотамию и в Сирию. Около 1400 года

арамейцы постепенно заняли сирийский регион, а евреи начали оттеснять ханаанеев. Около 700 года другая волна принесла халдеев в Вавилонию, чтобы вновь воздвигнуть великое семитское царство Навуходоносора. Затем, более тысячи лет, Аравия была замкнута в себе, запруженная, возможно, Персидской, Македонской, Парфянской и Римской империями, пока в седьмом веке после Рождества Христова магометанство не вывело ее народы вперед. Гораздо раньше, в неизвестное время, праотцы абиссинцев перешли через устье Красного моря в Африку, а гиксосы, свергнувшие Среднее царство Древнего Египта, возможно, были семитами.

Индоевропейцы пришли в Юго-Западную Азию позже и проникли в нее более локально, чем семиты. Вскоре после 2000 года касситы или коссеи вторглись в Вавилонию; они, по-видимому, были индоевропейцами, возможно, иранцами. Около 1500 года Митанни были державой на верхнем Евфрате между ассирийцами и хеттами Малой Азии. Их личные имена и имена богов, сохранившиеся в ассирийских клинописных надписях, показывают, что они были иранским народом. Последние не узнаваемо упоминаются в своем постоянном месте проживания на Иранском плато до 1000 года, но вполне возможно, что они поселились там на тысячу лет раньше. Считается, что их близкие родственники, индийская ветвь, начали свое проникновение в Индию около 2000-1500 гг. до н. э. или вскоре после этого.

245. Народы и культуры Ирана

К седьмому веку до нашей эры иранцы были достаточно цивилизованными и сильными, чтобы принять участие в свержении семитской Ассирии, главными наследниками которой они стали. С тех пор на протяжении более двенадцатисот лет, с перерывом лишь на столетие из-за Александра и его преемников, череда иранских держав господствовала не только на плато, но и в Вавилонии и Месопотамии: Меды, ахеменидские персы, парфяне, сасанидские персы. Сформировалось сильное национальное самосознание, которое подкреплялось национальной религией - зороастризмом, магизмом, огнепоклонничеством, авестийской верой, - вот некоторые из ее названий. Эта иранская религия просуществовала почти три тысячи лет и до сих пор сохранилась среди небольшого числа последователей, в частности, эмигрантов-парсов, то есть "персов" из Индии; ее основные идеи о вечном конфликте добра и зла, правды и лжи, а также о едином верховном божестве праведности повлияли на многие другие культы, включая христианство. Длительные контакты между Ираном и долиной Тигра и Евфрата и их частое политическое единство с 600 г. до н. э. благоприятно отразились на интенсификации культуры в высокогорье; в результате, когда арабы, а затем турки вырвались из своих окраинных домов в старые цивилизованные части западной Азии, они впитали много от давно сложившейся культуры Ирана. Большая часть арабской и турецкой цивилизации на самом деле является персидской и восходит в конечном итоге к семитским вавилонским и шумерским истокам.

Вскоре после того, как иранцы продвинулись на юг из степи на плато к востоку от Каспия, другие индоевропейцы двинулись на юг к западу от Каспия и Черного моря; армяне - на места, которые они занимают с тех пор, кардучои - в страну курдов, племена, союзные балканским фракийцам, и фригийцы - в Малую Азию. Века до и после 1000 г. до н. э. были периодом этих движений, все они не смогли проникнуть так глубоко в сердце западноазиатского культурного центра, как семитские притоки. Индоевропеизация всех вновь захваченных территорий также не была такой постоянной, как соответствующая семитизация. Малая Азия, в которой сейчас преобладает турецкий язык, - единственная область, которая в исторический период подверглась деиндоевропеизации речи (§ 50).

246. Композитная культура Ближнего Востока

Итак, на западе Азии, от Геллеспонта до Персии и от Кавказа до Аравийской пустыни, начиная с пяти тысяч лет назад и, возможно, более, была собрана пестрая смесь народов - автохтонных народов нескольких видов, семитов, индоевропейцев, возможно, урало-алтайцев. Их контакты позволили каждому из них перенять многие из новых приспособлений, разработанных другими, объединить их со своими собственными достижениями и таким образом снова и снова становиться источником культурного развития для остальных. Самым большим участком богатой изменчивости в этом регионе был Плодородный полумесяц, который простирался от Иерусалима на север и восток в Месопотамию, а затем вниз по течению Тигра и Евфрата до их устьев, и здесь в течение нескольких тысячелетий цивилизация развивалась наиболее интенсивно. В пределах этого Полумесяца, в юго-восточной его части, на дренируемой и орошаемой аллювиальной равнине Вавилонии, с древнейших шумерских времен и незадолго до христианской эры в среднем лидировала Вавилония. Однако политическое господство часто переходило к другим народам: к Египту, завоевавшему Евфрат в пятнадцатом веке до нашей эры; к хеттам Малой Азии в четырнадцатом и тринадцатом; к ассирийцам среднего Тигра в двенадцатом и одиннадцатом и снова в восьмом и седьмом веках. В культурном отношении почти каждая из многочисленных наций или областей, входящих в западноазиатский регион, развила определенную степень независимости; каждая добавляла свои черты или изменяла те, которые заимствовала; каждая придавала своей местной цивилизации свой собственный оттенок, не теряя при этом связи с другими.

247. Финикийцы, арамейцы, евреи

Так, финикийцы или какой-то близкородственный и географически близкий им семитский народ к 1000 году до н. э. разработали, предположительно на основе одного из нескольких частично фонетических или слоговых письменностей, использовавшихся у них или среди них, настоящий алфавит (§ 134). В течение двух или трех последующих столетий они установили торговое и морское господство в Средиземноморье, что привело к основанию Карфагена, прямой торговле до Испании и косвенной до Британии, а также передаче алфавита и других знаний грекам.

Другим торговым народом, хотя и внутренним, были арамейцы, семиты той же волны, что и евреи, но обосновавшиеся к северу от Палестины в Сирии, с Дамаском в качестве крупнейшего центра. Никогда не будучи более чем второстепенной политической силой, они мирно проникали в другие страны, принесли с собой свою систему мер и весов, свою письменность и даже свой язык. Ассирия к моменту своего падения стала наполовину арамейской, а повседневный язык Палестины во времена Иисуса и за несколько веков до него был арамейским. Арамейская письменность, скорописная форма финикийского алфавита, постепенно вытеснила клинопись, сначала для деловых, а затем и для официальных целей, по всей Западной Азии и за ее пределами. В XIV веке правители сирийских и палестинских городов писали свои отчеты и депеши египетскому владыке клинописью, которую клерки из министерства иностранных дел или департамента зависимых территорий в Телль-эль-Амарне переписывали на иероглифический или иератический язык. В IV веке персидские чиновники использовали арамейский язык для официальных сообщений. По мере того как клинопись все больше и больше угасала, производные от арамейского стали алфавитами Персии, по крайней мере части, а возможно, и всей Индии, евреев, арабов, христиан-несториан, а также древних тюрков, монголов и

маньчжуров. Практически вся Азия, за исключением, возможно, Индии, в той мере, в какой она пишет по алфавиту, таким образом, черпает свои буквы из арамейского источника (§ 146).

Не менее глубоким было влияние соседних евреев и на другом этапе развития цивилизации. В то время, когда они впервые вошли в историю, около 1400 года до н. э., евреи поклонялись племенному богу Яхве. Они верили, что рядом с ним было много богов, но они были его народом, а он - их богом. Растущее национальное самосознание заставляло их все больше и больше подчеркивать особую связь между ним и ими, исключая поклонение другим божествам, которое постоянно проникало к ним от их ханаанских, финикийских, арамейских и египетских соседей. Так они перешли на стадию монолатрии, или поклонения одному богу. По мере того как Ассирия и Вавилония сначала угрожали, а затем поглощали их, а их национальное бессилие становилось все более очевидным, они все меньше доверяли себе, как это было в короткие дни их маленькой славы в десятом веке, и все больше уповали на своего бога как на свое спасение. Национальные надежды падали, а божественные поднимались; пока древнееврейский народ не перешел от представления о Господе как о всемогущем к представлению о нем как о едином и единственном: монотеизм развился из монолатрии, как та выросла из особого племенного культа. Исторически идея монотеизма не была новой. Ихнатон Египетский провозгласил ее более чем за полтысячи лет до древнееврейских пророков. Возможно, эта концепция действительно была перенесена в другие страны, но, несомненно, она получила свое развитие на древнееврейской земле и впервые утвердилась там в качестве кардинального и долговечного элемента национальной цивилизации. Евреи придерживались монотеизма со все возрастающей настойчивостью, пока эту концепцию не переняли христианство и ислам - две из трех великих международных религий; буддизм, третья, по сути, является атеистической. Таким образом, перед нами еще один чрезвычайно распространенный культурный элемент глубокого значения, возникший как местный западноазиатский вариант.

248. Другие национальности, внесшие свой вклад

Почти каждый народ в этом регионе, по сути, внес свой особый вклад. В Малой Азии развилось представление о великой первозданной богине-матери, известной грекам как Кибела. Лидия в западной части Малой Азии отчеканила самые ранние деньги около 700 г. до н. э. Некоторые народы у Черного моря в восточной части Малой Азии, похоже, первыми освоили обработку железа и, возможно, стали. Касситы с севера или востока, вероятно, завезли лошадь в Вавилонию вскоре после 2000 года до н. э. Затем она распространилась как животное королевской власти, аристократии и специальное оружие для боевых колесниц, пока не достигла Египта примерно триста лет спустя. Первое одомашнивание лошади произошло, по-видимому, в Центральной Азии; передача в Европу, возможно, была прямой, а не через Средиземноморскую Азию. Верблюд был приручен раньше, также в Центральной Азии. Его останки появляются в Туркестане в медный период; а в Израиле арабские мадианитянские налетчики, которых победил Гедеон, ездили на верблюдах, в то время как несколько поколений спустя, во времена Давида, около 1000 г. до н. э., лошадей все еще было мало.

249. Эгейская цивилизация

На острове Крит, почти на равном расстоянии от Азии, Африки и Европы, с появлением бронзы, около 3000 г. до н. э., начала расти цивилизация, большинство элементов которой были завезены, но которая дополнила их и придала всей своей массе необычайную оригинальность. Три больших периода, названные ранним, средним и поздним "минойским"

в честь легендарного критского царя Миноса, можно выделить в обилии останков, которые были обнаружены в результате раскопок; каждый из них делится на три подпериода, обозначенные как I, II, III. В некоторых местах, таких как Кносс, остатки последовательных подпериодов разделены слоями земли, отложенной при уничтожении старого поселения и служившей полом для следующего. Под отложениями бронзового века лежат толстые слои неолита с некрашеной керамикой. В раннем минойском периоде, около 3000 г. до н. э., появилась расписная керамика и бронза, а затем гончарный круг и система иероглифической письменности, не связанная с египетской. В Среднем Миносе керамика стала полихромной, строились дворцы, искусство приобрело удивительный натуралистический характер в керамике, фресковой живописи и резьбе, а иероглифы превратились в линейное, вероятно, слоговое письмо. Начало позднего минойского периода, с XVI по XIV век до н. э., стало кульминацией критской цивилизации. Затем произошло нечто жестокое, дворцы были разрушены, и после короткого упадка минойская культура угасла с приходом первых исторических греков, в начале железного века, около 1250 года до нашей эры.

Минойцы не оставили собственной хронологии, и их письменность не читается. Но датируемые египетские предметы, найденные в критских слоях определенного периода, и критские предметы, характерные для определенных периодов, найденные в датируемых египетских местах в результате торговли, позволили составить косвенную, но положительную хронологию минойской культуры. Второй подпериод - ранний, средний и поздний минойский - соответствовал Шестой, Двенадцатой и Восемнадцатой династиям на Ниле. Таким образом, начиная с 2000 года до н. э., минойские даты достоверны в пределах столетия, а иногда и меньше. Промышленность, торговля, игры, легкий, практичный стиль архитектуры и, прежде всего, изящное реалистическое искусство, особенно процветали со Среднего Миноя III до Позднего Миноя II. Очевидно, что существовали значительные богатства, свободный класс, а жизнь была в основном мирной и окруженной очарованием.

Минойцы были кавказским народом средиземноморской расы. Их язык неизвестен, но, по-видимому, отличался от более позднего греческого, а потому, вероятно, был неиндоевропейским. Когда их родная держава распалась, какая-то часть, по-видимому, укрылась в Азии и основала филистимские города, которые на некоторое время потеснили племена евреев и дали название Палестине.

Родственная культура проявляется в руинах сменявших друг друга городов Трои, на островах Эгейского моря и в материковой Греции, где ее называют микенской, по имени цитадели и города, приписываемого Агамемнону. Эгейское, пожалуй, наименее вероятное название для этой более крупной культуры, наиболее ярким представителем которой долгое время был критский минойский народ. [В таблице приведены](#) основные взаимосвязи.

	EGYPT	CRETE	GREECE	ASIA
			Dipylon Pottery	First Assyrian Empire
		Geometric Ornament Iron	Geometric Ornament Iron	Philistines
1250	Iron Dynasty XIX, 1350 Amenhotep IV, 1375	LATE MINOAN III Destruction of Palaces	LATE MYCENÆAN	Troy, Cities VI, VII
	Thutmose III, 1501 Dynasty XVIII, 1580	LATE MINOAN II	Palaces Domed Tombs MIDDLE MYCENÆAN	Hittites Hebrews enter Palestine Iron Mitanni
1600		LATE MINOAN I	EARLY MYCENÆAN	
	Hyksos, 1675 Dynasty XII ends, 1788	New Palaces Linear Script Naturalistic Art MIDDLE MINOAN III First Palaces MIDDLE MINOAN II Polychrome Pottery MIDDLE MINOAN I		Kassites Horse
2000	Dynasty XII, 2000			
		EARLY MINOAN III Hieroglyphic Writing Potter's Wheel		Hammurabi Babylon founded
	Dynasty VI	EARLY MINOAN II EARLY MINOAN I Painted Pot- tery		Potter's Wheel Cyclopean Walls Troy, City II Bronze
	Pyramids Dynasties III-V, 2900	Bronze	Bronze	Sargon of Akkad Troy, City I (copper)
3000				
	Low-tin Bronze Dynasties I-II, 3400	No Stone Structures Incised Pottery	Stone Struc- tures Painted Pot- tery	Sumerian Cities Bronze
	Copper	NEOLITHIC	NEOLITHIC	

В тринадцатом веке греки, в то время грубый, выносливый и поначалу немореходный народ, пробивались на юг и разрушали или уничтожали эгейскую цивилизацию. Культура потеряла свой расцвет, жизнь стала тяжелой, кругозор сузился. Искусство превратилось в грубый

геометрический орнамент, формы стали по-детски неумелыми, сношения с Востоком сократились до минимума, а когда торговля и иностранные стимулы возродились, они поначалу оказались в руках финикийцев. Настоящая история Греции начинается только в седьмом веке, и в основном только в шестом можно проследить зачатки той характерной эллинской философии, литературы и искусства, которые появились после персидских войн в начале пятого века. Однако полтысячи с лишним лет темных веков между эгейской и классической греческой цивилизацией не привели к полному прерыванию. Грек достаточно часто поражал микенцев или минойцев. Чаше, пожалуй, он селился рядом с ним, возможно, угнетал его, но учился у него. Он подавлял эгейскую культуру, но питал ею свою собственную. Гомеровские поэмы, созданные на греческом языке в этот период регрессии, изображают цивилизацию, по сути, эгейскую; вместе с ними, должно быть, передавалось и множество других культурных традиций.

Во всяком случае, когда греческая культура возродилась, она была наполнена восточными элементами и влияниями, но, возможно, еще более насыщена эгейскими. Игры, неброская архитектура, открытая городская жизнь, свобода искусства, политическая специфика, особая напряженность и чувство изящества - все это расцвело на греческой земле раньше. Их колорит - не азиатский и не египетский, какого бы периода они ни были. Перед нами еще один пример прочности привязки культурных качеств к почве; способность, одновременно поглощающая и сопротивляющаяся, которая в течение тысяч лет, как бы ни распространялись изобретения и ни циркулировали элементы культуры, сумела сохранить Китай таким, что его можно с полным правом назвать китайским, Индию - индийской, Египет - египетским, Северо-Запад и Юго-Запад Америки - Северо-Западным и Юго-Западным соответственно; в какой-то степени даже Европа, так долго культурно зависимая от Востока, всегда оставалась европейской.

250. Европа

С Грецией мы вступили в сферу того, что принято считать историей. Для остальной Европы доисторическая археология и ее записи о неграмотных народах настолько близко подходят к истории в обычном смысле слова, что прослеживание перехода сразу же приводит к документальному исследованию. В этой ранней исторической области многое представляет антропологический интерес, а за ней скрывается еще больше того, что представляет особый интерес: откуда взялись круглоголовые народы, которые начали появляться в Европе в эпоху неолита; были ли такие народы, как лигурийцы, сицилийцы, скифы, индоевропейцами или нет, и какой ветви; где сформировался белокурый нордический тип и говорил ли он изначально на диалектах германской группы; кто построил Стоунхендж и другие мегалитические памятники Западной Европы; где находилась первая родина индоевропейцев. Но такие проблемы сложны, и обычно на них можно ответить, если вообще можно, на основе случайных указаний, разбросанных среди массы литературных и исторических данных, которые подвластны только специалисту, чьи основные интересы направлены в другую сторону. Там, где эти документальные свидетельства не работают, проблемы становятся умозрительными. У нас нет четких сведений о каком-либо индоевропейском народе в Европе или за ее пределами до второго тысячелетия до н. э. Когда они появляются в истории, они уже дифференцированы на привычные основные группы. Скандинавы бронзового века, скорее всего, были индоевропейцами и, возможно, германской ветвью; для неолита идентификация была бы просто предположением. Латенская железная культура характерно кельтская, культура периода Халльштадта и области менее определены иллирийская и кельтская. В конце концов, такие рассуждения касаются речи, или расы, которая может быть связана с любой культурой. В настоящее

время нас интересует прежде всего последняя, поэтому будет выгоднее отказаться от этих вопросов и обратиться к регионам, отдаленным от тех, в которых окцидентальная цивилизация приняла свою современную форму.

251. Китай

Китай, далекий от Европы и известный внешнему миру совсем недавно, обладает цивилизацией, настолько отличающейся от нашей по множеству аспектов, что мысль о связи между культурами поначалу кажется неразумной. На ум приходят рис, пагоды, связанные ноги, очереди, шелк, чай, поклонение предкам, странная, рубленая, певучая речь и письменность с еще более странными иероглифами. Однако китайцы уже давно имеют цивилизацию, во многих своих составляющих идентичную нашей: например, гражданское правительство, поэзия в ободках, живопись, брюки, пшеница и ячмень, наши общие домашние животные, бронза и железо. Поскольку большинство этих элементов культуры отсутствуют в Африке и Океании, а также в родной Америке, нет никаких причин, по которым их можно было бы ожидать в Китае. Их повторение в Китае и на Западе в результате независимых причин было бы удивительным. Очевидно, что многие, если не все из этой группы общих черт представляют собой абсорбцию в цивилизации Китая или диффузию из нее на Запад, подобно тому, как большая часть ранней европейской цивилизации была импортирована из более близкого Востока.

Таким образом, в более широкой перспективе истории культуры Китай больше не стоит в стороне. Корни его цивилизации во многом те же, что и у нашей собственной. В этом свете понимание китайской цивилизации включает в себя два этапа. Первый - отслеживание элементов, пришедших с Запада или привнесенных им. Второй - осознание того, как они были переработаны и объединены с элементами местного происхождения и таким образом получили свой специфически китайский оттенок.

Подлинные исторические записи о Китае насчитывают всего три тысячи лет, и его археология малоизвестна. После начала правления династии Чжоу, около 1100 года до н. э., или, точнее, после того момента, когда этой династии было около трех столетий, в 827 году до н. э., китайцы обладают лишь легендарной историей, в которой незначительные нити фактов переплетаются с вымышленными или сказочными составляющими. Кроме того, китайцы долгое время были действительно более развиты, чем их соседи, чем весь их мир, в результате чего они с трудом могли избавиться от убеждения в собственном превосходстве и самодостаточности, а также от веры в то, что они придумали почти все в своей собственной культуре. Это предположение привело к тому, что местные историки добросовестно устанавливали даты изобретений, которые на самом деле были сделаны за пределами Китая.

Итак, начиная с девятого века до нашей эры, мы видим китайцев оседлым и многочисленным народом в нижней долине великой Желтой реки, в том, что сейчас является северо-восточной частью "Восемнадцати провинций" или собственно Китая, примерно от Си-ань-фу до Пекина. Возможно, они пришли из Средней Азии или еще дальше на запад в результате национальной миграции, как иногда предполагают: ничто не указывает на то, что это так, и многое говорит о том, что они жили на своих местах или рядом с ними задолго до этого. Трудно представить, что китайцы могли уйти из Центральной Азии, не оставив после себя часть своего населения и не оставив заметных следов своей культуры среди своих бывших соседей. Об этом нет никаких свидетельств. Чтобы один из самых развитых народов своего времени полностью и без потерь удалил себя и свою цивилизацию, не было бы аналогов в истории, и это действительно немыслимо, как только мы переходим от смутной идеи к конкретным деталям процесса.

Тем не менее, китайцы, какими мы их знаем, имели основные зерновые культуры и прирученных животных, металлы, плуг и колесо современной Восточной Азии и Европы. Хотя вряд ли можно представить, что этот огромный комплекс культурных черт не был обусловлен связями с западом, есть все шансы, что эти связи были того рода, которые так часто прослеживались на предыдущих страницах: распространение без сопровождения популяционных дрейфов или, по крайней мере, в основном независимо от них. Если вспомнить, что в Западном Туркестане еще в неолите жили люди, выращивавшие зерно и занимавшиеся животноводством, а в Сибири определенно представлен бронзовый период,^[36] такая передача не покажется неправдоподобной. Не стоит забывать и о том, что на протяжении всего исторического периода в Центральной Азии существовали земледельческое население, города, торговцы и искусные ремесленники, и некоторые из этих свидетельств более высокой культуры необходимо лишь перенести на несколько тысяч лет назад, чтобы завершить звено культурной цепи между Китаем и Западом. Мы склонны не замечать этого факта, потому что именно мимолетные вторжения гуннов и монголов в основном накладывают свой отпечаток как на западную, так и на китайскую историю. Всякий раз, когда кочевники переставали бурлить, они исчезали из поля зрения историков. Очевидно, что они не могли постоянно кочевать, воевать, жечь и убивать друг друга. Более оседлая жизнь дома, которую они вели большую часть времени и в которой они всегда были склонны перенимать религию, письменность и искусство Востока, Индии и Китая, - это та фаза их существования, которую чаще всего упускают из виду, но которая, с точки зрения истории цивилизации, гораздо важнее, чем их мимолетные завоевания. В этой основополагающей фазе они были связующим звеном между Ближним и Дальним Востоком.

В этой связи интересно, что, насколько можно датировать или положительно проследить более поздние передачи между Китаем и Западом, они происходили в основном по длинному сухопутному пути через Центральную Азию. Первая торговля между Римской империей и Китаем времен династии Хань была сухопутной, как и введение буддизма и хлопка из Индии. В каждом случае морское сообщение появилось позже. Вряд ли до магометанских времен океанская торговля между Китаем и западом приобрела важное значение.

С другой стороны, у китайцев и других восточных азиатов всегда отсутствовали и до сих пор отсутствуют некоторые аспекты кластера "зерно - скот - лошадь - колесо - металлы", который является очень древним и практически универсальным в Европе, на Ближнем Востоке и даже в Центральной Азии. Они не используют молоко и его продукты, шерсть и хлебную закваску. Было высказано предположение, что кластер был передан в Китай до того, как к нему добавились эти черты; а когда они, наконец, достигли Китая, то обнаружили, что его жители уже достаточно укоренились в культуре, содержащей заменители этих черт, и поэтому оказались невосприимчивы к ним.

Примечательно, что и сегодня в северном Китае, в пределах которого находился древнейший известный Китай, по-прежнему выращивают пшеницу, ячмень и просо, разводят крупный рогатый скот, лошадей, овец, коз и свиней, как это делали жители швейцарских озер; в то время как в южном Китае типичными зерновыми и животными являются рис и буйвол, как в Индо-Китае и Малайзии. Очевидно, что здесь существуют две принципиально разные экономические системы, характерные соответственно для Европы, Западной и Северной Азии и Юго-Восточной Азии и развивающиеся в основном независимо друг от друга. Первый цивилизованный Китай периода Чжоу, породивший Конфуция как своего литературного нормировщика и с тех пор формировавший китайские традиции и

институты, принадлежал к великому северному и западному циклу; фактически он был его самым восточным форпостом.

В связи с этим возникает вопрос, не могла ли китайская письменность также возникнуть из западного источника, в частности из шумерской клинописи, которую она поверхностно напоминает своими линейными, неизобразительными штрихами и смешанным идеографо-фонетическим методом. Связь действительно утверждалась, но никаких удовлетворительных доказательств конкретных соответствий не приводилось. Самое большее, что можно утверждать, - это то, что отдаленная связь мыслима; связь, не выходящая за рамки ограниченного числа иероглифов, идеи или метода письма. Самые ранние китайские иероглифы, сохранившиеся на бронзе, почти на две тысячи лет моложе древнейших надписей системы, развившейся в классическую клинопись. Обе системы, когда они впервые дошли до нас, уже достаточно кристаллизировались. Этапы их становления, на которых их связь могла бы быть наиболее очевидной, остаются неясными. Хорошо помнить, что клинопись и египетская иероглифика, которые были практически одновременны и гораздо ближе друг к другу географически, до сих пор не были приведены в конкретную связь в отношении их происхождения.

252. Рост и распространение китайской цивилизации

Китай эпохи Чжоу сначала охватывал большую часть Шэньси и Хонань, южную Шаньси и Чихли, а также западную Шаньтун. Он был феодальным и практически таким же сепаратистским, как средневековая Германия. Главными функциями верховного короля были совершение жертвоприношений, наставление королей и принцев и управление своим небольшим династическим доменом. Единство заключалось не столько в эффективной организации, сколько в идее, в ощущении общности расы и особенно общей цивилизации. Эта идея сохранилась до наших дней. Именно привязанность к культуре Китая, к ее глубоким корням, ее постоянству, ее человечности всегда заставляла китайцев чувствовать себя китайцами; фактически рано или поздно они превращали в китайцев все чуждые элементы, будь то назойливые завоеватели или примитивные народности, которые оказывались в пределах королевства. Таким образом, общие обычаи и идеалы уже объединяли дюжину или более крупных государств Чжоу и сотни зависимых территорий; а хронические внутренние войны не помешали этой эпохе стать веком Конфуция, Лаоцзы, Менция и других великих мудрецов, которые с VI по IV века сформулировали типичный китайский характер и мировоззрение.

Во второй половине периода Чжоу началось постепенное сокращение числа феодальных государств, в результате чего более крупные поглощали более мелкие. К середине третьего века два из них стали преобладающими: Ц'ин на западе, с центром в долине Вэй, и Ч'у на юге, вдоль среднего течения Янцзы. Оба были пограничными государствами, менее культурными и выносливыми, чем другие, и считались варварскими или только наполовину китайскими. Цинь, возможно, включал в себя некоторые хуннские вкрапления; Чжу, скорее всего, представлял собой правление китайской династии над туземным населением, чья первоначальная принадлежность могла быть либо к современным несинитским анамьям, либо к шанско-сиамской группе, либо к какой-то более близкой ветви синитской семьи, но которая постепенно усваивала культуру и речь северного старого Китая. Наконец, в 223 году до н. э. Чжу пал перед Цинь, и в течение двух лет распались остальные государства на северо-востоке. Впервые Китай, почти от нынешней границы до юга Янцзы, оказался под властью одного активного правителя, Ши Хван-ти, "первого императора". Его династия распалась почти сразу после его смерти, но на смену ей пришла знаменитая линия Хань, при которой в течение двух веков до и двух после Рождества Христова Китай расширялся,

укреплялся и процветал. Границы империи были раздвинуты, по крайней мере, по имени, практически до их нынешних пределов; и хотя политический контроль часто был незначительным, культурное влияние быстро распространялось к югу от Янцзы, подобно тому, как в то же время романизировалась Галлия. Даже выживание полунезависимых варварских групп то тут, то там на юге и западе имеет свою параллель в сохранении кельтской речи во французской Бретани. К седьмому-девятому векам после Рождества Христова, когда империя вновь расцвела при династии Тан, можно считать, что вся южная часть Китая была в значительной степени ассимилирована. Даже южное побережье, которое было последним интегрированным районом и которое сохраняет сегодня наибольшую диалектическую дифференциацию и автономные тенденции, стало частью китайской государственности и цивилизации. В результате, когда в тринадцатом веке монголы, а в семнадцатом - маньчжуры завоевали империю, они совершили не более чем свержение одной династии другой. Развитие китайской культуры продолжалось без изменений, как и в предыдущие исторические периоды, когда половина территории империи временно переходила под власть кочевников или варваров с севера.

В значительной степени культурное преобладание Китая над соседями объясняется его более многочисленным населением, которое, в свою очередь, отчасти было обусловлено культурным прогрессом. Китайцы были первой нацией, которая вела достаточно надежную систему переписей населения. В первые полтора века после Рождества Христова, при Ханьцах, десять переписей показали от 29 до 83 миллионов жителей, в среднем 63 миллиона, или примерно столько же, сколько составляло население Римской империи в период ее расцвета; несколько больше, чем в Европе на момент открытия Америки. Тысячу лет спустя, между 1021 и 1580 годами, восемь переписей дали от 43 до 100 миллионов, в среднем 62 миллиона. При маньчжурах население постепенно выросло со 125 миллионов в 1736 году до 380 в 1881 году. Сегодня северная половина Китая примерно в два раза густонаселеннее южной, а восточная превосходит западную в том же соотношении. Такая высокая плотность населения на северо-востоке отражает тот факт, что древний Китай был северо-востоком. Об этом же свидетельствует и тот факт, что со времен Чжоу до монгольского завоевания 1268 года императорские столицы находились в основном в Шэньси или Хонане, ядре старого царства.

Многие составляющие современной китайской цивилизации, а также ее характерный колорит присутствовали в ней с самого начала исторического периода. Это использование конопли и шелка в качестве типичных текстильных материалов; нефрит как драгоценный камень нации; огромный, пожизненный моральный авторитет родителей и связанное с ним поклонение предкам; необычное уважение и вознаграждение за обучение; исповедуемое презрение к войне и эмоциональной активности; отвращение к мифологическим и метафизическим, научным или любым другим спекуляциям, и в сочетании с этим неослабевающий интерес к практической этике, к воспитанию характера, к более тонкому формированию отношений между людьми. Эти и другие тенденции придают китайской цивилизации нечто устойчиво идиоматическое, качество последовательной оригинальности. Если бы эта цивилизация была менее великой, о Китае и странах, находящихся под его влиянием, можно было бы говорить как о том, что среди варварских и диких народов мы называем культурной областью. В самой широкой перспективе они таковыми и являются. Китай, Индия, Запад - который, конечно, включает в себя Ближний Восток и Европу - являются тремя великими очагами цивилизации в восточном полушарии. Их культуры намного превзошли культуры промежуточных и периферийных стран. Вплоть до последних столетий все три цивилизации шли своим чередом, добиваясь примерно одинаковых успехов. И, обмениваясь элементами с доисторических времен, каждый из них

превратил заимствованное и придуманное в единый и самобытный дизайн, наложив на него печать оригинальных узоров. Короче говоря, развитие культуры в Китае, Индии и на Западе происходило совместно.

Разумеется, такое различие трех великих регионов цивилизации Старого Света не означает, что диффузия элементов культуры между ними когда-либо прекращалась. Именно форма, а не содержание цивилизации свойственны трем регионам. Из Индии, например, Китай заимствовал буддизм, который был принят при Ханьцах и ревностно культивировался в последующие века. Вслед за религией пришел хлопок - сначала как редкий и ценный текстиль, затем для выращивания. В исторический период Запад подарил стекло и, возможно, импульс к китайскому "изобретению" - фарфору, глазурованной сквозной керамике. В последние столетия Запад выступил в роли передатчика некоторых элементов американского происхождения, например, табака и кукурузы, которая быстро стала важным пищевым растением в некоторых частях Китая. Имели место даже случаи реимпорта. Считается, что порох использовался для фейерверков в Китае в пятом веке, для войны - в двенадцатом, но его использование для приведения в движение ракет из огнестрельного оружия объясняется введением алтайскими народами в пятнадцатом веке. Начиная с четвертого века до нашей эры, в китайских источниках неоднократно упоминается магнитная игла и "колесницы, указывающие на юг" - по-видимому, устройство, похожее на компас, которое использовалось на суше, хотя, возможно, только в качестве механической игрушки. Затем игла стала применяться в геомантических целях, пока арабские или другие иностранные моряки не взяли ее на вооружение в качестве настоящего компаса мореплавателя, а в одиннадцатом или двенадцатом веке вновь представили ее китайцам в качестве инструмента навигации.

Цивилизация в Китае также не была настолько застойной, как может показаться стороннему наблюдателю, который в первую очередь осознает ее стойкий туземный колорит. Старая военная колесница, например, вышла из употребления примерно одновременно в Китае и на Западе. Печать с гравированных блоков вошла в моду в шестом веке после Рождества Христова, с подвижных глиняных шрифтов - при династиях между Тангами и Монголами, с металлических шрифтов - не намного позже, с тех пор как в пятнадцатом веке это искусство появилось у подражающих корейцев. Система классификации многочисленных иероглифов была изобретена до Тангов; современная система их группировки по 214 радикалам - при Минах. Настоящие энциклопедии впервые были составлены в XIV веке - на четыреста лет раньше, чем на Западе. Система присуждения должностей на основе литературных экзаменов зародилась при ханьцах и стала организованной при тангах. Самая ранняя поэзия, появившаяся три тысячи лет назад, была ободковой и состояла из четырех или пяти односложных слов в строке. В эпоху Танга строка расширилась до семи слов, а еще позже зародился особый ритм чередования тонов - система, в которой каждое второе слово было четным, а остальные - между любыми другими тонами. Изготовление бумаги, как утверждают, восходит к ханьцам, а бумажные деньги впервые были выпущены - катастрофически, как и некоторые из первых западных попыток, - при монголах. Эти и десятки других примеров, которые можно было бы привести, как и история Древнего Египта, показывают, что даже те культуры постоянно движутся, к которым так и тянет применить клеймо "консервативные" или "привязанные к традициям".

253. Лолосы

В горах южного и западного Китая проживает несколько варварских, полунезависимых народов с самобытным укладом и речью, которые сохраняют свой национальный или племенной статус. При первом контакте кажется, что они дают представление о докитайской

культуре этого региона, но изучение показывает, что их обычаи представляют собой смесь примитивных и развитых, древних и недавних элементов. Примером могут служить лолосы из провинции Чечуань. Они едят мясо из своих стад, не употребляют молока, но носят шерстяную одежду. Они не выращивают ни хлопок, ни рис. Они выращивают овес, гречиху, кукурузу и картофель. Два из этих растений имеют северо- или западноазиатское происхождение, остальные - американское. Используются плуги. Дома строят из плетеного бамбука, а плащи - из пальмового волокна. Гончарных изделий не делают, но железо для оружия и инструментов обрабатывают местные кузнецы. Лолосы воинственны. Они сражаются, как малайцы, копьем и мечом. Они организованы "феодално", на дворян и простолюдинов, с главами племен или лордами. Они женятся на двоюродных сестрах. Религия напоминает религию более отсталых индо-китайских и малайских народов. Жрецы-колдуны лечат болезни; приносят в жертву животных ради их крови, плоть которых съедают; приносят также перебродивший ликер; предсказывают будущее, наблюдая за частями принесенных в жертву животных - трещинами, которые образуются на нагретых лопатках (§ 97). Существует местная система письма, которая, похоже, восходит к китайским стимулам, если не источникам. Очевидно, что в этой культуре соединились очень древние элементы, характерные для юго-восточной Азии, с элементами, пришедшими из отдаленных источников или в течение последних столетий. Также очевидно, что некоторые компоненты китайской культуры были свободно восприняты, а другие отвергнуты этим горным народом.

Такие культуры, как культура лоло, можно назвать внутренне маргинальными или периферийными. Они отличаются от внешне маргинальных культур, таких как бушмены, австралийцы, фуэгийцы, тем, что последние, в силу своей географической удаленности, сохранили свой древний уровень в относительной чистоте. Включенные маргинальные культуры, напротив, будучи вынужденными подвергаться последующим влияниям, регулярно представляют собой смесь поздних и недавних ингредиентов, независимо от того, насколько хорошо они интегрированы.

254. Корея

Корея неоднократно находилась под политической властью Китая, чаще автономно, но в течение трех тысяч лет была зависима от Китая в культурном отношении. До нее дошли и не китайские влияния: например, алфавит индийского происхождения (§ 149); и, вероятно, самая ранняя железная промышленность пришла из алтайских источников. В свою очередь, полуостров передал Японии: примерно до тысячи лет назад китайская письменность и культура попадали в Японию в основном через Корею. Распространение китайской цивилизации было, вероятно, в основном обычным, медленным, диффузным, но несколько раз ускорялось за счет поселения в Корее групп китайских беженцев, колонистов или искателей приключений, например, в эпоху Чжоу и Хань. Центр власти и цивилизации в Корее постепенно перемещался на юг, что говорит об ослаблении первоначальных центральноазиатских связей по мере усиления китайских. Первым царством, которое было определено, стало Фую на реке Сунгари. Затем последовал Кокорай или Корай, откуда и пошло название Корея. В века, непосредственно предшествовавшие и последовавшие за Рождеством Христовым, на первое место вышли Синра, а затем Хиакай, расположенный дальше на юге полуострова. К началу этого периода в Корее появилась не только письменность, но и классические книги Китая. С XIV века конфуцианство стало государственной религией - хотя задолго до этого народ стал буддистом - и в моду вошли литературные экзамены на должности по китайскому образцу.

255. Япония

Япония - единственная страна восточной Азии, о которой имеются значительные данные по доисторической эпохе. Здесь действительно нет неопровержимых свидетельств существования какой-либо палеолитической культуры или расы, но раковинные кучи и курганы в изобилии, и они были исследованы. Отложения раковин, которых было найдено 4 000, вероятно, представляют собой скопление отходов жизнедеятельности айнов, первых известных жителей Японии, которые в настоящее время сохранились только на крайнем севере островной цепи и в Сахалине, и все еще являются примитивным народом. Эта раса отличается от японской и часто классифицируется как европеоидная (§ 27). Отложения раковин показывают, что аборигены были рыболовами и охотниками, не имея ни сельского хозяйства, ни домашних животных. У них были лук, собака, инкрустированная керамика ручной работы и каменные топоры, и, таким образом, они находились примерно на ранней стадии неолита.

Несколько сомнительный бронзовый век слабо представлен в южной Японии. Его приписывают вторжению примерно в седьмом веке до нашей эры, но, возможно, это лишь ранняя фаза железного века. Железо было завезено в не установленное точно время, но, вероятно, около четвертого века до нашей эры, так называемым народом ямато - очевидно, предками современных японцев, - которые, похоже, пришли из Кореи и, во всяком случае, сначала заняли южные острова. Затем они пробивались на север, отвоевывая территории за счет аборигенов, но медленно. Пятнадцать веков назад северная треть главного острова все еще находилась во владении айнов. Эти первые японцы возвели мегалитические палаты или коридоры в качестве гробниц для своих князей, засыпав их земляными курганами. Известно более 3 000 таких сооружений. Ранние императоры были похоронены в двойных курганах, некоторые из которых имели огромную площадь. С пятого по седьмой век корейское влияние было сильным; китайская письменность и классика были импортированы из этой страны. В дальнейшем отношения между двумя странами были более прерывистыми, возможно, из-за растущей консолидации и силы Японии, начиная с восьмого века.

Культурный долг Японии перед Китаем велик, но меньше, чем у Кореи. Японцы добавили к китайской письменности 47 чисто фонетических слоговых иероглифов для обозначения собственных имен, грамматических форм и тому подобного. Этих знаков хватило бы для создания простой, эффективной и чисто местной письменности, но они остались лишь дополнением к идеографической китайской системе (§ 105). Мандарин и экзаменационная система Китая так и не были переняты японцами, которые придерживались своих феодальных обычаев более чем на две тысячи лет позже, чем Китай. Китайский культ предков и официальная конфуцианская религия также не утвердились в Японии: государственным культом стал синто, кристаллизация примитивного набора обрядов и мифологии, которая имеет параллели в Западной Европе, Ост-Индии и Океании, и даже в Северной Америке, а не в Китае.

Предполагается, что в расе и культуре японцев присутствуют ранние малайзийские черты, но это вопрос, требующий дополнительных доказательств. Японская речь не проясняет происхождение нации, язык, как и корейский, не может быть определен как родственник какому-либо другому. С другой стороны, физический тип, и это также относится к Корее, близок к китайскому.

256. Центральная и Северная Азия

Стало привычным рассматривать центральную и северную Азию как улей для человечества, как территорию, из которой хронически роились народы и расы. Всякий раз, когда происхождение того или иного народа остается неясным, будь то неандертальцы, альпийцы, шумеры, китайцы, японцы, арийцы или кто-либо еще, кто-то выдвигает удобную гипотезу о происхождении их из этой обширной внутренней земли, что во многих случаях равносильно объяснению полуизвестного неизвестным. В последнее время появилась мода приписывать экспансию климатическому иссушению Центральной Азии, которое вытеснило население. По-видимому, есть много свидетельств такого постепенного иссушения; но его степень, а также степень влияния на культуру и эмиграцию еще предстоит выяснить.

Более взвешенный взгляд признает повторяемость и периодическую разрушительность вторжений из Центральной Азии, но рассматривает их скорее как преходящие и относительно поверхностные явления с точки зрения цивилизации; с другой стороны, он признает, что при всем кипении племен и народов рост и распространение культуры неуклонно продолжались, даже в тех районах, которые принято ассоциировать только с вечным размножением неуловимых и опустошительных кочевников. Одним словом, следует остерегаться естественной переоценки сенсационных, катаклизмических аспектов истории народов Внутренней Азии. Эгоцентричные нации Запада, Индии и Китая были озабочены в первую очередь именно их спазматическими вторжениями. Их попытки достичь стабильности, их приращение мировой культуры, их роль мирных передатчиков лежали дома, в значительной степени вне поля зрения народов, сгруппированных вокруг очагов цивилизации.

Можно добавить, что искушение чужака ворваться силой в очаги богатства и великолепия, как только ослабевает бдительность, присуще не только урало-алтайцам, а постоянно присутствует в истории. Амориты, евреи, арабы, эфиопы, ливийцы, греки, кельты, немцы, индусы и малайцы - все они в то или иное время играли эту роль. Семиты, хамиты и арийцы ничем не отличаются в этом отношении от урало-алтайцев, за исключением того, что за короткий промежуток времени, условно называемый историей, первые чаще оказывались в выигрыше, а центральные азиаты - в проигрыше. Кроме того, разрушительный эффект миграций кочевников, даже если они сопровождаются массовым оседанием населения, везде преходящ, пока цивилизация. Еврейские и эллинские, арабские и германские племена разрушали города и империи, но они разрушали только то, что уже было неживым, и приносили новые системы мышления, новые методы чувств и организации, которые, как бы ни были грубы поначалу, вскоре добавляли новые качества к культуре. Главное отличие северных азиатов заключается в том, что, за исключением некоторых ужасающих массовых убийств, они были как менее подрывными, так и менее конструктивными в культурном отношении, чем семиты и индоевропейцы. Они почти не затронули цивилизацию Запада, как и цивилизацию Индии и Китая. Если Россия и отстала по сравнению с Западной Европой, то не потому, что несколько столетий находилась под властью татар, а потому, что долгое время была периферией средиземноморского очага цивилизации и потому хронически запаздывала. Именно тонкость ее культуры привела к тому, что средневековая Русь поддалась монгольской волне, которая тщетно билась о более консолидированную цивилизацию Центральной Европы и быстро схлынула.

Определить точный вклад североазиатов в развитие цивилизации довольно сложно: отчасти из-за сравнительной скудости имеющихся археологических и исторических данных; отчасти потому, что их ареал обитания не содержал ни одного из величайших очагов цивилизации, в которых выработались бы ее наиболее характерные формы. Эта территория всегда была

относительно, хотя и не чрезвычайно периферийной. Лошадь, действительно, можно считать одним из важных даров урало-алтайских народов или их предшественников общей цивилизации. Только в Центральной Азии можно встретить дикую лошадь - не прирученную породу, которая одичала; и, похоже, именно с севера вскоре после 2000 года до н. э. животное было завезено в Месопотамию и Индию. Биологические соображения также указывают на внутреннюю Азию как на наиболее вероятную область первого одомашнивания некоторых из ранних основных животных культуры, особенно овец и коз. Сравнительно развитая культура Анау в Туркестане в эпоху неолита и ранней бронзы также имеет большое значение, несмотря на то, что это место находится лишь в пределах огромной страны степей и плоскогорий. Некоторые из нефритов и нефритоподобных камней, использовавшихся для изготовления орудий труда и украшений в швейцарских озерных жилищах, по-видимому, происходят из внутреннего Туркестана. Вероятность того, что народы Центральной Азии были передатчиками металлов, скота, зерна и других важных групп элементов культуры с Ближнего на Дальний Восток, уже упоминалась, как и налаженная торговля между Китаем и средиземноморским миром в римские времена (§ 251). Действительно, сам характер страны и культурные условия, которые способствовали значительной степени, хотя и не абсолютному преобладанию, кочевничества во внутренней Азии, по-видимому, также способствовали, во многие периоды, более широкому распространению торговли, чем в других местах. Наконец, похоже, что турки и монголы, по крайней мере, приложили руку к раннему использованию пороха для огнестрельного оружия; и, как уже упоминалось, первые государственные бумажные деньги, китайские, были выпущены монгольской династией. Вряд ли стоит спешить предсказывать, что интенсивное изучение народов Внутренней Азии по доисторическим и историческим источникам, без спекулятивной предвзятости и погружения во мнения, окажется одним из наиболее освещающих вкладов в историю всеобщей цивилизации.

Первоначальное единство урало-алтайцев - с тюрками, монголами и тунгусо-маньчжурами как алтайской или определенно азиатской группой, финно-уграми как уральскими или евразийскими, и самодийцами как специфически арктическими представителями - принимается на лингвистических основаниях почти всеми авторитетами в этой области. Тем не менее, карьера нескольких подразделений была различной. Финно-угры в основном были мирными: финны - определенно на протяжении двух тысяч лет: венгерские мадьяры были исключительными, когда тысячу лет назад терроризировали центральную Европу. Оба эти народа уже давно стали неотъемлемой частью европейской культуры. Они - единственные урало-алтайские народы с таким опытом. Остальные финно-угры на протяжении нескольких столетий все больше погружались в русскую цивилизацию, так же как на Дальнем Востоке маньчжуро-тунгусы постепенно все больше и больше попадали под китайское или, в последнее время, русское культурное влияние. Что касается взаимоотношений между тюрками и монголами, то величайшее завоевание, совершенное Дженгиз-ханом и его преемниками, принадлежит последним; но тюрки были более многочисленным, стабильным и развитым народом. Они не только часто селились, но и вторгались, и, как уже говорилось (§ 245), являются единственным известным народом, который когда-либо серьезно и надолго посягал на территории, некогда принадлежавшие индоевропейцам, - в Малой Азии и Прикаспийском регионе. Позднейшие так называемые монгольские завоевания, завоевания Тамерлана и индийских моголов, были совершены армиями, состоящими в основном из тюрков, принадлежащих к династиям, восходящим к бывшим монгольским вождям. При соприкосновении с мировыми религиями тюрки в целом склонились к магометанству, монголы - к буддизму, хотя христианство в его несторианской форме в свое время сделало значительное число новообращенных среди тех и других.

Несколько важных исторических народов пока не могут быть с уверенностью отнесены к той или иной урало-алтайской группе или классифицируются по-разному: так, гунны, скорее всего, были тюрками; белые гунны или эфталиты; авары; древние болгары.

В северной и восточной Сибири, помимо самодийцев, проживает ряд неурало-алтайских народов, действительно периферийных и отсталых в культуре, которые, по-видимому, когда-то занимали большие территории, но сократились или были частично поглощены до урало-алтайской экспансии. К ним относятся племена, иногда объединяемые в группу енисейцев; юагиры; камчадалы-коряки-чукчи; несколько эскимосов, которые либо не смогли пересечь пролив Беринга, либо пришли через него из Америки; и, возможно, айны Японии и Сахалина. Их называют палеоазиатскими народами, хотя разнообразие их языков делает сомнительной общность их происхождения. Сомнительно и то, насколько они могут считаться приверженцами сходной культуры, кроме как в прямой зависимости от экстремального климата. Их жестко маргинальное положение и лишенное всякого смысла окружение накладывают на их культуру печать преобладания негативных черт. Владение одомашненным северным оленем характерно для некоторых из этих народов, а также для тунгусов и финно-угорских саамов севера России и Скандинавии. Оленеводство среди этих групп, по-видимому, обусловлено передачей, в смысле рефлекса контакта, подражания скотоводству или коневодству более благоприятно расположенных на юге народов. Интересно и, вероятно, показательное, что американские эскимосы так и не одомашнили северного оленя, хотя во многом зависели от его охоты.

В расовом отношении массив народов Северной и Центральной Азии варьируется от ярко выраженного европеоидного до крайнего монголоидного типа. Монголы дали название всему своему большому расовому фонду, а тунгусо-маньчжурские и северо-восточные сибирские дикари явно являются его частью. Турки в большинстве своем скорее европеоиды, хотя все интерградации происходят в зависимости от региона; так же и среди финно-угров. Современные венгры - не только кавказцы, но и альпийцы; финны - несомненные нордики; саамы - странная частичная прививка нордических черт к широкому лицу и широкой голове монгольского телосложения.

257. Индия

Индия - это не страна, а соединенный блок земель, отгороженный от остального мира высокими горами и имеющий население, примерно равное европейскому и китайскому. Ее 300 000 000 жителей составляют почти пятую часть человечества. С исторической точки зрения Индия представляет собой такой же полноценный континент, как и Африка. В культурном отношении она должна быть приравнена к окцидентальной или средиземноморской зоне и к Китаю как один из трех великих и в значительной степени взаимосвязанных очагов, в которых развивалась цивилизация в восточном полушарии.

В расовом отношении народы Индии в основном европеоидные, но представлены и две другие великие народности. Почти повсеместно, но особенно на юге, наблюдается явная примесь темнокожего, широкоскулого, длинноголового типа. Скорее всего, до поглощения он имел австралоидное, а не негритянское родство; его остатки, например веддов на Цейлоне, ируласов и некоторые другие племена Декана, часто объединяют с более восточными народами как представителей первоначальной индо-австралоидной расы (§ 24, 27, 260). Насколько можно реконструировать эту расу, она, по-видимому, была менее негроидной, чем современные австралийцы, то есть имела больше европеоидных черт. Фактически, ее можно назвать протокавказской. В этом свете современный индус[37] представлял бы собой изменчивую смесь двух родственных штаммов -

недифференцированного протокавказского, приближенного к австралийскому и, возможно, имеющего конечные негроидные связи, но не являющегося негроидным; и специализированного кавказского, типичного для Запада; первый наиболее силен на юге, второй почти чист на северо-западе Индии. Эта гипотеза заслуживает одобрения: она согласуется с фактами, что индус, несмотря на свой темный цвет лица, почти повсеместно производит впечатление по сути "белого" человека, и что он значительно отличается от мулатоподобного смешения негра и кавказца.

На севере и востоке Индии начинает проявляться монгольское сходство, что является естественным результатом тысячелетнего контакта двух народов.

Кажется, что пропорции расовой крови в Индии, а также их приблизительное географическое распределение, параллельны пропорциям числа говорящих на языках, принадлежащих к нескольким семьям. Более трех четвертей индусов говорят на индоевропейских диалектах. Большинство остальных - дравиды на юге и колары на востоке центральной части - в тех же регионах, где наиболее заметен индо-австралоидный или прото-кавказский элемент. Вдоль северо-восточного края тибето-бирманская речь слилась с монгольским типом. Однако в то время как расы смешивались, языки оставались разными. Поэтому, как и почти везде, лингвистическая классификация в Индии более четкая, чем расовая. Поэтому неверно делать вывод о чистоте кавказской крови индуса, говорящего на языке, происходящем от санскрита, или, наоборот, заключать, что у всех дравидов широкие носы и черная кожа.

Некоторые считают, что колары обладают древними языковыми родственниками на востоке (§ 50) и, несомненно, культурными родственниками в этом направлении (§ 262). Дравидийская речь не была связана таким образом даже предварительно, и один признак указывает на ее прежнее распространение на запад: язык брахуи в Белуджистане, который, по-видимому, является остатком старого дравидийского ответвления.

Древняя культура Индии изучена недостаточно. Археологические исследования и анализ были недостаточными; тем не менее, они зашли достаточно далеко, чтобы предположить, что доисторическое развитие шло по иным линиям, чем на Западе, так что выводы европейской предыстории не могут быть применены для интерпретации тех знаний, которые есть об Индии. Так, нижняя стадия палеолита хорошо представлена в Индии, но нет ничего, что могло бы показать, была ли она одновременной с европейской. Существует некоторая вероятность того, что он перешел в неолит без промежуточного верхнего палеолита, который так важен в Западной Европе (§ 213). Сомнительно, что в Индии существовал настоящий бронзовый век. Похоже, что дожелезных орудий из чистой меди было найдено больше, чем из оловянной бронзы.

Ранняя коларская культура, по-видимому, в значительной степени сохранилась у современных коларов, которые являются отсталыми горными или лесными племенами, то есть внутренне периферийными по отношению к преобладающей высшей цивилизации. Во всяком случае, их культура напоминает культуру многих менее развитых групп населения на востоке, вплоть до Океании. Эта предположительно древняя и частично сохранившаяся "индо-океаническая" культура рассматривается ниже (§ 262). Что касается ее истории в пределах Индии, то здесь можно сказать почти наверняка: старая культура нигде больше не является чистой, но регулярно впитывает элементы развитой цивилизации, которая ее окружает, и, наоборот, вносит свой вклад в развитие последней. Например, одним из признанных культов Индии является сиваизм, который часто склоняется к кровавости и непристойности и представляет собой странную смесь философского рационализма и

грубого суеверия. Одним из наиболее часто встречающихся атрибутов Сивы является ожерелье из черепов; эта особенность, похоже, восходит к культу черепов, который является типичным компонентом индоокеанской культуры.

Старая дравидийская культура была, вероятно, более развитой, чем коларианская, но ее сложнее реконструировать из-за обширного смешения с культурой, принесенной или развитой индоевропейцами. Дравиды, возможно, потому, что они были более развитыми и многочисленными, смогли принять вторгшуюся культуру и сохранить себя, в то время как колары либо сохранили себя, сопротивляясь цивилизации, либо поглотили ее речь и самобытность. Когда дравиды впервые начинают проникать в историю, незадолго до христианской эры, они уже обладают городами, царствами, торговлей, письменностью и философией. В целом они внесли меньший вклад в индийскую цивилизацию, чем индоевропейцы: ее центр всегда находился на севере, но они уже давно стали ее неотъемлемой частью.

Индоевропейцы впервые известны нам по их религиозным гимнам, Ведам, которые сохранялись как святыня последующими эпохами и являются самыми древними непрерывно передаваемыми документами в истории. Они датируются 2000 или 1500 годами, но не позже 1000 года до н.э., и написаны на санскрите, который довольно близок к авестийскому или древнеперсидскому языку, а эти два языка и их потомки составляют индоиранскую или собственно арийскую ветвь индоевропейского языка. Когда индоевропейский язык в целом обозначается как арийский, это происходит путем расширения термина. Регион Индии, к которому почти полностью относятся Веда, - это бассейн Инда, то есть северо-запад, части, примыкающие к Иранскому нагорью, откуда пришли захватчики или через которые они прошли.

Ведийская культура ариев относилась к позднему бронзовому веку. Независимо от того, была ли бронза на самом деле таковой или медь, она упоминается чаще, чем железо, как у Гомера и в более древних книгах Библии. Зерно, скот, лошади, колесницы и повозки, плуг, шерсть и ткачество, золото, патриархальные вожди и племенное общество, мифология природы, необщинные ритуалы с постоянными, но преимущественно бескровными жертвоприношениями - вот характерные черты этой культуры. Она больше похожа на Европу своего времени, чем на современный Восток. Она не привязана к месту, готова собираться и двигаться, но при этом не является кочевой; наполовину крестьянская, наполовину аристократическая; нецивилизованная полуцивилизация, скорее пионерская, чем захолустная. Здесь нет храмов и письменности, обнесенных стенами городов и царств, районных богов и царских гробниц Египта, Вавилона, Ханаана, минойской Греции. Картина - это картина первых исторических индоевропейцев в других местах, в восточной и центральной Европе; с которыми арии, несомненно, были или поддерживали связь через страны к северу от Черного и Каспийского морей.

Через несколько столетий после написания Вед культура, запечатленная в литературных остатках, претерпевает глубокие изменения. Действие переносится в долину Ганга. Здесь есть города и дворцы, богатство и пышность. Есть цари, жрецы, горожане, крестьяне, отшельники и аскеты. Касты в моде. В ходу хлопок и рис. Много философствования, жизнь представляется сложной и трудной, пессимизм зашкаливает, перерождение души воспринимается как должное, духовность подчеркивается. Понятия, к которым впоследствии вернулась западная наука, - атом и эфир - хорошо знакомы. По сути, постхристианский индуизм был заблокирован в этот дохристианский период. Отсутствуют лишь некоторые элементы, такие как деньги и письменность.

Это изменение по сравнению с ведической эпохой не полностью объяснено, а время, которое обычно отводится на его возникновение, недостаточно. Будда родился в 563 или 557 году до нашей эры. Его религия предполагает идеи, которые являются частью философии санкхьи - во многом самой тонкой философии всей Индии и одной из великих мыслительных систематизаций мира. Ее основатель Капила помещен около 600 г. до н. э., и у него наверняка были предшественники. Касты кажутся вещью развивающейся. Она отсутствует в Ведах, но буддизм уже в какой-то мере является протестом против нее. Трудно втиснуть такой рост в несколько сотен лет. Правда, расцвет Греции был стремительным, но греческая цивилизация выросла из обломков более древней минойской и соприкасалась с культурами Азии. В Индии нет никаких признаков предшествующей высокой цивилизации, и в период между 1000 и 600 годами до н. э. наблюдается большее отсутствие известных иностранных влияний, чем в любой другой период. Проблема должна быть связана с переносом культурного центра на восток. Возможно, вдоль Ганга арии встретили более многочисленное и богатое доарийское население, контакт и смешение с которым спровоцировали инновации. Или, возможно, движение и развитие на востоке началось в то время, когда Веды еще составлялись вдоль Инда, и были проигнорированы ими. Или, возможно, арии на Ганге были первыми пришельцами, которые быстро изменили направление своей будущей цивилизации, но остались неясными для нашего зрения в период, когда создавались Веды, или были сохранены более поздними пришельцами из Пенджаба, в чьих воспоминаниях и субарийской среде их прежняя степная культура оставалась более немодифицированной. Это лишь предположения: они подчеркивают пробел в нашем понимании этой важной главы истории мировой культуры.

258. Индийские касты и религия

Касты - это специфически индийское явление. Нигде больше она не является такой сложной, так систематически вырабатывается и бесконечно подкрепляется ритуалами и табу, так пронизывает поведение и мысли. Ее приписывают конфликту рас, проведению цветовой линии завоевателями, чтобы сохранить чистоту своей родословной и культуры. Если это так, то оно вопиюще провалилось, как показывает физическая антропология современной Индии. Это объяснение явно неадекватно. Касты в определенной степени представляют расу, но они также представляют национальности, племена, общее место жительства, религиозную принадлежность, род занятий, культурный статус. Что бы ни выделяло группу в каком-либо отношении, этого может быть достаточно, чтобы сделать ее кастой в Индии. Если группы расходятся внутри сложившейся касты, они становятся признанными субкастами, возможно, в конце концов, превращаясь в совершенно отдельные касты. Священники, дворяне, клерки, рыбаки, уборщики улиц - это касты; таковы же и парсы; таковы же и горные племена, сохранившие свои примитивные обычаи - дравидийские тоды, например, считаются высшей кастой. Очевидно, что перед нами родовая система, модель организации общества, в которую вписывается любая группа в том виде, в каком она существует на самом деле. Касты - это образ мышления, который индуисты пытались универсализировать.

Теоретически все индийские касты строго эндогамны: межродовые браки недопустимы. Все они обладают внутренним, неизменным достоинством. Таким образом, они автоматически ранжируются. Каждая обладает свойственным ей занятием, образом жизни и обычаями, набором предписанных ритуалов. Чем больше ограничений и запретов наложено на него, тем меньше он расслабляется до комфорта и безразличия, и чем более он духовен, тем выше его ранг. Вследствие этого он также более загрязнен, и поэтому его ограничения тем сильнее. Чем шире промежуток, в который не вступают, не контактируют с низшими кастами, тем выше его чистота. Таким образом, соблюдение касты - это добродетель, помощь религии

и морали; нарушение касты - крайнее неприличие; потомство от межкастовых союзов обязательно ниже обоих родителей, а их потомки, если только они не вступают в брак с себе подобными, еще ниже, в бесконечном ряду нисходящих. Возвысить касту невозможно. Сама попытка возвыситься - это порок, который влечет за собой деградацию, поскольку касты вечны, заложены природой, абсолютны, так что их изменение неизбежно порочит их.

Такова индуистская схема, которая в реальности не выполняется ни в одном пункте. Какой бы извращенной ни казалась эта система людям, воспитанным в других культурах, следует признать, что она обладает полнотой, самосогласованностью и стремлением к сохранению внутренней ценности. Она отличается от основных предпосылок нашей цивилизации тем, что рассматривает ценность как нечто уже существующее и, следовательно, подлежащее сохранению, а не созданию; она пытается вписать жизнь в теоретическую схему; она бесперспективна. Однако все факты свидетельствуют о том, что касты как историческая реальность претерпевали и претерпевают огромные изменения. Очевидно, поэтому каждое поколение игнорирует последние изменения и повторяет свои настойчивые заявления о вечности и неизменности каст. Такова власть шаблонов над умами людей.

Теоретизирование, которым индус занимается в отношении каст, характерно для него во всех культурных проявлениях. Связь, которую можно продумать между одним фактом или действием и другими, отделение, которое можно выделить в систему, представляют для него больший интерес, чем сам факт, чем для народов других цивилизаций. Поэтому в Индии процветала философия, но отечественная история была неадекватной и беспорядочной. Поэтому и абстрактные науки - логика, математика, грамматика - получили раннее первоначальное развитие, равное долгое время и отчасти предшествовавшее тому, которого они достигли на Западе. С другой стороны, астрономические, а тем более физические и биологические науки оставались отсталыми: они были связаны с конкретными объектами. Индусы, похоже, так и не сделали собственного шага к созданию системы письма; но как только семитский алфавит был введен, они изменили, расширили и перестроили его в более логичную схему, более последовательную в фонетическом отношении, чем это сделал любой другой народ (§ 146). Вероятно, не случайно шахматы и наши "арабские" позиционные цифры с символом нуля (§ 109) - изобретения индусов, и только в Индии жрецы из века в век занимали более высокое положение, чем правители.

Естественно, что культура с такими наклонностями должна возвышать разум и душу над телом. Отсюда необычайное развитие аскетизма в индийской религии; ее глубокий пессимизм в отношении жизни на этой земле; ее настойчивость на высшей реальности души, с которой связано всеобщее допущение перерождений; разработка системы неизбежной моральной причинности, называемой *кармой*, вместо схемы механической причинности; тенденции к пантеистическому отождествлению души и Бога или атеистическое отрицание божественности в отличие от души; и тщательно антиматериалистический уклон почти всей индуистской философии. Вполне понятно, что эти качества должны были придать индийской религии более высокую степень духовной интенсивности, которая была оценена народами на севере и востоке, когда им был представлен буддизм, и заставила их принять его.

Однако, как и христианство, буддизм не нашел постоянной поддержки среди людей и в стране своего происхождения. Некоторое время он процветал в Индии, но на него редко смотрели как на нечто большее, чем секта; спустя более тысячи лет он полностью угас, за исключением Цейлона, в тот самый период, когда его влияние на неиндийские народы на севере и востоке усилилось. Его место в Индии заняло разнородное собрание культов, теоретически признающих главенство брахманов, которые в совокупности составляют то,

что известно как индуизм. Индуизм не является религией в том смысле, в каком христианство, магометанство, буддизм являются "религиями". Он не признает ни личного основателя, ни главы, ни учреждения; он склонен скорее исключать иностранцев, чем обращать их; он национальный, а не универсальный. Он принимает и укрепляет существующие институты своей конкретной культуры: например, касты, которые буддизм пытался преодолеть. Поэтому индуизм можно сравнить с древнегреческими и ранними западноазиатскими религиями, состоящими из ряда локально или племенно различных культов, никогда не интегрированных и не полностью гармонизированных, осознанных и терпимых друг к другу, опирающихся на общие предпосылки и сходных по содержанию, везде согласующихся с традицией и обычаями, сопротивляющихся организации в более крупное целое, но связанных в определенное единство через отражение более или менее общей цивилизации.

Индуизм также сопоставим с конфуцианством и синтоизмом, но с некоторым отличием. Они развивались аналогично, но рано стали ассоциироваться с центральным правительством или имперской властью, которой Индия так и не достигла. Постепенно они стали официальными религиями, в качестве которых они и сохранились; такое религиозное благочестие, какое испытывает население Китая и Японии, находит свой выход главным образом в буддизме. Можно сказать, что буддизм потерпел неудачу в Индии потому, что стремился стать мировой религией; потому, что пытался быть международным, а не национальным, охватить все культуры, а не отождествлять себя с одной. Индус, как и еврей, предпочитал оставаться в рамках своей национальности и конкретной цивилизации.

259. Отношения между Индией и внешним миром

Первым культурным влиянием, проникшим в Индию, которое можно проследить в деталях, было влияние ведических ариев с северо-запада. На самом деле, как уже говорилось, об этом импорте известно больше, чем о том, с чем он столкнулся в Индии. В послеведийский период введение семитского алфавита позволяет предположить, что в Индию с запада попали и другие культурные компоненты, о передаче которых не сохранилось прямых свидетельств. Персидские и македонские завоевания распространялись только на самые западные окраины Индии и не имели прямого влияния. Но за последним последовала полуэллинизация юго-западной Азии, включая, например, создание Греко-Бактрийского царства в южном Туркестане и Афганистане, прилегающих к Индии; и в течение нескольких столетий в сердце Индии просачивался поток элементов греческой культуры. Скульптура, архитектура, астрономия, драматургия, чеканка монет получили новый импульс, а в некоторых случаях даже свое начало, из этого источника. В некоторых случаях индусы были не более чем копировщиками эллинистических моделей: Греческие висюльки и складки придавали скульптурным одеяниям, греческие астрономические измерения заимствовались без изменений. Однако с течением веков и уменьшением, а затем и угасанием новых импортов, привнесенные элементы все глубже внедрялись в индийскую цивилизацию, все сильнее модифицировались и обрастали характерными индуистскими стилями, пока их поверхностный вид не стал производить впечатление самостоятельного роста. Переработка семитского алфавита в его индуистские формы может быть воспринята как типичный пример характера и степени этой переделки импорта эллинистической культуры.

Вскоре после 700 г. н. э. началась серия магометанских вторжений и завоеваний - арабских, афганских и монголо-турецких - также с северо-запада, и, конечно, сопровождавшихся новой серией культурных влияний - например, огнестрельным оружием и настоящей аркой, - которые, в свою очередь, подверглись поглощению и частичной трансформации.

Культурный поток между Индией и Средиземноморским миром не был полностью восточным. Хлопок, обычная домашняя птица, возможно, буйвол и рис, возможно, аскетизм, монашеская жизнь и некоторые мистические взгляды, позиционные цифры с нулем, шахматы и некоторые концепции современной филологии были переданы на запад. Восточная Африка подверглась влиянию, в основном, через арабскую морскую торговлю. На севере и северо-востоке, вплоть до Монголии и Японии, Индия раздавала культурный контент и мало что брала взамен. На юго-востоке индийское влияние стало крупнейшим компонентом цивилизации Индо-Китая и Ост-Индийского архипелага, которые с точки зрения их высших достижений могут рассматриваться как культурная зависимость или продолжение Индии.

260. Индо-Китай

Дальняя Индия или Индо-Китай, большой юго-восточный полуостров Азии, несколько уступает Индии и Китаю по площади, менее плотно заселен и содержит население, которое определено монгольского типа, за исключением некоторых разрозненных фрагментов горных племен. На основе речи можно выделить четыре группы. В юго-западном и юго-восточном углах полуострова, на территории бывших королевств Пегу и Камбоджа, проживают мон и кхмеры, безусловно родственные друг другу и, возможно, отдаленно связанные с малайско-полинезийской семьей. На востоке живут анамезы с моносиллабическим, тональным языком, принадлежность которого сомнительна. В нем присутствует китайский элемент, но, возможно, в результате абсорбции, а не изначальной связи. Центр и запад Индо-Китая занимают, соответственно, народы группы т'ай или сиамско-шаньской и тибето-бирманской групп, обе, вероятно, являются побочными ответвлениями китайцев от того, что можно назвать первоначальным синитским фондом (§ 50). Движение населения явно происходило из внутренней Азии на полуостров. Мон-кхмеры расположены как полузатопленные остатки. Бирма на карте свисает с Тибета, как нарост, которым она, вероятно, и является. Семь веков назад империя Т'ай была сосредоточена в Юньнани, на юго-западе Китая. Сиам представляет собой перемещение на юг местопребывания власти Т'ай после монгольского завоевания (рис. 12).

Малайский полуостров является сиамским в своей узкой или шейной части. Головная часть населена тремя расовыми группами. Семанг во внутренних районах - чистые негритосы. Сакаи или сенои, также проживающие в глубине страны, невысокого роста, смуглые, широкоскулые, но волнистоволосые. Они напоминают ряд горных племен, рассеянных от Индии до Ост-Индии: ведда на Цейлоне, ирула и другие племена южной Индии, тоала на Целебесе (§ 27, 257). Возможно, колары или мунда-кол из центральной Индии, мои и другие группы Индо-Китая, жители Никобарских островов и некоторые народности Суматры также должны рассматриваться как частичные представители того же типа. Эта раса, если она таковой является, носит обобщенный характер, имеет некоторые европеоидные и другие негроидные черты, но мало монголоидных сходств. Возможно, ее следует отнести к австралоидной, и она была названа индо-австралоидной. Третья расовая группа полуострова - малайцы, которые, по крайней мере, в значительной части, являются эмигрантами сравнительно недавних веков с Суматры. В культурном отношении Малайский полуостров относится скорее к Ост-Индии, чем к Индо-Китаю.

В Индо-Китае прослеживаются три основных слоя цивилизации. Старая культура туземцев была связана с культурой Ост-Индии и островов за ее пределами - независимо от того, на каком языке они говорили. Даже сегодня отсталые племена обоих регионов, особенно в глубине страны, часто демонстрируют поразительно схожие обычаи: использование ткани

из коры, например, отдельные дома для неженатых мужчин и девушек. Эта культура остается достаточно четко выраженной вплоть до западного Ассама и Коларианской области Индии.

Две другие цивилизации пришли из Индии и Китая. Практически все, что касается высшей культуры в Индо-Китае, восходит непосредственно к этим двум странам. Индийское влияние было более широким и глубоким, чем китайское. Оно принесло буддизм и письменность, а также цветное искусство и архитектуру. Это индийское влияние началось более двух тысяч лет назад, и хотя оно, возможно, несколько ослабло после возвращения Индии от буддизма к брахманизму, оно никогда не прекращалось. Поскольку заметных индийских завоеваний не было, это влияние является прекрасным примером нормального, постепенного типа культурного проникновения. Китайские контакты столь же древние, как и индийские, но в основном ограничиваются территорией, прилегающей к Срединному царству. Аnameцы переняли китайскую систему фамилий, конфуцианство, литературные экзамены и т. п., иногда в большей степени как сознательное стремление, чем на самом деле.

261. Океания

От Малайского полуострова на восток простирается обширный островной регион Океании, который находится в пределах двух тысяч миль от Америки. Австралия заслуживает отдельного упоминания благодаря своим континентальным размерам, изолированности и древней биологической независимости. Собственно Океания делится на пять естественных частей. Это Индонезия или Малайзия[38], или Ост-Индия, где крупные острова разбросаны среди множества мелких; Папуа или Новая Гвинея; и три области относительно небольших, широко разделенных островов, поднимающихся из глубин Тихого океана: Меланезия - прерывистая цепь к юго-востоку от Новой Гвинеи; Микронезия - к северо-востоку; и Полинезия - далеко на востоке. В отношении жителей выделяются два основных факта. Папуа и Меланезия населены чернокожими, океаническими негроидами; в других регионах преобладают смуглые жители монголоидной расы. В лингвистическом плане во всей Океании, кроме Папуа, преобладает один основной язык - малайско-полинезийский, языки которого, насколько известно, не соединяются ни с другими, ни друг с другом. В этих распределениях кроется много нерешенных проблем: как негроиды Океании связаны с негроидами Африки, от которых они так далеки географически, но на которых они так поразительно похожи по типу; как чернокожие меланезийцы стали говорить на диалектах малайско-полинезийского, [39] который в остальном является речью смуглых народов. Более подробными являются такие вопросы, как где и как полинезийцы развили свои несколько абберантные расовые характеристики; каковы могут быть отношения более и менее специфически монголоидного, более широкого и более длинного головного штамма среди ост-индцев; и соединяется ли последний из них в расовом отношении с "индо-австралийцами".

262. Ост-Индия

В культурном отношении Ост-Индия - самый разнообразный из океанических регионов, поскольку на различных островах и в прилегающих районах крупных островов иногда проживает население, в значительной степени окрашенное азиатской цивилизацией, а иногда - племена, чьи обычаи гораздо более аборигенны. Однако в Ост-Индии нет ни одного народа, который бы полностью избежал влияния азиатской культуры: разница всегда в степени, хотя и варьируется от того, что сейчас называют полукцивилизацией, до дикости. Самое глубокое влияние оказала Индия. Оно началось почти две тысячи лет назад и продолжалось более тысячи лет; оно привнесло архитектуру, скульптуру, письменность, монархию, религию, железо, хлопок и множество других элементов высшей культуры. Более

раннее индийское влияние было буддийским, и его центр власти находился на юге Суматры; более позднее было брахманским и достигло своего зенита на Яве. Число иммигрантов было, вероятно, небольшим, но их влияние было огромным. Группа беженцев, младший сын королевского дома со своей свитой, группа авантюристов основывали колонию, иногда покоряя туземцев, иногда мирно присоединяя их к своему руководству, и вскоре процветало маленькое королевство, которое со временем посылало другие ответвления или поглощало своих соперников, пока его имя не вызывало уважение и дань на больших расстояниях за морем. Это была процедура, которую малайцы, получившие магометанство, позже повторили в Ост-Индии, и которая на Азиатском континенте за несколько веков до этого привела к тому, что китайская цивилизация распространилась далеко на север и юг от своих первоначальных границ, а арийская речь и культура по всей Индии. Царства боролись, процветали, приходили в упадок и сменяли друг друга; постоянным аспектом этого процесса было все более глубокое, хотя и неравномерное проникновение в жизнь новых искусств и идей.

Влияние Китая пришло позже и было меньше, чем влияние Индии. В XIII веке суматранские малайцы были обращены в магометанство и начали путь экспансии, который завершился полным завоеванием Явы к 1478 году, распространив свою веру на большую часть территории, и был остановлен только с приходом испанцев, португальцев и голландцев. Магометанство, помимо своего культа и закона, привнесло некоторые новые элементы культуры, такие как огнестрельное оружие; но, возможно, самым важным его эффектом было то, что оно положило конец росту специфически индийского типа влияния в Малайзии.

В основе этих отголосков исторических цивилизаций Азии лежала полупримитивная культура, многие элементы которой были общими для восточных индийцев с индокитайцами и меланезийцами, и которую частично можно проследить от Индии до Полинезии. Эта индоокеанская культура включала в себя сельское хозяйство - рис и сахарный тростник в Малайзии и на материке; домашних животных - буйвола, свинью и птицу, отличных от северной и западной Азии; керамику, одежду из коры, возможно, бронзу, хотя если она и была навязчивой; мужские клубы или спальные дома; неполитическую организацию общества на основе родства и племенной общины; и такие практики, как охота за головами и культ черепов. Использование бамбука и ротанга было главной особенностью, которая, похоже, не позволила каменному веку процветать в Ост-Индии и прилегающих регионах. Бамбук, возможно, способен выполнять больше различных культурных функций, чем любое другое растение. Из него получают отличные дома, плоты, ножи, копья, луки, стрелы, духовые ружья, текстиль, сосуды для приготовления пищи, сосуды и музыкальные инструменты, причем с минимальными затратами труда. Лучше всего он обрабатывается металлическими инструментами, и поэтому, возможно, наиболее полно он был использован народами, слишком отсталыми, чтобы обеспечить себе большие запасы металлов, но способными получить ограниченный запас железа от своих соседей. Тем не менее даже доисторическая культура этого региона, вероятно, широко использовала бамбук.

Эта первобытная культура, конечно, различалась на местах. Она также не была единой по своему происхождению. В ней, безусловно, присутствовали элементы, которые были старше других или возникли в разных частях региона. Например, рис и птица, скорее всего, более поздние, чем культ черепа и использование бамбука. При более тщательном анализе культура может даже распасться на два или более вполне различных пласта. Но, взятая в целом, она, должно быть, когда-то преобладала с фундаментальным сходством от восточной Индии до Тихого океана, поскольку повсюду в этом районе и сегодня есть народы холмов и джунглей, чья культура хотя бы приблизительно соответствует этому типу. Однако следует

помнить, что нигде эта культура не сохранилась в чистоте. В той или иной степени влияние больших азиатских цивилизаций ощущается среди самых отстраненных племен. Например, они смешивают несколько индуистских религиозных концепций со своими ритуалами охоты за головами, или умеют ковать импортное железо, или даже выращивают американскую кукурузу. Везде они в той или иной степени подвергались контакту с культурами последующего уровня. Поэтому характерно, что негритосы, рассеянное распространение которых указывает на то, что они могли быть первыми обитателями Ост-Индии, обладают не специфической негритосской культурой, а дебильной или паразитической малайской.

263. Меланезия и Полинезия

По мере удаления от Ост-Индии в Новую Гвинею и Меланезию массовое воздействие индуистской и магометанской цивилизации заканчивается, и примитивная культура, о которой шла речь, изменяется. Исчезают металлы, рис, буйволы. Остаются выращивание таро и других тропических растений, свиньи и птицы, использование бамбука там, где это позволяет природа, культ черепа или каннибализм. Другие черты, такие как тотемическая и матрилинейная организация общества и подростковые обряды для девочек, проступают, а иногда и тщательно разрабатываются. Насколько эти черты представляют собой вторичное местное развитие или, с другой стороны, пережитки негроидной культурной фазы, предшествующей примитивной культуре Малайзии и Юго-Восточной Азии, неясно. Местное разнообразие обычаев необычайно велико как в Новой Гвинее, так и в Меланезии.

Микронезия и Полинезия представляют собой разные, хотя и близкие проблемы. Полинезийцы, в частности, демонстрируют удивительное единообразие речи и, в целом, культуры, особенно с учетом тысяч миль океана, через которые разбросаны их островные группы. Это единообразие позволяет предположить, что язык и культура стали характерны для ограниченной территории, откуда они распространились по Полинезии после или во время утраты контактов с остальным миром. Но трудно даже приблизительно определить такую область первоначальной характеристики, потому что некоторые стороны полинезийской культуры относительно высоки и несут в себе намеки на Азию, в то время как другие элементы отсутствуют, что было бы ожидаемо, если бы более высокие азиатские влияния когда-либо дошли до предков полинезийцев. Королевская родословная, например, несет полинезийцам мощный подтекст святости, происхождения от богов, не имеющий аналогов ни у одного по-настоящему примитивного народа. Религия и мифология также содержат абстрактную, духовную нагрузку, почти напоминающую буддизм. И все же, кажется, нет ни одной конкретной идеи или имени, которые можно было бы отнести к азиатскому источнику; сильны по сути древние идеи магии и табу - само слово "табу" полинезийское. Есть сооружения и скульптуры из камня, иногда монументальные, но не более чем варварские по качеству. Отсутствие металлов может мало что значить, так как они, возможно, и имелись, но искусство было утрачено в островной среде обитания, часто коралловой. Гончарное дело, лук и стрелы, мужской клубный дом, клановый или муэтнический тип общества также отсутствуют или развиты слабо. С другой стороны, собака, свинья и птица, культурные растения, такие как таро, ткань из коры, каннибализм и человеческие жертвоприношения являются общими с островными регионами на западе.

Различные полинезийцы обладают генеалогиями и часто миграционными традициями, которые при сравнении и подсчете числа поколений, похоже, указывают на две волны миграции, обе в христианскую эпоху, возможно, около пятого и десятого веков соответственно. Однако традиции не могут пролить ясный свет на область происхождения, поскольку они относят ее либо к Хавайки, которая может быть либо Явой, либо мифической землей, либо переkreщиваются туда-сюда между группами островов в Полинезии. Некая

таинственность, которую ощущали первооткрыватели, продолжает придавать происхождению и истории этого народа, и ее усиливает тот факт, что принадлежность к его расовому типу остается неоднозначной.

264. Австралия

Человеческая история Австралии так же оторвана от истории остального мира, как и ее биологическая история. Раса самобытна: ее можно назвать субнегроидной. Языки не связаны ни с какими другими. Культура примитивна и хорошо охарактеризована. Изоляции Австралии способствовал тот факт, что единственный путь к ней, кроме длительного морского путешествия, - путь через Торресов пролив - преграждала Новая Гвинея, район с самой отсталой культурой в Океании. Папуасы не обладали достаточной цивилизацией, чтобы многое передать австралийцам; но они препятствовали проникновению к ним более высоких элементов из Азии.

Австралийцам не хватало не только земледелия и домашних животных, но и гончарных изделий, лука и, по-видимому, гарпуна. Эти недостатки сразу же поставили бы на их культуре клеймо донеолитического типа, если бы не то, что они шлифуют некоторые каменные орудия.

В целом австралийская культура необычайно скудна в промышленном и экономическом плане. Дома, одежда, оружие, лодки, инструменты - все это развито очень скудно: часто отсутствует и всегда грубо. Такая бедность австралийской материальной культуры не может быть объяснена исключительно пустынным характером значительной части континента, поскольку аборигены наиболее благоприятных регионов не были заметно лучше в отношении разнообразия искусств, способствующих комфорту.

Социальная организация гораздо сложнее, чем искусство. Большинство австралийцев делятся на общества, которые часто подразделяются на четыре класса или восемь подклассов, причем все они экзогамны. Частой особенностью является то, что ребенок принадлежит к другому классу, нежели оба его родителя. Что касается сословия, то обычай варьируется в зависимости от того, рождается ли ребенок в материнской или отцовской семье. Часто встречаются и наследственные тотемические группы. Они могут быть подразделениями родовых общин или происходить независимо от них. Несколько племен, главным образом в юго-восточной Австралии, не имеют обществ или классов; некоторые из них не имеют тотемов (рис. 29). Разумеется, схема миеетизации в равной степени предписывает вступать в брак с противоположной миеетизацией и выходить из своей собственной. Распространение этого принципа на классы и подклассы еще больше ограничивает круг лиц, среди которых допустимы браки, подчеркивая тем самым его предписывающий характер. Если человек принадлежит к третьему или другому классу, чем его родители, его жена должна происходить из четвертого или оставшегося класса, а его дети будут принадлежать к первому или второму, в зависимости от того, является ли родство патрилинейным или матрилинейным. Следовательно, у него есть кровные родственники в каждом классе; и наоборот, все члены каждого класса состоят в определенном родстве с каждым человеком в общине, в соответствии с их полом и возрастом. Это означает не только то, что одни родственники находятся в пределах абсолютно запрещенных степеней, но и то, что другие являются предписанными супругами. Это лишь некоторые из бесчисленных разновидностей и вариаций австралийской социальной организации.

Происхождение этих социальных схем вызывает споры. Одни этнологи считают их оригинальным изобретением австралийцев, проявлением их особой примитивности. Другие

считают, что они возникли где-то в регионе между Индией и Меланезией, где часто встречаются аналогичные институты, и были перенесены в Австралию в результате диффузии или миграции. Принадлежность Австралии к индо-меланезийской области тотемов, обществ, одностороннего происхождения и т. д., скорее всего, не является случайностью (§ 110). Более того, наиболее сильное развитие этот тип организации в Австралии получил в целом в северной части, а племена, у которых он проявляется в наименьшей степени или вообще отсутствует, находятся на юге, наиболее удаленном от предполагаемого входа через Новую Гвинею. С другой стороны, некоторые черты этих систем характерны только для Австралии: классы и подклассы, случайное сосуществование, но не взаимосвязь тотемов и обществ, например. Эти вариации, должно быть, возникли среди австралийцев; и это поднимает вопрос о том, могут ли многие другие черты также быть местными. Наиболее вероятный ход событий выглядит так: импорт базовой модели экзогамии, а затем ее распространение с многочисленными новообразованиями в Австралии.

Религиозный статус вписывается в ту же интерпретацию. Церемониальные практики часто бывают обильными и изощренными, но при этом они опираются на такие фундаментально примитивные понятия, как имитационная магия, околдовывание, табу, подростковый возраст и другие кризисные обряды. Все эти понятия, подразумеваемые в ряде обычных действий, могли быть заимствованы в очень ранние времена; на самом деле, в основном, они, скорее всего, восходят к культуре палеолита. На этом фундаменте австралийцы разработали свои локально варьирующиеся надстройки религии, которые часто заметно отличаются по конкретному содержанию и в которые они вложили заметное количество воображения или социальной креативности. Они не развили ничего принципиально "высшего" типа культа из-за своей необычной степени изоляции от всех более важных поздних потоков культуры. Не было значительного импорта ни новых религиозных элементов как таковых, ни материальных факторов, таких как сельское хозяйство, которые могли бы повысить экономический статус, увеличить численность населения,^[40] вынудить к политической организации и в конечном итоге привести к росту принципиально новых религиозных моделей среди самих австралийцев.

Возвращаясь к материальной культуре, можно отметить, что бумеранг вписывается в австралийские обряды и социальную организацию, являясь высокоспециализированной формой принципиально простого и, предположительно, раннего типа, а именно метательной палки или плоской дубины. Метательные палки в форме полумесяца используются в Азии и Америке: они летят быстрее и прямее, чем стержнеобразные или с набалдашником. Только австралийцы добавили изгиб, который придает бумерангу особый полет. Возможно, к эволюции этой особенности их подтолкнуло отсутствие более распространенных видов оружия, таких как луки и стрелы, которые могли бы привлечь их интерес и энергию. В любом случае, открытие качества, придаваемого изгибом, могло быть сделано случайно, например, при деформации орудия, а случайные эксперименты могли привести к усовершенствованию.

Являются ли относительно малозначимые орудия из шлифованного камня в Австралии изобретением, сделанным там, или их следует считать одним из небольшой группы элементов культуры, которые, как и система мозети, могли быть завезены впоследствии в основной фонд австралийской культуры, еще предстоит выяснить. Этот основной фонд, безусловно, древний, и по своему содержанию может рассматриваться как приблизительно эквивалентный палеолитической культуре Европы и, вероятно, связанный с ней ранней диффузией; хотя в конкретных формах, принятых соответствующими типами, эти две

культуры, очевидно, сильно различаются, как и неизбежно в связи с течением времени и протяженностью расстояния между ними.

265. Тасмания

Тасмания расположена по отношению к Австралии, как Австралия по отношению к Азии-Океании. Она представляет собой конечную периферию. Из того немногого, что Австралия получила от остальной части полушария, Тасмания опять же получила лишь часть культуры. Поэтому преобладающее мнение о том, что тасманийцы были самыми примитивными из недавних народов, вероятно, оправдано. У них не было всего того, чего не было у австралийцев; кроме того, у них не было метательных копий, бумерангов, щитов и шлифованных каменных орудий. Они - единственная популяция, среди которой, как кажется, можно с уверенностью утверждать, что культура палеолитического типа сохранилась в неизменном виде до наших дней. У них были обломанные ножи, топоры, скребки и подобные инструменты; деревянные копья и дубины; плоты из коры; хижины из ветра; шнуры и корзины; краски; украшения из кости и других частей животных. К сожалению, тасманийцы насчитывали всего несколько тысяч человек, быстро вымерли при контакте с цивилизацией и вымерли в XIX веке, прежде чем научные исследования их культуры или речи. Поэтому их религия и общество погибли почти безвестно. Их расовый тип сохранился в скелетных материалах и фотографиях. Очевидно, что он отличался от австралийского. Их волосы были шерстяными. Поэтому их иногда причисляют к океаническим неграм, а не к австралийскому подтипу. Вполне вероятно, что они представляют собой первый человеческий штамм, попавший в Австралию, который впоследствии был поглощен или истреблен австралийцами, сохранившись только на заповедном острове Тасмания.

266. Африка

Африка - второй по величине континент, самый компактный и наименее изрезанный, а также, за исключением Австралии, самый засушливый и лишенный крупных горных систем. Единственный значительный лесной массив находится на западе центральной части континента; остальная часть варьируется от парковых зон через степи до пустынь. Население - самое плотное среди всех континентов, считающихся преобладающе нецивилизованными: сто двадцать пять миллионов или более, от десяти до дюжины душ на квадратную милю.

Что касается рас, то важно помнить, что северная треть или половина Африки населена коренными "белыми". В этом вопросе много путаницы. Мы склонны говорить "африканец", когда имеем в виду негра. До недавнего времени слово мавр в североевропейских странах часто означало негр, хотя оно обозначало мавританов, марокканцев, которые являются европеоидами. Действительно, почти по всей ширине Африки существует переходная зона, в которой классификация населения как определенно негритянского или европеоидного произвольна. Но на большей части континента никогда не возникает сомнений в существенном различии расовых групп.

Древнейший каменный век хорошо представлен. В ряде районов были обнаружены орудия труда, в частности, челлинского типа. Являются ли они современными останкам челлинского типа в Европе, нельзя сказать с полной уверенностью, поскольку это, как правило, поверхностные находки. Для Северной Африки хорошо известна верхнепалеолитическая фаза - капсийская, состоящая из трех подпериодов (§ 215). Он был приблизительно современен ауриньякскому, солютрейскому, магдаленскому и, возможно, азильскому

периодам Западной Европы и оказал на них влияние. Сирия и Испания были в значительной степени капсийскими по культуре. Неолит менее четко выражен в Африке как отдельная фаза, а свидетельства отдельного бронзового века, кроме как в Египте, нигде не обнаружены. В Бенине существует бронзовое искусство с литьем в потерянных формах. Его происхождение не определено. Возможно, оно древнее; но, насколько можно судить на сегодняшний день, железо вошло в обиход на большей части Африки раньше бронзы, и его обрабатывают современные племена, не знающие бронзы. Дольмены и другие мегалитические памятники в изобилии встречаются на севере Африки, отсутствуя к югу от Сахары. Некоторые из них являются более поздними, чем аналогичные европейские мегалиты, поскольку с ними были найдены железные конские удила. Из этого краткого обзора видно, что Европа и Африка были тесно связаны в своей доисторической культуре, особенно на ее отдаленных этапах. Две группы ископаемых человеческих останков подтверждают эту связь: Человек Гримальди из Италии был донегроидным по типу, родезийский человек - более или менее неандерталовидным.

Железо выплавляется, обрабатывается и используется по всей Африке, за исключением карликовых племен. Оборудование и техника обычно просты, но эффективны. Кузнецы часто образуют касту, иногда бродячую. В одних племенах их высоко ценят, в других считают волшебниками, почти во всех они занимают особое положение в обществе. Нет другой такой большой и культурно отсталой области, как Африка к югу от магометанского пояса, в которой процветала бы железная промышленность. Поэтому существование этого искусства ставит проблему. Некоторые считают, что его происхождение было местным, что, возможно, даже Египет получил свои знания о железе от негритянских народов. В целом, однако, гораздо более вероятно обратное. За три с лишним тысячи лет, прошедших с тех пор, как железо начали обрабатывать в Египте, этот процесс мог легко передаться по всему континенту. Большой промежуток времени, пройденные расстояния, сравнительная культурная отсталость центральной и южной Африки позволяли, более того, почти диктовали, как простоту, так и специализацию техники.

267. Египетские излучения

Древнеегипетское влияние проникло в Африку гораздо значительнее, чем принято считать. Лишь недавно было положено начало их детальному изучению в Нильском Судане. Для такой интенсивной цивилизации, как египетская, существовать в соседстве с юго-восточными хамитскими племенами и неграми в течение пяти или шести тысяч лет, не излучая в их жизнь бесчисленные элементы культуры, было бы беспрецедентно. В самом деле, династические египтяне использовали такие материалы, как страусиные перья, которые привозились с юга, и изображали негроидные физические типы. Торговля и ассоциации должны были идти в обе стороны. Элементы, наиболее характерные для египетской цивилизации, ее структуры и организации, ни в коем случае не должны были передаваться вместе с элементами, которые передавались. Тот факт, что они не были переданы, кажется, является тем, что задержало широкое признание египетского влияния в негритянской Африке. Общий характер культуры современного центральноафриканского племени и древних египтян так глубоко различается, поэтому ингредиенты диффузной культуры часто появляются у негров в другой форме и всегда в другой обстановке, что, как правило, маскирует их историческую связь. Неспособность некоторых египетских черт просочиться через Африку также легко объяснима. Отсталому населению, разбитому на мелкие общины без особой стабильности, было бы трудно вписать такое искусство, как письмо, в свою схему жизни, более того, оно оказалось бы бесполезным. Поэтому неудивительно, что ни одно из не магометанских племен континента не пишет. Точно так же

и каменная кладка была бы ненужной и, возможно, экономически невыполнимой в преобладающих социальных условиях центральной Африки. С другой стороны, такое явно утилитарное искусство, как обработка железа, могло бы быть быстро освоено, как только оно было бы доведено до простой техники. Точно так же домашнее животное или растение, которое можно приспособить для жизни, будет принято и распространено, в то время как сопутствующая схема политической организации или развитая религиозная система могут не получить даже начального распространения. Именно таким образом некоторые животные азиатского происхождения были распространены в значительной части или почти во всей Африке; например, лошадь, верблюд, овца, птица, из которых, по крайней мере, первые две вошли через ворота Египта.

Это не означает, что все составляющие африканской культуры берут свое начало в Египте; тем более не означает, что цвета или модели африканских культур могут быть получены из этой страны. Как бы ни был велик объем культуры, поглощаемой одним народом у другого, организация, которую она получает, печать, наложенная на нее, обязательно будет более или менее отличительной, потому что привнесенные компоненты встречаются с другими, уже установленными; и особенно потому, что принимающая культура, даже если она низкая, уже имеет свою собственную форму, в которую она бессознательно пытается вписать новое содержание, и в которую, если приток не является внезапным и большим, ей обычно удается вписать импорт на некоторое время. Однако любая специфическая черта культуры, общая для древнего Египта и современных негров, вызывает подозрение в общем происхождении, что обычно - хотя и не всегда - означает египетское или более отдаленное происхождение. Однако разрешить такое подозрение не всегда просто. Многое зависит от степени и непрерывности географического распространения признака, а также от актуальности и специфичности сходства. По этим вопросам необходимая информация часто остается неполной.

Общее отношение Африки в целом к Египту параллельно отношению Западной Европы четырехтысячелетней давности к Востоку. Бронза, зерновые культуры, прирученные животные и многие другие элементы европейской культуры, включая религиозные черты, такие как культ топора, могут быть заимствованы с Ближнего Востока. Но города, монархии, храмы, надписи, астрономия и искусство Востока не проникли в более далекую Европу. Более того, европейская культура бронзового века не была просто восточной цивилизацией с опущенной половиной или тремя четвертями ее содержания. Она имела свою собственную организацию, следовала местным и, по крайней мере, частично оригинальным тенденциям, обладала тем, что можно метафорически назвать органическим единством, не уступающим любой восточной культуре.

268. Влияние других культур

Два других больших культурных влияния уже давно сказываются на Африке. На протяжении всего строго исторического периода ее средиземноморское побережье находилось под властью народов, принадлежащих к западной цивилизации - карфагенян, римлян или арабов. Как и в случае с Египтом, немыслимо, чтобы культуры, насажденные таким образом на севере, не оказали влияния на более отдаленные части континента. На самом деле, влияние арабов, которые проникли дальше всех и являются самыми последними пришельцами, проявляется далеко в Судане. Другое воздействие было направлено на восток, и здесь, как и следовало ожидать, сильно влияние индейцев, в основном принесенное морем через беспокойство арабов. Из этого источника в Восточной Африке появились горбоносый скот, хлопок, ямщик и, возможно, птица. Мадагаскар, хотя и состоит в

основном из негров, имеет малайскую речь и преобладающую малайскую культуру, что является результатом аналогичного морского влияния с востока.

В этом свете многое в африканской культуре, что пока нельзя однозначно отнести к внеафриканскому источнику и что до недавнего времени считалось чисто туземным происхождением, может оказаться заимствованным из Азии или Европы. Могущественные королевства, неоднократно создававшиеся успешными лидерами как среди негров Судана, так и среди негров банту, королевства, охватывающие различные племена и иногда сохраняющиеся под властью одной династии в течение нескольких столетий, могут быть обусловлены египетским или магометанским примером. То же самое можно сказать и о распространенности рабства, которое в Африке и более распространено, и более важно в экономическом плане, чем в любом другом крупном регионе с таким же отсталым культурным уровнем. Возможно, частота полигинии относится к той же категории. Правда, экономическая жизнь негров в целом организована так, что жены представляют собой инвестиции и создают богатство. Этот факт может быть результатом влияния старых экономических тенденций на появившуюся полигинию. Или же форма брака может быть результатом экономической схемы жизни, характерной для Африки. Однако даже в последнем случае можно заподозрить косвенную иноземную причину, поскольку примитивные народы, во всяком случае те, которые, несомненно, находятся вне влияния евразийских цивилизаций, как австралийцы и американцы, в целом не придают большого значения богатству в обществе. Таким образом, африканская точка зрения на экономический успех и, как следствие, африканское отношение к браку могут быть частично обусловлены внеафриканскими стимулами и примерами.

Такой стимул легче доказать для пословиц и загадок, которыми изобилует Африка, поскольку пословицы полностью, а загадки почти полностью отсутствуют в западном полушарии, и, следовательно, не являются исконным и спонтанным выходом человеческого разума, который наше знакомство с ними может склонить нас принять как должное (§ 90).

Тотемические и экзогамические институты негров Африки (§ 110) трудны для понимания. Их распространение, как в целом, так и в различных формах, неравномерно. Клань иногда сосуществует с кастами или профессиональными классами, иногда стремится совпасть с ними. Матрилинейные институты возникают нерегулярно среди преобладающих патрилинейных. В нескольких отдельных районах тотемические и экзогамические группы разведены, даже следуют противоположным линиям происхождения. Крупные блоки народов, разделяющие практически одну и ту же форму организации в Австралии, регулярность региональной и типологической градации форм организации, характерная для Северной Америки, не находят аналогов в Африке. Причина, по-видимому, в том, что австралийская и американская культуры развивались в изоляции и изнутри, без помех; в то время как Африка долгое время подвергалась культурной бомбардировке, которая постоянно смешивала новые черты со старыми, чужеродное с акклиматизированным, а акклиматизированное с коренным. Поэтому туземные культуры не могли следовать относительно ровной последовательности развития по областям или стадиям, которая имела место в Австралии и Америке; влияемые ферменты вызывали культурное бурление, в котором элементы диссоциировали, сочетались, усиливались или исчезали в зависимости от сложных обстоятельств. Возможно, что и другие фазы африканской культуры обязаны своей случайностью при классификации тому же набору причин[41].

269. Бушмены

Две локальные культурные области, как их можно было бы назвать на американской земле, выделяются с достаточной отчетливостью: Бушмены и Западная Африка.

Бушмены, живущие на крайнем юге, в пустыне Калахари, отличаются как по расе (§ 26), так и по речи. В культурном отношении они также выделяются как исключительно примитивный народ, не имеющий земледелия, скота и птицы, а также обработки железа, как негры. Они - опытные охотники, преследуют или выслеживают дичь, пока она не окажется в пределах досягаемости их отравленных костяных или каменных стрел, а женщины выкапывают корни каменными палками для копания. Они живут под скальными укрытиями или на подветренной стороне грубых ветровых заграждений. Подземная вода всасывается через тростник и хранится в скорлупе страусиных яиц. Все это говорит о раннем неолите или даже в значительной степени о палеолите, что вполне согласуется с удаленностью и неблагоприятной экологической обстановкой. Как будто бушмены, живущие на периферии, сохранили до настоящего времени, с небольшими дополнениями, культуру, которая преобладала в Европе десять тысяч лет назад. Конечно, поразительно, что они вырезают и рисуют фигуры животных на скалах и в пещерах с точностью и безудержным натурализмом, напоминающим магдаленское искусство.

Хоттентоты, которые являются соседями бушменов и приближаются к ним по физическому типу, представляя собой смесь бушменской и другой крови, в культурном отношении менее отсталы, имеют скот и железо. В центральной Африке другая карликовая черная раса, пигмеи или негриллы, вероятно, представляет собой народ, некогда имевший первобытный статус. Но на самом деле их культурное состояние скорее паразитическое, чем исконно примитивное, и поэтому они напоминают своих родственников - восточноиндийских негритосов. Они живут среди негритянских племен, признают их королей, обменивают лес и продукты охоты на сельскохозяйственную продукцию и изделия негров и говорят на диалектах их языков. Таким образом, они представляют собой расово акцентированную касту или экономический класс в рамках культуры банту; и хотя они застенчивы и отсталы, нельзя сказать, что они сохранили относительно чистую раннюю культуру, как бушмены.

270. Западноафриканский культурный ареал и его значение

На большей северной части бассейна Конго и вдоль побережья Гвинеи от устья Нигера до Сенегала преобладает четко выраженная западноафриканская культура. Она характеризуется рядом черт, которые в Африке присущи только ей. Эти черты включают в себя выращивание банана, но общее отсутствие проса и крупного рогатого скота; двускатные дома из соломы, другие африканцы строят куполообразные или конические сооружения или глинобитные жилища; одежду из пальмового волокна или коры; прямые самострелы с заостренными концами и окружающими гребнями для крепления петлеобразного шнура из ротанга; щиты из дерева или тростника, вместо которых другие африканцы используют кожаные пряжки, щиты из шкуры или палки для парирования; маски для религиозных целей; резьба по человеческой фигуре; деревянные барабаны с прорезями; ксилофоны и ряд других признаков.

Можно предложить две интерпретации этой последовательной и географически ограниченной ассоциации признаков. Одна из них основана на повторении многих элементов в Индо-Океании и, особенно в Меланезии. Поскольку последняя также является территорией негроидов, можно предположить наличие древней связи. Очевидно, что она должна быть достаточно древней, чтобы предшествовать развитию египетской,

западноазиатской и индийско-восточноафриканской культур. Эти более поздние культуры могли бы быть истолкованы как распространившиеся не так далеко, хотя и уничтожившие предшествующую негроидную культуру в той мере, в какой они распространились. Это объяснение хорошо согласуется с принципом, согласно которому при прочих равных условиях наложенные культурные пласты появляются централизованно, а нижележащие выживают незначительно. Доказательства, однако, должны зависеть от того, действительно ли параллельные черты схожи, составляют ли они достаточно большую часть культуры двух областей и отсутствуют ли они в промежуточном регионе. Такие доказательства, естественно, трудно собрать.

Другая интерпретация менее проницательна. Она рассматривает сходство как, по крайней мере, частично обусловленное средой; и склонна объяснять оставшуюся часть как результат диффузии, действительно ранней, но постепенной и относящейся к отдельным элементам или небольшим группам признаков, а не к объединению признаков, достаточно крупных, чтобы сформировать культуру и двигаться как единый блок. В этой связи важно отметить, что океаническая зона - это зона тропических лесов, а западноафриканская зона - единственный крупный лесной массив на континенте. Отсюда отсутствие скота и зерновых в открытом грунте, использование банана. Отсюда же и возможность изготовления берестяной ткани, и чрезвычайно удобный ротанговый шнур, который, в свою очередь, мог потребовать определенного типа лука, в то время как другие типы, например лук из сухожилий, были бы неудовлетворительны во влажном климате. А резьба по дереву, хотя и не была обусловлена лесом, но, по крайней мере, стала возможной благодаря ему. Короче говоря, диффузия, возможно, и была движущей силой, но, как и условия окружающей среды в двух областях, она уловила и помогла сохранить те элементы, которые были распространены - стабилизировала культуру, когда она была адаптирована к почве, и сделала ее более устойчивой к импорту черт, выработанных в других климатических условиях. Эта интерпретация, во всяком случае, делает меньше допущений, чем ее конкурент, и служит иллюстрацией необходимости учитывать условия окружающей среды при объяснении культуры, даже если основное объяснение происходит в социальных или культурных терминах.

271. Цивилизация, раса и будущее

Культура может быть независимой от расы; возможно, это полностью так. Но культуру должны нести расы того или иного рода; и может быть интересно рассмотреть, показывает ли история культуры определенные расы как наиболее благоприятных носителей или как изначально предназначенных для того, чтобы быть производителями и распространителями цивилизации (§ 44-46).

В целом наибольшая доля производства культуры выпала на долю европеоидов. Искусство верхнего палеолита в Европе, закладка основ современной цивилизации вдоль Нила и Евфрата шесть или семь тысяч лет назад, особые древние эффоресценции, такие как Крит, не говоря уже о большинстве достижений последних двадцати пяти сотен лет, - все это относится к белой расе.

Нельзя недооценивать роль монголоидов. Даже если основа китайской цивилизации окажется в значительной степени западной, ее основная структура - родная, а чужеродные элементы, привнесенные за последние три тысячи лет, были тщательно адаптированы к этой структуре. Тот факт, что производные цивилизации, такие как японская, сумели достичь

высокой степени организации и утонченности, еще больше доказывает жизнеспособность китайской культуры. Далее, восточные индейцы, еще одна монголоидная ветвь, продемонстрировали изрядную способность к ассимиляции. За последние две тысячи лет они, можно сказать, приняли и переварили по крайней мере столько же индуистской и магометанской цивилизации, сколько североевропейцы переняли из средиземноморских источников в период с 1500 г. до н. э. по 500 г. н. э. Наконец, достижения американских монголоидов в Мексике и Перу должны иметь большой вес, поскольку они, похоже, были сделаны в полной изоляции, без стимула контактов или импорта, и на основе не более чем поздней палеолитической или ранней неолитической культуры.

Доля негроидов в более высоких достижениях была невелика. Африка, конечно, лежит в стороне от великой евразийской оси и, подобно южной Индии и Аравии, страдает от того, что представляет собой почти глухой переулочек. Однако центральная Африка находится не дальше от Средиземноморья, чем северная Европа. Восточная Африка открыта для Египта, который шесть, пять и четыре тысячи лет назад представлял собой вершину цивилизации. Однако в негритянской Африке сегодня едва ли больше элементов культуры египетско-вавилонского происхождения, чем в отдаленной Скандинавии к 500 году до н.э., и гораздо меньше, чем в Скандинавии в 1000 году н.э. Трудно поверить, что эта разница объясняется исключительно пустынями, джунглями и тропической жарой.

Есть параллель с неграми Океании. Австралийцев в этой связи можно не принимать во внимание, как из-за изолированности их континента, так и из-за сомнений в том, что их следует считать ветвью негроидного ствола. Но папуасы и меланезийцы, бесспорно, негроиды и гораздо менее подвержены влиянию более высокой культуры, чем соседние ост-индцы. Возможно, только географическая случайность заключается в том, что письменность, железо, царская власть, индуистская и арабская религия проникли на острова Океании до тех пор, пока их населяли коричневые монголоиды, но остановились на пороге негров. Даже коричневые полинезийцы, гораздо более удаленные в центральной части Тихого океана, чем меланезийцы, обладают большим количеством элементов, которые предположительно можно отнести к Азии, - например, их космогония, генеалогия, царская власть.

Конечно, несправедливо утверждать, что от культурных достижений можно перейти к расовым способностям, если только не рассматривать все времена и части света в равной степени, и тогда небезопасно слишком строго интерпретировать доказательства. Но последовательная неспособность негритянской расы воспринять всю или даже основную суть довольно близкой средиземноморской цивилизации или разработать какие-либо заметные субцентры культурной продуктивности, казалось бы, является одним из самых сильных аргументов, которые можно выдвинуть в пользу неполноценности культурного потенциала с их стороны.

Однако слабость корреляции расовых способностей и цивилизации, кроме как в самом общем виде, может быть доказана североевропейцами и североамериканцами, как только будут рассмотрены относительные роли, сыгранные в истории культуры несколькими кавказскими подразделениями. На основании длительного первенства в продуктивности, в создании наибольшей части структуры существующей цивилизации, средиземноморская ветвь кавказской расы должна была бы получить пальму первенства над всеми остальными. К ней принадлежали египтяне, критяне и другие эгейцы, семитская группа в вавилонянах, финикийцы и евреи, большой элемент в населении классической Греции и Италии, а также родоначальники магометанства. Если добавить индусов, которые, вероятно, являются почти родственниками, то темные белые явно лидируют.

Следующей по величине долей цивилизация обязана альпийско-арменоидной широкоплечей кавказской ветви. В нее могли входить шумеры, если они не были средиземноморскими, хетты и другие народы Западной Азии, Греции и Италии.

По сравнению с ними нордическая ветвь выглядит незначительной. До тысячи лет назад нордические народы действительно внесли в культуру брожение и беспокойство, но едва ли хоть один новый элемент культуры, и уж тем более не один новый элемент, имеющий значение и постоянство. В течение многих веков после этого центр европейской цивилизации оставался в средиземноморской Италии или альпийской Франции. Только после 1500 года нашей эры можно утверждать о смещении этого центра к северным народам. Фактически, большая часть национального и культурного превосходства нордических народов, насколько оно реально, приходится на последние двести лет. В противовес этому средиземноморцы и альпийцы лидируют в цивилизационном творчестве на протяжении как минимум шести тысяч лет.

Поэтому очевидно, что любые опасения по поводу остановки и упадка человеческого прогресса, если какая-то раса потеряет плодovitость или будет поглощена другими, беспочвенны. Подобные тревоги можно отнести на счет эгоцентрического воображения. Они напоминают сожаления отдельного человека о потере, которую понесет мир, когда он умрет; на самом деле он боится собственной смерти. Когда мы ослабляем власть таких узких и по сути личных эмоций и позволяем нашему разуму охватить весь труд и постепенные достижения человечества, независимо от тысячелетия или континента, результатом становится невозмутимое спокойствие в отношении незначительного и временного преобладания той или иной расовой принадлежности и стабильности или будущего культуры. Способствовать этой большей терпимости и душевному равновесию - одна из функций антропологии.

ССЫЛКИ

[1] Этнографию иногда отделяют от этнологии, как более описательной, и от этнологии, как более теоретически настроенной.

[2] Место или "станцию" Гримальди не следует путать с расой Гримальди, упомянутой ниже. В гротах Гримальди найдены два скелета расы Гримальди и большее количество кроманьонцев. Таким образом, раса Гримальди действительно не является наиболее репрезентативной для местности Гримальди; но поскольку она еще не была обнаружена в других местах, похоже, нет другого выбора, кроме как называть ее этим именем.

[3] Утверждается, что индивиды кроманьонского типа все еще встречаются на юге Франции и считаются отдельным элементом в населении некоторых районов; но кроманьонская раса как таковая исчезла.

[4] Обычная номенклатура для цефалического индекса основана на круглых числах: широкие или круглоголовые или брахицефалические выше 80; среднеголовые или мезоцефалические между 75 и 80; узкоголовые или длинноголовые или долихоцефалические ниже 75. Однако, поскольку средний показатель для человечества находится в районе 79, эта терминология позволяет отнести к брахицефалам гораздо больше людей, чем к долихоцефалам. Группы, о которых часто говорят как о длинноголовых, часто на самом деле являются мезоцефалами по общепринятому определению: например, большая часть европейцев. Это привело бы и к большей точности, и к лучшей сбалансированности границ, если бы три типа формы головы были установлены, как было предложено, на 81 и 77 вместо 80 и 75. - Индекс черепа (строго говоря, черепной индекс) на две единицы меньше, чем индекс, взятый на живой голове.

[5] На живых людях платириновые носы имеют индекс ширины по отношению к длине выше 85, мезориновые - от 70 до 85, лепториновые - ниже 70; скелетно те же три термина обозначают пропорции выше 53, между 48 и 53, и ниже 48.

[6] Распределение рас описывается в том виде, в каком оно существовало до эпохи освоения и колонизации, начавшейся в конце XV века. Хотя в практических целях они были вытеснены европеоидами на большей части Американского континента, в Австралии и Южной Африке, речь идет именно о коренных расах.

[7] Инкорпорация существительных - это скорее этимологический, чем грамматический процесс. В большинстве случаев это результат того, что язык позволяет соединять существительные с глаголами или глаголы с глаголами, чтобы образовать глаголы: "убивать кролика", "бегать" и так далее. Эта конструкция, совершенно естественная и логичная, оказалась настолько чуждой гению индоевропейских языков, что ее выделили как гораздо более заметную и значимую, чем она того заслуживает. Об инкорпорации местоимений речь пойдет ниже (§ 60).

[8] В последнее время некоторые "ростро-каринатные" орудия допалеолитического периода активно обсуждаются британскими археологами, а в последние год-два появились и приверженцы из других стран. Орудия частично относят к плиоцену, то есть позднему третичному периоду, и утверждают, что они сопровождаются очагами. Доказательства, которые предстоит рассмотреть, носят технический характер, и, вероятно, пройдет несколько лет, прежде чем мнения экспертов придут к приемлемому согласию относительно подлинности предметов как артефактов и их возраста.

[9] Кости Крапины (§ 14) некоторые относят к хеллеанскому или ахелеанскому периоду.

[10] Следует отметить, что вторая из этих таблиц является усилением верхней части первой.

[11] Некоторые специалисты признают дошельскую эпоху, не содержащую крупных резцов и связанную со второй межледниковой фауной (§ 69, 214).

[12] Период, известный как азилийский, датируемый примерно 10 000-8 000 годами до н. э., который обычно включают в палеолит, обсуждается в главе XIV в связи с обзором палеолита за пределами Европы и отношений между палеолитом и неолитом.

[13] Конечно, это не означает, что племена за границей не имеют культуры. Они, как правило, находились под влиянием других центров. И в определенной степени каждый народ обладает инициативой и постоянно стремится изобрести или произвести культуру, хотя, возможно, только простого порядка. Только с точки зрения Юго-Запада и его очага Пуэбло, немаргинальные племена обладают нулевой культурой. - Примеры других культурных ступенчатых пирамид см. в § 164, 175, рис. 35.

[14] Это не так. Серия майя выглядит следующим образом: 1 не разобрано, 2 гремучая змея, 3 черепаха, 4 скорпион, 5 королевский гриф, 6 морское чудовище, 7 птица, 8 лягушка (?), 9 олень (?), 10 и 11 не разобрано, 12 смерть, 13 пекари. Сравнение со списком Старого Света показывает, что единственными сходствами являются 8-скорпион и 4-скорпион, а также 1-баран и 9-олень (?).

[15] Грамматики обычно признают большее число, потому что они следуют примеру древних грамматистов и интересуются историей или теорией языка. Но любой человек, дающий чисто эмпирическую картину французского или английского языка, изложил бы ситуацию так, как она изложена здесь.

[16] $12 \times 10 = 120 \div 2$ (наибольший общий коэффициент 10 и 12) = 60.

[17] Или 360 и 7 200 соответственно в календарных обозначениях.

[18] Этот раздел не покажется вам запутанным, если читать его, четко помня о следующих моментах. Племя - это политическая единица, сиб, клан или муити - социальная единица, образующая одно из нескольких подразделений такой политической единицы. В дикой или варварской жизни племя соответствует государству или нации среди нас. Племя - это своего рода расширенная семья. Кровное родство часто бывает в основном фиктивным, но оно считается действительным или рассматривается как таковое, и на нем основывается запрет на брак внутри сиба. Истоком сиба, по-видимому, была семья. Термины "сиб", "клан" и "род" здесь используются как синонимы. Некоторые авторы ограничивают понятие "клан" сибсами с происхождением по женской линии, а "генс" - сибсами с происхождением по мужской линии. Сиб, возможно, является лучшим общим термином, а клан - наиболее употребительным.

[19] Три из четырех, если быть точным; но две восточные области, которые почти соприкасаются и, возможно, довольно тесно связаны в истории, для удобства рассматриваются здесь так, как если бы они были одним целым.

[20] Возможно, нет необходимости отмечать, что обнаруженная здесь связь между различными элементами экзогамического комплекса не противоречит тому, что патрилинейное происхождение в целом является более ранней, а матрилинейное - более поздней фазой, появляющейся в каждом из независимых развитии комплекса. Это также не помешало бы каждому отдельному континентальному развитию пройти свою собственную историю диффузии, как это представлено в § 185.

[21] Кажется весьма сомнительным, что в доколумбовы времена какой-либо американский народ считал семь мистическим числом. Чаще всего в качестве примера приводят зуньи. Но у этих людей в течение двух столетий в их городе действовала христианская миссия; они до сих пор используют в своих ритуалах четыре и шесть гораздо чаще, чем семь; а их соседи хопи и навахо, не получившие миссии, почитают четыре или шесть, но не семь. Другие индейцы, подчеркивающие число семь, жили либо на атлантическом склоне, как, например, делавары и чероки, и поэтому давно контактировали с колонистами; либо на равнинах - в частности, племена сиуанов - и вступали в прямые и косвенные отношения с французами за двести лет до того, как их посетили этнологи. Более того, число, которое племена равнин чаще всего использовали в отношении священных вопросов, было четыре. Таким образом, мистическое значение числа семь может быть связано с европейским влиянием, где бы оно ни появилось в Америке.

[22] За исключением, возможно, фрагментов чаши Баала Ливана.

[23] Эти области рассматриваются далее в следующей главе, особенно в § 174.

[24] Мексика, Центральная Америка, побережье и горные районы Колумбии, Эквадора, Перу и Боливии.

[25] Кукуруза - название растения в Англии, континентальной Европе и Латинской Америке. В Соединенных Штатах в настоящее время используется "кукуруза", сокращенное от индийской кукурузы; но это слово означает зерно или злак в целом.

[26] Утверждается обратное. Чтобы разобраться с этими утверждениями, потребовалось бы изучить множество доказательств. Клановая организация здесь используется в отношении

произвольных, названных, внутриплеменных экзогамических групп, к которым индивид принадлежит неотъемлемо в силу своего рождения, причем его происхождение обязательно учитывается только с одной стороны, а тотемические явления обычно, хотя и не всегда, связаны с этой группой. Разделение общества на группы по признаку кровного родства, совместного проживания, городских кварталов, рода занятий, социального ранга или подчинения вождю не является клановой организацией. Односторонний учет происхождения также не является достаточным критерием. Наши современные фамилии происходят патрилинейно без какой-либо исторической связи между ними и клановой организацией. В целом, утверждения о существовании клановых систем в Средней Америке, по крайней мере, среди развитых народов Мексики и Перу, основаны либо на вольном использовании терминов, либо на предположении, что они должны были существовать во времена открытия, либо на проецировании на исторический период веры в то, что они когда-то существовали. Здесь это убеждение принимается без такой проекции.

[27] Почему Юго-Запад с его солидными городами на тысячу и более жителей, более высоким уровнем развития и близостью к Мексике никогда не должен был развиваться до более крупных политических единиц, не совсем понятно. Возможно, причина в том, что пуэбло были сильно ритуализированной культурой, в которой акцент делался на жреца, а не на правителя или советника. Такое правительство, как у пуэбло, было явно теократическим. Они также не были склонны воевать. Юго-восточная религия была довольно простой по сравнению с этим, важное жречество отсутствовало, а воинственный дух был довольно силен.

[28] Кива или эстуфа на Юго-Западе, церемониальная комната, является частичным исключением. Однако даже она отличается от гостиной того же региона главным образом по назначению. Конструктивно она может быть несколько больше, или круглой, а не прямоугольной, но не сильно отличается от жилых помещений. Функционально она является развитием примитивного "мужского дома", а не храма.

[29] Некоторые эскимосы также следовали солнечному летоисчислению, но, вероятно, в результате необычных астрономических явлений их высоких широт, а не под влиянием культуры.

[30] Тоналаматль не делился на 13 отдельных месячных периодов по 20 дней каждый, а представлял собой систему перестановки 20 имен с 13 числами, дающую повторяющийся цикл из 260 дней, каждый из которых обозначался определенной комбинацией имени и числа. См. § 106.

[31] Годы в этом летоисчислении были несколько короче: 360 дней.

[32] Различие между нижней и верхней половинами палеолита настолько существенно, что некоторые авторы в целях элементарного изложения считают оправданным называть эти половины Старым и Средним каменным веком. Это досадно, потому что "средний" каменный век в научных трудах всегда включается в палеолит, в то время как мезолит или средний каменный век многих археологов охватывает более или менее переходные периоды, такие как азийский и маглемозский (ниже, § 216) между концом палеолита и окончательным или полным неолитом. Тем не менее, достоинством неортодоксальной терминологии является сгущение деталей при широком охвате.

[33] Вот пропорции орудий из кремня к орудиям из кости или рога на нескольких стоянках разного возраста:

Хундштайг, Австрия, ранний ауригнациан	20,000	2
Сиргенштайн, Вюртемберг, ауриньякский период	1,000	редкий
Сиргенштайн, Вюртемберг, ранний солютрейский период	700	10
Предмост, Чехо-Словакия, солютрейский период	25,000	много
Швайцербильд, Швейцария, поздний магдаленский	14,000	1,300
Маглемозе, Дания, азийский	881	294
Обан, Шотландия, азилианский	20	150

[34] Лошадь, по-видимому, сохранилась в диком виде в некоторых частях Европы до неолита, но первые одомашненные формы в бронзовом веке, по-видимому, были завезены из Азии.

[35] Во Франции выделяют четыре или пять периодов: 2500-1900; 1900-1600; 1600-1300; 1300-900 гг. до н. э. Первый из них - это время меди, а не бронзы, причем северная Франция все еще остается неолитической. Если признать пять периодов, то эпоха около 1300 г. до н. э. будет признана отдельным подразделением.

[36] Ареал уральской культуры бронзового века простирается от Днепра на юго-западе России до озера Байкал на широте восточной Монголии, с центром около Минусинска на верхнем Енисее. Она имела конскую амуницию, обилие серпов, что свидетельствует о преимущественно земледельческом населении, и топоры с впадинами, относящиеся к типу, который встречался в Западной Европе между 1400 и 1000 гг. до н. э. Эта бронзовая культура обнаруживает определенное сходство, с одной стороны, с культурой Дунайского региона и, можно добавить, Кавказа; с другой стороны, с древними бронзами Китая.

[37] В Индии "индус" означает любого туземца, придерживающегося высших культов местного происхождения, которые в совокупности составляют "религию", известную как индуизм; в сущности, это жители, не принадлежащие к рабам и не являющиеся магометанами. В местном обиходе индусы и магометане противопоставляются друг другу. В этой книге индус является синонимом индийца, независимо от религии.

[38] Собственно малайцев, чья родина до XII или XIII века находилась на Суматре, следует отличать как особый народ от малайской или ост-индской группы, которую мы называем в их честь, точно так же, как монголы - это народ, который является лишь одним из многих, составляющих монгольскую расу и монголоидную группу.

[39] Несколько языков во внутренних районах крупных меланезийских островов были описаны как не малайско-полинезийские. Если они подтверждают это, то их можно рассматривать как уцелевшие остатки группы языков, которые были первоначальными языками меланезийцев и, вероятно, должны быть отнесены к папуасским языкам. Малайско-полинезийская речь большинства современных меланезийцев в таком случае может рассматриваться как заимствованная в результате контактов с коричневыми народами более высокой культуры. Аналогичная ситуация сложилась на Мадагаскаре, который по расовому составу является преимущественно негроидным, но речь которого является чисто малайской, а культура - в значительной степени малайской.

[40] Население достигло лишь незначительной доли миллиона, возможно, не более 150 000 человек.

[41] В пользу этой интерпретации может свидетельствовать тот факт, что тотемизм и экзогамия в Южной Америке распространены более нерегулярно, и поэтому их историю труднее восстановить, чем в Северной Америке. Зона тропических лесов, в которой

встречаются эти институты в Южной Америке, долгое время подвергалась влиянию более высокой цивилизации Андского региона, так же как Африка подвергалась влиянию Европы и Азии.